This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

STANFORD UNIVERSITY LIBRARY
1969

85070

Карамзин, Н. М.

НЕИЗДАННЫЯ СОЧИНЕНІЯ

и

ПЕРЕПИСКА

НИКОЛАЯ МИХАЙЛОВИЧА

КАРАМЗИНА.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. ТИБЛЕНА И КОМП.
Вас. Остр. 3 лин., № 25.

1862.

Печатать позволяется, съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ, Марта 5 дня 1862 года.

Цензоръ *Лебедевъ*.

PG3314
A6
1862

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Издавая въ свѣтъ оставшіяся послѣ Николая Михайловича Карамзина бумаги и дошедшую до насъ переписку его, можемъ ожидать вопроса: почему они издаются такъ поздно? Отвѣчаемъ: нѣкоторыя бумаги и не могли быть изданы ранѣе по обстоятельствамъ времени, какъ читатели усмотрятъ изъ содержанія ихъ; письма же его находились въ рукахъ наслѣдниковъ тѣхъ лицъ, съ кѣмъ онъ велъ переписку, тогда какъ самъ онъ не имѣлъ обыкновенія сберегать написанныя имъ вчернѣ (кромѣ лишь особыхъ случаевъ): такимъ образомъ почти всѣ напечатанныя здѣсь письма къ Императору Александру I и къ Императрицамъ никогда бы не увидѣли свѣта, еслибы не сохранились въ кабинетахъ сихъ Вѣнценосныхъ Особъ. Прочихъ разнаго рода собственноручныхъ бумагъ Николай Михайловичь оставилъ послѣ себя очень мало. Вообще онъ не любилъ ничего недоконченнаго, и если читатели замѣтятъ что-либо подобное въ нашемъ изданіи, то пусть извинятъ намѣреніе наше сохранить что только можно было для уважающихъ память знаменитаго

Писателя, которымъ бываетъ дорого все набросанное имъ на бумагу въ предположеніи потомъ развить и обработать.

Въ *первой* части нашего изданія мы прежде всего помѣстили бумаги, хранившіяся подъ общею собственноручною его надписью: *для моихъ сыновей, когда они выростутъ*. Далѣе вошла сюда переписка съ Императоромъ Александромъ I, съ Императрицею Елисаветою Алексѣевною, съ Великою Княгинею Екатериною Павловною, нѣчто изъ переписки съ Императоромъ Николаемъ I и съ Графомъ Каподистрія, и всѣ письма Николая Михайловича къ супругѣ въ 1816 году изъ здѣшней столицы, когда онъ привезъ сюда свою Исторію для поднесенія Государю.—Сверхъ того мы напечатали неизданныя произведенія литтературнаго содержанія: Мысли въ саду Павловскомъ, два небольшія стихотворенія, наставленіе сыну, разные отрывки и замѣчанія, и избранныя выписки изъ уцѣлѣвшей, съ 1797 года, записной книжки Автора, которая послѣ пригодилась ему для вписыванія первоначальныхъ мыслей и соображеній во время историческаго труда, окончившаго его литтературное поприще. — Все это заключено бумагами, сочиненными для разныхъ лицъ по дѣламъ частнымъ.

Изъ предполагаемаго же содержанія *второй* части можемъ теперь упомянуть въ особенности о письмахъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны, съ письмами къ ней Исторіографа, какія только удалось намъ отыскать, и о полной коллекціи писемъ его къ Ивану Ивановичу Дмитріеву, содержащей въ себѣ сороколѣтнюю задушевную бесѣду съ современнымъ ему Поэтомъ и другомъ его юности.

Мы старались сохранить правописаніе Карамзина, какое нашли у него, съ тѣми, впрочемъ немногими, измѣненіями, которымъ оно подвергалось въ продолженіе столь долгаго времени. Но считая необходимымъ наблюдать это въ отношеніи къ нему—Писателю имѣвшему рѣшительное вліяніе на успѣхи нашего книжнаго языка и Словесности, мы не принимали на себя такой же обязанности въ отношеніи къ прочимъ лицамъ, которые были съ нимъ въ перепискѣ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

БУМАГИ ДЛЯ МОИХЪ СЫНОВЕЙ, КОГДА ОНИ ВЫРОСТУТЪ.

Стр.

I. Мнѣніе Русскаго гражданина. (1819). . . . . 3.
Для потомства. . . . . 9.
Новое прибавленіе. (1825). 11
II. О Манифестѣ 12 Декабря 1825 года. . . . . 13.
Для свѣдѣнія моихъ сыновей и потомства. . . . . 17.

ПИСЬМА.

I. Переписка съ Императоромъ Александромъ I. (1822—25). . . 23.
II. Переписка съ Императрицею Елисаветою Алексѣевною (1818—26). 37.
III. Переписка съ Великою Княгинею Екатериною Павловною (1810—18). 85.
IV. Письма Императора Николая I и отвѣтъ Карамзина (1826). . . 125.
V. Письмо къ Графу Каподистрія и письмо его къ Е. А. Карамзиной (1825—27). . . . . 131.
VI. Письма Карамзина къ супругѣ (1816 г.). . . . . 139.

МЫСЛИ, СТИХИ И ВЫПИСКИ ЛИТТЕРАТУРНАГО СОДЕРЖАНІЯ.

I. Мысли въ саду Павловскомъ. (1816) . . . . . 185.
II. Лунѣ въ день Ея рожденія 13 Генваря, при врученіи Ей подарка. (1821). . . . . 187.
III. Стихи съ поднесеніемъ выписокъ. . . . . 188.

Стр.
IV. Моему сыну Андрею въ день его рожденія. (1824) . . . . 189.
V. Мысли для Исторіи отечественной войны. . . . . 192.
VI. Мысли объ истинной свободѣ. . . . . 194.
VII. Разныя мысли. . . . . 196.
VIII. Выписки изъ записной книжки 1797 года. . . . . 198.
Изъ приписокъ 1800 годовъ. . . . . 205.
Замѣтки при чтеніи Библіи и другихъ книгъ Церковно-Славянскихъ. . . . . 213.

БУМАГИ, СОЧИНЕННЫЯ ПО ЧАСТНЫМЪ ДѢЛАМЪ.

I. Записка о Новиковѣ. (1818). . . . . 223.
II. Прошенія Государю.
1. Прошеніе отца о помилованіи сына. (1819). . . . . 227.
2. Прошеніе матери осужденнаго на каторжную работу офицера. (1822). . . . . 228.
3. Прошеніе Дворянки, приговоренной къ каторжной работѣ по откупному дѣлу. . . . . 230.
III. Краткая записка дѣлу о земляхъ, состоящихъ Оренбургской Губерніи въ Бузулуцкомъ уѣздѣ и находящихся во владѣніи Капитана Андрея Жданова и родственниковъ его. . . . . 236.

БУМАГИ

ДЛЯ МОИХЪ СЫНОВЕЙ,

КОГДА ОНИ ВЫРОСТУТЪ.

I.

МНѢНІЕ РУССКАГО ГРАЖДАНИНА.

Государь! въ волненіи души моей, любящей Отечество и Васъ, спѣшу, послѣ нашего разговора, излить на бумагу нѣкоторыя мысли, не думая ни о краснорѣчіи, ни о строгомъ логическомъ порядкѣ. Какъ мы говоримъ съ Богомъ и совѣстію, хочу говорить съ Вами.

Вы думаете возстановить Польшу *въ ея цѣлости*, дѣйствуя какъ Христіанинъ, благотворя врагамъ. Государь! Вѣра Христіанская есть тайный союзъ человѣческаго сердца съ Богомъ; есть внутреннее, неизглаголанное, небесное чувство; она выше земли и міра; выше всѣхъ законовъ — физическихъ, гражданскихъ, государственныхъ — но ихъ *не отмѣняетъ*. Солнце течетъ и нынѣ по тѣмъ же законамъ, по коимъ текло до явленія Христа-Спасителя: такъ и гражданскія общества не перемѣнили своихъ коренныхъ уставовъ; все осталось, какъ было на землѣ, и какъ иначе быть не можетъ: только возвысилась душа въ ея сокровенностяхъ, утвердилась въ невидимыхъ

связяхъ съ Божествомъ, съ своимъ вѣчнымъ, истиннымъ Отечествомъ, которое внѣ матеріи, внѣ пространства и времени. Мы сблизились съ Небомъ въ *чувствахъ*, но *дѣйствуемъ* на землѣ, какъ и прежде дѣйствовали. *Нѣсмь отъ міра сего*, сказалъ Христосъ: а граждане и Государства въ семъ мірѣ. Христосъ велитъ любить враговъ: любовь есть *чувство*; но Онъ не запретилъ судьямъ осуждать злодѣевъ, не запретилъ воинамъ оборонять Государства. Вы Христіанинъ, но Вы истребили полки Наполеоновы въ Россіи, какъ Греки-язычники истребляли Персовъ на поляхъ Эллады; Вы исполняли законъ государственный, который не принадлежитъ къ Религіи, но также данъ Богомъ: законъ естественной обороны, необходимый для существованія всѣхъ земныхъ тварей и гражданскихъ обществъ. Какъ Христіанинъ любите своихъ личныхъ враговъ; но Богъ далъ Вамъ Царство и вмѣстѣ съ нимъ обязанность исключительно заниматься благомъ онаго. *Какъ человѣкъ по чувствамъ* души, озаренной свѣтомъ Христіанства, Вы можете быть выше Марка Аврелія, но *какъ Царь* Вы то же, что онъ. Евангеліе молчитъ о Политикѣ; не даетъ новой: или мы, захотѣвъ быть Христіанами-Политиками, впадемъ въ противорѣчія и несообразности. Меня ударятъ въ ланиту: я какъ Христіанинъ долженъ подставить другую. Непріятель сожжетъ нашъ городъ: впустимъ ли его мирно въ другой, чтобы онъ также обратилъ его въ пепелъ? Какъ могъ язычникъ Маркъ Аврелій, такъ можетъ и Христіанинъ Александръ благотворить врагамъ государственнымъ, уже *побѣжденнымъ*, слѣдуя закону человѣколюбія, извѣстнаго и добродѣтельнымъ язычникамъ, но единственно въ такомъ случаѣ, когда сіе благотвореніе не вредно для Отечества. Любите людей,

но еще болѣе любите Россіянъ, ибо они и люди и Ваши подданные, дѣти Вашего сердца. И Поляки теперь слушаются Александра: но Александръ *взялъ* ихъ Русскою силою, а Россіянъ *далъ* Ему Богъ, и съ ними снискалъ Онъ благодѣтельную славу *Освободителя Европы*.

Вы думаете возстановить *древнее* Королевство Польское; но сіе возстановленіе согласно ли съ закономъ государственнаго блага Россіи? согласно ли съ Вашими священными обязанностями, съ Вашею любовію къ Россіи и къ самой справедливости? Во-первыхъ (не говоря о Пруссіи) спрашиваю: Австрія отдастъ ли добровольно Галицію? Можете ли Вы, творецъ *Священнаго Союза*, объявить ей войну, противную не только Христіанству, но и государственной справедливости? ибо Вы Сами признали Галицію законнымъ владѣніемъ Австрійскимъ. Во-вторыхъ можете ли съ мирною совѣстію отнять у насъ Бѣлорусію, Литву, Волынію, Подолію, утвержденную собственность Россіи еще до Вашего царствованія? Не клянутся ли Государи блюсти цѣлость своихъ Державъ? Сіи земли уже были *Россіею*, когда Митрополитъ Платонъ вручалъ Вамъ вѣнецъ Мономаха, Петра и Екатерины, которую Вы Сами назвали *Великою*. Скажутъ ли, что Она беззаконно раздѣлила Польшу? Но Вы поступили бы еще беззаконнѣе, если бы вздумали загладить Ея несправедливость раздѣломъ самой Россіи. Мы взяли Польшу мечемъ: вотъ наше право, коему всѣ Государства обязаны бытіемъ своимъ, ибо всѣ составлены изъ завоеваній. Екатерина отвѣтствуетъ Богу, отвѣтствуетъ Исторіи за свое дѣло; но оно сдѣлано, и для Васъ уже свято: для Васъ Польша есть законное Россійское владѣніе. *Старыхъ крѣпостей* нѣтъ въ По-

литикѣ: иначе мы долженствовали бы возстановить и Казанское, Астраханское Царство, Новогородскую Республику, Великое Княжество Рязанское, и такъ далѣе. Къ тому же и *по старымъ крѣпостямъ* Бѣлорусія, Волынія, Подолія, вмѣстѣ съ Галиціею, были нѣкогда кореннымъ достояніемъ Россіи. Если Вы отдадите ихъ, то у Васъ потребуютъ и Кіева, и Чернигова, и Смоленска: ибо они также долго принадлежали враждебной Литвѣ. Или все, или ничего. Доселѣ нашимъ государственнымъ правиломъ было: *ни пяди, ни врагу, ни другу!* Наполеонъ могъ завоевать Россію; но Вы, хотя и Самодержецъ, не могли договоромъ уступить ему ни одной хижины Русской. Таковъ нашъ характеръ и духъ государственный. Вы, любя законную свободу гражданскую, уподобите ли Россію бездушной, безсловесной собственности? Будете ли самовольно раздроблять ее на части и дарить ими, кого за благо разсудите? Россія, Государь, безмолвна передъ Вами; но если бы возстановилась древняя Польша (чего Боже сохрани!) и произвела нѣкогда Историка достойнаго, искренняго, безпристрастнаго, то онъ, Государь, осудилъ бы Ваше великодушіе, какъ вредное для Вашего истиннаго Отечества, доброй, сильной Россіи. Сей Историкъ сказалъ бы совсѣмъ не то, что могутъ теперь говорить Вамъ Поляки; извиняемъ ихъ, но Васъ бы мы, Русскіе, не извинили, если бы Вы для ихъ рукоплесканія ввергнули насъ въ отчаяніе. Государь, нынѣ славный, великій, любезный! отвѣтствую Вамъ головою за сіе неминуемое дѣйствіе цѣлаго возстановленія Польши. Я слышу Русскихъ, и знаю ихъ: мы лишились бы не только прекрасныхъ областей, но и любви къ Царю; остыли бы душею и къ Отечеству, видя оное игралищемъ самовластнаго про-

извола; ослабѣли бы не только уменьшеніемъ Государства, но и духомъ; унизились бы предъ другими и предъ собою. Не опустѣлъ бы конечно дворецъ; Вы и тогда имѣли бы Министровъ, Генераловъ: но они служили бы не Отечеству, а единственно своимъ личнымъ выгодамъ, какъ наемники, какъ истинные рабы.... А Вы, Государь, гнушаетесь рабствомъ, и хотите дать намъ свободу!

Однимъ словомъ... и Господь Сердцевѣдецъ да замкнетъ смертію уста мои въ сію минуту, если говорю Вамъ не истину... однимъ словомъ, возстановленіе Польши будетъ паденіемъ Россіи, или сыновья наши обагрятъ своею кровію землю Польскую и снова возьмутъ штурмомъ Прагу!

Нѣтъ, Государь, никогда Поляки не будутъ намъ ни искренними братьями, ни вѣрными союзниками. Теперь они слабы и ничтожны: слабые не любятъ сильныхъ, а сильные презираютъ слабыхъ; когда же усилите ихъ, то они захотятъ независимости, и первымъ опытомъ ея будетъ отступленіе отъ Россіи, конечно не въ Ваше царствованіе, но Вы, Государь, смотрите далѣе своего вѣка, и если не безсмертны тѣломъ, то безсмертны славою! Въ дѣлахъ государственныхъ чувство и благодарность безмолвны; а независимость есть главный законъ гражданскихъ обществъ. Литва, Волынія желаютъ Королевства Польскаго, но мы желаемъ единой Имперіи Россійской. Чей голосъ долженъ быть слышнѣе для Вашего сердца? Онѣ, въ случаѣ войны, впрочемъ ни мало не вѣроятной (ибо кому теперь возстать на Россію?) могутъ измѣнить намъ: тогда накажемъ измѣну силою и правомъ: право всегда имѣетъ особенную силу, а бунтъ, какъ беззаконіе, отнимаетъ ее. Поляки, закономъ ут-

вержденные въ достоинствѣ особеннаго, державнаго народа, для насъ опаснѣе Поляковъ-Россіянъ.

Государь! Богъ далъ Вамъ такую славу и такую Державу, что Вамъ безъ неблагодарности, безъ грѣха Христіанскаго и безъ тщеславія, осуждаемаго самою человѣческою Политикою, нельзя хотѣть ничего болѣе, кромѣ того, чтобы утвердить миръ въ Европѣ и благоустройство въ Россіи: первый безкорыстнымъ, великодушнымъ посредничествомъ; второе хорошими законами и еще лучшею управою. Вы уже пріобрѣли имя *Великаго*: пріобрѣтите имя *Отца* нашего! Пусть существуетъ и даже благоденствуетъ Королевство Польское, *какъ оно есть* нынѣ; но да существуетъ, да благоденствуетъ и Россія, *какъ она есть*, и какъ оставлена Вамъ Екатериною!.. Екатерина любила Васъ нѣжно, любила и наше Отечество: Ея тѣнь здѣсь присутствуетъ... умолкаю.

Царское Село,
Окт. 17, 1819.

ДЛЯ ПОТОМСТВА.

NB. Читано Государю въ тотъ же вечеръ. Я пилъ у Него чай въ кабинетѣ, и мы пробыли вмѣстѣ, съ глазу на глазъ, пять часовъ, отъ осьми до часу за полночь. На другой день я у Него обѣдалъ; обѣдалъ еще и въ Петербургѣ... но мы душею разстались, кажется, на вѣки... Потомство! достоинъ ли я былъ имени гражданина Россійскаго? Любилъ ли Отечество? вѣрилъ ли добродѣтели? вѣрилъ ли Богу?.. Я не зналъ нужды по своей бережливости и по милости Божіей, но не имѣлъ достатка, имѣя мночисленное семейство, безъ способовъ воспитывать дѣтей, какъ бы мнѣ хотѣлось. Не хочу описывать всего разговора моего съ Государемъ, но между прочимъ вотъ что я сказалъ Ему по-Французски: Sire, Vous avez beaucoup d'amour-propre.... Je ne crains rien. Nous sommes tous égaux devant Dieu. Ce que je Vous dis, je l'aurais dit à Votre Père... Sire, je méprise les *liberalistes* du jour: je n'aime que la liberté qu'aucun tyran ne peut m'ôter... Je ne Vous demande plus Votre bienveillance; Je Vous parle, peut-être, pour la dernière fois. Но вообще я мало говорилъ и не хотѣлъ говорить. Душа моя остыла...

...Довольно сказаннаго для потомства и для сыновей моихъ, если они будутъ живы и выростутъ. Прибавлю, что я не измѣнилъ скромности: не сказалъ никому ни слова о моемъ разговорѣ съ Александромъ, кромѣ вѣрной жены моей, съ которой я жилъ въ одну мысль, въ одно чувство. С.-Петербургъ, Дек. 29, 1819. Н. Карамзинъ.

NB. Сказалъ еще одному человѣку: Императрицѣ Елисаветѣ. 24 февр. 1821.

НОВОЕ ПРИБАВЛЕНІЕ.

Я ошибся: благоволеніе Александра ко мнѣ не измѣнилось, и въ теченіе шести лѣтъ (отъ 1819 до 1825 года) мы имѣли съ Нимъ нѣсколько подобныхъ бесѣдъ о разныхъ важныхъ предметахъ. Я всегда былъ чистосердеченъ, Онъ всегда терпѣливъ, кротокъ, любезенъ неизъяснимо; не требовалъ моихъ совѣтовъ, однакожь слушалъ ихъ, хотя имъ, большею частію, и не слѣдовалъ, такъ, что нынѣ, вмѣстѣ съ Россіею оплакивая кончину Его, не могу утѣшать себя мыслію о десятилѣтней милости и довѣренности ко мнѣ столь знаменитаго Вѣнценосца: ибо эти милость и довѣренность остались безплодны для любезнаго Отечества. Правда, Россія удержала свои Польскія области; но болѣе счастливыя обстоятельства, нежели мои слезныя убѣжденія спасли Александра отъ дѣла равно бѣдственнаго и несправедливаго: по крайней мѣрѣ такъ сказалъ Онъ мнѣ въ Ноябрѣ 1824 года. Я не безмолвствовалъ о налогахъ въ мирное время, о нелѣпой Г..... системѣ Финансовъ, о грозныхъ военныхъ поселеніяхъ, о странномъ выборѣ нѣкоторыхъ важнѣйшихъ сановниковъ, о Министерствѣ Просвѣще-

нія или затмѣнія, о необходимости уменьшить войско, воюющее только Россію, — о мнимомъ исправленіи дорогъ, столь тягостномъ для народа,—наконецъ о необходимости имѣть твердые законы, гражданскіе и государственные. Въ послѣдней моей бесѣдѣ съ Нимъ, 28 Августа, отъ 8 до 11½ часовъ вечера, я сказалъ Ему какъ пророкъ: Sire, Vos années sont comptées, Vous n'avez plus rien à remettre, et Vous avez encore tant de choses à faire pour que la fin de Votre règne soit digne de son beau commencement. Движеніемъ головы и милою улыбкою Онъ изъявилъ согласіе; прибавилъ и словами, что непремѣнно все сдѣлаетъ: дастъ коренные законы Россіи. Если не я, то другіе увидятъ скоро, для чего Богъ незапно отнялъ Александра у Россіи! Мнѣ хочется болѣе плакать, нежели писать объ Немъ. Я любилъ Его искренно и нѣжно, иногда негодовалъ, досадовалъ на Монарха и все любилъ человѣка, красу человѣчества своимъ великодушіемъ, милосердіемъ, незлобіемъ рѣдкимъ. Не боюсь встрѣтиться съ Нимъ на томъ свѣтѣ, о которомъ мы такъ часто говорили, оба не ужасаясь смерти, оба вѣря Богу и добродѣтели.

С. Петербургъ,
18 Дек. 1825.

II.

О МАНИФЕСТѢ

12 ДЕКАБРЯ 1825 ГОДА.

Копія съ оригинала, писаннаго рукою Императора Николая Павловича (*).

«Когда получено было 27-го числа минувшаго Ноября горестное извѣстіе о кончинѣ блаженной и вѣчной славы достойной памяти Госуд. Имп. Александра 1-го, первое стремленіе сердца моего было принесть присягу въ вѣрности старшему брату моему, Госуд. Цесаревичу и В. К. Конст. Павл., какъ законному по первородству Наслѣднику Престола Государства Рос., буде другаго покойнымъ Императоромъ не назначено, и объявлено не было. Испол-

---

(*) Эта копія, тогда же списанная для себя Н. М. Карамзинымъ, помѣщается здѣсь въ томъ самомъ видѣ, какъ была найдена въ его бумагахъ.

нивъ *первый* такимъ образомъ священный долгъ вѣрноподданнаго, извѣстился я отъ Государствен. Совѣта, что находится въ архивѣ онаго пакетъ, на имя Предсѣдателя отъ покойнаго Императора присланный, съ собственноручною надъ онымъ надписью: *хранить до собственнаго Е. И. В., (покойн. Импер.) востребованія, или въ случаѣ кончины Его И. В., прежде всякаго дѣйствія въ чрезвычайномъ собраніи Совѣта вскрыть*, и что сіе послѣднее повелѣніе Государствен. Совѣтомъ исполнено, и найдено, что пакетъ сей включалъ: 1) Письмо Гос. Цесарев. и В. К. К. П. къ покойному Императору, въ коемъ торжественно проситъ Его И. Величества согласія на свободное уступленіе въ пользу мою и потомства моего права наслѣдія Престола Всероссійскаго, Его Высочеству Цесаревичу принадлежащаго по праву первородства; 2) и въ послѣдствіе сего Манифестъ покойнаго же Императора Александра Iго отъ 16 Авг. 1823 года, по желанію Его Высочества Цесаревича, торжественно меня назначающій Наслѣдникомъ Всероссійскаго Престола и проч.

«По объявленіи мнѣ о томъ я остался однакожь вѣренъ присягѣ старшему моему брату, непоколебимъ въ рѣшеніи своемъ и настоялъ, чтобъ все Государство послѣдовало примѣру моему, *не въ ослушаніе священной для вѣрноподданныхъ воли покойнаго Государя*, общаго нашего отца и благодѣтеля, но дабы нелицемѣрнымъ исполненіемъ долга своего предъ законнымъ Наслѣдникомъ Престола, по Манифесту блаженной памяти Родителя нашего Имп. Павла Iго, утвержденному 15 Сент. 1801 года, и потому по коренному закону наслѣдія Всероссійскаго Престола, *утвердить навсегда законный порядокъ наслѣдія:* что лично Государы-

нею Императрицею, любезнѣйшею Родительницею нашею, удостоено благословенія.

«Но Его Имп. Высочество Цесаревичь и В. К. К. П., свято сохранившій слово свое,.. торжественно имъ данное и утвержденное покойнымъ Императоромъ Александромъ въ 16 день Августа 1823 года, тотчасъ по полученіи имъ 25 Ноября горестнаго извѣстія о кончинѣ покойнаго Государя Императора, тогда же въ письмѣ привезенномъ любезнѣйшимъ братомъ нашимъ В. К-мъ Мих. П-мъ къ любезнѣйшей Родительницѣ нашей Г-нѣ И-цѣ М. Ѳ., со включеніемъ копіи съ грамоты Е. И. Величества А-ра I къ Его Высоч. Цесаревичу въ отвѣтъ на Его письмо, подтвердилъ вторично торжественное отреченіе, въ нашу и потомства нашего пользу, отъ наслѣдія Престола Всероссійскаго и проч., а въ грамотѣ на наше имя признаетъ насъ Императоромъ и Самодержцемъ Всероссійскимъ и проч., и себѣ предоставляетъ *прежній титулъ Цесаревича* и *называетъ себя намъ вѣрноподданнѣйшимъ*.

«Но и тогда остановились мы объявить о сей непоколебимой волѣ Е. И. Высочества, доколѣ не получимъ отвѣта на принесенную присягу нами и всѣмъ Государствомъ.

«Нынѣ дошла до насъ и на сіе торжественная неколебимая воля Е. И. Высоч. Цесаревича, которой повинуясь съ покорностію *и объявляя о томъ всенародно*, прилагаемъ при семъ: 1) Грамоту Е. И. Выс. Цесаревича къ Е. И. Величеству, покойному Им. Александру I; 2) отвѣтъ на оную Е. И. Величества и 3) Манифестъ Его же Им. Величества, Наслѣдникомъ насъ назначающій, а равно письмо Е. И. Высочества Цесаревича къ любезнѣйшей Роди-

тельницѣ нашей, Г-ѣ И-ѣ М. Ѳ., и грамоту на наше имя, которою Мы отъ Его Высоч. Цесаревича, удостоены были, и наконецъ объявляемъ: что мы по законному нашему нынѣ праву на наслѣдіе, по волѣ Божіей, любезнѣйшаго брата нашего Цесаревича, В. К. К. П. и по силѣ Манифеста блаженной памяти Госуд. Имп. Александра I вступили на Престолъ Всероссійскій 19. Ноября 1825 года, и повелѣваемъ въ подданствѣ намъ и законному, по праву наслѣдія, Наслѣднику нашему Е. И. Высочеству, Государю В-му К-ю Александру Николаевичу, любезнѣйшему нашему сыну, учинить присягу.

«Да будетъ царствованіе наше царствованіемъ законовъ и правосудія; да наставитъ насъ Всемогущій Творецъ слѣдовать по священнымъ стопамъ Предмѣстника Нашего, вѣчной славы и благодарности достойнаго Госуд. Имп. Александра I, и да дастъ намъ силы сносить бремя правленія съ твердостію и упованіемъ на Его благодать. Клянемся сохранить всѣ коренные законы Государства нашего и ненарушимость границъ Государства, и да будетъ залогомъ благихъ намѣреній нашихъ нынѣ оказанное нами почтеніе къ первому отечественному коренному закону, обезпечивающему и на будущія времена ненарушимость законнаго наслѣдія Престола Государства Рос-го: въ чемъ да поможетъ намъ Всемогущій и Всемилосердый Богъ!»

ДЛЯ СВѢДѢНІЯ

МОИХЪ СЫНОВЕЙ И ПОТОМСТВА.

Безъ моего исканія удостоенный довѣренности, я предлагалъ нынѣшнему Императору, Николаю Павловичу, начать Манифестъ о восшествіи Его на Престолъ такъ:

«Въ сокрушеніи сердецъ *нашихъ*» (то есть, всѣхъ Русскихъ) «пораженныхъ столь незапною кончиною «Государя Императора Александра Павловича, «можемъ только, какъ Христіане, смиряться духомъ «предъ Всевышнимъ, и молить Его, да пославъ намъ «скорбь неизглаголанную, пошлетъ и силы сносить ее «безъ отчаянія и ропота, съ умиленіемъ любви и бла«годарности къ памяти усопшаго Великаго Монар«ха, Коего царствованіе, ознаменованное дѣлами без«примѣрной славы для Отечества, во вѣки вѣковъ бу«детъ сіять въ нашихъ и всемірныхъ лѣтописяхъ: «царствованіе спасителя Россіи, избавителя Европы, «благотворителя побѣжденныхъ, умирителя народовъ, «друга правды и человѣчества.

«Въ самый первый часъ скорби и рыданій, про«изведенныхъ ужасною вѣстію, что не стало Алек«сандра I-го, Мы, укрѣпляясь духомъ для исполненія

«долга священнаго, торжественно присягнули въ вѣр-«ности законному Наслѣднику Престола, согласно съ «уставомъ блаженныя памяти Родителя Нашего, Го«сударя Императора Павла Петровича: старѣй-«шему Брату Нашему, Государю Цесаревичу, Вели«кому Князю Константину Павловичу», и проч. и проч.

Государь Николай Павловичь сказалъ, что Ему неприлично хвалить брата въ Манифестѣ, и велѣлъ М. М. Сперанскому написать это иначе, отдавъ ему мою бумагу. Сперанскій написалъ такъ:

«Въ сокрушеніи *сердца*, смиряясь предъ неисповѣ«димыми судьбами Всевышняго, среди всеобщей го«рести, Насъ, Императорскій Нашъ Домъ и любез«ное Отечество Наше объявшей, въ единомъ Богѣ мы «ищемъ твердости и утѣшенія. Кончиною въ Бозѣ «почившаго Государя Императора Александра «Павловича, любезнѣйшаго Брата Нашего, Мы лиши«лись отца и Государя, двадесять пять лѣтъ Рос«сіи и Намъ благотворившаго.

«Когда извѣстіе о семъ плачевномъ событіи въ 27 «день Ноября мѣсяца до Насъ достигло, (*) *въ самый «первый часъ скорби и рыданій, Мы, укрѣпляясь ду«хомъ для исполненія долга священнаго*, и слѣдуя дви«женію сердца, принесли присягу вѣрности старѣй-«шему Брату Нашему, Госуд. Цесаревичу и Вел. «Князю Константину Павловичу, яко законному «по праву первородства Наслѣднику Престола Всерос«сійскаго» — и проч.

Заключеніе предлагалъ я такое (послѣ словъ: *присягу въ вѣрности учинить Намъ и Наслѣднику Нашему* и проч.):

(*) Мои слова.

«И Мы, въ сей торжественный часъ, предъ лицемъ «Всевышняго, отъ глубины сердца даемъ обѣтъ жить «единственно для любезнаго Отечества: слѣдовать при«мѣру оплакиваемаго Нами Вѣнценосца! Да будетъ На«ше царствованіе только продолженіемъ Алексан«дрова! Да благоденствуетъ Россія своимъ уже пріо«брѣтеннымъ могуществомъ, внѣшнею безопасностію, «внутреннимъ устройствомъ, чистою Вѣрою нашихъ «предковъ, государственною и воинскою доблестію, «истиннымъ просвѣщеніемъ ума и непорочностію нра«вовъ, плодами трудолюбія и дѣятельности полезной, «мирною свободою жизни гражданской и спокойствіемъ «сердецъ невинныхъ! Да будетъ Престолъ Нашъ «твердъ Закономъ и вѣрностію народною! Да соединит«ся неразрывно, подъ Нашею державою, правосудіе «неослабное съ милосердіемъ человѣколюбія! Да ис«полнится все, чего желалъ, но еще не успѣлъ совер«шить для Отечества Александръ безсмертный: Тотъ, «Коего священная память должна питать въ Насъ и «ревность и надежду стяжать благословеніе Божіе и «любовь народа Россійскаго».

Нашли тутъ поводъ къ толкамъ, видъ самохвальства, излишнія обязательства; велѣли передѣлать, выпустить все, что выразило бы характеръ или намѣренія новаго царствованія. Сперанскій написалъ (какъ напечатано):

«Наконецъ Мы призываемъ всѣхъ Нашихъ вѣр«ныхъ подданныхъ соединить съ Нами теплыя мольбы «ихъ ко Всевышнему, да ниспошлетъ Намъ силы къ «понесенію бремени, Святымъ Промысломъ Его на «Насъ возложеннаго; да укрѣпитъ благія намѣренія «Наши (*) *жить единственно для Отечества, слѣдовать*

(*) Мои слова въ *отрывкѣ*.

«*примѣру оплакиваемаго Нами* Государя. *Да будетъ* «*царствованіе Наше* токмо» (у меня: *только*) «*продол-* «*женіемъ* царствованія Его, *и да исполнится все,* «*чего* для блага Россіи *желалъ Тотъ, Коего священная* «*память* будетъ *питать въ Насъ и ревность и надежду* «*стяжать благословеніе Божіе* и *любовь* народовъ Нашихъ» (вмѣсто: *любовь народа* Россійскаго).

Одинъ Богъ знаетъ, каково будетъ наступившее царствованіе. Желаю, чтобы это сообщеніе было любопытно для потомства: разумѣю, въ хорошемъ смыслѣ.

Сыновьямъ моимъ благословеніе, потомству привѣтствіе изъ гроба!

С. Петербургъ,
16 Дек. 1825.

ПИСЬМА.

I.

ПЕРЕПИСКА СЪ ИМПЕРАТОРОМЪ АЛЕКСАНДРОМЪ I.

1822 г.

1.

Отъ Императора Александра къ Карамзину.

Воистинну воскресе!

Чистосердечно сожалѣю, что возобновленіе погорѣвшаго домашняго моего храма, лишило меня удовольствія христосоваться съ уважаемымъ мною Исторіографомъ. — Прошу изъявить Катеринѣ Андреевнѣ мою признательность,—поздравить отъ меня ее и всю вашу семью, и быть увѣрену въ искренней моей пріязни.

Апрѣля 2-го 1822-го года.

2.

Съ большимъ удовольствіемъ, въ первой свободной часъ, воспользуюсь я вашимъ предложеніемъ.

Поклонъ мой Екатеринѣ Андреевнѣ и всей милой семьѣ.

А.

3-го Февраля.

3.

Сдѣлайте мнѣ одолженіе, пришлите, или сами привезите съ собою, тѣ тетради вашей Исторіи, которыя вы мнѣ давали въ дорогу.

Воскресеніе 18-го Февраля.

4.

Въ первые три дни моего путешествія имѣлъ я довольно время, чтобы со вниманіемъ прочесть тетради, вами мнѣ доставленныя. Чтеніе сіе заняло меня весьма пріятно, и произвело во мнѣ увѣреніе, что новой томъ Россійской Исторіи будетъ достойнымъ продолженіемъ прежде напечатанныхъ.

Если послѣ сего чтенія встрѣтилъ бы я васъ, на прогулкѣ нашей ежедневной въ Царскомъ Селѣ, то можетъ быть дозволилъ бы я себѣ взойти съ вами въ разсужденіе о трехъ или четырехъ выраженіяхъ, возбудившихъ нѣкое сомнѣніе во мнѣ, о ихъ правильности. — Но на письмѣ сіе неудобно, и для того отлагаю до моего возвращенія, прося васъ не останавливать нимало вашихъ пріуготовленій къ тисненію.

Теперь ожидаю съ нетерпѣніемъ перваго фельдъегеря изъ Петербурга, дабы съ обратнымъ отправленіемъ онаго, скорѣе доставить вамъ назадъ ввѣренныя мнѣ тетради, и тѣмъ уничтожить опасенія ваши о ихъ цѣлости.

Прежде нежели заключить сіи строки, прошу свидѣтельствовать мое почтеніе Екатеринѣ Андреевнѣ. Искренно сожалѣю, что не удалось мнѣ съ обоими вами проститься въ день моего отъѣзда. Все было мною сдѣлано для сего, по обыкновенію, но въ сей разъ тщетно. —

Кончаю увѣреніемъ всегдашней моей привязанности къ вамъ.

Александръ.

Новой Свержень,
Августа 10-го 1822-го года.

5.

Отъ Карамзина къ Императору Александру.

Примите сердечную мою благодарность за двѣ милости: за трудъ чтенія и за драгоцѣнныя для меня строки. Что значатъ неблагопріятели моей Исторіи противъ *такого* читателя и судіи благосклоннаго? Вы, Государь, умѣете тѣшить людей не однѣми вещественными наградами. Какъ мнѣ жаль, что Ваша любезная рука не означила карандашемъ сомнительныхъ выраженій! Съ какою ревностію старался бы я отгадать Ваши мысли и согласить съ ними мои безъ всякой неискренности! Теперь съ нетерпѣніемъ и безъ нескромности буду ждать новаго доказательства Вашей рѣдкой памяти: не уже ли, мѣсяца четыре занимавшись важнѣйшими дѣлами Европы, по Вашемъ къ намъ возвращеніи вспомните, что было замѣчено Вами въ чтеніи моихъ тетрадей? И тогда еще не будетъ поздно *согласиться*: ибо надѣюсь, что Богъ возвратитъ Васъ Россіи до Новаго года, а въ текущемъ не отдамъ манускрипта въ типографію. Не для моей Исторіи, а для моего Отечества желаю видѣть Васъ скорѣе. Машина заведенная дѣйствуетъ и въ отсутствіе художника; но лучше, когда художникъ стоитъ подлѣ, готовый немедленно исправить малѣйшій безпорядокъ въ ея движеніи. Государь! мы духомъ съ Вами: умѣю издали смотрѣть на Васъ съ тѣмъ чувствомъ, которое возьму съ собою и на тотъ свѣтъ. Для истинной любви здѣшняя жизнь коротка. Я не очень боязливъ, однакожь боюсь отнимать у Васъ время: иначе сколько бы еще могъ сказать Вамъ о своей

привязанности, право нелицемѣрной! Мы любимъ конечно *для* себя; но дорожу Вами и для всего, что достойно любви человѣческой въ земномъ путешествіи. Дай Богъ Вамъ успѣха въ трудахъ и здоровья для трудовъ! Вы служите орудіемъ Провидѣнію. Здѣсь *Либералисты*, тамъ *Сервилисты*; истина и добро въ срединѣ: вотъ Ваше мѣсто, прекрасное, славное! Стойте же на часахъ безъ усталости. Я, напримѣръ, какъ Исторіографъ, могу дремать, ибо и Гомеръ дремалъ; но Вы бодрствуете за всѣхъ насъ, и Вамъ скажетъ спасибо Исторія неумытная. Государь! повторю сказанное мною Вамъ однажды въ саду Царскосельскомъ: быть Великимъ Монархомъ именно въ наше время, есть завидная доля для великодушія.

Будьте всегда, въ отсутствіи и въ присутствіи, милостивы къ семейству

Карамзиныхъ.

Царское Село,
23. Авг. 1822.

6.

Вѣрный Исторіографъ повергаетъ себя къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества съ сердечною благодарностію за милостивое слово и за *написанныя* примѣчанія, историческія въ полномъ смыслѣ: ибо они должны войти въ Вашу собственную Исторію. Будьте здоровы и веселы духомъ. Россія ожидаетъ Васъ съ нетерпѣніемъ: не смѣю говорить о своемъ. Богъ съ Вами и съ нами!

С. Петербургъ
1 Дек. 1822.

1823 г.

7.

От Императора Александра къ Карамзину.

Единственно занятія мои, послѣ довольно долгаго отсутствія, были причиной, что не могъ я вамъ назначить часу для свиданія. Въ Воскресеніе надѣюсь быть свободнѣе, и прошу васъ пріѣхать ко мнѣ въ шесть часовъ послѣ обѣда.

15-го Февраля 1823.

1824 г.

8.

От Карамзина къ Императору Александру.

Пріимите милостиво въ печати, что Вы, любезнѣйшій Государь нашъ, такъ милостиво приняли въ рукописи. Слѣдуя Вашему замѣчанію, я съ особеннымъ вниманіемъ просмотрѣлъ тѣ мѣста, гдѣ говорится о Полякахъ, союзникахъ Лжедимитрія: нѣтъ, кажется, ни слова обиднаго *для народа*; описываются только худыя *дѣла лицъ*, и такъ, какъ сами Польскіе Историки описывали ихъ или судили: ссылаюсь на 522 примѣчаніе XI-го тома. Я не щадилъ и Русскихъ, когда они злодѣйствовали или срамились. Употребляю предпочтительно имя *Ляховъ* для того, что оно короче, пріятнѣе для слуха, и въ сіе время (то есть, въ XVI и въ XVII вѣкѣ) обыкновенно употреблялось въ Россіи.

Ваша горесть есть и наша: мы искренно оплаки-

ваемъ кончину доброй Герцогини (*). Между тѣмъ безпокоились и еще безпокоимся о Вашемъ здоровьѣ: печаль сердечная дѣйствуетъ и на тѣло; къ тому же Вы слишкомъ много ходили и стояли въ этомъ нещастномъ случаѣ. Дай Богъ, чтобы Вы душевно и физически отдохнули въ тихомъ Царскомъ Селѣ. — Всѣмъ семействомъ поручаемъ себя въ Ваше благоволеніе, которое безъ усилія заслуживаемъ нашею сердечною къ Вамъ привязанностію.

Съ любовію Вашъ

вѣрноподданный

Н. Карамзинъ.

С. Петербургъ,
10 Марта 1824.

9.

Отъ Императора Александра къ Карамзину.

Съ признательностію пріемлю соболѣзнованіе ваше, Николай Михайловичь, въ семейной нашей грусти, и участіе о моемъ лично здоровіи. — Оно, благодарю Бога, не потерпѣло, ибо я привыкъ повиноваться съ покорностію Его предопредѣленіямъ.

По истинѣ въ тихомъ Царскомъ Селѣ имѣлъ я все удобное время дать отдыхъ ногѣ моей, занимаясь дѣятельно и безъ отвлеченія моими всегдашними упражненіями.

Благодарю искренно васъ за присылку. Я съ нетерпѣніемъ ожидалъ видѣть въ печати то, что съ столь большимъ удовольствіемъ читалъ въ рукописи.

(*) Супруги Герцога Александра Виртембергскаго Антуанетты, скончавшейся 2, а погребенной 8 Марта. *Прим. Изд.*

Екатеринѣ Андреевнѣ и всему семейству вашему мой дружелюбной поклонъ. — А васъ прошу быть увѣрену въ искренней моей къ вамъ пріязни.

Александръ.

Царское-Село,
Марта 9-го 1824-го года. (*)

10.

Чинъ, въ знакъ моей признательности Исторіографу. А Николаю Михайловичу извѣщеніе, что въ Царскомъ Селѣ сухо и чисто въ саду, а въ Китайскомъ его жильѣ тепло и приборно. Всей семьѣ искренній мой поклонъ.

А.

Пятница въ вечеру.

11.

От Карамзина къ Императору Александру.

Въ лицѣ Исторіографа приношу Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйшую благодарность за чинъ, которымъ Вы хотѣли изъявить *для публики* вниманіе къ трудамъ небезполезнымъ, можетъ быть, и въ государственномъ смыслѣ.

Теперь же въ лицѣ Карамзина повторю то, что всего болѣе люблю говорить Вамъ: мужъ, жена, дѣти, всѣ мы привязаны къ Вамъ безкорыстно.

Богъ съ Вами и съ нами! Будьте здоровы.

На вѣки съ любовію вѣрноподданный

Н. Карамзинъ

7 Апрѣля 1824.

(*) Стр нымъ покажется что это письмо отъ 9 Марта, а предыдущее отъ 10. Но такъ въ подлинныхъ письмахъ. *Прим. Изд.*

12.

Отъ Императора Александра къ Карамзину.

Вы знаете уже о печальныхъ произшествіяхъ 7-го Ноября! Погибшихъ много, нещастныхъ и страдающихъ еще болѣе!

Мой долгъ быть на мѣстѣ; всякое удаленіе причту себѣ въ вину. — Вамъ не трудно себѣ представить грусть мою. — Воля Божія; намъ остается преклонить главу предъ нею.

А.

С. Петербургъ,
Ноября 10-го 1824-го года.

13.

Хотя есть нѣкоторое улучшеніе въ здоровьи жены моей, но далеко еще до того, чтобы успокоить меня. Кашель не унялся, и много ее безпокоитъ, но что еще важнѣе, мѣшаетъ начать надлежащее врачеваніе, дабы уменьшить біеніе сердца и артеріи.

Желаніе имянинника съ удовольствіемъ исполнилъ, и послалъ тотъ же часъ повелѣніе о принятіи пажа.

Екатеринѣ Андреевнѣ и всей милой семьѣ мой искренній поклонъ.

Суббота 6-го Дек.

1825 г.

14.

Отъ Карамзина къ Императору Александру.

Всѣмъ семействомъ приносимъ Вамъ, любезнѣйшій Государь, сердечную благодарность. Мы осмо-

трѣли чистый, уютный, прекрасный домикъ: все въ немъ весело (кромѣ одного воспоминанія!). Вмѣстѣ съ другимъ домикомъ онъ былъ бы для насъ помѣстителенъ; но мысль, что Вы, можетъ быть, готовили его на что нибудь другое, насъ тревожитъ. Мы достойны Вашей искренности въ этомъ случаѣ. Между тѣмъ надѣюсь еще видѣть Васъ въ Свѣтлый праздникъ, какъ бывало.

Поздравляемъ Васъ, любезнѣйшій Государь, и съ новорожденною и съ новоприбывшими (*).

Будьте совершенно здоровы; будьте и всегда милостивы къ семейству преданныхъ Вамъ

Карамзиныхъ.

26 Февр. 1825.

15.

Отъ Императора Александра къ Карамзину.

Замедлилъ я моимъ отвѣтомъ вамъ, касательно дома, потому что имѣлъ намѣреніе лично оный вамъ передать, побывавъ у Екатерины Андреевны и у васъ, въ исполненіе давнишняго моего обѣщанія. Но занятія мои все мнѣ препятствовали. Наконецъ сегодня въ вечеру, имѣю я свободной часъ, и если вамъ досужно, то я пріѣду къ вамъ въ 9-мъ часу.

До свиданія. **А.**

Марта 15-го 1825-го.

(*) 25 Февр. родилась Великая Княжна Марія Михаиловна, и въ тотъ же день Вел. Князь Николай Павловичъ съ Вел. Княгинею Александрою Ѳеодоровною возвратились въ С.Пбургъ изъ-за границы. *Прим. Изд.*

16.

Отъ Карамзина къ Императору Александру.

Пользуюсь Вашимъ милостивымъ дозволеніемъ: вотъ первыя три главы XII-го тома Исторіи Россійской, списанныя моею женою и дочерью, для чтенія въ коляскѣ на обратномъ пути изъ Варшавы въ Царское Село, куда хотимъ отправиться дней черезъ пять, чтобы ждать тамъ Августѣйшаго Хозяина.

Сердечно радуемся добрымъ вѣстямъ о Вашемъ здоровьѣ. Дай Богъ, чтобы Вы, Государь любезнѣйшій, возвратились къ намъ съ ногою совершенно и прочно исцѣленною!

Радуемся и другимъ хорошимъ вѣстямъ: слышимъ, что Вы довольны явными успѣхами государственнаго и гражданскаго благосостоянія въ Королевствѣ Польскомъ. Сладко, для добраго сердца, благотворить и частнымъ людямъ; еще сладостнѣе для души высокой, благотворить Государствамъ.

Другіе сказываютъ Вамъ, что дѣлается въ Петербургѣ: мы скажемъ единственно, что любимъ Васъ, какъ умѣемъ любить: отецъ, мать и дѣти

Карамзины.

С. Петербургъ
2 Мая 1825.

17.

Отъ Императора Александра къ Карамзину.

Искренно благодарю за присылку продолженія полезныхъ трудовъ вашихъ. Дорогою займусь симъ пріятнымъ и поучительнымъ чтеніемъ.

Здѣсь я имѣю всѣ причины быть довольнымъ, какъ расположеніемъ общимъ, такъ и ходомъ дѣлъ. О подробностяхъ поговоримъ, если Богъ дастъ, при встрѣчахъ нашихъ въ Царскомъ Селѣ. Поклонъ мой милымъ дѣтямъ. — Васъ любящій

Александръ.

Варшава,
Маія 27-го 1825-го года.

18.

Отъ Карамзина къ Императору Александру.

Уединенные жители Царскосельскіе, мужъ, жена, дѣти, съ любовію кланяются своему Августѣйшему Хозяину, удаленному отъ ихъ глазъ, но близкому къ ихъ сердцу; дерзаютъ устранить Его величіе, и чувствуя только Его къ нимъ милость, сказать Ему, что они ежедневно объ Немъ думаютъ и молятся, если не совсѣмъ безкорыстно, то по крайней мѣрѣ не раздѣляя своего добра съ общимъ.

Можетъ быть, скромность еще удержала бы стремленіе сердца; но прилагаемое письмо извѣстнаго Вамъ брата моего, Уфимскаго Дворянина, рѣшило меня взяться за перо. Вы имѣли оффиціальныя донесенія о бывшемъ тамъ мятежѣ крестьянскомъ: думаю, что не худо знать и подробности этой немаловажной тревоги, которая еще оставляетъ въ умахъ безпокойство и должна быть утишена совершенно, отысканіемъ и возвращеніемъ бѣглецовъ. Впрочемъ Дворяне хвалятъ дѣятельность и расторопность Военнаго Генералъ-Губернатора. Сколько Вамъ дѣла и заботъ! Но мы для того въ здѣшнемъ свѣтѣ. Щастливъ, кто заботится

о благѣ милліоновъ! Въ этомъ смыслѣ почти не имѣю къ Вамъ жалости, хотя я и не камень.

Не даю однакожь воли перу, чтобы сколько нибудь похвалиться скромностію. Ради Бога не считайте Себя въ милостивой обязанности отвѣчать мнѣ! Не умничаю, а говорю искренно. Не Вы у меня, а я у Васъ въ долгу, записанномъ въ моемъ сердцѣ.

Пишу и къ Императрицѣ и даю Ей отчетъ въ нашемъ здѣшнемъ житьѣ-бытьѣ. Богъ съ Вами и съ нами!

Душею вѣрноподданный

Н. Карамзинъ.

P. S. Всеподданнѣйшую, искреннюю благодарность за новую Фрейлину мы приносили Императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ, Которая милостиво обѣщала намъ довести ее и до Вашего свѣдѣнія.

Царское Село
5 Окт. 1825.

II.

ПЕРЕПИСКА СЪ ИМПЕРАТРИЦЕЮ

ЕЛИСАВЕТОЮ АЛЕКСѢЕВНОЮ.

1818 г.

1.

Отъ Карамзина къ Императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Повергаю себя и 8 томовъ моей Россійской Исторіи къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества. Счастливый воспоминаніемъ Вашихъ милостей и чувствомъ живѣйшей признательности, дерзну ли надѣяться, что сочиненіе не повредитъ сочинителю въ Вашихъ мысляхъ? Я писалъ съ любовію къ Отечеству, ко благу людей въ гражданскомъ обществѣ и къ святымъ уставамъ нравственности; но сего, можетъ быть, не довольно для успѣха книги: все зависитъ отъ впечатлѣнія, которое произведетъ она въ душахъ подобныхъ Вашей.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Вашего Императорскаго Величества

всеподданнѣйшій

Николай Карамзинъ.

С. Петербургъ.
24 января 1818 г.

2.

Отъ Императрицы Елисаветы Алексѣевны къ Карамзину.

Николай Михайловичъ. При письмѣ вашемъ отъ 24 Генваря получила я Россійскую Исторію, вами сочи-

ненную, за доставленіе коей изъявляю вамъ мою признательность. Уважая личныя достоинства Автора и судя по извѣстнымъ мнѣ отрывкамъ сочиненія, не сомнѣваюсь въ томъ великомъ удовольствіи, которое доставитъ мнѣ сіе чтеніе. Пріятно мнѣ отдать всю справедливость познаніямъ вашимъ, а равно чувствіямъ и правиламъ, кои руководствовали васъ въ трудѣ столь важномъ, и желаю видѣть дальнѣйшее онаго продолженіе для славы Отечества и вашей. Пребываю всегда вамъ доброжелательною (*).

Елисавета.

Москва.
13 Февраля 1818 г.

1820 г.

3.

Отъ Карамзина къ Императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Исполняя лестное порученіе Вашего Императорскаго Величества, я видѣлъ отдающіеся въ наемъ и еще никѣмъ не нанятые домики Устинова и Хлѣбникова: первой слишкомъ великъ; въ немъ комнатъ десять, и просятъ слишкомъ дорого. Во второмъ отдаются четыре комнаты, довольно опрятныя и красивыя, но почти безъ мёблей; цѣна 700 рублей. Въ тотъ же день писалъ я къ Н. Я. Плюсковой о *послѣд-*

(*) За исключеніемъ этого письма, всѣ послѣдующія писаны Императрицею собственноручно. *Прим. Изд.*

немъ домикѣ; сказалъ, что онъ можетъ быть для нее нанятъ *отъ казны*; прибавилъ единственно, что Ваше Императорское Величество изъявляете милостивое въ томъ участіе. Осмѣливаюсь приложить отвѣтъ ея, писанный не весьма четкою рукою, но отъ чистаго сердца, исполненнаго любви и благодарности къ Вамъ, Всемилостивѣйшая Государыня. Болѣе ничего не скажу, умѣя иногда быть скромнымъ. Повергаю себя къ Вашимъ стопамъ съ живѣйшимъ чувствомъ благоговѣнія и душевной преданности.

Всемилостивѣйшая Государыня!
и проч.

Царское Село.
17 Мая 1820 г.

4.

От Императрицы Елисаветы Алексѣевны къ Карамзину.

Quoique j'aie chargé M. Longuinoff de terminer verbalement avec vous, Monsieur, ce qui a fait l'objet de votre lettre, je ne puis me refuser le plaisir de vous remercier moi-même de l'exactitude avec laquelle vous avez rempli ma commission. Je joins ici la lettre de Mlle Pluskoff; c'est à vous qu'elle devra la satisfaction de ne rien changer à ses habitudes et votre société lui fera oublier, j'espère, qu'elle n'est pas aussi bien logée qu'elle l'aurait été au Palais de Zarskesélo. Recevez encore, Monsieur, tous mes remerciemens et l'attestat d'un excellent commissionnaire.

Elisabeth.

Camïnoi-Ostrof
19 Mai 1820.

5.

Отъ Карамзина къ Императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Приношу Вашему Императорскому Величеству сердечную благодарность за *воспоминаніе*, еще болѣе нежели за газеты. На сей разъ обвертка въ тысячу разъ дороже вложеннаго.

Радуюсь прекрасному времени: Вы можете гулять и на сушѣ и на водѣ въ Ораніенбаумѣ. Сынъ.... или правнукъ Океана, заливъ Финскій, съ гордостію и веселіемъ, какъ думаю, носитъ Вашу яхту, не смотря на свою холодность.

Что принадлежитъ до Царскосельскаго Исторіографа, то онъ наслаждается..... рюматизмомъ въ правой рукѣ, который однакожь не мѣшаетъ ему ни мыслить о Вашихъ милостяхъ, ни чувствовать живѣйшей за нихъ признательности.

Повергаю себя къ Вашимъ стопамъ, не только съ благоговѣніемъ, но и съ любовію.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Вашего Императорскаго Величества

вѣрнѣйшій подданный

Николай Карамзинъ.

Царское Село
26 Іюля 1820 г.

6.

От Императрицы Елисаветы Алексѣевны къ Карамзину.

Je suis bien fâchée, Monsieur, de savoir en état de souffrance une main droite qui a si bien employé son temps; elle devrait être exempte de rhumatisme et j'espére du moins que son mal ne sera pas de durée. Vous me confondez presque en me témoignant de la reconnaissance de ce que je tiens ma parole à Oranienbaum comme à Zarskesélo; j'ai trop de plaisir en vous envoyant des gazettes à vous rendre le seul service qui dépende de moi pour mériter le moindre remerciement. C'est moi qui vous en dois de ce que vous pensez aux plaisirs que je peux trouver ici; mais cette fois, malheureusement, votre imagination a été en défaut: je n'ai pas navigué encore comme vous le supposez; un leger rhume m'a imposé quelques privations de ce genre, mais je suis convaincue comme vous, qu'il ne faut pas que nous perdions ici bas l'habitude des contrariétés.

Je vous prie, Monsieur, de faire mille complimens de ma part à Madame Karamsine et de recevoir tous deux l'assurance de mon constant et sincère interêt.

Elisabeth.

Oranienbaum,
29 Juillet 1820.

7.

От Карамзина къ Императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Позвольте мнѣ быть ослушнымъ и безпрестанно благодарить Ваше Императорское Величество. Мо-

гу еще хвалиться скромностію, оставляя многое въ душѣ, чего и выразить не умѣю, не смотря на то, что мнѣ 52 года отъ роду, и что я болѣе тридцати лѣтъ учусь выражать свои мысли и чувства.

Для Васъ я радовался прекрасному времени, а Вы были между тѣмъ въ простудѣ: по крайней мѣрѣ *были*, какъ надѣюсь. Вы не приказываете мнѣ благодарить Васъ, но молиться не запретите? Я желалъ бы, чтобы моя для здѣшняго свѣта печальная *система* казалась Вамъ нелѣпостію; то есть, чтобы Вы, вопреки ей, наслаждались и на землѣ безпрерывнымъ щастіемъ. Это желаніе для меня почти великодушно: на томъ свѣтѣ изъясню Вамъ смыслъ этой фразы. Не забудьте, что Вы обѣщали быть милостивою къ Исторіографу и въ поляхъ Елисейскихъ, гдѣ я буду ждать Васъ однакожь съ терпѣніемъ: ибо въ *вѣчности* для всего найдется время; ничто не уйдетъ. Къ тому же тѣни летаютъ, куда хотятъ: ссылаюсь на преданія всѣхъ народовъ. Могу оттуда заглянуть опять въ Царское Село, даже и въ Ораніенбаумъ. Буду Васъ видѣть, хотя и невидимъ; буду Васъ слушать, хотя и безсловесенъ..... а почему знать? можетъ быть и шепну Вамъ что нибудь *на ухо*, хотя теперь и не люблю *наушничества*: шепну нескромную вѣсть Ангельскую, чтобы Вы лишній разъ улыбнулись какъ Ангелъ и на землѣ. Но еще не время: обращаюся къ земной скромности, однакожь не придворной.

Съ отбытія Вашего изъ Царскаго Села я пріобрѣлъ новую опытность въ рюматизмѣ, какого еще не зналъ донынѣ. Теперь и враги моего авторскаго таланта не скажутъ, чтобы я *писалъ безъ чувства*: всякое движеніе пера отдается у меня въ нервахъ. Платя дань суетности, безъ стыда хвалюсь передъ Вами

твердостію, которая состоитъ въ томъ, чтобы платить нѣкоторою болью въ рукѣ за щастіе писать къ любезнѣйшей изъ всѣхъ Императрицъ, не исключая и будущихъ: другіе спорить со мною не будутъ; а Ваше Императорское Величество не имѣете голоса въ Своемъ дѣлѣ.

Еще болѣе рюматизма тревожила меня болѣзнь старшей дочери: мы опасались горячки; но теперь ей, слава Богу, лучше.

Жена моя повергаетъ себя къ Вашимъ стопамъ съ живѣйшею признательностію за Ваше милостивое, любезнѣйшее объ ней слово, и не хочетъ уступить мнѣ въ чувствахъ моей душевной къ Вамъ преданности. Мы вмѣстѣ просимъ Бога, чтобы Онъ хранилъ Васъ и для всѣхъ и для насъ.

Всемилостивѣйшая Государыня!
и проч.

Царское Село
30 Іюля 1820 г.

1821 г.

8.

От Императрицы Елисаветы Алексѣевны къ Карамзину.

Je joins ici la croix que vous m'avez demandé, Monsieur, pour ma filleule, et je voudrais pouvoir lui assurer tout ce que je dois me borner à souhaiter pour elle en la lui donnant. Je dois vous prévenir que la croix n'est pas bénie encore, je n'ai fait à cet égard que ce que vous m'avez strictement prescrit; mais je puis vous dire que je suis charmée de pouvoir dans cette oc-

casion et de cette manière donner à la nouvelle-née et à ses parens un témoignage de mon interêt réel et constant.

Elisabeth.

10 Fevr. 1821.

9.

От Карамзина къ Императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ.

Позвольте наконецъ сказать хотя два слова Вашему Императорскому Величеству. Вы были нездоровы, и теперь еще не совсѣмъ здоровы; а преданный Вамъ Исторіографъ очень безпокоился, и теперь еще не совсѣмъ покоенъ. Обрадуюсь сердечно, когда узнаю, что Вы уже выѣзжаете... когда же? А время прекрасное для насъ Русскихъ: легкой морозъ съ яркимъ солнцемъ живитъ нервы.

Всѣмъ семействомъ повергаемъ себя къ Вашимъ стопамъ, не исключая и новорожденной, которая родилась для того, чтобы любить Васъ и тѣмъ заслуживать нашу любовь.

Марта 15.

10.

Отъ Императрицы Елисаветы Алексѣевны къ Карамзину.

J'ai été fort au regret d'avoir manqué l'occasion de vous voir dernièrement, Monsieur; ma santé me l'aurait permis, mais je n'ai su que vous aviez été vous même à ma porte que longtems après votre départ. Je serai charmée de vous remercier de l'interêt que vous me témoignez, et j'espère être en état de vous voir lundi soir, si vous pouvez me faire le plaisir de venir

chez moi. On ne me permet pas de sortir encore et j'éprouve la vérité de vos principes en ce que la privation d'air atmosphérique influe sur moi; je vous demande donc de l'indulgence à tous égards.

E.

Samedi, 19 Mars
1821.

11.

От Карамзина къ Императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ.

Сердечно благодарю Ваше Императорское Величество за любезнѣйшія строки, отъ которыхъ я сталъ здоровѣе: потому что, не смотря на благотворное дѣйствіе *атмосферическаго воздуха* въ моихъ ежедневныхъ прогулкахъ, я чувствовалъ въ себѣ почти болѣзненную томность. Нелживымъ словомъ Исторіографа могу увѣрить Васъ, что Ваше нездоровье тревожило мою душу, еще не совсѣмъ остылую. И такъ завтра около семи часовъ, если не умру, буду у дверей Вашего кабинета съ большимъ запасомъ *снисходительности*.

Повергаемъ себя къ Вашимъ стопамъ, мужъ, жена и дѣти.

20 Марта.

12.

От Императрицы Елисаветы Алексѣевны къ Карамзину.

Vous avez désiré, Monsieur, que je vous fasse part des explications qu'on me donnerait sur les miracles du Pr. Hohenlohe. En présumant que je n'aurai pas de quelque tems le plaisir de vous voir, j'ai copié pour vous un article d'une lettre de ma mère en réponse

aux premières questions que je lui ai faites à ce sujet; je les ai renouvellées depuis, et peut-être me donnera-t-elle encore plus de détails. En attendant je vous prie de voir dans ce que je vous envoie le désir de vous faire plaisir.

E.

«Le Pr. de Hohenlohe a beaucoup de partisans pour «ses miracles, mais il y à autant de monde qui n'y «croit pas. Celui qu'il a effectué sur la P^se de Schwar-«zenberg est tout naturel, dit-on. Heine (le médecin) «l'avait si bien remise qu'il ne dépendait que d'elle de «marcher; la crainte la retenait encore, et sa foi dans «les prières de ce Prince lui en a donné le courage. «Quant au Pr. Royal de Bavière, il croit mieux enten-«dre tandis que les personnes qui l'entourent assurent «qu'il est aussi sourd qu'avant. Quand le Pr. Hohen-«lohe ne parvient pas à guérir ceux qui le lui demandent, «il dit que ce ne sont pas de vrais croyans. On pré-«tend que tout cela tend à convertir la Pr. Royale de «Baviére à la religion Catholique».

13.

От Карамзина къ Императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ.

Приношу Вашему Императорскому Величеству сердечную благодарность: мысленно благодарю даже и Принца Гогенлоге: его чудесамъ обязанъ я этою любезнѣйшею запискою. Въ свѣтѣ идетъ все своимъ чередомъ, но обыкновеннаго и естественнаго не довольно для людей слабыхъ: мы всѣ какъ младенцы, вопреки разсудку, падки на дивное. Зная мало, мы расположены къ вѣрѣ до суевѣрія.

Съ грустію узналъ я, что Вы и 5° Сентября не будете въ Царскомъ Селѣ. И такъ мы безъ Васъ будемъ за Васъ молиться. Будьте между тѣмъ совершенно здоровы и всегда милостивы къ вѣрноподданному

Исторіографу.

27 Августа
1821 г.

14.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Всѣмъ семействомъ повергаемъ себя къ Вашимъ стопамъ съ изъявленіемъ сердечной признательности за честь, которой Вы удостоили нашу дочь (*). Скажу Вашему Императорскому Величеству то же, что я сказалъ въ письмѣ къ Государю: мы не искали этой чести; но она, какъ знакъ Вашей милости, для насъ драгоцѣнна. Вчера я узналъ о томъ отъ Императрицы, и даже (naïvement) удивился; это чувство скоро уступило мѣсто другому: искреннѣйшей благодарности. Не умѣю писать къ Вамъ *приказнымъ* слогомъ: дозвольте же мнѣ мысленно поцѣловать Вашу ручку съ живѣйшею нѣжностію сердца, еще не совсѣмъ охлажденнаго *почтенною* старостію. Дозвольте также новой Фрейлинѣ представиться Вамъ въ Царскомъ Селѣ, гдѣ Дворъ менѣе Дворъ и гдѣ искренность болѣе у мѣста.

Оканчиваю, чѣмъ началъ: отецъ, мать и дѣти по-

(*) Въ это время старшая дочь Николая Михайловича была пожалована въ Фрейлины. *Прим. Изд.*

вергаютъ себя къ Вашимъ стопамъ. Въ истинномъ смыслѣ

Вашего Императорскаго Величества
вѣрноподданный

Царское Село,
1 Сент. 1821.

Николай Карамзинъ.

15.

Пріимите усерднѣйшее поздравленіе вѣрныхъ Царскосельскихъ жителей. Вся Россія празднуетъ Ваши имянины торжественно, а мы семейственно, съ живѣйшимъ чувствомъ любви и преданности. Всѣ любятъ Васъ, всѣ молятъ о Васъ Бога; а мы знаемъ Васъ еще лучше, нежели многіе другіе: слѣдственно..

Чего желать Вамъ? Добра: оно безконечно и неизмѣримо; какъ ни много его въ Васъ, но можете и будете имѣть еще болѣе.

Если бы Вы были нынѣшній день здѣсь, то я попросилъ бы дозволенія вписать нѣсколько новыхъ строкъ въ Вашъ Album (если онъ цѣлъ), и къ числу Русскихъ пословицъ прибавилъ бы въ немъ слѣдующую: «вѣкъ живи, вѣкъ учись—*жить*»! Она всѣмъ извѣстна, но безъ окончательнаго слова, которое важно и найдено мною недавно въ одной древней рукописи.

Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ Вашего благополучнаго возвращенія. Здѣсь все по старому: и садъ и вѣрный Исторіографъ, который, слѣдуя пословицѣ, неутомимо учится: но уже не выучивается новому; даже и любитъ Васъ по старому.

Повергаетъ себя къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества все семейство

Карамзиныхъ.

Царское Село,
5 Сент. 1821.

1822 г.

16.

Отъ всего сердца и всѣмъ семействомъ имѣемъ щастіе поздравить Ваше Императорское Величество съ свѣтлымъ для насъ днемъ Вашего тезоименитства, усердно моля Бога о Вашемъ тѣлесномъ и душевномъ здравіи; но какъ въ здѣшнемъ свѣтѣ нѣтъ совершеннаго безкорыстія, то молимъ Бога и о продолженіи Вашей къ намъ милости, за которую благодаримъ Его и Васъ.

Съ этою живѣйшею признательностію и съ искреннѣйшею любовію повергаетъ себя къ Вашимъ стопамъ преданный Вамъ

Карамзинъ.

Царское Село,
4 Сент. 1822.

P. S. Добрая и нездоровая Н. Я. Плюскова, сквозь слезы умиленія и благодарности за всѣ Ваши къ ней милости, также приноситъ Вашему Императорскому Величеству усерднѣйшее поздравленіе, но не смѣетъ писать, чтобы не облить письма слезами. Ея молитва доходна къ Богу!

17.

От Императрицы Елисаветы Алексѣевны къ Карамзину.

J'ai été bien sensible, Monsieur, au souvenir que vous avez donné au jour de ma fête, et je vous en fais mes remerciemens; veuillez les exprimer aussi de ma

part à votre famille et Melle Pluskoff, dont les larmes, j'espère, ne couleront pas à cette occasion. Pour n'en pas verser aussi facilement qu'elle, je n'en suis pas moins touchée de chaque preuve d'affection bienveillante qu'on veut bien me donner, et vous vous direz si je sais apprécier celles que je reçois de vous, Monsieur, et du cercle de votre famille.

Nous avons enfin reçu aujourd'hui des nouvelles de l'Empereur; elles sont datées de Vienne et du 27; il se portait bien, grâce à Dieu, mais ne fesant que d'arriver, il ne pouvait donner d'autre nouvelle, si non que c'est définitivement à *Vérone* que s'achevera le congrès et non à *Vienne* comme on commençait à le dire généralement.

Je vous prie, Monsieur, de prendre dans toute son étendue et de vous appliquer personnellement la phrase de *très affectionnée* que l'on prodigue souvent.

Elisabeth.

Camennoi Ostrof.
7 Sept. 1822.

1823 r.

18.

Ne pourriez vous pas, Monsieur, me faire le plaisir de me renvoyer les Mémoires de M^de^ Campan? L'Imp. Mére me les demande et désire les emporter avec elle à Pawlowsky où elle va passer deux jours. Je vous fais mille excuses de mon indiscrétion; la plus valable que je puisse alléguer c'est que je n'ai que ce seul exemplaire à ma disposition.

E.

Mercredi, 14 Mars.

19.

Отъ Карамзина къ Императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ.

Прошу милостиваго извиненія. Я долго продержалъ книгу отъ того, что мы всѣмъ семействомъ, мужъ, жена и двѣ дочери, читали ее. Возвращаю съ искреннѣйшею благодарностію, и повергая себя къ Вашимъ стопамъ, надѣюсь, что Вы дозволите мнѣ на сихъ дняхъ явиться въ Вашемъ кабинетѣ. Душею и сердцемъ преданный

Карамзинъ.

14 Марта.

20.

Въ первый разъ беру перо, чтобы спросить о драгоцѣннѣйшемъ здоровьѣ Вашего Императорскаго Величества. Я со вчерашняго дня безпокоюсь, узнавъ, что Вы не очень хорошо себя чувствуете. — Изъявленіе моей сердечной благодарности за всѣ знаки Вашего милостиваго, трогательнаго участія въ моей минувшей болѣзни оставляю до той минуты, когда буду имѣть щастіе Васъ видѣть. Всею душею преданный Вамъ

Н. Карамзинъ.

25 Іюня.

21.

Отъ Императрицы Елисаветы Алексѣевны къ Карамзину.

Je ne puis vous exprimer, mon cher Monsieur Karamsin (pardonnez moi ce mouvement de mon coeur), combien la vue de votre écriture m'a fait plaisir. Je vous re-

mercie pour le bon moment que vous m'avez causé par là, autant que pour le motif de votre billet.

J'ai été charmée de ne voir aucune trace de faiblesse dans votre écriture et bien au regret de n'avoir pas pu vous répondre à l'instant même. Sans être malade, je ne suis pas trop bien depuis quelque-tems: j'ai une petite fièvre journalière qui n'est pas fort incommode, mais dont je tâche cependant de me debarrasser avec le secours de la Médecine. Puisse-t-elle contribuer à vous rendre bientôt toutes vos forces afin qu'il me soit permis de penser au moment de vous revoir.. En attendant ménagez vous, je vous prie, et n'abusez ni de la lecture ni de la conversation.

E.

22.

От Карамзина къ Императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ.

Вчера поутру былъ первый мой выѣздъ: я нашелъ комнаты Вашего Императорскаго Величества заперты, и узналъ, что Вы въ городѣ. Слава Богу: это хорошій знакъ для Вашего здоровья. Возвратитесь къ намъ благополучно.—Съ живѣйшимъ нетерпѣніемъ ожидаю щастія увидѣть Васъ, имѣя уже столько силъ, чтобы почти безъ отдыха и безъ помощи всходить на лѣсницу.

На вѣки преданный Вашему Императорскому Величеству

Н. Карамзинъ.

Царское Село
15 Іюля 1823.

23.

Отъ Императрицы Елисаветы Алексѣевны къ Карамзину.

A mon retour de Pawlowsky jeudi soir, j'ai appris avec regret que vous aviez passé chez moi dans mon absence. J'en ai été d'autant plus fâchée que j'aurais désiré vous dire adieu avant de quitter Zarskesélo et apprendre par vous-même, Monsieur, des nouvelles de vos enfans. Vous avez eu l'attention de penser à informer mon valet de chambre de ce que vous êtes rassuré sur leur compte et je vous en suis sensiblement reconnaissante. J'espère vous retrouver tous en bonne santé à mon retour à Zarskesélo; je m'y retrouverai bientôt après la Ste Aléxandre. Le tems me favorise ici jusqu' à présent; j'y suis venue chercher du calme et la mer; vous savez que l'un et l'autre ont du prix pour moi dans toutes les saisons, et je vous assure que la mer a encore toute le beauté d'une saison moins avancée. Veuillez faire mes complimens à Mde Karamsine et me conserver tous deux un bon souvenir.

E.

Oranienbaum
Dimanche 19 Août.

24.

Отъ Карамзина къ Императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ.

Изъявляю душевную признательность Вашему Императорскому Величеству за любезнѣйшее письмо, которое меня истинно обрадовало. Вы умѣете знаками благоволенія трогать сердца преданныхъ Вамъ людей.

Дѣти все еще тревожатъ насъ, особливо Андрей, жалуясь на боль въ груди. Одинъ Николай, третій нашъ сынъ, начавъ кашлять ранѣе всѣхъ, уже менѣе и легче кашляетъ.

Вы хвалите прекрасное время, а здѣсь уже бури. Шумный дождь и вѣтеръ не давали намъ спать ночью; вода лилась изъ оконъ въ комнаты. Я хотѣлъ бы именно теперь взглянуть на Ваше море, любя видѣть сѣдыя, огромныя волны и слушать ихъ ревъ. Даже и смирное наше Царскосельское озеро шумитъ почти какъ море.

Это смятеніе сѣверной Природы конечно не мѣшаетъ Вамъ наслаждаться тишиною, которой Вы искали въ Ораніенбаумѣ, и въ которой чувствительная душа отдыхаетъ на свободѣ. Отдохните и благополучно возвратитесь къ намъ, живущимъ здѣсь почти какъ въ пустынѣ. Не видимъ ни гуляющихъ, ни проѣзжихъ, ни прохожихъ (потому что большую дорогу передъ нами загородили); сидимъ одни, если не въ скукѣ, то въ грусти. Ввечеру, уложивъ дѣтей, читаемъ романы Г-жи Сузы—и я все еще плачу какъ ребенокъ.

Жена моя приноситъ Вашему Императорскому Величеству искреннѣйшую благодарность за Ваше милостивое объ ней слово.—Мы смѣло можемъ отвѣчать другъ за друга въ нашей сердечной къ Вамъ привязанности. Будьте совершенно здоровы, спокойны духомъ и всегда добры къ Вашему истинному подданному

Н. Карамзину.

Царское Село
21 Авг. 1823.

25.

От Императрицы Елисаветы Алексѣевны къ Карамзину.

J'ai sincèrement regretté de ne pas m'être trouvée chez moi hier lorsque vous êtes venu me voir, Monsieur;

mon existence journalière se compose actuellement de contretems à peu près semblables; je ne suis jamais sûre d'être libre avant 8 ou 9 h. du soir, et quoique ce soyent des devoirs et des relations de famille qui remplissent ainsi mon après-dinée, je vous avoue que je désire bien souvent le doux loisir de Zarskesélo. C'est cet ordre de choses qui m'a privé jusqu'à présent du plaisir de voir Mde Karamsine, et je crois inutile de vous assurer que j'ai senti cette privation bien plus qu'elle.

J'éspère toutefois que cette semaine ne finira pas sans que nous nous retrouvions comme je le désire, et ce sera pour moi un moment de compensation pour une existence un peu contrariante.

E.

Mardi 11 Dec.

26.

От Карамзина къ Императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ.

Съ живѣйшею признательностію мы, жена и мужъ, читали и читаемъ Ваши любезнѣйшія строки. Мнѣ грустно было такъ долго не видать Васъ, хотя и зналъ я, какъ занято Ваше время. Не винюсь передъ Вами въ этомъ нетерпѣніи, но обѣщаюсь быть терпѣливѣе. Надѣемся завтра (*) смотрѣть на Васъ хотя издали: я еще не въ туманѣ вижу тѣхъ, кого люблю душевно и сердечно. Дай Богъ Вамъ здоровья и твердости для исполненія всѣхъ обязанностей на свѣтѣ. Я не въ Вашемъ положеніи, однакожъ жалѣю о тишинѣ Царскаго Села. Всѣмъ семействомъ повергаемъ себя къ Вашимъ стопамъ. Осмѣливаюсь поцѣловать Вашу ручку. Преданный Вамъ

Н. Карамзинъ.

11 Дек. 1823.

(*) Въ слѣдующій день праздновалось рожденіе Императора. *Прим. Изд.*

27.

От Императрицы Елисаветы Алексѣевны къ Карамзину.

Je puis enfin espérer de voir Mme Karamsine demain, si aucun obstacle ne vient s'opposer de votre part au plaisir que je me promets en vous voyant tous deux chez moi. C'est pour demain soir à sept heures que je vous le demande, Monsieur, en comptant toutefois sur assez d'amitié de votre part pour me préparer à un refus possible.

Vendredi, 14 Déc.

28.

От Карамзина къ Императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ.

И такъ завтра, въ 7 часовъ вечера, ожидаемъ щастія видѣть Ваше Императорское Величество. Съ нашей стороны, кромѣ смерти или покрайней мѣрѣ болѣзни, не знаемъ препятствія. Между тѣмъ повергаю себя къ Вашимъ стопамъ съ живѣйшею признательностію. Душею истинно преданный Вамъ

Н. Карамзинъ.

14 Дек.

1824 г.

29.

От Императрицы Елисаветы Алексѣевны къ Карамзину.

N'y a-t-il pas de l'indiscrétion à vous prier, Monsieur, de venir chez moi ce soir à sept heures? La nouvelle année a déjà beaucoup avancé sans que je vous aie vu encore, et je m'aperçois que vous persistez à

attendre mon invitation. Si rien ne s'oppose de votre part à ce que vous l'acceptiez, faites-moi faire je vous pris une réponse verbale afin de ne pas troubler vos occupations.

E.

Jeudi, 8 Janv.

30.

Au moment où l'on m'annonça que vous étiez venu pour me voir, la G. D^ne Helène m'attendait pour aller avec moi chez la P. Marie; il me fut donc impossible de vous voir un seul instant comme je l'aurais désiré pour vous remercier, Monsieur, de vos bonnes intentions à mon égard. Puis-je, sans craindre de vous gêner, vous prier de venir chez moi demain soir à sept heures? Je vous assure que j'éprouverai une satisfaction réélle de votre société.

E.

Samedi, 15 Mars.

31.

Vous m'avez procuré, Monsieur, une lecture bien agréable en me confiant le cahier que je joins ici. Son titre m'a fait doublement apprécier la part que vous m'y avez donnée, et je vous en remercie de tout mon coeur. J'avais besoin de vous exprimer ma reconnaissance, mais je vous parlerai davantage quand je vous verrai de l'interêt singulier que j'ai trouvé à lire ce petit manuscrit.

J'espère que vous et toute votre famille vous portez bien; prenez cette phrase je vous prie pour ce qu' elle est: un sentiment bien sincère de sollicitude après huit jours passés hors d'ici.

E.

Dimanche,
15 Juin.

32.

Je sais trop bien reconnaître la vérité du sentiment qui vous a fait me demander de vous écrire, pour commencer ma lettre par un préambule de phrases; je vous dirai donc tout uniment que je n'ai pas beaucoup gagné depuis que je suis à Pétersbourg. La fatigue des premiers jours dans un cercle d'habitudes et de personnes différentes de celui de Zarskesélo, m'avait rendue même plus souffrante, mais aujourd'hui je suis mieux. Cependant depuis mon arrivée ici on m'a rigoureusement confinée dans mon appartement jusqu'à ce que ma toux soit passée.

Maintenant je vous demande de vos nouvelles, Monsieur, et de celles de toute votre famille bien en détail. Dans votre paisible Chine vous ne vous ressentez pas, j'espére, de la tempête épouvantable que nous avons aujourd'hui sous les yeux. S'il ne fallait pas en redouter de malheureux resultats, ce serait pour moi un magnifique spectacle que la fureur de la Néva que je n'ai guère vue aussi agitée. Je joins ici la brochure que vous m'avez prêté et les gazettes. Toute la reconnaissance et l'affection que je voudrais pouvoir vous exprimer s'adresse à Madame Karamzine comme à vous, Monsieur; je ne vous charge donc de rien de particulier pour elle, mais je vous prie tous les deux de me conserver des sentimens dont je ne pourrais plus me passer.

E.

Pétersbourg
Vendredi 7 Nov.

33.

Отъ Карамзина къ Императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ.

Только одно слово о Вашемъ здоровьѣ, также о здоровьѣ Государя; и не пишите, а только прикажите Вашему Каммердинеру сказать о томъ моему посланному, Нѣмцу Эллингеру. Я самъ не могъ ѣхать въ Петербургъ отъ худаго здоровья. Вашъ истинно вѣрноподданный

Н. Карамзинъ.

Царское Село
8 Ноября 1824.

34.

Отъ Императрицы Елисаветы Алексѣевны къ Карамзину.

Voici un paquet que je vous avais adressé hier matin, mais dans la demie heure que j'ai mise à vous écrire, l'eau avait entouré le palais au point qu'on ne pouvait plus en sortir. Nous nous portons bien, l'Emp. et moi et tout le reste des habitans du palais d'hiver, mais nous sommes bien affligés et émus de l'épouvantable calamité d'hier et surtout de ses suites. J'aurais désiré que vous eussiez pu l'ignorer, et je voulais vous écrire aujourd'hui, mais les expéditions étaient difficiles ce matin, car tout ce qui tient à l'écurie a été envoyé au bout de la ville. Je suis désolée de vous savoir malade. Ménagez vous de grâce. Je n'ose pas vous en dire d'avantage, afin de ne pas arrêter trop longtems votre envoyé.

Samedi, 8 Nov.

35.

От Карамзина къ Императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ.

Отъ глубины сердца благодарю Васъ; каждое Ваше слово до него доходитъ. Буду спокойнѣе, когда узнаю, что Вы по крайней мѣрѣ менѣе кашляете. Отъ бѣдствія общаго мысли мои непрестанно обращаются къ Вашему нездоровью. Надѣюсь на Вашу твердость, но боюсь Вашей чувствительности въ такомъ горестномъ случаѣ. Прошу не Васъ, а Бога хранить Ваше здоровье. Судьба удалила меня отъ зрѣлища ужаснаго; но не знаю, что больнѣе: видѣть или воображать. Сколько жертвъ, сколько отчаянія! Желаю скорѣе быть въ городѣ, то есть ближе къ Вамъ, чтобы всякой день знать, какъ Вы себя чувствуете. Меня задерживаетъ здѣсь старая, подновленная простуда, хотя и не важная болѣзнь. Всѣ мои здоровы, и вмѣстѣ со мною горюютъ. Каждый порывъ вѣтра насъ тревожитъ. И здѣсь видимъ слѣды разрушенія: нѣсколько сотъ деревьевъ лежитъ на землѣ вверхъ корнями. Странно, что никто изъ насъ, слушая третьяго дни ревъ бури, не вздумалъ о наводненіи: мы боялись только за мореплавателей. Видно, что временныя бѣдствія для государствъ и городовъ такъ же естественны и необходимы въ здѣшнемъ свѣтѣ, какъ временныя болѣзни для людей; видно, что Петербургу назначено бѣдствовать два раза въ вѣкъ отъ наводненій.

Любезнѣйшему Государю теперь не до насъ, Царскосельскихъ; иначе я попросилъ бы Васъ сказать Ему, что садъ мало потерпѣлъ отъ бури; паркъ гораздо болѣе; но когда приберутъ сломленныя и вырванныя деревья, то опустошеніе не очень будетъ за-

мѣтно. Все загладится временемъ. Лишь бы нашъ Царь былъ здоровъ.

И Вы, и Вы! къ Вамъ привязана душа моя, а душа нетлѣнна. Кажется, что я люблю Васъ еще болѣе, нежели прежде; и какъ Вы равно милостивы ко мнѣ и къ женѣ моей, такъ мы оба нераздѣльны въ нашемъ общемъ нѣжномъ къ Вамъ чувствѣ.

Не скрою отъ Васъ моего сердечнаго желанія: какъ бы я хотѣлъ еще черезъ нѣсколько дней получить отъ Васъ милую строку единственно о Вашемъ здоровьѣ!

Мысленно цѣлую Вашу руку, повергая себя къ Вашимъ ногамъ съ женою и съ дѣтьми. Богъ съ Вами и съ нами! На вѣки преданный Вамъ

Н. Карамзинъ.

Царское Село,
9 Ноября 1824.

36.

От Императрицы Елисаветы Алексѣевны къ Карамзину.

Je suis bien impatiente d'avoir des nouvelles de votre santé, Monsieur, et vous prie pour peu que l'écriture vous incommode de ne me faire dire qu'une réponse verbale. Vous aurez prévu d'avance que l'Emp. ne peut pas quitter Pétersbourg dans ce moment. Nous avons passé de tristes journées depuis celle de vendredi, comme il fallait s'y attendre. Chaque jour fesait découvrir de nouveaux détails plus affligeans les uns que les autres. Combien vous même, vous en souffrirez! Ma santé va toujours de même; je ne vois pas de terme à ma toux, mais tôt ou tard il arrivera.

Je vous fais encore mille excuses du désordre de mon billet de l'autre jour. Surtout je suis peinée de n'avoir

pas su vous exprimer toute ma sensibilité de votre sollicitude pour nous. L'Emp. l'a sentie aussi profondément que moi. Jamais je ne pourrai vous l'exprimer à mon gré. Il doit me suffire d'espérer que vous connaissez mes sentimens assez pour n'en jamais douter.

E.

Pétersbourg.
Lundi 10 Nov.

37.

От Карамзина къ Императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ.

Какъ сладко чувствовать и съ любовію изъявлять Вамъ признательность, хотя и не могу выразить всего, что чувствую! Нѣкогда я Васъ угадывалъ, уже давно знаю, но все еще, кажется, узнаю съ новой стороны, чтобы тѣмъ болѣе любить Васъ.

Слѣдственно не могу быть спокойнѣе: этотъ кашель отзывается у меня въ сердцѣ.

Хожу съ завязанною головою отъ сильной въ ней боли. Надѣюсь по крайней мѣрѣ, что 14 Ноября будемъ въ городѣ.

Пока живъ
преданный Вамъ
Н. Карамзинъ.

Царское Село
10 Ноября

1825 г.

38.

Пріимите сердечное поздравленіе и желаніе совершеннаго здоровья отъ нездороваго. Это желаніе есть ежедневная, утренняя и вечерняя молитва наша, моя и жены моей; но сегодни чувствуемъ его еще живѣе.

Вы любимы и любите: живите же какъ можно долѣе: то есть, какъ можно долѣе заслуживайте на землѣ Небо! Чѣмъ долговременнѣе служба, тѣмъ болѣе и награды.

Мнѣ грустно, что въ нынѣшній торжественный день не могъ я нарядиться, выѣхать и видѣть Васъ, по крайней мѣрѣ быть въ преддверіи Вашего кабинета. Впрочемъ я только-что не совсѣмъ здоровъ; душа моя свѣтла: праздную!

Заключу прозьбою о милости: сказать Государю, что Карамзины, мужъ и жена, усердно поздравляютъ Его со днемъ Вашего рожденія.

13 Генв. 1825.

39.

От Императрицы Елисаветы Алексѣевны къ Карамзину.

J'apprends avec infiniment de peine, Monsieur, que vous ne vous portez pas bien et ce sentiment prédomine trop en moi pour que je ne vous l'exprime pas avant ma reconnaissance pour le souvenir si bon, si affectueux, que vous donnez à mon jour de naissance. Je vous remercie de ce que vous me dites et je reconnais que vous avez raison: il faut travailler pour mériter et il y a de la paresse à désirer d'abréger l'ouvrage. Il en sera ce qu'il plaira à Dieu; qu'Il daigne au moins conserver ceux dont l'amitié et l'affection font encore la nourriture de mon ame. Vous sentez que ce voeu vous impose aussi des obligations.

Je remplirai la commission, dont vous me chargez pour l'Emp. Veuillez remercier Madame Karamsine de la part qu'elle a dans les sentimens que vous m'exprimez, et portez vous bien, je vous en prie; du moins ne négligez rien de ce qui tient à votre santé.

E.

Mardi, 13 Janvier.

40.

Отъ Карамзина къ Императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ.

Мысленно цѣлую Вашу руку за ея любезнѣйшее начертаніе. Сокровище къ сокровищамъ и благодарность къ благодарности! Да исполнитъ Богъ мою молитву объ Васъ, а я радъ исполнять Ваше милостивое приказаніе и жить, пока Ему угодно.

Н. Карамзинъ.

13 Генв. 1825.

41.

Отъ Императрицы Елисаветы Алексѣевны къ Карамзину.

J'ai beaucoup regretté, Monsieur, d'avoir manqué aujourd'hui l'occasion de vous voir. Vous savez, que votre présence me fait toujours plaisir, et j'ai de plus des remerciemens à vous faire de l'aimable attention que vous avez eu de m'envoyer le nouveau poëme de Pouchkine. Cette lecture m'a amusée; en attendant que nous puissions en parler, veuillez recevoir ici tous mes remerciemens. Du matin au soir chaque jour nous sommes dans l'attente d'un événement (*) dans lequel je dois jouer un rôle si mes forces me le permettent; par cette raison je ne dispose pas de mon tems d'avance. Mais dès que le moment sera passé, ce qui ne saurait tarder, je vous demanderai un jour et une heure fixe et pour moi toute seule. Portez vous bien jusque là, je vous en prie, de même que tous ceux qui vous sont chers.

Е.

Lundi, 23 Fevr.

(*) Въ 25 день Февраля послѣдовало рожденіе Великой Княжны Маріи Михаиловны. *Прим. Изд.*

Je m'aperçois que grâce à la delicatesse de mon langage mon billet pourrait s'appliquer à une conspiration aussi bien qu'à une couche, et comme je n'aime pas les choses à double entente, je vous prie de le bruler.

42.

Отъ Карамзина къ Императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ.

Меня не было дома, когда принесли Вашу любезнѣйшую записку, *двусмысленную*: я разсмѣялся, и тѣмъ болѣе дорожу ею. Она можетъ сгорѣть развѣ въ пожарѣ, вмѣстѣ съ домомъ, въ которомъ живемъ. Жаль, что Вы означили въ припискѣ le mot de l'énigme, и такимъ образомъ устранили любопытную догадку какого нибудь ученаго Комментатора вѣковъ будущихъ!

Ждемъ пушечныхъ выстрѣловъ. Дай Богъ, чтобы все благополучно кончилось, а Вы какъ можно менѣе безпокоились и какъ можно болѣе обрадовались, безъ малѣйшаго вреда для Вашего здоровья драгоцѣннаго!

Вы два раза выѣзжали: надѣюсь, что выѣдете и въ третій, съ удовольствіемъ и съ пользою. Время сегодни еще пріятнѣе вчерашняго.

Всѣмъ семействомъ повергаемъ себя къ Вашимъ стопамъ. Какъ ни желаю щастія видѣть Васъ, но еще болѣе желаю знать, что Вы здоровы.

Душею и сердцемъ Вамъ преданный

Н. Карамзинъ.

24 Февр.
1823.

43.

Отъ Императрицы Елисаветы Алексѣевны къ Карамзину.

Je m'adresse à mon tribunal suprême pour la langue russe afin qu'il prononce sur un point de litige entre moi et un Russe de naissance, mais dont le style n'est pas sans appel pour moi. Voici le fait: je donne à la Bibliothèque de l'Académie Medico-Chirurgicale des ouvrages qu'on a désiré, et les chefs mettant du sentiment à cette affaire m'ont prié d'inscrire qnelques lignes de ma main sur le premier feuillet. Vous voyez qu'il s'agit pour moi de passer peut-être à la postérité, et je désire que cela soit de la manière la moins défavorable. Que ceci me serve d'excuse de ce que je vous ennuie de minuties. On m'engage à écrire: *Библіотекѣ Имп. Медико-Хирургической Академіи въ знакъ всегдашняго и искренняго моего доброжелательства,* et il me semble que le dernier mot n'est pas assez précisé, parce qu'on peut demander s'il a rapport à la Bibliothèque, à l'Académie ou à quelque autre objet? Si je me trompe, corrigez moi, ce sera m'instruire. Je croyais qu'il vaudrait mieux dire — *искренняго моего доброжелательства къ сему заведенію, или къ успѣхамъ сего заведенія.* Je le croyais, mais je n'ose pas disputer contre quelqu'un qui sans doute connait sa langue mieux que moi, et je demande votre appui ou votre correction; l'un ou l'autre me seront bien agréables parce qu'ils m'éclaireront également.

Mille et mille pardons, Monsieur, de mon indiscrétion; si vous trouvez ennuyeux d'écrire sur un sujet semblable, passez chez moi, je vous prie, vendredi pour me répondre verbalement. J'aurai double profit de ma question.

E.

Mercredi, 11 Mars.

44.

L'Empereur me charge, Monsieur, de vous exprimer sa reconnaissance pour le manuscrit que vous lui avez envoyé par mon entremise; il ajoute qu'il vous devra une lecture agréable et instructive pendant son voyage. Comme il me dit qu'il compte, s'il en a le tems, vous écrire, pour vous remercier lui même, peut-être le courrier arrivé hier vous a-t-il apporté sa lettre et je ne fais que vous répéter ce que vous savez déjà. Toutefois vous ne m'en voudrez pas de mon empressement dont vous reconnaitrez le motif.

Veuillez finalement mettre le comble à l'interêt que vous témoignez toujours à Mlle Pluskoff en lui fesant savoir qu'il ne dépend que d'elle de venir habiter ici son ancien appartement sous la colonnade, celui du nouveau palais ayant été demandé pour la suite du G. D. Nicolas.

Ne me répondez pas, Monsieur, vous êtes occupé, vous souffrez de la chaleur, et je connais le prix de chaque trait de plume dans ces circonstances. Je joins ici un des rapports de Wylié que vous aimez à lire.

E.

Vendredi, 29 Mai.

45.

От Карамзина къ Императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ.

По моему обыкновенію въ такихъ случаяхъ, я какъ мятежникъ Васъ не слушаюсь — и пишу.

Сто разъ цѣлую Вашу милую ручку, благодаря сердечно и Васъ и Царя. Письма ко мнѣ не было; но любезное слово, черезъ Васъ сказанное, стоитъ письма особеннаго.

Дай Богъ здоровья и нашему ученому Вилье за такое удовлетворительное врачебное донесеніе! На сей разъ оно не такъ учено слогомъ, но прекрасно содержаніемъ.

Тотчасъ напишу къ Плюсковой. Это утѣшитъ ее въ горѣ.

Желаю, чтобы Вы лучше моего сносили жаръ. Могу только за другихъ радоваться Италіянскому лѣту. Но все хорошо въ свѣтѣ, какъ послѣ узнаемъ.

Еще цѣлую Вашу ручку. Богъ съ Вами и съ нами!

Вашъ

Карамзинъ.

29 Мая.

46.

Желаю добраго утра. Если Вы не читали и желаете читать эту Ламартинову новость, то оставьте у себя.

Вѣрнѣйшій изъ подданныхъ

Карамзинъ.

3 Іюня.

47.

От Императрицы Елисаветы Алексѣевны къ Карамзину.

Mille remerciemens, Monsieur, de votre souvenir et de votre aimable attention. Je n'ai pas lu encore cette dernière production de La Martine, mais je desirais la lire.

Permettez-moi de profiter de cette occasion pour demander par vous à Madame Karamsine de me faire le

plaisir de venir chez moi demain après-dîner à six heures, si toutefois rien ne l'en empêche. J'espère aussi que de mon côté aucun obstacle imprévu ne viendra contrarier la satisfaction que je me promets de la revoir chez moi.

E.

Jeudi, 4 Juin.

48.

От Карамзина къ Императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ.

Становлюсь на колѣни и винюсь въ винѣ неумышленной. Вы думали вчера (какъ сказалъ мнѣ Государь) что я приду—а я не пришелъ! вотъ мое оправданіе: я надѣялся имѣть щастіе видѣть Васъ послѣ Вашей прогулки, но единственно въ такомъ случаѣ, когда бы Государь еще не возвратился; свѣдавъ же, что Онъ уже здѣсь, и зная, что Вы обыкновенно бываете съ Нимъ въ это время, я остался дома, не воображая, что Каммердинеръ могъ доложить Вамъ о словѣ, произнесенномъ мною въ полголоса, и которое было для меня только мыслію. Теперь же молю о великодушномъ прощеніи неосторожнаго, разсѣяннаго, *ветхаго* Исторіографа (это прибавляю для того, чтобы Васъ разжалобить); а въ наказаніе себѣ смиренно требую, чтобы Вы никакъ не отвѣчали ни полустрокою: тогда буду спокоенъ. Сегодни не смѣю къ Вамъ явиться, зная, что у Васъ будетъ довольно гостей, и что Вамъ нужны силы.

Встаю на ноги, но поклонившись Вамъ въ землю

всеподданнѣйшій

Карамзинъ.

Въ Субботу
11 Іюля.

49.

От Императрицы Елисаветы Алексѣевны къ Карамзину.

Je ne puis laisser sans réponse votre aimable billet qui m'a dedommagée du désapointement, que j'ai éprouvé hier; j'étais sûre cependant avant que vous ne me le disiez qu'il ne pouvait provenir que d'un mésentendu ou d'une bonne intention de votre part. Malheureusement je ne puis vous demander ni pour aujourd'hui, ni pour demain, de venir chez moi, mais passé dimanche, si je n'ai pas succombé à la réjouissance qu'occasionne le baptême (*), j'espère que vous ne remettrez pas trop longtems à venir me voir.

E.

50.

От Карамзина къ Императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ (**).

Вы доѣхали, какъ пишутъ, благополучно: слава Богу! Ждемъ дальнѣйшихъ вѣстей съ надеждою на дальнѣйшую милость Божію. Мы ежедневно слѣдовали за Вами по картѣ: теперь остановились глазами на берегу Азовскомъ, но еще не совсѣмъ успокоились. Какъ будетъ дѣйствовать на Васъ тамошній климатъ? Хотѣлось бы все знать и видѣть. Что ни скажутъ, что ни напишутъ, а все чего-то не достанетъ. Одинъ взоръ на Васъ сказалъ бы мнѣ гораздо болѣе. Къ не-

---

(*) Крещеніе Великой Княжны Александры Николаевны, въ воскресенье 12 Іюля. *Прим. Изд.*

(**) Ни этого письма, ни слѣдующаго подъ № 52, не отыскано въ подлинникѣ. Оба напечатаны съ оставшихся копій. *Прим. Изд.*

щастію, воображеніе не замѣняетъ глазъ для сердца: замѣнимъ все теплою молитвою!

Знаемъ, что Вы, кромѣ удовольствія видѣть хорошій край Россіи, для Васъ новый, имѣли въ пути еще живѣйшее удовольствіе, хотя для Васъ уже и не новое: видѣть, какъ любятъ Васъ Русскіе! Не могу сердиться на ихъ нескромность въ такомъ случаѣ, какъ ни желаю для Васъ покоя и *равнодушія здороваго* (говоря языкомъ философическихъ Медиковъ). Кого любятъ добрые люди, того любитъ и Богъ, отъ котораго еще болѣе, нежели отъ климата и покоя, зависитъ Ваше здоровье.

Если бы здѣшняя погода могла имѣть какую нибудь связь съ Таганрогскою, то я бы безпрестанно смотрѣлъ на небо и на барометръ, чтобы знать или угадывать состояніе Вашей атмосферы; но отдаленность уничтожаетъ всякую симпатію между Азовскою и Невскою природою. У насъ холодно и мрачно: у Васъ, надѣюсь, тепло и свѣтло. Желаю, чтобы Вы могли еще и поѣздить вокругъ Таганрога, если осень хороша, и если движеніе благопріятно для Вашего здоровья: живописная Таврида не далеко. — Я, домосѣдъ, ничего не видалъ; но умѣю воображать красоту ея горъ и долинъ. — Каковъ видъ Азовскаго моря? Представляю себѣ, что Вы, сидя подъ окномъ Вашего кабинета, смотрите на его зыбь или кипѣніе, держите въ рукахъ книгу, читаете, и снова устремляете взоръ на царство Нептуново! Не боюсь за Васъ скуки: съ Вами Государь, Природа, книги и дѣятельность Вашей души съ богатствомъ мыслей и воспоминаній. У Васъ досугъ безъ праздности; а досугъ есть наслажденіе для такого сердца, какъ Ваше. — Дай Богъ только здоровья, здоровья!

Вы такъ ко мнѣ милостивы, что скажу и о своемъ: чувствую себя лучше, и, кажется, уже не худѣю. Хожу пѣшкомъ и ѣзжу верхомъ неутомимо. Дни ясные меня развеселяютъ: любуюсь Царскимъ Селомъ, садомъ, паркомъ, и не завидую Италіи. Мы безпокоились о Сонюшкѣ, которая была нездорова: теперь, слава Богу! покойны. Ввечеру занимаемся чтеніемъ, и жалѣемъ что вечера не длиннѣе. Занимаемся также экзаменами нашихъ двухъ сыновей. Андрей удивляетъ насъ своимъ понятіемъ: Географія свѣта у него на ладони, Ариѳметика и Грамматика въ головѣ, Исторія въ памяти и въ умѣ. Улыбнитесь на счетъ родительскаго энтузіазма: мнѣ кажется, что я еще никогда не видывалъ такихъ учениковъ не только десятилѣтнихъ, но и пятнадцатилѣтнихъ! Передаю Вамъ свое живое чувство, и также не безъ меланхоліи: мнѣ и отъ радости бываетъ грустно!

Но боюсь утомить Васъ письмомъ, какъ нѣкогда боялся утомлять разговоромъ. Пріимите изъ глубины нашихъ сердецъ увѣреніе, что мы любимъ Васъ, какъ только умѣемъ любить: я и жена моя нераздѣльно, а дочери и сыновья по ихъ лѣтамъ. Съ умиленіемъ вспоминаемъ минуту прощанія! Мысленно, и съ нѣжнѣйшимъ чувствомъ, цѣлую Вашу милую руку, желая весною дѣйствительно поцѣловать ее — и съ радостію! Ваше искреннее благоволеніе конечно составляетъ для меня одну изъ прелестей моей жизни вечерней. Богъ съ Вами!

На вѣки Вашъ

Н. Карамзинъ.

Царское Село,
6 Окт. 1825.

Осмѣливаюсь приложить письмо къ Государю.

51.

От Императрицы Елисаветы Алексѣевны къ Карамзину.

Je n'aurais assurément pas passé quinze jours sans vous remercier, Monsieur, du plaisir que vous m'avez fait par votre lettre du 5 Oct., si bientôt après l'avoir reçue, la nouvelle de la mort de mon beaufrère (*) n'était venue me troubler assez pour m'ôter pendant quelque tems la liberté d'esprit que je désirais avoir en vous écrivant. Ma santé n'a pas souffert de cette peine inattendue, et je vous le dis, afin de vous prouver que je sais reconnaître l'amitié et l'intêret que vous me témoignez si constamment et que je retrouve encore dans toute votre lettre. Je voudrais vous remercier de chaque mot et m'y arrêter pour vous répondre, vous dire combien je vous suis obligée de ce que vous me parlez de votre santé et de ce que vous me donnez par écrit les détails sur votre famille que je suis habituée à recevoir de vous en conversation. Je me réjouis des bonnes dispositions de vos fils et ne crois pas à de la partialité dans votre jugement. Si la tendresse aveugle certains parens, elle en rend d'autres trop difficiles quelquefois et vous pourriez bien plutôt pencher de ce côté là. La santé de Mademoiselle Sophie m'a donné de l'inquiétude par ce que m'en disait la P^ce^ Marie. Je suis tout-à-fait rassurée maintenant que vous l'êtes. Veuillez dire mille choses de ma part à vos deux filles. Pour Madame Karamsine, je lui adresse tout ce que je vous dis et ne saurais la séparer de vous en rien.

Votre lettre m'est parvenue deux jours avant le départ de l'Empereur pour la Crimée; il m'a chargée de vous faire ses remerciemens pour celle que vous lui ad-

(*) Короля Баварскаго Іосифа Максимиліана. *Прим. Изд.*

ressez, et de vous dire que son voyage retardera sa réponse. Il sera de retour j'espère dans 3 jours après une absence de plus de quinze; j'ai éprouvée ainsi la privation d'un des biens dont votre sollicitude pour moi fesait la juste énumération. Il m'est resté la Nature qui offre encore de bien beaux jours, mes livres qui me font souvent penser à vous et avec reconnaissance, et mon imagination qui marche en différens sens. Cette mer d'Asof dont vous me demandez des nouvelles a des momens de grande beauté. La vue de Taganrŏg qu'on trouve dans l'ouvrage de Pallas ne donne qu'une idée très imparfaite de son site pittoresque. Ses belles teintes du midi que j'ai plus d'une fois admirées sur la mer et au ciel, jointes à quelques localités et aux figures orientales qu'on rencontre à chaque pas, m'ont fait penser à Byron; un rivage escarpé, d'anciennes fortifications, des navires dans une baie, des matelots grecs ou turcs avec des figures rebarbatives, voilà les décorations de la plupart de ses poëmes, et du haut d'une terrasse sur le mur de notre jardin, d'où je vois tous ces objets, il me semblait comprendre ses inspirations.

Ma prochaine lettre accompagnera l'envoi du roman de Walter Scott que je dois à votre complaisance. Je n'ai pas pu le lire en voyage, mais il m'a procuré ici des momens bien agréables.

Il me faut enfin vous parler de ma santé avant de finir ma lettre; je crois que vous seriez assez content de mon visage et il me semble depuis quelque tems que je gagne des forces. La suite du tems me permettra, j'espère, de parler plus positivement encore. Je n'ai pas osé risquer cependant un voyage en Crimée, qui, toute rapprochée qu'elle paraisse, est encore à 500 verstes d'ici. J'ai en perspective une tournée dans ce beau pays

le printems prochain avant que de retourner à Pétersbourg. Si Dieu daigne permettre la réussite de mes ésperances, je vous rapporterai alors à Zarskesélo tous mes souvenirs de différens genres. En attendant puissent mes voeux pour vous et les vôtres être exaucés, et le Ciel vous comblera tous de ses bénédictions.

E.

Taganrog, 2 Novembre
1825.

52.

От Карамзина къ Императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ.

Пишу, не надѣясь и даже не смѣя желать, чтобы Вы это читали. Кто дерзнетъ быть Вашимъ утѣшителемъ? или говорить Вамъ о своей печали? Мы любили Государя; но что наша скорбь передъ Вашею? Не имѣю силъ вообразить, что дѣлается въ Вашемъ сердцѣ, и что свыше человѣчества. Есть Богъ! это уже послѣднее для Васъ испытаніе и начало бытія неземнаго. Такъ думаю въ утѣшеніе самому себѣ. Сердце, столь ужасно сокрушенное, въ глубокой тьмѣ здѣшняго міра уже не освѣщено ли какимъ нибудь таинственнымъ лучемъ Неба? Не питается ли чѣмъ нибудь сокровеннымъ, для насъ непонятнымъ? Достигаю до Васъ только молитвою безмолвною: нѣтъ словъ, нѣтъ и мыслей. Чего просить отъ Бога для Васъ? Но молюся: однимъ чувствомъ любви, яснымъ для Того, Кто посылаетъ намъ страданія, чтобы очистить насъ безъ сомнѣнія для блаженства, которое, можетъ быть, уже извѣстнѣе Вамъ нежели мнѣ. Никогда Вы не были

для меня такъ велики и лучезарны, какъ нынѣ. Повергаюсь къ Вашимъ ногамъ съ слезами, смиреніемъ и все еще съ прежнею любовію. Гдѣ нибудь Васъ увижу, и вездѣ ближе къ Богу, Котораго судьбы не всегда будутъ для насъ неисповѣдимы. На вѣки Вашъ

Н. Карамзинъ.

С. Петербургъ,
4 Декабря 1825.

1826 г.

53.

От Императрицы Елисаветы Алексѣевны къ Карамзину.

Vous avez été un des premiers à m'exprimer votre propre douleur, Monsieur, et l'interêt que vous prenezà la mienne. Je ne pouvais que m'attendre de votre part aux sentimens que j'ai trouvé dans votre lettre; je l'ai reçue et lue avec reconnaissance, mais je ne sentais dans ces momens-là que le mal qui déchirait mon ame. Maintenant que je puis mieux me figurer l'état de la vôtre et me retracer l'amitié que j'ai toujours rencontrée en vous, c'est un besoin pour moi de vous dire que je ne suis pas ingrate, que quelque bouleversement qu'ait éprouvé tout mon être, rien ne pourra jamais assez fermer mon coeur pour me faire oublier l'amitié et la bienveillance que vous m'avez toujours témoigné et pour ne pas vous rendre ces sentimens du fond de mon ame. Je m'adresse à Madame Karamsine aussi bien qu'à vous, Monsieur; vous savez que je ne vous sépare pas.

Que vous dirais-je de plus à mon sujet? Il n'y a rien à dire. J'ignore si, où, quand je vous reverrai dans ce monde. Que le Ciel vous préserve de tout mal et de toute peine particulière. Croyez, que quand même je ne

vous reverrais pas, mes sentimens pour vous, ici, et j'éspère dans l'éternité aussi, seront toujours les mêmes

Elisabeth.

Taganrog, 9 Fevrier 1826.

ПИСЬМА И ЗАПИСКИ

БЕЗЪ ОЗНАЧЕНІЯ ГОДОВЪ.

54.

От Карамзина къ Императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ.

Жизнь коротка, и тѣмъ живѣе чувствуемъ ея пріятности; тѣмъ живѣе чувствую Вашу, если смѣю сказать, *любезность*: это слово можно, думаю, употреблять и въ самомъ высокомъ смыслѣ! Воображеніемъ цѣлую Вашу милую ручку, въ надеждѣ поцѣловать ее существенно черезъ нѣсколько часовъ, какъ Вы дозволяете.

Вѣчно Вашъ

Октября 2-го. *Н. Карамзинъ.*

55.

От Императрицы Елисаветы Алексѣевны къ Карамзину.

Je suis bien fâchée de ne m'être pas trouvée chez moi hier lorsque vous êtes venu me voir, Monsieur. Quoique je doive aller à Pawlowsky cet après-diner, je crois être de retour à sept h. et demi, et vous en préviens dans l'espoir que vous serez disposé à me faire le plaisir de revenir aujourd'hui.

Je vous prie de ne pas répondre à mon billet, ce serait interrompre vos occupations. Un *хорошо* me suffira.

E.

56.

J'ai extrêmement regretté, Monsieur, de n'avoir pas pu vous remercier moi-même ce matin de la lecture intéressante que vous m'apportiez. Je ne pouvais pas vous recevoir dans ce moment-là, et je n'osais pas vous arrêter. Je joins ici la lettre de votre frère que j'ai lue avec beaucoup de plaisir. Vous êtes probablement à Gatchina à l'heure qu'il est, mais vous trouverez à votre retour mes remerciemens et ma prière de venir chez moi un de ces soirs; quoique je sois encore très peu propre à la conversation et d'assez ennuyeuse société à cause de ma toux, je compte sur votre indulgence,car réellement il y a de l'indiscrétion à vous demander de venir chez moi.

E.

57.

J'ajoute un mot à mon paquet préparé depuis ce matin et vous remercie de votre lettre si bonne, si touchante que j'ai reçue par la poste il y a deux heures. Il est bien vrai, et ce n'est pas la première fois que je l'éprouve, que les circonstances affligeantes dans la vie, rapprochent ceux qui s'aiment véritablement. Si dans quelques jours vous n'êtes pas à Pétersbourg, je remplirai votre désir en vous écrivant.

58.

Je quitte Zarskesélo demain, et je ne puis renoncer à l'habitude de dire adieu à Mde Karamsine et à vous, Monsieur, que j'y laisse toujours après moi. Permette moiz

donc de reclamer cette habitude et faites moi le plaisir si c'est possible de venir chez moi tous les deux ce soir à sept heures. Si par hasard quelque empêchement s'y opposait de votre part, c'est à Pétersbourg que je vous demanderais de m'en dédommager.

E.

Je reçois à l'instant votre billet et suis charmée de voir que nous nous sommes devinés.

57.

Je ne dois pas être surprise de votre aimable attention à me procurer une lecture que je désirais, mais je vous en dois des remerciemens que je vous fais de mon coeur, en vous promettant que je mettrai la plus grande hâte à lire ces deux petits volumes. Encore une fois mille et mille remerciemens.

E.

58.

J'ai été bien fâchée d'apprendre hier à mon retour de Pawlowsky, que j'ai manqué l'occasion de vous voir, Monsieur; ne serait-il pas indiscret de ma part de vous prier de m'en dédommager demain aprés la messe? Je sais que vous n'aimez pas à sortir le matin, mais je me rappelle aussi que plus d'une fois vous êtes venu chez moi le dimanche à cette heure-là, et ce souvenir m'a encouragée à vous demander ce moment avant mon départ pour Peterhoff. Je joins ici l'ouvrage de Cochrane que vous avez été curieux de parcourir, et vous prie, si vous le terminez avant mon retour, de l'envoyer à Mr Stoffregen qui reste ici.

E.

59.

L'arrivée du Pr. de Mecklembourg qu'on attend ce soir m'oblige, Monsieur, de renoncer au plaisir que je me promettais de vous voir; j'en ai d'autant plus de regret que ne prévoyant pas les projets qui pourront exister pour les premiers jours de la semaine prochaine, je ne saurais choisir un jour pour vous prier de me dédommager. Je me flatte cependant que j'en aurai plus d'un à ma disposition et qu'incessamment nous pourrons reprendre nos occupations. En attendant je joins ici les feuilles de ma dernière traduction pour vous prouver que je n'ai pas perdu mon tems. J'éspère aussi qu'avant peu vous me donnerez, Monsieur, de bonnes nouvelles de Madame Karamsine.

E.

60.

От Карамзина къ Императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ.

Что нашелъ, то и посылаю: три рисунка; другіе представляютъ нарядъ мужчинъ. — Вчера я не засталъ А. Н. Оленина: ожидаю его къ себѣ. Между тѣмъ вотъ описаніе наряда Русскихъ Боярынь 1590 года.

«На головѣ сѣтка шелковая, красная, и повязка «(fronteau); сверху шапка съ опушкою, съ жемчугомъ «и съ драгоцѣнными каменьями; въ ушахъ золотыя «серьги съ яхонтами, изумрудами и проч., на шеѣ «ожерелье жемчужное; верхняя одежда изъ краснаго «сукна съ широкими рукавами, которые висятъ до земли «и застегнуты большими золотыми пуговицами; подъ «верхнею одеждою кафтанъ бархатный съ надѣтыми

«рукавами, коихъ нижняя половина, отъ локтя до кисти, «бываетъ обыкновенно изъ золотой парчи; подъ кафта-«номъ ферезь (родъ сарафана). изъ тафты; на рукахъ «запястья, или браслеты; на ногахъ сапожки, изъ жел-«таго, или краснаго, или голубаго сафьяна, вышитые «жемчугомъ.»

Французъ Маржеретъ около 1608 года писалъ о нарядѣ Русскихъ Боярынь:

Elles sont habillées d'une robe longue, aussi large aux épaules que par le bas, ordinairement d'écarlate ou de quelque beau drap rouge, dessous laquelle elles ont une autre robe de quelque étoffe de soie avec de grandes manches larges de plus d'une aune de Paris; sur le devant les manches sont de quelque drap d'or d'un tiers d'aune de longueur, un bonnet sur la tête en broderie de perles. Puis elles portent toutes un collier de perles de quatre bons doigts de largeur, et des pendants d'oreilles qui sont fort longs; elles sont chaussées de bottes de maroquin rouge et jaune, le talon de trois doigts de haut, ferré comme les bottes des Polonais. Elles se fardent toutes, etc.

Въ 1590 году Царица Ирина Ѳеодоровна была такъ одѣта:

«На головѣ корона о двѣнадцати зубцахъ; одежда «широкая бархатная до земли; сверхъ одежды мантія, «осыпанная жемчугомъ и драгоцѣнными камнями.»

Повергаетъ себя къ Вашимъ стопамъ

Исторіографъ.

П. П.—А. Н. Оленинъ у меня былъ и съ усердіемъ все исполнитъ. Мы оба кладемъ перстъ на уста.

III.

ПЕРЕПИСКА СЪ ВЕЛИКОЮ КНЯГИНЕЮ ЕКАТЕРИНОЮ ПАВЛОВНОЮ.

1810 г.

1.

От Великой Княгини Екатерины Павловны къ Карамзину.

Николай Михайловичь! Трудно было бы мнѣ изъяснить уваженіе, которое имѣю къ вамъ. Письмо ваше тѣмъ было для меня пріятнѣе, что подаетъ мнѣ случай сказать вамъ, сколько принимала я участія въ перенесенной вами болѣзни и сдѣланной потерѣ. Для душъ, подобно вашей, чувство быть полезнымъ Отечеству своему можетъ имѣть въ теперешнее время надъ вами сильное вліяніе; предавшись ему вы найдете новыя силы, и увѣреніе, что потомство будетъ благославлять каждый шагъ труда вашего, конечно облегчитъ и печаль вашу.

Прошу васъ и супругу вашу быть увѣренными въ искренномъ моемъ желаніи всякаго вамъ благополучія. Пребываю вамъ доброжелательною.

Екатерина.

2.

Тверь, 8 Іюня 1810 года.

Николай Михайловичь! Пріятенъ для меня каждый случай, когда могу быть съ вами въ сношеніи; пользуясь отъѣздомъ Князя Оболенскаго, возвращаю вамъ съ нимъ Записки Г. Порошина съ благодарностію. Весьма рада слышать, что здоровье ваше и семейства вашего

поправляется. Пожелавъ вамъ всякаго благополучія, прошу васъ быть увѣреннымъ въ истинномъ уваженіи, съ которымъ пребываю вамъ доброжелательная

Екатерина.

3.

Тверь, 4 Ноября 1810.

Николай Михайловичь! Сегодня получила письмо ваше и спѣшу за оное благодарить васъ; не только съ удовольствіемъ желаю васъ видѣть, но и съ нетерпѣніемъ буду ожидать пріѣзда вашего; минуты, когда бесѣдуешь съ мужемъ достойнымъ, посвятившимъ дни свои единственно для пользы Отечества своего, суть такія, которыя не забываются и которыхъ повтореніе есть наипріятнѣйшее; чѣмъ скорѣе буду васъ видѣть у себя, тѣмъ болѣе Принцу и мнѣ сдѣлаете удовольствія; тогда познакомлю васъ съ сыномъ моимъ, для котораго сильнѣйшее мое желаніе есть, чтобъ нѣкогда и его имя могло быть помѣщено со славою въ Исторіи, васъ теперь занимающей. Пріимите увѣреніе въ истинномъ моемъ уваженіи, съ которымъ пребываю вамъ доброжелательная

Екатерина.

4.

Тверь, 14 Декабря 1810.

Николай Михайловичь! Не умѣю объясняться отборными словами, но вѣрьте, что умѣю цѣнить достоинства; ваше знакомство изъ рода такихъ, которыя, воз-

вышая душу, не забываются. Я читаю съ удовольствіемъ Записки Миниха, которыя нахожу весьма любопытными: жду съ нетерпѣніемъ *Россію въ ея гражданскихъ и политическихъ отношеніяхъ*. Прошу супругѣ вашей какъ отъ Принца, такъ и отъ меня кланяться. Съ отличнымъ уваженіемъ пребываю вамъ

доброжелательная **Екатерина**.

1811 г.

5.

Тверь, 5-го Января 1811 года.

Николай Михайловичь! Съ благодарностію возвращаю вамъ Записки Миниха, которыя съ большимъ удовольствіемъ прочла; съ нетерпѣніемъ ожидаю васъ и *Россію*..... Естьли вы къ намъ послѣ 15 пріѣдете, то застанете вѣрно Константина Павловича. Черезъ нѣсколько часовъ мы отправляемся въ Ярославъ на четыре дни; сія есть причина, что болѣе къ вамъ писать не могу. Прошу поклониться отъ меня милой вашей супругѣ и быть увѣреннымъ въ истинномъ моемъ уваженіи.

Екатерина.

6.

Tver, ce 13 Février 1811.

Le Prince Basile m'offrant une occasion d'être en relation avec vous, Monsieur, j'en profite avec bien du plaisir, voulant vous réïtérer mes remercimens de toute la

complaisance, que vous avez eue pour moi et vous assurer de ma parfaite estime. Je vous envoye le reste de ma malheureuse traduction et vais dès demain commencer quelque chose de plus à ma portée, mais *sans dictionnaire*. Comme vous avez la bonté de vous intéresser à tout ce qui nous touche, je vous annonce que la lettre que j'attendais si impatiemment m'est parvenue ce matin à ma très grande satisfaction: car elle est une nouvelle preuve de la perfection de l'être que je veux que vous adoriez; il en est digne et vous en conviendrez quand vous l'aurez entendu; indirectement je viens d'entendre qu'il devait partir la semaine prochaine; ainsi donc, Monsieur, tenez vous prêt. Le général Doktoroff a été des notres aujourd'hui; c'est un bien excellent homme, dont le caractère est peint sur la figure, il est de votre et de notre avis, point d'effusion de sang. Le Prince vous fait mille amitiés; veuillez dire bien des choses de ma part à votre charmante femme; tous deux croyez à ma sincère amitié — sentiment avec le quel je serai toujours votre

dévouée **Catherine.**

7.

Tver, ce 8 Mars 1811.

Représentez vous la mine d'un écolier fautif, qui doit paraitre devant son maitre, et vous aurez, Monsieur, mon fidèle portrait; je ne vous ferai même pas une longue énumération de toutes les raisons d'excuses, que je pourrais avoir, je vous ai avoué mon tort. Vous êtes trop bon pour m'en croire moins zélée patriote. Voici le peu que j'ai fait d'après vos instructions. Les auteurs sont différens; votre bonté m'enhardit, et si peut-être je m'élance trop haut, vous me ramasserez dans ma chute.

Il est dit, Monsieur, que rien n'est stable dans ce monde, pas même une relation fondée sur la *sympathie*, l'estime et l'amitié, car vraiment votre dernière lettre a failli nous brouiller. Vous m'avez accusé sur un article où je n'entends pas plaisanterie et injustement. Toute la faute est de votre côté, car de but en blanc vous m'accusez *d'être une girouette*. Certes je ne mérite pas ce reproche et je vous le prouverai en restant la même en dépit de tout ce que vous pourrez dire.

Pendant que je vous écrivais ces lignes, je viens de recevoir un courier de ma mère avec la nouvelle que l'Empereur part le 12 au soir et sera donc ici le 14. Arrivez, Monsieur, venez, voyez et rendez les armes; du reste le courier nous a apporté la triste nouvelle que le Duc (*) a perdu et quitté son pays, mais nous ignorons encore, où il se rendra, et attendons quelqu'un de sa part à chaque instant; je m'abstiens de tout commentaire: votre coeur le fera et j'ai pleine confiance en lui. Avant de finir je ne veux pas manquer le but principal de ma lettre, et vous reparler de ce qui concerne le Pr. André Obolensky: mon mari lui a parlé cet après-midi: des raisons de famille l'empêchent à ce qu'il dit de se décider avant d'avoir consulté son père, d'autres de modestie le font douter de ses capacités; mais nous ne les admettons; mon mari vous prie donc, Monsieur, d'employer toute votre éloquence à déterminer le Prince dans une affaire qui l'interesse vivement, on ne peut s'empêcher de l'estimer en apprenant à le connaitre. Vous nous rapporterez sa réponse et viendrez le plutôt que vous pourrez, car malgré ce que vous en dites on vous aimera toujours ici, vous et votre char-

(*) Владѣтельный Герцогъ Ольденбургскій.

mante femme. Adieu, Monsieur, dans *quatre jours* je me flatte d'avoir le plaisir de vous voir, vous et Madame. Mes sentimens vous sont connus: ils sont invariables.

8.

St. Pétersbourg, ce 12 Avril 1811.

Malgré le peu de loisir que j'ai, Monsieur, je prends la plume pour vous remercier de votre aimable lettre. Vous m'avez fait peur en me menaçant de votre silence, j'espère que ces lignes changeront vos résolutions. J'ai vu Mr Dmitrieff et vous dois un accueil de sa part infiniment plus favorable que je ne croyais; selon mon habitude je lui ai dit ce que j'avais pensé de lui et nous nous sommes expliqués et j'ose croire entendus; le refrein habituel était toujours un mal horrible de vous. Peut-être n'ignorez vous pas que nous sommes réunis depuis le 1er de ce mois, ce qui nous comble de satisfaction. En voyant le Duc, on est dans le cas d'admirer le triomphe de la vertu, car sa fermeté est une chose admirable ainsi que l'égalité de son humeur. Notre cher Empereur est en parfaite santé; lui ayant dit que je vous écrivais, il m'a chargé de vous faire ses complimens. Le 19 nous partons pour notre bien aimée Tver, où le Duc nous joindra quelques jours après. Si vous voulez avoir une idée de notre genre de vie d'ici, pensez à celle des chevaux de poste qui n'ont aucun repos; vraiment on n'a pas même un instant pour rassembler ses idées. Mon mari vous dit mille choses, sa santé est très bonne, j'embrasse Madame de coeur et d'ame, et vous assure de ma constante amitié, étant votre

dévouée **Catherine.**

9.

Tver, ce 23 Avril 1811.

Etant arrivée avant-hier au soir, Monsieur, je profite de la première poste pour vous faire tenir la lettre que votre ami m'a remis pour vous; je vous accuse en même tems la reception de la votre que j'ai trouvé ici et qui m'a fait un grand plaisir; j'ai également retrouvé mon enfant avec une joie que vous comprendrez mieux que personne, vous qui savez sentir et aimer; il a extrêmement gagné en intelligence et en graisse, de façon que j'ai toute satisfaction au moral et au phisique; le 25 nous attendons le Duc et le Prince; et Monsieur et Madame Karamsine quand viendront ils? Si vous avez quelque crédit sur eux, faites moi le plaisir de l'employer en ma faveur, car mon impatience est extrême de les revoir. J'ai vécu dans le tumulte le plus assommant depuis un mois et le repos dans *ma bien aimée* m'en parait d'autant plus délicieux; dès demain les traductions et diverses occupations vont recommencer; j'ai besoin de rassembler mes idées, elles ont été tellement errantes ces tems-ci que je ne sais trop où les aller chercher. D'ici je ne puis vous rien dire, si non que nous avons un tems délicieux et que nous sommes fort occupés de l'arrangement des appartemens de nos chères visites; il y a des meubles qui n'arrivent pas et nous causent un bien grand mécompte, enfin *patience* c'est la vertu des sages et des sots, à ce que l'on prétend, je ne me permets pas de décider la question. Je crois que vous avez bien envie de me prier d'être aussi laconique, que moi de vous voir bavard en m'écrivant, mais que voulez vous? il y a de certains gens qui me rendent *pie*. Mon mari dit mille choses à l'aimable ménage; si je disais à Madame absolument

ce que je pense sur elle, Monsieur me renverrait promener; je me borne donc à le lui laisser deviner en l'embrassant de tout mon coeur. Comptez toujours sur ma considération distinguée.

10.

Tver, ce 25 May 1811.

Des personnes prétendues bien informées m'ayant dit, Monsieur, que pour le vingt nous aurions le plaisir de vous posséder ici, j'ai tardé à vous répondre et à vous remercier de vos deux aimables lettres; je viens d'apprendre que vous avez eu un enfant malade et je m'empresse de vous témoigner la part sincère que je prends à vos inquiètudes. En voyant l'écriture russe de mon maitre j'ai pris peur et ensuite il m'a fallu soutenir un combat: mon amour-propre luttait avec ma faiblesse, et, oh! honte, celle-ci l'a emporté; je pensais vous répondre en russe, mais je n'ose. Les traductions sont ajournées; je passe mes journées au sein d'une famille chérie et j'ose dire qui mérite de l'être, mais je dois vous avouer que sa présence nuit à l'étude. En appeler à l'homme sensible, à l'homme vertueux pour lequel aucune jouissance du coeur ne parait exagérée, à celui qui chérit la nature, c'est vous nommer. Soyez donc généreux et pardonnez moi de sacrifier au sentiment en dépit de la froide raison. Comme le *ténébreux Basile* vient d'être achevé, et que la petite famille est rétablie, permettez aux amis de revendiquer leurs droits; je veux que vous me deviez encore une bonne connaissance; le monde n'en fournit pas beaucoup de cette nature. Tout en vous rappelant vos engagemens je veux être juste, *venez si vous le pouvez sans vous gêner*; vous inspirer même momentanément un pareil sentiment me ferait

beaucoup de peine; j'exige de votre amitié de ne pas faire un pas qui ne vous convienne absolument. Recevez les complimens de mon mari. Madame Karamsine voudra bien me permettre de l'assurer, qu'elle n'a pas beaucoup d'amis qui lui veuillent plus de bien que je ne le fais. Conservez moi votre souvenir et comptez toujours sur le mien.

11.

Tver, ce 3 Juillet 1811.

Со страхомъ и трепетомъ беру перо; боюсь во первыхъ учителя, но боюсь еще вдвое, не оскорбила ли я пріятеля долгимъ моимъ молчаніемъ. Послѣ отъѣзда вашего и мы отправились на одиннадцать дней; въ В.-Волочкѣ я получила ваше письмо; мы страдали жаромъ и пылью, но, слава Богу, всѣ здоровыми пріѣхали домой; съ тѣхъ поръ кромѣ кисти, нѣтъ у меня ничего въ рукѣ, тороплюсь поспѣть съ работою для матушкина праздника; мы еще неизвѣстны, не поѣдемъ ли къ сему дню въ Петербургъ. Принцъ долженъ посѣтить Маріинской и Тихвинской каналъ; они близь столицы, нельзя ее миновать. Естьли сіе сбудется, то мы полагаемъ ѣхать 17, а возвратиться сюда 17 Августа.

Avouez moi, que voilà un grand effort; il n'y a que vous qui puissiez me le faire faire; savez vous, Monsieur, que vraiment je suis inquiète que vous ne m'en vouliez; ne le faites pas, ce serait injuste. Hier le Sénateur-Curateur K..... a diné chez moi, mais il à trouvé ma cuisine malsaine ayant dû y avaler deux plats fort indigestes — l'exposé de mon opinion et de mes sentimens pour vous et pour le Professeur Buhle; à cette occasion j'ai eu un grand plaisir en voyant que le méchant se trahit

lui même; sa phisionomie, ses actions, étaient en parfait contraste avec ses discours; il a dit mille biens de vous et de lui, mais il est de naturel trop sincère pour que personne y soit trompé. Nous vivons au reste comme toujours entre nous et paisiblement; je crains pourtant que bientôt le Duc et le Prince ne soyent dans le cas d'aller à Pétersbourg; j'ai fort envié à ce dernier la promenade qu'il a faite avec vous; peut-être un jour aurais-je la même satisfaction. Veuillez dire à ma chère Madame Karamsine que je l'aime beaucoup et la prie d'en faire autant à mon egard. Le Duc, le prince Auguste et mon mari vous font mille amitiés; pour moi, Monsieur, je vous assure d'une chose, c'est qu'il est impossible de vous désirer plus de bonheur et de vous vouloir plus de bien que je ne le fais. Ne m'oubliez pas et croyez à ma sincère amitié.

12.

Tver, ce 14 Juillet 1811.

Оставляя на мѣсяцъ милой свой городъ, не хочу сіе сдѣлать не откланиваясь учителю любимому; мы ѣдемъ на недѣлю въ Петербургъ, а потомъ по должности. Письмо ваше меня ободрило, но на подобіе блаженной памяти отставнаго бога Фаетона и я можетъ спотыкнусь; пріимите и изцѣлите раны, проще, простите ортографическія ошибки, хоть это не стихотворно. Всѣ сыны Отечества какого не были бы рода, читаютъ, размышляютъ, судятъ; *судебной Сенатъ* обширное поле имъ даетъ къ оному. По невѣжеству своему мнѣ кажется очень хорошо, кромѣ бездѣлицъ лишнихъ.

Суворова жизнь отъ Автора мнѣ прислана, страхъ высоко летаетъ. Вотъ мои всѣ новости.

Vous me faites faire des miracles par le désir que j'ai de vous complaire. Comme vous savez le prix que je mets à votre amitié, jugez du plaisir que votre lettre m'a fait; je vous en remercie de tout mon coeur; le Duc également m'a chargé ainsi que mon beau-frère de ses complimens; ils nous ont quittés avant-hier. Je voudrais être revenue, ce voyage ne m'est point une perspective agréable; à mon retour j'espére que mon maitre et mon ami voudra bien me faire une petite visite; mes amitiés à ma chère Madame Karamsine que j'aime de tout mon coeur. Pardon, si je finis déjà, mais une veille de départ on n'est pas trop libre. Ne m'oubliez pas et croyez à ma sincère amitié.

13.

Тверь, 17 Августа 1811.

Не медлю написать милому учителю, что его друзья третьяго дни возвратились въ тихой любезной Тверь.

Въ день отъѣзда изъ столицы получила письмо ваше; изъ удовольствія, изъ хвастовства показала его матушкѣ, которая очень была имъ обрадована и поручила мнѣ вамъ сіе сказать; нашъ Государь приказалъ вамъ много кланяться; какой Государь, какая душа! Сдѣлавъ велѣнное, буду теперь болтать. По плану нашему мы только недѣлю остались въ столицѣ; поѣхали на Маріинской каналъ, которой заслуживаетъ всякаго вниманія; природа человѣкомъ покоренная есть зрѣлище удивительное; я давно почитала Деволанта, но

теперь съ удивленіемъ на него смотрю; онъ соединяетъ искуство и скромность. Отъ Маріинскаго канала мы поѣхали къ Тихвинскому, которой такъ-же весьма полезенъ, но не столь величественъ.

Теперь возвратились мы къ маленькому, которой насъ принялъ съ тремя зубами, которые онъ весьма легко сдѣлалъ; завтра ему годъ минуетъ; для насъ это большой праздникъ. Вашъ другъ Дмитріевъ желаетъ васъ видѣть въ Петербургѣ, но еще болѣе себѣ желаетъ быть въ Москвѣ; какъ бы вы ни рѣшились, но прошу насъ не забыть; и *Темный* и *сынъ* его кончены безсумнительно, вамъ нужно отдыхать; пріѣзжайте къ друзьямъ нетерпѣливымъ васъ видѣть и бесѣдовать. Много новаго: мнѣ не слѣдуетъ рѣшить, успѣхъ вѣнчаетъ ли предпріятіе. Въ Сентябрѣ Герцогъ къ намъ будетъ; Принцъ на этихъ дняхъ поѣдетъ въ Ревель; въ прочемъ наша жизнь все по старому.

Permettez moi, Monsieur, après avoir travaillé à vous étaler ma science, de dire du moins un petit mot d'amitié à Madame Karamsine; elle sera plus humaine que vous, dont j'ai, je l'avoue, grandement peur; je la prie de me continuer son souvenir, car j'y tiens infiniment; recevez tous deux l'assurance de mon amitié inviolable; mon mari vous fait à tous deux mille complimens.

14.

Tver, ce 30 Août 1811.

Il m'est impossible, Monsieur, de ne pas profiter de l'occasion qui se présente pour vous dire la part que je prends à vos peines. Savoir l'homme vertueux souffrant est

plus triste encore; pour lui c'est peut-être un triomphe, mais pour ses amis un cruel spectacle; j'en connais le sujet, votre consolation doit être dans la pureté de vos intentions. Malgré le plaisir que j'aurais à vous voir, que votre parole ne vous lie point; vous causer de l'embarras m'affligerait; venez quand vous le pourrez, quand vous n'aurez rien de mieux à faire. Je fais bien des voeux pour le retablissement de votre petite et le votre. Comptez toujours sur ma sincère amitié. J'embrasse Madame Karamsine de tout mon coeur.

15.

Tver, ce 17 Septembre 1811.

Votre lettre, Monsieur, m'a causé un sentiment de peine très vif. Voir la vertu souffrante et souffrante par le coeur est le plus triste spectacle. Leur bonheur sera le votre, faisons donc des voeux pour qu'ils ne se repentent pas de leur légèreté. Votre âme est plus philosophe que votre corps à ce qu'il semble, quoique je serai bien tentée d'en douter; votre franchise même ne m'est pas un sûr garant du contraire. Vous voulez paraître au dessus des vicissitudes de la fortune; vous vous en faites l'illusion, mais ce coeur trop sensible agit malgré vous sur la machine. Quoi qu'il en soit, ce n'est pas moi qui jamais prêcherai l'insensibilité; sentez, souffrez, il viendra un moment où vous jouirez. Votre confiance m'est chère, car quand je pense à vous, j'éprouve un sentiment de bien-être et je me dis: voilà un excellent homme. Au lieu de vous engager à venir dans ce moment nous voir, je vous annonce notre départ. Le Prince

a reçu ordre de se rendre dans le gouvernement de Witepsk pour visiter des rivières et le canal de Bérésina; fidèle à mes principes, je le suis: on m'en blâme je le sais; à Dieu ne plaise que je me mette au-dessus de l'opinion, mais je la brave et la braverai toujours quand ma conscience me dira qu'elle est en opposition avec mes devoirs; l'exemple d'un bon ménage est le seul service que je puisse rendre au public. Nous remettrons la discussion de cet article à notre prochaine entrevue. Le 10 d'Octobre nous serons surement ici: peut-être à cette époque pourrez vous réaliser votre projet. Vous nous obligerez beaucoup par là. Il vient de paraître un ouvrage russe sur la question infiniment délicate: la liberté des païsans; je l'ai. Ignorant s'il est permis ou non, je vous le garde; la rumeur qu'il cause est, dit-on, fort grande. Mille et mille amitiés à ma chère Madame Karamsine. Mon mari vous fait bien des complimens à tous deux, et moi je vous assure de ma sincère amitié.

16.

Tver. ce 13 Octobre 1811.

Il y a une heure que le Prince Obolensky, en me parlant de vous, m'a dit, que vous attendiez une lettre de moi pour arriver; je n'ai donc rien de plus pressé que de l'écrire. Arrivez, Monsieur, voir vos amis qui le désirent infiniment. Je vous félicite du rétablissement de votre jeune homme et fais bien des voeux pour qu'il se remette entièrement. Vous êtes trop humble dans vos lettres et surtout dans la dernière; je ne vous donne point de titre en vous nommant vertueux, mais vous appelle de votre nom. Vous avez la bonté de vous inté-

resser à notre voyage ce qui m'autorise à vous dire qu'il a été extrêmement agréable. Le Prince a trouvé les projets très exécutables ce qui est pour l'essentiel; nous avons fait la connaissance d'un très beau gouvernement qui est celui de Smolensk; c'est un jardin, la ville est fort bien. Depuis mon retour je me suis remise aux traductions et propose à mon maître un quart d'heure d'ennui, mais j'ose dire que je lui propose aussi un quart d'heure de jouissance en lui faisant connaitre une pièce de vers digne de lui. Elle nous a tous enflammés, chacun l'a traduit, mais nous attendons le maître pour nous convaincre de notre néant. Portez vous bien et venez recevoir les témoignages d'amitié de ceux qui vous sont attachés de coeur et d'âme. Je ne sépare pas le ménage.

17.

Tver, ce 21 Novembre 1811.

J'ai bien l'air d'une ingrate vis à vis de vous sans l'être en effet, car j'avais commencé une réponse à votre première lettre sans possibilité de l'achever, j'ai reçu la seconde et le charmant album. Je ne puis assez vous remercier de cette nouvelle marque de votre amitié, qui m'est bien chère, car elle me prouve que vous et Madame ne m'en voulez pas pour mon silence bien involontaire. Cet *album* sera conservé précieusement et rien que mes amis les plus favorisés oseront en remplir les pages; je me delecte à le lire. Je vous remercie aussi des livres russes qne vous m'avez envoyés, hélas.....

Mlle Aledinsky est arrivée et quelques jours plus tard le Duc. Vous m'avouerez qu'on peut aimer à causer avec eux. Mon cher maître, ne me grondez pas, je me corrigerai; il y a une vie de Mahomet qui se traduit, il y en a dix lignes d'écrites, c'est quelque chose, on ne peut pas faire plus, menant la vie que je mène à présent; publiez votre histoire et vous verrez avec quelle avidité je la dévorerai. Le Prince est infiniment sensible à votre souvenir. Nous vivons bien agréablement en famille, car je compte Anne Pavlovna pour une seconde mère. Je suis bien charmée que la santé de toute la famille Karamsine soit bonne, tout ce qui la touche m'intéresse. Pour ma personne je ne puis vous dire ce que je fais, car je n'ai pas un moment à moi seule. Dans nos conversations il est bien souvent question de vous, et je vous assure que vous êtes *disséqué* sans pitié, c'est à dire, que hors du bien il n'y a pas le moindre petit mal à déterrer.

Il vous paraitra assez étrange de me voir vous parler de plaisirs; nous en avons eu prodigieusement et en aurons de fondation toutes les semaines pour l'assemblée de noblesse qui s'est déjà rassemblée deux fois. Ayant lu ma lettre, vous vous appercevrez sans peine qu'elle a été prise et reprise au moins dix fois; je me cherche sans me trouver, car vrai je n'ai pas une minute à moi. Quoiqu'il en soit, je me connais assez pour sentir toute l'amitié que je vous porte et qui jamais ne s'affaiblira. Mille et mille choses à mon aimable Madame Karamsine. Mon mari vous prie tous deux de ne pas l'oublier. Le petit fait une nouvelle dent, mais se porte à merveille. Ecrivez moi souvent et aimez moi toujours. De grâce faites moi tenir la note de ce que je vous dois pour les livres russes, infortunés bouquins qui patienteront encore

quelque temps, je pense, jusqu'à ce que je puisse dire à mon cher maître, que je les ai lus.

1812 r.

18.

Tver, ce 4 Janvier 1812.

Ma dernière lettre était très confuse, que direz vous donc, mon cher maître, de celle-ci, écrite la veille d'un départ et du milieu d'une infinité de paquets, enfin dans un moment, où bien loin d'avoir la tranquillité requise pour parler avec un être tel que vous, on n'a malgré soi que l'imagination préoccupée d'objets bien peu intéressans. Mon beau-pére est parti hier soir, mais pour revenir s'établir parmi nous, à ce que j'espère; demain matin Melle Aledinsky, au moment que nous partirons pour Iaroslaw, partira pour Pétersbourg. Tous ces départs à commencer par le nôtre, me font très peu de plaisir. A mon retour je pourrai dire que je retournerai aux livres, aux traductions, à la *grammaire*, et à mes amis, que mon coeur ne quitte pas, si parfois la plume leur fait infidelité. Le prince Basile vous porte ces lignes; nous le voyons partir et surtout partir pour la Pologne avec grand regret, mais connaissant la droiture de son caractère, assurément le devoir et l'honneur le guideront dans toutes ses démarches, car avec lui on en peut avoir la certitude. Dites à la chère Mme Karamsine que je l'aime de tout mon coeur et vous ne lui en direz pas trop; et pour vous, soyez très sur que je suis à vous de toute mon âme.

19.

St. Pétersbourg, ce 24 May 1812.

Avant de vous gronder, mon cher maître, je viens vous féliciter de bien bon coeur; un événement heureux pour vous en est un pour moi. Dieu veuille vous conserver l'enfant que le ciel vous a accordé, et puisse-t-il ressembler pour sa félicité à ses parens, mettant une conscience sans reproche au-dessus de tous les autres biens. Permettez moi à présent de vous dire que je suis *en prétentions*. Oui, Monsieur, car comment ne pas associer vos amis à ce qui vous intéresse, comment ne pas m'admettre pour quelque chose dans votre joie. Si vous n'avez pas voulu de moi, c'est à tort, y ayant pris autant de part que qui que cela soit. Nous vivons dans le vague, l'univers en silence attend son sort, l'Empereur se porte bien, il est content de l'armée, l'armée est contente de lui. Le Prince n'a pas quitté Vilna encore, impossible de prévoir même le moment de notre réunion; Dieu donne qu'elle aie lieu sous des auspices heureux pour notre chère patrie. Vous écrivez l'histoire des siècles passés, hélas! celle du présent offre des spectacles non moins curieux de la versatilité du coeur humain; quand je vous reverrai, j'aurai plus d'une conversation intéressante avec mon cher maître. Je vois souvent votre ami Mr Dmitrieff, nous parlons de vous deux et nous disons que pour le bonheur de l'humanité il faudrait qu'il y eut beaucoup d'êtres comme vous. Le Prince me charge nommément dans sa lettre reçue hier du 19 de vous féliciter de la naissance de votre petite. Mon petit garçon grandit et se fortifie, il vivra j'espère dans des tems plus heureux que nous. Veuillez vous charger de mes amitiés pour la

chère Madame Karamsine; tous deux auriez tort d'oublier celle qui est à vous de coeur et d'âme.

20.

Jaroslaw, ce 13 Novembre 1812.

Сейчасъ я получила письмо ваше и не медлю друга увѣдомить, что я радуюсь его вспоминаніемъ; часто спрашивала, гдѣ онъ и что онъ дѣлаетъ, но тщетно, никто не могъ меня удовлетворить; наконецъ самъ онъ вспомнилъ о его любящихъ. Всѣ мы терпимъ по одной причинѣ, мы терпимъ за мать, за славную Россію, но можемъ ею гордиться и гордо скажемъ порабощеннымъ иноземцамъ: вы собрались со всѣхъ краевъ свѣта, пришли съ огнемъ и мечемъ, но мы, обращая грады наши въ пепелъ, предпочли разореніе ихъ оскверненію, и симъ дали вамъ великой примѣръ; славная наша столица погибла, мы не колебнулись; вы ожидали мира, нѣтъ мы вамъ готовимъ смерть, на вашихъ могилахъ возстанутъ грады наши, яко на славнѣйшемъ подножіи. Плѣнные завидуютъ имяни Русскому, офицеры упрашиваютъ честь носить нашъ мундиръ, ибо нѣтъ свыше оной: Россія была вторая въ Европѣ держава, теперь и на вѣки она первая и скоро къ стопамъ ея прибѣгнутъ Цари, моля о мирѣ и покровительствѣ. Веселитесь мыслію сею, она не мечта, но истина.

Tver, ce 21 Novembre.

J'en étais restée là de ma lettre l'autre jour et depuis un mal de yeux m'a empêché de continuer. Me voilà depuis deux jours dans mon séjour favori que j'ai revu

avec joie, il est rempli de souvenirs chers à mon coeur, j'y ai joui du bonheur le plus pur, et déjà depuis que j'y suis je n'apprends que de bonnes nouvelles; l'ennemi fuit, nous le poursuivons en le détruisant et il semble que la dernière heure du monstre perturbateur du repos de l'univers va sonner; cette gloire sera reservée à la Russie, elle triomphera du monde entier. Rostoptchine notre ami commun me semble un des hommes les plus estimables et les plus malheureux; j'en reçois assez souvent des nouvelles, sa situation est très pénible; il dit, Moskou encore un désert. N'y rentrerez vous pas, Monsieur? Au moins je le désire espérant que le voisinage me procurera le plaisir de vous voir. Vous écrivez l'histoire des siècles passés; si vous la continuez jusqu'à nos jours, vous aurez une belle description à faire. La Russie luttant contre les forces réunies de l'Europe entière, pliant un moment sa tête auguste par la fougue de la tempête, mais la relevant bientôt et reparaissant plus belle que jamais. On peut être fier d'être Russe, c'est au moins le sentiment de mon âme. Mon mari vous dit bien des choses, Monsieur, moi je vous prie d'assurer Madame de ma constante amitié et de me croire toujours à vous de coeur et d'ame.

Catherine.

1813 r.

21.

St. Pétersbourg, ce 28 Fevrier 1813.

C'est avant hier, Monsieur, que j'ai reçu votre lettre: l'amitié que veulent bien nous témoigner les personnes

que nous estimons, nous est toujours précieuse, mais surtout dans un moment de peine; la mienne est extrême je l'avoue (*); recevez mes sincères remerciemens pour la part que vous y prenez; en connaissant le Prince il était, j'ose le dire, impossible de ne pas l'aimer; ma félicité a été d'aussi courte durée qu'elle a été parfaite, et je n'ai que des actions de grâce à rendre à Dieu de me l'avoir du moins fait connaître. Je n'ai point de plaintes à prononcer, car celui que j'ai aimé et que j'aimerai toujours au-dessus de tout, est dans une félicité parfaite et qui sera éternelle. Qu'importent mes souffrances! Ecrivez moi, Monsieur; vos nouvelles et celles de Madame m'intéresseront toujours. Veuillez toujours adresser vos lettres à Pétersbourg, où je laisse les instructions nécessaires pour me les faire parvenir, car dans huit jours je pars pour les païs étrangers, les médecins m'ayant conseillé les eaux d'Egra, et je serai déjà bien loin quand vous recevrez ces lignes; mon fils ainé m'accompagnera, le cadet restera chez ma mère n'osant l'exposer dans un âge si tendre aux fatigues d'un voyage. Continuez moi votre amitié, j'en suis digne par la sincérité de celle que je vous porte; peut-être un jour le sort nous réunira-t-il; vous me retrouverez toujours la même: aimant avec ardeur ma patrie et mes amis.

Je vous demande à être votre commissionnaire si vous avez quelques commissions dans l'étranger. Soyez heureux tous les deux et pensez quelque fois à votre

Catherine.

(*) Великая Княгиня лишилась Супруга своего, Принца Георгія Ольденбургскаго. *Прим. Изд.*

22.

Franzensbrun, près d'Egra $\frac{\text{le 1 Aout}}{\text{20 Juillet}}$ 1813.

J'ai reçu avec une bien vive reconnaissance votre lettre, Monsieur. Trop de sentimens m'attachent à vous pour que rien puisse me détacher d'une liaison formée dans d'heureux temps et sous des auspices bien fortunés. Croyez que mes peines ne m'ont pas desséché le coeur; je compatis bien sincèrement aux votres; le vrai malheur, sans partialité pour mon sort, ne consiste que dans la privation des êtres qui nous sont chers, parce que celui là nous ne pouvons pas le réparer ni être actifs d'aucune manière. Dieu vous en préserve, vivez les uns pour les autres et jouissez de votre sort. Donnez moi de vos nouvelles souvent et en détail; je vous sais par une voye indirecte arrivés à Moscou. Que n'éprouverez vous pas en voyant des ruines là, où vous n'aviez connu que splendeur et magnificence. Dans vos entretiens avec le C^t Rostoptchine pensez et parlez quelques fois d'une amie commune à tous deux. J'attends avec impatience vos commissions, très charmée si je puis en les exécutant être au moins bonne à quelque chose dans le grand oeuvre que vous avez entrepris.

Weimar, le $\frac{\text{10 Novembre.}}{\text{29 Octobre.}}$

Je ne vous envoye le commencement de cette lettre que comme une preuve de mon souvenir en tous les tems; des raisons trop longues à vous détailler m'ont empêchée dans le temps de la terminer; depuis j'ai fait un voyage à Vienne comme vous le saurez déjà; j'y suis restée sept semaines très agréablement; en quittant cette

capitale j'ai fait une tournée par Gratz et la Styrie; revenue à Prague, j'y ai trouvé l'ordre de passer la frontière Autrichienne pour le suivre, et me voici depuis hier à Weimar, l'Athénée de l'Allemagne. Comment dans un lieu pareil ne pas rendre hommage à celui dont notre littérature peut se glorifier. Après vous avoir rendu compte du matériel de mon voyage, je vous dois des détails plus intéressans. A Prague le professeur ex-jésuite Dombrovsky s'occupe de langues slaves, en général. De l'ethymologie des langues il prétend expliquer celle des nations. Quoiqu'il en soit, lui me semble être plus instruit sur ce qui touche notre nation que tous les professeurs de Vienne, de Styrie et de Jena. J'ai eu du chagrin sous ce rapport là par les questions qu'on m'a adressées: ce n'est point notre histoire, notre littérature qui intéresse, mais bien plus notre constitution politique actuelle. On connait les édits et ordonnances publiées par le gouvernement dans les dernières années, mais on ne sait pas d'aprés des preuves historiques et statistiques si elles sont adapteés au païs. Quoiqu'il en soit, c'est pour un Russe le moment de voyager, car partout il entend bénir son Souverain, admirer sa nation. Je ne vous parlerai point politique, mes nouvelles seraient vieilles quand cette lettre vous parviendra; ce que je vous dirai pourtant c'est que notre *puissance* gagne aux comparaisons et notre païs aussi. Je n'ai point été en France, mais l'Allemagne je la vois et hors la Monarchie Autrichienne elle ne souffre aucune comparaison avec la notre; mais cette puissance que je viens de nommer en souffre et mérite respect et admiration pour sa force intrinséque, mais bien le contraire quand à sa régie; vingt ans de guerres malheureuses, de pertes continuelles en territoire, un mot du Souverain, et une armée annulée repa-

rait, des ressources immenses se déployent; prenez que ce ne sont pas des *Russes* et que ce n'est pas la *Russie*; assurément cette monarchie est très respectable. Après vous avoir parlé du monde, je crois ne pas vous ennuyer trop fortement en vous parlant d'un de ses habitans: c'est de moi qu'il s'agit. Vous m'avez toujours témoigné tant d'intérêt que je vais vous donner quelques détails sur mon existence: pour mon moral, je n'en ferai pas l'éloge, je ne puis et ne veux pas oublier ma perte, c'est un juste tribut que je dois à l'être qui fit mon bonheur; ma santé pour l'essentiel est toujours dans le même état et depuis huit mois d'un jour à l'autre je suis souffrante; les bains d'Egra m'avaient fait du bien, malheureusement les circonstances m'ont empêchée de les continuer; mes forces pourtant depuis ce tems me sont plus revenues et je me flatte que la saison prochaine me remettra entièrement. Veuillez dire à Madame, que je pense souvent à elle et la prie quand elle saura que la pauvre M^de^ Jezikoff est instruite de son malheur, de lui faire tenir l'incluse; je regrette bien ce pauvre jeune homme et personne plus que moi ne compatit à sa peine. Portez vous bien et écrivez moi souvent, vous devez connaitre l'étendu de l'amitié et de l'estime de votre

dévouée **Catherine.**

Je vous recommande de ne pas envoyer l'incluse avant d'être fort assuré que la mort de Jézikoff est connue de sa femme.

23.

Отъ Карамзина къ Великой Княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ.

Madame,

J'ai revu l'écriture de Votre Altesse Impériale comme l'on revoit un ancien ami après une longue absence. Mais privé du bonheur d'avoir directement de Vos nouvelles, j'étais loin d'en froncer le sourcil, et les voeux que mon coeur faisait pour Votre tranquillité et le rétablissement de Votre chère santé, n'avaient pas besoin de nouveaux motifs de reconnaissance pour être sincères et ardents. Je Vous ai voué depuis bien longtems un sentiment pur et désintéressé autant que cela est possible sur la terre. Si la jeunesse a plus de feu, l'âge avancé, qui est le mien, a plus de constance. Il faut que j'emporte avec moi dans le tombeau cet intérêt vif, ce tendre attachement que Vos qualités vertueuses et brillantes m'ont inspiré pour Vous. Je vous ai suivie partout. Il nous semble que depuis Votre malheur nous Vous aimons encore d'avantage: il a donné à Votre sort un caractère sacré; c'est une idée que je ne sais pas bien exprimer, mais qui est vraie. Les plaisirs et le bonheur même n'ont pas l'infini et le sublime de certaines peines, qui, plus qu'eux, nous font sentir la noblesse de notre être et nos droits à quelque chose de divin. Si nous n'étions qu'heureux ici-bas, je croirais moins à l'immortalité de l'ame et à la bonté de Dieu même. C'est un paradoxe pour l'esprit et une vérité indubitable pour un coeur sensible qui a connu le malheur. Ces coups du sort qui nous terrassent et nous révoltent au premier moment contre

la Providence, finissent par fortifier notre résignation et par établir entre l'homme et Dieu une espèce de familiarité qui nous fait très vivement jouir de sa bonté, en nous la faisant pressentir seulement: car nous sommes trop bornés dans ce monde pour embrasser le grand tout et en bien concevoir les rapports.... Pardon, Madame: cela n'est pas dans le genre épistolaire; mais je deviens déjà trop vieux pour observer strictement les convenances. Je dis tout naturellement ce qui occupe mon âme. Nous avons enterré notre fils unique âgé de six ans, beau comme un ange et bon parcequ'il ressemblait à sa mère. Je vous ai écrit ma dernière lettre dans la crainte de le perdre: l'ayant perdu, nous avons confié ses cendres chéries anx bords du Volga et nous nous sommes transportés en pleurant parmi les ruines de Moscou. Trois filles nous restent encore; mais je n'ai plus de fils sur la terre, quoique j'espère le retrouver sans savoir où et comment. Je lui parle souvent, ainsi qu'à sa soeur qui l'a précédé de trois ans dans les demeures célestes, et qui était aussi bien jolie et justement de son âge. Ils m'attendent et me protègent auprès de l'Eternel. De pareilles pertes nous préparent à passer tout doucement là, d'où je n'aurais jamais voulu sortir *en ma qualité d'ignorant*. En attendant parlons d'autre chose.

Tenez parole, Madame, ou je me fâcherai contre Votre Altesse Impériale: rétablissez parfaitement Votre santé dans le courant de la belle saison prochaine et donnez nous en vite la nouvelle. Rendez les bains d'Egra encore plus dignes de leur célébrité. Tout en désirant que le tems bienfaisant modère Votre tristesse, je ne suis ni assez courtisan ni assez rhéteur pour déclamer contre elle. Vous êtes sensible et ver-

tueuse: donc Vos tendres regrets doivent être de longue durée; mais Vous êtes jeune, et j'espère que la vie Vous sourira encore. On n'est pas plus fort que la nature: il faut cesser de vivre ou de pleurer amèrement: Il y a des larmes douces qui peuvent couler longtems et n'être point incompatibles avec une certaine sérénité d'âme qui nous fait jouir de l'existence.

Je n'ai pas besoin de savoir ce que Vous avez écrit à Mme Yazikoff pour en être profondément touché: hélas! c'est bien à Vous à consoler cette malheureuse épouse! Je prends des renseignemens pour bien remplir la commission dont Votre bonté m'a honoré. Mme Yazikoff n'est point à Moscou, ni sa mère non plus; mais je saurai bientôt si la première est déjà instruite de son malheur, et ce n'est qu'alors que je lui ferai tenir la lettre de Votre Altesse Impériale.

Vos observations sur l'Autriche sont aussi justes qu'intéressantes: elle a réellement déployé un caractère de grandeur en entrant dans cette lutte. On ne lui rend pas assez de justice chez nous. C'est l'Autriche qui décide actuellement du sort de l'Europe. La Russie a donné le branle, et nous avons fait plus que tous les autres: malgré cette gloire et les efforts généreux de la Prusse, il n'y aurait pas eu de bataille de Leipzig sans les trois cent mille Autrichiens tombés sur le monstre. Mais notre public n'aime que les braves Prussiens qui se sont relevés d'une manière si glorieuse. Que de changemens, que de miracles s'il y en a dans ce monde! mais tout se fait, je crois, d'après ces lois immuables de la justice éternelle que nos profonds politiques ne respectent pas toujours et que l'on ne peut jamais heurter de front impunément. L'abus de la force la détruit et les fous n'auront jamais raison: c'est pour constater cette naïve

vérité que Napoléon a fait la culbute aux yeux de l'Europe étonnée. Le Ciel est-il déjà en paix avec la pauvre humanité? Je le désire et je me demande, si après toutes les sanglantes et horribles extravagances de Bonaparte, il se trouvera encore des *héros* et des conquérans sur la terre? Oui! Eh bien, de la résignation! mais il faut avouer que les hommes sont très bêtes.

L'aspect de Moscou est vraiment singulier: jamais on n'a vu d'aussi immenses ruines. Un ami de Cicéron, voulant le consoler de la mort de sa fille, lui rappelait les *vastes cadavres* de trois ou quatre villes grecques détruites par le tems: il aurait dû voir Moscou. C'est le vrai séjour de la mélancolie. Aussi je m'y promène volontiers, souvent au milieu de la nuit, quand les rayons de la lune tombent sur les squelettes de ces palais jadis si magnifiques, et qui, dévastés par la flamme, ont l'air des *vestibules de la mort*. Plus de fêtes, plus de parures, plus de superbes équipages; mais beaucoup de monde dans les rues qui ont échappé à la destruction. Il n'y a point d'assemblées de femmes: les hommes li ent les journaux et jouent au boston!

Quant à moi, Madame, je me trouve aussi bien changé: je ne sais ce qu'est devenu mon bien heureux talent pour barbouiller du papier; je n'écris presque pas l'histoire, et cela m'afflige. Nous voulions aller à Pétersbourg pour y faire imprimer mon ouvrage tel qu'il est jusqu'à présent: l'Impératrice, Votre Auguste Mére, a eu la bonté de m'y offrir un logement, ce qui nous conviendrait parfaitement, vû les circonstances du tems. Mais la santé délicate de notre petite fille nous a fait remettre ce voyage. D'ailleurs, je ne pourrais penser à l'impression avant le retour de l'Empereur; c'est à Lui à m'en accorder le permission. Hélas! il serait bien

triste pour nous d'être à St. Pétersbourg sans jouir du bonheur de Vous y voir. Mais je n'ose rien désirer à cet égard; je serais trop égoïste. Je vois assez souvent le C^te^Rostopchine dont la santé et surtout les nerfs sont extrêmement dérangés. Cela me fait de la peine, car je l'aime. L'homme est un être bien chétif!

Vous avez la bonté de me demander des commissions: je voudrais avoir les nouveaux ouvrages du professeur Dombrowsky, c'est-à-dire tout ce qu'il a écrit et publié sur la langue et l'histoire des Slaves *depuis huit ans*, et puis un géographe Arabe traduit en Anglais: Houkal's Oriental Geography; je pense qu'on peut l'avoir à Leipzig. Vous voyez que j'en use sans façon avec Votre Altesse Impériale.

Vous avez remarqué que notre histoire n'intéressait pas beaucoup les étrangers, curieux seulement de savoir, si nos nouveaux réglemens politiques sont bien adaptés au pays: je m'en console en pensant que ces réglemens peuvent être dix fois changés, et que l'histoire restera pour en expliquer la raison. Il y a des choses de mode, de fantaisie, de gout: cela passe et j'ai préféré le solide.

Voici une lettre plus longue que la préface de mon histoire de Russie. Je me suis mis sur mon *bien-dire*, entrainé par le plaisir de parler à Votre Altesse Impériale. Il faut pourtant finir. Adieu, Madame. Vous m'ordonnez d'être sûr de Votre belle amitié; mon coeur Vous obéit *sans peur et sans reproche*. Mais permettez moi de Vous en vouloir de Votre silence sur le compte du charmant jeune Prince: nous méritons d'être instruits des progrès de sa beauté et de sa bonté. Nous sommes assez fiers pour croire que personne ne nous surpasse

dans l'attachement que nous Vous portons, et en même tems nous désirons que tout le monde Vous adore.

Простите, любезнѣйшая для насъ изъ всѣхъ Великихъ Княгинь на свѣтѣ. Богъ съ Вами и съ нами.

Вашъ вѣрный Исторіографъ.

Москва,
29 Ноября 1813.

1815 г.

24.

Отъ Великой Княгини Екатерины Павловны къ Карамзину.

Wiesbaden, le $\frac{26}{14}$ Juillet 1815.

J'ai reçu avec un extrême plaisir votre lettre du 26 Avril et si je n'y ai pas répondu plutôt, n'en accusez que mes voyages continuels et non mon coeur toujours le même pour mes amis; vous savez que depuis longtems j'ai l'habitude de compter vous et Madame votre épouse de ce nombre, permettez moi de la garder, je ne saurais m'en défaire. Le Prince Royal de Wurtemberg aimant les sciences comme il aime la gloire, connaissait votre nom et n'a pu qu'être infiniment flatté des voeux que vous faites pour lui; il me charge de vous en témoigner sa gratitude. Le Ciel lui a été propice dans cette courte et mémorable campagne qui en dix-neuf

jours a détruit la puissance du génie malfaisant qui opprimait l'humanité. Avec quel éclat la puissance de Dieu s'est manifestée et comment ne pas être pénétré de sa bonté paternelle jusques au fond du coeur; combien nous lui devons en particulier, nous autres Russes, pour nous avoir donné un Souverain si bon et si admirable par la beauté de son âme et la justesse de son esprit: on n'ose en appeler qu'à lui quand on veut que la justice triomphe! J'espère, vû la tournure favorable qu'ont pris les événemens, qu'il pourra bientôt revenir dans sa patrie cicatriser les playes faites par les ennemis. Continuez votre histoire, les tems où nous vivons méritent d'être décrits par votre plume. Je vous reproche l'ignorance où vous me laissez tant sur vos occupations littéraires que sur votre existence privée; pourtant vous ne pouvez douter de mon intérêt constant. Depuis huit jours je suis ici pour faire une cure de quelques semaines; ma déstinée ultérieure dépend des événemens, j'ai l'espoir d'être heureuse et suis parfaitement contente de la perspective que me présente mon avenir. Veuillez faire mes amitiés à votre aimable femme et croire aux sentimens que vous a voués pour la vie votre

dévouée **Catherine.**

25.

Отъ Карамзина къ Великой Княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ.

Madame,

C'est du fond de mon âme que je remercie Votre Altesse Impériale de Sa bonté; j'en suis extrême-

ment touché, ainsi que ma femme. Ce souvenir précieux est un nouveau bienfait de Votre part et une nouvelle dette contractée par notre reconnaissance, toujours unie à notre dévouement sans bornes pour Votre Auguste personne, depuis que nous avons le bonheur de Vous connaître. Mais ce qui nous enchante le plus dans cette lettre gracieuse, c'est l'expression du bonheur dont Votre belle âme jouit dans le présent et dans la perspective de l'avenir. Dieu est juste et bon: il Vous devait cette félicité; j'espère qu'elle sera parfaite, et que ceux qui Vous sont attachés, n'auront qu'à remercier le Ciel pour Vous. Il est beau d'être heureux au moment où tout le monde civilisé se réjouit et l'humanité respire; c'est une douce union de sentimens, et le bien-être général ne peut qu'augmenter le Vôtre. Le Héros (qui veut bien ne pas ignorer mon humble existence) reviendra couronné de lauriers et d'oliviers. Vous avez raison d'admirer la Providence: les aveugles mêmes l'ont vue dans cette lutte à jamais mémorable. C'est le cas de dire: *Mortels, prosternez vous en silence!* car les paroles ne peuvent point exprimer l'étonnement des plus sages. Ce qui me touche surtout dans notre Empereur c'est sa modestie sublime qui est au-dessus de la grandeur humaine ou bien qui est la véritable grandeur. Oui, j'espère qu'il saura aussi guérir *les plaies de la Russie* et qu'il nous apportera le baûme salutaire nommé: *bonne administration.* On peut regarder la Russie comme un corps encore très sain et robuste: on n'a qu'à aider un peu la nature par des remèdes simples, extraits de plantes indigénes et point exotiques—et tout ira bien.

Vous m'invitez à être l'historien du tems: dans mon premier enthousiasme, produit par les grands événemens, j'ai eu cette idée moi-même; mais la reflexion a présenté

bien des difficultés à mon esprit. L'histoire, modeste et grave, aime le silence des passions et des tombeaux, l'éloignement et le crépuscule, et de tous les tems de la grammaire c'est le *prétérit parfait* qui lui convient le plus. Le vif mouvement, le bruit du présent, la proximité des objets et leur trop éclatante lumière l'étourdissent; ce qui enflamme le poëte, l'orateur, gêne l'historien, qui a toujours son *mais* à la bouche. Et puis aurai-je le coeur d'abandonner mes antiques héros oubliés du monde ingrat, pour courir après les héros nouveaux, dont les lauriers sont encore si resplendissans et les exploits parlent si haut? car il faudrait laisser là *mon histoire de Russie*: je ne vivrai pas assez longtems pour la continuer jusqu'à nos jours. Savez-vous où j'en suis encore? C'est Jean le Terrible qui m'occupe, ce phenomène étonnant parmi les plus grands et les plus mauvais souverains. Quel sujet, grand Dieu! Cela vaut bien Napoléon. Abattue par les horreurs de ce règne, mon âme se redresse à la vue d'un homme vertueux qui se place entre le tyran et la patrie pour la sauver, succombe à la rage du monstre, mais après avoir mérité l'admiration des siècles. Le nom de ce grand homme (Adachew) était à peine connu chez nous: mon coeur trouve beaucoup de douceur à faire de pareilles découvertes. Je tiens toujours à l'idée d'aller à Pétersbourg et d'y faire imprimer mon histoire aussitôt que l'Empereur sera de retour. J'ose compter sur Votre protection dans ce cas là.

Quant à notre *existence privée*, Madame, nous en remercions le Ciel en versant (cependant) quelquefois des larmes. La faible santé de nos enfans nous alarme de tems en tems, mais grâce à Dieu, nous n'avons pas fait de nouvelles pertes depuis deux ans, et notre famille s'est augmentée par la naissance d'un fils dont le nom

et les traits nous rappellent son frère que nous pleurons encore. Il faut que je sois bien sûr de Votre bonté pour Vous en parler; mais Vous me l'avez ordonné, et il m'est si doux de croire à la vérité de cet intérêt!

Reproche pour reproche, Madame, pourquoi n'avez Vous pas voulu mettre le sceau à Votre générosité, en nous disant un mot sur le jeune Prince? Nous l'avons vu au berceau, nous l'avons vu courir et nous voudrions le voir monter à cheval, l'epée à la main, pour menacer les méchans.

Adieu, Madame. Je ne voudrais pas mourir sans avoir revu Votre Altesse Impériale. Toute la famille de Karamsine se met à Vos pieds.

Вашъ вѣрный Исторіографъ.

P. S. Сердечно благодарю Ваше Императорское Высочество за Oriental Geography, недавно мнѣ доставленную. По Вашей милости воспользуюсь этою книгою для моей Исторіи.

От Великой Княгини Екатерины Павловны къ Карамзину.

1817 г.

26.

Штутгартъ, 3/15 Іюня 1817.

Николай Михайловичъ! Вспоминовеніе учителя, пріятеля, не могло не быть мнѣ пріятнымъ; пріимите за

изъявленныя въ вашемъ письмѣ чувства мою благодарность. Супругъ мой тоже съ признательностію принимаетъ ваше предсказаніе: онъ живетъ по совѣсти, а совѣсть чувствительная и правдолюбивая драгоцѣннѣйшій даръ Провидѣнія. Благодарю васъ купно за извѣстія, которыя вы мнѣ даете о жизни и занятіяхъ вашихъ; ожидаю съ нетерпѣніемъ вашу Исторію, дабы бесѣдовать съ предками. Прошу васъ увѣрить супругу вашу въ моей дружбѣ. Пребываю вамъ какъ и всегда преданная

Екатерина.

1818 г.

27.

Штутгардъ, $\frac{\text{10 Февраля}}{\text{29 Января}}$ 1818.

Одна дружба преодолѣваетъ разстоянія; письмо ваше, Николай Михайловичъ, отъ Ноября мѣсяца много меня обрадовало, будучи доказательствомъ вашихъ непоколебимыхъ ко мнѣ чувствованій, и я сдѣлалась слишкомъ стара, чтобы мѣнять старыхъ своихъ друзей на новыхъ. Россійскіе мои пріятели всѣхъ мнѣ милѣе и вы давно знаете мѣсто, которое вы въ средѣ ихъ занимаете.

Поздравляю васъ съ рожденіемъ сына и рожденіемъ дочери,—славной Исторіи Россійской; съ нетерпѣніемъ ожидаю ее, дабы возобновить знакомство съ тѣми отрывками, которыми вы утѣшали нерѣдко Тверскія наши собранія, и дабы побесѣдовать съ предками. Я тоже ожидаю прибавку въ семьѣ своей; дѣти мои,

благодаря Бога, растутъ и надѣюсь будутъ добры.

Прошу васъ въ *философической* вашей *праздности* чаще ко мнѣ писать и быть увѣреннымъ, что никто болѣе добра вамъ и любезной вашей супругѣ не желаетъ какъ вамъ преданная

Екатерина.

28.

Стутгартъ $\frac{5 \text{ Мая}}{23 \text{ Апрѣля}}$ 1818.

Николай Михайловичь! Послѣдняя почта доставила мнѣ Россійскую вашу Исторію; старой мой знакомой мною былъ съ большимъ удовольствіемъ принятъ; каждой день я читаю, учусь и мысленно благодарю автора за его труды, пріятеля благодарю за то, что онъ обо мнѣ вспомнилъ. Милой вашей супругѣ прошу сказать, что она должна материнскимъ сердцемъ принять сихъ восмерыхъ новыхъ отроковъ, которые имѣютъ преимущество безсмертія. Король поручилъ мнѣ вамъ сказать, что онъ съ нетерпѣніемъ ожидаетъ перевода, дабы познакомиться съ моими предками.

Живите щастливо, трудитесь для потомства, но не забывайте старыхъ своихъ друзей, въ числѣ которыхъ всегда прошу щитать вамъ преданную

Екатерину.

29.

Стутгардъ $^{15}/_{1}$ Ноября 1818.

Съ большимъ удовольствіемъ я получила черезъ Матушку письмо ваше, Николай Михайловичь. Благодарю васъ за оное, какъ и за прежнее отъ 31 Мая;

дружба и память ваша (говорю тоже какъ вы въ двойственномъ смыслѣ) мнѣ весьма пріятны; благодарю васъ и за участіе, которое вы берете въ умноженіи моего семейства. Богъ далъ мнѣ дочь, здоровую, милую; вообще не знаю чѣмъ я заслужила всѣ его ко мнѣ милости; щастіе мое совершенно, не имѣю другаго желанія какъ чтобы оно продолжилось. Двѣ недѣли мы здѣсь наслаждались удовольствіемъ видѣть Матушку, теперь ожидаемъ Михайла Пав., потомъ Константина Пав., а въ началѣ будущаго мѣсяца Государя и Государыню; не боюсь надоѣсть вамъ описываемою радостью, вы меня пріучили говорить съ вами откровенно. Вы ко мнѣ рѣдко пишете, и я не могу согласиться съ вами, чтобъ оно было къ лучшему. Пишите болѣе, а читайте менѣе конституцій Германскихъ, которыя не иное какъ совершенной вздоръ. Съ тѣхъ поръ, какъ я въ близи вижу національныя репрезентаціи, выучилась я цѣнить *вѣсъ* словъ; хорошіе законы, которые исполняютъ, вотъ лучшая конституція.

Читаю и наслаждаюсь вашей Исторіей, но не прогнѣвайтесь: печать очень худа, глаза портитъ: жаль, потому что книга голову наполняетъ хорошими вещами.

Поклонитесь отъ меня милой вашей супругѣ, которую я всегда всѣмъ сердцемъ люблю. Король поручилъ мнѣ васъ благодарить за все то, что вы ему ласковое говорите. Не забывайте меня и вѣрьте всегда, что никто болѣе меня вамъ добра не желаетъ.

Е.

IV.

ПИСЬМА ИМПЕРАТОРА

НИКОЛАЯ I,

И ОТВѢТЪ КАРАМЗИНА.

1826 г.

1.

Собственноручное письмо Императора Николая I (*).

Ежели не ранѣе вамъ отвѣчалъ, любезный Николай Михайловичь, то не полагайте чтобы то было изъ забывчивости, но напротивъ изъ желанія вамъ дать отвѣтъ удовлетворительный. Я искалъ приладить желаніе ваше съ возможностію, и полагая что можетъ успѣлъ въ томъ, предлагаю вамъ слѣдующее; но напередъ благодарю васъ сердечно и за довѣренность и за содержаніе письма вашего; жалѣю сердечно, что первая услуга, которую вы ставите меня въ возможность вамъ оказать, клонится къ тому, чтобъ васъ удалить отъ всѣхъ насъ! — Вы повѣрите, надѣюсь, безъ труда, что съ сердечнымъ прискорбіемъ убѣждаюсь, что сіе временное удаленіе необходимо. Но такъ видно Богу угодно и должно сему покориться безъ ропота. Однако покуда я, бывъ здѣсь, привелъ въ порядокъ ваше лѣтнее квартированіе въ надеждѣ, что пригодится.

Но обратимся къ дѣлу. Вамъ надо ѣхать въ Италію — вотъ что хотятъ медики; надо ихъ послушать и избрать лучшій способъ, т. е. покойнѣйшій какъ туда

(*) Н. М. Карамзинъ, собираясь, по настоятельному убѣжденію врачей, въ теплый климатъ Италіи и затрудняясь въ средствахъ ѣхать туда и жить внѣ Отечества, имѣлъ въ мысляхъ занять мѣсто Повѣреннаго въ дѣлахъ, если бы оно открылось. Здѣсь помѣщается отвѣтъ Императора на его по сему предмету письмо, которое не отыскано.

доѣхать: моремъ ли до Италіи или только до Любека, или сухимъ путемъ? Пребываніе въ Италіи не должно васъ тревожить, ибо хотя мѣсто въ Флоренціи еще не вакантно, но Россійскому Исторіографу не нужно подобнаго предлога, дабы имѣть способъ тамъ жить свободно и заниматься своимъ дѣломъ, которое, безъ лести кажется, стоитъ дипломатической корреспонденціи, особо Флорентійской. Словомъ я прошу васъ, не безпокойтесь объ этомъ и хотя мнѣ въ угожденіе дайте мнѣ озаботиться способомъ устроить вашу поѣздку.

Про Стутгардтъ я вамъ и не говорю; хотятъ чтобы вы были въ Италіи; стало туда и ѣхать должно. Прошу васъ только увѣдомить меня, какъ и куда рѣшитесь ѣхать, а прочее я *все* устрою.

Повторяю что мнѣ больно слышать и вѣрить, что вамъ надо ѣхать; дай Богъ чтобы здоровіе ваше скоро возстановилось и возвратило бы васъ къ тѣмъ, кои васъ искренно любятъ и уважаютъ; причтите меня къ этимъ.

Васъ искренно любящій

Николай.

Царское Село,
6-го Апрѣля 1826 г.

2.

Высочайшій Рескриптъ Императора Николая I.

Николай Михайловичъ!

Разстроенное здоровье ваше принуждаетъ васъ покинуть на время Отечество и искать благопріятнѣйшаго для васъ климата. Почитаю за удовольствіе изъяснить вамъ мое искреннее желаніе, чтобы вы скоро къ намъ возвратились съ обновленными силами и могли снова дѣйствовать для пользы и чести Отечества, какъ дѣйствовали донынѣ. Въ то же время, и за покойнаго Государя, знавшаго на опытѣ вашу благородную, безкорыстную къ нему привязанность, и за себя самаго, и за Россію, изъявляю вамъ признательность, которую вы заслуживаете и своею жизнію какъ гражданинъ и своими трудами какъ писатель. Императоръ Александръ сказалъ вамъ: Русской народъ достоинъ знать свою Исторію. Исторія, вами написанная, достойна Русскаго народа. Исполняю то, что желалъ, чего не успѣлъ исполнить Братъ мой.

Въ приложенной бумагѣ найдете вы изъявленіе воли моей, которая, будучи съ моей стороны одною только справедливостію, есть для меня и священное завѣщаніе Императора Александра. Желаю, чтобы путешествіе было вамъ полезно, и чтобы оно возвратило вамъ силы, для довершенія главнаго дѣла вашей жизни.

Пребываю вамъ всегда благосклонный

Николай.

Въ Царскомъ Селѣ,
Мая 13 дня, 1826 года.

3.

Предсмертный отвѣтъ Карамзина на Высочайшій Рескриптъ.

Всемилостивѣйшій Государь!

Рескриптъ, коимъ Вы меня ощастливили третьяго дни, написанный столь прекрасно, съ такимъ благоволеніемъ, воспоминаніе въ немъ о незабвенномъ Александрѣ, хвала смиренному Исторіографу сверхъ его достоинства—омочилъ слезами блѣдное мое лице. Прочитавъ указъ къ Министру Финансовъ, я не вѣрилъ своимъ глазамъ: благодѣяніе чрезмѣрно; никогда скромныя мои желанія такъ далеко не простирались. Изумленіе скоро обратилось однакожь въ умиленіе живѣйшей благодарности: если самъ уже не буду пользоваться плодами такой Царской, безпримѣрной у насъ щедрости, то закрою глаза спокойно: судьба моего семейства рѣшена наисчастливѣйшимъ образомъ. Дай Богъ, чтобы фамилія Карамзиныхъ, осыпанная милостями двухъ Монарховъ, заслужила имя вѣрной и ревностной къ Царскому Дому, О! какъ желаю выздоровѣть, чтобы скорѣе возвратиться въ Петербургъ и посвятить послѣдніе дни мои Вамъ, безцѣнный Государь, и любезному Отечеству. Вчера не могъ я писать. И нынѣ голова моя слаба. Видомъ, говорятъ, я поправляюсь, но слабость не выпускаетъ меня изъ полулюдей. Заключу тѣмъ: милости, благодѣянія Ваши ко мнѣ такъ чрезвычайны, что я и здоровый не умѣлъ бы выразить вполнѣ моей признательности.

Повергаюсь и проч.

V.

ПИСЬМО КЪ ГРАФУ КАПОДИСТРІЯ

И ПИСЬМО ЕГО КЪ Е. А. КАРАМЗИНОЙ.

1.

Отъ Карамзина къ Графу Каподистрія.

Cher et respectable ami,

Nous avons revu l'aimable Bloudoff avec encore plus de plaisir qu'à l'ordinaire: il nous a parlé de vous! Nous avons commencé par des questions sur votre santé, votre air, l'expression physique de ce qui ne l'est pas. Nous avons été satisfaits, mais bien d'autres questions immédiatement posées sur l'état de votre belle âme, les opérations de votre esprit actif, votre manière frappante d'envisager les evenemens du tems, sont restées, hélas! sans réponse. Cependant en écoutant notre ami commun, qui me rendait compte de ses entretiens avec vous, j'ai cru quelquefois vous entendre parler vous même! Que je lui envie ces momens délicieux passés avec vous! Mes années qui s'accumulent, ma santé qui chancelle, les circonstances fâcheuses qui nous séparent et qui durent toujours, tout cela est peu fait pour relever en moi l'espérance de voir revenir le passé. Pour m'en consoler, je me dis: «quoique «loin de nous, il pense quelquefois à nous, et nous som«mes immortels. Le contact des âmes ne cesse point à «notre dissolution matérielle; celui qui survit conserve «un souvenir, et célui qui s'en va acquiert peut-être plus «qu'il ne perd. Les voyageurs ici-bas sont trop distraits et «n'ont pas le loisir de cultiver l'amitié; ce n'est qu'après «avoir déposé nos bâtons que nous serons tout à nos «affections, et tout ce que nous perdons dans le tems «sera rattrapé dans l'éternité». De pareils soliloques m'oc-

cupent à présent plus que les conversations de la société et entretiennent la chaleur de mon âme dont j'ai encore besoin pour ma famille, pour mes amis et pour mon histoire qui s'achève (legs à la postérité, si elle en veut, si non, non!). Oui, je vieillis sans m'éteindre encore. Oh! que j'aime encore mes compagnons de voyage! Que je plains leur misère, et que je suis tout pitié pour tant d'individus et pour tant de nations!... Nous venons seulement de quitter Tsarskoé Sélo, où nous sommes restés dans une profonde solitude pendant plus de deux mois: que j'étais loin de l'ennui quand je ne souffrais pas physiquement, que de jouissances intimes je trouvais dans ce loisir de tous les jours au sein de ma famille et quelquefois tout seul! Le travail, la lecture, les promenades automnales et souvent nocturnes avaient un véritable charme pour moi. Sans craindre extrêmement la mort, l'envisageant même quelquefois avec une certaine affection et aimant à répéter avec Rousseau: «qui s'endort dans les bras d'un père, n'est pas en souci du réveil», je savoure encore la douceur de l'existence terrestre à ma façon qui échappe à l'envie. Touchant à la fin de ma carrière, je remercie Dieu de ma destinée. Je me trompe peut-être, mais ma conscience est tranquille; la chère patrie n'a rien à me reprocher; j'étais toujours prêt à la servir sans compromettre mon caractère dont je dois répondre à cette même Russie: Eh bien, je n'ai fait que l'histoire de ses siècles barbares; on ne m'a vu ni aux champs de bataille, ni dans les conseils d'état; mais comme je ne suis ni poltron ni paresseux, je me dis: «le Ciel ne l'a pas voulu», et sans être ridiculement fier de mon métier d'auteur, je me vois sans honte parmi nos généraux et ministres.... Je m'arrête; c'est trop parler pour une visite que je vous fais d'ici à Genève. La brie-

veté de la vie invite au laconisme; mais que voulez vous? l'idée même qu'on ne vit pas assez longtems pour bavarder beaucoup, nous rend quelquefois bavards avec nos amis.

Je passe à l'historique: votre souvenir vit en Russie. L'Impératrice Elisabeth m'a chargé expressément de vous parler de l'intérêt sincère qu'elle vous porte: elle est si vraie! Il n'est pas moins vrai, que l'Empereur a toujours la même idée de votre âme et de vos talents éminents. Nous ayant une fois honorés d'une visite en ville, il a beaucoup parlé de vous avec un sentiment qui m'a satisfait. Je Lui suis plus que jamais attaché, sans prétendre à aucune faveur particulière,à aucune influence, c'est-à-dire, sans me mettre en peine de ce que je n'en ai aucune. Dieu seul lit au fond des âmes! Vous parlerai-je de notre inquiétude actuelle, qui peut se dissiper, comme je l'espère, avant que vous n'ayez reçu cette lettre: notre cher et bon Empereur a une fièvre de refroidissement à Taganrog. Cette maladie n'est pas dangereuse, mais notre coeur en est est toujours allarmé. Quant à l'Impératrice Elisabeth, elle a eu la bonté de m'écrire du 3 Novembre qu'elle se sentait mieux quoique dans ce moment elle fut bien affligée de la mort du Roi de Bavière.

Comment ne pas vous dire encore un mot sur ma famille? Moins de tems il me reste à vivre, et plus j'aime ma femme si pure comme épouse et mère. Je suis d'ailleurs plus content de ses vertus que de sa santé: elle a une espèce d'asthme qui m'étouffe quelquefois. Nos deux demoiselles ne sont point sans mérite, et il me semble parfois qu'elles ont de l'esprit comme quatre; mais elles ne sont pas éclatantes de beauté, et la richesse leur manque tout-à-fait: point de promis! La troisième est encore trop petite et trop indéterminée: Dieu sait, si elle

sera bien belle ou bien laide! Notre fils ainé, agé de 11 ans, promet beaucoup: s'il vit, il marquera par l'énérgie de son esprit. Le second est joli et charmant par sa tendresse; il compose déjà des vers! Je vous fais grâce encore des deux fils cadets; mais jugez par ces détails, comme nous sommes sûrs de votre amitié!

2.

Отъ Графа Каподистрія къ Екатеринѣ Андреевнѣ Карамзиной.

S. Pétersbourg, le $\frac{15}{27}$ Juillet 27.

Madame,

Je ne saurais quitter S. Pétersbourg sans vous dire adieu, et vous demander votre bénédiction. Je vous écris au moment de me mettre en voiture, et il m'est impossible de vous exprimer les sentimens que me fait éprouver cette séparation. Ce qui les adoucit cependant ce sont les témoignages de bienveillance dont l'Empereur et la famille Impériale ont daigné me combler. Gravé dans mon coeur, le souvenir de ces témoignages m'accompagnera partout, et partout il me donnera le courage, la force et l'espoir de remplir invariablement mes devoirs à la satisfaction et de la patrie qui m'a fait l'honneur de m'adopter, et de celle que Dieu m'a donnée.

Avant de quitter cette chrétienne, cette hospitalière et bonne Russie, je viens de passer à l'église de la forteresse et au cimetière de Nevski des heures qui ne s'effaceront jamais de ma mémoire: j'ai pris congé des amis qui ne sont plus, mais dont les âmes angéliques veillent,

j'aime à le croire, et veilleront toujours sur moi. J'ai imploré leur bénédiction, comme j'implore, Madame, encore une fois la vôtre. Vous ne doutez pas, j'espère, des voeux que je forme pour que le Ciel vous accorde toutes les consolations dont vous êtes si digne. Puissiez-vous en trouver des véritables dans les succès des soins que vous donnez à votre nombreuse et chère famille, que je salue très cordialement.

Je vous baise les mains, Madame; veuillez me conserver votre amitié, et croyez à la sincérité des sentimens respectueux que je vous ai voués pour la vie. Ne m'oubliez pas auprès du Prince votre frère et de Madame la Princesse son épouse.

Ces lignes vous arrivent par Boutenieff, qui comme à l'ordinaire n'a cessé à cette occasion de me donner des preuves touchantes de sa bonne amitié.

Adieu encore une fois.

J. Capodistrias.

VI.

ПИСЬМА КАРАМЗИНА КЪ СУПРУГѢ

(1816 г.).

1.

С. Петербургъ, 3 февраля,
6 часовъ вечера.

Милый другъ! Вчера въ 6 часовъ вечера въѣхали мы (*) въ городъ благополучно, долго искали пристаница и наконецъ вошли въ холодныя комнаты; но теперь онѣ уже нагрѣлись и можно въ нихъ жить. Я здоровъ совершенно: сію минуту былъ у Великой Княгини, по старому милостивой; узналъ Принца, умнаго и привѣтливаго; завтра, какъ думаю, увижу Императрицу вдовствующую; а когда Императора, еще не знаю. Великая Княгиня много разспрашивала о тебѣ съ видомъ искренняго участія. Я видѣлъ многихъ, но еще гораздо болѣе надобно видѣть. Не смотря на усталость моихъ лошадей, я не усталъ духомъ, ни тѣломъ, а только грущу..... Изъ здѣшнихъ Царедворцевъ видѣлся я съ К. А. Н. Голицынымъ: онъ меня ласково или учтиво принялъ. Я бы не узналъ его: такъ онъ перемѣнился наружностію. Обѣдалъ у Графа Растопчина, какъ у свойственника любезнаго. Впрочемъ еще не знаю, какъ буду проводить время. Вообще не могу доселѣ жаловаться. Какъ то обойдется со мною Императрица!.....

(*) Карамзинъ пріѣхалъ въ Петербургъ съ Княземъ Петромъ Андреевичемъ Вяземскимъ. *Прим. Изд.*

2.

С. Петербургъ, 7 и 8 февраля 1816.

..... Поговоримъ о Петербургѣ. На другой день я былъ у Императрицы Маріи: не удивился ея милостивому пріему, но до крайности удивился ея молодости и свѣжести: это прекрасная женщина въ 40 лѣтъ; говоритъ любезно, складно и съ рѣдкою легкостію. Разговоръ нашъ продолжался минутъ 20 или еще менѣе; а мы коснулись и до нравственности и до самыхъ отвлеченныхъ идей, не забывъ, разумѣется, Исторіи. Извиняясь, что не можетъ теперь дать мнѣ болѣе времени, она сказала съ чувствомъ: pensez à l'état d'une mère qui marie sa dernière fille (*). Спрашивала о тебѣ, объ дѣтяхъ; заставила меня перецѣловать сыновей Великой Княгини, нашла что я не такъ похудѣлъ, какъ ей сказали, и проч. Вотъ и конецъ моихъ свиданій съ Императорскою Фамиліею, Жду повелѣнія Государева явиться къ Нему съ Исторіею черезъ Графа Н. А. Толстаго: такъ Ему угодно; Онъ не приказалъ (какъ объявили мнѣ), чтобы я представлялся черезъ Оберъ-Каммергера. Боюсь только, что это можетъ продлиться и недѣлю и двѣ и три въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ. Готовятся къ свадьбѣ и праздникамъ: развѣ около 20 затихнетъ шумъ. Сколько дней для меня потеряно! Впрочемъ не могу нахвалиться учтивостію, привѣтствіями и ласками здѣшнихъ жителей и *бояръ*. Il n'y a pas de doute que la civilisation a fait plus de progrès ici qu'à Moscou. Обѣдаю у Растопчина, у Канцлера, у Гр. Сергѣя Петровича, у Графини Лаваль, Полтарацкаго и проч. и проч.

(*) Великую Княжну Анну Павловну, нынѣ Королеву Нидерландскую. *Прим. Изд.*

Послѣ обѣда ѣзжу изъ дому въ домъ, т. е. бываю въ двухъ или трехъ мѣстахъ. La liste de mes visites est augmentée d'une douzaine de noms. Еще у половины не былъ; многіе уже пеняютъ мнѣ. Всего важнѣе то, что я оставилъ мерзкую *отель-гарни* и переѣхалъ къ доброй Катеринѣ Ѳедоровнѣ Муравьевой, которая, узнавъ, что я буду въ Петербургѣ, велѣла топить для меня свой верхній этажъ (*). Я вижу въ ней родную. На той почтѣ буду писать къ Ивану Ивановичу (**), котораго порученія всѣ исправлены мною: я былъ у Н. Я. Плюсковой и нашелъ въ ней пріятную женщину; благодарилъ отъ него Д. П. Трощинскаго, и проч. Будучи безпрестанно въ движеніи, я не ступилъ почти ни шагу къ главной цѣли. Одинъ *вельможа* или бояринъ (ибо здѣсь нѣтъ *вельможъ* кромѣ одного Графа Аракчеева, какъ сказываютъ) вымолвилъ моему пріятелю такое слово; «Карамзинъ хочетъ, чтобы Казна «дала деньги на печатаніе его Исторіи; но сумма ве«лика, и вѣроятно, что по новымъ правиламъ эконо«міи ему откажутъ или не откажутъ да не дадутъ. «Въ такомъ случаѣ я съ удовольствіемъ предложилъ «бы ему 50 тысячъ для сего дѣла». Я радъ, что у насъ есть такіе бояре; но скорѣе брошу свою Исторію въ огонь, нежели возьму 50 тысячъ отъ партикулярнаго человѣка. Хочу единственно должнаго и справедливаго, а не милостей и подарковъ.

К. Алексѣй Щербатовъ здѣсь, и мы вмѣстѣ проводимъ нынѣшній вечеръ у О. П. Козодавлева. Вчера видѣлъ я племянника, сына Ѳедора Мих., и обнималъ его со слезами: прекрасный мальчикъ! Вообра-

(*) На Фонтанкѣ, отъ Аничкова мосту въ третьемъ домѣ, принадлежащемъ теперь Г. Шиловскому.

(**) Дмитріеву, съ которымъ Н. Я. Плюскова была издавна въ дружбѣ.

зи, что у меня въ одно утро было 12 гостей, и все добрыхъ пріятелей! Но всѣ здѣшнія ласки приводятъ меня въ грусть: ты не дѣлишь ихъ со мною, и не видишь, какъ твоего плѣшиваго мужа уважаютъ въ Петербургѣ! Съ хорошимъ или дурнымъ намѣреніемъ распустили слухъ, что мнѣ уже дано то и то. Знай, что я видѣлъ и Шишкова: бесѣдовалъ съ нимъ втроемъ около трехъ часовъ. Сперва онъ чинился, а послѣ свободно разсуждалъ со мною.... о происхожденіи Славянскихъ словъ. J'ai du tendre pour mes ennemis si j'en ai. Хожу пѣшкомъ рано, часу въ осьмомъ и девятомъ и все одною дорогой, отъ Аничковскаго мосту до Казанской..... Это письмо дописываю уже во вторникъ. Прибавлю еще, что я былъ у обѣдни у К. Голицына: прекрасная церковь, служба и пѣніе. Изъ моихъ новыхъ знакомыхъ наименую К. Александра Ник. Салтыкова: человѣкъ умной и пріятной. Вчера мы просидѣли съ нимъ до втораго часу ночи. Пишу къ тебѣ безъ связи и спѣшу отправить письмо..... Завтра свадьба (*): не поѣду ни во дворецъ, ни на балъ, ни въ маскарадъ; и въ Москвѣ и въ Петербургѣ не люблю блестящихъ собраній.... нѣсколько разъ поцѣлуй за меня Сонюшку, Катеньку, Андрея, Сашу: всѣмъ вамъ именемъ Божіимъ даю благословеніе. Простите, да сохранитъ васъ Всевышній. Я здоровъ и начинаю ѣсть со вкусомъ; въ первые дни у меня что-то не было аппетиту. Скажи отъ меня ласковое слово другу Ивану Ивановичу, Сергѣю Сергѣевичу, К. Андрею Петровичу, etc, etc! Вотъ записка экономическая: карета въ мѣсяцъ 500 рублей, лакей 70 р., на пищу двумъ человѣкамъ 60 р. Другихъ издержекъ мало.

(*) Велик. Кн. Анны Павловны съ Наслѣднымъ Принцемъ Нидерландскимъ (въ послѣдствіи Королемъ) Вильгельмомъ.

Огарева въ кашлѣ, мужъ ея также нездоровъ; но оба встрѣтили меня какъ роднаго. К. Петръ здоровъ.

3.

С. Петербургъ, 11 Февраля, 1816.

.....Я здоровъ совершенно, и Невская вода не вредитъ мнѣ; ѣмъ и сплю не худо; всякое утро, иногда на разсвѣтѣ, хожу пѣшкомъ. Какой прекрасной городъ! Вотъ уже болѣе недѣли, какъ я здѣсь, и все ѣзжу съ визитами. Отъ Государя ни слова. Императрица Марія не рѣдко говоритъ обо мнѣ съ другими, какъ мнѣ сказываютъ. Что будетъ далѣе, не знаю; но знаю, что 10 Марта (если не прежде) возьму подорожную, чтобы ѣхать къ вамъ назадъ и болѣе не заглядывать въ Петербургъ, хотя не могу довольно нахвалиться ласками здѣшнихъ господъ и пріятелей. Обѣдъ за обѣдомъ; зовутъ и на вечеръ; пишутъ обязательныя записки: однимъ словомъ купаюсь какъ сыръ въ маслѣ!! Пріятельница Г-жи Сталь, наша Графиня Лаваль, поетъ мнѣ комплименты какъ сирена. Я отъ роду не живалъ такъ: вообразѣ, что съ 11 часовъ скачу съ визитами! и хорошо дѣлаю: это лучшее разсѣяніе; почти не затворяю рта и не имѣю времени грустить. На страницѣ едва ли упишу имена тѣхъ, которые велѣли мнѣ увѣрить тебя въ любви или въ почтеніи: упомяну однакожь и о доброй Огаревой, Лобановыхъ, Растопчиныхъ, Румянцевѣ и старомъ пріятелѣ Пестелѣ. Однакожь знай, что нашелся одинъ че-

ловѣкъ, старой знакомецъ, которой принялъ меня весьма холодно, и объявилъ, что ему *извѣстенъ* мой образъ мыслей, contraire aux idées libérales, то есть, образу мыслей Фуше, Карно, Грегуара. Онъ думаетъ, что мнѣ лучше печатать свою Исторію въ Москвѣ, и я съ нимъ согласился; это между нами. Живу у доброй Катерины Ѳедоровны какъ дома, и только нынѣшній день въ первый разъ буду у нее обѣдать. Скажи другу Ивану Ивановичу, что даже и Лазаревичь Армянинъ звалъ меня на обѣдъ, на которой однакожь не поѣду, не будучи ни случайнымъ, ни обжорою. Скоро наши любезные Малиновскіе отправятся въ Москву: они поговорятъ съ тобою обо мнѣ. Алексѣй Ѳедоровичь получитъ нѣчто въ знакъ благоволенія. Съ Княземъ Петромъ иногда вмѣстѣ обѣдаемъ. Въ Москвѣ будетъ новой Почтъ-Директоръ: мнѣ жаль Д. П. Рунича, которому слѣдовало бы имѣть это мѣсто. Здѣсь теперь все занято праздниками: авось скоро узнаю что нибудь рѣшительное въ разсужденіи моей Исторіи. Доселѣ не сержусь и такъ спокоенъ, какъ младенецъ. Что-то наши младенцы?

.... Судьба наша зависитъ отъ Бога: слѣдственно въ хорошихъ рукахъ.

4.

С. Петербургъ, 14 Февраля 1816.

..... Третьяго дня былъ я на маленькомъ дѣтскомъ балѣ у Гр. Толстаго, и чуть не залился слеза-

ми, смотря на малютокъ и матерей ихъ. Богъ да хранитъ насъ! Поговоримъ о Петербургѣ.

Я видѣлъ Императора, но только видѣлъ. Вчера вдовствующая Императрица прислала звать меня на свой блестящій балъ, а какъ, увидишь изъ приложенной записки. Она раза три говорила со мною; предлагала мнѣ играть въ карты, и замѣтила, когда я, до крайности утомленный, въ 12 часовъ уѣхалъ. Милость ея любезна. Вчерась же по утру сказали мнѣ *именемъ Государя*, что Онъ *послѣ праздниковъ* пришлетъ за мною, и прибавили *отъ себя*, что всякое мое справедливое желаніе безъ сомнѣнія будетъ Имъ исполнено. Болѣе ничего не знаю. Государыня Елисавета Алексѣевна изъявила намѣреніе принять меня безъ чиновъ на сихъ дняхъ и слушать мою Исторію. Я любовался вчера всею Императорскою Фамиліею, и тѣмъ пріятнѣе, что они всѣ, какъ мнѣ сказывали, милостиво отзываются о твоемъ другѣ; всѣ, кромѣ самого Государя, о расположеніи котораго не имѣю никакого понятія. Не хочу угадывать. C'est avec intérêt que je l'ai vu entrer dans la salle, conduisant sa mère; je l'ai fixé bien des fois et pensé: *je t'admire* et *je voudrais t'aimer beaucoup!* Il a une belle physionomie. Изъ новыхъ примѣчательныхъ знакомствъ наименую тебѣ Капо д'Истріа; онъ въ большой довѣренности и показался мнѣ любезнымъ, откровеннымъ, такъ что Князь А. Н. Голицынъ, познакомивъ насъ, черезъ 10 минутъ замѣтилъ съ шуткою, что мы уже говоримъ какъ старые знакомцы. Можетъ быть я еще съ нимъ увижусь и дѣйствительно короче познакомлюсь. Вообще, не обижая Москвы, нахожу здѣсь болѣе умныхъ, пріятныхъ людей, съ которыми можно говорить о моихъ любимыхъ матеріяхъ..... Румянцевы рады ежедневно быть

со мною. Нынѣшній день буду у Державина обѣдать со всѣми моими смѣшными *непріятелями* и скажу имъ: *есмь единъ посредѣ васъ и не устрашуся!* Видѣлъ во дворцѣ и К.....: вѣроятно, что онъ вымышляетъ какіе нибудь новые доносы и лжетъ по обыкновенію. Шишковъ честенъ и учтивъ, но тупъ. Собираюсь на первой недѣлѣ осмотрѣть Эрмитажъ, Казанскую церковь, Библіотеку и проч., хотя неизвѣстность еще безпокоитъ меня. Повторю, что 10 марта надѣюсь сидѣть въ кибиткѣ. Жить у милой доброй Катерины Ѳедоровны есть для меня величайшая выгода: это сестра родная. Жду брата Ѳедора. Булгаковъ Почтъ-Директоръ въ Москвѣ. Пошли, милая, мамушкина мужа поздравить Д. П. Рунича съ полученіемъ чина... Я совершенно здоровъ, и даже сплю хорошо отъ усталости. Этотъ родъ жизни однакожь можетъ сдѣлаться тяжелымъ à la longue.

5.

Петербургъ, 18 Февраля 1816.

..... Государь, какъ ты знаешь, обѣщался позвать меня въ кабинетъ послѣ праздниковъ. Черезъ два дни постъ; но говѣнье опять можетъ быть препятствіемъ. Увидимъ. Добрые люди на всякій случай даютъ мнѣ мысль продать свою Исторію тысячь за сто, то есть, если не увижу Государя еще недѣли три, или Казна не выдастъ мнѣ денегъ для ея печатанія. Покупщикъ, можетъ быть, найдется; но согласно ли это съ досто-

инствомъ Россійской Имперіи и съ честію Исторіографства? Между тѣмъ мнѣ щастье въ Императрицахъ и въ Публикѣ: первыя милостиво говорятъ обо мнѣ, съ кѣмъ могутъ. Елисавета Алексѣевна разспрашивала у Графа Растопчина о тебѣ, о твоей наружности и душѣ, и сказала: eh bien, je crois la voir (по словамъ Графа). Великая Княгиня (по его же словамъ) сказала ему: notre historiographe court la ville, mais pourquoi est-ce qu'on le cajole? онъ отвѣчалъ: c'est qu'il est le suisse de l'immortalité. Она засмѣялась, и послѣ съ важностью примолвила: je voudrois pourtant que cela fut déjà fini. Вчера былъ у меня еще посолъ отъ В. К. Маріи Павловны, Глинка, кавалеръ при Великихъ Князьяхъ, и звалъ меня къ ней. Всѣми здѣшними не могу нахвалиться. Будущіе обѣды, записанные въ моей книжкѣ, идутъ уже до воскресенья второй недѣли поста: суди, любятъ ли здѣсь гостепріимство! На сихъ дняхъ поѣду въ гости и къ Англійскому Клобу: Директоры приглашаютъ меня. Я не хотѣлъ и не думалъ быть на праздникахъ; однакожь, какъ тебѣ извѣстно, былъ на балѣ у Императрицы, а нынѣшній день буду въ маскарадѣ Таврическаго дворца, потому что едва ли не по приказанію Государеву доставленъ мнѣ билетъ чрезъ Кн. А. Н. Голицына, и потому что Императоръ весьма занимается симъ праздникомъ, такъ, что знатную часть вчерашняго утра провелъ въ Таврическомъ дворцѣ, все самъ учреждалъ и проч. Какъ не ѣхать къ такому доброму хозяину, когда Онъ зоветъ! Гостей будетъ около 3000, а отставныхъ только 60; тремъ стамъ, большею частію классным, не дали билетовъ. Вотъ подробности самыя исторіографическія, по крайней мѣрѣ историческія! Но милая жена моя всему рада отъ мужа, видя, что онъ здоровъ и почти

веселъ! Дай Богъ, чтобы я не былъ въ худшемъ расположеніи: тогда выѣду изъ Петербурга съ искреннею признательностію. Что касается собственно до города, то онъ удивительно прекрасенъ: въ Европѣ нѣтъ другова Петербурга. Постъ начну осмотромъ Эрмитажа и Казанской. Мало, что я мыкаюсь съ обѣда до полуночи: всякое утро бываютъ у меня люди, и пріятели и новыя лица. Скажи Ивану Ивановичу, что нашъ велемудрый законодатель Розенкампфъ, столь ему извѣстный, самъ явился ко мнѣ для знакомства и былъ привѣтливъ до крайности. Съ Румянцевыми живу душа въ душу: слава ихъ отца и собственныя ихъ достоинства вселили въ меня искреннюю любовь къ нимъ, хотя мы отчасти и *разныхъ* системъ. Измѣнилъ мнѣ только одинъ человѣкъ: бѣдной! А какъ здѣсь пишутъ о тарифѣ! какъ врутъ! какъ хотятъ обманывать Государя! Славный мой обѣдъ *съ непріятелями* не былъ для нихъ веселъ: всѣ сидѣли нахмурясь, хотя я и старался забавлять ихъ Грамматикою, Синтаксисомъ, Этимологіею. Добрый старикъ Державинъ вздумалъ было произвести меня въ Члены Россійской Шишковской Академіи; но я сказалъ ему, что до конца моей жизни *не назовусь* Членомъ никакой Академіи, и не буду ни въ какомъ такъ называемомъ ученомъ обществѣ. Даже и К.... обѣдалъ съ нами; онъ въ волненіи духа, и спрашивалъ у меня, когда уѣду въ Москву? Онъ вѣрно не безъ страха, и мнѣ почти хотѣлось бы успокоить его; вотъ казнь злобы и душевной мерзости! Не знаю, кто больше обрадуется: ты ли моему пріѣзду, или онъ моему отъѣзду! Къ вамъ ѣдетъ новой Почтъ-Директоръ: можешь въ случаѣ нужды адрессоваться къ нему; мы съ нимъ познакомились. Милая хозяйка моя не измѣняется въ своихъ ласкахъ:

всего чаще говорю съ нею о тебѣ. Вотъ истинная жена Михайла Никитича! Не могъ я выбрать лучшаго жилища, и это украсило для меня Петербургъ. Съ Кн. Петромъ только иногда обѣдаемъ вмѣстѣ, за исключеніемъ одного вечера, которой онъ до втораго часа ночи провелъ у меня съ нашими молодыми пріятелями. Онъ на всѣхъ балахъ, однакожь, по его словамъ, не очень веселится: я умѣреннѣе въ своихъ требованіяхъ и потому *веселюсь*, пою какъ соловей!....

6.

С. Петербургъ, 22 Февраля 1816.

..... Неизвѣстность, для тебя и для меня огорчительная, не продолжится болѣе двухъ недѣль: еще повторяю, что около 10 Марта съѣзжу къ Оберъ-Гофмейстеру и скажу ему, что я, оставивъ въ Москвѣ жену и дѣтей, прошу позволенія ѣхать къ нимъ обратно. Не можешь вообразить, какъ я по милости Божіей спокоенъ въ душѣ и выше элементовъ придворныхъ! Не хочу презирать себя: c'est tout dire, et tu me comprends. Не сдѣлаю ничего непристойнаго; знаю отношенія подданнаго къ Государю и долгъ нашего къ Нему благоговѣнія. Государь и вся Императорская Фамилія были заняты праздниками, теперь заняты говѣньемъ и молитвою, на второй недѣлѣ будутъ заняты прощаніемъ съ Великою Княгинею, а въ половинѣ третьей я уже *займусь* своимъ отъѣз-

домъ въ Москву; мѣра терпѣнія моего исполнится. J'ai assez bien vu les choses, étant encore à Moscou; j'ai fait ce que j'ai dû faire et je ferai ce que je dois faire; ton ami sait ce qu'il doit à son Souverain, mais il sait aussi ce qu'il doit à sa propre dignité morale. Mais parlons un peu de mon séjour à Pétersbourg. Я писалъ къ тебѣ о маскарадѣ: онъ былъ самымъ Царскимъ праздникомъ; никогда не видалъ я такого феерверка и столь великолѣпной огромностію и освѣщеніемъ залы: около трехъ тысячъ людей не тѣснились въ ней. Но если многіе изъ бывшихъ тамъ веселились, то многіе и досадуютъ, не получивъ билетовъ. Мужъ твой сдѣлался здѣсь героемъ: въ одномъ маскарадномъ платьѣ (Графа Румянцева) и въ башмакахъ ходилъ по холоднымъ коридорамъ, два часа сидѣлъ въ холодной комнатѣ, чтобы смотрѣть феерверка, и послѣ, вышедши въ поту изъ огромной залы опять въ холодныя сѣни, ни мало не простудился! Кареты не ждалъ ни двухъ минутъ, потому что уѣхалъ рано, въ 11 часовъ, пить чай и ужинать къ хозяйкѣ. Ты, милая, требуешь отъ меня журнала: и такъ знай, что въ субботу обѣдалъ я у Полторацкаго, часть вечера былъ у брата Ѳедора и добрыхъ, любезныхъ племянницъ, которыя отъ тебя безъ памяти; другую часть вечера провелъ у Княгини Александры Петровны Голицыной, а въ 12 часу ночи отправился на большой балъ къ Графинѣ Лаваль, гдѣ начинали только съѣзжаться; въ первомъ часу уѣхалъ и на крыльцѣ встрѣтилъ Лорда Каткарта, пріѣхавшаго на балъ съ своимъ семействомъ. Видишь, какъ здѣсь не перенимаютъ новой моды ложиться рано! Въ воскресенье обѣдъ у Олениныхъ. Они ко мнѣ очень ласковы, хотя и новые знакомые, такъ что проболтавъ у нихъ до 8 часовъ, я уже не захотѣлъ

никуда ѣхать; заѣхалъ только къ брату Ѳедору и спѣшилъ домой на постелю, чтобы отдохнуть. Сплю вообще хорошо и ѣмъ за двоихъ; надѣюсь, что не похудѣю. Въ понедѣльникъ обѣдъ у добраго Столыпина, и самой пріятельской, а вечеръ у Растопчина; во вторникъ, нынѣ, обѣдаю у нашего *законодателя* Розенкампфа, а вечеръ у Канцлера и Козодавлева, какъ думаю. У Лобановыхъ обѣдалъ: они всегда говорятъ о тебѣ съ любовію. У Нелединскихъ я уже не былъ дней шесть; они какъ-то слишкомъ заняты собственнымъ, и не всегда привѣтливы; иное дѣло Князь Василій: это братъ, хотя и съ нимъ вижусь рѣдко; Мордвиновъ все такъ же добродушенъ и здѣсь очень не въ модѣ; а Муромцовъ, по старому, споритъ и любитъ; Авдотья же Селивестровна ласкаетъ и плачетъ. Нашъ Князь Алексѣй Щербатовъ заѣзжалъ ко мнѣ раза два; видѣлся со мною только на балѣ, въ маскарадѣ, и кончитъ, думаю, тѣмъ, что женится. У Мятлевыхъ я былъ и не засталъ ихъ; буду еще; они зовутъ меня. Ты, милая, хочешь знать, кто со мною всѣхъ *сердечнѣе*, *ласковѣе*: добрая хозяйка, Малиновскіе, *Арзамасское* общество нашихъ молодыхъ литтераторовъ, Румянцевы, Огаревы, Оленины, Полторацкіе; но со всѣми вижусь рѣдко, ибо вижу многихъ, и не умѣю отказываться отъ обѣдовъ. Вообще всѣ хорошо со мною; не только зовутъ, но и ѣздятъ ко мнѣ по утрамъ, такъ что всякое утро принимаю человѣкъ пять; являются и незнакомые. Не могу похвалиться дружбою Великой Княгини: она мнѣ только съ ласкою кланялась во дворцѣ; говоритъ, что занимается моимъ дѣломъ; хочетъ звать меня къ себѣ, и не зоветъ. Богъ съ нею и со всѣми! ничего не требую и доволенъ. Вчера осматривалъ я Эрмитажъ: сколько пре-

краснаго! — Строки твои о любезной Катеринѣ Ѳедоровнѣ заставили плакать и меня и ее: достойная жена покойника! — Милой Андрюша! Какъ хорошо умѣла ты описать движеніе его маленькаго сердца! Нѣжно, нѣжно поцѣлуй за меня всѣхъ дѣтей, не забывая и Саши тихаго. Спасибо дочерямъ за ихъ посланія. Катенька требуетъ особенныхъ отъ меня писемъ: это разсмѣшило меня.—Ты хочешь знать мой туалетъ: распудренъ, причесанъ славно за 30 рублей въ мѣсяцъ, большею частію въ черномъ фракѣ, въ башмакахъ, и хоть куда! Находятъ, что я не такъ старъ. Дай Богъ, чтобы ты по возвращеніи то же обо мнѣ сказала! Обнимаю друга Ивана Ивановича, Сергѣя Сергѣевича, Князя Андрея Петровича, и всѣхъ кто тебя посѣщаетъ; въ особенности почтеннаго П. И. Приклонскаго и Князя Ивана. Съ любовію цѣлую руки у доброй Княгини Вѣры, у К. А. Рябининой и Графини Паниной. Скоро будутъ къ вамъ Малиновскіе съ перстнемъ и съ рескриптомъ, а я можетъ быть ни съ чѣмъ, но безъ зависти и съ благодарностію къ Богу, если Онъ сохранитъ тебя, милая, и нашихъ остальныхъ дѣтей. Благодари Бога и радуйся: потому что я здоровъ и спокоенъ; это главное; а къ тому еще уважаютъ меня....

7.

С. Петербургъ, 24 и 25 Февраля 1816.

..... Уже три недѣли я здѣсь и теряю время на суету: не подвигаюсь впередъ, и дѣйствительно имѣю нужду въ терпѣніи. Почти ежедневно слышу, и въ особенности черезъ Великую Княгиню, что Государь

благорасположенъ принять меня—и все только слышу. Видишь, какъ трудно войти въ святилище Его кабинета! Вчера Графъ Капо д'Истріа (сидѣвшій у меня три часа) въ утѣшеніе говорилъ мнѣ, что Государь во все это время еще *никого* не принималъ у себя въ кабинетѣ: слѣдственно надобно ждать! Ты, милая, заставила меня посмѣяться надъ тобою, сказавъ, что я вѣрно не употребляю всѣхъ способовъ отдѣлаться поскорѣе: дѣйствительно жду только, и болѣе ничего не дѣлаю; но для того, что дѣлать нечего. Государь не можетъ забыть, что Исторіографъ здѣсь: ибо самъ, какъ мнѣ сказывали, говоритъ обо мнѣ; а принудить Его никто безъ сомнѣнія не возмется..... Буду молчать до третьей недѣли поста; а тамъ скажу, что пора мнѣ домой, какъ я уже писалъ къ тебѣ. Государь причиною того, что не вижу и милостивыхъ, любезныхъ Императрицъ, ни Великихъ Княгинь. Скажу тебѣ нѣсколько словъ о *вельможѣ*. Вчера входитъ ко мнѣ ординарецъ его, съ запискою отъ Адъютанта, что Графъ ждетъ меня въ 6 часовъ вечера. Догадываюсь, и отвѣчаю, что *не я*, а братъ мой Ѳедоръ, старинной сослуживецъ Графа, былъ у него наканунѣ, не имѣвъ щастія видѣть его. Адъютантъ извиняется весьма учтиво и пишетъ, что онъ дѣйствительно ошибся, и что Графъ ждетъ брата. Братъ является и Графъ съ низкимъ поклономъ говоритъ ему: «радуюсь случаю по-«знакомиться съ такимъ *ученымъ* человѣкомъ, тѣмъ бо-«лѣе, что я былъ нѣкогда пріятелемъ вашего братца.» Ѳедоръ Михайловичь отвѣчаетъ: «Ваше Сіятельство! «я не Исторіографъ, а самой вашъ старинной знако-«мецъ!» Слѣдуютъ объятія, ласки. Открылось, что Графъ ждалъ Исторіографа, узнавъ, что пріѣзжалъ къ нему Карамзинъ. Но могъ ли я, имѣя извѣстный

тебѣ характеръ, ѣхать къ незнакомому мнѣ Фавориту? Это было бы нахально и глупо съ моей стороны. Однакожь этотъ случай ставитъ меня въ непріятное положеніе: *другъ Государевъ* уже объявилъ свое расположеніе принять меня учтиво и обязательно: если небуду у него, то не покажусь ли ему грубіяномъ? а если буду, то не заключатъ ли, что я пролазъ и подлой искатель? Лучше, кажется, не ѣхать. Пусть вельможа несправедливо сочтетъ меня грубіяномъ. Такъ ли думаешь, милая? Вотъ росписаніе моихъ обѣдовъ: въ вторникъ у Розенкампфа со всею законодательною Коммиссіею и съ его довольно-любезною женою, qui a un assez joli ton. Много разсужденій о сочиненіи Законовъ, и проч. Я сказалъ имъ: Messieurs, le public vous accuse; vous avez eu l'air d'errer beaucoup; vous visitiez la lune sans vous donner la peine de bien connoitre la Russie. Оправдывались и не убѣждали меня. Вечеръ у Канцлера. Въ середу обѣдъ у Графа Сергѣя Петровича съ Кн. Петромъ; нѣсколько визитовъ и вечеръ съ Арзамасскимъ обществомъ. Въ четвертокъ обѣдъ у Графа Винценгероде, нѣсколько визитовъ и пріятной вечеръ дома съ Графомъ Капо d'Истріа, Кн. Алексѣемъ Щербатовымъ, еще нѣкоторыми и Арзамасцами. Люблю перваго: онъ уменъ и кажется основательнымъ, franc et discret en même tems, ce qui prouve qu'il a beaucoup d'esprit. Мало, что ѣзжу: у меня бываетъ довольно людей; je suis presque à la mode. Кормятъ меня все сладкими закусками, но мой естественный вкусъ требуетъ жены и дѣтей, которыхъ далъ мнѣ Богъ. Je commence un peu à me fatiguer quoique je ne me gêne pas beaucoup et conserve ma franchise ordinaire. Ты хочешь знать, что сдѣлалъ для меня Графъ Петръ Александровичь: познакомилъ съ братомъ своимъ, Оберъ-

Гофмаршаломъ, и говорилъ, кажется, съ Императоромъ, давая мнѣ чувствовать, что трудъ мой не останется безъ Всемилостивѣйшаго вниманія. У друга твоего нѣтъ покровителей: разумѣешь меня. Hélas! j'ai déjà peu de tems à vivre: changerois-je de caractère? Je ne suis rien aux yeux de mon Dieu; mais les hommes ne me feront pas baisser les yeux! Молись Богу, милая, чтобы онъ сохранилъ насъ другъ для друга и для дѣтей еще по крайней мѣрѣ на нѣсколько лѣтъ. И это можетъ быть слабость; но я не стыжусь ее передъ Всевидящимъ. У Ланской буду и не премину исполнить воли нашего друга во всей полнотѣ ея.... Выѣзжай, милая, принимай и менѣе грусти, а болѣе молись. Пиши, повторяй, сказывай, что съ тобою бываетъ всякой день. Не обочту тебя, милая, днями: авось 10-го выѣду, а къ 15 у тебя. Обѣты наши часто бываютъ безполезны; но думаю, что мы уже не разстанемся, когда соединимся.

Ты, любезная, виновата, если наши Московскіе друзья и пріятели недовольны моимъ молчаніемъ: для чего всѣмъ имъ не кланяешься отъ меня? Разумѣется, что я ихъ не могу забыть. Всѣхъ, всѣхъ обнимаю: у *другинь* цѣлую руку. Напомню тебѣ, что не надобно оглашать нѣкоторыхъ подробностей въ моихъ письмахъ. Печешься ли ты о моемъ конѣ? водятъ ли его къ Шульцу? Князь Яковъ Ивановичь Лобановъ сдѣланъ Членомъ Совѣта: вчера былъ у меня Кн. Дмитрій Ивановичь, твой обожатель. Пестель также Членъ Совѣта: онъ кажется *угадываетъ* меня, а я *знаю* его. Nous avons été parfaitement bien, mais il me néglige depuis 10 jours. Adieu, chère et douce amie.

11 часовъ утра.

Мнѣ часто не даютъ писать, а отказывать не могу: видятъ что я дома по каретѣ; не хочу быть грубымъ и неблагодарнымъ.... Bénis les enfans pour moi: je compte sur ta bénédiction plus que sur la mienne. Ne sois pas fière de *mes succès*: prie Dieu et attends moi. Je te reviendrai plus que jamais dégoûté du monde!....

8.

С. Петербургъ, 28 Февраля 1816.

..... Будемъ вмѣстѣ призывать имя нашего Отца Небеснаго: Онъ къ намъ добръ, потому что хранитъ насъ еще другъ для друга. Пожалуй, милая, пиши ко мнѣ подробно о всякомъ днѣ своемъ: письма твои столь же любопытны для меня, какъ мои для тебя, хотя въ Москвѣ и нѣтъ Двора. О себѣ скажу, что мое положеніе не перемѣнилось: къ Императору не зовутъ меня, и даже Великой Княгини не вижу. Почти желаю, чтобы она уѣхала въ четвергъ не простившись со мною. Мнѣ будетъ легче или такъ же легко какъ и теперь. Нынѣшній день былъ я у Великой Княгини Маріи: она очень миловидна, ласкова, любезна, О Принцѣ не скажу ни слова. A sa demande, si je passois bien mon tems à Pétersbourg, je lui ai répondu: Madame, j'en suis enchanté; on me traite parfaitement bien ici; mais séparé de ma famille chérie, je perds et mon tems et ma santé à Pétersbourg, car j'y mène une vie à laquelle je ne suis nullement accoutumé: je ne

fais rien et je cours toute la journée. Она: Mais l'Empereur est si occupé! Я: Un Empereur de Russie est toujours occupé, et voit pourtant ceux qu'il veut voir. Dans 8 jours je demanderai la permission de repartir pour Moscou. Она не заставила меня ждать ни минуты, хотя я пріѣхалъ ранѣе назначеннаго времени. Прощаясь звала меня опять къ себѣ; а я отвѣчалъ; j'attendrai vos ordres. Завтра отправляюсь къ Вел. Княгинѣ Аннѣ Павловнѣ въ 11 часовъ утра: вѣроятно и ею буду доволенъ. Впрочемъ я всѣми доволенъ, не смотря на сплетни, и вотъ какія: Генералъ Писаревъ, котораго знаешь, пріятель Графа Аракчеева и Генералъ-Адъютанта Сипягина, (какъ мнѣ объявили) разсказывалъ за секретъ въ одномъ домѣ, что Государь, услышавъ о шестидесяти тысячахъ, коихъ должна стоить Казнѣ моя Исторія, сказалъ: «Какой вздоръ! дамъ ли я такую сумму!» Вѣришь ли? Я и вѣрю и не вѣрю. Это не сдѣлало во мнѣ сильнаго впечатлѣнія, ибо я уже рѣшился не говорить объ Исторіи, везти ее назадъ, спрятать до иныхъ временъ и надписать надъ манускриптомъ: à l'usage de mes enfans et de la postérité. Сдѣлай милость, любезнѣйшая, не говори объ этомъ никому. Скажи любопытнымъ, что надѣюсь выѣхать изъ Петербурга около 10 Марта, и что я, какъ и правда, весьма доволенъ Петербургомъ. Въ самомъ дѣлѣ, меня всѣ ласкаютъ: чего болѣе? По милости Бога мы не умремъ съ голоду и безъ Исторіи: c'est un bonheur que de n'y plus penser: nous serons libres. Je supporterai avec patience toutes les bêtises de notre cher Moscou. Pétersbourg est une belle ville; j'y ai vu quelques gens d'esprit: mais il m'est plus doux d'être au sein de ma famille, dusse-je tous les jours aller moi-même au marché pour y acheter mon bois! Je suis trés tranquille et je me

porte à merveille: rends grace au Ciel. J'ai diné ces jours-ci chez ma bonne Катерина Ѳедоровна, chez le Comte Пушкинъ (гдѣ всѣ объ тебѣ говорили), у Полторацкаго и Державина; былъ по вечерамъ у Канцлера, Оленина, Козодавлева, Растопчина, Голицыной. Завтра обѣдаю съ шестью или семью избранными, Куракинымъ, Кочубеемъ, можетъ быть и Аракчеевымъ у Графа Николая Петровича Румянцева. Amie chère, tu dis que mes lettres sont trop peu détaillées et sont écrites trop à la hâte: s'est vrai; mais je suis trop impatient de retourner à Moscou, j'attache trop peu d'importance à ce que je vois, à ce que j'entends, surtout depuis quelques jours. Oh! quant aux diners, quant aux honnetetés j'en aurois encore pour quelques semaines au moins. Dis à notre ami, que j'ai eu le plaisir d'être chez l'aimable Mme Lanskoy et que je suis resté chez elle depuis 9 heures du soir jusqu' à 11½. Quant à son amie Наталья Яковлевна, je l'aime beaucoup: elle a aussi l'air de m'aimer. En sortant de chez la Grande Duchesse, j'ai passé une heure chez cette bien aimable dame: nous causons à merveille. Здѣсь изъ мущинъ всѣхъ любезнѣе для меня Арзамасцы: вотъ истинная Русская Академія, составленная изъ молодыхъ людей умныхъ и съ талантомъ! Жаль, что они не въ Москвѣ или не въ Арзамасѣ. Я не спѣшу ѣхать къ Графу Капо-д'Истріа и уже недѣли двѣ не видалъ Князя Голицына: слѣдственно Плюскова ошиблась, и я не придворной. Вообрази, что я по сіе время не могу собраться на вечеръ къ Князю Лопухину, которой звалъ меня убѣдительно: je suis presque barbare. Chasse Pétersbourg et la Cour de tes idées; n'y vois que ton ami qui n'aspire qu'à retourner auprès de toi; oublie jusqu'à mon histoire même. Revenu à Moscou, je continuerai pourtant cet

ouvrage: il appartient à mes enfans et à ma patrie. Vive le travail! En attendant je t'écrirai ce qui m'arrivera encore. Je prévois un cas pénible: si l'Empereur ne répond rien à ma demande de retourner à Moscou? Prendrois-je cela pour une permission? J'espère que tout sera plus clair dans 8 ou 10 jours d'ici. Je ne veux pas être fou, et ne veux rien précipiter; mais je me sens plus fier que jamais après avoir respiré l'air de Pétersbourg!..

9.

Вторникъ, 29 Февраля, 9 часовъ утра.

Здравствуй, милая! Собираясь ѣхать во дворецъ, хочу написать къ тебѣ еще нѣсколько строкъ. Я уже успѣлъ пройти пѣшкомъ версты четыре, и хотя вчера возвратился домой отъ Растопчина въ 12 часовъ, но не могъ спать долѣе какъ до 7 часовъ. Тамъ сверхъ многихъ дамъ, была *Свѣчина*, женщина умная и *Католичка*: она учтивостями и ласками хотѣла обязать меня до крайности. Надобно быть у нее, чтобы поговорить о Религіи. Такой же разговоръ ожидаетъ меня у Графа Местра, Министра; но по сіе время не собрался къ нему. Знаешь, какъ не умѣю располагать временемъ! Писаревъ, можетъ быть, солгалъ; а вчера другой человѣкъ опять за тайну объявилъ мнѣ, что меня сдѣлаютъ Каммеръ-Геромъ! Не говори объ этомъ. Увидимъ, кто правъ. Здѣсь многіе сильно огорчены указомъ о строгомъ взысканіи недоимокъ, которыя

простираются до 35 милліоновъ. Около 200 т. душъ, находящихся въ казенномъ залогѣ, могутъ быть проданы съ публичнаго торгу. Пестель остается по видимому Генералъ-Губернаторомъ; его ненавидятъ всѣ вообще. Жалѣю объ немъ и предвижу, что ему со временемъ могутъ встрѣтиться непріятности. Il est difficile de lutter contre l'opinion publique. Прилагаю письмо Ланской къ Ивану Ивановичу. У нихъ война болѣе за Плюскову, нежели за меня. Въ изъясненіе моего непредставленія Государю еще прибавлю, что Принцъ Ольденбургской уже давно добивается аудіенціи въ кабинетѣ и напрасно.....

10.

1 Марта 1816 г.

Милой другъ! Свѣтлѣйшій Князь Петръ Васильевичъ Лопухинъ хочетъ непремѣнно, чтобы я далъ ему къ тебѣ письмо, которое онъ самъ желаетъ доставить. Это очень обязательно и ласково съ его стороны: изъяви ему признательность. Здѣсь всѣ или почти всѣ ко мнѣ ласковы; однакожь его учтивость заслуживаетъ мою благодарность. Нынѣшнее утро съ 10½ часовъ почти до двухъ провелъ я во дворцѣ у Вел. Княгини Екатерины Павловны съ нашими главными боярами. Всѣ ждали и ждали. Олединская вышла сказать мнѣ нѣсколько привѣтствій и просила вооружиться терпѣніемъ. Скуки не было: я бесѣдовалъ съ старыми и новыми знакомцами, напримѣръ съ Шишковымъ око-

ло часа, весьма искренно, простосердечно. Если онъ честенъ, то не будетъ (какъ ты сказала) злобиться на меня. Изъ новыхъ знакомцевъ Поповъ не мало болталъ со мною. Ихъ впускали къ Вел. Княгинѣ по нѣскольку человѣкъ; наконецъ ввели и меня одного. Мы говорили минутъ 20. Она сказала: l'Empereur parle de vous et voudra peut-etre entendre encore quelques chapitres de votre histoire. Я отвѣчалъ: Je n'ai à présent qu'une seule grâce à demander à Sa Majesté: c'est la permission de retourner à Moscou; je ne veux plus rien. Mon coeur redemande ma femme et mes enfans. Я примолвилъ, что могу быть въ Германіи. Она требовала моего обѣщанія писать къ ней; вынесла и подарила мнѣ англійскій ящикъ съ бѣлыми книжками на память, un souvenir. Однимъ словомъ, мы разстались пристойнымъ образомъ: я сказалъ ей все, что сказалъ бы самому Государю. Теперь повезу это письмо къ Князю Лопухину.....

11.

С. Петербургъ, 2 Марта 1816.

..... Вчера, говоря съ В. К. Екатериною Павловною, я только что не дрожалъ отъ негодованія при мысли, что меня держатъ здѣсь безполезно и почти оскорбительнымъ образомъ. Je lui ai demandé, si je pouvais repartir pour Moscou sans permission: elle m'a

répondu que non et que je devois attendre les ordres de Sa Majesté. Je dis à tous ceux qui veulent m'entendre que je n'ai actuellement qu'une seule idée, celle de m'en aller. On m'étouffe ici sous des roses, mais on m'étouffe; je ne puis pas mener longtems un pareil genre de vie; je suis trop en scène; je parle trop; cela surexcite mes nerfs outre mesure et j'ai besoin de repos. Je me fâche très sérieusement contre celui qni a l'air de ne se soucier guère ni de moi, ni de mon histoire; ne m'imite pas, mon ange, et sois plus généreuse: je te le demande; surtout n'en parle pas avec les autres. Dans 4 ou 5 jours d'ici je demanderai absolument par l'entremise du Comte Nicolas Tolstoy la permission de m'en aller. La Grande Duchesse est partie ce matin: je t'ai écrit hier avec le Prince Лопухинъ sur ma dernière entrevue avec cette charmante et bien légère Princesse, si inconséquente envers moi; malgrè cela je lui conserverai mon *souvenir*; je l'ai fort sincèrement aimée, et je ferai toujours des voeux pour elle. B. K. Анна Павловна a l'air d'être bonne et douce; elle est tellement novice dans l'art des présentations, qu'en me parlant, elle ne pensoit guère á dire un mot de moi au Prince d'Orange qui se tenoit vis-à-vis de moi et à coté d'elle sans proférer une seule parole. Je lui ai demandé enfin l'honneur d'être présenté au Prince, charmant jeune homme, et je lui ai adressé ce compliment: «si jeune, vous vous êtes déjà placé au nombre des héros du tems.» Il m'a répondu avec beauconp de modestie. Demain à 6 heures du soir, je dois aller chez les Grands Ducs qui s'occupent beaucoup du militaire, à ce qu'on dit. Je les ai vus de loin: je les regarderai de près maintenant. Je suppose que Mlle Pluskow (chez qui j'ai passé avant-hier 4 heures au moins) écrira à notre ami encore quelque chose sur l'Impératrice

Elisabeth: je n'en parlerai donc pas. Во вторникъ я былъ на щегольскомъ обѣдѣ у Канцлера; сидѣло за столомъ человѣкъ 12: Куракинъ, Кочубей, одинъ Графъ, ближній родственникъ Императрицы, Тормасовъ, Варшавскій Ланской, Лобановы, Козодавлевъ и проч. Обѣдъ, вины, услуга были очень хороши. Въ середу обѣдъ у Графа Варѳоломея Толстаго, въ четвергъ у Ив. Вас. Тутолмина, въ пятницу у Козодавлева; вечера иногда съ дамами, иногда съ Арзамасцами; не ревнуй къ первымъ: онѣ совсѣмъ не въ родѣ прелестницъ: такія набожныя или такія охотницы писать, что я лѣнивый едва отъ нихъ прячусь. Всѣхъ любезнѣе въ отношеніи ко мнѣ Наталья Яковлевна Плюскова, разумѣется, за исключеніемъ моей святой Катерины Ѳедоровны. Вчера передъ обѣдомъ провелъ я два часа съ любезнымъ Шторхомъ à discuter sur l'affranchissement des paysans. Il a été tout-à-fait aimable, prêtoit la plus grande attention à mes argumens, ne les combattoit que faiblement, et dit à la fin avec une noble franchise: «j'entends des choses *neuves*; c'est fort, et j'avoue que j'ai pu errer». Ему, какъ и мнѣ, около 50 лѣтъ; онъ уменъ и пріятенъ. А у Капо д'Истріа я все еще не былъ, ни у Князя Голицына. Вѣроятно даже, что и Графъ Аракчеевъ считаетъ меня неучтивцемъ: слѣдственно, я худой *царедворецъ!* Не мудрено, что выѣду ни съ чѣмъ, и что моя Исторія останется въ пыли. A propos d'histoire: читалъ ее Арзамасцамъ два раза у Катерины Ѳедоровны (тутъ былъ и Оленинъ); еще по-немногу раза три Канцлеру: дѣйствіе удовлетворяло моему самолюбію. Сказать правду, здѣсь не знаю ничего умнѣе Арзамасцевъ: съ ними бы жить и умереть. Вообще, милая, хотѣлъ бы я переѣхать съ тобою въ Петербургъ, но если не удостоятъ меня

лицезрѣнія, то надобно забыть Петербургъ: докажемъ, что и въ Россіи есть благородная и Богу не противная гордость; продадимъ Вторускую деревеньку и станемъ вѣкъ доживать въ Москвѣ. Еще повторяю: не сердись, не говори о томъ для меня; даже и сердцемъ мы могли бы унизиться; будемъ только жалѣть, и есть объ чемъ жалѣть! Пестро, очень пестро; но все дѣлается, какъ Богу угодно; вотъ что всегда успокоиваетъ мою душу, исполненную любви къ Россіи и къ ея доброжелательному Монарху. Comme les gens d'esprit sont bètes quand ils s'éloignent de ce grand principe! La religion de mon coeur m'a fait presque trouver la pierre philosophale. Малиновской не здоровъ, но думаетъ ѣхать дни черезъ два. Они скажутъ тебѣ не болѣе того, что уже знаешь: потому что я ничего болѣе не знаю. Не даю себѣ грустить, прося Бога, чтобы и ты, мой ангелъ безцѣнный, не грустила. — У Князя Алексѣя авось отниму портретъ милой: онъ доброй малой; иногда мы вмѣстѣ обѣдаемъ и проводимъ вечера. Чувства его не глубоки: всякой по своему созданъ. Едва ли рѣшусь говорить Местру о моемъ портретѣ: cela lui rappelleroit trop son ancien état. Я уже давно съ нимъ не видался.—Кругъ думаетъ обо мнѣ хорошо, и признавался, что нашелъ меня *ученѣе*, нежели воображалъ! Впрочемъ *теперь* нѣтъ нужды читать ему моей Исторіи. Еще узналъ я Фабра, автора извѣстнаго, и съ умомъ. Всѣ они хорошо расположены ко мнѣ. Вообще я изрядно болтаю; но это наконецъ утомляетъ меня. — Родныхъ всѣхъ видѣлъ, но мало вижу: даже и брата Ѳедора, даже и племянницъ любезныхъ. Невозможно, милая, искусно располагать временемъ въ моихъ обстоятельствахъ. Многіе на меня сердятся: Богъ съ ними! Я еще, напримѣръ, не видался съ

Мятлевыми. Безпорядокъ моихъ писемъ даетъ тебѣ идею о моемъ положеніи: Когда бываю дома, то ко мнѣ заѣзжаютъ, заходятъ, отрываютъ; а я не имѣю духа отказывать. И теперь сидитъ у меня гость. Однимъ словомъ дней черезъ шесть надѣюсь извѣстить тебя рѣшительнѣе о времени моего отъѣзда. Нѣтъ, нѣтъ! не надобно намъ разставаться!.... Сію минуту цѣлую Жуковскаго, говоря съ нимъ о тебѣ. Есть добрые люди на свѣтѣ! Поручаю тебя Богу. Я здоровъ совершенно. Береги себя какъ *мою* зѣницу ока, какъ меня самого! Благодарю дочерей за ихъ любезныя письма: пусть онѣ хорошенько молятся, чтобы мы скорѣе благополучно и радостно соединились. Пусть и Андрюша молится какъ умѣетъ. Цѣлую нѣжно ихъ и Сашу драгоцѣннаго; онъ уже крѣпко сидитъ у меня въ сердцѣ. Adieu. J'embrasse bien tendrement notre ami Иванъ Ивановичь. Многіе говорятъ здѣсь, что спокойствіе его завидно, и можетъ быть говорятъ искренно.....

12.

С. Петербургъ, 6 и 7 Марта 1816.

..... Дѣйствительно ничего, ничего, кромѣ нетерпѣнія и негодованія, я не чувствую, какъ ты угадываешь; и то временно, минутно. Гораздо рѣшительнѣе и постояннѣе во мнѣ признательность къ Петербургу,

гдѣ все, кромѣ К. и Шаховскаго, сыплетъ на меня цвѣты. A propos de К., сказываютъ, что онъ на сихъ дняхъ старался доставить Графу Аракчееву записку съ новыми доносами на меня; но посредникъ отказался. C'est un fou, ce К. Къ щастью твоему онъ трусъ: иначе твой мужъ былъ бы конечно имъ застрѣленъ или зарѣзанъ ночью. Не слишкомъ ли много дѣлаю ему чести, упоминая объ немъ въ письмѣ къ милой женѣ? Теперь разскажу тебѣ о моихъ дворцовыхъ приключеніяхъ.

Въ пятницу былъ я у Великихъ Князей. Милая! не повѣришь, какъ сердце мое оживилось, обрадовалось: я нашелъ, чего не воображалъ: двухъ прекрасныхъ, добросердечныхъ, прямыхъ, умныхъ молодыхъ Принцевъ, которыми я горжуся, веселюся какъ ребенокъ. О! я не имѣлъ объ нихъ понятія. Николай Павловичь или еще полнѣе любовью, или увѣреннѣе въ самомъ себѣ: я видѣлъ въ немъ—поливись—я видѣлъ въ немъ юнаго брата. Онъ меня обнялъ; благодарилъ за мою *снисходительность*! моя рука была въ его рукѣ нѣсколько минутъ. Милая! ты не ошибешься въ моихъ чувствахъ: нѣтъ, не самолюбіе удовлетворенное, а любовь къ Царскому Дому и Россіи произвела въ душѣ моей какое-то сладкое, тихое, безкорыстное удовольствіе. Мы говорили, какъ водится, о Россійской Исторіи, о великихъ происшествіяхъ, о состояніи Европы, о славѣ Императора и Россіи. Я даже предлагалъ имъ легкіе вопросы, и радовался ихъ отвѣтамъ: ils ont de l'étoffe, oui, oui. Не знаю, что они будутъ черезъ два года; но знаю, что они теперь любезны, любезны! Это благодѣяніе Природы и вдовствующей Императрицы. Удивительная женщина! Можетъ быть, потомство отдастъ ей справедливость громогласнѣе.

нежели мы, вѣтреные, невнимательные современники: это гораздо святѣе.—Мнѣ такъ пріятно говорить о Великихъ Князьяхъ, что я долженъ удерживаться.

За симъ свиданіемъ ожидало меня чтеніе у Императрицы Маріи, въ воскресенье, въ 5 часовъ вечера. Я отказался въ этотъ день отъ обѣда, завтракалъ дома въ 2 часа, дремалъ и пріѣхалъ во дворецъ съ Нелединскимъ. Государыня переодѣвалась; но меня не заставили ждать ни пяти минутъ, въ которыя однакожь я успѣлъ познакомиться съ Катериною Ивановною Нелидовою. За Императрицею пришла В. К. Марія Павловна, а тамъ и Великіе Князья. Первая сказала, что она свободна до *семи* часовъ. Я развернулъ свой томъ Царя Ивана: читалъ объ его исправленіи и взятіи Казани, въ глубокомъ или почти глубокомъ молчаніи. Государыня хвалила, и даже мой образъ чтенія, замѣчая *иногда* картины и мысли. Вмѣсто двухъ часовъ прошло три и болѣе. Подавали чай: сама Августѣйшая хозяйка налила мнѣ чашку, спросивъ, сколько мнѣ надобно положить кусковъ сахару и проч. Мы говорили до *десятаго* часу, и я съ величайшею искренностію сказалъ, что какъ ни пріятенъ ласковый Петербургъ, какъ ни велико щастіе пользоваться знаками Императрицыныхъ милостей, но что сердце мое просится къ женѣ и къ дѣтямъ. Государыня добрая предложила мнѣ склонить Императора къ *скорѣйшему* свиданію. Наконецъ мы встали и все еще говорили. Когда Великіе Князья ушли, я слегка упомянулъ о впечатлѣніи, сдѣланномъ ихъ любезными свойствами въ моемъ сердцѣ. Она какъ самая нѣжная мать говорила о воспитаніи, примолвивъ нѣсколько разъ: «надѣюсь, что они со временемъ могутъ быть полезны Государю.» Заключеніемъ былъ комплиментъ: «это

пріятной для меня вечеръ.» Она изъявила желаніе слышать Исторію Донскаго. Такъ мы разстались. Люби ее, милая! Вопросы о тебѣ, о дѣтяхъ всего болѣе меня тронули. Женщины умнѣе насъ чувствительностію.

Кромѣ обѣдовъ, я провелъ еще два вечера довольно пріятнымъ образомъ: одинъ у Свѣчиной, съ Графами Растопчинымъ, Местромъ Сардинскимъ и Посломъ Баварскимъ, а другой у Графини Лаваль, опять съ Свѣчиною (умною и полусвятою), съ Кн. Александромъ Николаевичемъ Голицынымъ, и Балашевымъ, очень ко мнѣ ласковымъ, и только что пріѣхавшимъ изъ Москвы любезной (ты въ ней съ дѣтьми!). Я читалъ имъ о Новѣгородѣ. Не забуду еще вечера Тургеневскаго, гдѣ слушателями моими были, кромѣ Арзамасцевъ, Кн. А. Ник. Салтыковъ, Нелединскій, Оленинъ, Крыловъ, Гнѣдичь и проч.—Видно, что мнѣ всѣхъ надобно узнать въ Петербургѣ: вчера обѣдалъ я у Вельяшева съ *Пуколовымъ*, который здѣсь выше всѣхъ Статсъ-Секретарей, по увѣренію знающихъ людей. Онъ съ умомъ, и объявилъ себя моимъ *старымъ* знакомымъ: я отдѣлался учтивымъ поклономъ и не просилъ о возобновленіи знакомства. Видишь, что мужъ твой Гуронъ: не поѣхалъ къ Графу Аракчееву, не воспользовался даже и благорасположеніемъ Пуколова! Чего же мнѣ ждать? Уваженія твоего и собственнаго. Я никого не хочу оскорбить грубостію; но мое ли дѣло итти криво? Вотъ записка отъ Нелединскаго: «мнѣ *приказано* извѣстить васъ, что вы зав«тра (7 Марта) приглашены будете къ Государю». Это хорошо; но теперь около 11 часовъ утра, а приглашенія нѣтъ, вѣроятно уже и не будетъ. По крайней мѣрѣ будетъ то, что угодно Богу.—Поздравляю съ

новымъ Тарифомъ, уже подписаннымъ; но большая пошлина испортитъ все, и контръ-банда не прекратится. Здѣсь нѣкоторые туго набиваютъ карманы, въ ожиданіи того, чтобы ихъ прогнали. Мало совѣсти и стыда въ свѣтѣ.....

13.

С. Петербургъ, 10 Марта 1816.
11 часовъ утра.

Милая! Письмо твое отъ 2 Марта растрогало меня еще болѣе, нежели обыкновенно: я живо почувствовалъ всю тоску твоего нѣжнаго сердца въ разлукѣ съ другомъ. Мнѣ стало уже чрезмѣрно грустно; подумаю, и сердце забьется. Это искушеніе: снесемъ его съ твердостію и благоразуміемъ; но когда вновь соединимся, то попросимъ Бога, чтобы уже не разставаться до смерти. Бодрись, безцѣнная, для друга; ты хвалишься геройствомъ, а я вижу, что у тебя въ душѣ лихорадка. Прошу, прошу, милая, чтобы ты, открывая утромъ глаза и помысливъ съ нѣжностію о другѣ, съ душею исполненною довѣренности къ Провидѣнію, вставала съ постели, спокойно занималась дѣтьми, домашними дѣлами, чтеніемъ; принимала нашихъ ближнихъ людей безъ разсѣянія, иногда выѣзжала для разсѣянія, и если не можешь быть веселою, то будь хотя тихою въ душѣ. Почти удивляюсь силѣ твоего разсудка: ты не совѣтуешь мнѣ излишно спѣшить и горячиться! Отъ кого могу принимать совѣты, если не отъ тебя?

Вдохновенная чистою любовью, ты мой ангелъ покровитель, главный по Богѣ. Положеніе мое таково, что дѣйствительно имѣю нужду въ совѣтахъ. Сердце рвется отъ нетерпѣнія; а между тѣмъ опасаюсь рѣшить, можетъ быть навсегда, судьбу нашей здѣшней жизни какъ нибудь легкомысленно. Не хочу притворяться; говорю искренно: но боюсь преступить границу благоразумія. Вотъ обстоятельства: не смотря на торжественное обѣщаніе Государя пригласить меня къ себѣ 7 числа, я до сей минуты ничего отъ Него не слышу; ждалъ два дни и пересталъ ждать. 10 Марта наступило, а другъ твой въ главномъ не подвинулся впередъ. Вчера я долженъ былъ обѣдать у привѣтливаго, любезнаго (для меня) Графа Алексѣя Кирилловича Разумовскаго; но вдругъ въ 2 часа зовъ къ Императрицѣ: меня ищутъ по городу, и я едва успѣлъ къ обѣду Государыни, доброй, милостивой. Тутъ была вся Императорская Фамилія, кромѣ Государя и Императрицы Елисаветы Алексѣевны. Я сидѣлъ противъ Августѣйшей хозяйки; и все было хорошо, кромѣ того, что твой простосердечной мужъ еще не видалъ ни Института, ни Монастыря, управляемыхъ Ею. Признаюсь, что вопросъ Ея и даже милостивый, деликатный упрекъ кольнулъ меня въ сердце. Такъ и быть: это доказываетъ, что я не хитрецъ придворной. Государыня сказала: vous verrez cela au-moins *à votre retour*. Замѣть это слово: оно не есть ли слѣдствіе разговора Ея съ Императоромъ? Великіе Князья обходятся со мною просто и мило; мы жмемъ руку другъ у друга какъ бы старинные знакомцы. Марья Павловна говорила со мною послѣ обѣда очень долго, и пеняла мнѣ, что я вмѣшиваю въ разговоръ Франц. фразы. Государыня звала меня въ воскресенье на *вто-*

рое чтеніе, въ 5 часовъ вечера. Когда же увижу Императора? Вооружимся терпѣніемъ еще на нѣсколько времени. Богъ все сдѣлаетъ, чему быть надобно. Милая! проси Бога, чтобы Онъ далъ тебѣ спокойствіе и свѣтлость души: вся душа моя въ этихъ словахъ. Еще замѣчу, что Императрица за столомъ, взглянувъ на меня, сказала: «*Московская* дорога еще не испортилась!» Выслушай другое происшествіе. Фактотумъ Графа Аракчеева, объ которомъ я писалъ къ тебѣ, передалъ мнѣ черезъ Вельяшева, что Графъ желаетъ видѣться со мною, и говоритъ: «Карамзинъ, видно, «не хочетъ моего знакомства: онъ пріѣхалъ сюда, и «не забросилъ даже ко мнѣ карточки!» Вотъ какъ судятъ люди: скромность считаютъ за грубость! *Фактотумъ* (по крайней мѣрѣ такъ здѣсь думаютъ) прислалъ ко мнѣ карточку и велѣлъ меня звать къ себѣ въ воскресенье на вечеръ для свиданія съ Графомъ. Вообрази мое положеніе! не хочу никого оскорбить; но могу ли дать себѣ видъ пролаза? Я также отослалъ къ нему свою карточку, отвѣтствуя Вельяшеву, что мнѣ не ловко ѣхать къ такому человѣку, которой у меня самъ не былъ. Между тѣмъ, надѣвъ мундиръ, я отвезъ карточку къ Графу. Что будетъ далѣе, не знаю. Помоги намъ Богъ выпутаться изъ всѣхъ придворныхъ обстоятельствъ съ невинностію и честію, которыми я обязанъ моему сердцу, милой женѣ, дѣтямъ, Россіи и человѣчеству! Прибавлю, что я провелъ три часа у Графа Капо д'Истріа: не знаю, въ чемъ мы можемъ быть несогласны. Такъ, кажется, не обманываютъ. Это умной, достойной Министръ, и я искренно хвалю Государя за такой выборъ.—Было чтеніе для *Свѣчиной* у Графини Лаваль; но теперь я спомнилъ,в что уже писалъ къ тебѣ объ этомъ. Въ

домѣ у Графа Остермана осуждали меня, какъ я могъ у Графини Лаваль (которой *домъ* есть едва ли не первой въ Петербургѣ) читать свою Исторію, а не у *важныхъ* людей, не у Остермана, не у Княгини Нат. Петр. Голицыной, къ которымъ не ѣзжу! Улыбнись, жена милая: видишь, что завидуютъ моимъ пріятелямъ! Писала ли ты къ бурмистру, чтобы онъ прислалъ въ Мартѣ оброчную сумму не на мое, а на твое имя? Напиши адресъ къ нему: *Бурмистру села Макателема Ильѣ Павлову въ Арзамасѣ....*

14.

10 Марта, 1816, полдень.

Милая! Сей часъ отправилъ я къ тебѣ письмо черезъ почту: скажу еще нѣсколько словъ съ любезнымъ Дашковымъ.

Объявляю Сонюшкѣ мое родительское удовольствіе за ея письмецо: c'est bien dit et bien tourné; je l'ai lu à quelques personnes: tout le monde en a été content. Катиша Николаевна также очень любезна. Обнимаю нѣжно обѣихъ; а ты поцѣлуешь друга Андрея, малютку Сашу. Тверди первому объ отцѣ: боюсь чтобы онъ не взглянулъ на меня какъ на чужаго. Саша не забудетъ отца, потому что еще не знаетъ его. Говори о себѣ, объ нихъ, какъ можно болѣе: это бальзамъ для моего сердца. Между тѣмъ надѣюсь, что отвѣтъ на это письмо можетъ уже не застать меня въ Петербургѣ. Императрица Елисавета хотѣла также звать

меня въ воскресенье: узнавъ что вдовствующая предупредила ее, она хочетъ переговорить съ нею, въ надеждѣ, что мужъ твой будетъ на этотъ день ей уступленъ: ибо Елисавета Алексѣевна будетъ на той недѣлѣ говѣть. Я обѣщалъ нынѣ въ 7 часовъ, къ Державину для чтенія, но получилъ зовъ къ В. К. Маріи Павловнѣ. Видишь, въ какой я модѣ у Двора до дня, въ которой сдѣлаюсь скучнымъ! Mais la grandeur des grandeurs m'échappe, et je suis loin d'être parfaitement content. Доношу тебѣ, вѣрной женѣ, на себя: вообрази что вчера ночью ѣхалъ я въ одной каретѣ съ глазу на глазъ, съ молодою, любезною женщиною! Отгадаешь ли съ кѣмъ? съ Огаревою къ Мятлевымъ, которые грозились писать тебѣ о моихъ шашняхъ. Для успокоенія твоей ревности скажу тебѣ, что, къ сожалѣнію, вижу рѣдко добрую Елисавету Сергѣевну: не умѣю ни у кого быть часто, хотя и разъѣзжаю всякой день. Обѣды продолжаются непрерывно, и желудокъ мой ни разу не разстроивался; вода также не произвела никакого худаго дѣйствія на меня. Въ награду будь здорова съ дѣтьми! Постой: ко мнѣ идетъ Фактотумъ Г. Аракчеева.... Онъ пробылъ у меня съ часъ: много учтивости. На зовъ въ воскресенье я отвѣчалъ, что буду у Императрицы. Тѣмъ и кончилось. За визитъ отплачу визитомъ; это необходимо.....

15.

С. Петербургъ, 13 Марта 1816.

Душа моя, жена милая! Письмо твое отъ 6 Марта не только растрогало, но даже испугало меня намѣре-

ніемъ твоимъ кинуть дѣтей и ѣхать въ Петербургъ, если захватитъ меня здѣсь зима или распутица. Во-первыхъ я все надѣюсь, что дѣло мое кончится на сихъ дняхъ: какъ скоро увижу Императора, то безъ сомнѣнія на третій день выѣду. Во-вторыхъ, если бы сверхъ чаянія и продлились недосуги Его еще недѣлю, двѣ или болѣе, то заклинаю тебя быть спокойною на мой счетъ, предаться въ волю Божію и ждать меня въ Москвѣ. Самой послѣдній срокъ есть отъѣздъ Государевъ: это развяжетъ мнѣ руки и ноги; если и не увижу Его, то все буду свободенъ ѣхать къ тебѣ, милая; а Онъ, какъ слышно, въ самомъ началѣ весны отправится. Теперь уже дѣло зашло далеко: не могу пристойнымъ образомъ и просить дозволенія возвратиться въ Москву, не видавъ Государя: мнѣ со всѣхъ сторонъ кладутъ въ ротъ, что Онъ расположенъ сдѣлать для меня все справедливое и пристойное..... Не имѣй никакихъ черныхъ обо мнѣ мыслей: онѣ не справедливы; напротивъ, ты можешь мнѣ завидовать; ты, ты, милая, жалка болѣе, нежели я, имѣющій здѣсь пріятныя разсѣянія, хотя они и не могутъ ослабить моего внутренняго безпрестаннаго влеченія къ тебѣ, окруженной дѣтенками. Богъ даетъ мнѣ здоровье: ѣмъ, сплю хорошо, и надѣюсь на милость Всевышняго. Неужели это, безцѣнная, не можетъ ободрить тебя въ твоемъ, хотя и печальномъ, но временномъ одиночествѣ? Рѣшится судьба моего труда долговременнаго и отчасти самой жизни нашей: двѣ лишнія недѣли разлуки могутъ нѣкоторымъ образомъ наградить насъ за шесть, уже прошедшихъ. Великодушіе на твоей сторонѣ: мое гораздо менѣе, хотя любовь моя (Богъ видитъ) не уступаетъ твоей. Потѣшь друга: жди меня и не мысли бросить нашихъ дѣтей. Ты во

мнѣ увѣрена: не влюблюсь здѣсь ни во Дворъ, ни въ красавицъ, ни въ обѣды, коихъ часто бываю героемъ; не высохну и отъ грусти: надежда на Бога и разсѣяніе авось поддержатъ меня; по крайней мѣрѣ до сего времени не худѣю замѣтно..... Будь же веселѣе! За то разскажу тебѣ мои похожденія.

На другой день Императрицына обѣда провелъ я вечеръ у В. К. Маріи Павловны; читалъ, но болѣе разговаривалъ. Она не такого блестящаго ума, какъ наша Екатерина; однакожь любезна и въ особенности нравится своимъ добродушіемъ. Въ разговорѣ я сказалъ, что женщины вообще тонѣе умомъ, нежели мущины: она не соглашалась, и.... доказала противное. Входитъ въ другой разъ Веймарской Принцъ: elle lui rend compte de notre conversation et me dit tout-de-suite de continuer la lecture, qui chasse tout-de-suite le Prince. Arrive un autre Prince, celui d'Oldenbourg. Elle lui dit que son mari est dans son cabinet, et me dit de recommencer la lecture. Le malheureux, sans rien comprendre, reste, et elle lui dit: «Vous êtes le plus aimable de tous les cousins possibles: vous restez avec nous; mais mon mari est là, dans son cabinet». Ольденбургской все таки ни съ мѣста, и я внутренно усмѣхнулся. Ей угодно было обязать меня словомъ еще побывать у нее до моего отъѣзда.

Я отвезъ карточку къ Графу Аракчееву, и на третій день получилъ отъ него зовъ; пріѣхалъ въ 7 часовъ вечера и пробылъ съ нимъ болѣе часу. Онъ нѣсколько разъ меня удерживалъ. Говорили съ нѣкоторою искренностію. Я разсказалъ ему мои обстоятельства, и на вызовъ его замолвить за меня слово Государю отвѣчалъ: «не прошу Ваше Сіятельство; но если «вамъ угодно, и если будетъ кстати», и проч. Онъ

сказалъ: «Государь безъ сомнѣнія расположенъ принять васъ, и не на двѣ минуты, какъ нѣкоторыхъ, но для бесѣды пріятнѣйшей, если не ошибаюсь». Пришелъ третій человѣкъ, его *ближній*, и разговоръ нашъ перемѣнился. Слышно, что онъ думаетъ пригласить меня къ обѣду. Вообще я нашелъ въ немъ человѣка съ умомъ и съ хорошими правилами. Вотъ его слова: «учителемъ моимъ былъ дьячекъ: мудрено ли, что я «мало знаю? мое дѣло исполнять волю Государеву. «Если бы я былъ моложе, то сталъ бы у васъ учить«ся: теперь уже поздно». Не подумай, милая, что это насмѣшка; нѣтъ, онъ хорошо трактовалъ меня, и сказанное мною не могло подать ему повода къ такой насмѣшкѣ. Слѣдственно и Графъ Аракчеевъ обязался способствовать моему скорѣйшему свиданію съ Государемъ; даже *увѣрилъ* меня, что это откладываніе не продолжится. Неужели все будетъ напрасно? По крайней мѣрѣ надобно ждать и непристойно требовать, чтобы меня ни съ чѣмъ отпустили въ Москву.

Вчера въ 7 часовъ вечера пріѣхалъ я съ Уваровымъ къ Императрицѣ Елисаветѣ Алекс. Мы нашли ее совершенно одну, въ большомъ кабинетѣ. Она еще хороша лицомъ, миловидна, стройна, имѣетъ *серебряной* голосъ и взоръ прелестной. Читали долго, но въ глубокомъ молчаніи, слѣдственно холодно. Къ сожалѣнію, уткнувъ глаза въ книгу, я не могъ часто взглядывать на Императрицу; а на нее пріятно смотрѣть. Въ ея глазахъ есть нѣчто краснорѣчивое. Она казалась довольною. Послѣ мы говорили съ часъ, ловко и свободно, о войнѣ Французской, о пожарѣ Московскомъ и проч. Въ началѣ одиннадцатаго она изъявила мнѣ благодарность: мы разстались и я вышелъ съ пріятнымъ воспоминаніемъ. Надобно было видѣть эту ин-

тересную женщину одну въ прекрасномъ бѣломъ платьѣ, середи большой, слабо освѣщенной комнаты: elle avait quelque chose de magique et d'aérien. Она будетъ говѣть и сказала мнѣ, что не имѣетъ надежды видѣть меня въ другой разъ до моего отъѣзда.—На сихъ дняхъ обѣдалъ я у Гр. Румянцева съ знатными, у Шторха съ учеными, у Огаревой съ Тургеневымъ, у Балашева (*весьма* ко мнѣ ласковаго) со многими гостями; вечера былъ у Свѣчиной, Голицыной, Растопчиныхъ, Гр. Алексѣя К. Разумовскаго, съ Арзамасцами у Тургенева. Все хорошо; но худо что дни проходятъ, а день желаемый не приходитъ, и я еще не ѣду къ милой!.... Завтра рано, въ 9½ часовъ, должно мнѣ ѣхать въ *Училище глухо-нѣмыхъ*, гдѣ будетъ, думаю, Императрица.

16.

С. Петербургъ, 16 Марта 1816.

Милая! Вчера въ 5 часовъ вечера пришелъ я къ Государю. Онъ не заставилъ меня ждать ни минуты; встрѣтилъ ласково, обнялъ, и провелъ со мною *часъ сорокъ минутъ* въ разговорѣ искреннемъ, милостивомъ, прекрасномъ. Воображай что хочешь: не вообразишь всей Его любезности, привѣтливости. Я хотѣлъ прочесть Ему дедикацію: два раза начиналъ и не кончилъ. Скажи: *тѣмъ лучше!* ибо Онъ хотѣлъ говорить со мною. Я предложилъ наконецъ свои *требованія:* все принято, дано, какъ не льзя лучше: на печатаніе

60 тысячь и чинъ, мнѣ принадлежащій по закону. Печатать здѣсь въ Петербургѣ; весну и лѣто жить, если хочу, въ Царскомъ Селѣ; право быть искреннимъ и проч. Я нюхалъ табакъ: Онъ взялъ мою табакерку; нашелъ, что ты лучше портрета, и улыбнулся, когда я сказалъ ему: Sire, je rendrai ce compliment à ma femme; mais ne lui faites pas la cour: c'est une femme fidèle. Онъ пригласилъ меня обѣдать въ пятницу, то есть, завтра; обѣщалъ подписать два указа обо мнѣ нынѣшній день, или, по Его словамъ, прежде пятницы; однимъ словомъ, надѣюсь выѣхать около будущаго вторника или середы. Опасаюсь одного, чтобы не задержали меня выдачею денегъ; но конечно не вздумаю весновать здѣсь для этой гадости: въ случаѣ *Гурьевской строптивости* уѣду и безъ денегъ; оставлю только вѣрющее письмо кому нибудь изъ пріятелей. Милая! пора, пора къ тебѣ: начинаю уставать крѣпко. Весна можетъ быть для насъ пріятна, если Богъ, какъ надѣюсь, соединитъ насъ благополучно около Благовѣщенья. Какъ обрадуюсь тебѣ и дѣтенкамъ! Теперь хочу только видѣть указы подписанные....

Марта 17, Пятница.

Вчера не дали мнѣ писать: теперь 7 часовъ утра; но то бѣда, что въ девятомъ я уже долженъ быть въ Воспитательномъ Домѣ, гдѣ Императрица намѣрена экзаменовать воспитанницъ. Милость велика, но утомительна. Четвертаго дни все утро въ Институтѣ глухихъ, третьяго въ Монастырѣ Смольномъ (гдѣ даже и обѣдалъ съ любезными питомицами!), а нынѣ опять тоже; а въ 2 часа надобно уже быть во дворцѣ! Государь, какъ вѣроятно, не скажетъ мнѣ ни слова о *моемъ дѣлѣ:* за обѣдомъ говорятъ только о посторон-

немъ. Не знаю, кто мнѣ дастъ знать объ указахъ. Вчера я отвезъ карточку къ Графу Аракчееву: онъ догадается, что это въ знакъ благодарности учтивой. Вѣроятно, что онъ говорилъ обо мнѣ съ Императоромъ. Послѣднее письмо твое отъ 9 Марта есть верхъ нѣжной меланхоліи: чувства твои, другъ милой, сколь естественны, столь и пронзительны для моего сердца. Будь же теперь веселѣе! Главное сдѣлано: черезъ четыре дни надѣюсь сѣсть въ кибитку; но еще напишу къ тебѣ во вторникъ.... До сей минуты, не смотря на усталость, твой доброй мужъ здоровъ совершенно.... Письмо запечатаю. Думаю, что оно, хотя и краткое, сдѣлаетъ тебѣ болѣе удовольствія, нежели прежнія. Авось все устроится къ лучшему! Могу сказать лишнее; могу и поступить въ иномъ не совсѣмъ благоразумно, но Богъ поправитъ, вступится за мою простоту!.....

17.

С. Петербургъ, 21 Марта 1816.

.....Ты уже знаешь, другъ безцѣнной, что Государь пожаловалъ мнѣ еще Аннинскую ленту черезъ плечо, и самымъ пріятнѣйшимъ образомъ. Нынѣшній день я простился съ двумя Императрицами, добрыми, любезными, и былъ у вдовствующей отъ 3 часовъ до девяти. Завтра прощусь съ Великими Князьями и Вел. Княгинею. Не знаю, увижу ли еще Государя. Деньги, 10 тысячь, обѣщали мнѣ выдать завтра или послѣ

завтра; а 50 тысячь оставлю въ Кабинетѣ. Выѣду, какъ надѣюсь, въ четвергъ. Теперь проси Бога, чтобы онъ соединилъ насъ благополучно.

..... Благословляю васъ и предаю вмѣстѣ съ собою въ волю Божію. Спѣшу кончить письмо. Много визитовъ и дѣла: но главное сдѣлано. Такъ ли, милая? Ѣду къ тебѣ! Твой на вѣки.

МЫСЛИ,

СТИХИ И ВЫПИСКИ

ЛИТЕРАТУРНАГО СОДЕРЖАНІЯ.

I.

Мысли въ саду Павловскомъ.

Благодарю Августѣйшую Хозяйку *сельскаго домика*. Я былъ здѣсь съ чувствомъ и воображеніемъ: слѣдственно наслаждался.

Марія—имя Ея не имѣетъ нужды въ прилагательномъ—Марія, окруженная блескомъ Двора, величественна; въ домахъ воспитанія и благотворенія сильно трогаетъ душу прелестію добродѣтели, а въ *сельскомъ домикѣ* любезна сердцу своимъ вкусомъ къ милой простотѣ естественной, всегда неразлучнымъ съ истинною чувствительностію и умомъ плодотворнымъ.

Здѣсь въ тишинѣ, въ безмолвіи страстей, забывая искусственное велелѣпіе свѣта и пышность Царскую, Она любитъ быть человѣкомъ въ объятіяхъ Природы и семейства, бесѣдовать съ Творцемъ и совѣстію, щастливая въ минувшемъ—*воспоминаніемъ*, а въ будущемъ—*намѣреніемъ блага*: ибо въ мірѣ нѣтъ инаго вѣрнаго щастія. Марія знаетъ сію тайну судьбы и *не жалуется*.

Такъ, сія нѣжная дочь, супруга, мать могла бы жаловаться: я видѣлъ памятники садовъ Павловскихъ! Но Марія утѣшена: Она кладетъ руку на чистое сердце, взираетъ на небо окомъ свѣтлымъ, и посвящаетъ олтарь не *времени—утолителю печалей*, но *утѣшительной*

любви ко благу. Дивиться ли неувядаемому цвѣту красоты Ея? Бури злыхъ страстей не смѣли его коснуться: добродѣтель всегда стояла надъ нимъ съ своимъ покровомъ.

При Дворѣ опасно хвалить: самая искренность кажется лестію. Въ *сельскомъ домикѣ* вѣрятъ истинѣ, которая изливается изъ сердца.

Съ сею простою, сельскою искренностію скажу, что я не люблю Двора, но люблю Царей и Царицъ, когда они украшаютъ человѣчество своими внутренними достоинствами и любятъ *сельскіе домики*.

10 Іюля 1816.

II.

Луизѣ (*) въ день Ея рожденія 13 Генваря, при врученіи Ей подарка.

Луиза! Пріими даръ искренней любви.
Твой умъ, Твоя душа питаются прекраснымъ;
Ты Ангелъ горестныхъ, мать сирымъ и нещастнымъ;
Живешь для щастія другихъ... И такъ живи!
Не каждый ль день и часъ Ты въ жизни сей добрѣе,
Прекраснѣе душей и дружеству милѣе,
Достойнѣе святой, Божественной любви,
Достойнѣе Небесъ?... И такъ живи, живи!
Здѣсь все мечта и сонъ; но будетъ пробужденье!
Тебя узналъ я здѣсь въ прелестномъ сновидѣньѣ:
Узнаю на яву!... Есть вѣчность для любви,
Безсмертіе добра, есть Богъ... И такъ живи!

1821.

(*) Императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ. *Прим. Изд.*

III.

Стихи съ поднесеніемъ выписокъ.

Благодарю судьбу, что грамотѣ умѣю!
Писатель для другихъ, я для Тебя писецъ,
Въ изображеньѣ буквъ совсѣмъ не образецъ,
Но криво ставя ихъ, я не кривлю душею:

Достойное хвалы хвалю,
Достойное любви люблю:

Тебя! и выбравъ здѣсь безъ строгаго разбора,
Что нравилося мнѣ, согласенъ я безъ спора
Все на-двое дѣлить: прекрасное Твое,
А слабое мое!

IV.

Моему сыну Андрею въ день его рожденія.

Обнимаю, цѣлую и поздравляю тебя десятилѣтнимъ отрокомъ. Живи и расти тѣломъ и душею: тѣломъ въ силѣ и бодрости, душею въ добронравіи, въ умѣ и въ полезныхъ знаніяхъ.

Это желаніе родительское есть молитва къ БОГУ. Все отъ НЕГО зависитъ; ОНЪ далъ свободу человѣку. Надобно, чтобы мы хотѣли сдѣлаться добрыми: тогда БОГЪ поможетъ намъ, и будемъ, чѣмъ быть желаемъ усердно.

Любезный Андрей! ты вѣрно не хочешь, чтобы отецъ твой на старости лѣтъ своихъ былъ отъ тебя нещастливъ; а онъ умретъ съ горести, если ты не будешь добрымъ его сыномъ.

Вотъ чего требую для моего и твоего благополучія:

Каждый день начинай молитвою къ БОГУ, отвоихъ родителяхъ, сестрахъ, братьяхъ и себѣ самомъ, прося, чтобы ОНЪ даровалъ тебѣ силу исполнять твои должности: то есть, быть послушнымъ сыномъ, ласковымъ братомъ, *прилѣжнымъ* ученикомъ.

Желай добраго утра отцу, матери, сестрамъ и братьямъ съ любовію, не холодно, безъ всякихъ мы-

слей, но чувствуй, что ты ихъ любишь и дѣйствительно желаешь имъ добра.

Садись учиться съ твердымъ намѣреніемъ быть внимательнымъ и старательнымъ, чтобы не тратить времени, но пользоваться всякою минутою. Время не приходитъ назадъ. Что нынѣ упустишь, того не воротишь завтра. Каждый день приноситъ съ собою новыя должности для исполненія; за каждый день мы дадимъ отчетъ БОГУ. Всегда, кончивъ урокъ, спрашивай у себя: что ты узналъ новаго, или чему научился? Если ты ничего не узналъ, ничему не научился въ этотъ урокъ, то онъ потерянъ: ты не исполнилъ своей должности и огорчилъ родителей.

Выходя изъ учебной комнаты, находишь новыя должности для исполненія: ты обязанъ вести себя хорошо не только противъ родителей, сестеръ и братьевъ, но и противъ всѣхъ домашнихъ: быть не грубымъ, а привѣтливымъ и кроткимъ; никого не оскорблять, но всѣмъ оказывать доброе расположеніе. Въ тебѣ уже есть порокъ, излишняя горячность, въ которой ты можешь сдѣлать и наговорить много непристойнаго: удерживайся, преодолѣвай эту горячность, и молчи, когда тебѣ хотѣлось бы браниться. Увидишь, что это возможно и даже не трудно: къ хорошему и худому легко пріучаемся.

БОГЪ далъ человѣку невидимаго судью, называемаго совѣстью: если ты, согласно съ волею Божіею и твоихъ родителей, ведешь себя похвально, учишься прилѣжно, всѣхъ утѣшаешь и никого не оскорбляешь, то въ сердцѣ твоемъ бываетъ всегда пріятное чувство; а если поступаешь худо, то, и кромѣ огорченія родителей, бываетъ невесело твоему собственному сердцу. Будь же всегда, съ утра до вечера, послушенъ

совѣсти и дѣлай хорошее, чтобы ею не мучиться, угождай БОГУ и тѣмъ, которые тебя всѣхъ нѣжнѣе любятъ: отцу и матери!

Начавъ, и кончи день сердечною молитвою: благодари БОГА, если ты хорошо провелъ день; кайся, если худо учился или кого оскорбилъ, и проси, чтобы БОГЪ далъ тебѣ силу исправиться. Каждую ночь закрывай глаза и каждое утро открывай ихъ съ искреннимъ желаніемъ, чтобы отецъ, мать и совѣсть могли быть довольны тобою.

Милый Андрей! ты знаешь, что я люблю тебя: старайся же, чтобы эта любовь была для меня щастіемъ, а не страданіемъ.

Николай Карамзинъ.

Царское Село,
24 Октября
1824.

V.

Мысли для Исторіи Отечественной Войны.

1) Смотря на географическое положеніе Франціи и Россіи, судя по обыкновеннымъ издавна причинамъ войны между Европейскими Державами, кто бы за четверть вѣка предъ симъ вообразилъ, чтобы Франція и Россія могли непосредственно ударить одна на другую? Казалось, что онѣ могли имѣть войну только политическую, кабинетную, или въ Константинополѣ, или въ Вѣнѣ, или въ Берлинѣ. Экспедиція Французская къ Данцигу при Аннѣ; маршъ нашихъ къ Рейну подъ начальствомъ Рѣпнина. Ничтожность первой; пустой блескъ втораго.

2) Такъ справедливо судили: ибо надлежало перемѣниться всему политическому состоянію Европы, чтобы сія война могла быть дѣйствительно.

3) Революція: ея причина, измѣненія, проч.

4) Характеръ Наполеона; его исторія, постепенность. Случаи несли его на плечахъ: онъ дѣлалъ нынѣ, чего не предвидѣлъ и не думалъ вчера.

5) Ошибки Кабинетовъ.

6) Политика Россіи: Аустерлицъ; Тильзитъ; Эрфуртъ.

7) Гишпанія: первый камень преткновенія.

8) Наполеонъ не хотѣлъ войны съ нами такъ скоро, хотя и готовилъ нашу погибель.

VI.

Мысли объ истинной свободѣ (*).

Можно ли въ нынѣшнихъ книгахъ или журналахъ (книги не достойны своего имени, ибо не переживаютъ дня), можно ли въ нихъ безъ жалости читать пышныя слова: настало время истины; истиною все спасемъ; истиною все ниспровергнемъ.... Но когда же было время не-истины? когда не было Провидѣнія и вѣчныхъ Его уставовъ?—Умные безумцы! и вы не новое на землѣ явленіе; вы говорили и дѣйствовали еще до изобрѣтенія буквъ и типографій!..... Настало время истины: т. е. настало время спорить объ ней!

Аристократы, Демократы, Либералисты, Сервилисты! Кто изъ васъ можетъ похвалиться искренностію? Вы всѣ Авгуры, и боитесь заглянуть въ глаза другъ другу, чтобы не умереть со смѣху. Аристократы, Сервилисты хотятъ стараго порядка: ибо онъ для нихъ выгоденъ. Демократы, Либералисты хотятъ новаго безпорядка: ибо надѣются имъ воспользоваться для своихъ личныхъ выгодъ.

(*) Этотъ отрывокъ относится къ послѣднему году жизни Николая Михайловича *Прим. Изд.*

Аристократы! вы доказываете, что вамъ надобно быть сильными и богатыми въ утѣшеніе слабыхъ и бѣдныхъ; но сдѣлайте же для нихъ слабость и бѣдность наслажденіемъ! Ничего нельзя доказать противъ чувства: нельзя увѣрить голоднаго въ пользѣ голода. Дайте намъ чувство, а не теорію.—Рѣчи и книги Аристократовъ убѣждаютъ Аристократовъ; а другіе, смотря на ихъ великолѣпіе, скрежещутъ зубами, но молчатъ или не дѣйствуютъ, пока обузданы закономъ или силою: вотъ неоспоримое доказательство въ пользу Аристократіи: палица, а не книга!—И такъ сила выше всего? Да, всего, кромѣ Бога, дающаго силу!

Либералисты! Чего вы хотите? Щастія людей? Но есть ли щастіе тамъ, гдѣ есть смерть, болѣзни, пороки, страсти?

Основаніе гражданскихъ обществъ неизмѣнно: можете низъ поставить на верху, но будетъ всегда низъ и верхъ, воля и неволя, богатство и бѣдность, удовольствіе и страданіе.

Для существа нравственнаго нѣтъ блага безъ свободы; но эту свободу даетъ не Государь, не Парламентъ, а каждый изъ насъ самому себѣ, съ помощію Божіею. Свободу мы должны завоевать въ своемъ сердцѣ миромъ совѣсти и довѣренностію къ Провидѣнію!

VII.

Разныя мысли.

On dit que le bonheur sur la terre n'est qu'une *ombre:* il faut donc que le bonheur réél existe quelquepart, car il n'y a point *d'ombre sans objet.*

—

Mériter le bonheur vaut encore mieux que d'être heureux.

—

Le bonheur parfait dans ce monde seroit une parfaite résignation.

—

Oui, la vie n'est qu'un *rêve;* mais celui qui rêve, *existe.*

(Не сонъ ли жизнь и здѣшній свѣтъ?
Но тотъ, кто видитъ сонъ, живетъ.)

—

Si je pouvois douter de ma propre existence, encore ne douterais-je pas de celle de Dieu.

Tsarskoë Sélo.
Le 28 juin 1825.

Не знаю, для чего существую; но знаю, что мнѣ надобно дѣлаться добрымъ, не для награды, а для того, что Богъ далъ мнѣ любовь къ добру и ненависть ко злу. Все остальное предаю въ волю Того, Кѣмъ существую.

Dieu est un grand musicien, l'univers un superbe clavecin, et nous ne sommes que d'humbles claviers. Les anges passent l'éternité à admirer ce concert divin, qu'on appelle *hazard, fatalité, sort aveugle.*

Мы всѣ какъ *муха на возу*: важничаемъ и въ своей невинности считаемъ себя виновниками великихъ происшествій!—Великъ тотъ, кто чувствуетъ свое ничтожество—предъ Богомъ!

VIII.

Выписки изъ записной книжки 1797 года (*).

Москва
Ноября 9, 1797.

Тотъ, кто по любви къ истинѣ искренно признается въ своей несправедливости, едва ли не лучше того, кто всегда справедливымъ бываетъ.

—

La solitude est la mère du génie.

—

Pour l'âme qui a été occupée par les passions, il n'y a plus que la gloire.

—

On demandoit à Newton, comment il avoit pu faire ses grandes découvertes. *En les cherchant toujours.*

—

L'esprit ne voit, que les ressemblances; le jugement et le génie voient les différences. C'est que les objets se ressemblent par les côtés les plus grossiers, au lieu qu'ils diffèrent par les plus délicats.

—

(*) Изъ записныхъ книжекъ Ник. Михайловича уцѣлѣла только эта. Въ ней, какъ читатели увидятъ, записывалъ онъ не только свои мысли, но и тѣ которыя нашелъ при чтеніи разныхъ авторовъ и которыя показались ему достойными замѣчанія. *Прим. Изд.*

Le tems n'est que la succession de nos pensées.

—

Tout raisonnemeut juste est une découverte.

—

Le fonds d'un grand talent est toujours beaucoup de raison.

—

Pour les hommes nés avec un peu de talent, il n'y a que deux sortes de livres: ceux qui font penser, et ceux qui contiennent des faits.

—

Diderot parlait avec emphase de Shakespeare devant Voltaire. Ah! Monsieur, lui dit V., est-ce que vous pouvez préférer à Virgile, à Racine, un monstre dépourvu de goût? C'est abandonner l'Apollon du Belvedère pour le Saint Christophe de Notre Dame. Diderot resta un moment sous le coup; mais ensuite: que diriez-vous cependant, si vous voyiez cet immense Christophe marcher et s'avancer dans les rues avec ses jambes et sa stature colossale? Vol. à son tour fut attéré par cette image imposante.

Марта 23 (*).

Une vérité, profondément sentie, agit toujours sur les caractère de notre vie morale. Mais y-a-t-il beaucoup d'hommes capables d'avoir des impressions fortes, de combiner les faits et d'en tirer ces resultats, qui, réunis

(*) 1798 года. *Прим. Изд.*

sous un même point de vue, nous présentent ce qu'on appelle *vérité?*

Апрѣля 5.

Se plaire à bien faire est le prix d'avoir bien fait.
Rousseau.

Апрѣля 19.

De faux sages unis sont toujours de faux frères.

—

Soyons de notre esprit les seuls législateurs;
Vivons libres du moins dans le fond de nos coeurs;
C'est le trône de l'homme; il règne, quand il pense.
Pompignan.

Amour, désir inné, âme de la nature, principe inépuisable d'existence, puissance souveraine qui peut tout et contre la quelle rien ne peut, par qui tout agit, tout respire et tout se renouvelle, divine flamme, germe de perpétuité, que l'Eternel a répandu dans tout avec le souffle de vie, précieux sentiment qui peut seul amollir les coeurs féroces et glacés, en les pénétrant d'une douce chaleur; cause première de tout bien, de toute société, qui réunit sans contrainte et par les seuls attraits les

natures sauvages et dispersées, source unique et profonde de tout plaisir. de toute volupté—amour, pourquoi fais-tu l'état heureux de tous les êtres et le malheur de l'homme?

Іюня 11.

Мысли для похвальнаго слова Петру I. (*).

Чтобы искусство Фидіаса тѣмъ болѣе поразило насъ, взглянемъ на безобразный кусокъ мрамора: «вотъ изъ чего сотворилъ онъ Юпитера Олимпійскаго!»

Что была Россія?

Рожденіе первой мысли.

Живое чувство изящнаго, источникъ величія, характеръ всѣхъ великихъ людей.

Ле-форъ.

Ревность и терпѣніе. Что говоритъ Бюффонъ о послѣднемъ?

Презрѣніе опасностей. Надежность побѣдить. «Не бойся; съ тобою Цесарь и щастье его!»

Оправданіе его системы. Молчите, мелкіе умы! Ходъ Натуры одинаковъ; одно просвѣщеніе, и одинъ способъ къ совершенству, къ щастію! (Левекъ). Дол-

---

(*) Если читатели найдутъ въ этомъ проектѣ нѣкоторыя мысли несогласныя съ послѣдними убѣжденіями Карамзина, то пусть вспомнятъ, что записная книжка принадлежитъ къ 1798 году.

жно ли было остаться намъ въ семъ духовномъ и моральномъ униженіи? Что значитъ ваша народная собственность (національный характеръ)? Одно назначеніе всѣхъ народовъ; другимъ способомъ не могъ онъ подвинуть насъ къ сей великой цѣли. Оправданіе нѣкоторыхъ жестокостей. Всегдашнее мягкосердечіе несовмѣстно съ великостію духа. Les grands hommes ne voyent que le tout. Но иногда и чувствительность торжествовала.

Могу ли не воспламениться любовію къ Отечеству, представляя себѣ Петра?—Мѣста, гдѣ онъ ходилъ; рощи, имъ насажденныя....

Ognuno è reo, se l'amore è delitto.

—

Viver così vorrei,
Vorrei morir così.

—

Instabile o costante,
Sarai sempre il mio ben.

—

Conosco, ammiro
La tua virtù, la tua belezza; e pure
Non ho cor per amar ti.

Іюня 12.

Естьли Провидѣніе пощадитъ меня; естьли не случится того, что для меня ужаснѣе смерти..... займусь Исторіею. Начну съ Джиллиса; послѣ буду читать Фергусона, Гиббона, Робертсона—читать со вниманіемъ и дѣлать выписки; а тамъ примусь за древнихъ Авторовъ, особливо за Плутарха.

Іюля 31.

Il y a de quoi bien et mal faire partout.

Ment.

Il se faut reserver une *arrière*-boutique, toute notre, toute franche, en la quelle nous etablissons notre vraie liberté.

—

Nous avons une âme contournable en soi-même; elle se peut faire compagnie.

—

La foule me repousse à moi.

—

Heureux celui que la mort delivre de la crainte de mourir.

—

Que tu es frêle, o société perverse:
Un boiteux t'a fondée, et un bossu te renverse.

Сентября 5.

Pourquoi travailler pour les autres? Ils ne vous demandent rien; laissez-les donc tranquilles.

Et pourquoi est-ce qu'on apprend tant de choses aux enfans, qni ne vous demandent rien et qui font le diable à quatre pour se debarrasser de vous?

Сентября 7.

Je n'avois plus d'amans: il me fallut un dieu.

Изъ приписокъ 1800 годовъ (*).

Предисловіе.

Что Библія для Христіанъ, то Исторія для народовъ.

Опытность научаетъ человѣка благоразумію: Исторія—народы. Не только удовлетворяетъ любопытству, не только просвѣщаетъ умъ въ правилахъ государственнаго блага, но даетъ имъ и твердость и мужество въ нещастіяхъ, являя примѣры ужасныхъ бѣдствій, преодолѣнныхъ великодушіемъ.

1) Любопытство — знать, отъ чего мы, какъ, — судьбу предковъ etc.

2) Учитъ благоразумію.

3) Даетъ бодрость сравненіемъ.

Tableau de la Russie: que de pays! que de races d'hommes! Tous les degrés qui se trouvent entre la vie des sauvages et le raffinement, etc.

C'est par l'histoire de Russie, que l'Europe, que le monde éclairé a appris à connoître tout ce qui est entre.....

Le charme attaché à l'histoire ancienne, semblable

(*) Приписки принадлежатъ къ первому году занятія Н. М. Карамзина Исторіею. Но между ими есть и такія, которыя вписаны въ послѣдствіи времени, съ ссылками уже на III и IV томы Исторіи его. *Прим. Изд.*

à celui qui nous fait regarder avec intérêt ces anciens monumens...

C'est le domaine de la Poésie etc.

Къ предисловію:

Знаю, намъ нужно безпристрастіе Историка: простите: я не всегда могъ скрыть любовь къ Отечеству: J'avois besoin de respirer. Но не обращалъ пороковъ въ добродѣтели; не говорилъ, что Русскіе лучше Французовъ, Нѣмцевъ, но люблю ихъ болѣе: одинъ языкъ, одни обыкновенія, одна участь, и проч.

Vous voulez lire l'histoire? Eh bien, c'est faire un long voyage, et voir aussi des plaines arides. Но и тутъ холмики, ручеекъ, и растѣніе интересное для ботаниста.

Народъ, презиравшій свою Исторію, презрителенъ: ибо легкомысленъ,—предки были не хуже его.

Diutius durant exempla, quam mores. Тац. IV, 84.

Magis extra vitia, quam cum virtutibus. Тацитъ о Гальбѣ.

Не слѣдовалъ Щлецер. раздѣленію Росс. Истор.

1) Начало, времена язычества, введеніе Христ. До раздѣленія Монархіи.

2) До покоренія Россіи.

3) Освобожденіе Россіи. — До временъ Роман. — Новое поколѣніе Царей.

4) Преобразованіе Россіи при Государѣ Петрѣ.

Вступленіе.

Гл. I.

Кто древнѣйшіе обитатели Россіи?

Отъ Аргонавтовъ до Угровъ и Болгаръ (тутъ показываются Славяне).

Гл. II.

Кто Славяне? Не въ Дакіи ли всегда жили? Такъ Несторъ: ихъ земля за Гепидами. Въ V вѣкѣ. Не только тутъ, но и при Бальтійскомъ морѣ. Геродотъ о Венедахъ. Птоломей, Тацитъ, Іорнандъ—при Германарикѣ. Еще выше до Геродота, Птоломея. Въ Польшѣ, Пруссіи, Литвѣ, Россіи по Тациту и Нестору (при Андреѣ Апостолѣ).

Ихъ набѣги на Имперію.

Покореніе. Авары.

Разселеніе: Нѣмецкая земля, Иллирія, Морея:

Шведы Варяги.

Сарматы тѣ же Скиѳы подъ другимъ именемъ, думаю; Язиги то же, что Узы, что Ясы или Алане.

Гл. III.

Какъ живутъ Славяне въ Россіи? По Нестору съ котораго времени? Съ Дуная ли пришли? Слава Траянова въ Россіи, въ пѣсни Игоревой. Слава *Дуная* въ пѣсняхъ.

Сѣверяне, Дрегвичи, Финны, Латыши, Печора.

Гл. IV.

Нравы, правленіе, Вѣра еть.

Лѣтописи извѣстныя:

1) Несторъ.

2) Василій.

3) Анонимъ, а не Симонъ, при Всеволодѣ Великомъ или III. (Т. IV, пр. 482, и пр. 505).

Списки: чистаго Нестора { Пушкинскій. Троицкій.

Софійскій Новогородскій { Новог. Лѣтоп. харатейн. —Ивана Попа. Воскресенскій. Толстовской. Псковской.

—о кольцахъ женъ боярскихъ; о старѣйшинѣ Гостомыслѣ; о Варягахъ въ Кіевѣ.

Ростов. Лѣтоп.

Кіевск. Лѣтоп. { въ Академіи. Полторацкаго.

Новог. Лѣт. Тимоѳея Попом. Ивана Попа. Идетъ всѣхъ далѣе, т. е до разоренія Новагорода Царемъ Иваномъ; въ спискѣ Малиновскаго; еще нѣчто въ Новог. Архив. въ листъ, гдѣ басни о волхвахъ, и проч.

Псков. Лѣт. Арх. далѣе у Толстаго, до Царя Ивана.

Волынск. Лѣт.

Арханг.

Двинск.

Продолж. Нестора.

Львова подробная.

Матеріалы:

Несторъ { Пушк., при предшественникѣ Донскаго, Димитріи Константиновичѣ.
Троицк. въ XV вѣкѣ.
Ипатов. и Хлѣбников.

Кіевск. } Изъ нихъ взяты извѣстія въ хронику Кіевскую, находящуюся въ книгѣ Гр. Толстова. Авторъ Волынск. цитуетъ мѣсто изъ Гомера.
Волынск. }

Воскресенскій.
Ростовскій.
Новогородскихъ двѣ.
Архангельск.
Никоновск.
Временникъ.

Не слѣдовалъ Шлецер. раздѣленію Росс. Истор.

1) Начало, времена язычества, введеніе Христ. До раздѣленія Монархіи.

2) До покоренія Россіи.

3) Освобожденіе Россіи.—До времен. Роман.—Новое поколѣніе Царей.

4) Преобразованіе Россіи при Государѣ Петрѣ.

Прологъ довольно старъ, а Минея нова.

О Іоакимѣ нѣтъ даже ни въ Никонѣ, ни въ Степенной; только въ Новогородской.

Источники Исторіи: Лѣтописи, etc.—Архивъ.—Большой Чертежъ.—Синопсисъ.—Пѣснь Игорева.—Вздоръ о древности сказокъ Кл. и въ примѣчаніи на Игореву пѣснь. Она есть единственный остатокъ Славянскаго духа; другіе писатели Церковные.

Никонов. Лѣтопись старѣе Степенной; въ послѣдней болѣе выдумокъ: о Августѣ.

Разборъ Нестора: 1) Изустныя преданія своего народа—наприм. о Рюрикѣ etc. 2) Памятники: могилы Оскольда и Дира, Олега, Угорское, etc. 3) Народныя сказки: Олегъ, Ольга etc; 4) Греческія лѣтописи — о первыхъ Русскихъ при Михаилѣ, походъ Игоревъ, Космографія etc. 5) о новѣйшихъ временахъ разсказы Монаха Яна, о народахъ Печорѣ etc; разсказы Новогородца Гурія.—Трактатъ Игоревъ, Олеговъ.

Несторъ позволялъ себѣ угадывать—въ Хронологіи, въ названіи мѣстъ (Угорское), бралъ изъ сказокъ, но *не выдумывалъ*.

Ложь Татищ., будто Петръ Могила сказалъ въ пре-

дисловіи Патерика, что Несторова Лѣтопись утрачена. Онъ говоритъ о житіи Антонія, описанномъ Несторомъ особенно и во время неустройствъ утраченномъ.

Одинъ списокъ Нестора уцѣлѣлъ: Сильвестра. Какъ дороги были книги? Толковая Псалтирь Максима Греко въ Соловецк. монастырѣ 30 рублей, а рублей 4 въ фунтѣ. Прежде книги стоили во 100 разъ дороже. Гиббонъ Гл. XLIV. стран. 32. Т. VIII.

Употреблялъ я: 2 харатейныя: Воскресенскую, Ростовскую. Въ Никоновской нѣтъ ни одного истиннаго происшествія: глупыя прибавленія, мысли, выдумки.

Поликарпъ въ житіи Никиты и другомъ мѣстѣ называетъ Нестора Лѣтописцемъ.

Что говоритъ Несторъ о себѣ въ рукописномъ житіи (въ Патерикѣ) Ѳеодосія?

Матеріалы Исторіи: *родословныя*: есть вздоръ.

Въ Архангелогород. Лѣтописцѣ есть украшенія и догадки; однакожь онъ достоинъ вниманія и показываетъ умъ и знанія историч. Какъ хорошо объ Олегѣ (стр. 6).

Чертежъ Б. дѣланъ, вѣроятно, въ 15 вѣкѣ.

Крекшинъ о Іоакимѣ, ссылаясь единственно на Татищева, и нигдѣ не говоря, чтобы онъ имѣлъ его полную лѣтопись. См. Елагина.—Фелькнеръ.

Житіе Ѳеодосія писано тѣмъ, кто писалъ о страданіяхъ Бориса и Глѣба,—называетъ себя *Несторомъ*, также *неученымъ*. См. въ письм. ст. 2.

---

2 choses claires:

1) Законы и всѣ учрежденія Норманскія.

2) Религія Славянская. Важна для народа простаго: нѣтъ дѣла, кромѣ войны; торжества священныя, etc. Tout exaltoit l'imagination et attachoit le peuple à la religion.

Les premiers propriétaires Normands: города въ удѣлы, etc.—Какъ во всей Европѣ.

У Славянъ не могло быть въ подданствѣ людей. Что Юмъ о нравахъ и законахъ Саксонскихъ въ началѣ II тома?

Какъ власть Государя?

Состояніе городовъ, Кіева etc. деревень.—Описаніе Кіева изъ Нестора, о послахъ Древлянскихъ.—Въ деревняхъ остались Славяне, въ городахъ почти вездѣ Варяги.

Славянскіе, Древл. Радим. etc—не были дикари, какъ пишетъ Несторъ: земледѣльцы, города.

Что такое города? *Неподвижные* станы для войска: ихъ первая причина не торговля и гражданственность.

III, прим. 22 о томъ, что съ Марта лѣтосчисленіе. *Никоновскій* годъ начинается уже съ Сентября. III, прим. 43.

Начало года съ Сент. съ осьмой тысячи. См. *Пенсіон.* Путешествіе въ Индію: въ бумажникѣ или между другими рукописями.

О Годуновѣ.

1) Моя лѣтопись, писанная отцемъ Алексѣя Александровича.

2) Мой хронографъ, купленный у столяра.

3) Мой хронографъ, купленный Окоховымъ, стараго письма: тамъ о цѣнѣ хлѣба прежде Годуновскаго голода.

4) Хронографъ Ключарева.

5) Имена убійцъ Лжедимитрія. См. въ Толстовскихъ двухъ.

Замѣтки при чтеніи Библіи и другихъ книгъ Церковно-Славянскихъ.

Моис. Кн. I.

Гл. 24: Пополохъ, terreur panique.
Водоносъ, ведро.
Пойло, корыто, колода.
Усерязи.
Рѣша, рекохъ.
Гл. 25: Умертвіе Авраамле.

Моис. Кн. II, Исходъ.

Гл. 1, 22: Снабдить, сохранить.
2, 23: По днехъ.
13, 4: Днешній, нынѣшній.
14, 11: Изведъ.
Роптаніе на....
17, 15: Поднебесная.
19, 11: Исперутъ (вымоютъ) ризы.
Не коснется ей рука.
21, 17: Злословить отца.
22: Тщетою отщетится, деньгами отплатится.

22, 9. О реченнѣй, о нанесеннѣй.
21: Пришельца не оскорбите, пришельцы бо бѣсте въ земли Египетстѣй.
29: Точило (гдѣ топчутъ виноградъ).
23, 8: Дары ослѣпляютъ очи видящимъ и погубляютъ словеса праведна.
13: Инѣхъ, инихъ.
21: Не обинется тебѣ, cela ne te manquera pas.
24: Капище, идолъ.
25, 5: } Виссонъ сканый, сученый. (въ нѣмецк. бѣ-
36, 8: } лый шелкъ)
26, 1: Опона, коверъ.
19: Стояло, подножіе.
27, 4: Огнище, Rost.
28, 18: Имена драгоцѣнныхъ камней.
37: Увясло, митра.
29, 14: Мотыла, Mist, калъ въ кишкахъ.
35, 19: Ужы, гвозди.
35, 11: Колки, доски, кольи, тынъ,
Разворы, Rinken.
22: Монисто, ожерелье.

Моис. Кн. III.

11, 16: Имена разныхъ птицъ.
29: Гады *плѣжущіе*, ползающіе, на землѣ,
Вретище, дерюга, власяница, печальное платье.
Глубочае—нижае.
13, 48: Кроки, кудель,
Риза изгребинная, изъ охлопковъ.

14, 34: Притяжаніе есть стяжаніе.
16, 4: Надраги льняны, штаны, фартукъ.
19, 11: Не солжите.
19, 14: Зла да не речеши глухому, и предъ слѣпымъ да не положиши претыканія.
19, 28: Ниже бріете брадъ вашихъ и кроенія не сотворите на тѣлѣ вашемъ, и язвъ настрекàнныхъ.
См. о ножекроеніяхъ въ статьѣ о Вѣрѣ нашихъ Славянъ.
19, 32: Предъ лицемъ сѣдаго востани.
21, 10: Отъ братій своихъ.
26, 36: И поженетъ ихъ гласъ листа летяща.
26, 1: Образóвъ—Сѣя́тва.—Погубить отъ земли.
26, 16: Желтя̀ница.
26, 22: Пусты будутъ путіе ваши.
26, 26: Скорбѣть.

Моис. Кн. IV.

1, 23: Да ополчается сопротивъ. Возложàтъ.
14, 10: (О Татарахъ) отступило время отъ нихъ: Господь же съ нами!
Наполнитъ слава Господня всю землю.
15, 29: Участіе отъ гумна и проч.
15, 38: Рясны на воскриліяхъ ризъ.
17, 3: Возстать на кого.
17, 11: Ропщутъ на....
17, 10: Народъ ослушливый.
20, 13: Прерѣканіе.

21, 23: Ополчиться на кого.
21, 26: Ратовать противъ кого.
21, 27: Рекутъ приточницы, говорятъ въ пословицу.

Псалтирь.

Пс. V, 7: Мужа кровей гнушается Господь.
VII, 10: Да скончается злоба грѣшныхъ.
VIII, 8: Скоты полскія.
Разжженный. Низпослалъ.
XXI, 18: Исчетоша кости моя.
XXIII, 7: Возмите врата князи ваши (principes vestras).
XXIV, 3: Пути твоя, Господи, скажи ми, и стезямъ твоимъ научи мя.
7: Грѣхъ юности моея и невѣдѣнія моего не помяни.
XXXV, 10: Ядый хлѣбы моя возвеличи на мя запинаніе.

Іова.

Гл. VII, 1: Не искушеніе ли житіе человѣку на земли, и яко наемника повседневнаго жизнь его?
VIII, 9: Вчерашни бо есмы.
12: Рогозъ, ситникъ.
IX, 8: Звѣзды печатствуетъ.

XI, 18: Паче полудне возсіяетъ ти жизнь.

XII, 12: Во мнозѣмъ времени премудрость, въ мнозѣ же житіи вѣдѣніе.

(Discuter, изслѣдовать; discussion, изслѣдованіе.—Интриги, козни, пронырства).

XIII, 13: Почію отъ гнѣва.

18: Се азъ есмь близъ суда моего: вѣмъ азъ яко праведенъ явлюся.

19: Кто бо есть судяйся со мною, да нынѣ умолчу и исчезну.

XV, 16: Мерзскій и нечистый мужъ, піяй неправды яко же питіе.

20: Все житіе нечестиваго въ попеченіи: лѣта же изочтена дана силному.

21: Страхъ же его во ушесѣхъ его; егда мнитъ уже въ мирѣ быти, тогда пріидетъ нань низвращеніе.

23: День теменъ превратитъ его.

XVI, 4: Кивать главою.

13: Истесы моя.

20: Предъ нимъ да каплетъ око мое.

22: Путемъ, имже не возвращуся, пойду.

XVII, 1: Прошу гроба, и не улучаю.

XIX, 7: Смѣюся поношенію.

XX, 8: Видѣвшіи его рекутъ: гдѣ есть? Яко же сонъ отлетѣвый не обрящется.

11: Кости его наполнишася грѣховъ юности его.

15: Богатство, неправедно собираемое, изблюется.

18: Клоки не сожваемы (чего нельзя сжевать)

23: Одождитъ на него болѣзни.

XXI, 7: Почто нечестивіи живутъ, обетшаша въ богатствѣ?

XXII, 17: Рѣка текущая основаніе ихъ (злыхъ).

18: Исполнилъ домы ихъ благими. Изреченіе.

Библія Скорины.

Гнюсь, мѣсто нечистое. Въ Іовѣ, Гл. 10.
Змаза, пятно, macula. — — 11.
Паздеръ, стебель. — — 13.

Старыя слова.

Спиры творить, противиться, заговариваться противъ чего, молву творить. Въ Соборѣ Кирилла Митрополита въ харат. Соф. правилахъ, № 82.

Прозоръ, проспектъ. } въ Градскомъ уставѣ, въ Кормчей.
Водотечь, водоводъ. }

Разбой есть убійство: въ Град. уст. Кормчей листъ 112.

Знаменіе Ольги: значитъ *памятникъ:* Патерикъ, стр. 181.

Пустить на воропъ есть ѣхать изгономъ, скоро. Слово воровѣе или воровье.

Можно сказать: мнилъ или думалъ дѣлать то-то. Дѣян. Апостол. Гл. 8, ст. 21: даръ Божій непщевалъ еси сребромъ стяжати. Тамъ же, ст. 23: помышленія сердца моего.

Глаголы имѣющіе одинакое настоящее съ будущимъ:

рѣшу.
рушу.
казню.
плѣню.

Какъ писать имя? Славяне, какъ Армяне, Смоляне, Англичане etc. Всегда *я* или *а* въ окончаніи на *е*. — *Е* только въ окончаніи *и*, наприм.: *Словени*.

БУМАГИ,

СОЧИНЕННЫЯ ПО ЧАСТНЫМЪ ДѢЛАМЪ.

I.

ЗАПИСКА О Н. И. НОВИКОВѢ (*).

Г. Новиковъ въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ сдѣлался извѣстенъ Публикѣ своимъ отличнымъ авторскимъ дарованіемъ: безъ воспитанія, безъ ученія, писалъ остроумно, пріятно, и съ цѣлію нравственною; издалъ многія полезныя творенія, на примѣръ: *Древнюю Россійскую Вивліоѳику, Дѣтское Чтеніе,* разныя экономическія, учебныя книги. Императрица Екатерина II одобряла труды Новикова, и въ журналѣ его (Живописцѣ) напечатаны нѣкоторыя произведенія собственнаго пера Ея. Около 1785 года онъ вошелъ въ связь по Масонству съ Берлинскими Теософами и сдѣлался въ Москвѣ начальникомъ такъ называемыхъ *Мартинистовъ*, которые *были* (или *суть*) не что иное, какъ *Христіанскіе Мистики:* толковали Природу и человѣка, искали таинственнаго смысла въ Ветхомъ и Новомъ

(*) Эта записка была написана Карамзинымъ для обращенія благотворнаго Всемилостивѣйшаго вниманія на семейство Новикова. *Прим. Изд.*

Завѣтѣ, хвалились древними преданіями, унижали школьную мудрость, и проч.; но требовали истинныхъ Христіанскихъ добродѣтелей отъ учениковъ своихъ, не вмѣшивались въ Политику и ставили въ законъ вѣрность къ Государю. Ихъ общество, подъ именемъ *Масонства*, распространилось не только въ двухъ столицахъ, но и въ губерніяхъ; открывались *Ложи*; выходили книги масонскія, мистическія, наполненныя загадками. Въ то же время Новиковъ и друзья его на свое иждивеніе воспитывали бѣдныхъ молодыхъ людей, учили ихъ въ школахъ, въ Университетахъ; вообще употребляли не малыя суммы на благотвореніе. Императрица, опасаясь вредныхъ тайныхъ замысловъ сего общества, видѣла его успѣхи съ неудовольствіемъ: сперва только шутила надъ заблужденіемъ умовъ и писала Комедіи, чтобы осмѣивать оное; послѣ запретила *Ложи*; — но зная, что Масоны не перестаютъ *работать*, тайно собираются въ домахъ, проповѣдуютъ, обращаютъ, внутренно досадовала, и велѣла Московскому Градоначальнику наблюдать за ними. Три обстоятельства умножили Ея подозрѣнія: 1) Одинъ изъ Мартинистовъ или Теософистскихъ Масоновъ, славный Архитекторъ Баженовъ, писалъ изъ С.-Петербурга къ своимъ Московскимъ друзьямъ, что онъ, говоря о Масонахъ съ тогдашнимъ Великимъ Княземъ, Павломъ Петровичемъ, удостовѣрился въ Его добромъ объ нихъ мнѣніи. Государынѣ вручили это письмо. Она могла думать, что Масоны или Мартинисты желаютъ преклонить къ себѣ Великаго Князя. 2) Новиковъ во время неурожая роздалъ много хлѣба бѣднымъ земледѣльцамъ. Удивлялись его богатству, не зная, что деньги на покупку хлѣба давалъ Новикову Г. Походяшинъ, Масонъ, который имѣлъ тысячь шестьдесятъ дохода,

и по любви къ благодѣяніямъ въ сей годъ разорился. 3) Новиковъ велъ переписку съ Прусскими Теософами, хотя и не политическую, въ то время, когда нашъ Дворъ былъ въ явной непріязни съ Берлинскимъ. Сіи случаи, Французская Революція, и излишнія опасенія Московскаго Градоначальника, рѣшили судьбу Новикова: его взяли въ Тайную Канцелярію, допрашивали и заключили въ Шлиссельбургской крѣпости, не уличеннаго дѣйствительно ни въ какомъ государственномъ преступленіи, но сильно подозрѣваемаго въ намѣреніяхъ вредныхъ для благоустройства гражданскихъ обществъ. Главное имѣніе Новикова состояло въ книгахъ: ихъ конфисковали и большую часть сожгли (то есть всѣ мистическія). Были тайные допросы и другимъ, главнымъ Московскимъ Мистикамъ: двухъ изъ нихъ сослали въ ихъ деревни; третьяго, И. В. Лопухина, который отвѣчалъ смѣлѣе своихъ товарищей (*), оставили въ Москвѣ на свободѣ. — Императоръ Павелъ въ самый первый день своего восшествія на престолъ освободилъ Новикова, сидѣвшаго около четырехъ лѣтъ въ душной темницѣ; призывалъ его къ себѣ въ кабинетъ, обѣщалъ ему свою милость, какъ невинному страдальцу, и приказалъ возвратить конфискованное имѣніе, то есть, остальныя, несожженныя книги.

Заключимъ: Новиковъ, какъ гражданинъ, полезной своею дѣятельностію заслуживалъ общественную признательность; Новиковъ, какъ Теософическій мечтатель,

(*) Ивана Владиміровича Лопухина также хотѣли сослать въ Орловскія его деревни; но оставили въ Москвѣ изъ уваженія къ отцу его, 90 лѣтнему старцу, служившему Генераломъ уже въ семилѣтнюю войну. *Прим. Изд.*

покрайней мѣрѣ не заслуживалъ темницы: онъ былъ жертвою подозрѣнія извинительнаго, но несправедливаго. Бѣдность и нещастіе его дѣтей подаютъ случай Государю Милосердому вознаградить въ нихъ усопшаго страдальца, который уже не можетъ принести Ему благодарности въ здѣшнемъ свѣтѣ, но можетъ принести ее Всевышнему.

С. Петербургъ.
20 Декабря 1818 г.

II.

ПРОШЕНІЯ ГОСУДАРЮ.

---

1. Прошеніе отца о помилованіи сына.

Всемилостивѣйшій Государь!

Я семидесятилѣтній старецъ: служилъ Екатеринѣ Великой, Императору Павлу, моему особенному благодѣтелю и Вашему Императорскому Величеству. Одинъ сынъ мой положилъ голову подъ Тарутинымъ, другой остался навѣки изувѣченнымъ отъ ранъ, а третій, также раненный, Порутчикъ Гвардіи Драгунскаго полку, въ Февралѣ мѣсяцѣ сего году, *за неприличные для офицера поступки,* переведенъ тѣмъ же чиномъ въ Уланской Оренбургской полкъ. Государь! о семъ нещастномъ молю Ваше милосердіе. Вы наказали справедливо, но Вы можете и помиловать. Юный сынъ мой въ раскаяніи, а я при дверяхъ гроба въ отчаяніи. Упадая къ Вашимъ стопамъ, обливаю ихъ моими слезами, и взываю: простите!... именемъ

Того, Кто прощаетъ грѣшныхъ, именемъ Бога Христіанскаго!

Да возвратится нещастный молодой человѣкъ, уже исправленный наказаніемъ, въ его прежній полкъ, и да заслужитъ проступокъ своей вѣтренности безпорочною службою до конца дней! Я читалъ въ его сердцѣ; я вмѣстѣ съ нимъ проливаю слезы: онъ будетъ вѣренъ чести, или да погибнетъ въ случаѣ новаго преступленія! Тогда лягу во гробъ уже безмолвно.

Государь! Въ первый и въ послѣдній разъ молю о сынѣ, братѣ того, кто умеръ за отечество, и другаго, въ юности изувѣченнаго подъ знаменами славы! Да восхвалю милость Божію и Вашу въ день Свѣтлаго Воскресенія Христова!

Всемилостивѣйшій Государь!

Вашего Императорскаго Величества

всеподданнѣйшій.

Апрѣля дня
1819.

---

2. *Прошеніе матери осужденнаго на каторжную работу офицера.*

Всемилостивѣйшій Государь!

«Будите милосерди, яко же и отецъ вашъ милосердъ!»

Такъ вопіетъ къ Вамъ, Государь, мать отчаянная, требуя не совершеннаго прощенія своему двад-

цатилѣтнему сыну-преступнику, но единственно нѣкотораго облегченія въ ужасной, хотя и праведной его казни. Служа Порутчикомъ въ Шлиссельбургскомъ полку, онъ былъ (въ 1819 году) жестоко наказанъ своимъ Полковникомъ, и считая себя несносно оскорбленнымъ, въ изступленіи поднялъ на него руку. По строгимъ законамъ воинскимъ онъ достоинъ смерти, но, къ нещастію, еще живъ: лишенный чиновъ и дворянства, осужденъ на вѣчную каторжную работу. Государь! молю о томъ, чтобы злополучный сынъ мой, какъ жертва тяжкаго преступленія, остался на вѣки солдатомъ, но не работалъ до конца дней плачевныхъ съ каторжниками подлыми, ожесточенными въ безстыдствѣ злодѣевъ: да ищетъ смерти, какъ простой воинъ, подъ знаменами Россіи, съ оружіемъ въ рукахъ, за отечество и Царя милостиваго въ самомъ правосудіи!

Государь! Къ Вашему сердцу вопіетъ и гласъ изъ могилы; гласъ преступникова дѣда, который служилъ съ усердіемъ и честію Екатеринѣ Великой: Генерала Е.... К....; коего отецъ и дѣдъ также оставили память своихъ заслугъ государственныхъ.

Преклоняя колѣни, съ слезами горькими, съ сердцемъ сокрушеннымъ, молю Вѣнценосную Благость: я мать нещастная, а Вы—Монархъ-Христіанинъ!

Всемилостивѣйшій Государь!

Вашего Императорскаго Величества

вѣрноподданная

С. Петербургъ
Марта 1822.

3. Прошеніе Дворянки, приговоренной къ каторжной работѣ по откупному дѣлу.

Всемилостивѣйшій Государь!

Припадая къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества, молю о правосудіи.

1-й Департаментъ Правительствующаго Сената, безъ суда, безъ доклада Вашему Императорскому Величеству, приговорилъ меня, Дворянку по отцѣ и мужу, къ каторжной работѣ и послалъ указъ о ссылкѣ меня въ оную, за недоимку по винному откупу, вопреки коренному Государственному закону, вопреки Дворянской Грамотѣ, гдѣ сказано (въ статьѣ 9-й, 13-й и 15-й), что благородный безъ суда не лишается чести; что дѣло благороднаго, впадшаго въ уголовное преступленіе, да не вершится безъ конфирмаціи Императорскаго Величества; что тѣлесное наказаніе да не коснется благороднаго.

Сія грамота, славная, безсмертная награда заслугъ долговременныхъ, побуждала отцевъ нашихъ не щадить ни трудовъ, ни жизни для блага Россіи: они гордились честію своего рода, утвержденною закономъ. Монархъ Всемилостивѣйшій! Ты хранитель Государственныхъ Уставовъ, коихъ святость, непреложность есть сила и крѣпость Государствъ. Будь защитникомъ моей чести: она еще всего драгоцѣннѣе Дворянству Россійскому. Отдаю имѣніе: да не лишуся единственно того, что намъ дали заслуги предковъ, и чего Се-

натъ не можетъ отнять безъ суда и безъ утвержденія Монаршаго.

Дерзаю приложить записку съ подробнѣйшимъ изложеніемъ моего дѣла и беззаконнаго осужденія. Уповаю на Господа и на Царя.

Всемилостивѣйшій Государь!

Вашего Императорскаго Величества

всеподданнѣйшая.

С. Петербургъ
Марта.

Записка о дѣлѣ жены Титулярнаго Совѣтника Субочевой, по первому мужу Огаревой: по отцѣ Щепотевой.

Не сама собою, но единственно по неволѣ вошла я въ гибельный винный откупъ, взятый въ городахъ Казанской и Нижегородской губерній первымъ мужемъ моимъ, Флота Лейтенантомъ Огаревымъ, который чрезъ шесть мѣсяцевъ послѣ того умеръ, оставивъ меня въ долгахъ и въ необходимости заняться питейными сборами, не смотря на мою неопытность, на воспитаніе данное мнѣ родителемъ, на чувства и правила совсѣмъ несогласныя съ такимъ дѣломъ. Извѣстны чрезвычайныя обстоятельства 1812 года: они были виною неисправности многихъ откупщиковъ, въ особенности же моей: ибо я, какъ женщина и сверхъ того слабая здоровьемъ, должна была единственно полагаться на коммиссіонеровъ. Недоимки по городу Ва- Вина просительницы.

силю-Сурску было на мнѣ до 1813 году не болѣе семидесяти-тысячь рублей: съ сего времени по 1 Декабря 1814 года питейные сборы находились уже въ казенномъ присмотрѣ, и недоимки накопилось до 150 тысячь рублей: доказательство, что не обманъ съ моей стороны, а трудныя обстоятельства сего времени производили неисправность въ платежѣ. Коммиссія, учрежденная для изслѣдованія причины недоимокъ, требовала отъ меня книгъ и документовъ по питейнымъ сборамъ; но коммиссіонеры мои представили мнѣ, вмѣсто книгъ, однѣ безпорядочныя записки, изъ коихъ я составила, какъ умѣла, вѣдомости, и препроводила оныя въ помянутую Коммиссію. Сіи вѣдомости и мои объясненія нашлися недостаточными для того, чтобы включить меня въ число тѣхъ откупщиковъ, которые за свою неисправность отвѣтствуютъ единственно представленными отъ нихъ залогами, а не своимъ имѣніемъ, и не лично. Не жалуюсь: знаю только, что я невинна и нещастлива, хотя и не умѣла, хотя и не могла доказать своего права на снисхожденіе закона. Но жалуюсь на слѣдующее:

Приговоръ Правительствующаго Сената.

1-й Департаментъ Правительствующаго Сената въ опредѣленіи своемъ 19 Марта 1818 года, пропущенномъ къ исполненію 29 Апрѣля, приговорилъ меня Дворянку, какъ виновную въ нанесеніи вреда казенному интересу, и за неплатежъ недоимки, превышающей цѣну моего собственнаго имѣнія и залоговъ, быть сосланною въ каторжную работу, основываясь на *Сенатскомъ* указѣ 12 Ноября 1776 года, гдѣ сказано: «Если содержатели сборовъ доимки платить не будутъ, то въ такомъ случаѣ, описывая ихъ и поручителей по нихъ имѣніе, въ платежъ откупной суммы продавать

съ публичнаго торга; а если имѣнія доставать не будетъ, то неплательщиковъ и поручителей для заработыванія отсылать въ каторжную работу».

На несправедливость сего осужденія осмѣливаюсь предложить слѣдующія замѣчанія: Возраженія.

1) Указъ 12 Ноября 1776 года былъ изданъ Прав. *Сенатомъ* на одинъ случай и не имѣетъ силы общаго Государственнаго закона, утверждаемаго въ Россіи только Высочайшею властію.

2) Въ сіе время, то есть въ 1776 году, не было еще ни Дворянъ откупщиками, ни Дворянской Грамоты, коею (въ статьяхъ 9-й, 13-й и 15-й) навсегда избавлены благородные отъ *тѣлеснаго наказанія*, и гдѣ сказано, что дѣло благороднаго, впадшаго въ самое тяжкое *уголовное преступленіе* и по законамъ достойнаго *лишенія чести*, да не вершится безъ конфирмаціи Императорскаго Величества; а по нашимъ законамъ не только работа каторжная, но заключеніе и содержаніе на хлѣбѣ и водѣ причисляется къ *тѣлеснымъ наказаніямъ*, и кто осужденъ на сію работу, тотъ безъ сомнѣнія *лишается чести*.

1-й Департаментъ Правительствующаго Сената въ заключеніи своемъ ссылается еще на Высочайшіе указы отъ 20 Ноября 1809 и отъ 23 Февраля 1816 года, коими *будто бы* подтвержденъ во всей силѣ вышеозначенный *Сенатскій* указъ 1776 года. Но въ первомъ Государевомъ указѣ, то есть 1809 года, сказано единственно, что «съ откупщиками, умышленно накопившими недоимку, и съ имѣніями ихъ будетъ поступаемо по точной силѣ прежнихъ *узаконеній*», то есть, 23 пункта Регламента Коммерцъ-Коллегіи и состоявшихся въ разныя времена Высочайшихъ указовъ,

коими повелѣно «взыскивать недоимки *прежде* съ откупщиковъ, а *потомъ* съ ихъ поручителей; буде же имѣнія ихъ не достанетъ, то обращать взысканіе на тѣ мѣста, и лица, кои допустили накопленіе недоимки свыше цѣны залоговъ». Во второмъ же Высочайшемъ указѣ 23 Февраля 1816 года предписано только «взыскивать съ откупщиковъ недоимки, въ сходственность Сенатскаго указа отъ 12 Ноября 1776 года, «*чрезъ четыре мѣсяца* отъ полученія о томъ указовъ»; а о каторгѣ въ ономъ Высочайшемъ указѣ совсѣмъ не упоминается, равно какъ и въ первомъ отъ 20 Ноября 1809 года.

И такъ дѣйствіе 1-го Департамента Правительствующаго Сената въ осужденіи неисправныхъ *благородныхъ* откупщиковъ на каторжную работу есть самопроизвольное, нарушающее одинъ изъ коренныхъ законовъ Государственныхъ, то есть, Дворянскую Грамоту, никакими новыми Монаршими уставами не отмѣненную.

Второе дѣйствіе Правительствующаго Сената.

Потомъ, когда я, употребляя всѣ средства для удовлетворенія казны, представила еще новое имѣніе перваго мужа моего Огарева, и новый залогъ, достаточный для ея совершеннаго обезпеченія, и подала о семъ прошеніе въ 1-й Департаментъ Правительствующаго Сената: тогда онъ указомъ своимъ отъ 4 Генваря текущаго года предоставилъ мнѣ немедленно доказать мое законное право на сіе имѣніе, съ тѣмъ, что «если въ теченіе года казна не будетъ удовлетворена, «то со мною поступлено будетъ по всей строгости *за*«*коновъ*». Въ семъ новомъ опредѣленіи Правительствующаго Сената уже ничего не сказано о каторгѣ, ни объ указѣ 1776 года; но *первое* опредѣленіе служитъ

доказательствомъ, что Правительствующій Сенатъ считаетъ сей указъ въ числѣ законовъ, и слѣдственно все еще подвергаетъ меня сему наказанію, противному Дворянской Грамотѣ.

Наконецъ, если въ теченіе даннаго мнѣ Правительствующимъ Сенатомъ срока, и могу освободиться отъ всякаго взысканія полнымъ удовлетвореніемъ казны: тѣмъ не менѣе должна я, какъ Дворянка, принести жалобу на сдѣланное моей чести беззаконное оскорбленіе, чувствительное для всѣхъ благородныхъ Россіянъ, коихъ первый Защитникъ есть Государь Всемилостивѣйшій.

III.

КРАТКАЯ ЗАПИСКА ДѢЛУ

о землях, состоящихъ Оренбургской Губерніи въ Бузулуцкомъ Уѣздѣ и находящихся во владѣніи Капитана Андрея Жданова и родственниковъ его.

Сіи земли принадлежали искони Башкирцамъ и названы въ Грамотахъ Царя Іоанна Васильевича, Государей Іоанна Алексѣевича и Петра I-го законными ихъ (Башкирцевъ) вотчинами, коими они и владѣли до 1736 года. Въ сіе время, за ихъ бунтъ, были взяты оныя земли въ казенное вѣдомство, и розданы отчасти чиновникамъ за службу; но указами 1754 Марта 24 и 1755 года Сентября 1 возвращены усмиреннымъ Башкирцамъ: въ первомъ указѣ сказано, чтобы имъ владѣть землями по прежнему (кромѣ розданныхъ чиновникамъ); а во второмъ снова объявлено имъ прощеніе, съ прибавленіемъ, что которые изъ нихъ, находясь отъ страха въ бѣгахъ, не явятся къ положенному сроку, то ихъ земли *будутъ отданы другимъ Башкирцамъ;* но не сказано о томъ, чтобы оныя *взять* паки *въ казну*. Изъ сихъ земель, возвращенныхъ Башкирцамъ, въ 1758 году они продали знатное количе-

ство по живымъ урочищамъ, по рѣкамъ и сыртамъ, Маіору Ляхову *купчею*, совершенною у крѣпостныхъ дѣлъ, которая проданная ими земля посыланнымъ изъ Уфимской Провинціальной Канцеляріи Геодезистомъ была отмежевана, и на спокойное владѣніе выданъ Ляхову изъ той Канцеляріи указъ и съ чертежа копія за свидѣтельствомъ; а по симъ актамъ Ляховъ продалъ часть сей земли Маіору Жданову, отцу нынѣшняго владѣльца.

Въ генеральномъ межеваніи 1799, 1801 и 1802 года землемѣрами Оренбургской Межевой Конторы сія земля Ждановыхъ была безспорно отмежевана отъ всѣхъ прикосновенныхъ владѣній точно по чертежу 1758 года. Контора, истребовавъ на оную крѣпости, опредѣленіемъ 1811 года, Апрѣля 25, заключила, что хотя въ той дачѣ и состоитъ земли болѣе, нежели по пятнадцати десятинъ на ревижскую душу; но какъ оная земля была Башкирская, дошла до нынѣшнихъ владѣльцевъ по купчей, утверждена имъ въ собственность указомъ Уфимской Провинціальной Канцеляріи, находится съ того времени (то есть, болѣе пятидесяти лѣтъ) въ безспорномъ владѣніи, и точно означается своими живыми урочищами, согласно съ чертежемъ 1758 года, съ крѣпостями, съ новыми сочиненными планами и съ межевыми книгами; что хотя она и смежна съ казенною пустолежащею землею (бывшею прежде также Башкирскою), но какъ сія казенная земля, по соображенію плана съ ландкартою, находится точно въ своихъ предѣлахъ и отмежевана въ своей полной мѣрѣ: то оставить всю дачу Ждановыхъ, какъ она обмежевана, въ ихъ законномъ владѣніи. Сіе рѣшеніе утверждено и Межевою Канцеляріею, но было ею представлено на разсмотрѣніе Сената.

Межевый же Департаментъ Сената, говоря въ своемъ опредѣленіи, яко бы проданная Башкирцами Ляхову земля окружена казенною, никакими живыми урочищами не ограниченною, заключилъ, на основаніи 13-й главы, 5-го пункта Межевой Инструкціи, и 12-го пункта *Дополнительныхъ* къ ней *статей*, оставить Жданов ымъ только по 15 десятинъ на душу 5-й ревизіи, а остальную землю взять въ казну.

Но въ 13-й главѣ Межевой Инструкціи говорится о дачахъ смежныхъ *съ казенными засѣками и государственными землями*, или, *по древнему названію, дикими полями, неимѣющими ни живыхъ урочищъ, ни извѣстной мѣры*, и сказано такъ: «Ежели при разсмотрѣніи «плановъ окажется, что въ таковыхъ владѣніяхъ земли «состоитъ по мѣрѣ населенныхъ на нихъ душъ пре«восходнѣе выше положенной пропорціи (то есть пят«надцати десятинъ на душу), то у оныхъ брать къ «разсмотрѣнію въ Межевыя Канцеляріи или Конторы «на дачи ихъ крѣпости и выписи. Когда же при раз«смотрѣніи крѣпостей и выписей откроется, что во вла«дѣніи ихъ состоитъ земли надлежащей по крѣпостямъ «въ дачи *съ примѣрною* болѣе, нежели по 15 десятинъ, «на ревижскую душу, то, оставя имъ только сію про«порцію, за тѣмъ всю излишнюю землю отрѣзать къ «государственнымъ землямъ».

Ясно 1-е, что здѣсь разумѣются дачи смежныя съ древними, коренными казенными землями неизвѣстной мѣры, а земля смежная съ дачею Жданова была искони Башкирскою и поступила въ вѣдомство казенное уже гораздо позже 1736 года, не бывъ ни отдана чиновникамъ, ни возвращена Башкирцамъ, какъ бы слѣдовало по указу 1755 года (см. выше), и долго оставшись въ неизвѣстности для мѣстнаго начальства:

къ тому же сія земля при генеральномъ обмежеваніи нашлася въ своихъ надлежащихъ предѣлахъ, въ цѣлости, безъ умаленія; 2-е ясно, что въ казну велѣно брать единственно *примѣрную* землю *сверхъ крѣпостей* и выписей, оставляя на душу только 15 десятинъ: въ дачѣ же Ждановыхъ *нѣтъ примѣрной земли;* она куплена законно по живымъ урочищамъ и найдена при Генеральномъ обмежеваніи точно въ своихъ предѣлахъ, безъ всякаго излишка. А въ 13-й же главѣ Межевой Инструкціи, въ 6-мъ пунктѣ, сказано: «буде же по «приложеннымъ крѣпостямъ и выписямъ таковые вла«дѣльцы земли и всякихъ угодій имѣть будутъ и пре«восходнѣе вышеписанной пропорціи, а оныя имъ по «тѣмъ крѣпостямъ и выписямъ въ законныя дачи при«надлежатъ, то за нихъ утверждать всѣ тѣ земли и «угодья».

Наконецъ должно ли прибавить, что дача Ждановыхъ, купленная у законныхъ вотчинниковъ, отмежеванная законнымъ порядкомъ, утвержденная въ собственность владѣннымъ указомъ Уфимской Провинціальной Канцеляріи, находится въ безспорномъ владѣніи болѣе полувѣка. Что же сдѣлаетъ древнюю собственность священною и неприкосновенною?

Кто повѣритъ, чтобы въ Государствѣ благоустроенномъ, гдѣ около тысячи лѣтъ существуетъ гражданское правосудіе, можно было именемъ закона отнять землю, купленную у законныхъ владѣльцевъ и законнымъ порядкомъ, утвержденную въ собственность актомъ присутственнаго мѣста, крѣпостію, планомъ выданнымъ изъ онаго, и находившуюся болѣе *шестидесяти лѣтъ* въ безспорномъ владѣніи? Что же будетъ *давностію*, которая не только въ Европѣ, но и въ Азіи и въ Африкѣ освящаетъ право неприкосновенной

собственности? Можно все отнять, но нельзя доказать, чтобы дѣйствіе столь противное цѣли гражданскаго общества было основано на законахъ: въ Россіи нѣтъ такихъ и не бывало. Отнять все можно; но да умолкнетъ по крайней мѣрѣ клевета на Россійское законодательство!

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

БАРОНА БРАМБЕУСА:

Микерія, Нильская лилія. Повѣсть. . . . 597.

БЕНЕДИКТОВА, *Владиміра Андреевича:*

Пять стихотвореній: . . . . . 35.

1. Лебедь.
2. Коса.
3. Разоблаченіе.
4. Порывъ.
5. Исходъ.

БѢГИЧЕВА, *Дмитрія Никитича:*

Записки губернскаго чиновника . . . . . 393.

ГРЕЧА, *Николая Ивановича:*

Гейдельбергъ. . . . . 53.

МАРКОВА, *Михаила Александровича:*

Пинна. Повѣсть. . . . . 455.

МИХАЙЛОВСКАГО-ДАНИЛЕВСКАГО,

Александра Ивановича:

Воспоминанія о графѣ М. А. Милорадовичѣ . . . . . 3.

Стр.

МЯТЛЕВА, *Ивана Петровича:*

Десять стихотвореній: 103

1. Разговоръ человѣка съ душой.
2. Нейндорфская ночь.
3. Часы.
4. Свадебный поѣздъ колонистовъ.
5. Споръ за вафли.
6. Сельское хозяйство.
7. Наставнику-аббату.
8. Проектъ гросфатера.
9. Разговоръ барина съ Аѳонькой.
10. Раутъ.

ОБОДОВСКАГО, *Платона Григорьевича:*

Князья Шуйскіе, драматическая поэма . 181.

СКОБЕЛЕВА, *Ивана Никитича:*

Письмо Чесменскаго инвалида на родину. 17.

УШАКОВА, *Василья Аполлоновича:*

Хамово отродье. Картина Русскаго быта . 497.

ХМЕЛЬНИЦКАГО, *Николая Ивановича:*

Мундиръ. Поморскій разсказъ . . . . . 139.

КАРТИНЫ:

			Къ стр.
I.	Къ статьѣ:	Воспоминанія о графѣ М. А. Милорадовичѣ	11.
II.	»	Письмо Чесменскаго инвалида на родину	17.
III.	»	Пять стихотвореній	35.
IV.	»	Гейдельбергъ	58.
V.	»	Десять стихотвореній	110.
VI.	»	Мундиръ. Повѣсть	154.
VII.	»	Князья Шуйскіе, драм. поэма	278.
VIII.	»	Записки губернскаго чиновника	435.
IX.	»	Пинна. Повѣсть	470.
X.	»	Хамово отродье	547.

M Zamoiski

M Zamnebrkiy

ВОСПОМИНАНІЯ

О ГРАФѢ

МИЛОРАДОВИЧЪ.

ВОСПОМИНАНІЯ

о

ГРАФѢ МИЛОРАДОВИЧѢ.

Подвиги Графа Милорадовича всегда будутъ составлять яркія страницы нашихъ военныхъ лѣтописей, но у него было столь много особенныхъ свойствъ, что изображеніе его не дойдетъ къ потомству въ истинномъ видѣ, если современники не передадутъ потомкамъ своихъ замѣтокъ о свойствахъ Милорадовича. Исторія войнъ Императоровъ Павла и Александра изобилуетъ памятью дѣлъ его, но и на полѣ битвы, и внѣ боя, всегда и вездѣ являлъ онъ рѣзкія черты своего самобытнаго, неподражаемаго характера. Каждый день проявлялась въ немъ какая-нибудь, ему одному свойственная черта мужества, остроумія, безпечности. Онъ бывалъ отваженъ, веселъ, грустенъ, расточителенъ по своему. Сохранимъ здѣсь нѣсколько достовѣрныхъ воспоминаній о храбрѣйшемъ изъ храбрыхъ.

минаній о храбѣйшемъ изъ храбрыхъ.

*

ВОСПОМИНАНІЯ

о

ГРАФЪ МИЛОРАДОВИЧЪ.

Подвиги Графа Милорадовича всегда будутъ составлять яркія страницы нашихъ военныхъ лѣтописей, но у него было столь много особенныхъ свойствъ, что изображеніе его не дойдетъ къ потомству въ истинномъ видѣ, если современники не передадутъ потомкамъ своихъ замѣтокъ о свойствахъ Милорадовича. Исторія войнъ Императоровъ Павла и Александра изобилуетъ памятью дѣлъ его, но и на полѣ битвы, и внѣ боя, всегда и вездѣ являлъ онъ рѣзкія черты своего самобытнаго, неподражаемаго характера. Каждый день проявлялась въ немъ какая-нибудь, ему одному свойственная черта мужества, остроумія, безпечности. Онъ бывалъ отваженъ, веселъ, грустенъ, расточителенъ по своему. Сохранимъ здѣсь нѣсколько достовѣрныхъ воспоминаній о храбрѣйшемъ изъ храбрыхъ.

[illegible] Россіи особенно упа-
[illegible] и по-
[illegible] Суворовъ [illegible] Измаиловича
[illegible] Значитъ примѣры
[illegible] Измаиловича среди губи-
[illegible] безчет-
[illegible] въ продол-
[illegible] Измаилой [illegible] въ 17[illegible] въ
[illegible] улицу. То впереди
[illegible] рассѣялся
[illegible] въ [illegible], въ
[illegible] перьяхъ,
[illegible] сво-
[illegible] Измаилъ [illegible] въ [illegible]
[illegible] «Французы въ-
[illegible] «Посто-
[illegible] Измаило-
[illegible] Въ [illegible] Буха-
[illegible] Измаиловичъ [illegible] съ пере-
[illegible] въ
[illegible] Измаилъ
[illegible] Измаилъ
[illegible] Бы-
[illegible] и
[illegible] Измаилъ. Впереди [illegible] гу-
[illegible]

[illegible] [illegible] [illegible] говоря
[illegible] Если бъ были
[illegible] [illegible] [illegible] [

наго краснорѣчія. Въ полномъ смыслѣ слова, дѣлилъ онъ съ солдатами труды, непогоды, опасности. Войско видѣло его въ рядахъ своихъ всегда одѣтаго щеголемъ, всегда веселаго, никогда не унывающаго. Онъ первый садился на лошадь, и послѣдній сходилъ съ лошади. Изъ всѣхъ генераловъ ему одному Императоръ Александръ позволилъ носить на войнѣ знакъ военнаго ордена, учрежденный для нижнихъ чиновъ. «Носи солдатскій крестъ,» сказалъ ему Александръ, «ты другъ солдатъ.»

Память была у него обширная, вкусъ изящный, умъ проницательный, понятіе быстрое, но въ мысляхъ и поступкахъ его являлись крайности. На полѣ сраженія, однимъ взглядомъ обнималъ онъ ходъ битвы и распоряжался мгновенно, но въ мирное время сущія бездѣлицы смѣшивали и затрудняли его. Нечувствительный къ голоду, холоду и зною, онъ бывалъ неутомимъ на войнѣ; среди опасностей и лишеній становился веселѣе обыкновеннаго; въ проливные дожди являлся въ одномъ мундирѣ. Но въ мирное время совершенная противоположность: на роскошныхъ диванахъ, въ зеркальныхъ комнатахъ, среди благоуханій, изящныхъ картинъ и превосходныхъ статуй, онъ скучалъ, грустилъ, задумывался.

Пламенно любитъ онъ славу, и хотѣлъ во всемъ быть самобытнымъ.

Служа прапорщикомъ въ Измайловскомъ полку, онъ услышалъ, что одного изъ товарищей его называли лучшимъ танцоромъ. Милорадовичъ сказался больнымъ, заперся въ своей комнатѣ, нанялъ перваго

Благоговѣя къ памяти Суворова, Россія особенно уважала тѣхъ, кого отличалъ великій полководецъ, и потому со временъ Италійскаго похода имя Милорадовича было у насъ именемъ народнымъ. Описывать примѣры безстрашія, хладнокровія Милорадовича среди губительнаго огня битвъ, значило бы исчислять безсчетныя сраженія, въ коихъ онъ участвовалъ въ продолженіе четверти вѣка, съ Шведской войны въ 1789-мъ году, до взятія Парижа въ 1814-мъ году. То впереди колоннъ, то среди застрѣльщиковъ, вездѣ рисовался она на статномъ конѣ, въ мундирѣ, въ орденахъ, въ шляпѣ, съ перомъ, или съ разноцвѣтными перьями, иногда съ длинною трубкою въ рукѣ, распоряжаясь спокойно и величаво. Въ Италіи переправлялся онъ на паромѣ черезъ Адду въ виду непріятеля. «Французы цѣлятъ въ васъ,» сказалъ ему адъютантъ его. «Посмотримъ, умѣютъ ли они стрѣлять,» отвѣчалъ Милорадовичъ, и надѣлъ Аннинскую ленту. При занятіи Букареста, въ 1806-мъ году, Милорадовичъ былъ съ передовыми казаками. Турецкій наѣздникъ вынесся изъ рядовъ, и навелъ на него ружье. Обратясь къ своимъ конвойнымъ, Бѣлорусскимъ гусарамъ, Милорадовичъ сказалъ: «Продайте мнѣ лошадь этого молодца!» Бѣлоруссцы бросились впередъ, закололи наѣздника и привели лошадь Милорадовичу. Наградою подвига гусаровъ было сто червонцовъ.

Милорадовичъ обладалъ особеннымъ даромъ говорить съ солдатами и воспламенять ихъ. Если бъ были сохранены тысячи изрѣченій его, сказанныхъ внезапно, въ пылу битвъ, они послужили бы образцомъ воен-

наго краснорѣчія. Въ полномъ смыслѣ слова, дѣлилъ онъ съ солдатами труды, непогоды, опасности. Войско видѣло его въ рядахъ своихъ всегда одѣтаго щеголемъ, всегда веселаго, никогда не унывающаго. Онъ первый садился на лошадь, и послѣдній сходилъ съ лошади. Изъ всѣхъ генераловъ ему одному Императоръ Александръ позволилъ носить на войнѣ знакъ военнаго ордена, учрежденный для нижнихъ чиновъ. «Носи солдатскій крестъ,» сказалъ ему Александръ, «ты другъ солдатъ.»

Память была у него обширная, вкусъ изящный, умъ проницательный, понятіе быстрое, но въ мысляхъ и поступкахъ его являлись крайности. На полѣ сраженія, однимъ взглядомъ обнималъ онъ ходъ битвы и распоряжался мгновенно, но въ мирное время сущія бездѣлицы смѣшивали и затрудняли его. Нечувствительный къ голоду, холоду и зною, онъ бывалъ неутомимъ на войнѣ; среди опасностей и лишеній становился веселѣе обыкновеннаго; въ проливные дожди являлся въ одномъ мундирѣ. Но въ мирное время совершенная противоположность: на роскошныхъ диванахъ, въ зеркальныхъ комнатахъ, среди благоуханій, изящныхъ картинъ и превосходныхъ статуй, онъ скучалъ, грустилъ, задумывался.

Пламенно любитъ онъ славу, и хотѣлъ во всемъ быть самобытнымъ.

Служа прапорщикомъ въ Измайловскомъ полку, онъ услышалъ, что одного изъ товарищей его называли лучшимъ танцоромъ. Милорадовичъ сказался больнымъ, заперся въ своей комнатѣ, нанялъ перваго

балетмейстера того времени, и не выѣхалъ со двора, пока не превзошелъ въ танцахъ своего соперника. Во время путешествія Императора Александра по южному берегу Крыма, въ 1818-мъ году, увидѣли мы передъ собою скалы огромной величины, и въѣздъ на нихъ казался невозможнымъ. Мы остановились, но пока проводники подтягивали продпруги нашихъ лошадей, Милорадовичъ стрѣлою взнесся на утесы. Глядя на него, Государь Императоръ сказалъ: «Михайло Андреевичъ хочетъ во всемъ быть первымъ.»

Храбрость считалъ онъ идеаломъ добродѣтели. Потому, не любя лично Князя Багратіона, онъ уважалъ его, и былъ глубоко пораженъ его смертью. Извѣстіе о кончинѣ Князя Багратіона получилъ Милорадовичъ во время арріергарднаго дѣла близъ Воронова. Онъ прослезился, и чего никогда съ нимъ не случалось, уѣхалъ съ поля сраженія, не дождавшись окончанія дѣла. Весь тотъ вечеръ былъ онъ мраченъ, исчислялъ подвиги князя Багратіона, и не переставалъ хвалить его, хотя издавна находился съ нимъ во враждѣ.

Во время Турецкой войны, въ 1809-мъ году, по недоразумѣніямъ его съ Княземъ Багратіономъ, Милорадовичъ былъ отозванъ изъ Букареста и назначенъ Главнокомандующимъ арміею въ Могилевѣ. Извѣстіе о семъ назначеніи восхитило его. Въ первомъ порывѣ радости, онъ сказалъ своему адъютанту Бибикову, (нынѣ Кіевскій Военный Губернаторъ): «Всего болѣе радуетъ меня, что я, какъ Главнокомандующій, въ правѣ выдавать подорожныя, и не долженъ буду болѣе посылать за ними къ Багратіону.»

До какой степени сильно было воображеніе Милорадовича, покажетъ слѣдующій случай. Въ Августѣ 1812-го года, когда формировалъ онъ запасныя войска въ Калугѣ, жестоко заболѣли у него глаза. Онъ не могъ переносить свѣта, и двои сутки сидѣлъ съ завязанными глазами, въ темной комнатѣ. На третій день ему докладываютъ о пріѣздѣ курьера изъ арміи. Не въ состояніи будучи читать, приказалъ онъ адъютанту объяснить ему содержаніе привезенныхъ бумагъ. Это были письма Барклая де-Толли и Начальника Штаба его, Ермолова. Тотъ и другой просили Милорадовича, именемъ Отечества, спѣшить съ резервами къ Вязьмѣ, и соединиться съ арміею прежде рѣшительнаго сраженія, ожидаемаго со дня на день. «Глазная боль моя вдругъ исчезла,» говорилъ мнѣ Милорадовичъ, разсказывая о семъ случаѣ. «Я сорвалъ повязку съ глазъ,» продолжалъ онъ, «велѣлъ отворить ставни у оконъ, началъ диктовать распоряженія, посадилъ резервы на подводы, и въ шесть дней явился съ ними въ Гжатскѣ.» За Бородинское сраженіе пожалованы ему были алмазные знаки ордена Св. Александра Невскаго, вмѣсто ордена Св. Георгія 2-го класса, обѣщаннаго Кутузовымъ. Однажды, разсказывая съ жаромъ о Бородинской битвѣ, онъ говорилъ: «Какъ градъ сыпались на насъ ядра, картечи, пули, *бриллянты*. «Высоко цѣня награды за военные подвиги, онъ былъ равнодушенъ къ почестямъ въ мирное время. «Убѣдительно прошу Ваше Величество,» сказалъ онъ Императору Александру, «не награждать меня. Ваше милостивое обращеніе со мною составляетъ мое счастіе. Вы не отка-

зываете мнѣ ни въ чемъ, утверждаете всѣ мои представленія, и мнѣ пріятнѣе выпрашивать у Васъ ленты другимъ, нежели получать ихъ самому, сидя у камина.» Слова сіи пересказалъ мнѣ Милорадовичъ, въ такъ называвшейся, Секретарской комнатѣ Зимняго дворца, тотчасъ по выходѣ своемъ изъ Государева кабинета.

Извѣстно, какъ искусно прикрывалъ онъ отступленіе арміи отъ Люцена къ Бауцену, почти безпрестанно дѣйствуя противъ самого Наполеона, лично распоряжавшаго своимъ авангардомъ. Въ одномъ бывшемъ тогда, близъ Эльбы, дѣлѣ, Милорадовичъ получилъ отъ Главнокомандовавшаго, Графа Витгенштейна, въ прежнія войны его подчиненнаго, приказанія, несогласныя съ тѣми, какія даны были наканунѣ. «Доложите Графу,» сказалъ Милорадовичъ адъютанту, присланному съ приказаніями, «что когда онъ бывалъ въ моей командѣ, я не давалъ ему противорѣчащихъ повелѣній,» и обратясь къ окружавшимъ его, сказалъ съ улыбкою: Voilà toute ma vengeance! (Вотъ все мое мщеніе)!»

Спросили однажды Милорадовича, какъ пріобрѣлъ онъ такую неограниченную любовь офицеровъ и солдатъ? «Искуство не трудное,» отвѣчалъ онъ. «Никогда не заставлялъ я войско ждать меня, ни въ походѣ, ни на учебномъ мѣстѣ; ѣздилъ не за колоннами, не въ экипажѣ, но всегда верхомъ на лошади, всегда въ виду солдатъ; не изнурялъ ихъ на войнѣ пустыми тревогами; являлся первый въ огонь; при несчастныхъ случаяхъ бывалъ веселѣе обыкновеннаго.» Въ самомъ

дѣлѣ, при неудачахъ, или во время разстройства какой либо части арміи, безъ чего нельзя обойдтись ни въ какой войнѣ, Милорадовичъ чаще и громче обыкновеннаго обращалъ веселую рѣчь къ войску, начиная ее любимымъ своимъ восклицаніемъ: «Богъ мой!» Ежедневный соратникъ его, Принцъ Евгеній Виртембергскій, пишетъ; «Милорадовичъ былъ явленіе рѣдкое, во всемъ значеніи слова: *рыцарь*. Никто не могъ равняться съ нимъ въ храбрости. Его равнодушіе въ опасностяхъ превосходило всякое вѣроятіе. Въ самомъ жаркомъ огнѣ не истощалось его остроуміе; онъ смѣшилъ насъ въ тѣ минуты, когда мы обрекали себя на вѣрную смерть. Гнѣвъ и удовольствіе на подчиненныхъ изъявлялъ онъ только ѣдкою насмѣшкою. Среди жестокихъ атакъ и общаго смятенія, не только не терялъ онъ хладнокровія, но хохоталъ надъ своими собственными неудачами.»*)

«Не понимаю», говорилъ онъ, «какъ можно жить безъ долговъ!» До сихъ поръ почитаютъ въ Букарестѣ золотымъ вѣкомъ то время, когда Милорадовичъ командовалъ тамъ войскомъ. Однажды купилъ онъ двѣ шали за 600 червонцовъ; одну подарилъ знакомой ему боярынѣ, «а другую,» сказалъ онъ «отдамъ первой хорошенькой дѣвушкѣ, какую встрѣчу завтра на улицѣ.» Увидя на другой день прекрасную Молдаванку, совсѣмъ ему незнакомую, онъ остановилъ ее, и просилъ принять отъ него богатую шаль. «Послѣ того,»

---

*) Oesterreichische Militärische Zeitschrift, 1840, pag. 148.

присовокупилъ онъ, «я никогда не видалъ этой дѣвушки.» «Что за роскошь!» сказалъ я, увидя его, больнаго, курящаго табакъ изъ трубки, осыпанной алмазами, въ то время, когда у него не было денегъ. «Это послѣдняя мода въ Царѣградѣ,» отвѣчалъ онъ. Однажды велѣлъ онъ своему дворецкому приготовить балъ. «У насъ хлѣба не на что купить!» отвѣчалъ дворецкій. «Не о хлѣбѣ идетъ дѣло,» возразилъ Милорадовичъ, «а о балѣ; я пригласилъ весь Букарестъ на сегодняшній вечеръ.» Греки просили его въ то же время о заплатѣ должныхъ имъ денегъ. «Заплачу,» сказалъ онъ, «когда возьму Константинополь!» За Кульмское сраженіе Императоръ Александръ пожаловалъ Милорадовичу 50,000 рублей. Черезъ недѣлю всѣ деньги были истрачены на пиры и покупку разныхъ предметовъ, назначенныхъ Милорадовичемъ для украшенія села его, Воронковъ. Въ 1814-мъ году, въ Парижѣ, нуждаясь въ деньгахъ, Милорадовичъ просилъ Императора Александра о выдачѣ ему жалованья и столовыхъ денегъ его за три года впередъ. Прозьба была удовлетворена, и до выѣзда Милорадовича изъ Парижа деньги были всѣ израсходованы.

Не на одни пиры и прихоти употреблялъ онъ деньги, но пригоршнями сыпалъ червонцы храбрымъ солдатамъ, раненымъ и плѣннымъ. Послѣ Обилештскаго сраженія, увидя сильно изрубленнаго солдата Бѣлорусскаго гусарскаго полка, онъ спросилъ его: «Сколько у тебя ранъ?» «Семнадцать,» было ему отвѣтствовано. Тутъ же на мѣстѣ Милорадовичъ отсчиталъ гусару 17 червонцовъ, на каждую рану по одному. Въ

1812-мъ году, забирая плѣнныхъ тысячами, многимъ спасалъ онъ жизнь, и отдавалъ симъ несчастнымъ все, что у него было. Подъ Краснымъ, двое дѣтей, сынъ и дочь Французскаго офицера, взявшись за руки, бѣжали среди мертвыхъ тѣлъ, сами не зная куда. Милорадовичъ велѣлъ взять ихъ и отвести на свой бивакъ. Съ тѣхъ поръ маленькій Пьеръ, семи, и сестра его, Лизета, пяти лѣтъ, не выходили изъ коляски Милорадовича. Черезъ нѣсколько дней, проѣзжая толпу вновь взятыхъ плѣнныхъ, малютки бросились къ одному изъ нихъ, крича во весь голосъ: «Папенька! Папенька!» Это былъ отецъ ихъ. Заливаясь слезами, онъ упалъ къ ногамъ спасителя дѣтей своихъ. Милорадовичъ оставилъ его при себѣ съ дѣтьми. Такимъ же образомъ спасъ онъ другую Французскую маленькую сиротку, не знавшую даже имени своихъ родителей, и отправилъ ее къ своей сестрѣ, госпожѣ Стороженковой, у которой она получила отличное воспитаніе. Кстати сохранимъ здѣсь подобную черту сподвижника Милорадовича, Раевскаго. Въ Красненскомъ сраженіи увидѣлъ онъ младенца, лежавшаго подлѣ убитой Француженки, вѣроятно, матери его. Раевскій взятъ младенца на руки, завернулъ его въ свою шубу, и отогрѣвая, продолжалъ распоряжать сраженіемъ. Случись подобное въ чужихъ краяхъ, рѣзецъ и кисть уже давно прославили бы такой подвигъ.

Наиболѣе расточителенъ бывалъ Милорадовичъ въ такихъ случаяхъ, когда по его мнѣнію требовала того честь имени Русскаго. Въ Италіи и въ Нѣмецкой землѣ, во Франціи и въ Валахіи, осыпалъ онъ деньгами

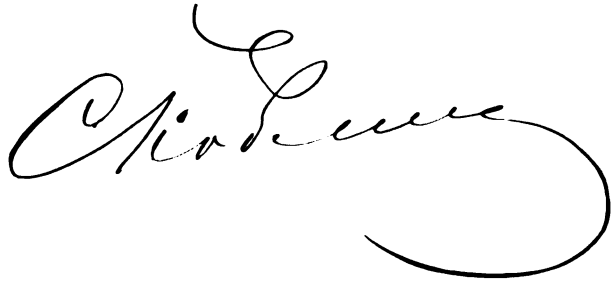
художниковъ, являвшихся къ нему съ своими произведеніями, и особенно, когда они изображали какой нибудь подвигъ Русскаго оружія. Послѣ войнъ съ Наполеономъ купилъ онъ дачу на южномъ берегу Крыма. Сосѣдъ его, Татаринъ, завелъ съ нимъ тяжбу, утверждая, что Милорадовичъ присвоилъ себѣ лишній участокъ земли. «Дѣло мое было правое,» сказалъ мнѣ Милорадовичъ. «Я крѣпко стоялъ за мою собственность, и самъ писалъ прозьбы въ Уѣздный Судъ и Гражданскую Палату. Наконецъ, я выигралъ тяжбу, и подарилъ моему сопернику Татарину землю, которую онъ у меня оспоривалъ,» присовокупя: «C'est par des bienfaits que je voulais m'établir en Crimée.»

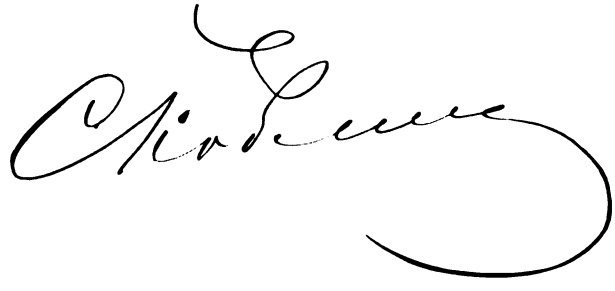
Убравши занимаемый имъ въ Петербургѣ домъ, Милорадовичъ показывалъ мнѣ свои комнаты. Подлѣ картинъ Тиціана, Гвидо-Рени, Доминикино лежали книги, планы, стояли статуи, клѣтки съ птицами, янтарные чубуки, трубки, шахматныя доски, нѣсколько фортепіанъ. Каждая комната имѣла особенное освѣщеніе. Одна была вся зеркальная; даже потолокъ состоялъ изъ зеркалъ. «Гдѣ ваша спальня?» спросилъ я. «У меня нѣтъ спальни,» отвѣчалъ онъ, «я провожу ночь, гдѣ мнѣ вздумается.» Портреты Суворова находились въ каждой комнатѣ. Суворовъ былъ его кумиръ, но Кутузова онъ не любилъ, хотя чтилъ память его, и при каждомъ случаѣ бывалъ особенно имъ ласкаемъ. Кутузовъ не называлъ ее иначе, какъ «mon cher enfant, mon enfant bien aimé!» На другой день по возвращеніи Милорадовича изъ Парижа въ Петербургъ, онъ поѣхалъ въ Невскій монастырь и въ

Казанскій соборъ, и просилъ духовенство отслужить панихиду по Суворовѣ и Кутузовѣ.

Часто посѣщая Милорадовича, я замѣчалъ, что мебели, картины и статуи бывали у него безпрестанно переставляемы съ одного мѣста на другое. Спросивъ о причинѣ, получилъ я въ отвѣтъ: «Войны не будетъ. Мнѣ скучно: я велю все передвигать въ домѣ — это меня занимаетъ и тѣшитъ!» Указывая на вазу изъ чернаго мрамора и увядшій подлѣ нея кипарисъ, Милорадовичъ воскликнулъ: «Вотъ памятникъ моего потеряннаго счастья!» Тутъ же лежали синій сюртукъ и круглая шляпа. «Они напоминаютъ мнѣ время, когда буду въ отставкѣ,» сказалъ Милорадовичъ. Самое любимое занятіе его состояло въ украшеніи села его Воронковъ. Въ Россіи и чужихъ краяхъ заказывалъ онъ лучшимъ архитекторамъ планы своего деревенскаго дома, сада, бесѣдокъ. «Только тогда наслаждусь я истиннымъ счастьемъ», говаривалъ онъ въ послѣдніе годы своей жизни, «когда буду жить въ деревнѣ.» За обѣдомъ у Императора Александра зашла однажды рѣчь о томъ, что каждый изъ насъ имѣетъ свои желанія и виды въ будущемъ. «Знаете ли, Ваше Величество,» сказалъ Милорадовичъ, «чѣмъ я ограничиваю теперь всѣ мои желанія? Хочу одного: дышать чистымъ воздухомъ въ Воронкахъ.» Судьба не допустила исполненія желаній того, чью жизнь щадилъ непріятельскій свинецъ и чугунъ: Милорадовичъ никогда не былъ раненъ на войнѣ. Поражая вокругъ него тысячи, смерть обходила Русскаго Баярда, мужа «безъ страха и упрека,» кого чтили и ставили въ мѣста самыя опасныя Суво-

ровъ и Кутузовъ, и — прибавимъ, дабы окончить чертою, дополняющею характеристику Милорадовича — кому великіе полководцы наши поручали, среди боевой жизни, устроивать роскошные пиры и балы.





ПИСЬМО

ЧЕСМЕНСКАГО ИНВАЛИДА

НА РОДИНУ.

Письмо
ЧЕСМЕНСКАГО ИНВАЛИДА
НА РОДИНУ.

=

(Писано для солдатъ.)

=

Что дорого, то мило—говоритъ пословица. Разстаться съ родиною, пуститься въ путь на седьмомъ десяткѣ лѣтъ и отвалять съ хвостомъ двѣ тысячи верстъ—вовсе не шутка; за то хоть на послѣдней ступенькѣ къ могилѣ, но всемогущій Богъ судилъ мнѣ быть въ святомъ пріютѣ, гдѣ вижу себя просто въ земномъ раю; гдѣ не о чемъ ни вздохнуть, ни охнуть, и гдѣ, съ порочнымъ пятнышкомъ въ указѣ, съ сучкомъ и задоринкою въ аттестатѣ, никому нѣтъ мѣста. Не смотря на то, въ нашемъ раю комплектъ полонъ и охотниковъ по сотни; по этому нѣтъ разврата, нѣтъ соблазна, да не извѣстна и скука. Люди, что въ ротъ—то спасибо! Пламенные разсказы о походахъ, трудахъ, сраженіяхъ и славѣ не умолкаютъ; война какъ будто не прекращалась, и, кажется, не будетъ миру, доколѣ старики, герои Бороди

умолкаютъ; война какъ будто не прекращалась, и, кажется, не будетъ миру, доколѣ старики, герои Бороди

Письмо
ЧЕСМЕНСКАГО ИНВАЛИДА
НА РОДИНУ.

=

(Писано для солдатъ.)

=

Что дорого, то мило—говоритъ пословица. Разстаться съ родиною, пуститься въ путь на седьмомъ десяткѣ лѣтъ и отвалять съ хвостомъ двѣ тысячи верстъ—вовсе не шутка; за то хоть на послѣдней ступенькѣ къ могилѣ, но всемогущій Богъ судилъ мнѣ быть въ святомъ пріютѣ, гдѣ вижу себя просто въ земномъ раю; гдѣ не о чемъ ни вздохнуть, ни охнуть, и гдѣ, съ порочнымъ пятнышкомъ въ указѣ, съ сучкомъ и задоринкою въ аттестатѣ, никому нѣтъ мѣста. Не смотря на то, въ нашемъ раю комплектъ полонъ и охотниковъ по сотни; по этому нѣтъ разврата, нѣтъ соблазна, да не извѣстна и скука. Люди, что въ ротъ—то спасибо! Пламенные разсказы о походахъ, трудахъ, сраженіяхъ и славѣ не умолкаютъ; война какъ будто не прекращалась, и, кажется, не будетъ миру, доколѣ старики, герои Бороди

на, Лейпцига и Парижа живы. Любо слушать, какъ молодцы, разбудя сѣдую старину, поднимутъ споръ; громъ загремитъ, трескъ затрещитъ и... штурмъ въ лицахъ. Умора да и только. А не прогнѣвайся, иной отпуститъ тебѣ такую рацею, что хоть въ печать да въ книгу. Слушаешь и съ трудомъ вѣришь. Гдѣ бы, кажись, нашему брату, солдату, на разсказы о военныхъ продѣлкахъ такъ мастерски ухитриться, навостриться и приладиться; но видно справедливо, что въ семьѣ не безъ урода: на дѣлѣ видѣнъ дока—и что твой соловей! Болѣе всего по сердцу мнѣ замашки стариковъ, что о собственной храбрости никто не полслова; но за честь и славу полка, въ которомъ служили, а не рѣдко и за удалыхъ, на поляхъ брани отличившихся, земляковъ, каждый готовъ, пожалуй—хоть на кулачки?

При сей оказіи, разскажу вамъ не далѣе какъ вчерашнюю бесѣду, когда рѣчь зашла о чистой и вѣрной службѣ современниковъ, товарищей и сослуживцевъ. Не мѣшало бы прочесть эту грамотку въ нашемъ селѣ будущимъ героямъ, хоть на праздничномъ хороводѣ; пусть ребятишки зарубятъ на носу.

«Цѣлую крестъ и Святое Евангеліе!» гаркнулъ фельдфебель Императора Павла, старикъ умный, ополированный, «что изъ селенія, въ которомъ я родился, въ пятьдесятъ лѣтъ, какъ память моя хватаетъ, изъ всѣхъ поступившихъ на службу ребятъ, ни одинъ не измѣнилъ присягѣ, ни одинъ не осрамилъ роднаго села; и кто, выслужа законный срокъ, не воротился къ своимъ, тотъ палъ въ бою съ честію, или умеръ, какъ христіанинъ.»

— Славно! если правда! отозвались нѣсколько голосовъ...

«Какъ вѣра святая», продолжалъ фельдфебель. «Слушайте, друзья:

«Хоть головы-то у насъ и не совсѣмъ отесаны, но понять не трудно, что матушка природа надѣляетъ умомъ и разумомъ, душею и сердцемъ всѣхъ равно, слугу и барина, хозяина и работника; разница между ими является съ возрастомъ; одного, скажу, какъ говорятъ господа, воспитываютъ, образуютъ и высокими науками развертываютъ въ немъ всѣ возможныя способности; другого, только что какъ дворовую скотину вскармливаютъ, и онъ на всю жизнь остается при тѣхъ дарахъ, съ которыми вывалился изъ утробы въ люльку. Первый, пріобрѣтая познанія, знакомясь съ небомъ и землею, впивая въ себя вѣру всемогущаго Бога, законъ Великаго Государя, въ самой еще юности простираетъ уже помыслы и къ пользамъ отечества и къ славѣ роднаго оружія; а поглядишь, не успѣлъ созрѣть, честь въ груди заворковала, молодецъ готовъ къ трудамъ и къ смерти! Напротивъ того, нашъ братъ, сто разъ счастливъ, если выучилъ наизусть двѣ, три молитвы, да понялъ, или по внушенію добрыхъ родителей, или при счастливыхъ встрѣчахъ съ умнымъ человѣкомъ, что порокъ производитъ стыдъ, а стыдъ печатаетъ на лицѣ краску, которая не рѣдко, обнаруживая содѣянный срамъ, лишаетъ его правъ, не только на мірской сходкѣ, но даже и въ родственной бесѣдѣ говорить смѣло! Впрочемъ и у титульныхъ людей воспитаніе раздѣляется на неисчислимые разряды, и отъ нашего

солдатскаго разсудка не ускользнула чертовская между ими разница.

«Золото на грязи видно. Человѣка высокаго, воистинну боярскаго и прямо христіанскаго образованія, наряди, пожалуй, хоть въ рогожку; но довольно заглянуть ему въ глаза, въ которыхъ какъ солнце въ небѣ сіяетъ добродѣтель вмѣстѣ съ горячею, пламенною любовью къ порядку и ко всему святому, а ужъ тутъ какъ-будто услышишь въ груди его трепетъ благороднаго сердца, опрометью сорвешь шапку и вытянешься такъ, что косточки захрустятъ; а бываетъ — встрѣчаются и гуси. Но не намъ судить; да и то сказать: вѣдь не всѣмъ монахамъ въ игуменахъ быть.

«На этотъ случай скажу, словами разъудалаго нашего полковника — пошли ему, Господи, царство небесное, — мастеръ былъ покойникъ приводить нашего брата къ резону; ужъ попятиться, бывало, некуда. Напримѣръ:

«Полезныя, спасительныя, а потому и необходимыя христіанину науки, съ которыми неразлучна участь каждаго изъ насъ, предоставлены доброй волѣ нашей; даромъ ничто не дается. Нѣтъ спору, что образованіе знатныхъ и богатыхъ людей, покорное силамъ и средствамъ, у нихъ подъ руками, но сколько имъ надобно умѣнья избирать достойныхъ къ дѣтямъ наставниковъ, отвѣчающихъ столь великому и важному дѣлу!.. Исторія длинная, часто сомнительная, а не рѣдко до того гибельная, что ужъ лучше бы иной сынокъ и не учился; напротивъ, успѣхъ солдата быстръ, вѣренъ, легокъ и веселъ: одинъ мигъ рѣшаетъ его жребій. Въ комъ

есть умъ и смѣтка, тому не много надобно, чтобъ сдѣлаться счастливымъ, пріятнымъ и полезнымъ: читаютъ путную, поучительную книгу, или столкнулся съ умной граматной головушкой, изъ которой, какъ въ темную осеннюю ночь изъ свѣтлаго мѣсяца вылетаютъ яркія божественныя истины, тотчасъ: смирно! стой, слушай, а наконецъ, положа руку на сердце, скажи: кому принадлежитъ это дивное, уму человѣческому едва доступное, устройство, какое видишь ты въ неподражаемыхъ красотахъ окружающей насъ природы? какою непостижимою силою все это приведено въ столь плавный и славный порядокъ? кто воткнулъ въ небеси солнце, которое грѣетъ въ одно время и насъ грѣшныхъ и весь подлунный міръ? кто далъ едва примѣтному цвѣтку ароматный запахъ, крошечному соловью звучный голосъ, а намъ, ничтожнымъ кукламъ, щедрый даръ все это слышать, видѣть, понимать, любоваться и восхищаться? Прошло къ мозгу, узналъ Творца, всемогущаго Бога! Ну, и слава царю небесному, поздравляю! Ты схватилъ изъ всѣхъ первѣйшую науку, и съ этимъ вмѣстѣ получилъ новую жизнь душѣ и сердцу; теперь, подъ спасительнымъ вліяніемъ святой вѣры и царскихъ артикуловъ умъ твой озарится, нравъ смягчится, понятія ополируются и, буйный, необузданный неучъ будетъ любить добро и дорожить честью. Такъ и было. Благотворныя сѣмена эти много произвели хорошихъ плодовъ.

«Точнехонько такъ же къ спасенію моему и всѣхъ моихъ земляковъ, послужилъ благороднѣйшій служитель алтаря Господня, который, священствуя въ на-

шемъ селѣ сорокъ лѣтъ, при свѣтломъ умѣ и примѣрномъ безкорыстіи, къ спасительнымъ своимъ наставленіямъ пріобрѣлъ дѣтскую всѣхъ прихожанъ покорность и неограниченную довѣренность. Слово его было святой законъ въ каждомъ семействѣ. Благодѣтельный пастырь, раздѣляя горе и радости людей, принадлежащихъ къ его приходу, слезами и восторгомъ, водворилъ у насъ мирную, скромную и трезвую жизнь до того, что никто изъ жителей не помнилъ, чтобъ когда нибудь между ими произошла ссора, или чтобъ кого-либо увидѣли на улицѣ хмѣльнымъ въ безобразномъ видѣ.

«Такъ было заведено, что въ назначенный къ отъѣзду день, рекруты, со всѣми провожающими ихъ родственниками, отправлялись въ церковь, и священникъ, отслужа напутственный молебенъ, растолковавъ предлежащія обязанности воина, предъ крестомъ и Евангеліемъ, требовалъ обѣщанія служить вѣрно, не жалѣя жизни.

«Здѣсь, въ родномъ храмѣ, въ которомъ удостоены вы «святаго крещенія, при которомъ тлѣютъ кости ва«шихъ предковъ, дайте мнѣ, милыя дѣти, обѣщаніе, «что вы не запятнаете себя безчестіемъ, не погубите «въ себѣ христіанскихъ добродѣтелей, не осрамите «своихъ родителей, и не оскорбите любящаго васъ «сердца, изъ глубины коего молю Господа Бога — да «пребудетъ святая вѣра постоянною спутницею вашею «до послѣдней минуты жизни. Вѣра ваша спасетъ васъ, «и если плоды въ награду трудовъ и терпѣнія не впол-

«нѣ возрастутъ во время вашей службы и жизни, то «они дойдутъ на могилѣ и слалки будутъ за гробомъ.»

«Исторія коротка; но ясна, и сильна даже и закоснѣлому злодѣю пробраться въ душу; а при этомъ вовсе не удивительно, что я и всѣ мои товарищи, давъ слово потерять голову, но сохранить вѣру и завѣтъ духовнаго отца, держали его въ точности.

«Никто, конечно, не будетъ спорить, что труднѣе истребить пороки изъ развращеннаго сердца, нежели упредить, вразумить и оградить отъ нихъ жалкаго, неопытнаго новичка, какъ зайца робкаго и безъ спасительнаго запаса, на добро и зло при первомъ словѣ готоваго. Безъ благотворныхъ мѣръ благодѣтельнаго священника, одна вредная встрѣча могла-бы обратить участь каждаго изъ насъ къ позднему раскаянію и безполезнымъ слезамъ. А потому я думаю, и, кажется, не ошибаюсь, что въ случаяхъ, гдѣ слабое, невинное и по большей части въ глупѣйшемъ невѣжествѣ созрѣлое созданіе, должно по своей мѣркѣ просвѣтиться, вразуміться и до ижицы понять священныя обязанности воина христіанина, въ сельскомъ священникѣ средства великія, важныя! Но чтобъ рекрутъ полюбилъ жизнь, доселѣ ему страшную, чтобъ принялъ видъ, духъ и бордость, герою свойственные,—это ужъ дѣло другое.»

«Дѣло начальства, ты хотѣлъ сказать.—Но часто производитъ успѣхъ и счастливый случай, подхватилъ Суворовскій герой. Въ храбромъ нашемъ полку, назови, бывало, трусомъ послѣдняго изъ послѣднихъ, такъ и животомъ не расплатишься! И хоть начальники у насъ

были славные, но главною причиною этой доброй воли, съ какою каждый изъ насъ летѣлъ къ славѣ и къ смерти, сформировалъ именно случай :

«Въ 1794-мъ году. Русская армія, послѣ громкихъ побѣдъ въ Туречинѣ, спѣшила къ новымъ лаврамъ въ Польшу, полки, комплектуя, такъ сказать, на бѣгу, получая рекрутъ въ разныхъ городахъ, обмундировывая и уча ихъ на ночлегахъ только и дневкахъ; въ числѣ новобранцевъ мнѣ Богъ судилъ поступить въ первую роту Бѣлозерскаго мушкатерскаго полка, коей командовалъ капитанъ Александръ Матвѣевичъ Тихомировъ, котораго, по христіанскимъ добродѣтелямъ, по усердію къ Божьему храму, по скромному поведенію и по примѣрнымъ трудамъ въ пользу царской службы, всѣ солдаты заживо считали праведникомъ, любили, уважали и глядѣли на него далеко выше, какъ глядятъ на людей обыкновенныхъ; а при этомъ не только подчиненные, но товарищи и даже высшіе его чинами люди, не позволяли себѣ въ присутствіи его сказать скромное слово.

«Росту онъ былъ не большаго, но ума и въ ранецъ, чай, не уложилъ бы; а ужъ фигурою-словно выточенный, ни дать ни взять изъ воску кукла — что Нѣмцы показываютъ за деньги. Красоты другой въ полку не было; голосъ нѣжный, сладкій, а слово всегда умное, резонное-искрой влетало въ душу. Ни одинъ капралъ не вставалъ ранѣе Александра Матвѣевича и никто съ лучшимъ успѣхомъ не обучалъ насъ заряжанію ружья и стрѣльбѣ въ цѣль. Но, приготовя руку солдата, съ

приближеніемъ къ непріятелю, онъ начиналъ приготовлять умъ и душу его. — Никогда не забуду перваго урока. Вотъ онъ:

«Веселъ, счастливъ и богатъ тотъ солдатъ, жизнь, поступки и поведеніе котораго согласуются съ ученіемъ святой вѣры: безъ вѣры невѣждамъ нигдѣ нѣтъ отраднаго пріюта. Въ грѣшномъ тѣлѣ, душа безъ вѣры, то же, что въ дремучемъ лѣсу темная пещера. Вались туда сычъ, сова и самъ сатана, отразить и нѣкому и не чѣмъ, и горе несчастному глупцу, не понимающему всесильнаго дѣйствія святой вѣры, благотворной спутницы нашей въ грозныя минуты боя! гдѣ смерть бортъ-о-бортъ въ ранжирѣ съ каждымъ, гдѣ склонности людей, какъ ялики на водѣ виднёхоньки, гдѣ благочестивые помыслы надѣющагося мзды за гробомъ торжествующаго христіанина и могильныя мрачныя думы блуднаго, отчаяннаго нечестивца, легко уловить въ глазахъ и прочесть на лицѣ каждаго. Да, товарищи, тамъ изгибы души и увертки ума перестаютъ быть тайною; тамъ радость вѣрующаго и страхъ къ позднему раскаянію прибѣгающаго безъ словъ понятны и, право, слезъ не удержишь, видя угрызеніе совѣсти и жестокія муки, терпимыя трепещущимъ злодѣемъ вѣры!

«Напротивъ, солдатъ, утвердившійся въ спасительныхъ правилахъ святыхъ законовъ, ставшій твердою ногою на прямыхъ похвальныхъ путяхъ къ чести, сочетавшій въ себѣ мірныя достоинства съ разъудалыми военными подвигами, приближаясь съ вѣрою и благословеніемъ Господнимъ къ цѣли великаго назна-

ченія, къ славной геройской жизни, или къ славной христіанской смерти, что одно и то же, на всѣ опасности смотритъ въ полглаза и ухомъ не ведетъ; онъ глядитъ въ будущую жизнь, и увѣренъ, что съ постоянною приверженностію къ Богу, съ непреложною преданностію къ Государю и съ сыновнею, пламенною любовію къ отечеству, при общемъ судѣ и расправѣ ему большой бѣды не будетъ. Но что въ этой временной жизни? страхъ и трудъ, печаль и горе. Да и весь міръ, съ блескомъ и со всѣми въ немъ сокровищами, трынъ трава! далеко ниже чистыхъ, правыхъ чувствъ защитника вѣры и престола Богомъ возлюбленнаго воина, и только громъ побѣдъ съ торжествомъ надъ врагомъ неотъемлемая, драгоцѣнная его собственность.

«Поспѣшность, съ какою летѣли мы къ роковому полю, не принесла пользы: зашли переговоры, объявлено перемиріе, и насъ на всю зиму размѣстили въ Минской губерніи. Въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ Александръ Матвѣевичъ, удаляясь и вовсе не учавствуя въ пирахъ, банкетахъ и другихъ прочихъ веселостяхъ, на которыя офицерамъ нашимъ пожаловаться было грѣхъ, двѣ трети дня занимался службою, попеченіемъ о солдатскомъ здоровьѣ и исправностію боевой аммуниціи, а послѣднюю посвящалъ молитвѣ. Нуженъ капитанъ, такъ ищи его, или на ученьѣ, или въ церквѣ.

«Никто изъ подчиненныхъ не могъ сказать опредѣлительно о строгой взыскательности Александра Матвѣевича, потому что до этого не доходило: заслужить

косой взглядъ его величайшимъ было несчастіемъ; напротивъ, всѣ вмѣстѣ и каждый розно готовы были умереть за обожаемаго начальника.

«Наконецъ явилась весна, открылась война, и нашъ достойнѣйшій начальникъ, не словомъ, а дѣломъ началъ передавать важнѣйшіе примѣры, коими поновилъ въ памяти нашей разсказы покойныхъ стариковъ о неустрашимости рыцаря Пересвѣта.

— Вы ранены, ваше благородіе! сказали ему солдаты, увидя текущую изъ рукава кровь.

«Не забудьте напомнить мнѣ объ этомъ, когда вытѣснимъ непріятеля изъ занимаемаго имъ укрѣпленія,» отвѣчалъ капитанъ. Но укрѣпленіе взяли безъ него. Въ безсовѣстныхъ пуляхъ не ищи и чести: послѣ одной въ руку, двѣ влѣпились въ грудь, и съ послѣднимъ словомъ: «Прощайте, ребята! Не забудьте моихъ совѣтовъ! И изъмогилы я глядѣть на васъ буду!» онъ палъ и.... героя молодца не стало!

«Много въ мою жизнь было горькихъ для меня дней, случались и бѣдишки: самъ невзначай проштыкнешься, а подчасъ подлая ябѣда заденетъ за живое; но подобной скорби, какую принесла мнѣ смерть несравненнаго Александра Матвѣевича, по благости Божіей, въ другой разъ чувствовать мнѣ не пришлось. Сраженіе кончилось со славою; но въ нашей ротѣ никто не видалъ и слѣдовъ славы: изъ глазъ каждаго солдата лились слезы, и каждый вдругъ увидѣлъ себя какъ бы круглымъ сиротою.

«Полковникъ вмѣстѣ съ нами горько плакалъ и громогласно говорилъ, что онъ лишился лучшаго изъ сотрудниковъ, полезнѣйшаго службѣ офицера, истиннаго друга чести и человѣчества.

«На рукахъ принесли мы покойнаго на бивуакъ, къ ставкѣ полковника, куда тотчасъ изъ обоза подвезенъ былъ его чемоданъ; приказано приготовить тѣло къ погребенію. Адъютантъ съ Аудиторомъ принялись было за бѣлье и другія необходимыя при такомъ случаѣ вещи; но прибывшій полковой священникъ остановилъ суету, объявя, что приготовленіе тѣла покойнаго капитана, по обряду христіанскому, есть дѣло, за не имѣніемъ другихъ женщинъ, исключительно его попадьи, которая сейчасъ явится. Взоры всѣхъ присутствующихъ обратились на священника, и всѣ начинали уже думать, что нашъ батюшка просто свильнулъ съ большой на проселочную.

«Въ этотъ роковый часъ, продолжалъ священникъ, завѣтная тайна души моей, скрѣпляемая силою религіи, перестала быть тайною: почившій герой, достойнѣйшій членъ полка, любимый и уважаемый всѣми нами сослуживецъ, есть благороднаго происхожденія, какъ небесный Ангелъ, невинная дѣвица — Александра Матвѣевна Тихомирова.»

— Ахъ! былъ общій голосъ, при столь дивной, неожиданной причинѣ.

«Въ числѣ вещей, принадлежавшихъ покойницѣ, дополнилъ священникъ, на этотъ горестный случай хранятся полу ея приличная одежда и духовное завѣщаніе.»

— Тотчасъ выбрали всѣ вещи, нашли и открыли тщательно закупоренный ящикъ съ надписью:

«Здѣсь брачный нарядъ мой. – Свершилось!... Молитвы услышаны и желаніе мое исполнилось, благодаря Всемогущаго Бога! Прошу господина полковника: весь мой богажъ передать духовному отцу моему въ полное его распоряженіе, съ удержаніемъ тысячи рублей, изъ коихъ выдать по двѣсти пятидесяти въ каждое капральство роты, коею я имѣла честь командовать, и двухъ сотъ въ награду людей, употребившихъ трудъ свой при моемъ погребеніи.

«Капитанъ Тихомировъ; а въ переводѣ на истину: дочь Маіора, дѣвица Александра Тихомирова.»

— Полно, вѣрить-ли этому чуду? Иначе, право, надобно усумниться: ужъ не барышня ли и я? молвилъ подполковникъ, молодецъ, чуть-ли не въ три сажени ростомъ.

«При этомъ надобно признаться, что всѣ мы слишкомъ просты, сказалъ полковникъ: кромѣ отчужденной, строгой жизни покойницы, постоянно не принимавшей въ занимаемую ею комнату даже и деньщиковъ своихъ, можно бы смѣкнуть по многому.... но объ этомъ не должно быть и рѣчи. А вотъ, это стоитъ замѣтитъ: что если мы отдавали полную справедливость неустрашимости и пламенной быстротѣ, съ какою къ опасностямъ и славѣ, какъ орелъ лѣталъ капитанъ Тихомировъ, то что должны сказать о дѣвицѣ Тихомировой? И, можно-ли послѣ этого гордиться хра-

бростію? Не думаю! Подлый трусъ въ Русской арміи— вотъ это именно рѣдкость.»

«Слова эти, слившись вмѣстѣ съ послѣдне-сказанными Александрою Матвѣевною, что она и изъ могилы глядѣть на насъ будетъ — до того подѣйствовали на солдатъ, которые безъ дальней церемоніи героиню свою стали признавать чуть-чуть не святою, что кличка трусъ въ рядахъ нашихъ во всю войну была грознымъ сигналомъ, страшнѣе пуль, ядръ и самой смерти.

«Не смотря на открытіе, Александра Матвѣевна погребена съ почестью, приличною офицеру, и съ сожалѣніемъ, какое свойственно питать къ нѣжной, милой, родной сестрѣ, или матери. Важнѣйшія причины къ превращенію покойницы, если онѣ были, прикрыты неизвѣстностію. Священникъ зналъ только, что матери лишилась она еще въ младенчествѣ; что воспитана вмѣстѣ съ единственнымъ братомъ, какъ двѣ капельки водицы съ нею сходнымъ, подъ непосредственнымъ попеченіемъ отца, служившаго въ арміи, но лишившагося не богатаго своего состоянія, а вмѣстѣ и средства къ дальнѣйшей службѣ, по неограниченной довѣренности къ одному ближайшему родственнику, къ несчастію, какъ время показало, картежнику и моту; что братъ ее, записанный въ гвардейскій полкъ, былъ вытребованъ въ Питеръ, выдержалъ экзаменъ и выпущенъ въ армію поручикомъ; что онъ при слѣдованіи въ полкъ завернулъ подъ бѣдный кровъ отца въ самое то время, какъ его укладывали въ гробъ, при чемъ отчаянно заболѣлъ, а чрезъ

нѣсколько дней и самъ отправился за родителемъ. Александра Матвѣевна, оставшись какъ былинка въ полѣ, безъ родныхъ, безъ покрова и въ совершенной нищетѣ, представя себѣ то ужасное положеніе, какое предлежало сиротѣ, восьмнадцатилѣтней, беззащитной дѣвушкѣ; сообразя горести и тяжкія обиды, къ отраженію коихъ, кромѣ слезъ, другихъ орудій не имѣла; по совѣту няни, единственнаго на лицѣ земли друга, возложа упованіе на Бога, рѣшилась на рѣдкій, отчаянный подвигъ: собственною косою украсила она главу усопшаго, и въ аммуниціи, женщинѣ приличной, предала брата землѣ, подъ именемъ сестры. А приведя въ порядокъ домашнія дѣла и кой-какъ обезпеча няню дневнымъ пропитаніемъ, со всѣми документами поручика явилась въ полкъ, и какъ рожденная и взросшая въ бытность родителя на службѣ, зная изъ ежедневныхъ уроковъ юному недорослю всѣ мѣры и манеры, отличающія ретиваго, исправнаго офицера отъ лѣнивца, быть можетъ, далеко превзошла покойнаго брата. То по-крайности вѣрно, что служба отъ этого превращенія ни сколько не потеряла.»

Вотъ вамъ, любезные друзья, порядокъ нашей жизни и качества нашихъ бесѣдъ. Онѣ безконечны и всегда веселы. Пробѣгаютъ однако жъ тяжкія минуты, оставляющія у насъ невыразимую тоску на недѣли и цѣлые мѣсяцы. Нынѣ годъ черный: онъ много унесъ людей, которыхъ грядущіе годы намъ, старикамъ, возвратить не успѣютъ. Не говóря о праведной и безъ сомнѣнія тебѣ извѣстной общей государственной скорби.... смерть похитила у насъ по военнымъ добле-

стямъ и по гражданскимъ добродѣтелямъ отличнѣйшихъ генераловъ, драгоцѣнныхъ сердцу нашему начальниковъ: князя Д. В. Голицина; графовъ П. В. Кутузова, А. Х. Бенкендорфа, П. А. Толстаго и П. К. Эссена. Рѣдкаго они не знали изъ насъ въ бояхъ и на бивуакахъ, цѣнили нашу службу, живили и бодрили насъ пріятнымъ взоромъ и ласковымъ словомъ. Ихъ нѣтъ; но да будетъ усердная молитва и горячая слеза наша слабой данью благодарности слишкомъ еще рано отшедшимъ въ вѣчность достойнѣйшимъ отцамъ и командирамъ.»

тѣй-
на-
. В.
. К.
і на
или
[хъ
еза
ще
мъ

B Benequisto

ПЯТЬ

СТИХОТВОРЕНІЙ.

ПЯТЬ СТИХОТВОРЕНІЙ.

ЛЕБЕДЬ.

Вѣтеръ влагу чуть колышетъ.
Въ шопотливыхъ камышахъ
Статный лебедь тихо дышитъ
На лазуревыхъ струяхъ:
Грудь, какъ парусъ, пышно вздута,
Величава и чиста;
Шея, загнутая круто,
Гордо къ небу поднята; —
И проникнутъ упоеньемъ,
Онъ въ державной красотѣ,
Надъ своимъ изображеньемъ,
Опрокинутымъ въ водѣ.

Что такъ гордо, лебедь бѣлый,
Ты гуляешь по струямъ?
Иль свершилъ ты подвигъ смѣлый?
Иль принесъ ты пользу намъ?

ПѢТЪ [illegible]

[illegible]

[illegible]
[illegible]
[illegible]

ПЯТЬ СТИХОТВОРЕНІЙ.

ЛЕБЕДЬ.

Вѣтеръ влагу чуть колышетъ.
Въ шопотливыхъ камышахъ
Статный лебедь тихо дышитъ
На лазуревыхъ струяхъ:
Грудь, какъ парусъ, пышно вздута,
Величава и чиста;
Шея, загнутая круто,
Гордо къ небу поднята; —
И проникнутъ упоеньемъ,
Онъ въ державной красотѣ,
Надъ своимъ изображеньемъ,
Опрокинутымъ въ водѣ.

Что такъ гордо, лебедь бѣлый,
Ты гуляешь по струямъ?
Иль свершилъ ты подвигъ смѣлый?
Иль принесъ ты пользу намъ?

«Нѣтъ, — я праздно, говоритъ онъ,
Нѣжусь въ водномъ хрусталѣ;
Но не даромъ я упитанъ
Духомъ гордымъ на землѣ.
Жизнь мою переплывая,
Я въ водахъ омытъ отъ зла,
И не давитъ грязь земная
Мнѣ свободнаго крыла.
Отряхнусь — и сухъ я стану;
Встрепенусь — и серебристъ;
Запылюсь — я въ волны пряну,
Окунусь — и снова чистъ.

На брегу пустынно-дикомъ
Человѣка я встрѣчалъ
Иль нестройнымъ, гнѣвнымъ крикомъ,
Иль таился и молчалъ, —
И какъ голосъ мой чудесенъ,
Не узнаетъ онъ вовѣкъ:
Лебединыхъ, сладкихъ пѣсенъ
Недостоинъ человѣкъ.
Но съ наитьемъ смертной муки,
Я, прильнувъ къ моимъ водамъ,
Сокровенной пѣсни звуки
Прямо небу передамъ!
Онъ, чей тронъ звѣздами вышитъ,
Онъ, кого вся твердь поетъ,
Онъ — одинъ ее услышитъ,
Онъ — одинъ ее пойметъ!

Завѣщаю въ память свѣту
Я не злато, не сребро,
Но изъ крылій дамъ поэту
Чудотворное перо; —
И пѣвучій мой наслѣдникъ
Да почтитъ меня хвалой,
И да будетъ онъ посредникъ
Между небомъ и землей!
Воспылаетъ онъ — могучій
Бичъ порока, другъ добра —
И надъ міромъ, какъ изъ тучи
Брызнутъ молніи созвучій
Съ вдохновеннаго пера!

Съ груди мертвенно-остылой,
Гдѣ виталъ летучій духъ,
Въ изголовье дѣвѣ милой
Я оставлю мягкій пухъ, —
И ему лишь, въ ночь нѣмую,
Изъ-подъ внутренней грозы,
Дѣва ввѣритъ роковую
Тайну пламенной слезы,
Косъ, распущенныхъ змѣями,
Изголовье перевьетъ,
И прильнетъ къ нему устами,
Грудью жаркою прильнетъ, —
И согрѣтъ ея дыханьемъ,
Этотъ пухъ начнетъ дышать,
И упругимъ колыханьемъ
Бурнымъ персямъ отвѣчать.

Я исчезну, — и средь влаги,
Гдѣ скользилъ я, полнъ отваги,
Не увидитъ міръ слѣда;
А на мѣстѣ, гдѣ плескаться
Такъ любилъ я иногда,
Будетъ тихо отражаться
Неба мирная звѣзда.

КОСА.

—

Я видѣлъ: бережно, за рамой, подъ стекломъ,
Хранились древности остатки дорогіе —
Вѣнцы блестящіе, запястья золотыя
И вазы чудныя уставлены кругомъ,
И все, что отдали курганы и гробницы —
Амфоры пирныя и скорбныя слезницы, —
И все была свѣжа ихъ рѣдкая краса;
Но средь вѣнцовъ и чашъ, въ роскошномъ ихъ собраньѣ,
Влекла къ себѣ мое несытое вниманье
Отъ женской головы отъятая коса,
Достойная любви, восторговъ и стенаній,
Густая, черная, сплетенная въ три грани,
Изъ страшной тьмы могилъ исшедшая на свѣтъ
И неизмятая подъ тысячами лѣтъ,
Межъ тѣмъ, какъ столько косъ съ ихъ царственной
красою
Изсѣклось времени нещадною косою.
Нетлѣнный блескъ вѣнцовъ меня не изумлялъ;
Не дивно было мнѣ, что эти діадимы
Прошли ряды вѣковъ, все въ цѣлости хранимы:
Въ нихъ рдѣло золото – прельстительный металлъ!
Онъ время соблазнитъ, и вѣчность онъ подкупитъ —
И та ему удѣлъ нетлѣнія уступитъ.
Но это прядь волосъ... Уже-ли и она

Всевластной прелестью надъ временемъ сильна?
И вѣчность жадная на этотъ даръ прекрасной
Глядѣла изъ дали съ улыбкой сладострастной?
Гдѣ-жь свѣтлые глаза той дивной головы,
Съ которой волосы остались намъ?... Увы!
Глаза... они весь міръ, быть можетъ, обольщали,
Диктаторовъ, царей и консуловъ смущали,
Огни кровавыхъ войнъ вздувая и туша, —
Глаза, гдѣ было все: свѣтъ, жизнь, любовь, душа,
Гдѣ ликъ небесъ сверкалъ, безсмертье пировало —
О, дайте мнѣ узрѣть хоть ихъ волшебный слѣдъ!
И тихо выказалъ осклабленный скелетъ
На желтомъ черепѣ два страшные провала.

РАЗОБЛАЧЕНІЕ.

—

Когда, въ пылу воображенья,
Мечтой взволнованный поэтъ,
Дрожа въ припадкѣ вдохновенья,
Творитъ красавицы портретъ —
Ему до облачнаго свода
Открытъ орлиный произволъ;
Его палитра — вся природа,
Кисть — гармоническій глаголъ;
Душа кипитъ; созданье зрѣетъ, —
И силой дивной зажжено,
Подъ краской чувства пламенѣетъ
Широкой думы полотно.

При громѣ риѳмы искрометной,
Пріимецъ выспренныхъ даровъ,
Порою съ прелести завѣтной
Срываетъ трепетный покровъ,
Діаны перси обнажая
Иль станъ богини красоты, —
И эти смѣлыя черты
Блистаютъ, небо отражая; —
А чернь во храмѣ естества —
На этотъ свѣтъ, на эти тѣни
Глядитъ, и тѣло божества

Мараетъ грязью помышленій...
Пускай!... Такъ солнца свѣтлый шаръ
Въ часы торжественнаго взлёта.
Нечистый извлекаетъ паръ
Изъ зыби смраднаго болота, —
Но то же солнце, облаковъ
Раздвинувъ пологъ, въ мигъ возстанья
Подъемлетъ паръ благоуханья
Изъ чаши дѣвственныхъ цвѣтовъ.

ПОРЫВЪ.

—

Нѣтъ, милые друзья, — предъ этой дѣвой стройной
Смущаемъ не былъ я мечтою безпокойной,
Когда-то въ очи ей застѣнчиво взиралъ,
То дерзостный мой взоръ на грудь ея склонялъ,
Любуясь красотой сей выси благодатной,
Прозрачной, трепетной, двухолмной, двураскатной.
Роскошный этотъ видъ и гордость на челѣ
Являли мнѣ тогда богиню на землѣ.
Я васъ не понималъ: мнѣ чуждъ былъ и несроденъ
Вашъ чувственный восторгъ. Отъ думъ земныхъ свободенъ,
Я чувство новое въ груди своей питалъ:
Поклонникъ чистыхъ музъ — желаньемъ не сгаралъ
Удава кольцами вкругъ милой обвиваться,
Когтями ястреба въ пухъ лебедя впиваться —
Нѣтъ! — Жрецъ изящнаго — я мыслилъ: въ этотъ мигъ
Къ чему мнѣ звуковъ даръ, гремучій мой языкъ?
О, если-бы теперь, симъ видомъ упоенный
Я былъ сынъ древности, ваятель вдохновенный!
Блеснулъ бы въ этотъ мигъ мнѣ Фидія вѣнецъ,
Лучъ яркій божества во грудь мою проникнулъ,
«Вотъ перси дивныя!» тогда-бы я воскликнулъ,
«Подайте мраморъ мнѣ! Подайте мнѣ рѣзецъ!»

И съ мраморной скалы я-бъ грубый черепъ скинулъ,
И перси изъ нея божественныя вынулъ
И жизнью облилъ ихъ. Казалось бы, онѣ,
Сокрывъ огонь страстей въ бездонной глубинѣ,
На мигъ оцѣпенѣвъ подъ искусомъ желанья,
Наполнились волной мятежнаго дыханья,
И бурный вздохъ въ себѣ стараясь удержать,
Готовы — закипѣть, хотятъ — затрепетать;
И все, что въ нихъ влекло бъ къ земному обольщенью,
Слегка полу-закрывъ кудрей волнистыхъ тѣнью,
Богини чистый ликъ я вывелъ бы свѣтло
И думу строгую ей бросилъ на чело,
Чтобъ смертный, подходя, вдругъ вспыхивалъ, какъ пламень,
И, дерзкій, мнилъ обнять богоподобный камень,
Но взоры возведя на свѣтоносный ликъ,
Мгновенно бъ головой преступною поникъ,
Молитву произнесъ въ ограду отъ волненій
И, блѣдный, преклонилъ дрожащія колѣни.

ИСХОДЪ.

—

И се: Онъ вывелъ свой народъ.
За нимъ Египетскіе кони,
Громъ колесницъ и шумъ погони;
Предъ нимъ лежитъ равнина водъ; —
И осуждая на разлуку
Волну съ волною, надъ челомъ
Великій вождь подъемлетъ руку
Съ ея властительнымъ жезломъ.

И море, вспѣнясь и отхлынувъ,
Сребромъ чешуйчатымъ звуча,
Какъ звѣрь, взметалось, пасть разинувъ,
Щетиня гриву и рыча,
И грудь волнистую натужа,
Ища кругомъ — отколь гроза? —
Вдругъ на невѣдомаго мужа
Вперило мутные глаза —

И видитъ: цѣпь съ народа сбросивъ,
Притекъ онъ, свѣтелъ, къ берегамъ,
Могущъ, блистающъ, какъ Іосифъ,
И Бога полнъ, какъ Авраамъ;
Ликъ осіянъ вѣнцомъ надежды,
И огнь великій данъ очамъ;

Не зыблетъ вѣтръ его одежды;
Струею тихой по плечамъ
Текутъ власы его льняные, —
А чудотворною рукой
Подъятъ надъ бездною морской
Жезлъ, обращавшійся во змія...
То Онъ! — И съ воплемъ грозный валъ,
Какъ рабъ, къ ногамъ его припалъ.

Тогда, небесной мощи полный,
Владычнымъ окомъ Онъ блеснулъ,
И моря трепетныя волны
Жезломъ разящимъ расхлеснулъ, —
И вся пучина содрогнулась,
И въ смертномъ ужасѣ она,
Привставъ съ дымящагося дна
И застонавъ, перевернулась...

И вѣтеръ юга, въ двѣ стѣны —
И съ той, и съ этой стороны
Валы ревущіе спирая,
Взметалъ ихъ страшною грядой,
И съ бурнымъ воемъ въ край изъ края,
Громаду моря раздирая,
Глубокой взрылъ ее браздой,
И волны, въ трепетѣ испуга,
Стеня и подавляя стонъ,
Взираютъ дико съ двухъ сторонъ,
Отодвигаясь другъ отъ друга, —
И средь разрытой бездны водъ

Во слѣдъ вождю грядетъ народъ;
Грядетъ — и тихнетъ волнъ тревога,
И воды укрощаютъ бой,
Впервые видя предъ собой
Того, который видѣлъ Бога...

Погоня вслѣдъ, но туча мглы
Легла на вражескія силы:
Отверзлись влажныя могилы;
Пучина сдвинулась; валы,
Не видя царственной угрозы,
Могущей вспять ихъ обратить,
Опять спѣшатъ совокупить
Свои бушущія слёзы,
И съ новымъ ревомъ торжества
Вступя въ стихійныя права,
Опять, какъ узнанные братья,
Другъ къ другу ринулись въ объятья,
И жадно сдвинувъ съ грудью грудь,
Пріяли свой обычный путь.

И прешедъ чрезъ хлябь морскую,
И погибель зря враговъ,
Пѣснь возноситъ таковую
Сонъ Израильскихъ сыновъ!

«Воспоемъ ко Господу:
Славно-бо прославися!
Ввергъ онъ въ море бурное
И коня и всадника.
Бысть мнѣ во спасеніе

Богъ мой — и избавися.
Воспоемъ къ Предвѣчному:
Славно-бо прославися!

«Кто тебѣ равнымъ, Боже, поставленъ?
Хощешь — и бурей дхнутъ небеса,
Море изсохнетъ: буди прославленъ!
Дивенъ во славѣ творяй чудеса!

«Онъ изрекъ — и смерть готова.
Кто на споръ съ Нимъ стать возмогъ?
Онъ могущъ; Онъ — брани Богъ;
Имя Вѣчному — Егова.
Онъ карающъ, святъ и благъ;
Жнетъ враговъ Его десница:
Въ безднѣ моря гибнетъ врагъ,
Тонутъ конь и колесница;
Онъ восхощетъ и средь водъ
Невредимъ Его народъ.

«Громъ въ Его длани; ликъ Его ясенъ;
Солнце и звѣзды — Его словеса;
Кротокъ и грозенъ, благъ и ужасенъ:
Дивенъ во славѣ творяй чудеса!»

И въ веселіи великомъ
Предъ женами Маріамъ,
Оглашая воздухъ кликомъ,
Ударяетъ по струнамъ,

Въ славу Божьяго закона,
Вѣщимъ разумомъ хитра —
Мужа правды — Аарона
Вдохновенная сестра.
Хоръ гремитъ; звенятъ напѣвы:
«Богъ Израиля великъ!»
Вторятъ жены, вторятъ дѣвы,
Вторятъ сердце и языкъ:
«Онъ великъ!»

А исполненный святыни,
Внемля звукамъ пѣсни сей,
Въ предлежащія пустыни
Тихо смотритъ Моисей.

Heinrich Speyer

ГАЙДЕЛЬБЕРГЪ.

Библиотека Гимназіи

ГЕЙДЕЛЬБЕРГЪ.

Ѳ. В. Булгарину, отвѣтъ на Tutti frutti.

ГЕЙДЕЛЬБЕРГЪ.

(Ѳ. В. Булгарину, отвѣтъ на Tutti Frutti.)

—

Ты часто, и не безъ причины, жаловался на лѣность и неисправность мою въ перепискѣ съ тобою: случилось, что я оставлялъ тебя безъ извѣстій о себѣ по нѣскольку недѣль, и только безостановочное появленіе Сѣверной Пчелы извѣщало тебя въ Дерптѣ, что я еще читаю корректуры въ С. Петербургѣ, слѣдственно существую. Не рѣдко пенялъ ты мнѣ: столько – де пишешь, а ко мнѣ ни строчки. То-то и бѣда, что пишу много. Это скоро – и многописаніе надоѣдаетъ мнѣ иногда до того, что я завидую безграмотному дворнику, который радъ бы писать, да неумѣетъ, или даже полуграмотному литератору, который готовъ писать и къ дворнику, только бы его читали. Теперь могу согласовать двѣ обязанности: написать нѣчто для печати, и въ то же время отвѣчать на твое посланіе.

Мнѣ очень понятно твое предубѣжденіе въ пользу *бывшей* Франціи и *прежней* Германіи. Въ то время, когда ты видѣлъ сіи страны, тебѣ не было и двадцати

пяти лѣтъ отъ роду; съ товарищами своими, въ побѣдоносной арміи, ты вездѣ находилъ и пріютъ и продовольствіе, и забаву и наслажденіе. Можно ли вспоминать о такомъ времени безъ сердечнаго удовольствія? Но, говоря языкомъ нашихъ *толоконныхъ* философовъ, *субъективное* удовольствіе не должно увлекать насъ на счетъ *объективной* истины. Могу тебя увѣрить, что нынѣшняя Германія, по крайней мѣрѣ въ моихъ глазахъ, гораздо счастливѣе, спокойнѣе, просвѣщеннѣе, богаче, умнѣе тогдашней. Можетъ ли быть счастливою страна, терзаемая, разоряемая, а болѣе всего, оскорбляемая сильнымъ, непримиримымъ и неумолимымъ врагомъ! Неужели народная независимость, честь, достоинство отечественныхъ владыкъ не входятъ въ счетъ общаго благоденствія и довольства? — Въ то время Германія была достояніемъ Франціи, и управлялась ея префектами, которые носили различныя званія — королей, герцоговъ, князей и т. п. Вопреки условіямъ мирныхъ договоровъ, Французскія войска занимали важнѣйшія крѣпости и цѣлыя области, нарушали права государственныя и частныя, высасывали кровь гражданъ и поселянъ. Одинъ Прусскій министръ убѣждалъ Французскаго интенданта сжалиться надъ измученною постоями и поборами областью, не обременять ее новыми налогами. Интендантъ (знаменитый графъ Дарю, изящный переводчикъ Горація, либеральный авторъ исторіи Венеціи) отвѣчалъ ему простодушно: «Ахъ, сударь! вы не повѣрите, сколько земля вытерпѣть можетъ!» — Германіи было бы легче, если бъ она въ то время была дѣйствитель-

ною Французскою областью; но къ этимъ вещественнымъ истязаніямъ присоединялись нравственныя оскорбленія Нѣмецкаго народа во всемъ, что для него дорого и священно. Упоминать ли о той добродѣтельной, святой женѣ, которую Наполеонъ своими дерзкими обидами заставилъ рано слечь въ могилу? Однажды былъ онъ въ театрѣ въ Карлсруэ. Осьмидесятилѣтній Великій Герцогъ, сидя въ своей ложѣ, по обыкновенію своему, заложилъ руку за камзолъ. Адъютантъ Наполеона явился къ нему, и объявилъ, что непозволительно сидѣть такъ въ присутствіи Императора! — Нѣмцы, добродушные, терпѣливые, сносили эти бѣдствія безропотно, и только *безмолвною* молитвою къ Богу укрѣпляли себя въ страданіяхъ, которымъ не предвидѣли конца. Жестокость и повсемѣстность сихъ страданій доказывается силою и единодушіемъ общаго возстанія Германіи въ 1813 году. Произошло неслыханное и невообразимое. Раздѣленная въ теченіе тысячи лѣтъ, Нѣмецкая земля почувствовала вдругъ свою силу, части ея слились въ одно великое цѣлое; она всею громадою своею ринулась на общаго врага и притѣснителя. Освобожденіе ея отъ тяжкаго ига, возвращеніе правъ царямъ и народамъ были ей наградою.

Нынѣшняя Германія не утратила своихъ прежцихъ достоинствъ и добродѣтелей. То же благочестіе, основанное на сердечномъ убѣжденіи въ святости религіи, та же привязанность къ добрымъ государямъ, то же смиренное терпѣніе въ бѣдахъ и лишеніяхъ, то же трудолюбіе, та же честность, то же уваженіе къ правамъ. Recht, gerecht, rechtschaffen, rechtskräftig,

вотъ основанія Нѣмецкаго характера и быта. Женщины Нѣмецкія тѣ же чувствительныя, слишкомъ чувствительныя, нѣжныя, добрыя, какъ и бабушки ихъ, прежнія твои пріятельницы. Тишина, порядокъ, спокойствіе, опрятность, добродушіе господствуютъ здѣсь, какъ и всегда. Распространеніе промышлености и торговли, увеличеніе благосостоянія имѣли вліяніе только на форму здѣшней жизни, на одну наружность: основаніе, вещество остались прежнія.

Ты говоришь, что въ то время жилъ Гёте, представитель Германской Литературы, а теперь нѣтъ такого средоточія. Такъ; но Гёте былъ не произведеніемъ, не представителемъ того вѣка, а обломкомъ минувшаго. Теперь въ Германіи Тикъ, Рюкертъ, Уландъ, Ауерспергъ (Грюнъ), Ленау (Стреленау), Бехштейнъ, Фрейлигратъ, Зедлицъ, Густавъ Швабъ, Гуцковъ, графиня Ганъ-Ганъ. Къ нимъ можно присоединить недавно умершихъ: Бера (Михаила), Платена, Гауди и Иммермана. Не упоминаю о нѣкоторыхъ молодыхъ писателяхъ, которые еще не устоялись. Правда, что въ новѣйшее время нѣкоторые писатели и журналисты Германіи вздумали употреблять во зло данную имъ свободу. Гервегъ, Гофманнъ, фонъ-Фаллерслебенъ въ стихахъ, Бруно, Бауэръ и другіе въ прозѣ, дерзнули посягнуть на то, что дорого человѣку, гражданину, христіанину. Правительства приняли мѣры къ обузданію имъ неистовствъ: они лишились мѣстъ своихъ, были высланы за границу, и никто не жалѣлъ о нихъ, кромѣ единомышленниковъ. Сочиненія ихъ не имѣли ни какого вліянія на публику. Философія и поэтическія

бредни такъ же мало дѣйствуютъ на простыя сословія, какъ моды Парижскія на костюмъ національный. Выдумывайте, какіе угодно наряды и уборы: народъ Нѣмецкій будетъ ходить въ своихъ кафтанахъ и чепцахъ. Всѣ честные, благоразумные, истинно просвѣщенные и ученые Нѣмцы убѣждены, что никогда не наслаждались они такимъ вещественнымъ и нравственнымъ благоденствіемъ, какъ нынѣ; они живутъ подъ владычествомъ государей добрыхъ и народолюбивыхъ; гдѣ и есть недостатки, неустройства, препятствія къ развитію промышлености и гражданственности, тамъ утѣшаются мыслію, что время и опытность все исправятъ и приведутъ въ порядокъ. Можно ли сравнивать нынѣшнее состояніе Германіи съ тѣмъ, что было за сто, за пятьдесятъ, за тридцать лѣтъ предъ симъ! Разверни Шлоссерову Исторію XVIII вѣка, и подумай, что было и что есть. Опыты вѣковъ, годы страданій показали Нѣмцамъ, гдѣ ихъ истинные друзья, и гдѣ враги.

Въ нынѣшній разъ привелось мнѣ прожить въ Германіи нѣсколько мѣсяцевъ, и я причисляю это время къ пріятнѣйшимъ и счастливѣйшимъ эпохамъ моей жизни. Въ письмахъ моихъ (Сѣв. Пч. 1844 г.) описывалъ я путешествіе мое съ семействомъ, отъ Петербурга до береговъ Рейна, и остановился въ томъ мѣстѣ, гдѣ описалъ пріѣздъ нашъ въ Гейдельбергъ.

На великолѣпной и благоустроенной станціи желѣзной дороги, вышли мы изъ кареты, и сдѣлавъ нѣсколько шаговъ очутились въ прекрасной аллеѣ, веду-

щей въ городъ. Берега Рейна у Мангейма плоски и невзрачны; но желѣзная дорога переноситъ васъ, какъ бы волшебствомъ, въ прелестную долину, вдоль Неккара, ограничиваемую высокими горами, такъ называемымъ Оденвальдомъ. Аллея тянулась у подошвы горы, покрытой виноградниками, рощицами, загородными домиками, бесѣдками. Съ другой стороны начался городъ, обыкновенный Нѣмецкій: домы не высокіе, простой архитектуры, но миловидные и опрятные. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, по сторонамъ аллеи, построены высокіе, свѣтлые домы, нанимаемые преимущественно Англичанами. Далѣе, по обѣимъ сторонамъ ея, простирается ботаническій садъ. Еще нѣсколько шаговъ, и вамъ представляется старинная готическая церковь среди кладбища. Скоро спустились мы въ городъ, и по главной его улицѣ, оживленной многолюдствомъ, мимо древняго собора, пришли въ гостиницу Принца Карла, первую въ городѣ. Тамъ дали намъ лонлакея, и при его помощи наняли мы, въ концѣ города, близъ Карловыхъ Воротъ (Carlsthor) просторную, свѣтлую, пріятную квартиру, за небольшую плату. Домъ, въ которомъ мы живемъ, построенъ у самой подошвы горы; садъ, наполненный розами, лиліями, расположенъ на ея уступахъ. Жилище тишины, уединенія, науки. Со стороны улицы шумитъ быстрый Неккаръ, протекающій по камнямъ, и здѣсь еще запруженный, для приведенія въ движеніе колесъ какой-то фабрики.

Жизнь моя въ Гейдельбергѣ протекла очень пріятно, но въ то же время и очень единообразно. Здѣсь не бы-

ло тѣхъ треволненій, тѣхъ потрясеній, тѣхъ сюрпризовъ, которые ежедневно испещряли пребываніе мое въ Парижѣ, и наполняли мои Парижскія письма. По сей причинѣ, и описаніе Гейдельберга не можетъ, наружною формою своею, походить на описаніе Парижа. Стану описывать все по порядку, съ толкомъ, чувствомъ, разстановкой, прилично тихой Германіи, гдѣ Жанъ-Поль-Рихтеръ, для произведенія своихъ фантастическихъ вымысловъ, упивался Баварскимъ пивомъ.

Не знаю, бывалъ ли ты въ Великомъ Герцогствѣ Баденскомъ. Это рай земной, во всѣхъ отношеніяхъ: здѣсь человѣкъ наслаждается въ преизбыткѣ всѣми дарами природы, всѣми благами, какими можетъ только осыпать его просвѣщенная гражданственность. Баденское Великое Герцогство, простирающееся по правому берегу Рейна, отъ границъ Швейцаріи до предѣловъ Гессенскихъ, имѣетъ на пространствѣ 280 кв. миль, 1.880,000 жителей, большею частью католиковъ. Главное ядро его составляютъ земли Маркграфства Баденскаго, основаннаго въ XI вѣкѣ однимъ изъ древнѣйшихъ княжескихъ домовъ Германіи. Въ XIX вѣкѣ владѣнія сіи увеличились присоединеніемъ къ нимъ разныхъ смежныхъ областей, въ томъ числѣ и Рейнскаго Пфальца, или Палатината, принадлежавшаго до 1777 года особымъ курфирстамъ, а до 1803 владѣтелямъ Баварскимъ, соединившимъ Курфиршество Баварское съ Пфальцскимъ. Присоединеніемъ сихъ странъ къ Герцогству Баденскому началась въ нихъ новая счастливая эпоха. Возникли благоустройство, порядокъ и

правосудіе. Благосостояніе, промышленость, торговля, просвѣщеніе распространились и укрѣпились. Правда, что неоднократныя войны изнуряли сію страну, но послѣ каждой изъ нихъ владѣнія Баденскія распространялись, и нанесенныя имъ раны вскорѣ были исцѣляемы.

Городъ Гейдельбергъ есть средоточіе и прекраснѣйшее мѣсто Рейнскаго Пфальца. Въ глубокой древности была здѣсь римская колонія: въ разныхъ мѣстахъ города и окрестностей находятъ слѣды ея, но лѣтописи упоминаютъ о Гейдельбергѣ не прежде конца XII вѣка. Съ 1156 до 1195 года жилъ въ замкѣ, на вершинѣ горы, Пфальцграфъ Конрадъ, единокровный братъ Фридриха Барбароссы. У подошвы горы основался городъ, подъ нынѣшнимъ названіемъ. Въ началѣ XIV положено основаніе великолѣпному замку, на полугорѣ. Въ концѣ этого вѣка городъ значительно увеличился; въ 1386 году основанъ въ немъ былъ университетъ. Въ XV вѣкѣ городъ и замокъ распространялись болѣе и болѣе. Университетъ обогатился библіотекою и учеными профессорами. Въ 1481 году, Пфальцграфъ Филиппъ Откровенный давалъ здѣсь знаменитый турниръ, на который съѣхалось до пятисотъ князей, графовъ и рыцарей. Въ XVI вѣкѣ водворилась въ немъ реформація. Въ 1518 году самъ Лютеръ торжественно защищалъ свое ученіе въ Гейдельбергѣ, въ залѣ Августинскаго Монастыря. Въ деревнѣ Нейенгеймѣ, близъ города, показываютъ понынѣ ветхій домикъ, въ которомъ жилъ великій реформаторъ. Курфирстъ Пфальцскій Фридрихъ V (1613), имѣвшій въ супружествѣ

Принцессу Елисавету, дочь Англійскаго Короля Іакова, значительно распространилъ и украсилъ зàмокъ и сады его: это зданіе славилось великолѣпіемъ и изяществомъ во всей Германіи. Вспыхнула Тридцатилѣтняя Война. Весь Пфальцъ и съ нимъ Гейдельбергъ испытали всѣ ужасы. Въ Сентябрѣ 1622 года Тилли взялъ Гейдельбергъ штурмомъ, и предалъ его грабежу. И церкви не избѣжали опустошеній. Герцогъ Баварскій взялъ богатую тамошнюю библіотеку, и отправилъ ее въ Римъ, въ подарокъ папѣ. По заключеніи Вестфальскаго Мира (1649), городъ отдохнулъ, но не надолго. Воспылала война съ Французами. Знаменитый Тюреннь, въ 1674 году, разорилъ всю здѣшнюю страну. Послѣдовавшія опустошенія были еще ужаснѣе: въ октябрѣ 1685 г. Французская армія вторглась въ Гейдельбергъ, и презрѣвъ всѣ обѣщанія и условія, разграбила городъ безпощадно. Болѣе всего пострадалъ великолѣпный зàмокъ. Въ городѣ ратуша, арсеналъ и другія зданія были сожжены, и каменный мостъ на Неккарѣ разрушенъ. Эти сцены ужаса и разрушенія повторились въ 1693 году, когда Французы заняли городъ подъ начальствомъ генерала Мелака. Немногіе домы уцѣлѣли. Опустошены были обѣ церкви; тѣла погребенныхъ въ нихъ государей исторгнуты изъ могилъ и разметаны. Жители погибали отъ меча вражескаго, въ пламени домовъ своихъ, или подъ разрушающимися церквами. Имя Мелака живетъ донынѣ въ памяти народной, и сдѣлалось въ тѣхъ странахъ обыкновенною кличкою собакъ. — По заключеніи Рисвикскаго Мира (1697) прекратились сіи ужасы. Курфирстъ Іоаннъ Вильгельмъ

всѣми силами старался возстановить городъ и замокъ. Гейдельбергъ началъ поправляться, но возникшія въ началѣ XVIII вѣка распри за Вѣру вновь нарушили его спокойствіе. Курфирстъ Карлъ Филиппъ требовалъ, чтобъ граждане уступили католикамъ всю главную церковь, которая дотолѣ была раздѣлена между католиками и протестантами, и когда онъ отнялъ ее насильно, они пожаловались на него Имперскому Сейму. Раздраженный Курфирстъ перенесъ (1720) столицу свою въ Мангеймъ. Тамъ оставалась она и при наслѣдникѣ его, Карлѣ Теодорѣ. Онъ хотѣлъ было переселиться въ Гейдельбергъ, но вдругъ (1764) замокъ сгорѣлъ отъ молніи, и съ тѣхъ поръ лежитъ въ развалинахъ. Гейдельбергъ пострадалъ довольно и отъ революціонныхъ войнъ. Въ городѣ и въ окрестностяхъ происходили сраженія. Надлежало содержать свои войска и непріятельскія, платить контрибуціи и проч. По заключеніи Люневильскаго Мира и въ слѣдствіе опредѣленій Имперскаго Сейма, городъ поступилъ (въ 1802) въ обладаніе Бадена, и съ тѣхъ поръ наступили для него времена счастливыя и благопріятныя. При прежнемъ правленіи, не было въ этой землѣ ни порядка, ни правосудія; но подъ владычествомъ великихъ герцоговъ Баденскихъ водворилось общее благоустройство и владычество законовъ кроткихъ и справедливыхъ.

Городъ Гейдельбергъ тянется длинною полосою между лѣвымъ берегомъ Неккара и высокими горами (*).

(*) Въ Гейдельбергѣ считаютъ 1100 домовъ, и 13,000 жителей, Въ томъ числѣ пятьдесятъ католиковъ и триста Жидовъ. Остальные протестанты.

Главная улица (Hauptstrasse) идетъ отъ одного конца его до другаго, и пускаетъ отъ себя отрасли налѣво внизъ къ рѣкѣ, направо, вверхъ, на гору. Домы обыкновенные Нѣмецкіе, не широкіе, большею частію въ три этажа, не великолѣпные, но уютные и опрятные. Изъ древнихъ частныхъ домовъ уцѣлѣлъ одинъ, на Торговой Площади. Архитектура его вычурная, замысловатая. Весь домъ построенъ изъ красной плиты; украшенія вызолочены. Строителемъ его называютъ Французскаго выходца Беліе (Charles Belier, назвавшагося въ Германіи Karl von Widder). Принужденный распрями за вѣру бѣжать изъ отечества, онъ поселился въ Гейдельбергѣ, и въ 1592 году выстроилъ сей домъ въ стилѣ зданій Гейдельбергскаго Замка. На вершинѣ треугольника, которымъ вверху оканчивается фасадъ, стоитъ бюстъ рыцаря въ шлемѣ, по которому и домъ получилъ свое названіе Zum Ritter. Надъ третьимъ ярусомъ красуются бюсты четырехъ Французскихъ королей: Ѳеодорика, Хериберта, Хильдеберта и Хильперика. Между окнами втораго и третьяго ярусовъ, видны бюсты строителя, жены его, гербъ ихъ и число 1592. Среди бюстовъ и гербовъ начертано по-латыни: *Аще не Господь созиждетъ домъ, вотще трудишася зиждущіе*. (Пс. 126, 1). Ниже изображены гербы дѣтей строителя. Во время бѣдствій Тридцатилѣтней Войны исчезло это семейство, и домъ перешелъ въ чужія руки. Извѣстно, что онъ почти одинъ уцѣлѣлъ при пожарѣ Гейдельберга въ 1693 году, и являетъ собою образецъ стариннаго великолѣпія сего города. Есть преданіе, что въ немъ живалъ Гецъ-фонъ-Берли-

хингенъ, во время пребыванія своего въ Гейдельбергѣ. Потомъ происходили въ немъ засѣданія Городоваго Совѣта. Нынѣ помѣщается въ немъ гостиница.

Три главныя площади города происходятъ отъ расширенія Главной Улицы. Первая, Лудовикова (Ludwigs-Platz), окружена зданіями университета, музея, почтамта. Другая, Рыночная или Торговая, занята отчасти старинною церковью св. Духа. На ней находится зданіе ратуши, и передъ нимъ фонтанъ съ статуею Геркулеса, которую народное преданіе приписываетъ рѣзцу Микель-Анжела. На этой площади происходитъ нѣсколько разъ въ недѣлю торгъ съѣстными и другими припасами. Наконецъ Карлова Площадь (Carls-Platz), усаженная деревьями: съ одной ея стороны зданіе городской полиціи, съ другой домъ Великаго Герцога, въ которомъ живутъ нынѣ Принцы, сыновья его, обучающіеся въ университетѣ.

Изъ церквей Гейдельберга, достойны замѣчанія слѣдующія. Церковь св. Петра, самая древняя, построенная, по преданію, Карломъ Великимъ, старинное угрюмое зданіе съ башнею, которой остроконечная кровля сгорѣла въ 1737 году. Іеронимъ Пражскій, вѣрный спутникъ Іоанна Гуса, защищалъ въ ней (въ 1406) ученіе протестантовъ. Въ церкви и на окружающемъ ее кладбищѣ погребены многіе знаменитые люди, преимущественно ученые и профессоры университета. Между прочими покоится здѣсь геніяльный Поссельтъ (род. 1767), авторъ Исторіи Карла XII, издатель Европейскихъ Лѣтописей (Europäische Annalen), основатель существующей донынѣ Всеобщей Аугсбургской

Газеты. Онъ былъ соединенъ тѣсною дружбою съ Генераломъ Моро, и когда этотъ знаменитый полководецъ былъ арестованъ и преданъ суду, Поссельтъ, жившій тогда въ Карлсруэ, впалъ въ глубокую печаль. Жена, въ намѣреніи разсѣять его задумчивость, убѣдила его поѣздить по окрестностямъ. Онъ прибылъ въ Гейдельбергъ, остановился въ гостиницѣ, и на другой день (11-го Іюня 1804) въ припадкѣ меланхоліи, бросился изъ окна третьяго яруса, и убился до смерти. — У сѣверныхъ воротъ кладбища начертано на камнѣ имя необыкновенной женщины Олимпіи Фульвіи Морато. Вотъ что говорятъ о ней лѣтописцы: въ началѣ XVI вѣка жилъ въ Феррарѣ почтенный человѣкъ, профессоръ Фульвіо Перегрино Морато, одинъ изъ знаменитѣйшихъ въ Италіи ученыхъ того времени. Подобно многимъ своимъ соотечественникамъ, онъ склонился къ ученію реформы, и гонимый ревностными католиками, принужденъ былъ бѣжать изъ отечества. Въ послѣдствіи ему позволили воротиться. Дочь его, Олимпія Фульвія, родилась въ 1528 году. Замѣтивъ въ ней необыкновенныя дарованія, онъ приложилъ все стараніе о ея воспитаніи. На двѣнадцатомъ году отъ роду, она знала въ совершенствѣ языки Латинскій и Греческій. Потомъ занялась она изученіемъ краснорѣчія и другихъ наукъ, имѣющихъ связь съ литературою. Герцогиня Рената Эстская, дочь Короля Французскаго Лудовика XII, взяла ее въ собесѣдницы къ своей дочери, Принцессѣ Аннѣ. Обѣ онѣ ревностно занимались строгими науками, посѣщали всѣ лекціи, бесѣдовали съ учеными людьми, и Олим-

пія сама, на семнадцатомъ году, стала преподавать Философію. Всѣ тѣснились въ залахъ Герцогской Академіи, чтобъ послушать красавицу-профессора. Ее чтили какъ существо высшаго рода; ей покланялись какъ праведницѣ. Между тѣмъ, по внушенію Французскаго Короля Генриха II и еще болѣе по требованію Папы, стали преслѣдовать друзей реформаціи въ Феррарѣ. Олимпія принуждена была удалиться отъ двора. По смерти отца ея (1548), гоненія усилились: ее хотѣли предать инквизиціи. Молодой Нѣмецкій докторъ Андрей Грюндтлеръ, свѣдущій въ Философіи и въ Медицинѣ, спасъ ее: онъ вступилъ съ нею въ бракъ, и отправился въ Швейнфуртъ. И тамъ заслужила она общую любовь и уваженіе; но и тамъ изувѣрство ее преслѣдовало. Намѣстникъ епископа Вюрцбургскаго заключилъ ее въ темницу, и готовился предать казни; но она успѣла, благороднымъ и смѣлымъ письмомъ смягчить сердце грознаго монаха. Освободясь изъ заключенія, она отправилась съ мужемъ своимъ въ Гейдельбергъ. Его опредѣлили профессоромъ Медицины. Она пріобрѣла въ Гейдельбергѣ любовь всей публики и искреннее уваженіе учащихся. И здѣсь, какъ въ Феррарѣ, она всенародно преподавала науки, и здѣсь дѣйствовала на умы и сердца слушателей. Буйные, неукротимые студенты тѣхъ временъ слѣпо ей повиновались. Но страданія, претерпѣнныя ею, разстроили ея здоровье. Она зачахла, и 7-го ноября 1555 г., по словамъ лѣтописца: «Улетѣла прекраснѣйшая душа, скончалась несравненная женщина, единственная въ исторіи своего пола. Жизнь немногихъ людей произ-

водила такое умиленіе, такое искреннее къ нимъ уваженіе. Всѣ чувствованія и помыслы ея, всѣ рѣчи и дѣла сливались въ сладостную гармонію благочестія и любви. Мужъ и братъ, пораженные сею потерею, вскорѣ за нею послѣдовали: они погребены подлѣ нея.» — Вообще умныя и чувствительныя женщины, во всѣ времена, любили жить въ Гейдельбергѣ: здѣсь погребены еще двѣ извѣстныя Нѣмецкія писательницы: Каролина Рудольфи и Софія Брентано.

Церковь Святаго Духа, построенная на Торговой Площади, обширное готическое зданіе, основанное въ 1398 году. До 1545, принадлежала она католикамъ, потомъ перешла къ протестантамъ; въ послѣдствіи переходила къ тѣмъ и другимъ. Въ 1705 раздѣлили ее на двѣ части, католическую и простестантскую. Выше упомянуто, что споръ о обладаніи ею кончился перенесеніемъ столицы изъ Гейдельберга въ Мангеймъ. Въ 1693 году опустошили ее Французы: загнали туда ограбленныхъ жителей, били, терзали, убивали ихъ, и наконецъ зажгли зданіе.

Самая красивая церковь въ Гейдельбергѣ есть католическая, построенная іезуитами. Въ ней покоится прахъ Курфирста Фридриха Побѣдоноснаго (ум. 1476), одного изъ добродѣтельнѣйшихъ владыкъ Германіи. Онъ побѣдилъ многихъ сильныхъ враговъ, упорствовалъ въ борьбѣ съ папою и съ императоромъ, но прекраснѣйшую побѣду одержалъ надъ самимъ собою. Старшій братъ его, Лудовикъ Кроткій, умершій къ цвѣтѣ лѣтъ, оставилъ годоваго сына, Филиппа. Враги вздумали расхитить наслѣдіе младенца. Фридрихъ По-

бѣдоносный твердою рукою взялъ кормило правленія, и, по желанію чиновъ и всего народа, принялъ титулъ курфирста. — «Извольте,» сказалъ онъ въ собраніи сейма: «буду вашимъ курфирстомъ,» и прибавилъ: «и твоимъ отцемъ, милое дитя!» Съ симъ словомъ онъ взялъ на руки племянника и нѣжно поцѣловалъ его. Фридрихъ поселился въ замкѣ предковъ своихъ, управлялъ ихъ владѣніемъ, отражалъ враговъ внѣшнихъ, смирялъ внутреннихъ, и дѣлалъ все это въ пользу своего племянника. Чтобъ отвратить всякую мысль о томъ, будто онъ можетъ желать отцовскаго наслѣдія для себя и для своихъ потомковъ, онъ отказался отъ вступленія въ бракъ съ царственными княжнами, а женился, на прекрасной Аугсбургской уроженкѣ, Кларѣ фонъ Деттенъ, которую онъ называлъ своею пѣвицею. Въ ея объятіяхъ нашелъ онъ отдохновеніе отъ трудовъ ратныхъ, награду за свое самоотверженіе, и истинное счастіе на земли. Для дѣтей, происшедшихъ отъ сего брака, купилъ онъ графство Лёвенштейнъ. Потомки ихъ носятъ фамилію Лёвенштейнъ-Вертгеймъ. Безкорыстіе и великодушіе Фридриха не такъ было бы удивительно въ человѣкѣ кроткомъ и миролюбивомъ; но онъ былъ охотникъ поспорить, подраться, и вмѣшивался во всѣ имперскія распри. Императоръ Фридрихъ III прозвалъ его за то *Злымъ Фрицемъ* (der böse Fritz).

Изъ старинныхъ зданій Гейдельберга достойно вниманія мрачное каменное строеніе съ башнями на берегу Неккара, бывшее крѣпостью во время Римлянъ.

Въ XVI вѣкѣ былъ здѣсь арсеналъ. Теперь помѣщаются тамъ конюшни.

Изъ построекъ новаго времени отличается каменный мостъ чрезъ Неккаръ, изъ самыхъ изящныхъ въ Германіи, длиною во сто саженъ, шириною въ четыре съ половиною. Странно, что многіе мосты въ Германіи не шире этого. Онъ построенъ въ 1786—88 годахъ. На мосту стоятъ двѣ статуи, строителя Курфирста Карла Теодора и Минервы. На этомъ мосту происходило, 16 октября 1799 г., кровопролитное сраженіе между Австрійцами и Французами. Австрійцы занимали Гейдельбергъ и его окрестности. Французы, подъ командою генерала Лорсе (Lorset) наступили по Горной Дорогѣ (Bergstrasse) со стороны Дармштадта. Австрійскій отрядъ, несравненно слабѣйшій, отступилъ сражаясь къ мосту. Двѣсти человѣкъ Венгерской пѣхоты, восемьдесятъ уланъ и отрядъ Тирольскихъ Стрѣлковъ стали на мосту, и защищали его съ удивительнымъ хладнокровіемъ и мужествомъ. Въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, Французы, въ превосходномъ числѣ, семь разъ ходили на штурмъ, но не могли ворваться въ городъ. Ворота городскія, стоящія на концѣ моста, были загромождены и оборонялись одною пушкою. Сраженіе продолжалось до ночи. Почти всѣ канониры были убиты или ранены: пѣхотинцы заняли ихъ мѣста. Кровопролитіе было жестокое. Французы рядами падали подъ картечью, другіе погибали въ рѣкѣ. У одного Французскаго барабанщика оторвало ядромъ лѣвую ногу: онъ прислонился къ парапету моста, и продолжалъ бить тревогу. Одинъ Австрійскій уланскій

офицеръ, видя, что перебиты всѣ барабанщики, соскочилъ съ лошади, снялъ барабанъ съ убитаго, надѣлъ на себя, и громкимъ боемъ вновь одушевилъ своихъ товарищей. По наступленіи ночи Французы отступили безъ успѣха. Австрійцы, обвязавъ соломою колеса лафетовъ, тихо удалились изъ города. На другой день заняли его Французы. На внѣшней сторонѣ мостовой башни и на статуяхъ видны еще многіе слѣды ядеръ и пуль.

Два предмета достойны особеннаго вниманія въ Гейдельбергѣ: университетъ его, и развалины замка на горѣ, съ другими прекрасными мѣстами вблизи города и въ окрестностяхъ.

Гейдельбергскій Университетъ основанъ въ 1386 г. (только Пражскій и Вѣнскій старше его) Пфальцграфомъ Рупертомъ I, съ согласія Папы Урбана VI, по образцу славнѣйшаго тогда университета Парижскаго, и раздѣленъ былъ на четыре факультета. Студенты раздѣлялись на разные коллегіумы, вели въ нихъ монашескую жизнь подъ надзоромъ своихъ учителей. Имъ запрещено было играть въ кости, ходить въ фехтовальныя залы, влѣзать въ сады гражданъ, и т. п. Въ первый годъ число студентовъ возрасло до пятисотъ двадцати пяти. Число каѳедръ, по мѣрѣ надобности, было умножаемо. Типографія была заведена вскорѣ по изобрѣтеніи книгопечатанія. Маркграфъ Отто Генрихъ Великодушный основалъ знаменитую библіотеку и низшія училища, для приготовленія студентовъ къ вступленію въ университетъ. Знаменитѣйшіе ученые того времени были въ немъ профессорами. Въ

числѣ студентовъ находились люди, прославившіеся въ послѣдствіи, между прочими знаменитый поэтъ Опицъ. Тридцатилѣтняя Война нанесла университету чувствительные удары. По взятіи города свирѣпымъ Тилли, разбѣжались и жители и учащіеся. Протестантскіе профессоры были изгнаны, и замѣнены католиками. По возстановленіи спокойствія Вестфальскимъ Миромъ (1649) Пфальцграфъ Карлъ Лудовикъ, государь умный и просвѣщенный, воспитанный при дворѣ принца Оранскаго, торжественно возстановилъ университетъ Гейдельбергскій и старался возвратить ему прежній блескъ и славу. При немъ были въ семъ университетѣ знаменитѣйшіе ученые своего времени, напримѣръ, первый профессоръ Естественнаго и Народнаго Права Самуилъ Пуффендорфъ, богословы Готтингеръ и Фабриціусъ, историкъ Шпангеймъ и др. Карлъ Лудовикъ предлагалъ и Спинозѣ мѣсто профессора Философіи, но Гегель XVII вѣка но согласился.— Войны въ концѣ XVII столѣтія опять было разстроили состояніе и дѣйствія университета, но бѣдствія сіи вскорѣ были заглажены попеченіемъ добрыхъ государей. Самыя чувствительныя потери причинила Гейдельбергскому Университету война революціонная, свирѣпствовавшая нѣсколько лѣтъ (1793-1801) въ полуденной Германіи. Раздробленіе Пфальца и потеря областей на лѣвомъ берегу Рейна лишили его важныхъ доходовъ и пособій. Остальныя его имущества обременены были неоплатными долгами. При кончинѣ Курфирста Карла Теодора (1799), Гейдельбергъ былъ въ самомъ плачевномъ положеніи. Прежній

обладатель Пфальца, Максимиліанъ Іосифъ, не имѣлъ времени сдѣлать для него что-либо существенное: профессоры нѣсколько лѣтъ не получали жалованья; благодѣтельный государь отдалъ въ ихъ пользу частное свое имѣніе въ Оггерсгеймѣ. Новый періодъ начался для Гейдельберга съ поступленіемъ его подъ владычество Августѣйшаго Дома Баденскаго (1803). Карлъ Фридрихъ (дѣдъ Императрицы Елисаветы Алексѣевны), прозванный Мудрымъ, и живущій въ благодарной памяти народа, возстановилъ, или, лучше сказать, вновь создалъ университетъ Гейдельбергскій, давъ ему средства къ существованію, снабдивъ его полезными законами, и призвавъ извѣстныхъ и знаменитыхъ ученыхъ на профессорскія мѣста. Университетъ возвысился въ короткое время и сталъ на чредѣ первыхъ ученыхъ и учебныхъ заведеній Германіи и Европы. Послѣдовавшіе Великіе Герцоги Карлъ (ум. 1818) и Лудовикъ (ум. 1830) съ усердіемъ продолжали начатое. Нынѣ владѣющій Великій Герцогъ Леопольдъ, бывшій самъ, съ 1809 до 1811, Гейдельбергскимъ студентомъ, обращаетъ на его успѣхи и труды все свое вниманіе. Онъ самъ носитъ званіе ректора, а должность сію исправляетъ проректоръ, избираемый изъ профессоровъ. Дѣти его воспитываются также здѣсь. Нынѣшнимъ лѣтомъ происходило умилительное дѣйствіе принятія ихъ въ число учащихся. Весь городъ былъ изукрашенъ по праздничному; вездѣ развѣвались знамена съ цвѣтами Баденскими. Великій Герцогъ въѣхалъ съ двумя сыновьями своими въ открытой коляскѣ, и на радостныя привѣтствія народа

отвѣчалъ благосклонно и ласково. Въ большой академической залѣ собраны были всѣ профессоры. Великій Герцогъ ввелъ дѣтей въ залу, и съ выраженіемъ глубокаго отеческаго чувства передалъ новымъ наставникамъ будущую судьбу отечества. Старшій, Наслѣдный Принцъ, обучается преимущественно наукамъ историческимъ, политическимъ и юридическимъ. Младшій занимается Математикою и Науками Военными. Они живутъ въ небольшомъ домѣ, на Карловой Площади, тихо и скромно, иногда прогуливаются верхомъ по городу и по окрестностямъ; по субботамъ отправляются, по желѣзной дорогѣ, въ Карлсруэ, и вечеромъ въ воскресенье возвращаются къ своимъ занятіямъ. Первые полгода учились они дома; профессоры посѣщали ихъ въ назначенные часы. Потомъ стали они ходить на публичныя лекціи. Наставники радуются ихъ способностямъ и любви къ наукамъ.

Въ недавнее время грозили Гейдельбергскому Университету совершеннымъ разрушеніемъ. И кто? Велемудрые чины Великаго Герцогства! Они нашли, что для великаго герцогства тяжело содержать два университета, Гейдельбергскій и Фрейбургскій, и потому предложили оставить одинъ университетъ, Фрейбургскій, а Гейдельбергскій превратить въ техническую и ремесленную школу; изгнать благородныхъ юношей, ищущихъ просвѣщенія ума и сердца, и водворить на ихъ мѣсто мальчишекъ-ремесленниковъ; удалить знаменитыхъ ученостью и геніемъ профессоровъ, и жалованье, получаемое ими, обратить кузнецамъ, ткачамъ, портнымъ, сапожникамъ! Это предложеніе возбудило во всей Гер-

маніи смѣхъ жалости и досады. Общій голосъ заглушилъ требованія варваровъ, и святилище музъ осталось при правахъ своихъ. Этотъ случай можетъ дать мѣру и образчикъ ума, образованія и патріотисма земскихъ чиновъ Германіи!

Университетское зданіе, построенное на Лудовиковой Площади (въ концѣ XVII вѣка) заключаетъ въ себѣ большую залу для собраній, аудиторіи, комнаты засѣданій академическаго совѣта, канцеляріи и проч. Въ архивѣ хранятся два серебряные скипетра, уцѣлѣвшіе изъ четырехъ, пожалованныхъ при учрежденіи университета Пфальцграфомъ Рупертомъ. Скипетры сіи носятъ предъ проректоромъ, въ торжественныхъ случаяхъ. — Неподалеку отъ университета, въ особомъ отдѣльномъ зданіи помѣщается богатая его библіотека, состоящая изъ двухъ сотъ тысячъ печатныхъ книгъ и значительнаго числа рѣдкихъ рукописей. Въ ней очень много первопечатныхъ книгъ, между прочими первое изданіе Нѣмецкой Библіи. Это книгохранилище славилось уже своимъ богатствомъ въ началѣ XVII столѣтія, но въ 1623 году, по взятіи города католиками, Герцогъ Максимиліанъ Баварскій подарилъ 3522 рукописи и всѣ старопечатныя книги Папѣ Григорію XV. Ихъ отправили въ Римъ на полуторастѣ мулахъ, подъ предводительствомъ присланнаго за ними Ватиканскаго Библіотекаря Леона Аллація. Онѣ хранились въ Ватиканской Библіотекѣ въ тридцати шкапахъ, подъ именемъ Bibliotheca Palatina. Въ 1815 году, часть сего сокровища неожиданно возвращена Гейдельбергу. По взятіи Парижа, роздано было преж-

нимъ хозяевамъ добро ихъ, расхищенное Французами. Тридцать восемь рукописей, вывезенныхъ ими изъ Палатинской Библіотеки по взятіи Рима, отосланы были, по принадлежности, въ Гейдельбергъ. По предстательству Дворовъ Австрійскаго и Прускаго, благородный и правосудный Папа Пій VII возвратилъ Гейдельбергу всѣ старинныя Нѣмецкія рукописи и еще нѣсколько Латинскихъ, относящихся къ Исторіи Пфальца. Библіотека безпрестанно обогащается новыми пріобрѣтеніями, покупая вдругъ цѣлыя собранія книгъ по кончинѣ знаменитыхъ ученыхъ. — Она занимаетъ три яруса каменнаго, отдѣльнаго дома. Въ свѣтлыхъ комнатахъ расположены книги по предметамъ. Все просто, удобно, опрятно. Каталогъ библіотеки, по азбучному порядку, въ осьмидесяти томахъ, состоитъ изъ подвижныхъ ярлыковъ, перемѣщаемыхъ по мѣрѣ надобности, такъ, что при полученіи каждой новой книги, она поступаетъ на слѣдующее ей мѣсто, и тотчасъ можетъ быть отыскана. Всякій образованный человѣкъ можетъ пользоваться библіотекою. Для выдачи книгъ студентамъ, предписаны особыя правила.

Не стану распространяться о другихъ ученыхъ и учебныхъ пособіяхъ университета: перейду къ исчисленію и характеристикѣ его нынѣшнихъ членовъ. Библіотеки, музей, обсерваторіи, ботаническіе сады, и т. п., очень хорошія *вещи* въ университетѣ, но онѣ ничтожны и мертвы, когда живая наука ихъ не одушевляетъ, когда нѣтъ достойныхъ и опытныхъ руководителей для жаждущаго наукъ юношества въ этомъ

лабиринтѣ. Профессорами, преимущественно профессорами держатся и славятся университеты. Въ этомъ отношеніи должно отдать справедливость Прусскому Правительству: оно употребляетъ всѣ средства, чтобъ каѳедры его университетовъ заняты были людьми достойными. Нѣтъ возможности набрать великихъ геніевъ для занятія *всѣхъ* мѣстъ; по крайней мѣрѣ, въ каждомъ факультетѣ есть два, три человѣка изъ первоклассныхъ: они одушевляютъ и увлекаютъ за собою прочихъ; они внушаютъ уваженіе и любовь къ наукамъ въ учащихся, и увѣковѣчиваютъ славу и процвѣтаніе мѣста своего служенія. И въ Гейдельбергскомъ Университетѣ искони были профессорами люди отличныхъ талантовъ и познаній: мы выше назвали нѣкоторыхъ изъ нихъ. Изъ умершихъ въ послѣднее время преимущественно славились юристы Тибо (Thibault) и Цахаріе. Первый изъ нихъ составилъ себѣ прочную славу многими важными твореніями, въ особенности системою Пандектовъ и приложенія ихъ къ нынѣ существующему въ Германіи Праву. Послѣдній преподавалъ новыя Права, и между прочимъ систему Французскаго Гражданскаго Права съ такимъ успѣхомъ, что на его лекціи пріѣзжали изъ Франціи. Но нѣтъ великаго человѣка предъ своимъ каммердинеромъ! Въ Гейдельбергѣ онъ славенъ не столько своею ученостью и умными лекціями, какъ классическою своею скупостью, которая могла бы дать и Гоголю нѣсколько новыхъ матеріяловъ, въ портретѣ Плюшкина. Нѣмцы вообще люди не тороватые: вообразите же каковъ долженъ быть у нихъ скупецъ образцовый!

Познакомимся теперь съ нѣкоторыми изъ живыхъ свѣтилъ Гейдельберга.

Въ Богословскомъ Факультетѣ первое мѣсто занимаетъ осьмидесяти-трехлѣтній профессоръ Богословія *Паулусъ*, глава школы раціоналистовъ въ Германіи, бывшій встарину поборникомъ нововведеній Канта, и остановившійся на той точкѣ. Не стану вдаваться въ сужденія о его мнѣніяхъ, о его системѣ. Скажу только, что онъ, по справедливости, славится своимъ умомъ и познаніями. Его комментаріи на Новый Завѣтъ явили въ немъ основательнаго оріенталиста и эллениста, и въ то же время глубокомысленнаго критика. Издавая (въ 1819—29 гг.) журналъ Софронизонъ, Паулусъ подвергъ своему суду знаменитое уголовное дѣло Кёльнскаго купца Фонка, судившагося за смертоубійство, и способствовалъ къ оправданію приговореннаго присяжными къ смерти. За этотъ подвигъ, Юридическій Факультетъ Фрейбургскаго Университета поднесъ ему титулъ доктора Правъ. Въ глубокой старости Паулусъ свѣжъ умомъ и крѣпокъ тѣломъ, ежедневно нѣсколько часовъ бродитъ по гористымъ окрестностямъ Гейдельберга, веселъ и пріятенъ въ бесѣдѣ, читаетъ все новое, и не оставляетъ полемики. Въ нынѣшнемъ (1843) году издалъ онъ замѣчанія на одну лекцію Шеллинга, колкія, умныя, притомъ дѣльныя и основательныя. Великій философъ натуры не зналъ было, какъ отвѣчать запоздалому атлету XVIII вѣка, и наконецъ нашелся: подалъ въ судъ жалобу на Паулуса въ похищеніи его собственности: Шеллингъ своихъ твореній не печатаетъ, и Паулусъ, для основанія своихъ

замѣчаній, долженъ былъ напечатать его лекцію со студентской тетрадки. Судъ объявилъ, что Паулусъ не имѣетъ на то права, и запретилъ продажу книжки; но публика ученая приняла сторону критика, и общій голосъ осудилъ Шеллинга. — *Ульманъ*, знаменитый богословъ Протестантской Церкви, бывшій до 1836 г. профессоромъ въ Галлѣ, авторъ многихъ уважаемыхъ въ ученомъ свѣтѣ твореній по Исторіи Церковной, издатель богословскихъ журналовъ, извѣстенъ твердостью и ясностью своего ученія, проникнутаго теплою вѣрою, равно удаленнаго отъ холоднаго раціоналисма, какъ и отъ невѣжественной мистики. Товарищъ его, *Умбрейтъ*, извѣстенъ преимущественно трудами своими въ переводѣ и толкованіи Ветхаго Завѣта. Оба они издаютъ богословскій журналъ. Вообще однако Богословскій Факультетъ въ Гейдельбергѣ, по числу студентовъ, уступаетъ прочимъ.

Медицинскій Факультетъ красуется свѣтилами первой величины. Отличное мѣсто въ числѣ ихъ занимаетъ славный хирургъ *Хеліусъ*. По смерти отца своего, бывшаго врачемъ въ Мангеймѣ, лишась матери во младенчествѣ, онъ очутился въ отроческихъ лѣтахъ круглымъ сиротою, безъ помощи, безъ совѣта, безъ состоянія. Но это одиночество, эта безнадежность, которыя сгубили бы человѣка слабаго духомъ, были для юнаго Хеліуса поощреніемъ къ труду неусыпному. На семнадцатомъ году отъ роду одна диссертація его была увѣнчана Медицинскимъ Факультетомъ; на осьмнадцатомъ, получилъ онъ степень доктора. Въ 1813 году былъ онъ врачемъ въ Ингольштадтскомъ военномъ ла-

заретѣ, заразился отъ военноплѣнныхъ Французовъ гнилою горячкою, и съ трудомъ былъ спасенъ. По окончаніи войны, вышелъ онъ въ отставку, и, для усовершенствованія своего, ѣздилъ въ Вѣну, въ Берлинъ, въ Парижъ, и вездѣ старался узнавать новое и хорошее. Въ 1817 году поступилъ онъ профессоромъ Хирургіи въ Гейдельбергъ, и донынѣ со славою занимаетъ сіе мѣсто. Онъ образовалъ множество искусныхъ и извѣстныхъ хирурговъ, но между тѣмъ не оставлялъ и практики. Къ нему пріѣзжаютъ больные, особенно имѣющіе надобность въ глазныхъ операціяхъ, изъ всѣхъ странъ Европы, и рѣдкіе оставляютъ Гейдельбергъ безъ излеченія. Въ нынѣшнемъ году онъ сдѣлалъ счастливую операцію надъ графомъ Ю. А. Г., который на осьмидесятомъ году совершенно было лишился зрѣнія. Устройство желѣзныхъ дорогъ позволяетъ Хеліусу производить свою благодѣтельную практику въ обширномъ кругу. Рѣдкая недѣля проходитъ, чтобъ онъ не слеталъ въ Карлсруэ, во Франкфуртъ, въ Баденъ. Онъ пріятенъ и благороденъ наружностью, учтивъ и деликатенъ въ обращеніи — словомъ лейбъ-хирургъ въ совершенствѣ, притомъ человѣкъ благотворительный и безкорыстный. Обширная практика доставила ему хорошее состояніе: ему принадлежитъ самый огромный и изящный домъ въ Гейдельбергѣ; онъ, одинъ изъ профессоровъ, даетъ зимою балы и вечера. Сынъ его, — сынъ Тайнаго Совѣтника и разныхъ орденовъ кавалера, человѣка всѣми уважаемаго и чтимаго — конечно, служитъ офицеромъ въ Баденской Гвардіи? Нѣтъ! Онъ студентъ Медицины и Хирургіи,

учится прилежно и строго, подъ надзоромъ и руководствомъ отца, производитъ въ его глазахъ операціи, какъ молодой человѣкъ, не имѣющій ни какого состоянія. — *Фридрихъ Тидеманнъ*, сынъ знаменитаго философа Тидеманна, антагониста Кантова, занимаетъ въ Гейдельбергѣ каѳедру Анатоміи. Тидеманнъ считается въ числѣ первыхъ физіологовъ нынѣшняго времени, какъ по преподаванію, такъ и по сочиненіямъ своимъ; нѣкоторыя изъ нихъ получили первые призы Парижской Академіи. Особенно важны изслѣдованія его объ образованіи мозга въ зародышѣ человѣческомъ, о пищевареніи, и т. д. Онъ составилъ полную *Физіологію человѣка*, которой вышли нѣсколько частей. Тидеманнъ старичекъ бодрый, веселый и привѣтливый, съ удовольствіемъ вспоминаетъ о томъ, какъ онъ являлся, въ 1809 году, депутатомъ Ландсгустскаго Университета къ Наполеону, и откровенно жаловался ему на притѣсненія и обиды Французскихъ Генераловъ. Наполеонъ поморщился, но принялъ мѣры, чтобъ это зло было облегчено. — *Францъ Негеле*, профессоръ Родовспомогательнаго Искусства, дѣтскихъ и женскихъ болѣзней, занимаетъ первое мѣсто въ числѣ Германскихъ Профессоровъ и писателей по сей части. Сочиненія его отличаются самостоятельностью, собственными наблюденіями и опытами, между тѣмъ какъ почти всѣ прочіе писатели о сихъ предметахъ только копируютъ труды своихъ предшественниковъ. Но болѣе всего приноситъ ему чести благородство и откровенность его характера, благотворительность его, любовь къ ближнему и безкорыстіе. Я привязался къ нему всею душею,

и выѣзжая изъ Гейдельберга, оставилъ на его рукахъ все мое семейство, какъ на попеченіе давнишняго знакомца или близкаго родственника. И онъ вполнѣ оправдалъ мои желанія и надежды: былъ во все время моего отсутствія истиннымъ другомъ и руководителемъ всѣхъ оставленныхъ мною на его попеченіе. — Сынъ его, воспитанный и образованный отцемъ, идетъ съ честью по его слѣдамъ. — Изъ прочихъ преподавателей сего факультета оставили себѣ имя *Пухельтъ*, по Патологіи, *Гмелинъ*, по Фармаціи. — Достойно особеннаго замѣчанія, что члены здѣшняго Медицинскаго Факультета, самаго практическаго, т. е. денежнаго, живутъ между собою въ искренней дружбѣ, радуются успѣхамъ товарищей, помогаютъ другъ другу совѣтами и дѣломъ, и представляютъ ученикамъ своимъ самый благородный примѣръ уваженія къ чужимъ заслугамъ скромности и безкорыстія. Не то бываетъ въ нѣкоторыхъ другихъ Медицинскихъ Факультетахъ:

Лишь только брось имъ кость, такъ что твои собаки!

Юридическій Факультетъ издавна славится въ Гейдельбергѣ. Выше упомянулъ я о Тибо и Цахаріе, недавно умершихъ. Нынѣ первое мѣсто занимаетъ въ немъ знаменитый криминалистъ Миттермайеръ. Онъ прославился разными сочиненіями по Правовѣдѣнію, особенно по Германскому Праву и по уголовной части, и отличается необыкновеннымъ даромъ слова, ясностью, простотою и точностью въ изложеніи своего предмета. Съ 1831 года былъ онъ нѣсколько разъ избираемъ въ члены Баденской Палаты Депутатовъ, при-

надлежалъ въ ней къ партіи умѣренныхъ, и принималъ дѣятельное участіе въ преобразованіи уголовной части. Повѣрятъ ли, что въ нашъ просвѣщенный вѣкъ, въ образованной и ученой Германіи существовала пытка! По Баденскимъ законамъ позволено было слѣдователю по уголовному дѣлу побуждать допрашиваемаго къ признанію – палочными ударами. Этотъ варварскій законъ отмѣненъ, по настоянію Миттермайера. Его выбрали было опять въ члены Палаты въ нынѣшнемъ (1843) году, но онъ отказался отъ этой чести. Профессоръ *Вангеровъ*, молодой еще человѣкъ, преподающій Исторію и основанія Римскаго Права, ученый, умный и краснорѣчивый, пользуется особенною любовію и уваженіемъ учащихся. – Профессоры *Цёпфль* и *Моршпадтъ* (братъ славной актрисы Гайцингеръ), преподающіе Германское Право, имѣютъ также многихъ прилежныхъ слушателей.

Въ Философскомъ Факультетѣ первое мѣсто занимаетъ великій писатель Фридрихъ *Крейцеръ*, членъ Французскаго Института и почти всѣхъ ученыхъ обществъ въ свѣтѣ, прославившійся глубокою ученостью и критическимъ умомъ. Едва ли есть человѣкъ въ Европѣ, который могъ бы состязаться въ основательномъ познаніи классиковъ съ Крейцеромъ и Германомъ. Главныя права на общую извѣстность и славу пріобрѣлъ онъ безсмертнымъ своимъ трудомъ: Symbolik und Mythologie der alten Völker, besonders der Griechen, т. е. *Символика и Миѳологія древнихъ народовъ, особенно Грековъ* (4 тома, 1810—12, вт. изд., шесть томовъ, 1820 – 23). Онъ доказываетъ въ этой книгѣ,

что въ Греціи существовала, въ глубочайшей древности, поэзія, въ основаніяхъ своихъ заимствованная съ Востока. Гомеръ и Гезіодъ отнюдь не были творцами особой религіи или миѳологіи; имъ предшествовалъ цѣлый міръ поэзіи, философіи и миѳологіи. Къ этой первоначальной поэзіи должно относить всѣ символы, все чудесное, все аллегорическое въ религіи Грековъ. Происходя съ Востока, она принимала различныя формы въ разныхъ вѣкахъ, но никогда не теряла своего первоначальнаго характера: она сохранилась въ богослуженіи, въ мистеріяхъ Грековъ; въ послѣдствіи была предметомъ изслѣдованія историковъ и философовъ, но до насъ дошла въ отрывкахъ и обломкахъ, изъ которыхъ едвали мы можемъ возсоздать нѣчто цѣлое. По мнѣнію г. Крейцера, Пелазги первые перенесли въ Грецію эту мудрость, а Пелазги были племя жрецовъ, или, по крайней мѣрѣ племя, въ которомъ жрецы первенствовали; но эти религіозныя установленія не могли укорениться на Греческой почвѣ, и Эллины изгнали Пелазговъ. По истребленіи древнихъ племенъ, духъ Эллинскій болѣе и болѣе удалялся отъ восточнаго начала, изъ которыхъ заимствовалъ свою религію и поэзію: онъ сдѣлался откровеннѣе, свѣтлѣе, но и пустѣе. Между тѣмъ составились общества, касты жрецовъ, въ которыхъ древняя поэзія сохранялась въ видѣ мистерій. Г. Крейцеръ нашелъ въ Гомерѣ и въ Гезіодѣ достовѣрныя свидѣтельства, что древнія идеи и старинныя преданія не были уже понимаемы въ ихъ время, но что ни одинъ изъ нихъ не былъ совершенно чуждъ старинной миѳологіи. Эти мнѣнія возбудили об-

щее вниманіе ученыхъ въ Европѣ, но въ то же время породили и множество возраженій. Самымъ пылкимъ антагонистомъ Крейцера былъ его товарищъ, знаменитый поэтъ и переводчикъ Гомера, Іоаннъ Гейнрихъ Фоссъ, авторъ Анти-Символики, которой вторая часть вышла по смерти его (1826). Эта критика сгубила сама себя своею пылкостью, грубостью и неуваженіемъ къ почтенному и добросовѣстному противнику. Крейцеръ, во второмъ изданіи своей Символики, возражая рецензентамъ, объявилъ, что не отвѣчаетъ Фоссу, потому что не читалъ его. Вѣрю. — Крейцеръ высокаго роста, благообразный старичекъ, скроменъ, учтивъ въ обращеніи. Смотря на него въ музеѣ (вечернемъ собраніи, о которомъ скажу ниже), какъ тихо, кротко, смиренно онъ бесѣдуетъ, какъ спокойно толкуетъ о вещахъ обыкновенныхъ, едва ли повѣришь, что этотъ человѣкъ, глубокимъ изученіемъ классиковъ и рѣдкимъ соображеніемъ открылъ и представилъ свѣту истины и тайны, скрывавшіяся въ вѣкахъ. Въ апрѣлѣ (1844) минуло сорокъ лѣтъ служенію его въ Гейдельбергскомъ Университетѣ. День сей праздновали всѣ съ усердіемъ и восторгомъ. Почтенному старцу поднесли поздравительные стихи, книги, посвященныя его имени, адресы и посланія многихъ ученыхъ обществъ, и дали великолѣпный обѣдъ, за которымъ произнесены были многія рѣчи. Юбиляръ отвѣчалъ съ юношескимъ жаромъ. Извѣстный поэтъ Нѣмецкій, Густавъ Швабъ, именно для того пріѣзжавшій въ Гейдельбергъ, прочиталъ прекрасные стихи, сочиненные имъ по сему случаю.

Другое свѣтило здѣшняго Философскаго Факультета есть историкъ *Шлоссеръ*, прославившійся глубокою ученостью своею, безпримѣрною начитанностью, правотою, строгостью и независимостью своихъ сужденій. Важнѣйшія его сочиненія суть: *Исторія иконоборцевъ; Всемірная Исторія въ связномъ разсказѣ; Обозрѣніе древняго міра и его образованія*, и наконецъ *Исторія XVIII столѣтія*. Послѣднее сочиненіе обратило на себя вниманіе всего ученаго и просвѣщеннаго міра безпристрастіемъ, правдивостью и строгостью своего изложенія. Шлоссеръ не довольствовался повтореніемъ сказаннаго другими: онъ домогался истины въ первоначальныхъ источникахъ. Онъ не списывалъ копій съ портретовъ, а изображалъ всѣ лица съ натуры, какими они ему представлялись. Съ справедливымъ негодованіемъ выставляетъ онъ состояніе Европы въ началѣ и въ половинѣ XVIII вѣка — періодъ алонжевыхъ париковъ, Французскихъ кафтановъ, привилегированныхъ наложницъ, великолѣпныхъ торжествъ, владычество разврата, нѣги, подкуповъ и коварства, и останавливаетъ съ изумленіемъ взоръ свой на исполинскихъ размѣрахъ Петра I, Карла XII и Фридриха II. Исторія его есть, дѣйствительно, вѣрное зеркало изображаемыхъ имъ временъ. Уваженіе къ истинному величію, правосудію и добродѣтели водитъ перомъ его. Порокъ, развратъ, ложь, лесть находятъ въ немъ непримиримаго врага. Я познакомился съ нимъ при посредствѣ Профессора Хеліуса, и нашелъ, что правила, руководствующія имъ въ изслѣдованіи Исторіи, начертаны въ глубинѣ его души, и свято исполняются имъ

въ жизни. Онъ читалъ мнѣ изготовленную имъ для Гейдельбергскихъ Лѣтописей Литературы критику на Записки кавалера Ланга, человѣка двусмысленнаго, нескромнаго, безстыднаго: Шлоссеръ жестокимъ образомъ осудилъ книгу его по законамъ чести и нравственности. Глубокомысленный историкъ, краснорѣчивый писатель не славится изустнымъ преподаваніемъ: говоритъ на каѳедрѣ невнятно, часто сбивается въ рѣчахъ, и повторяетъ сказанное. Языкъ его не имѣетъ времени высказать того, что раждается въ его умѣ во время самой лекціи.

По наукамъ политическимъ и финансовымъ, здѣшній университетъ имѣетъ отличнаго наставника: это профессоръ *Рау*, переводчикъ Шторкова *Курса Политической Экономіи*, и авторъ многихъ уважаемыхъ твореній по сей части. Онъ былъ членомъ Палаты Баденскихъ Чиновъ, и многимъ содѣйствовалъ къ поступленію Великаго Герцогства въ Таможенный Союзъ.

Науки Естественныя имѣютъ представителемъ въ Гейдельбергѣ Профессора *фонъ Леонгарда*, одного изъ знаменитѣйшихъ минералоговъ Европы, автора многихъ книгъ по сей части, ученыхъ и популярныхъ. Леонгардъ былъ другомъ Гёте, и велъ съ нимъ, въ теченіе двадцати пяти лѣтъ, безпрерывную переписку. Онъ человѣкъ свѣтскій, умный, веселый, любитель изящныхъ искусствъ, особенно драматическаго, и, какъ говорятъ его товарищи, самъ геніяльный актеръ.

По части филологіи славится здѣсь профессоръ *Беръ* (Bähr), ученикъ и послѣдователь Крейцера и Шлоссера, издатель Геродота и исправленныхъ и сличенныхъ

біографій Плутарха, съ учеными и глубокомысленными замѣчаніями, авторъ Исторіи Римской Литературы, переведенной на Французскій и на Англійскій языки, редакторъ Гейдельбергскихъ Лѣтописей Литературы, и директоръ библіотеки, обязанной ему нынѣшнимъ своимъ устройствомъ. Беръ, невысокаго роста, худощавый человѣкъ, скромный, тихій, даже застѣнчивый, никакъ не обѣщаетъ съ виду того, что онъ есть въ самомъ дѣлѣ.

Изъ оріенталистовъ отличается здѣсь молодой лекторъ (Privat-Docent) докторъ *Вейль*, учившійся восточнымъ языкамъ на самомъ Востокѣ, въ Египтѣ и Аравіи. Онъ издалъ недавно изложеніе жизни и ученія Магомета, по Корану и по рукописнымъ источникамъ, донынѣ неизвѣстнымъ. Книга эта, основательностью изложенія и новостью сообщаемыхъ въ ней свѣдѣній, обратила на автора вниманіе всего ученаго свѣта, и возбудила досаду извѣстнаго оріенталиста — шарлатана Гаммера, котораго Вейль не щадитъ въ своей книгѣ. Г. Вейль человѣкъ трудолюбивый и очень скромный. Онъ отправился нынѣшнею весною въ Парижъ, для отысканія въ Королевской Библіотекѣ новыхъ матеріяловъ и поясненій своимъ трудамъ. Парижское Азіятское Общество уже давно считаетъ его своимъ членомъ.

Можетъ быть, я надоѣлъ тебѣ этими подробностями, но такъ какъ наша переписка съ тобою не келейная, а гласная и публичная, то я смотрю и на *прочихъ* читателей моего отвѣта.

Я исчислилъ только важнѣйшихъ профессоровъ, пріобрѣтшихъ уже ученую славу въ Германіи: въ числѣ

молодыхъ наставниковъ есть нѣсколько достойныхъ, трудолюбивыхъ, благородныхъ жрецовъ науки, которые поддержатъ славу стариннаго ея святилища. Въ новыя времена Гейдельбергскій Университетъ подвергся подозрѣнію и нареканію въ излишней вольности мыслей политическихъ и религіозныхъ, въ немъ господствующей. Могу по совѣсти сказать, что это обвиненіе ни на чемъ не основано. Я прожилъ въ Гейдельбергѣ нѣсколько мѣсяцевъ, проводилъ все время, бесѣдовалъ, толковалъ, спорилъ съ профессорами, и не находилъ ни малѣйшаго повода къ обвиненію ихъ въ излишнемъ свободомысліи. Напротивъ, всѣ они твердо убѣждены въ святости и благодѣтельности монархическаго правленія и въ опасности нарушать существующій, вѣками утвержденный порядокъ дѣлъ. Покойный Великій Герцогъ Карлъ (ум. въ 1818 г.), тѣснимый Баваріею, желалъ возбудить въ своихъ подданныхъ привязанность къ владѣющему дому, и разслабленный долговременною болѣзнію, за нѣсколько времени до кончины своей далъ Бадену представительное правленіе, состоящее изъ двухъ палатъ. Въ память сего событія воздвигли обелискъ въ Карлсруэ; но горькій опытъ научилъ Баденцевъ, что оно не имѣло тѣхъ благодѣтельныхъ послѣдствій, которыхъ отъ него ожидали. Чины или Палаты Баденскія стѣснили и парализировали власть Герцога, и воспрепятствовали совершенію многихъ полезныхъ дѣлъ. Члены ихъ, жаждущіе печатной славы въ газетахъ и популярности у непросвѣщенной части народа, льстятъ мнѣніямъ либеральныхъ публицистовъ, и стараются увѣрить народъ,

что пекутся о его благосостояніи, не дозволяя вводить новыхъ податей. Очень естественно, что молодые люди, едва вышедшіе изъ школы, гдѣ имъ натвердили о блаженствѣ республикъ Аѳинской, Спартанской и Римской, склоняются пылкимъ воображеніемъ къ народному образу правленія; но невозможно, чтобъ человѣкъ зрѣлыхъ лѣтъ, образованный и опытный, предавался симъ мечтаніямъ искренно. Довольно приглядѣться къ дѣйствіямъ всѣхъ конгресовъ, палатъ, сеймовъ и т. п., чтобъ увидѣть все ихъ ничтожество, безполезность и даже вредъ. Этотъ вредъ едва ли смягчается вѣковымъ опытомъ и высшимъ политическимъ образованіемъ, какъ напримѣръ, въ Англіи. Не общее благо, не государственныя правила, а внушеніе временныхъ идей и болѣе всего голосъ собственной личной пользы руководствуютъ господами либералами. Одинъ изъ ревностнѣйшихъ крикуновъ Баденской Палаты былъ городничимъ въ Швецингенѣ: тамъ этотъ защитникъ человѣчества и правъ народныхъ оставилъ по себѣ незавидную славу: онъ былъ самый упрямый деспотъ, самый жестокосердый и гордый начальникъ, дѣйствовалъ не по законамъ, а по внушенію своихъ страстей и прихотей. Другой Баденскій либералъ, извѣстный писатель, жарко возставалъ противъ стѣснительной для народа десятины, платимой духовенству. Его славили, какъ защитника и ходатая бѣдныхъ, а на самомъ дѣлѣ онъ защищалъ только собственныя свои выгоды, желая освободить помѣстье свое, близъ Фрейбурга, отъ платежа этой десятины. Не имѣвъ успѣха въ своихъ разглагольствіяхъ, онъ всячески ста-

рался препятствовать сбору этой подати: супоросыхъ свиней отправлялъ въ городъ, чтобъ не давать сельскому попу десятаго поросенка, и вырубилъ въ саду своемъ всѣ плодовыя деревья, съ которыхъ, по закону, десятая часть слѣдовала въ церковную подать. Я назвалъ здѣсь лучшихъ, отличнѣйшихъ умомъ и просвѣщеніемъ либераловъ: разсудите, каковы должны быть прочіе. И послѣ этого, вовсе противно здравому смыслу, чтобъ благоразумные, ученые, истинно просвѣщенные профессоры Гейдельбергскаго Университета были приверженцами и хвалителями представительнаго правленія и *такъ называемыхъ* либеральныхъ идей. Здѣшніе профессоры Миттермайеръ и Рау, были, какъ я сказалъ выше, Членами Баденской Палаты, старались, по мѣрѣ возможности, по части законовѣдѣнія и политической экономіи принести отечеству пользу своими трудами, но вскорѣ отчаялись въ успѣхѣ, и удалились изъ палатъ. Въ Августѣ нынѣшняго года, праздновали во всемъ Баденскомъ Великомъ Герцогствѣ, слѣдственно и въ Гейдельбергѣ, двадцатилѣтіе хартіи, дарованной В. Г. Карломъ. На университетской площади построили открытый балаганъ и украсили его ельникомъ и цвѣтами. Въ день торжества значительнѣйшія особы и чиновники города, цехи, студенты и воспитанники другихъ учебныхъ заведеній, отправились церемоніяльнымъ шествіемъ въ соборъ, и, послѣ богослуженія, на площадь, гдѣ произнесены были рѣчи, а потомъ сѣли за обѣдъ, сопровождаемый тостами и пушечными вѣстрѣлами. Это наружная сторона празднества; но въ существѣ оно было гораздо

оригинальнѣе. Знаменитѣйшіе члены университета, особенно юристы, камералисты, историки, разъѣхались въ разныя стороны, и тѣмъ освободились отъ необходимости играть роль въ этой комедіи. Остальные обязаны были участвовать въ процессіи, но не произнесли ни слова. Ораторами были: часовой мастеръ Штифель, аптекарь Поссельтъ, и лавочникъ (Specerei-Händler) Рицгауптъ, люди, можетъ быть, очень почтенные въ области своихъ ремеслъ, но вовсе не имѣющіе права быть представителями народнаго мнѣнія. Забавно еще то, что въ балаганѣ расположили воспитанниковъ учебныхъ заведеній, по старшинству, младшихъ впереди, такъ что рѣчи знаменитыхъ ораторовъ относились къ осьмилѣтнимъ ребятишкамъ. Ученые и чиновники сидѣли въ особой трибунѣ, потупивъ взоры. — Гейдельберскіе профессоры издаютъ журналы по разнымъ частямъ знаній человѣческихъ, но отнюдь не участвуютъ въ тѣхъ повременныхъ изданіяхъ, которыми безпокойные люди мутятъ общественное мнѣніе.

Студенты здѣшніе отличаются благонравіемъ, учтивостью и хорошимъ тономъ. Между собою они и ссорятся и дерутся, и многіе изъ нихъ носятъ на лицѣ знаки своей храбрости — широкіе рубцы, но это дѣло у нихъ домашнее и до публики не касается. Для рѣшенія споровъ, они переправляются черезъ Неккаръ, и раздѣлываются тамъ, въ отдаленномъ трактирѣ. Въ городѣ не бываетъ ни дракъ, ни ссоръ между учащимися. Простые граждане, или филистеры, гораздо ихъ буйнѣе. Прошлаго года хоронили одного ремесленника, человѣка дурныхъ правилъ и непохвальнаго пове-

денія. Пасторъ, въ надгробной рѣчи, изъявилъ сожалѣніе, что покойникъ не всегда поступалъ по правиламъ христіанской нравственности, и извлекъ изъ того правила для оставшихся; но оставшіеся разгнѣвались за порицаніе привычекъ и дѣйствій, въ которыхъ они не отставали отъ умершаго своего собрата, и въ слѣдующую ночь выбили всѣ стекла въ квартирѣ пастора. Правительство принуждено было ввести въ городъ военную команду для усмиренія буйныхъ *мирныхъ* гражданъ. Виновныхъ посадили въ тюрьму. Ни одинъ студентъ въ этомъ дѣлѣ не участвовалъ.

Въ числѣ достопамятныхъ людей Гейдельберга, должно упомянуть о почтенномъ Грембергѣ (Graimberg); онъ родомъ Французъ, имѣетъ отъ роду около семидесяти лѣтъ, и уже лѣтъ сорокъ живетъ въ Гейдельбергѣ. Въ теченіе этого времени собралъ онъ драгоцѣнный кабинетъ картинъ и портретовъ, относящихся къ мѣстамъ и лицамъ того края, древностей, и старинныхъ диковинокъ Пфальца, и издалъ какъ описаніе достопамятностей Гейдельберга, такъ и виды города и его окрестностей. Всякому, кто хотя на короткое время посѣщаетъ Гейдельбергъ, совѣтую зайти къ г. Грембергу.

Жизнь въ Гейдельбергѣ такая же, какъ во всѣхъ Нѣмецкихъ небольшихъ и университетскихъ городахъ. Всѣ жители его, и профессоры, и студенты, и граждане, встаютъ рано: въ пять часовъ утра начинается уже ученая, торговая и ремесленная дѣятельность. Обѣдаютъ въ полдень и въ часъ. Послѣ обѣда опять принимаются за дѣла. Въ восемь часовъ вечера начинается

отдыхъ; по улицамъ расхаживаютъ молодые люди обоего пола, взявшись подъ руки: у каждаго молодаго человѣка есть свое такъ-называемое сокровище (Schatz), съ которымъ онъ прогуливается, танцуетъ и пируетъ. Пивные домы (Bierhäuser) наполняются любителями отечественнаго напитка (Гейдельбергское пиво пользуется большою славою въ Германіи) и табачнымъ дымомъ. Въ десятомъ часу все утихаетъ: всѣ расходятся по домамъ и ложатся спать. По воскресеньямъ съ утра наполнены народомъ всѣ церкви; послѣ обѣда большая часть жителей отправляется за городъ, въ трактиры пить пиво, курить табакъ и танцовать. Садъ на горѣ наполняется гуляющими.

Подлѣ университетскаго зданія выстроенъ (въ 1827 г.) музеумъ, большой трехъ-этажный домъ. Въ верхнемъ ярусѣ его находятся комнаты для чтенія: въ нихъ можно найти всѣ возможныя газеты Нѣмецкія, лучшія Французскія и Англійскія, также новѣйшія интересныя произведенія литературы. Въ среднемъ этажѣ, въ огромной залѣ, бываютъ торжественные обѣды, концерты и зимніе балы. Въ нижнемъ ярусѣ ресторація, биліардная, комнаты для карточной игры и для бесѣды. Здѣсь каждый вечеръ собираются образованные жители Гейдельберга, и проводятъ время — какъ кто хочетъ. Всего интереснѣе такъ называемая комната *чернаго стола.* Около осьми часовъ сходятся въ ней нѣкоторые профессоры и другія почетныя особы, и бесѣдуютъ за добрымъ пивомъ и трубкою табаку. Къ нимъ присоединяются иногда проѣзжіе и гости. Чины, университетскія степени, слава ученая — все уравнивается здѣсь

въ дружескомъ кругу. Всѣхъ ранѣе является и ранѣе уходитъ почтенный Крейцеръ. Леонгардъ, Негеле, Тидеманнъ и нѣкоторые другіе бываютъ ежедневно. Ровно въ восемь часовъ приходитъ изъ кабинета для чтенія добрый, образованный старичекъ, г. Феркель, и вкратцѣ разсказываетъ все, что вычиталъ въ нынѣшнихъ газетахъ: профессоры, занятые съ утра до вечера своимъ дѣломъ, не имѣютъ досуга читать газеты, и довольствуются этимъ изустнымъ экстрактомъ. Бесѣда оканчивается ровно въ девять часовъ. Гости расплачиваются съ учтивыми прислужницами, и отправляются по домамъ. Такъ бываетъ съ 1-го января до 31-го декабря, за исключеніемъ какихъ-либо экстренныхъ случаевъ.

Главную неотъемлемую прелесть Гейдельберга составляютъ его мѣстоположеніе, развалины и живописныя окрестности.

Городъ прислоненъ къ высокой горѣ, на вершинѣ которой находится башня, на мѣстѣ, называвшемся Königsstuhl, а послѣ посѣщенія его Императорами Александромъ и Францомъ, въ 1815 году, именуемомъ Kaiserstuhl. Съ этой точки представляется очаровательный видъ во всѣ стороны. Къ сѣверу видѣнъ Оденвальдъ, ограничиваемый Таунусскими Высотами при Франкфуртѣ; на западъ горы тянутся до возвышенной плоскости при Висбаденѣ, до Рейнской Долины близъ Бингена. Прямо предъ вами цѣпь Зарейнскихъ Горъ, до Вогезскаго Хребта. Въ ясную погоду виднѣется даже башня Страсбургская. Къ югу Мургская Долина и Шварцвальдъ; къ востоку владѣнія Виртембергскія.

На одномъ широкомъ уступѣ горы, надъ городомъ, построенъ древній знаменитый зàмокъ Гейдельбергскій. Начало построенія его относятъ къ концу XIV вѣка. Въ первые годы онъ былъ незначителенъ; потомъ, мало по малу распространился и къ концу XVII вѣка сдѣлался однимъ изъ самыхъ огромныхъ, величественныхъ и изящныхъ зданій Германіи. Въ 1689 и 1693 г. Французы, опустошивъ весь Пфальцъ, разграбивъ Гейдельбергъ, разрушили и прекрасный зàмокъ, вопреки заключенной ими капитуляціи, которою они обязались щадить это зданіе. Большая часть его подорвана была порохомъ. Все, что можно было, сожгли, остальное опустошили. По заключеніи мира, возстановили нѣкоторыя части зàмка; но это исправленіе прекратилось по перенесеніи (1720) столицы курфирстовъ въ Мангеймъ. Карлъ Теодоръ рѣшился возобновить зàмокъ во всей первоначальной красотѣ его и величіи; но 24 Іюня 1764 года сдѣлался въ немъ пожаръ отъ молніи, и все уцѣлѣвшее отъ злодѣйской руки непріятеля, превратилось въ пепелъ. Остались однѣ стѣны, да и тѣ повреждены были во многихъ мѣстахъ. Съ того времени развалины сіи были въ запустѣніи. Изящные сады, которыми окруженъ зàмокъ, отданы были внаемъ подъ огороды. Предположено было даже сломать уцѣлѣвшія отъ разрушенія развалины, и матеріялъ ихъ продать на свозъ, а растущія на горѣ деревья, остатки старинныхъ садовъ, вырубить! Достойно замѣчанія, что Гейдельбергъ обязанъ сохраненіемъ своихъ драгоцѣнностей писателю Августу Коцебу, которому суждено было чрезъ нѣсколько лѣтъ пасть близъ Гейдельберга отъ

руки убійцы. Узнавъ о намѣреніяхъ Вандаловъ, онъ напалъ на нихъ въ своемъ журналѣ (der Freimüthige, 1803, № 191) и представилъ жалкій ихъ планъ во всемъ его варварствѣ. «Не въ просвѣщенной Германіи жить бы вамъ, сказалъ онъ, между прочимъ, а въ пустынѣ Африки, посреди подобныхъ вамъ дикихъ звѣрей.» Слова его подѣйствовали. Замокъ и садъ уцѣлѣли. Въ благодѣтельное правленіе Баденскаго Дома прилагаемо было все стараніе о сохраненіи ихъ, и нынѣ они представляютъ взору путешественниковъ неоцѣненный памятникъ старины, и единственную въ свѣтѣ панораму.

На гору ведутъ нѣсколько всходовъ, просторныхъ и удобныхъ. Съ одной стороны, по деревнѣ, идущей на гору, можно проѣхать и въ экипажѣ. Другія дороги устроены для пѣшеходовъ и для ѣзды на ослахъ. Исчислять ли, описывать ли великолѣпные остатки Гейдельбергскаго Замка! Стѣна главнаго его фасада уцѣлѣла вполнѣ. На верхней его точкѣ стоитъ еще статуя Правосудія съ мечемъ и вѣсами: лучшая эмблема Германіи, гдѣ справедливость и честность суть главныя качества большинства жителей. Украшенія оконъ, бюсты, статуи, все это изваяно изъ камня съ большимъ тщаніемъ и искусствомъ. Въ другомъ мѣстѣ лежитъ въ ямѣ огромная башня, взлетѣвшая цѣликомъ отъ Французской мины, и упавшая въ оврагъ. Она обросла деревцами и покрылась плющемъ. И посреди этихъ любопытныхъ и изящныхъ развалинъ разведенъ прекрасный садъ, въ англійскомъ вкусѣ, содержимый въ порядкѣ, чистотѣ и исправности. Построенъ трактиръ:

вокругъ его столики со скамьями. За ними сидятъ профессоры, студенты, граждане съ женами и дѣтьми, пьютъ пиво и кофе, курятъ табакъ, поютъ, веселятся. Шумно, весело, но чинно и благонравно. Молодые люди ни за что не обидятъ ни стараго человѣка, ни женщины, не обидятъ не только словомъ, но и нескромнымъ взглядомъ. Здѣсь нѣтъ низкаго обычая *цыганить* то, чего мы не знаемъ и не понимаемъ. Эта недостойная привычка благовоспитанныхъ людей вообще здѣсь неизвѣстна. Въ иныхъ мѣстахъ случается, что человѣкъ самый достойный, умный, почтенный, подвергается насмѣшкамъ невѣждъ и глупцовъ, коль скоро костюмъ его покажется необыкновеннымъ и страннымъ, коль скоро въ пріемахъ, въ походкѣ, въ способѣ выраженія его есть нѣчто непривычное, не такое, къ какому мы приглядѣлись. Сколько разъ огорчался я въ душѣ, слыша и видя, что надъ умомъ, благородствомъ, честью, насмѣхается дерзкая самонадѣянность, невѣжество и глупость! И этотъ смѣхъ находитъ отголосокъ въ несмысленной толпѣ, не имѣющей своего собственнаго мнѣнія. И человѣкъ, достойный уваженія, становится посмѣшищемъ дерзкихъ сорванцевъ — потому что шляпа его измята!

А виды! Съ разныхъ сторонъ замка и его сада представляются самыя очаровательныя картины. Подъ горою городъ, надъ которымъ возвышаются башни старинныхъ церквей; быстрый Неккаръ, котораго струи сверху кажутся неподвижными; живописный мостъ; другой берегъ рѣки возвышенный, покрытый внизу виноградниками, вверху лѣсомъ; далѣе равнина, про-

стирающаяся до Рейна; по ней пролегаетъ желѣзная дорога и вьется дымокъ паровоза; вдали, на краю горизонта Гардтскія Горы, и за ними садится вечернее солнце. Смерклось. Луна всплываетъ на горизонтѣ, и *палевымъ лучемъ*, какъ говорилъ Державинъ, рисуетъ живописную панораму!

Не одна замковая гора служитъ для прогулокъ. Подите изъ Карловыхъ Воротъ по лѣвому берегу Неккара. Неподалеку отъ нихъ видите прекрасный домъ Англичанина Пикфорда, въ которомъ жилъ Александръ Благословенный; далѣе разбросанные по берегу и по косогору домики крестьянскіе. Вдругъ поднимаются грозныя, навислыя скалы, и по другой сторонѣ рѣки красуется на возвышеніи упраздненный женскій монастырь (Stift Neuburg), принадлежащій Шлоссеру, племяннику Гёте. За нимъ живописно-расположенная по горѣ деревня Цигельгаузенъ. На каждомъ поворотѣ рѣки новые восхитительные виды. На лѣвомъ берегу ея, на возвышеніи, находится *Волчій Колодезь* (Wolfsbrunnen), водоемъ чистой воды, въ которомъ содержатся форели. Вокругъ его частыя деревья. Тишина, прохлада, воздухъ благорастворенный. Здѣсь стояла огромная липа, подъ тѣнью которой отдыхалъ курфирстъ Фридрихъ II въ 1540-мъ году. Ее срубили на дрова въ 1802-мъ году. Коцебу не успѣлъ спасти ее, но саркасмами своими заклеймилъ нечестивыхъ разрушителей. — Не знаю отчего, но Гейдельбергскія окрестности не надоѣдятъ никогда: я разъ тридцать ходилъ прогуливаться по берегу Неккара, и всегда съ новымъ удовольствіемъ.

На правомъ берегу Неккара начинается такъ называемая Горная Дорога (Bergstrasse), идущая до самаго Дармштадта, богатая прекрасными видами. Деревни Нейенгеймъ, Гандшухсгеймъ, Вейнгеймъ служатъ цѣлію прогулокъ жителямъ Гейдельберга. Насупротивъ самого города, пролегаетъ по горѣ такъ называемая Философская Дорожка (Philosophen-Weg). — На уступахъ ея и у подошвы построены живописные *домики* и богатые загородные *домы*.

Полно описывать виды и прогулки! Этого не опишешь ни какимъ перомъ. Довольно того, что Гейдельбергъ, въ этомъ отношеніи, поспоритъ съ прекраснѣйшими мѣстами Германіи.

Климатъ въ Гейдельбергѣ теплый и здоровый. Лѣто, къ сожалѣнію, обыкновенно бываетъ дождливое. Такова участь долинъ; тучи дождевыя забравшись между горъ, не скоро ихъ оставляютъ. Но весна и осень здѣсь несравненныя! Могу сказать, что въ нынѣшнемъ 1844-мъ году, я впервые отъ роду узналъ, что такое весна. У насъ на Сѣверѣ это время неизвѣстно: весною называемъ мы переходъ отъ холодной зимы къ сырому лѣту.

Жизненные припасы, квартиры, услуга — все это въ Гейдельбергѣ чрезвычайно дешево. Цѣны хлѣба, овощей и проч., зависятъ отъ урожая: при первой возможности онѣ упадаютъ. Это не такъ, какъ въ иныхъ мѣстахъ, гдѣ цѣны, поднявшись однажды, рѣдко спускаются, какъ бы ни были благопріятны обстоятельства.

Словомъ, жизнь здѣсь самая тихая, пріятная, привольная. Сто разъ благословлялъ я добраго Доктора Гейне, который присовѣтовалъ мнѣ избрать Гейдельбергъ мѣстомъ жительства и леченія дѣтей моихъ. Прекрасный климатъ, тихая, регулярная жизнь, попеченія искусныхъ врачей — возстановили ихъ здоровье, и преисполнили мое сердце искреннею благодарностью къ здѣшнему несравненному краю и почтеннымъ его обитателямъ.

И. Мятлевъ

U. Mimtelz

ДЕСЯТЬ

СТИХОТВОРЕНІЙ.

ДЕСЯТЬ СТИХОТВОРЕНІЙ.

ДЕСЯТЬ СТИХОТВОРЕНІЙ.

РАЗГОВОРЪ
человѣка съ душой.

Куда ты просишься, душа?
    Уже ль земля не хороша?
Уже ли мало здѣсь отрадъ и утѣшеній,
И сладкихъ думъ, и сладкихъ вдохновеній?
    Здѣсь розы алыя цвѣтутъ,
Здѣсь дѣвы рѣзвятся, здѣсь соловьи поютъ;
Есть для тебя и родина святая,
И жизни лучшихъ дней подруга молодая.
    Два сына — будущность твоя,
    И мать, и сестры, и друзья.
Чего же ты, чего жъ еще желаешь?
О чемъ безвременно скучаешь?
    Куда жъ ты просишься, душа?
    Уже ль земля не хороша?

Нѣтъ, хороша земля, прелестна:
Земная радость мнѣ извѣстна;
Напѣвамъ юныхъ дѣвъ и пѣнью соловья
Съ восторгомъ сладостнымъ внимаю часто я;
Я знаю, есть земныя розы,
Но ихъ мертвятъ земныя слезы,
И ихъ, увы! не проченъ стебелекъ,
И алые листки разноситъ вѣтерокъ.
Какъ храмъ, святыни храмъ, я родину считаю,
Но торжниковъ и въ ней встрѣчаю,
Не рѣдко и корысть, холодность и обманъ!
И бичъ изъ вервія не данъ
Изгнать изъ храма ихъ, какъ древле Искупитель
Въ Сіонѣ ихъ изгналъ — порока побѣдитель!
Мнѣ суждено — на зло смотрѣть,
Зло постигать, и зло терпѣть.
Дѣтей, жену, родныхъ, я страстью обнимаю,
Но ихъ безсмертными здѣсь видѣть я желаю,
Какъ я, какъ духъ нетлѣнный Божества;
Они — земныя существа!
И ихъ удѣлъ — утрата и разлука! —
И вотъ — моя земная мука.

Нейндорфская ночь!

Петербургскимъ друзьямъ.

—

Ужъ солнце скрылось за горою,
Ужъ затѣнился день вечернею зарею,
И понемногу ночь настлала свой покровъ
На засыпающій Нейдорфъ,
И небо ясное усѣялось звѣздами;
Тутъ мнѣ повѣяло мечтами
О сторонѣ моей родной.

Какъ часто, тамъ, въ тиши ночной
Тѣ жъ звѣзды для меня сіяли,
И сердцу сладостно вѣщали
О чемъ то лучшемъ, не земномъ;
И думы рѣзвыя летали,
Въ ихъ хороводѣ золотомъ,
И сердцу милый отчій домъ
Ихъ покровительству ввѣряли.
Я какъ-то лучше былъ душой,
Глядя на ихъ волшебный строй;
Но вы тогда со мной бывали,
И звѣзды — вмѣстѣ намъ сіяли.
Родные сердцу, и друзья,
И васъ сливала мысль моя!

Теперь я здѣсь одинъ скитаюсь,
Одинъ на звѣзды я гляжу ;
Но васъ опять я нахожу –
Въ звѣздахъ я съ вами съединяюсь,
Мнѣ свѣтитъ въ нихъ вашъ добрый взглядъ,
Онѣ – о васъ мнѣ говорятъ.

—

О сердцу родные!
На звѣзды златыя
Взгляните порой,
Вамъ также сіяетъ
И васъ осѣняетъ
Ихъ хоръ не земной!
Два слова скажите,
Поклонъ мнѣ пошлите,
Они долетятъ! –
Онѣ заблестятъ! –
Въ ихъ свѣтломъ сіяньи,
Въ душевномъ свиданьи
Мы мигъ проведемъ,
И съ новою силой
Разлуки унылой
Тоску понесемъ.

Часы.

—

Стучатъ, стучатъ,
Не замолчатъ
Часы всю ночь,
И мнѣ не въ мочь
Ихъ слышать шумъ;
Тяжелыхъ думъ
Душа полна,
И стѣснена,
Тоской она.
Часы, часы,
Гдѣ всѣ красы
Минувшихъ лѣтъ?
Увялъ ихъ цвѣтъ,
Постылъ мнѣ свѣтъ.
Часы, часы
Что тѣ красы, —
Уже ль опять
Ихъ не видать?
Часы въ отвѣтъ
Ни да, ни нѣтъ;
И я вздохнулъ
И съ тѣмъ уснулъ.

Свадебный поѣздъ колонистовъ.

—

Каспаръ женится съ Лизетомъ,
Колонисты поднялись,
Кто со скрипкой, кто съ кларнетомъ,
Всѣ въ дорогу собрались.

Въ первую телегу сѣли
Музыканты всѣ гурьбой,
И въ минуту загремѣли
Либеръ-Августинъ родной.

Кто изъ нихъ не умѣстился,
Тотъ пѣшкомъ направя бѣгъ,
За телегою пустился,
И гудитъ: *Аллесъ истъ векъ!* –

Сзади ѣдетъ мужъ съ женою,
Въ ста телегахъ брачный балъ
Аккуратною рысцою,
Чтобъ и пѣшій не отсталъ.

Хоръ невѣста заключаетъ,
Рядомъ съ ней сидитъ женихъ,
И подъ тактъ ей повторяетъ:
Либе Лисхенъ! Либетъ дихъ!

Ей всегда дождаться должно,
Чтобъ звукъ музыки затихъ,
И тогда сказать ей можно:
Каспаръ, я, ихъ либе дихъ.

Музыканты прославляютъ
Громко сей счастливый бракъ,
И въ награду ожидаютъ
Ихъ картофель и табакъ.

Пфейфенъ старики тутъ курятъ,
Молодые *вальсъ*, и ну!...
А старушки балагурятъ,
Вспоминая старину.

Веселитесь, колонисты!
Для меня вашъ пиръ горой,
Скрипокъ визгъ, кларнетовъ свисты,
Стоятъ музыки иной.

Загудите вы фальшиво,
Визгните: *цу-штаркъ*, друзья!
Всю бѣду поправитъ пиво,
И никто вамъ не судья! —

Споръ за вафли.

—

Пріѣхалъ въ *Красненькой* гулять
Портной, изъ Нѣмцевъ, *Бутеръ-Фрессеръ*;
Спросилъ онъ: *Габель*, *Лефель*, *Мессеръ*,
И вафли приказалъ подать. —
Садится, и глядитъ умильно:
И въ мысляхъ ѣстъ уже *мейнъ Геръ!*
Какъ вдругъ вбѣгаетъ офицеръ,
И вафли выхватилъ насильно.

«*Чей эта вафля*, узнавать
Позвольте, гаспадинъ военный?»
— Ну, знать твоя, мусье почтенный,
Что вздумалъ за нее стоять?
«А если мой, могу-ль ихъ кушаль?» —
Сердито Нѣмецъ закричалъ.
— Что, что, мусье? я не разслушалъ. —
«Могу-ль ихъ кушаль? я сказаль.»
— Ну, не сердись, сейчасъ другіе
Я прикажу тебѣ подать. —

Но Нѣмецъ въ спѣсь вошелъ такую,
Что раскричался не въ себя,
«Здѣсь все равно! Вашъ не забудетъ,

Здѣсь вашъ польтинъ и мой польтинъ!
Здѣсь это все, одинъ польтинъ!» —
— Врешь, Нѣмецъ, рубль ужъ это будетъ!
«Нѣтъ, сами *рубль* ви гаспадинъ!
Что ви задумаль? — Забіака!
Я вашъ маркель, иль человѣкъ! —
Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, я не человѣкъ!»
— Что-жъ, Нѣмецъ, что же ты? собака? —

Сельское Хозяйство.

Быль на Руси.

—

Приходитъ староста пузанъ
И двадцать мужиковъ.
Се сонъ же круа ле пейзанъ
Де мадамъ Бурдюковъ.

О нихъ докладывать *Андре*
Идетъ офиціантъ.
Данъ л'антишамбръ фетъ антре,
Е дитъ лёръ, к'иль з'атандъ.

Выходитъ барыня съ гостьми
Черезъ часочка два..
Бонжуръ, бонжуръ, ме бонз-ами!
Ке вуле ву де муа?

Ну, староста! ты доложи,
Сказали мужики. —
Э бьенъ, де куа донкъ иль с'ажи?
Де куа? у бьень де ки?

И староста, отдавъ поклонъ,
Свой началъ разговоръ.
Но барыня кричитъ: *алонъ!*
Не кріе па си форъ:

Мы яровое убрали,
И убрали траву. —
Се тре жоли, с'е тре жоли!
Команъ ву порте ву?

И намъ теперь всѣмъ отдыхъ данъ;
Но аржаному срокъ. —
Але ву з'анъ, але ву з'анъ!
Ке дьябль! же м'анъ мокъ!

Въ продажу хлѣбъ уже глядитъ,
Убрать бы поскорѣй.
Кес-ке ву дитъ? Кес-ке ву дитъ?
Же круа, ву мюрмюре?

Какъ опоздаемъ, будетъ жаль;
Не довеземъ въ василь! —
Са ме т'егаль, са ме т'егаль.
Ву з'етъ де з'енбесиль!

И выгнать всѣхъ велѣла вонъ
За хлѣбный магазинъ,
А гости крикнули: *Се бонъ!*
Се тре бьенъ — ма кузинъ!

Вотъ управляютъ какъ у насъ!
Все — *минусъ*, а не *плюсъ*.
Ке вуле ву, ке л'онъ фассъ!
Онъ не се па ле Рюссъ!

Наставнику Аббату.

—

На канапели
Лежу,
Во прологъ, въ Минеи
Гляжу,
Не понимаю
Никакъ! —
Тебя ругаю,
Дуракъ,
Старый наставникъ,
Французъ,
И твой наглавникъ,
Картусъ,
И твой измятый
Халатъ;
Ахъ ты, проклятый
Аббатъ!

Чему училъ насъ?
Спроси.
Гдѣ городъ *Вильнасъ*,
Нанси?
Гдѣ *Лиссабона*,
Мадритъ,

Ліонъ, гдѣ *Рона*
Бѣжитъ?
Кто былъ Римлянинъ —
Катонъ?
Кто Англичанинъ
Невтонъ?
Кто побѣдитель
Аѳинъ?
Кто сочинитель
Расинъ?

Изъ Лафонтена
Cygale,
Изъ Демосфена
Morale,
Съ тобой склоняли
Rozat,
А не узнали
Аза!
Главной науки,
Читать,
Азъ, вѣди, буки,
Не знать.
Прямой, ты, точный
Фигляръ!
Въ лавкѣ — лубочный
Товаръ.

А ужъ въ бесѣдѣ
Ты хватъ!

И чортъ тебѣ де
Не братъ!
Учишь прелестно
Всему,
И все извѣстно
Уму!
И не измѣрить
Cela!
А какъ повѣрить!
Voila!

На канапели
Лежу,
Въ прологъ, въ Минеи
Гляжу,
Не понимаю
Никакъ! —
Тебя жъ ругаю,
Дуракъ.

Проэктъ гросфатера.

—

Анданте.

Вотъ въ полномъ развалѣ и форсѣ нашъ балъ,
Разгульно и живо оркестръ заигралъ.
На пляски на радость
Зовутъ!
И старый и малый пустились плясать;
Старушки и дяди; не то чтобъ отстать —
Встряхнувшись, вспрямившись,
Идутъ.
Фетинья Матвѣвна, угодно ль со мной?
Пожалуй, Перфилій Савельичъ, ты мой,
Готова я прыгать
Съ тобой.
Мы можемъ гросфатеръ чудесно пройти.
Ну, ясный мой соколъ, взвивайся, лети,
Вертись, увивайся
За мной.

Аллегро.

Эй, ну! вы дяди, матери,
Смотрите же, въ гросфатерѣ
Чуръ не зѣвать!
Не унывать!

Вотъ тащатъ, что есть духу,
Полковницу старуху:
Она кряхтитъ,
Какъ быкъ пыхтитъ
И шевелитъ
Огромнѣйшимъ вѣеромъ.

А дальше: съ офицеромъ
Бѣжитъ мамзель,
Комъ эль э бель!
Ея вся цѣль,
Чтобъ онъ въ нее влюбился,
Чтобъ онъ на ней женился;
Ме прене гардъ!
Кавалергардъ
Совсѣмъ на то не мѣтитъ,
И только что замѣтитъ,
Онъ отойдетъ,
И пропадетъ,
И унырнетъ.

Анданте.

Ну, можно ль на балѣ марьяжъ затѣвать?
На балъ не жениться, приходятъ плясать!
Престранны мамзели,
Временъ.
Мы видѣли много примѣровъ такихъ:
Любезенъ, пріятенъ — а все не женихъ;
Ужъ мужемъ не будетъ
Ламанъ.

Вы слышали, сватьба Анеты съ Лукой
Разрушилась? Странно! Былъ случай такой.
Что? *Комеражи*

Пуръ сюръ.

Сама виновата разборомъ Анетъ;
Какъ вывели справки, анъ 45 лѣтъ!
Онъ ей показался

Тро мюръ.

А нашъ камеръ-юнкеръ чѣмъ хуже другихъ?
Нѣтъ, этотъ, позвольте, ужъ что за женихъ!
Горбатъ онъ и бѣденъ —

Же пансъ.

А прапорщикъ Гриша, ну, вотъ хоть куда!
Родня онъ, неправда! седьмая вода,
Но любитъ онъ слишкомъ

Ля дансъ.

Съ такимъ ужъ разборомъ и вѣкъ не найти:
Тотъ слишкомъ высокой, а тотъ *тро петн.*
Тотъ слишкомъ щедушенъ,

Тотъ косъ;

Да надо бы знать имъ и совѣсть и честь!
Конемъ не объѣдешь, какъ суженый есть.
И нужны ли сватьбы—

Вопросъ?

Аллегро.

Эй, ну! вы дяди, матери!
Смотрите же, въ гросфатерѣ
Чуръ не зѣвать,

Не отставать,
Не унывать!

Вотъ модница, кокетка,
Какъ курица насѣдка
Вкругъ пѣтуха —
Ха! ха! ха! ха!
Не безъ грѣха!
То поведетъ глазами,
То размахнетъ руками,
То прыгъ, то скокъ,
То подъ бочокъ.
Ай, простячокъ,
Смотри, оберегайся!
Ты мнѣ не попадайся!
Держи свой *кёръ*,
А то *малёръ*
Вотръ сервитёръ.
Ты сердце потеряешь
Когда меня узнаешь;
Не пощажу —
Какъ погляжу,
Обворожу!
Я франтовъ, каммергеровъ,
Студентовъ, офицеровъ,
Завербовавъ
Подъ мой уставъ,
Пифъ, пафъ, пифъ, пафъ!

Анданте.

Смотрите, какъ пляшетъ, какъ рыщетъ! Къ чему жъ!
Сидѣла бы дома — есть дѣти и мужъ!
Нельзя, чтобъ не вышелъ.
Скандаль!
Что скажетъ посланникъ про нашихъ про дамъ?
Я чай, въ чужихъ краяхъ, позвольте и тамъ
Всегда дамы ѣздятъ
На балъ.
Но такъ ужъ нахально не прыгаютъ, чай?
Вотъ! шепчетъ съ драгуномъ, гляди, примѣчай:
Угодно ли завтра
Въ бостонъ?
Нѣтъ, я не играю; въ одинъ преферансъ
Три робера только, а послѣ лядансъ,
Оно для здоровья
Тре бонъ.
Кто хочетъ быть счастливъ, тотъ вамъ подражай.
А вѣсти какія? каковъ урожай?
Овесъ уродился
Самъ пятъ.
А что, не читали вы новый романъ,
Мадамъ Витурини, мусье Коріоланъ?
Изъ римской исторьи
Онъ взятъ.
А слыша ли, Трындинъ вѣдь проситъ разводъ;
Съ женой побранился у баденскихъ водъ,
И знаете, въ чемъ былъ
Ихъ споръ?

Кто въ домѣ хазяинъ, жена или онъ?
Ну, слово за словомъ, и взяли законъ.
Оно бы конечно....
Но вздоръ!

Аллегро.

Эй, ну! вы дяди, матери!
Смотрите же, въ гросфатерѣ.
Чуръ не зѣвать!
Не отставать!
Не унывать!

Вотъ щеголь посѣдѣлый
Бѣжитъ въ манишкѣ бѣлой,
Ногой дрягнетъ,
Другой лягнетъ,
И прыпрыгнетъ.
Я, дескать, веселюся,
Подагры не боюся;
Я моложавъ
Же сюйзъ енъ бравъ.
И мой уставъ:
Покуда тащатъ ноги,
Не покидать тревоги!
Я молодецъ,
Младыхъ сердецъ
Большой ловецъ!
Вотъ, нате, посмотрите,
Теперь люблю я Кити,
А тамъ Анетъ!

А тамъ Лизетъ!
Но вдругъ жилетъ
Съ натуги разстегнулся,
И щеголь спотыкнулся,
И оземь бухъ,
И крикъ старухъ
Раздался вкругъ.

Анданте.

Какой сумасшедшій, какой вертопрахъ!
Ну, можно-ль рѣзвиться въ преклонныхъ лѣтахъ!
Всему есть на свѣтѣ
Сезонъ.
Онъ статскій совѣтникъ, притомъ же женатъ,
А все веселится; но въ спискѣ наградъ
Его пропустили —
Резонъ!
А слышали, ленту вѣдь дали тому!
Какъ бишь его имя? Скажите, кому?
Никакъ не припомню
Сонъ номъ.
А знаете, мѣсто вѣдь тотъ получилъ,
Который,.... а этотъ, какъ перескочилъ!!
Вы слышали ночью
Канонъ?
Уже ль наводненье? Не знаю, *пет-'етръ:*
Но здѣсь что-то дуетъ, открыли *фенетръ*,
Не трудно простуду
Схватить.

Ахъ, на лотерею возьмите билетъ!
Охотно, пожалуй... позвольте; но нѣтъ!
Признаться, мнѣ скучно
Платить.
А что про Алжирцовъ уже не слыхать?
Нѣтъ, что-то въ газетахъ случилось читать,
Что ихъ переводятъ
Въ Бордо.
Смотрите, очнулся и пляшетъ опять!!....
Мы думали, полно — ему ужъ не встать!....
А больно ушибъ, чай,
Ле до.

Аллегро.

Эй, ну! вы дяди, матери!
Смотрите же, въ гросфатерѣ
Чуръ не зѣвать!
Не отставать!
Не унывать!

Вотъ дяди разъярились,
Съ старухами схватились.
Писать пошло,
Ало, ало!
О гранъ гало!
Ихъ даже не догонятъ.
Старушки же бонтонятъ.
Леръ па, леръ дансъ,
Леръ реверансъ,

Все *анъ кадансъ*!
Прекрасно бы; но что же?
Вдругъ люди помоложе,
Не въ свой чередъ
Бѣгутъ впередъ;
Задоръ беретъ,
Старушекъ-колотушекъ,
Отчаянныхъ болтушекъ;
Ихъ разговоръ.
Плю форъ, плю форъ —
И вышелъ вздоръ!
Все вмѣстѣ вдругъ смѣшалось,
И каждому досталось:
Кого толкнутъ,
Кого прижмутъ,
Раздались визги, крики,
И плясуны антики,
Съ толпой старухъ,
Теряя духъ,
По кресламъ бухъ!

Разговоръ Барина съ Афонькой.

—

Баринъ.

Здравія желаю, гг. сенаторы,
Я прихожу изъ банковой конторы,
Не французскій, не нѣмецкій, человѣкъ россійскій,
Приношу вамъ поклонъ низкій.
Эй, малый!
Жены моей приданой,
Кривой крѣпостной,
Удалая головка, долбленой глазъ —
Много-ли васъ?

Афонька.

Одинъ!

Баринъ.

А, это ты, Афонька....
Ты, который бѣжалъ, когда я женился?
Да куда жъ ты сокрылся?

Афонька.

А я, съ позволенія вашего, въ деревнѣ вашей подъ овиномъ сидѣлъ.

Баринъ.

Дуракъ! А если бъ этотъ овинъ сгорѣлъ?

Афонька.

Я бы, съ позволенія вашего, вышедши, руки погрѣлъ.

Баринъ.

Позвольте, гг. сенаторы, какой онъ грубіянъ.

Ну, скажи, пожалуста, Афонька,
Ты жилъ въ моей деревнѣ —
Какъ мои мужики живутъ?

Афонька.

Зажиточно.

Баринъ.

Да какъ зажиточно?

Афонька.

Да очень зажиточно!

Баринъ.

Да какъ же, братецъ мой, зажиточно?

Афонька.

А такъ зажиточно,
Что въ семи дворахъ одинъ топоръ;
Поутру дрова рубятъ,
А вечеромъ въ кулакъ трубятъ.

Баринъ.

Позвольте, гг. сенаторы!
Слѣдовательно, мои мужики плотники и музыканты.
Ну, скажи, пожалуста, Афонька, какъ у меня хлѣбъ уродился?

Афонька.

Хорошо-съ!

Баринъ.

Да какъ хорошо?

Афонька.

Да очень хорошо.

Баринъ.

Да какъ же, братецъ ты мой, хорошо?

Афонька.

А такъ хорошо,
Что колосъ отъ колоса —
Не слыхать дѣвичья голоса;
Снопъ отъ снопа,
Столбовая верста;
А копна отъ копны,
Цѣлый день ѣзды.

Баринъ.

Позвольте, гг. сенаторы!
Слѣдовательно, мой хлѣбъ хорошо уродился.

Что же, Афонька, хлѣбъ то мой продали,
Или сюда везутъ?

Афонька.

Нѣтъ, его не продали и не сюда везутъ,
А ваши шелудивые собаки разыгрались,
И уронили весь хлѣбъ въ лахань.

Баринъ.

Позвольте, гг. сенаторы!
Слѣдовательно, мой хлѣбъ пропалъ!

Афонька.

Нѣтъ, не пропалъ, а въ потребу попалъ.

Баринъ.

Что же изъ него сотворили?

Афонька.

Бражку сварили.

Баринъ.

Да пьяна ли эта брага?

Афонька.

Пьяна.

Баринъ.

Да какъ же пьяна?

Афонька.

Да очинно пьяна.

Баринъ.

Да какъ же, братецъ мой, пьяна?

Афонька.

Да такъ пьяна,
Что если старостѣ поднести,
Да его милость тройнымъ полѣномъ оплести,
То его милость и со двора не свезти.

Баринъ.

Позвольте, гг. сенаторы,
Какой онъ грубіянъ!

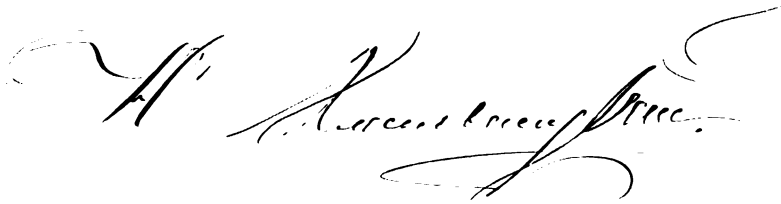
Раутъ.

—

Вотъ въ раутъ
Насъ зовутъ —
Мѣсто скуки,
Гдѣ сидишь
И глядишь,
Сложивъ руки,
Какъ толпой,
Цѣлый рой
Полусонныхъ
Стариковъ,
Игроковъ
Безпардонныхъ,
Молодицъ
И дѣвицъ
Голоплечихъ,
Корпусовъ
И головъ
Человѣчьихъ,
Въ тѣснотѣ,
Въ духотѣ,
Ходятъ, бродятъ,
И себѣ
И тебѣ,
Сонъ наводятъ;

Тамъ сидятъ
Пятьдесятъ
Кавалеровъ,
«Тузъ самъ пять!»
– Безъ *онеровъ*!
«*Я ремизъ!*»
– *Я пуръ сизъ,*
Предлагаю!
«Нѣтъ, *пардонъ-съ*,
Я въ *ренонсъ*
Выступаю. –
«Короли!» –
– *Пароли!*
Дама въ *сюрахъ*,
Иль валетъ,
А ужъ нѣтъ
Объ амурахъ,
О винѣ,
О войнѣ,
Про Рассини,
Про шоссе,
Балансе,
И помина. –
Дамы есть,
Но не въ честь
Имъ собранье. –
Не умно,
Не смѣшно –
Ихъ болтанье.
Вотъ бѣда!

Нѣтъ слѣда
Быть любезной. —
Гдѣ *раутъ*,
Это трудъ
Безполезный! —
Толкотня,
Стукотня,
Карамболи!
Онѣмѣть,
Одурѣть
По неволѣ! —
А въ раутъ,
Всѣ бѣгутъ,
Какъ въ бесѣду. —
Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!
Се тро бетъ,
Не поѣду!



МУНДИРЪ.

—

ПОМОРСКІЙ РАЗСКАЗЪ.

и Сибирь; здѣсь Аппенины и Калабрія. Тамъ Бѣлое
море, здѣсь море Одиссея и Енеидъ; тамъ островъ

ШУШДИРЪ.

=

ПОМОРСКІЙ РАЗСКАЗЪ.

=

Архангельскъ и Неаполь.

Мои Неаполитанскіе знакомцы вытаращили глаза и ужаснулись, услышавъ, что я былъ въ Архангельскѣ. Они забросали, оглушили меня вопросами: «что тамъ за народъ, что за Лопари, что за Самоѣды, какъ тамъ живутъ, чѣмъ питаются, какъ мерзнутъ и умираютъ?» М. м. г. г., отвѣчалъ я, между 65-мъ градусомъ сѣверной широты, подъ которымъ, леденѣетъ Архангельскъ, и между 40°, подъ которымъ цвѣтетъ вашъ Неаполь, конечно, чрезвычайная разница. Въ Архангельскѣ, вѣчный ледъ, подъ вами вѣчный огонь Везувія. Тамъ, тундры, ели и сосны; здѣсь лава, виноградъ и померанцы. Тамъ, подъ рукой, Уральскій хребетъ и Сибирь; здѣсь Аппенины и Калабрія. Тамъ Бѣлое море, здѣсь море Одиссея и Енеидъ; тамъ островъ

Соловецкій, здѣсь Капрея. Тамъ сѣверныя сіянія, здѣсь изверженія волкана. Тамъ печи, здѣсь фонтаны. Въ Архангельскѣ въ половинѣ октября ходятъ въ шубахъ и ѣздятъ въ саняхъ; здѣсь въ то же самое время сидятъ подъ тѣнью лавровъ и кипарисовъ. Тамъ отогрѣваются ромомъ, здѣсь прохлаждаются мороженымъ.

Для Самоѣдовъ, съ ихъ стадами оленей, вашъ край былъ бы слишкомъ тѣсенъ, воздухъ удушливъ и солнце слишкомъ ярко. Они бы испарились и ослѣпли. Я самъ, какъ бѣлый полумедвѣдь, начинаю это чувствовать. До сихъ поръ перевѣсъ на вашей сторонѣ; но это только въ отношеніи къ солнцу. Правда ли, спросила меня одна любопытная Итальянка, что суровость климата притупляетъ органы обонянія, вкуса и осязанія? Я этого не замѣтилъ, отвѣчалъ я, и повѣрьте, что мы также хорошо умѣемъ осязать прекрасное. Жители сѣвернаго поморья, продолжалъ я, имѣютъ свои достоинства: они славные мореходцы, рослы, сильны и, между тѣмъ, кротки. Смѣю думать, что въ послѣднемъ достоинствѣ они далеко превосходятъ вашихъ соотечественниковъ. Теперь еще м. м. г. г., у меня лежитъ на столѣ книга подъ заглавіемъ: описаніе 27 бунта вѣрнаго города Неаполя. Слушатели мои расхохотались. Они неотступно настаивали покороче познакомить ихъ съ сѣвернымъ поморьемъ и съ Самоѣдами. Чтобъ облегчить себя, я обѣщалъ передать имъ въ переводѣ выписки изъ моихъ полярныхъ очерковъ, нигдѣ не напечатанныхъ.

Вотъ тотъ разсказъ, который я доставилъ одному изъ гг. Неаполитанскихъ журналистовъ.

Городъ Кола.

—

Съ чиновниками города Колы, въ царствованіе Императрицы Екатерины II-й, случилось ужасное происшествіе. Когда уѣздныя власти и полицейская и судебная и проч. и проч., скованныя полярной темнотой и морозами, завалились на лежанки, вдругъ, чего отъ сотворенія міра не случалось, пріѣхалъ на Мурманское прибрежіе Архангельскій намѣстникъ. Небывалые въ томъ краю удары грома, не такъ бы потрясли Колу въ ея основаніяхъ, сколько внезапный наѣздъ намѣстника поразилъ гг. чиновниковъ. Лежанки превратились въ ледъ и ужасная *трессея*, по здѣшнему лихорадка, обуяла и полицію и юстицію, медицину и бухгалтерію. Надобно было тотчасъ явиться и достать экипажъ намѣстнику. Конечно, нынче и то и другое дѣло не трудное, но въ то время творилось иначе. Надобно знать, что въ уѣздномъ городѣ Колѣ существовала одна только лошадь. За нѣсколько дней до роковаго наѣзда, прежній хозяинъ разыгралъ ее въ лоторею, и чтобъ сдѣлать свою аферу заманчивѣе, то лошадь, хомутъ и сани составили отдѣльные выигрыши, и единственный во всемъ

городѣ экипажъ разъѣхался въ разныя руки. Перепуганный городничій успѣлъ, однако жъ, все разбросанное соединить по прежнему въ одно цѣлое, и первый, въ мундирѣ, съ письменнымъ рапортомъ, что *все обстоитъ благополучно*, представился, какъ слѣдуетъ, намѣстнику. Его превосходительству, какъ послѣ разсказывалъ городничій, чрезвычайно понравилась его шапка и городъ, который онъ назвалъ уголкомъ Архангельска. Чрезъ нѣсколько минутъ по выходѣ городничнаго, явился крошечный судья, въ мундирномъ сюртукѣ со шлейфомъ. Въ существѣ своемъ, это былъ настоящій мундиръ, но такой длинный, что по росту маленькаго человѣчка, воротникъ закрывалъ ему голову, передняя часть мундира захватывала колѣни, а фалды волочились по полу. По выходѣ судьи, но не такъ ужъ скоро, втиснулся въ двери земскій исправникъ, человѣкъ необыкновеннаго, можно сказать, допотопнаго объема. Покрой натянутаго его мундира, который на немъ чуть не лопался, былъ еще смѣшнѣе судейскаго. Рукава съ трудомъ закрывали локти, въ груди мундиръ расходился на аршинъ, а сзади казался курткою. Намѣстникъ расхохотался. Видя, однако жъ, что каждый изъ чиновниковъ хочетъ мучить его по одиначкѣ, онъ приказалъ исправнику, чтобъ всѣ остальные чиновники явились разомъ. Время тянулось, но никто не показывался. Между тѣмъ въ сѣняхъ поднялась ужасная тревога. Намѣстникъ вышелъ, и что жъ онъ видитъ? Всѣ не доявившіеся чиновники, подъ предводительствомъ стряпчаго, при шпагѣ, но безъ кафтана, въ ожиданіи мундира, впились и

терзали допотопнаго человѣка. Къ общему несчастію, исправникъ отъ треволненія разбухъ, какъ сырое бревно, и никакія человѣческія усилія не могли стащить съ него мундира. Открылось, что въ Колѣ, при единственной лошади, былъ одинъ только мундиръ, для всѣхъ чиновниковъ, которые въ экстренности своего положенія перебрасывали его съ плечъ на плечи, пока не увязъ въ немъ исправникъ.

Одна изъ жертвъ этого событія, засѣдатель Фаддей Фаддеевичъ Кильдюмскій, у котораго кромѣ мундира не нашлось, какъ сказывали, какихъ-то дѣлъ и какихъ-то денегъ, долженъ былъ по неволѣ отправиться въ Архангельскъ. Потеря этого человѣка чрезвычайно опечалила высшій кругъ Кольскаго общества. Домъ Фаддея Фаддеевича былъ самый пріятный, особенно съ 15 ноября по 5 января, когда въ Колѣ солнце не выходитъ изъ подъ горизонта и, слѣдовательно, не видно почти Божьяго свѣта. У него, всякому гостю, по мѣстному обыкновенію, подносили рюмку ликера. Тутъ начинали говорить о разныхъ разностяхъ: о трескѣ, о Норвегіи, объ Архангельскѣ, наконецъ садились за карты, пили пуншъ съ отличнымъ ромомъ, и вечера проводили самымъ пріятнымъ образомъ. Сверхъ того, кромѣ гостепріимства, домъ Фаддея Фаддеевича славился особенно затѣйливостью. Въ его гостиной, надъ диваномъ, въ рамкѣ подъ стекломъ, висѣлъ въ копіи указъ Петра Великаго на имя бывшаго Кольскаго коменданта, дѣдушки хозяина, *о поимкѣ кита**).

---

*) 4-го Сентября 1724.

Рядомъ съ этимъ указомъ, по правую сторону, также въ рамкѣ, красовался пергаментный патентъ хозяина, а по лѣвую сторону цвѣло родословное древо фамиліи Кильдюмскихъ. Одну изъ боковыхъ стѣнъ гостиной покрывалъ огромный планъ Соловецкаго монастыря, а третья стѣна украшалась живописнымъ видомъ каменистыхъ и голыхъ окрестностей г. Колы.

Фаддей Фаддеевичъ былъ человѣкъ ловкій и грамотный, а потому и десяти-лѣтній сынъ его Петруша былъ, по тогдашнему, не дурно образованъ. Онъ отучился даже отъ мѣстнаго *оканья* и начиналъ говорить языкомъ порядочнаго человѣка. Надобно знать, что у поморскихъ уроженцевъ такъ устроены гортанные органы, мужскіе и женскіе, что они никакъ не могутъ произнести буквы *а*, и замѣняютъ ее буквою *о*; но это безпрестанное и рѣзкое о, о, о, знакъ отъявленнаго провинціализма, даже и въ устахъ прекраснаго пола совсѣмъ не граціозно. Сверхъ того, въ поморскомъ нарѣчіи, то есть, въ смѣшеніи языковъ Новгородскаго, Чудскаго и Чухонскаго, такъ много своихъ словъ и выраженій, что новопріѣзжій не вдругъ пойметъ туземца.

Чтобъ разстаться, какъ говорится, на славу, Фаддей Фаддеевичъ на прощаньѣ задалъ чудесный праздникъ. Кромѣ пунша, трески и лабардана, хозяинъ уподчивалъ гостей такимъ пирожнымъ, отъ котораго вся Кола и теперь облизывается. Въ заключеніе ужина, подали двѣ формы желе, въ пустую середину которыхъ изобрѣтательный ужъ хозяина вклеилъ зажженные восковые огарки, и свѣтъ отъ огня сквозь тран-

спарантное желе, произвелъ такую иллюминацію и энтузіазмъ, что гости съѣли даже огарки. Это блюдо прославилось въ цѣлой губерніи. Оно получило такую знаменитость, что до сихъ поръ, въ торжественные дни, желе съ зажженными внутри огарками подается въ губернскомъ городѣ.

Въ одно темное утро при трескучемъ морозѣ тянулись по улицѣ нѣсколько *кережекъ*, или салазокъ съ пристягнутыми къ нимъ оленями. На передней, самой маленькой, сидѣло какое-то чучело, закутанное съ ногъ до головы въ звѣриную шкуру. Эта процессія остановилась у домика, который до половины занесло снѣгомъ. Лопарь, котораго я назвалъ чучелой, раскидалъ длиннымъ шестомъ снѣгъ и постучался въ калитку. Скоро изъ дома вышли два человѣка (это былъ Кильдюмскій съ сыномъ) и каждый улегся въ особыя салазки. Лопарь махнулъ шестомъ, и быстрые олени, закинувъ головы, помчались прокладывать слѣдъ по снѣжной пустынѣ.

Пока путешествуетъ Фаддей Фаддеевичъ, мы сдѣлаемъ крошечное отступленіе.

Самоѣды.

—

Когда полярные морозы застелятъ Сѣверную Двину ледянымъ паркетомъ, а снѣга занесутъ дороги и улицы, тогда бѣднѣйшіе изъ Самоѣдовъ, оставляя свои

тундры, отправляются съ женами, дѣтьми и оленями къ Архангельску, и тутъ подъ городомъ раскидываютъ свой *кумъ*. Кусокъ хлѣба и чарка водки, до которой они страстные охотники, составляютъ главную ихъ приманку. При этомъ они извозничаютъ, и кто жъ, скажите, утерпитъ, чтобъ на Самоѣдскихъ салазкахъ не прокатиться на оленяхъ мимо города? Самоѣдскій *чумъ*, или шалашъ, въ которомъ всякій, кромѣ этого народа, замерзнетъ, обложенъ кругомъ берестою, а иногда оленьими шкурами. Тутъ они разводятъ огонь, ѣдятъ, живутъ и спятъ, не раздѣваясь. Жилища Самоѣдовъ и сами они чрезвычайно неопрятны. Мужчины, женщины и даже ихъ дѣти горькіе пьяницы.

Олень, благодѣтельный спутникъ Самоѣда, доставляетъ своему хозяину и пищу, и обувь, и одежду. Онъ не требуетъ никакого присмотра и круглый годъ прокармливаетъ себя на пустынныхъ тундрахъ безжизненнаго сѣвера. Онъ издали слышитъ и узнаётъ лай хозяйской собаки и, голодный, весело бѣжитъ подъ ножъ Самоѣда. Любопытствующіе взглянуть на Самоѣдское житье забавляются иногда ужаснымъ образомъ. Купивъ оленя, они дарятъ его прежнему хозяину на лакомство. Тутъ вся семья съ ножами бросается на свою жертву и съ жадностью пьетъ теплую кровь и рветъ мясо бѣднаго животнаго. И эти полу-антропофаги имѣютъ свою напыщенность: они доказываютъ, что ихъ неправильно называютъ Самоѣдами, какъ будто съѣдающихъ себѣ подобныхъ, а что ихъ должно называть *самоедиными*, какъ людей, изъ которыхъ каждый живетъ отдѣльно, самъ по себѣ,

самъ единъ. Если бъ они знали указъ Петра I-го (11 января 1717 г.) о двухъ Самоѣдахъ, отосланныхъ въ подарокъ *Грандюку Флоренскому*, то они бы не шутя зачванились.

Самоѣды, или *Самоѣдины*, какъ бы они ни назывались, малорослые, съ калмыцкою физіономіею, запачканные, пьяные, закутанные съ ногъ до головы въ своихъ *мальцахъ*, и жалки и отвратительны. Говорятъ, что они признательны, не воры, помнятъ гостепріимство; но въ этой горсти народа слишкомъ много дурнаго, чтобъ замѣтить что нибудь хорошее.

Есть городъ, въ которомъ одна застава и нѣтъ другого выѣзда; дальше можно только увязнуть въ тундрахъ, или утопиться въ морѣ. Этотъ предѣлъ земнаго проѣзда раждаетъ какое-то грустное чувство. Здѣсь не увидите даже проѣзжающихъ. Вы невольно вздохнете и вспомните о ссылкѣ. Этотъ городъ называется Архангельскомъ, и сюда-то, вслѣдъ за Самоѣдами, пріѣхалъ Фаддей Фаддеевичъ. Онъ остановился на знаменитой Кузнечихѣ.*) Скоро отдохнулъ, посѣтилъ добрыхъ знакомыхъ, и съ помощью ихъ мигомъ опредѣлилъ своего Петрушу на службу царскую. «Ну! г. копіистъ,» сказалъ обрадованный Фаддей Фаддеевичъ, принимайся съ Богомъ за дѣло. Что ни скажутъ старшіе, слушай; что ни напишутъ, удивляйся; *какъ ни оскорбятъ, кланяйся*. Не будь щекотливъ и не болтай лишняго. Терпи, замѣчай, совѣтуйся. Умъ хорошъ, а два лучше; поспѣшишь, людей насмѣшишь, говоритъ

*) Одна изъ улицъ Архангельскихъ.

пословица.» Мальчикъ смышленый и прилежный съ точностію слѣдовалъ отцовскому наставленію и скоро получилъ чинъ, другой и третій. Наслышась, какъ путешествіе образуетъ молодаго человѣка, онъ всячески добивался командировокъ и съѣздилъ въ Онегу и Пинегу. Хотя эти путешествія не много образовали его, но онъ узналъ, по крайней мѣрѣ, каковы въ глуши дороги и каковы чиновники. Сыновніе объ нихъ разсказы Фаддей Фаддеевичъ слушалъ очень равнодушно и послѣ сентенціи «что надо требовать возможнаго,» онъ доказывалъ, что на необъятныхъ пространствахъ, при самомъ ничтожномъ населеніи, ожидать аллей, канавокъ и раскрашенныхъ мостиковъ, также трудно, какъ заманить въ Онегу и Пинегу лучшихъ чиновниковъ.

Не туда хотѣлось съѣздить Петру Фаддеевичу (такъ мы будемъ называть молодаго Кильдюмскаго): онъ добивался Москвы, добивался Петербурга, и полетѣлъ бы туда вмѣсто почтоваго чемодана; но служба и судьба опредѣлили иначе.

Офиціальныя донесенія.

—

Въ маѣ мѣсяцѣ 1809 года, во время разрыва съ Англичанами, примчалась изъ Колы нарочная эстафета — и вотъ событіе, о которомъ земскій судъ и городничій донесли начальству.

Рапортъ земскаго суда.

«Сего числа г. Кольскій городничій, чрезъ возвратившагося съ морскаго вояжа здѣшняго купца Степана Попова, извѣстившись, объявилъ, что близъ здѣшнихъ Россійскихъ Мурманскихъ береговъ, въ Кильдинской Сальмѣ вооруженною рукою появилось на военныхъ англинскихъ судахъ войско и уже дѣйствіемъ начинаютъ, какъ-то промышленниковъ въ становицахъ по Россійскому берегу предаютъ смерти и чинятъ разныя раззоренія да и приближаются къ Екатеринъ-гавани (чего Боже сохрани) и къ самому пограничному городу Колѣ; и для того въ семъ судѣ опредѣлено: елико возможно самопоспѣшнѣйшимъ образомъ истребовать отъ г. городничаго по крайней мѣрѣ двухъ военнослужителей исправныхъ и вооруженныхъ, и притомъ собравъ здѣсь въ городѣ Колѣ сколько есть оставшихся не отправляющимися на промыслъ людей и подвѣдомственныхъ суду крестьянъ, отправиться (и отправился) самому господину исправнику для предпринятія мѣръ къ избавленію отъ нашествія непріятеля.»

Мая 7-го дня 1809-го года.

Рапортъ городничаго.

«Сего числа пріѣхавшіе сюда промышленники какъ изъ Екатеринъ-гавани, такъ и изъ Кильдина, бѣжавшіе отъ непріятеля и едва спасшіеся въ тундрахъ, единогласно объявили мнѣ, что непріятель находится въ

Екатеринъ-гавани и овладѣвъ оною и взявъ тутъ разныхъ купеческихъ семь судовъ. Наконецъ въ 10 день мая, послѣднимъ моимъ средствомъ собравъ самое малое количество жителей города въ ратушу и требовавъ совѣту во оборонѣ, но на оное никто никакова предпринять въ ономъ не могъ, по не имѣнію въ городѣ орудія, окромѣ одной старой команды съ ветхими ружьями и къ употребленію негодными. Послѣ сего, 11 числа, поутру въ 9 часовъ, послана, по настоянію моему изъ города лодка съ 5 человѣками для обозрѣнія непріятеля; но вскорѣ возвратилась, а за ней и непріятельскіе три катера безъ флаговъ со многимъ количествомъ вооруженныхъ солдатъ и матросовъ при двухъ пушкахъ и не сдѣлавъ ни одного выстрѣла. Жители же города и остальная часть разбѣжалась, я жъ остался съ одними и то нѣкоторыми чиновниками и штатной командою. Изъ оныхъ же катеровъ, одинъ съ 40 человѣками прежде присталъ къ судну купца Герасимова, а потомъ осмотрѣвъ оное и къ пристани подъѣхалъ. А за нимъ и остальные два катера. Спрашивая меня не зная на какомъ языкѣ, но я по не знанію отвѣта дать не могъ, и такъ по выходѣ изъ катеровъ пошли по городу поставя они своихъ часовыхъ. А потомъ отобравъ какъ у меня такъ и у чиновниковъ при фрунтѣ ихномъ шпаги, у кого имянно прилагаю списокъ; у штатной же команды всѣ вообще ружья и прочую аммуницію которую и побросали они въ воду. И пробыла непріятельская команда въ городѣ съ 11-го по 13-е число мая и того числа часу въ 12 ночи по собраніи всѣхъ своихъ на суда людей при благополуч-

номъ вѣтрѣ отправились въ гавань на 3 катерахъ и 2 Россійскихъ судахъ, вкои погружено ими не малое количество казеннаго и обывательскаго лѣсу, а при томъ и всѣ съ обывательскихъ судовъ якоря и снасти обрали и увезли и никого въ городѣ съ непріятельской стороны людей не оставлено да и для препровожденія судовъ изъ нашихъ лоцманами никого не взято, о случившихся же въ городѣ во время бытности непріятеля разныхъ произшествіяхъ обстоятельно, по краткости времени, донести нынѣ не могу.

Кола. Мая 14-го 1809-го года.

Регистръ.

Показующій отобраннымъ у бывшихъ при непріятельскомъ фронтѣ чиновниковъ шпагамъ, а именно:

1) У городничаго В.
2) » дворянскаго засѣдателя Г.
3) » » » А.
4) » экспедитора К.
5) » стряпчаго Д.

А у прочихъ чиновниковъ по небытію ихъ въ виду шпаги не отобраны, а остались при нихъ.

Подписалъ городничій В—въ.

Сказываютъ, что эти официальныя донесенія не совсѣмъ были вѣрны; что будто городничій посылалъ къ Англичанамъ парламентера и самъ запрятался въ преисподнюю, а исправникъ, подъ видомъ набора защитниковъ, исчезъ — въ пространствѣ уѣзда.

Провинціалъ.

—

Чтобъ опредѣлить убытки, возстановить порядокъ и успокоить жителей, надобно было послать надежнаго чиновника, и выборъ палъ на Петра Фаддеевича. Я не стану описывать путешествія его въ Колу по знакомой ему дорогѣ. Разница была только въ томъ, что въ первый разъ онъ отправлялся зимою, а во второй лѣтомъ. И какъ въ это время, по невозможности проѣхать около 80 верстъ *горой* (сухимъ путемъ), самыя экстренныя эстафеты ходятъ обыкновенно пѣшкомъ, то онъ такъ опоздалъ, что въ это время изъ глубины уѣзда успѣлъ даже возвратиться въ Колу исчезнувшій исправникъ. Само собою разумѣется, что Петръ Фаддеевичъ, какъ дѣлецъ, порученіе свое выполнилъ самымъ удовлетворительнымъ образомъ, и прежде чѣмъ возвратился въ Архангельскъ, получилъ награду, или, лучше сказать: такъ шагнулъ гигантски, что вы удивитесь.

Однажды въ торжественный день служанка *Опроха* (Ефросинья) прибѣжала сказать старому барину, что къ нему пріѣхалъ новый членъ правленія, и прежде чѣмъ хозяинъ успѣлъ опомниться, мундирный гость влетѣлъ въ комнату. Фаддей Фаддеевичъ вытаращилъ глаза, всматривается, и самъ себѣ не вѣритъ. Новый членъ былъ не кто другой, какъ самъ Петръ Фаддеевичъ. Старикъ вскрикнулъ и со словомъ: мундиръ! шитый мундиръ! покатился въ кресла. Отъ радости не

умираютъ; впрочемъ сюрпризъ былъ такъ силенъ, что почтенный Фаддей Фаддеевичъ скончался дѣйствительно.

Добрый сынъ былъ въ отчаяніи! Боже мой! думалъ онъ, неужели мундиръ, эта краса служащаго человѣчества, въ одномъ только нашемъ семействѣ будетъ причиной всегдашнихъ несчастій. Мундиръ лишилъ отца мѣста, мундиръ предалъ его суду уголовному, и тотъ же мундиръ предаетъ его суду страшному! При этомъ разсужденіи Петръ Фаддеевичъ понялъ всю необдуманность своего сюрприза. И дѣйствительно, послѣ Кольскаго происшествія старикъ Кильдюмскій чувствовалъ такую раздражительность, что онъ не могъ равнодушно видѣть мундира, который казался ему вѣчнымъ упрекомъ; при нѣсколькихъ мундирахъ ему дѣлалось дурно. Домашніе увѣряли даже, что когда на мертваго Фаддея Фаддеевича натягивали мундиръ, то покойникъ вздрогнулъ.

Въ душевныхъ болѣзняхъ – время лучшее лекарство. Время летитъ и уноситъ горе. Время сушитъ слезы, сбрасываетъ трауръ, утѣшаетъ наслѣдниковъ. Время по нѣскольку разъ женитъ и выдаетъ замужъ. Время лучшій товарищъ, другъ, утѣшитель, наставникъ. Подождите, и увидите, что выйдетъ со временемъ. Между тѣмъ Петръ Фаддеевичъ также скинулъ трауръ, перемѣстился совѣтникомъ въ уголовную палату и пуще прежняго принялся за дѣло.

Домъ, который покойный Фаддей Фаддеевичъ оставилъ своему сыну, стоялъ на лучшей улицѣ, противъ такъ называемой площади. На первомъ ея планѣ воз-

вышался соборъ и пресмыкалась кордегардія; на второмъ находился безобразный домъ градскаго общества, съ двумя по сторонамъ церквами, и вдали текла славная Сѣверная Двина, усѣянная барками, гальотами, ладьями и карбасами. На пристаняхъ все суетилось и кипѣло. Здѣсь выгружались, тамъ отчаливали, далѣе гулъ мужской заглушался женскимъ крикомъ. Торговки расталкивали рабочихъ, садились въ свои карбасы, раскидывали паруса, и по вѣтру, какъ морскія чайки, пускались за нѣсколько верстъ отъ Архангельска. Въ сторонѣ снимались съ якоря Соловецкіе гальоты съ блестящими на мачтахъ крестами, и смиренныя богомольцы отправлялись на нихъ для поклоненія угодникамъ Савватію и Зосиму. — «Мѣсто! мѣсто казенной шкунѣ, провожающей академика Бера на Новую Землю!» кричали на другой пристани. «Прощайте, почтенный Карлъ Максимовичъ! Прощайте, г. мичманъ Цыволекъ! Возвращайтесь живы и здоровы съ моржами, песцами и бѣлыми медвѣдями; но, ради Бога, не зимуйте на этой новоскверной землѣ, которая переморила столькихъ промышлениковъ.» И всѣмъ этимъ Петръ Фаддеевичъ могъ любоваться изъ своихъ окошекъ. Жаль было одного, что онѣ, по здѣшнему климату, отворялись въ іюлѣ и снова закупоривались въ августѣ.

Новый хозяинъ велъ жизнь самую скромную. Вставалъ въ 6 часовъ и до 8 читалъ приговоры, въ 9 часовъ отправлялся въ палату, а въ два возвращался домой. Послѣ обѣда, въ хорошее время, то есть, очень рѣдко, отправлялся прогуливаться, а въ дурное, или

очень часто, читалъ Сенатскія Вѣдомости, и проч. Иногда бывалъ въ гостяхъ, но вечеромъ опять принимался за уголовные приговоры и засыпалъ съ самыми пріятными впечатлѣніями. Одно, что нѣсколько отнимало у него времени, это была непреодолимая страсть къ проектамъ. Онъ писалъ о приказныхъ аксиденціяхъ, о привилегированныхъ стряпчихъ, и наконецъ, входя въ положеніе бѣдныхъ поселянъ, которыхъ такъ разорительно обижаютъ волки, онъ предлагалъ, чтобъ, по примѣру всѣхъ Европейскихъ правительствъ, установить плату за каждаго убитаго хищнаго звѣря. По мнѣнію его, кромѣ успокоенія и охраненія поселянъ, этого требовалъ даже хозяйственный разсчетъ, потому что волки ежегодно болѣе съѣдятъ, чѣмъ за нихъ заплатятъ. И вы не можете себѣ представить восхищеніе Петра Фаддеевича, когда ему отвѣчали, что все это очень хорошо и чтобъ онъ не безпокоился.

Чтобъ не помѣшать проектамъ и служебнымъ занятіямъ, Петръ Фаддеевичъ никакъ не рѣшался жениться. Надобно знать, что по мѣсту и, нѣкоторымъ образомъ, по своему дому, онъ считался очень хорошимъ женихомъ. Многія прекрасныя и даже почтенныя дѣвицы подавали ему рѣшительныя надежды. «Скоро-ли мы потанцуемъ на вашей сватьбѣ?» говорила ему наивная Любовь Петровна. — Позвольте сперва повеселиться на вашей. — «Ахъ, нѣтъ-съ, этого никогда не будетъ: я пойду въ монастырь.» — Правда ли, что вы женитесь? — говорила другая... «Помилуйте! При моихъ занятіяхъ..» - Развѣ они помѣшаютъ? — «А недостат-

ки!... а умѣренность! а женины наряды!» – А развѣ всѣ щеголихи? – «А пойдутъ дѣти...» — Ахъ, Боже мой, что вы говорите! — И испуганная серна, какъ падающая звѣзда, скрывалась отъ Петра Фаддеевича. — «Узнала, узнала, чего вы добиваетесь!» – говорила ему одна молоденькая вдовушка; «скажите не шутя, каковы успѣхи?» — Покорно васъ благодарю, шепнулъ, улыбаясь, Петръ Фаддеевичъ. — «А что-жъ? обѣщаютъ. Стало быть, дѣло слажено?» — Ожидаю только указа. — «Какого указа? Я спрашиваю о вашей женитьбѣ.» — А я говорю о моемъ предсѣдательствѣ. — «Боже мой! неужели въ этомъ счастье?» — Помилуйте! да что-жъ лучше: 4/т. жалованья! отвѣчалъ Петръ Фаддеевичъ.»

Такую холодость приписывали болѣе къ роду службы, которой онъ посвятилъ себя. И очень вѣроятно, что ежедневные приговоры *о сильныхъ подозрѣніяхъ*, *ссылкѣ и каторжной работѣ*, составляя сами по себѣ сильныя ощущенія, могли нѣкоторымъ образомъ ожесточить его чувствительность. Отъ этого, однако жъ, ни сколько не пострадали невѣсты, которыя преспокойно повышли замужъ. Пострадалъ одинъ я, потому что съ женитьбой Петра Фаддеевича явилась бы на сцену любовь, интрига, дѣйствіе, комедія, драма и даже трагедія, и мой холодный разсказъ могъ бы возвыситься до занимательной повѣсти. Впрочемъ дѣлать нечего: держась истины, надобно досказывать, какъ было на самомъ дѣлѣ.

Вечёрки.

Разъ только въ жизни Петръ Фаддеевичъ сдѣлалъ, какъ говорится, *дебошъ* и подгулялъ крошечку съ пріятелями на загородной *вечёркѣ*. Эти, по нашему, вечеринки, или посидѣлки, въ такомъ обычаѣ въ здѣшнемъ краю, что нельзя не познакомить съ ними читателей. *Вечёрки*, по большой части бываютъ въ деревняхъ на праздникахъ, имянинахъ, сватьбахъ, на которыя, по приглашенію, собираются крестьянскія дѣвушки. Желающій полюбоваться здѣшнимъ богатымъ дѣвичьимъ нарядомъ, можетъ даже не дожидаясь праздника уладить, или просто, заказать вечёрку. Для этого знакомой изъ ближайшихъ деревень хозяйкѣ надобно дать полсотни рублей на угощенье, назначить вечеръ и съ своимъ чаемъ и запасомъ отправиться къ ней въ гости. На эти прогулки ѣздятъ всего чаще за Двину, въ ближайшую казенную деревню *Заостровье*, противъ самаго Архангельска, и не рѣдко, для забавы, отправляются даже на оленяхъ въ Самоѣдскихъ салазкахъ. Вы подъѣзжаете къ роскошному крестьянскому дому, въ которомъ нѣсколько комнатъ, мебель краснаго дерева, зеркала и люстры. Входя, вы видите отъ 20 до 40 Архангельскихъ красавицъ, въ пухъ разряженныхъ, набѣленыхъ и нарумяненыхъ, которыя чинно, неподвижно, сложа руки и потупивъ очи, сидятъ около стѣнки вокругъ комнаты. Въ сторонѣ стоятъ пѣвуньи, второклассныя красавицы. Когда послѣ привѣтствія хозяйкѣ, онѣ начинаютъ пѣть, то разряженныя красавицы, какъ тѣни въ *Робертѣ*, ма-

шинально встаютъ, подходятъ и просятъ васъ *поиграть;* но игра эта состоитъ только въ томъ, чтобъ съ тою, которая васъ приглашаетъ, пройти родъ польскаго. Отказаться, значитъ обидѣть. Тутъ хозяйка подчиваетъ гостей, и онѣ подъ тѣ же пѣсни, но ужъ безъ кавалеровъ, начинаютъ плясать, или ближе сказать, ходить, какъ во Французской кадрили. Въ этой ходьбѣ и шарканьи нѣтъ ни живости, ни граціозности, словомъ, ничего похожаго на настоящую Русскую пляску. Это происходитъ отъ наряда, который съ головы до ногъ связываетъ красавицъ. Отъ такой пляски не закружится голова; и если что-то подобное случилось съ Петромъ Фаддеевичемъ, то это просто отъ шампанскаго. Здѣшній національный нарядъ чрезвычайно богатъ, чтобъ не назвать его роскошнымъ. Онъ состоитъ изъ штофной золотой юпки и такой же епанечки съ короткими рукавами. Высокая зубчатая повязка унизана жемчугомъ; ожерелье, серьги и запястья также жемчужныя; на рукахъ бѣлыя, длинныя шелковыя перчатки и нога въ щегольскомъ башмакѣ, такъ, что нарядъ крестьянской дѣвушки стоитъ отъ 500 до 1000 рублей.

Государь Императоръ Александръ Павловичъ, бывши въ Архангельскѣ въ послѣднихъ числахъ Іюля мѣсяца 1819 года, изволилъ, между прочимъ, ѣздить на лежащій противъ города *Кегъ-островъ*, который, по живописному его мѣстоположенію, не однократно посѣщалъ Петръ I-й, и тутъ то Высочайшій Посѣтитель любовался щегольскимъ нарядомъ Архангельскихъ поселянокъ.

Такимъ образомъ, безъ жены, безъ родни, безъ всякихъ развлеченій, Петръ Фаддеевичъ и тѣломъ и душой принадлежалъ службѣ. Онъ жилъ въ присутствіи, дышалъ сводомъ законовъ. Каждая уѣздная почта привозила ему новую пищу, новую энергію. На послѣднюю даже начинали жаловаться немножко; но онъ былъ того мнѣнія, что розги и строгость чрезвычайно поддерживаютъ народную нравственность.

Такъ проходили дни, мѣсяцы, годы. Онъ такъ освоился и сроднился съ мѣстностью. что она, какъ говорится, казалась ему *идеаломъ* совершенства. Палату онъ почиталъ ареопагомъ, Архангельскъ Лондономъ, Сѣверную Двину царицей рѣкъ, Бѣломорское лѣто самымъ благорастворенпымъ и полярную зиму самою умѣренною. Наконецъ Петръ Фаддеевичъ шагнулъ до предсѣдательства и выросъ до высокородія.

Пріѣзжій.

—

«А что, батюшка, скажете о нашей губерніи?» спросилъ онъ однажды у одного пріѣзжаго.

— Ну, что-жъ... губернія ваша огромная; она, я думаю, вдвое больше Прусскаго королевства, — отвѣчалъ, пріѣзжій.

«Этого мало» — замѣтилъ Петръ Фаддеевичъ.

— И конечно, ваша губернія, кромѣ пространства, очень богата водою и лѣсомъ.

«И этого недостаточно» — продолжалъ защитникъ всего Архангельскаго.

«Взгляните на наши промыслы, на наше судоходство....»

— Это правда: Архангельцы славные мореходцы.

Петръ Фаддеевичъ обнялъ пріѣзжаго.

— Вашъ Холмогорскій скотъ-чудесный; свѣжая семга объяденье.

«А Мезенскіе лошади? а Кольская морошка?»

— Не дурны, не дурны.

«А Архангельскія полотна?»

— Прекрасны, прекрасны!

Петръ Фаддеевичъ чуть не поцѣловалъ столичнаго жителя.

«А что скажете о нашемъ городѣ?»

Пріѣзжій молчалъ.

Петръ Фаддеевичъ удивился. «Я думаю, продолжалъ онъ, что болѣе 100/т. годоваго дохода не портятъ города?...»

Разумѣется, если они съ пользой употребляются.

Петръ Фаддеевичъ вспыхнулъ. Онъ схватилъ за руку пріѣзжаго и потащилъ его на площадь. «А этотъ геній, который преклонилъ колѣно и поддерживаетъ лиру безсмертнаго поэта? А этотъ восторженный поэтъ, который ударяетъ по струнамъ, воспѣвая славу и счастье Сѣвера?... Словомъ, этотъ памятникъ Ломоносову.... что вы объ немъ скажете?»

«Сбросьте сперва этотъ дрянной домъ и караульню, которые давятъ вашъ памятникъ и сзади и спереди; сдѣлайте это пастьбище площадью, и тогда будетъ не дурно.»

Петръ Фаддеевичъ отворотился и плюнулъ потихоньку. «Послушайте, почтенный предсѣдатель,» продолжалъ пріѣзжій: «мы смотримъ на вещи совершенно разными глазами, и потому никогда не сойдемся въ нашихъ мнѣніяхъ. Чтобъ кончить, скажу вамъ откровенно, что вашъ безжизненный край мнѣ не нравится. Остуженый холодными морями, онъ лишенъ тѣхъ удовольствій, которыми пользуются губерніи, болѣе согрѣтыя солнцемъ и дворянствомъ. Кушайте себѣ треску, катайтесь на оленяхъ, лакомьтесь морошкою-прощайте!»

Отставка.

—

Въ осеннюю полночь сильно завывалъ холодный вѣтеръ. Онъ наносилъ тучи, хмурилъ небо, срывалъ послѣдніе листья, тушилъ фонари и крупнымъ дождемъ, градомъ, стучалъ въ окошки. Во всемъ городѣ въ двухъ только домахъ видѣнъ былъ свѣтъ и не спали люди. Въ одномъ они размахивали руками, вкладывали, тискали, вытаскивали; въ другомъ, длинная человѣческая фигура садилась, писала, вставала и, по-

вѣсивъ голову, мѣрными шагами взадъ и впередъ ходила по комнатѣ. Въ одномъ изъ этихъ домовъ была губернская типографія, въ которой всю ночь напролетъ печатали уставъ о Самоѣдахъ, едва ли имъ извѣстный; въ другомъ жилъ Петръ Фаддеевичъ и писалъ просьбу къ министру. Предметъ былъ чрезвычайно важный. Дѣло состояло въ томъ: что наканунѣ, взбѣшенный пріѣзжимъ говоруномъ, онъ пришелъ домой, и первое, что увидѣлъ на своемъ письменномъ столѣ, на который, какъ на жертвенникъ правосудія, обращалъ главное вниманіе, было письмо съ черною печатью. Черная печать! что это значитъ? и холодныя мурашки отъ самаго темя до оконечностей пальцевъ пробѣжали по жиламъ Петра Фаддеевича. Онъ съ трудомъ распечаталъ письмо и, наконецъ, какъ въ туманѣ, прочелъ апоплексическое извѣстіе о томъ, что палаты уголовная и гражданская, которымъ, по малому народонаселенію, нечего было дѣлать, соединены въ одну, и Петръ Фаддеевичъ остался безъ мѣста! Вообразите сцѣпленіе ужасовъ, которыми изобрѣтательная судьба преслѣдуетъ иногда и доколачиваетъ, такъ сказать, человѣка. По той же самой почтѣ, по которой пріѣхала его отставка, онъ, какъ нарочно, получилъ новый вышитый предсѣдательскій мундиръ и генеральскую на шляпу петлицу!

— Не прикажете ли вскрыть посылку? — шепнулъ ему кто-то въ ухо.... и Петръ Фаддеевичъ вскочилъ какъ бѣшеный... «Я тебѣ дамъ посылку, разбойникъ! Подай ножъ! ножъ, говорю тебѣ! Запри двери и провались къ чорту!» Перепуганный слуга вообразилъ, что Петръ

Фаддеевичъ хочетъ зарѣзаться, и бросился въ полицію, и когда та, не такъ скоро, какъ иногда случается, вломилась въ двери къ мнимому самоубійцѣ, въ надеждѣ найти его мертвымъ, то частный приставъ чуть не умеръ отъ страха, увидя бѣснующагося эксъ-предсѣдателя грозной палаты въ полномъ шитомъ мундирѣ! Между нами, Петръ Фаддеевичъ не вытерпѣлъ; оставшись на единѣ, онъ вынулъ, примѣрилъ и не успѣлъ сбросить съ плечъ соблазнителя.

Этотъ анекдотъ, и опять о мундирѣ, разнесся по всему городу. Петръ Фаддеевичъ не вынесъ: слегъ, хворалъ, выздоровѣлъ, думалъ, думалъ и, наконецъ, придумалъ. «Все къ лучшему! Служи я до смерти, умри я въ палатѣ, и лучшія мои надежды никогда бъ не исполнились, сказалъ Петръ Фаддеевичъ. «Теперь рѣшено: ѣду въ Петербургъ. Это нужно, это необходимо. Между тѣмъ, я разсѣюсь; увижу Царскую Фамилію, гвардію, сенатъ, министровъ, висящіе мосты, чугунныя дороги.» – И Петръ Фаддеевичъ выпрямился, ожилъ, развеселился. И начатое посланіе къ министру разлетѣлось въ клочки и приговоръ объ отъѣздѣ былъ подписанъ.

Поѣздка въ Петербургъ.

—

Началось тѣмъ, что онъ сыскалъ себѣ прекраснаго попутчика, и именно учителя гимназіи Карла Ивано-

вича Штундера. Изъ Архангельска онъ перемѣщался въ Бессарабію и нѣсколько мѣсяцевъ долженъ былъ пробыть въ Петербургѣ. Этотъ человѣкъ много видѣлъ, много читалъ и былъ сущій кладъ для неофита. Потомъ Петръ Фаддеевичъ сталъ разузнавать о дорогѣ. По справкѣ оказалось, что по этому тракту не слишкомъ надежны мосты и худы лошади; но какъ это происходило зимою, которая все крѣпитъ и подгоняетъ, то бояться было нечего. Главнымъ затрудненіемъ представлялись встрѣчи, при которыхъ, по узкимъ и снѣжнымъ дорогамъ, невозможно разъѣхаться. Онъ узналъ, что въ этихъ случаяхъ, обыкновенно, старшій валитъ младшаго; но какъ Петръ Фаддеевичъ былъ 5 класса, то и на этотъ счетъ почтенному путешественнику не стоило безпокоиться. Онъ затруднялся также тѣмъ, гдѣ и какъ расположиться ему въ Петербургѣ. Надобно знать, что онъ ни разу въ жизни не былъ даже въ кандитерской лавкѣ, и вѣрить не хотѣлъ, чтобъ статскій совѣтникъ могъ жить въ трактирѣ.

Къ счастію, одна газета, которую онъ почиталъ источникомъ правды и свѣта, чрезвычайно расхвалила знакомую ей гостинницу, и эксъ-предсѣдатель, убѣдясь въ необходимости, рѣшился остановиться въ чудесномъ заведеніи у Казанскаго моста. Наконецъ все было готово; Петръ Фаддеевичъ съ своимъ сопутникомъ влѣзли въ кибитку; Русскій перекрестился, Нѣмецъ закурилъ трубку; ямщикъ махнулъ кнутомъ и гусемъ заложенныя лошади помчали по Петербургскому тракту.

Первый ночлегъ ихъ былъ въ Холмогорахъ, столицѣ древней Біарміи, описанной въ первобытномъ ея состояніи докторомъ Философіи Шпурцманомъ. Разумѣется, что за давностью не было тутъ мамонтовъ, но за то остались допотопные телята, которыхъ называютъ Холмогорскими коровами. Отсюда около 400 верстъ до перваго города наши путешественники ѣхали лѣсами, и въ этихъ дебряхъ они случайно познакомились съ самымъ сѣвернымъ помѣщикомъ. Извѣстно, что гг. Русскіе землевладѣльцы начинаютъ показываться подъ 46° сѣверной широты; до 59° они сильно плодятся и густѣютъ; тутъ начинаютъ рѣдѣть, рѣдѣть и, наконецъ, подъ 61° градусомъ, въ царствѣ морошки, совершенно исчезаютъ. По исключительнымъ ихъ правамъ въ сравненіи съ другими, Петръ Фаддеевичъ почиталъ ихъ существами высшаго разряда. Вообразите жъ его удивленіе, когда цѣлую деревню этихъ самыхъ существъ дерзкій ямщикъ осмѣлился назвать *дворянскою мелкотою*. Тутъ Петръ Фаддеевичъ узналъ много невѣроятнаго. У него тотчасъ родились мысли, которыя онъ сообщилъ своему сопутнику, обѣщая развить и обработать ихъ въ С. Петербургѣ.

«Всѣ ваши проекты сущій вздоръ, почтеннѣйшій Петръ Фаддеевичъ,» флегматически отвѣчалъ ему Карлъ Ивановичъ. «Повѣрьте, новыя мысли не бабочки; онѣ не порхаютъ; онѣ высиживаются терпѣніемъ, наблюденіемъ и опытомъ. Вашъ проектъ назовутъ старьемъ или враньемъ непремѣнно. Не заботьтесь указывать: если чего не сдѣлано, то вѣрно есть препятствія, которыхъ вы, при поверхностномъ обозрѣніи

предмета, ни понять, ни предвидѣть не можете.» - Петръ Фаддеевичъ нахмурился и цѣлую станцію не сказалъ ни слова.

Города, черезъ которые они проѣзжали, были Каргополь, Вытегра, Лодейное Поле, Новая Лодога и Шлиссельбургъ. Къ сожалѣнію, ни одного изъ нихъ не удалось имъ разсмотрѣть хорошенько. Иные въ то время занесло снѣгомъ, другіе они проѣхали ночью, а одинъ Петръ Фаддеевичъ просто проглядѣлъ, потому что, въѣзжая въ городъ, чихнулъ, а когда оглянулся, то былъ уже за городомъ. Надобно признаться, что большую часть нашихъ уѣздныхъ и нѣкоторыхъ губернскихъ городовъ гораздо пріятнѣе видѣть зимою. Снѣгъ прикрываетъ безобразныя крыши, бугры, ямы, мостовыя, а морозъ держитъ на привязи куръ, гусей, поросятъ и проч. и проч. Лѣтомъ, со всѣми этими патріархальными принадлежностями, особливо съ крапивой и съ коровами, городскія полиціи никакимъ образомъ не могутъ справиться.

Шлиссельбургъ заставилъ Петра Фаддеевича выпрямиться, по близости къ Петербургу, и въ тотъ же день на заставѣ подъ Невскимъ записано: прибылъ изъ Архангельска отставной статскій совѣтникъ Кильдюмскій.

Прославленная гостинница.

—

Петръ Фаддеевичъ пріѣхалъ такъ поздно, что спали даже на Невскомъ проспектѣ. Главный подъѣздъ въ гостинницѣ у Казанскаго моста былъ запертъ, и пріѣзжіе, поворотивъ къ воротамъ съ канавы, насилу втроемъ достучались до вопроса: кто ломаетъ ворота? Узнавъ въ чемъ дѣло, дворникъ съ огаркомъ въ рукѣ отворилъ калитку и повелъ ихъ по лѣстницѣ. Петръ Фаддеевичъ шелъ, шелъ, задохся и сѣлъ на 52-ю ступеню. Отдохнувъ, онъ началъ взбираться выше, опять задохся и сѣлъ на 80-ю. «Ободритесь, сказалъ Карлъ Ивановичъ, мы должны быть не далеко отъ Адмиралтейскаго шпица; мы восхожденіемъ нашимъ перещеголяемъ Сосюра и Гумбольдта...» И это подняло Петра Фаддеевича на высоту 102-хъ ступеней отъ земной поверхности.

Есть случаи, гдѣ не приходится ни браковать, ни торговаться, и такимъ образомъ обсерваторія въ 4-мъ этажѣ, подъ самой крышкой, была нанята на недѣлю. Петръ Фаддеевичъ въ сердцахъ выхватилъ огарокъ и приклеилъ его къ столу, чтобъ не остаться въ потемкахъ. — Всѣ квартирующіе у насъ въ гостинницѣ должны имѣть свои свѣчи, сказалъ ему дворникъ. «Очень хорошо, я могу купить ихъ завтра; но гдѣ жъ я ихъ возьму ночью? Пошелъ, бѣги и вели подать чаю, чтобъ согрѣться по крайней мѣрѣ!» И Петра Фаддеевича затрясло еще пуще, когда дворникъ увѣрилъ его, что у нихъ въ полночь всегда тушатъ огонь на очагѣ и по-

слѣ 12 часовъ никому не подаютъ чаю. «Вотъ вамъ и прославленная гостинница, почтеннѣйшій Петръ Фаддеевичъ!»—Ахъ, оставьте, Карлъ Ивановичъ? Вы видите, я задохся отъ вашего восхожденья, дрожу отъ холода и сохну отъ жажды. Наговоримся завтра, а теперь успокоимся, если это возможно!

На новосельѣ нашъ провинціалъ спалъ очень дурно, и проснулся вмѣстѣ съ трубочистами. Онъ перебудилъ всѣхъ буфетчиковъ и опять, христа ради, просилъ чаю; но ему наотрѣзъ отвѣчали, что у нихъ поутру ранѣе 9 часовъ огня не разводятъ.

—«Славно, славно!—Ай, да хваленая гостинница!» ворчалъ сквозь зубы Петръ Фаддеевичъ, возвращаясь на свою обсерваторію. Онъ подошелъ къ окошку, взглянулъ съ высоты четвертаго этажа на преисподнюю Невскаго проспекта, и съ такимъ визгомъ отскочилъ въ сторону, что задѣлъ и разбудилъ Карла Ивановича. «Что это? вѣрно, чай?...» спросилъ послѣдній, зѣвая и потягиваясь.— Такъ и есть, дожидайтесь, отвѣчалъ Петръ Фаддеевичъ: Нѣтъ, сударь, здѣсь пьютъ и ѣдятъ не тогда, когда хочется, а когда позволятъ мошенники, сдирая за все въ-три-дорога, чортъ съ ними! «Не въ томъ дѣло, продолжалъ его менторъ, подумаемъ лучше о вашихъ надобностяхъ, о вашемъ платьѣ и о вашей шубѣ. Предсказываю, что ваша нынѣшняя, то есть, бѣлая волчья съ свѣтлоголубою покрышкою, погубитъ васъ рѣшительно. Повѣрьте, она превосходитъ всякую оригинальность и доходитъ до степени непозволительнаго.» – Помилуйте! вскричалъ Петръ Фаддеевичъ, что касается до платья, это такъ, я согласенъ; но шуба,

это объектъ важный. Согласитесь, это.... это не панталоны, Карлъ Ивановичъ; это пахнетъ сотнями, которыми швырять я не намѣренъ. — Наконецъ они все таки дождались чаю, одѣлись и отправились на обозрѣнія.

Обозрѣнія.

—

На Невскомъ проспектѣ, на которомъ встрѣчные и поперечные суетятся, бѣгутъ, скачутъ, ищутъ, мечутся, у новопріѣзжаго такъ закружилась голова, что Карлъ Ивановичъ съ трудомъ довелъ его до Казанскаго собора. Отсюда они отправились далѣе: видѣли Зимній дворецъ, коллону Александру I-му, зданіе Главнаго Штаба, Исакіевскій соборъ, чудесный памятникъ, который Великая воздвигла Великому, видѣли Сенатъ и Биржу. Петръ Фаддеевичъ пыхтѣлъ и усталъ до смерти. Надобно знать, что воспитанный въ правилахъ истиннаго чинопочитанія, онъ, при всякой встрѣчѣ съ чѣмъ-нибудь важнымъ, какъ бумажная кукла, дернутая за снурокъ, мгновенно спрямлялся и простиралъ руку къ шляпѣ. Чудакъ безпрестанно оглядывался на всѣ стороны, а проходящіе безпрестанно съ усмѣшкою поглядывали на Петра Фаддеевича. «Что это значитъ, Карлъ Ивановичъ?»—Не что иное, какъ исполнен іе моего предсказанія, отвѣчалъ послѣд-

ній. Это, просто, дѣйствіе вашей шубы, единственной во всемъ Петербургѣ.

Возвратясь домой, онъ съ жадностью бросился на длинную афишу и не зналъ, съ чего начать и куда отправиться. «И вы не стыдитесь раздумывать, когда танцуетъ чудесная Тальони? — А! а! о которой писали? — «Что значутъ ваши писанья, когда вся Европа прокричала о первой въ мірѣ танцовщицѣ. Тальони-чудо! Тальони-Сильфида, Тальони-Грація, Тальони-Флора, Тальони получаетъ болѣе 100/т. годоваго содержанія..» — Если ей не соорудили памятника, продолжалъ одинъ изъ случившихся тутъ знакомецъ Карла Ивановича, то всюду продаются ея бюсты. Здѣсь все Тальони, Петръ Фаддеевичъ: чепчики à la Тальони, фраки à la Тальони, стекла à la Тальони, пирожное à la Тальони. Но что я говорю, прочтите любимую вашу газету, и вы увидите, что за всѣ эти наслажденія, мы, неблагодарные, платимъ слишкомъ мало, и что въ золотомъ вѣкѣ (въ которомъ мы живемъ) надобно пасть къ ногамъ Тальони и отдать ей все, что имѣемъ!

Петръ Фаддеевичъ перекрестился.

Наши пріѣзжіе не теряли времени и не жалѣли денегъ. Они посѣтили всѣ театры, всѣ публичныя заведенія. Были въ Эрмитажѣ, въ Императорской Библіотекѣ, въ Музеумѣ, въ Академіи Художествъ. Были даже въ Дворянскомъ Собраніи, куда, я васъ увѣряю, Петръ Фаддеевичъ явился въ палевыхъ перчаткахъ, въ эшарпѣ и съ булавкой въ грецкій орѣхъ. Съѣздили на паровозѣ въ Царское Село и въ Павловскъ, заходили въ Англійскій магазинъ, завтракали у Бе-

ранже, лакомились у Вольфа, стриглись у Французовъ, слышали Германа, Московскихъ Цыганъ, и даже ученыя блохи и обезьяны не скрылись отъ ихъ обозрѣній. Эти наслажденія, однако жъ, стоили не можко дорого почтенному провинціалу: у него украли подзорную трубку, а когда онъ обѣими руками началъ держаться за карманы, то исчезъ бумажникъ.

«Ну, Карлъ Ивановичъ! вы, которые обо всемъ судите и рядите, что-то вы провозгласите о Петербургскихъ театрахъ?» сказалъ Петръ Фаддеевичъ.

– Ну, что-жъ... они сдѣлали большіе успѣхи и перещеголяли даже многіе Европейскіе, отвѣчалъ Карлъ Ивановичъ. Я говорю о музыкѣ, танцахъ, декораціяхъ, костюмахъ. Въ литературномъ отношеніи, это дѣло другое. Все, что я видѣлъ новаго, по большей части, или скучно, или неблагопристойно, или плохо до крайности. Прежнія театральныя вольности заключались въ какихъ нибудь двусмысленностяхъ, и на нихъ ужасно нападали; нынѣшнія совершаются въ самомъ дѣйствіи, въ самой неблагопристойности на сценѣ, и никто не говоритъ ни слова. Взгляните на водевили съ двухспальными кроватями, взгляните на драмы и трагедіи, въ которыхъ ругаются надъ знатью, бьютъ окошки, зажимаютъ у женщинъ рты, таскаютъ ихъ въ другую комнату, и проч. и проч. Скажите, къ чему спѣшить развращать вкусъ и нравственность публики, когда долго и очень долго могли бъ занимать и трогать насъ не французскими средствами.

«Если пошло на откровенность, отвѣчалъ, вздохнувши, Петръ Фаддеевичъ, то признаюсь вамъ, что меня не

столько огорчаетъ ваша драматургія, сколько гг. газетчики и журналисты. Хваленые ими сочинители, трактирщики, лавошники и конфетчики надули меня чрезвычайно! Грустно разочаровываться, грустно не вѣрить печатному, почтенный Карлъ Ивановичъ!»

По болѣзни своего товарища, эксъ-предсѣдатель началъ, наконецъ, пускаться по городу безъ путеводителя. Однажды, въ полночь, онъ прибѣжалъ домой, какъ бѣшеный. «Нѣтъ, Карлъ Ивановичъ, воля ваша, завтра же перемѣняю квартиру. Вообразите, возвращаясь изъ театра, я слышу въ нашемъ домѣ музыку. На лѣстницѣ толпа людей въ маскахъ стискиваетъ и насильно вталкиваетъ меня въ залу. Я потѣю, задыхаюсь въ шубѣ; меня окружаютъ, хохочутъ; хочу вырваться и не нахожу выхода. Измученный, осмѣянный, я вышелъ изъ терпѣнія. Все къ чорту! кричу я... и чортъ на встрѣчу! Дьяволъ понялъ меня, сжалился, схватилъ за руку, вывелъ изъ ада и укралъ золотую табакеру. Конечно, Карлъ Ивановичъ, завтра жъ вонъ изъ этого дома, гдѣ вѣчная давка и гдѣ музыка ни днемъ, ни ночью, не даетъ покоя квартирующимъ.»

Этотъ случай, при всей непріятности, былъ чрезвычайно полезенъ Петру Фаддеевичу. Онъ заставилъ его сбросить съ плечъ свою голубую шубу, надѣть теплый пальто, засунуть руки въ передніе карманы, нахлобучить шляпу и, вмѣсто типа заѣзжаго зѣваки, преобразиться въ глубокаго мыслителя.

Съ этихъ поръ на него никто не взглянулъ и онъ остался спокоенъ.

«Ну, пожелайте мнѣ успѣха, сказалъ онъ однажды своему товарищу, — я отправлюсь просить мѣста.» — О! о! стало быть, у васъ есть связи, есть покровительство... Кто-жъ за васъ хлопочетъ? – спросилъ его Карлъ Ивановичъ. — «Кто за меня хлопочетъ? 35 лѣтняя безпорочная служба моя, м. г.,» важно отвѣчалъ Петръ Фаддеевичъ. Первый улыбнулся; второй не понялъ и отправился.

— Ну, что жъ, каковы успѣхи? спросилъ его черезъ нѣсколько дней Карлъ Ивановичъ. Петръ Фаддеевичъ вспыхнулъ и началъ взадъ и впередъ ходить по комнатѣ. «Послушайте, Карлъ Ивановичъ! я стану говорить съ вами откровенно: я спросилъ мѣста — мнѣ отказали, это правда, чрезвычайно скоро, чрезвычайно учтиво, но все таки отказали; просилъ позволенія въ отставкѣ носить предсѣдательскій мундиръ — не позволили. Словомъ, отказали во всемъ, что могли сдѣлать и обѣщали, то... въ чемъ нельзя отказать никакимъ образомъ. Конечно, для это, если вы хотите, не стоило пріѣзжать изъ Архангельска. Но я, я удовлетворилъ, по крайней мѣрѣ, чувство моей любознательности. Я много видѣлъ, много слышалъ, испыталъ и понялъ. Я запасся матеріалами для сотни проектовъ; я напишу огромную книгу — и кто знаетъ... кромѣ литературной извѣстности, я сторицей, можетъ быть, вознагражу свои издержки. Это нужно, это даже необходимо, продолжалъ онъ, судорожно пожимаясь, потому что я... между нами, нѣкоторымъ образомъ совсѣмъ прожился, почтеннѣйшій Карлъ Ивановичъ. И такъ, дѣлать нечего: радъ или не радъ, а надобно собираться восвояси.»

Чрезъ недѣлю они обнялись и разстались.

Карлъ Ивановичъ Штундеръ отправился въ Бессарабію; экс-предсѣдатель возвратился въ Архангельскъ.

Преданіе.

—

Послѣ смерти Петра Фаддеевича осталась толстая, нигдѣ не напечатанная, рукопись. До меня дошли только нѣкоторые отрывки и глава подъ названіемъ: *Мысли и наставленія.*

Вотъ нѣкоторыя изъ нея выписки:

Петербургъ похожъ нѣсколько на Архангельскъ. Разумѣется, не строеніями, не людьми, это совсѣмъ другое; но похожъ тѣмъ, напримѣръ... что здѣсь Двина, а тамъ Нева; здѣсь Бѣлое море, тамъ Балтійское; здѣсь портъ, корабли и Нѣмцы, тамъ еще больше; здѣсь морошка и тамъ морошка; здѣсь олени и тамъ олени; здѣсь ужасно холодно и тамъ чрезвычайно холодно. Одинъ городъ: Архангельскъ-Бѣломорскій, другой Архангельскъ-Балтійскій.

Разсчитавъ, приблизительно, сколько вы должны издержать денегъ въ Петербургѣ, берите ихъ вдвое, даже втрое, если можно.

Запасайтесь связями, запасайтесь покровительствомъ.

Если при вашихъ появленіяхъ подъѣздный Русскій слуга, называемый швейцаромъ, скажетъ вамъ: не принимаютъ, суньте ему цѣлковый.

Не останавливайтесь въ хваленыхъ гостинницахъ.

Въ публичныхъ мѣстахъ застегивайтесь на всѣ пуговицы и обѣими руками держитесь за карманы.

На улицѣ смотрите на людей въ лорнетъ; въ театрахъ въ телескопъ.

Сторона Невскаго проспекта къ гостинному двору называется *мѣщанскою*, или *плебейскою*.

Надѣньте пальто, засуньте руки въ передніе карманы, нахлобучьте шляпу, и смѣло ступайте по сторонѣ противуположной.

Тутъ отъ 2-хъ до 4-хъ часовъ вы встрѣтите всѣхъ и каждаго. Это ежедневная прогулка называется *службою*.

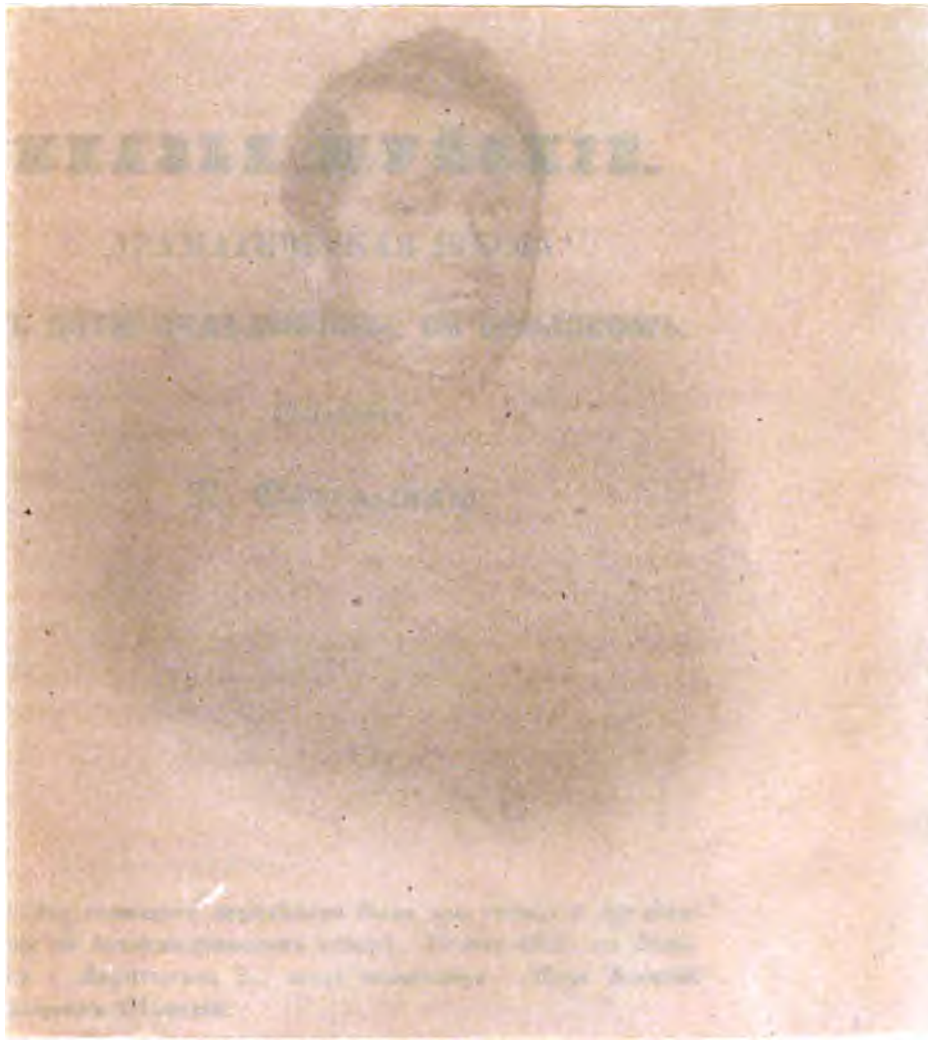
Не обижайтесь за толчки и сами въ свою очередь толкайте всякаго, кромѣ полицейскихъ.

Садясь, старайтесь небрежно разваливаться.

При этихъ случаяхъ позволяется даже задирать ноги, но на это нуженъ, такъ называемый, тактъ и ловкость.

Чтобъ не наскучить, я кончу мою выписку. Прибавлю только то, что Петръ Фаддеевичъ вторично добивался шитыхъ обшлаговъ и ему вторично было отказано. Онъ поставилъ на своемъ, однако жъ, и, наперекоръ начальству, велѣлъ похоронить себя въ предсѣдательскомъ мундирѣ.

П. Ободовский



П. Обгодовичу

КНЯЗЬЯ ШУЙСКІЕ.

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ПОЭМА*

ВЪ ПЯТИ ОТДѢЛЕНІЯХЪ, СЪ ПРОЛОГОМЪ.

Сочиненіе

П. Ободовскаго.

---

* Это сочиненіе передѣлано было для сцены и представлено на Александринскомъ театрѣ, 19 мая 1842, въ бенефисъ г. Каратыгина 2., подъ названіемъ: «Царь Василій Іоанновичъ Шуйскій.»

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Царь Василій Іоанновичъ Шуйскій.
Князь Димитрій Ивановичъ Шуйскій, его братъ.
Княгиня Екатерина Григорьевна Шуйская, урожденная Малюта-Скуратова, жена Димитрія.
Георгій, ихъ сынъ, 13-ти лѣтъ.
Князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій, ихъ племянникъ.
Прокопій Петровичъ Ляпуновъ, Рязанскій воевода.

Шереметевъ
Борятинскій
Трубецкой
Жеребцовъ
Головинъ
Куракинъ
} Воеводы въ войскѣ Скопина.

Зомк, Шведскій генералъ.
Панъ Зборовскій, Польскій генералъ.
Дьякъ Михайловъ.
Петрей, Шведскій посланникъ.

Князь Милославскій
Князь Ѳедоръ Волконскій
Князь Воротынскій
Князь Никита Ушатый
Бояринъ Артемій
Стольникъ Фролъ Ильичъ
} Думные бояре.

Гансъ Канельсенъ, лазутчикъ.
Нѣмецкій врачъ.

1-й
2-й
3-й
} Солдаты изъ Шведскаго войска.

Аптекарь.

1-й
2-й
} Московскіе граждане.

Бояре, Шведы, Русская и Шведская дружина, гридни, боярскія дѣти, сѣнныя женщины Екатерины, народъ.

СДАЧА КЕКСГОЛЬМА.

=

ПРОЛОГЪ.

—

Военная музыка. Шведы, подъ начальствомъ генерала Зоме, вступаютъ въ городъ Колязинъ; вслѣдъ за ними князь Шуйскій-Скопинъ и воевода Борятинскій, Головинъ, Жеребцовъ, Валуевъ. Колязинскій голова, въ сопровожденіи знатнѣйшихъ гражданъ, встрѣчаетъ князя съ хлѣбомъ-солью.

ЯВЛЕНІЕ I.

Скопинъ, *Колязинцамъ*.

Отъ Бога Русскаго бѣжалъ надменный Ляхъ!
Молитесь Господу, — Его вы славословьте,
Да силы намъ подастъ трудъ славный довершить.
Идите въ монастырь, угоднику молитесь:
Заступникомъ въ сраженіи намъ былъ
(Снимаетъ шлемъ.)
Святой угодникъ нашъ Колязинскій Макарій.
(Граждане удаляются.)

Поклонъ игумену и братіи отъ насъ. –
День жарокъ былъ, не такъ ли, храбрый Зоме?

ЗОМЕ.

Не равенъ былъ кровопролитный бой.

СКОПИНЪ.

Ихъ было вдвое больше нашей рати.

ЗОМЕ.

Твои орлы въ бою, безъ тактики и правилъ;
Поучатся, такъ перегонятъ насъ.
Дивился я, что за народъ желѣзный!
Перекрестясь, шли грудью на ружье.
Градъ пуль надъ головой, болото подъ ногами,
Отъ залповъ пушечныхъ трещало за ушами,
Дымъ ѣлъ глаза, а имъ все ничего!

СКОПИНЪ.

Они свершали долгъ. Отечества и Вѣры
И царскаго вѣнца защитники они —
А если что для Русскаго святѣе?
Я благодаренъ вашимъ, генералъ,
За помощь ихъ: они приспѣли кстати.
(Обращаясь къ вождямъ)
При первомъ натискѣ смутился Русскій полкъ,
Содроглась конница отъ вопля Польской рати,
Сапѣга наступалъ, мы подали назадъ —
И признаюсь, когдабъ не доблестные Шведы —
Сапѣга смялъ бы нашъ передовой отрядъ.
Вамъ слава, генералъ, одержанной побѣды.

ЗОМЕ, *Шведамъ.*

Смиренникъ! Слышите ль, вамъ честь онъ отдаетъ.
(Говоръ удовольствія въ дружинѣ).

СКОПИНЪ, *къ Русскимъ.*

Я благодаренъ вамъ, Борятинскій, Валуевъ!
Ты, Головинъ, — отважный Жеребцовъ,
По русски рѣзались, по русски отличались.
Ты раненъ, Жеребцовъ?

ЖЕРЕБЦОВЪ.

Полякъ царапнулъ саблей.

СКОПИНЪ.

Я жду чиновниковъ съ наградами — да вотъ онъ,
Посланецъ царскій. Гость нашъ дорогой,
Прошу пожаловать — легокъ ты на поминѣ.

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и воевода Рязанскій Ляпуновъ.

ЛЯПУНОВЪ.

Князь Михаилъ Васильичъ, много лѣтъ
Тебѣ желаетъ здравствовать Державный,
И царской грамотой благодаритъ тебя
За избавленье Сѣверной Россіи
Отъ скопища враговъ.

(**СКОПИНЪ** снимаетъ шлемъ, беретъ царское письмо и цѣлуетъ.)

ЛЯПУНОВЪ, *тихо Скопину.*

И вотъ еще
Что на словахъ велѣлъ сказать твой дядя :
Отнюдь Кексгольма Шведамъ не сдавай :
Они намъ помогли изъ ненависти къ Польшѣ,
И дружба не прочна сосѣдственныхъ державъ.

СКОПИНЪ.

Кексгольмъ я берегу, какъ бы зеницу ока.
Ты доложи Царю.
(Безъ шлема читаетъ письмо и обращается къ Зоме.)
Вамъ отъ Царя поклонъ
Нижайшій, а равно и графу Делагарди.

ЛЯПУНОВЪ, *глядя въ даль.*

А гдѣ же онъ? Ужели не бывалъ?

ЗОМЕ.

Въ Твери засѣлъ и занятъ дисциплиной.
(Бодро.)
Что можетъ статься съ нимъ? Не дрогну за него.
Сподвижникъ онъ Оранскаго героя,
И за сто миль онъ чуетъ Поляка.

ЛЯПУНОВЪ.

Такъ, можетъ быть, дорогами удержанъ?

ЗОМЕ.

Да, правда, загляни къ вамъ на святую Русь.
Не выплывешь на пушкахъ и лафетахъ.
(Смѣется.)

БОРЯТИНСКІЙ, *Скопину.*

Что пишетъ Государь?

СКОПИНЪ.

Я вамъ прочту писанье.
Межъ нами тайны нѣтъ.

ЗОМЕ.

Вотъ дѣло, вотъ люблю —
Ты рыцарь нашъ Баярдъ, нашъ Морицъ.

СКОПИНЪ, *беретъ за руку.*

Много чести,
Ну, слушайте жъ, что пишетъ Государь:

(Читаетъ громко; всѣ снимаютъ шлемы.)

«Слышимъ о твоемъ великомъ радѣніи и славимъ Бога. Когда ужасомъ или побѣдою избавилъ государство, то какой хвалы сподобишься отъ насъ и добрыхъ Россіянъ! Имя твое и дѣла будутъ памятны вовѣки вѣковъ, не только въ нашихъ, но и во всѣхъ державахъ окрестныхъ. А мы на тебя надежны, какъ на свою душу».

ЗОМЕ.

Съ монаршей милостью имѣю честь поздравить.

(Другимъ вождямъ).

Онъ далеко пойдетъ, я вижу по всему.

СКОПИНЪ, *къ Русской дружинѣ.*

На васъ, друзья, какъ бы на каменную стѣну,
Надѣется нашъ добрый Государь.
Стѣсненный Ляхами, нашъ Царь не унываетъ;

Душа его, какъ сталь, въ бѣдахъ закалена.
На Бога и на васъ одна его надежда!
Примѣръ измѣнниковъ да не прельщаетъ васъ,
Пребудьте вѣрными.

ДРУЖИНА, *въ голосъ.*

Умремъ за Русь, за Вѣру.

СКОПИНЪ.

Освободить Москву и Лавру отъ осады
Онъ молитъ насъ; онъ излагаетъ здѣсь
Всѣ бѣдствія, постигшія обитель:
Онъ пишетъ мнѣ, что Лавра ослабѣла,
Не духомъ иноковъ, нѣтъ, средствами защиты.
Стѣсненная, она взываетъ къ вамъ.
Друзья, допустимъ ли, чтобъ иноземецъ гордый
Попралъ стопой святилище ея?
Чтобъ поругался онъ иконами святыми,
И водрузилъ на ней Латинскій крестъ?
И бритый Іезуитъ святительскія мощи
Изъ храма выбросилъ?

(Грозное волненіе дружины; оружіе звучитъ, знамена колеблются).

НѢКОТОРЫЕ ИЗЪ ДРУЖИНЫ.

Господь, оборони!

Веди насъ на враговъ — не выдадимъ мы Лавры.

СКОПИНЪ.

И насъ еще дерзаютъ упрекать
Въ невѣрности къ Царямъ. Нѣтъ, Русскій до могилы

Привязанъ искренно къ властителямъ своимъ;
Въ груди его нѣтъ мѣста для измѣны!
Лишь вѣра и любовь къ отчизнѣ и Царю
Святилищемъ своимъ его избрали сердце.
Когда жъ измѣнитъ онъ, то вѣрно сѣмена
Заносныя въ его запали душу —
Худой примѣръ кого съ пути не совращалъ?
(Къ Ляпунову.)
Что новаго въ Москвѣ? Смирился ль духъ народа?

ЛЯПУНОВЪ.

Народъ опомнился; довѣріе къ Царю —
Основа прочная, подпора государства,
Вселяется въ сердца, на долго ли? Богъ вѣсть!
Повѣтріе измѣнъ и мятежей народныхъ
Еще тлетворно вѣетъ на Москву.
Еще изъ Тушина не выжитъ самозванецъ.
Марина низкая, Рожинскій атаманъ
И паны Польскіе и — срамъ для нашей чести —
Бояре Русскіе роскошничаютъ тамъ.
И Тушино въ Самборъ Марина превратила:
Тамъ день и ночь пируютъ старъ и малъ;
Тамъ шпорами брянчатъ при музыкѣ Варшавской,
Тамъ вѣчный хороводъ и игры на лугу,
Тамъ Русскіе князья какъ скоморохи, пляшутъ,
Предъ Полькой чванною сгибаются въ дугу,
Обѣдаютъ въ Москвѣ, а въ Тушинѣ ночуютъ.
Изъ думы царственной къ Маринѣ на банкетъ,
И перелётами слывутъ они въ столицѣ!
Позору нашему въ вѣкахъ примѣра нѣтъ!

СКОПИНЪ, *съ огорченіемъ.*

Мнѣ назови бояръ, позорящихъ Россіянъ,
Да выключу ихъ изъ моихъ молитвъ.

ЛЯПУНОВЪ.

Михайло Салтыковъ и сынъ его, Плещеевъ,
Рубецъ-Мосальскій, Хворостининъ князь.
При бѣдствіяхъ Москвы и знати униженьи
Позналъ народъ, что Божія рука
Крушитъ святую Русь за наши прегрѣшенья,
Что родины напасть безмѣрна, велика,
Что вѣрностью одной, незыблемой престолу
Лишь можемъ потушить въ отечествѣ крамолу,
И снова воскресить величье прежнихъ дней —
Спасенья ждетъ народъ — отъ доблести твоей.
(Съ жаромъ).
Ты, князь, явился намъ какъ Архистратигъ новый,
Ты гидру мятежа во градахъ сокрушилъ.
За то любовь къ тебѣ народа безпредѣльна:
Ты узлъ, связующій народъ съ его Царемъ!
Святая Лавра лишь тобою дышитъ;
Молебны о тебѣ не умолкаютъ тамъ,
Тамъ ждутъ тебя, какъ посланнаго свыше;
Ты положи конецъ отечества бѣдамъ.

СКОПИНЪ.

Пока еще въ сердцахъ пылаетъ вѣра,
Пока зовемся Русскими, друзья!
Допустимъ ли, чтобъ Ляхи сопостаты
Слеталися на Русь, какъ на обширный трупъ?

Нѣтъ! Господу хвала! Россійская держава
Еще не отжила свой богатырскій вѣкъ:
Недугъ томитъ ее; минуетъ онъ — и снова
Съ одра возстанетъ въ грозной красотѣ!

(Колокольный звонъ.)

БОРЯТИНСКІЙ.

Игуменъ съ братіей тебя съ крестомъ встрѣчаетъ.

СКОПИНЪ.

Предупредимъ его. Молитвѣ объ усопшихъ,
Друзья, мы посвятимъ торжественный сей день.
Вотъ лучшее отъ насъ товарищамъ хваленье:
Мы слезъ не будемъ лить. Кто за отчизну палъ,
Тотъ совершилъ свое земное назначенье:
Имъ память вѣчная! Отрадно для сердецъ
Стяжать за родину безсмертія вѣнецъ.

(Уходитъ, сопровождаемый Зоме и Русскими воеводами и всею дружиною Русскою. Шведы остаются.)

ЯВЛЕНІЕ III.

1-й ШВЕДЪ.

Пошли себѣ трезвонить и кадить.
Не то, чтобъ праздновать побѣду за бокаломъ.

2-й ШВЕДЪ.

Какъ воеводѣ пѣть на клиросѣ не стыдно!

3-й шведъ.

А почему не пѣть? Святой пророкъ Давидъ
Стыдился ли плясать съ кимваломъ предъ кивотомъ?

АПТЕКАРЬ.

Опять заспорили о вѣрѣ, господа!
У васъ до словъ не далеко до драки.
А проку нѣтъ. Оставьте докторамъ
Чернильною войной рѣшить вопросъ о вѣрахъ.

2-й шведъ.

Ты правду говоришь: не намъ о томъ судить.
Съиграемъ партію — вотъ барабанъ и кости.

1-й шведъ.

Мнѣ не на что играть; гроша нѣтъ за душой.

2-й шведъ.

Не поживишься здѣсь: намъ грабить запрещаютъ.

3-й шведъ.

Да было бъ что пограбить на Руси.
Попали мы на слѣдъ Москвитянъ и Поляковъ
И не запнулися — онъ гладокъ какъ ладонь.
Вѣдь даже насъ они, союзныхъ, не щадятъ;
Ощиплютъ какъ цыплятъ, лишь попадися въ когти.

1-й шведъ.

Однажды лишь въ Твери мнѣ удалось стянуть.

2-й шведъ.

А что, не злато ли?

1-й ШВЕДЪ.

Кое-что изъ съѣстнаго.

2-й ШВЕДЪ.

Что жъ?

1-й ШВЕДЪ.

Фляжку стараго заморскаго вина.
Гдѣ ни взялся казакъ; не говоря ни слова,
За флягу хвать — и осушилъ до дна;
Нагайкою хлеснулъ и взвился какъ синица.
Минуты двѣ я вслѣдъ ему глядѣлъ.

АПТЕКАРЬ.

Ты воронъ — онъ лисица.

1-й ШВЕДЪ, *Французу*.

А помнишь, какъ казакъ въ Торжкѣ намъ подрадѣлъ?

АПТЕКАРЬ.

Гдѣ мнѣ забыть?

2-й ШВЕДЪ, *и другіе*.

Что было, разскажи!

БОГЕМЕЦЪ.

Про казаковъ мы любимъ побасёнки.

АПТЕКАРЬ.

Какъ дѣти любятъ сказки про духовъ.
Такъ слушайте: въ морозный день,

Мы, изнемогшіе отъ стужи и дороги,
Какъ остовы, едва передвигая ноги,
Тянулись по снѣгамъ, — обозныхъ скрыпъ саней
И ржанье томное голодныхъ лошадей
Безмолвье лишь пустыни прерывали,
Какъ бы за гробомъ мы плелися и молчали.

2-й ШВЕДЪ.

Вотъ чудеса природѣ вопреки!
Французы - и языкъ на привязи держали.

АПТЕКАРЬ.

Прикусишь жало ты, пріятель мой, когда
Отъ стужи смерзнется съ усами борода,
Вотъ, близъ Торжка мы встрѣтились съ Рожинскимъ.
Какъ гаркнетъ онъ, и волны казаковъ
И Москалей, приверженцевъ растриги,
Нахлынули на насъ.

1-й ШВЕДЪ.

Аптекарь нашъ Французъ
Краснорѣчивъ.

2-й ШВЕДЪ.

Вѣдь онъ риторики студентъ.

АПТЕКАРЬ.

Мы бились, какъ львы.

1-й ШВЕДЪ.

Ну, полно, братъ, не лги.

АПТЕКАРЬ.

Да, правда, мы на пядень отступили.

2-й ШВЕДЪ, *смѣясь.*

Рожинскій отнялъ ихъ запасы, весь обозъ,
Боченокъ съ пѣнникомъ въ саняхъ съ собой увезъ,
А казаки умчали маркитантку.

ШВЕДЫ.

Вотъ молодцы!

АПТЕКАРЬ.

А лучшій подвигъ ихъ
Парижъ прочтетъ въ моихъ запискахъ путевыхъ,
Въ нихъ Гунновъ опишу XVII вѣка.
Попалась въ лапы имъ походная аптека.
Въ ней не было лекарствъ, лишь оставался спиртъ,
Спасенье для носовъ отъ Русскаго мороза.

1-й ШВЕДЪ.

Да, правда, отъ него въ кулакъ не спрячешь носа.

2-й ШВЕДЪ.

Французскаго подавно!

АПТЕКАРЬ.

Канибалы,
Не морщась, роспили спасительный мой спиртъ,
И бросили въ меня разбитые фіалы.

1-й ШВЕДЪ.

Вотъ чудо, какъ они утробы не сожгли?

АПТЕКАРЬ.

Въ Москвитянахъ вы нѣженокъ нашли!
Что спиртъ? — вода для ихъ муравленой утробы.

1-й ШВЕДЪ.

Ахъ, Господи! они изжарятъ насъ, съѣдятъ,
Зароютъ косточки подъ снѣжные сугробы.

2-й ШВЕДЪ.

Онъ Шведъ и трусъ! Не бось, здѣсь зайцевъ не ѣдятъ.

(Тѣ же и Австріецъ Гансъ Капельнекъ проходитъ мимо солдатъ, шутливо здороваясь съ ними.)

АПТЕКАРЬ.

Что это за чудакъ вертлявый, тонконогій?

1-й ШВЕДЪ.

Вновь завербованный Австріецъ, – краснобай,
Набитый вѣстями, какъ капуцинъ дородный.
Здорово, Гансъ! что новаго?

АВСТРІЕЦЪ.

Потише,
Пронесся слухъ, да, чуръ, не разглашать,
Что возмутилися солдаты Делагарди
И повернулися къ границѣ.

ШВЕДЫ.

Вотъ-те на!
Намъ плохо безъ него, — да что причиной бунта?

АВСТРІЕЦЪ.

Имъ жалованье Царь не платитъ по условью.
Сулитъ, манитъ; наемникъ же солдатъ
Не будетъ сытъ однимъ блестящимъ обѣщаньемъ.

Ему плати гольемъ — не то въ отчизну маршъ,
Иль въ службу къ тѣмъ, кто платитъ безъ проторовъ.

1-й шведъ.

Австріецъ правъ; и намъ не платитъ.

2-й шведъ.

Манитъ насъ,
Все кормитъ завтракомъ.

1-й шведъ.

Все держитъ на посулѣ.

2-й шведъ.

Пустили въ лужу насъ, какъ стаю тощихъ утокъ —
Пустехоньки карманы и желудокъ.

3-й шведъ.

Какъ мышь церковная, мы голодны всегда,
Исчахли мы — домой придемъ скелеты.

АПТЕКАРЬ.

Мѣшки съ костями.

1-й шведъ.

Вода и толокно
И черный хлѣбъ пріѣлись мнѣ. Ребята,
Иду служить туда, гдѣ лучше кормъ и плата!

АВСТРІЕЦЪ.

Съ племянникомъ Царя старикъ вашъ заодно.
Онъ славно пьетъ и ѣстъ, а гдѣ беретъ онъ злата?

1-й ШВЕДЪ.

Гусь лапчатый, языкъ на привязи держи.
Землякъ мнѣ генералъ — онъ Шведъ и честенъ,
Не поживится шилингомъ твоимъ!
И видно, что папистъ.

АВСТРІЕЦЪ.

Ошибся, братъ,
Во избѣжанье споровъ богословскихъ,
Въ Москвѣ я принялъ Греческій законъ.
Блаженной памяти, Царь Дмитрій Іоаннычъ
Самъ отъ купели воспріялъ меня.
Счастливое при немъ житье мнѣ было,
Златые дни! мнѣ ввѣкъ ихъ не забыть.

АПТЕКАРЬ.

А говорятъ, что въ Тушинѣ селѣ
Державствуетъ царь Дмитрій, какъ и прежде;
Что весело живетъ; онъ пьетъ и ѣстъ какъ царь

АВСТРІЕЦЪ.

Пиры даетъ вождямъ, солдатамъ вечеринки;
Обилье мясъ и дичи и сластей.
Тамъ пѣннику чаны, а меду хоть не пей.
Въ мальвазіи, въ венгерскомъ, хоть купайся.
Тамъ съ жиру бѣсятся и пляшутъ цѣлый день.
Раздолье не житье! Я только лишь оттуда,
И вѣкъ бы вѣковалъ, друзья мои, когда бъ
Съ шутомъ Дмитрія, съ Петрушкой, не поспорилъ.

Придворный шутъ, опаснѣйшій намъ врагъ.
Подъ видомъ простоты наябедничать мастеръ.
Господь, оборони врага нажить шута
Придворнаго.

АПТЕКАРЬ.

Но, точно ль, самозванецъ
Не жидъ, а Дмитрій.

АВСТРІЕЦЪ.

Точно онъ, ей, ей!
Отецъ мой крестный, честію клянуся.

1-й ШВЕДЪ.

Другимъ чѣмъ поклянись — мы знаемъ честь твою:
Она истертая, ходячая монета
И потеряла вѣсъ.

АВСТРІЕЦЪ.

Сатирикъ острословъ!

АПТЕКАРЬ.

Мнѣ любопытно знать дѣйствительно разстригу.

1-й ШВЕДЪ.

Да, да, увѣрь его, Аптекарь пишетъ книгу.

АВСТРІЕЦЪ.

Но какъ увѣрить васъ?

АПТЕКАРЬ.

Дѣйствительно ли онъ

Избѣгъ убійцъ? Всего стеченья обстоятельствъ
О самозванцахъ я доселѣ не слыхалъ.

АВСТРІЕЦЪ, *важно.*

Онъ крестникомъ меня торжественно призналъ —
Какихъ же надобно еще вамъ доказательствъ. —
Бьютъ зорю, господа; прощайте, добра ночь!

1-й ШВЕДЪ, *уходя.*

Околдовалъ ты насъ разсказами своими.
Вѣдь Тушино у насъ не выйдетъ изъ ума —
Тамъ вины и пиры, а здѣсь сухояденье!

ЯВЛЕНІЕ IV.

ГАНСЪ, *одинъ.*

Околдовалъ? Въ просакъ попались сами.
Умъ — кабала для нихъ! Безсмысленный народъ,
Лишь помани ихъ лакомымъ кусочкомъ,
И вѣрность ихъ растаяла какъ воскъ.
Когда народъ не охраняетъ трона,
Наемники царямъ — худа оборона.
Затѣялъ я опасную игру,
Лазутчикъ у Царя, у Шуйскихъ, у разстриги,
И Сигизмундъ ко мнѣ со златомъ посылалъ.
Мнѣ Русскихъ жаль — народъ гостепріимный!
Другаго не найдешь, хоть міръ весь обойди.

Ужъ гдѣ я не бывалъ? Изъ Австріи отъ петли,
Изъ Турціи бѣжалъ я отъ мѣшка,
Въ Испаніи едва я не изжаренъ —
Въ одной Москвѣ я въ честь попалъ.
Коль будутъ Русскіе всѣмъ рады иноземцамъ,
Не мало сволочи сберется къ нимъ въ Москву.
Безпомощенъ прибрелъ въ Москву я, голъ какъ палецъ,
Какъ палецъ гибокъ былъ. Здѣсь удалося мнѣ.
И вотъ, ужъ прибралъ я кое-что къ сторонѣ.
Еще здѣсь послужу, составлю капиталецъ,
Потомъ схожу на поклоненье въ Римъ,
У папы вымолю грѣхамъ своимъ прощенье
И возвращусь тогда къ полямъ моимъ роднымъ,
И буду праздновать свое перерожденье!

(Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ V.

Комната князя Скопина въ Колязинѣ.

Скопинъ и Ляпуновъ,
шумъ за сценою пирующихъ бояръ.

СКОПИНЪ.

Отъ трапезы меня веселой ты уводишь,
Твой видъ таинственный что мнѣ пророчитъ?

ЛЯПУНОВЪ.

Смерть!

СКОПИНЪ.

Ты шутишь, Ляпуновъ!

ЛЯПУНОВЪ, *торжественно.*

Ты помнишь ли то время,
Когда у ногъ твоихъ преступникъ я лежалъ,
Раскаянья слезами заливаясь,
Тебя какъ бы символъ спасенья обнималъ,
Молилъ принять меня на лоно благодати,
Измѣну родинѣ заблудшему простить?
И тотъ, кто предъ лицемъ всей рати,
По гробъ клялся тебя боготворить,
Тотъ нынѣ предъ тобой колѣна преклоняетъ.
Отринутый отъ всѣхъ тогда молилъ тебя —
Ты внялъ меня — теперь вся Русь со мной взываетъ:
Спаси!

СКОПИНЪ, *скоро.*

Кого спасти? не вѣдаю!

ЛЯПУНОВЪ.

Себя!

СКОПИНЪ.

Загадоченъ ты для меня, Прокопій!
Уже за трапезой замѣтилъ я,
Необычайныя твои движенья, взгляды.
Ты часто нарушалъ приличія обряды.
Твой кубокъ задрожалъ въ рукѣ твоей, какъ я
За здравье пилъ Царя. А вспомни, что ты сдѣлалъ,

Когда за кубки мы взялися дружно пить
За здравье Дмитрія: ты ножъ схватилъ, не кубокъ,
И въ хлѣбъ вонзилъ. Не мнѣ тебя хулить;
Иной бы упрекнулъ тебя въ невоздержаньи —
Я снисходителенъ.

ЛЯПУНОВЪ, *пылко.*

Какъ жертва на закланье,
Ты снисходителенъ; какъ агнецъ кротокъ, тихъ,
И подъ ножемъ враговъ-завистниковъ своихъ
Издашь ты стонъ одинъ, не укоризны....
Но знай, твой стонъ — послѣдній стонъ отчизны!

СКОПИНЪ.

Но кто же посягнулъ на жизнь мою?

ЛЯПУНОВЪ.

Враги!
Ты шествуешь путемъ прямымъ къ великой цѣли;
Твой свѣтлый взоръ не видитъ позади,
Какъ зависти змѣя извилинами вьется;
Къ престолу царскому она стезю нашла
И даже дяди слухъ шипѣніемъ тревожитъ.

СКОПИНЪ.

Но кто же та змѣя!

ЛЯПУНОВЪ.

Димитрій, дядя твой,
Его жена, дочь злобнаго Малюты,
Лукавая какъ бѣсъ, и даже въ чародѣйствѣ

Винитъ ее народъ — давно тебѣ
Грозятъ погибелью.

СКОПИНЪ.

Не вѣрилъ я молвѣ. —
У дяди на умѣ однѣ забавы, пляска:
Ему бъ лилась мальвазія рѣкой,
Румяный ликъ и взоръ самодовольный;
Для всѣхъ и каждаго улыбка и привѣтъ
Не часто признаки бываютъ слабодушья,
Сердечной пустоты, а злобы, право нѣтъ —
Что до жены его, она умнѣе мужа,
Согласенъ въ томъ; но я люблю ее, какъ мать,
И ничего сказать о сердцѣ не дерзаю.
Чти мать твою, намъ заповѣдь гласитъ.
Къ тому же не за что меня имъ ненавидѣть —
Въ семействѣ ихъ я выросъ, возмужалъ.
Какъ часто на груди Екатерины
Я, сирота-младенецъ, засыпалъ;
Какъ часто колыбель мою качалъ Димитрій
И въ очи спящаго младенца цѣловалъ.
Любовью я платилъ; другой не зналъ я платы!
Любовь ко мнѣ Господь посѣялъ въ сердцѣ ихъ:
А Божіе зерно не падаетъ на камень!

ЛЯПУНОВЪ.

О добрый Михаилъ, людей не знаешь ты:
Въ чемъ было имъ завидовать младенцу?

СКОПИНЪ.

Но чѣмъ же въ нихъ я зависть возбудилъ?
Я не знатнѣе ихъ, не выше, не богаче;

Такой же какъ они я родственникъ Царя,
И также, какъ меня, ихъ жалуетъ Державный.

ЛЯПУНОВЪ.

Но ты совмѣстникъ, ты соперникъ страшный ихъ!
И на пути къ вѣнцу — имъ камень преткновенья!

СКОПИНЪ.

Что на меня могло сомнѣніе навлечь?

ЛЯПУНОВЪ.

Любовь народная и твой побѣдный мечъ!
Завистники у насъ — плоды достоинствъ нашихъ:
Гдѣ стадо — тамъ и волкъ, заслуги гдѣ, тамъ зависть.

СКОПИНЪ.

Жалѣю ихъ и Господа молю,
Да вырветъ плевело изъ родственнаго сердца!

ЛЯПУНОВЪ.

Не сокрушай себя, съ тобой я буду смѣлъ —
Вѣдь оба любимъ мы отечество святое,
И чувства пылкія мои ты извинишь,
Тебѣ откроюсь я, ты истину услышишь,
Какой ни отъ кого доселѣ не слыхалъ:
Начну съ Василія.

СКОПИНЪ.

Прошу, о немъ ни слова.

ЛЯПУНОВЪ.

Онъ жалуетъ тебя — не вѣрь, онъ врагъ тебѣ!
И онъ завидуетъ твоей побѣдной славѣ.

СКОПИНЪ.

Умолкни! Злыхъ рѣчей я слышать не люблю.
Злословить за глаза есть дѣло слабыхъ. —

ЛЯПУНОВЪ, *пылко.*

Въ глаза и за глаза сказать ему готовъ,
Не убоясь его, ни Шведовъ, ни стрѣльцовъ,
Что за грѣхи его и слабое правленье
Господь пошлетъ на насъ Израиля плѣненье,
Что новый намъ грозитъ въ Варшавѣ-Вавилонъ.

СКОПИНЪ.

Прокопій, Богъ съ тобой, ты гнѣвомъ воспаленъ,
Ты внѣ себя! Опомнись, безразсудный —
Я Шуйскій!

ЛЯПУНОВЪ.

Русскій ты — древнѣе это имя!

СКОПИНЪ.

Царь дядя мнѣ.

ЛЯПУНОВЪ.

Тебѣ Россія — мать!

СКОПИНЪ, *огорченный.*

И ты нашъ врагъ, и ты Іуда нашъ предатель,
Иди къ Лжедмитрію, тебя я не держу.

ЛЯПУНОВЪ.

Да будетъ проклятъ онъ отнынѣ и довѣка!
(Успокоивается).

Я огорчилъ тебя — прости мнѣ, Михаилъ!
Огонь я — признаюсь, но въ томъ я невиновенъ:
Я Русскій коренной, и просвѣщенья свѣтъ
Не озарилъ еще мой разумъ полудикій,
Московскій Дворъ еще меня не охладилъ.
Отъ истины святой еще я не отрекся,
Еще отечество милѣе мнѣ чиновъ.
О, какъ оно сокрушено бѣдами!
Святая Русь, не узнаю тебя!

(Закрываетъ лицо руками.)

СКОПИНЪ,

бросается въ его объятія, долго лежитъ на его груди; потомъ вырывается, отираетъ слезы и беретъ Ляпунова.

Благодарю тебя, Прокопій, за пріязнь.
Какъ злато чистое, слова твои пріемлю.
Спокоенъ будь, умѣрь свою боязнь;
Враговъ я не страшусь, а козни презираю!
И душу зритъ мою Небесный Судія.
Нѣтъ, въ ней не затаилъ я мысли о престолѣ:
Таится въ ней къ Царю и родинѣ любовь;
А гдѣ тотъ чистый огнь вполнѣ пылаетъ —
Своекорыстію, повѣрь, тамъ мѣста нѣтъ.

(Принимаетъ прежній важный видъ.)

Спѣши въ Москву, повѣдай Государю
Намѣренья мои. Вотъ хартія — на ней
Написанъ ходъ моихъ военныхъ дѣйствій;
Скажи ему, что рать со мной въ огонь готова.
Сюда стеклись полки съ низовыхъ городовъ.
Искусству ратному ихъ Зоме обучаетъ.
Ты видѣлъ самъ, какъ добрый пахарь нашъ

Для родины свой плугъ охотно покидаетъ.
Пріемы ратные — забава для него,
Понятливъ, смѣтливъ онъ на дѣло боевое.
Что до Кексгольма, доложи Царю,
Столь важной крѣпости не уступлю я Шведамъ:
Указъ Царя, какъ заповѣди чту,
И головой за крѣпость отвѣчаю.
(Обнимаются. Скопинъ останавливаетъ уходящаго Ляпунова.)
Прости, еще тебѣ я просьбой докучаю:
Не злобствуй на Царя, храни его права;
Повѣрь, не столь онъ слабъ, какъ обнесла молва.

ЛЯПУНОВЪ.

Любя племянника, я къ дядѣ не враждую,
И личной злобою къ Василью не дышу.
Что болѣе люблю отечество, не скрою—
Моя ли въ томъ вина?

СКОПИНЪ.

Еще скажи ему,
Что длань его заочно я цѣлую
И Господа молю о здравіи его. —
Прости, счастливый путь!

ЛЯПУНОВЪ.

Увидимся подъ Лаврой.
(Уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ IV.

СКОПИНЪ.

Отчетъ Царю окончить долженъ я....

(Садится за столомъ.)

Вотъ списокъ плѣнникамъ; паны есть между ними.
Какъ, сынъ Зборовскаго! Добыча ходь куда!
Для Польши стоитъ онъ полсотни Русскихъ,
Не поскупится намъ она ихъ отсчитать

(Пишетъ.)

За сына храбраго Зборовскаго — аминь. —

(Снимаетъ съ себя верхнюю одежду, потомъ беретъ книгу.)

Душа моя въ сей день подобна дню.
Тревожили ее и страсти, и желанья,
Одной страницею священнаго писанья
Насонъ грядущій я ее угомоню.

(Читаетъ.)

Послышались шаги и рѣчи... смѣна стражи —

(Читаетъ.)

«Господь пасетъ мя и ничто же мя сокрушитъ,
«На мѣсто злачно ведетъ мя»... и проч.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Скопинъ и панъ Зборовскій.

ЗБОРОВСКІЙ, *отряхивался.*

Я до костей промокъ! Мы просимъ извиненья,
Яснѣйшій князь, что безпокоимъ васъ.

СКОПИНЪ.

Возможноли? Полякъ во станѣ Русскомъ?
Дивлюся смѣлости твоей, вельможный панъ!
Какъ пуля Шведская не сбила Русской шапки
Съ Литовской головы?

ЗБОРОВСКІЙ.

Не безпокойся, князь,
Съ ландкнехтами вѣдь я по-пански разсчитался,
На злато звонкое свинецъ ихъ промѣнялъ.

СКОПИНЪ.

Ужели до того я окруженъ измѣной,
Что и во станѣ Русскомъ Сигизмундъ
На жизнь мою злодѣйски посягаетъ?

ЗБОРОВСКІЙ.

Господь съ тобой! Что въ умъ тебѣ запало?
Зборовскій панъ готовъ сразиться грудь о грудь
Съ тобой на полѣ чести; до убійства
Высокородный панъ себя не унижалъ.
Хотя я врагъ тебѣ — долгъ рыцарства и чести
Велитъ щадить безпечнаго врага.
Сюда я прибылъ для размѣна плѣнныхъ.
Что опоздалъ, гроза тому виной. —

СКОПИНЪ.

Когда же такъ, скорѣй приступимъ къ дѣлу.
О плѣнникахъ со мной хотѣлъ ты совѣщать;
Безъ воли царской я не приступлю къ размѣну,
Я доложу Царю.

ЗВОРОВСКІЙ.

Прошу не медлить, князь,
Священнѣйшимъ тебя я въ мірѣ заклинаю.
Всѣ наши плѣнники отправлены въ Москву —
Межъ ними Станиславъ, мой сынъ, моя надежда.
Спаси его, молю!

СКОПИНЪ.

Спокоенъ будь.
Мольбы твоей мой дядя не отринетъ —
Ходатаемъ за сына буду я.

ЗВОРОВСКІЙ.

Прими мою признательность. Не диво,
Что Русскіе тебя боготворятъ.
Ахилла мужество, Агамемнона твердость
И мудрость Нестора вмѣщаешь ты въ себѣ.
Когда бы Русскіе тебѣ всю цѣну знали —
Чело твое вѣнецъ бы украшалъ
И бармы царскія на раменахъ сіяли....

СКОПИНЪ, *улыбаясь.*

Краснорѣчивъ придворный Сигизмунда.

ЗВОРОВСКІЙ.

Зови меня какъ хочешь, я не властенъ
Чувствъ пламенныхъ разсудкомъ охладить;
Издавна ты предметъ всѣхъ нашихъ помышленій.
Рѣчь посполитая и самъ король
Давно въ тебѣ желанное сыскали.
Смятенья Русскія наскучили и намъ.
Желая блага вамъ, какъ добрые сосѣди,

О мѣрахъ думаемъ вашъ призрѣть бѣдный край,
Васъ просвѣтить, упрочить счастье ваше:
Основа счастія народовъ — свѣтъ наукъ.
Предъ музами молчитъ оружья дикій звукъ,
Отъ музъ земная жизнь свѣтлѣе, краше,
Лишь просвѣщеніе въ пустынѣ зиждетъ рай;
Не отвергай спасительнаго дара.
Опасенъ самый дымъ сосѣдняго пожара —
Такъ судитъ Сигизмундъ, и положилъ въ душѣ
Окончить бѣдствія, постигшія Россію,
Принявъ подъ свой покровъ

СКОПИНЪ, *въ ужасѣ отступая отъ него.*

Ни слова болѣ!
Вниманье самое къ предательскимъ словамъ
Для Русскаго уже отечеству измѣна!

ЗВОРОВСКІЙ.

А ты еще не слушаешь его!
Лишь отъ тебя оно спасенья ожидаетъ,
Лишь ты его надежда и покровъ;
Лишь ты одинъ его исцѣлишь раны...
Ты глухъ къ его стенаньямъ и мольбамъ,
А славишься еще любовію къ Россіи!
(видя грусть Скопина.)
Сочти всѣ бѣдствія, постигшія Москву,
Сочти судьбы жестокіе удары;
Умѣлъ ли ихъ Василій отразить?
Уврачевалъ ли онъ заботливой рукою
Растерзанную грудь отеческой земли?

Сдержалъ ли клятвы онъ? Достигнувъ самовластья,
Въ желѣзный бичъ онъ скипетръ превратилъ;
И первый шагъ къ престолу опозорилъ
Неправдою, гоненіемъ бояръ,
Доносами и гнуснымъ сребролюбьемъ.
Сиротскимъ золотомъ казну наполнилъ онъ.
А плачу сироты внимаетъ Сердцевѣдецъ
И кары шлетъ на грѣшнаго Царя.

СКОПИНЪ, *прерывая.*

Умолкни, дерзкій Ляхъ, иль я молчать заставлю!

ЗВОРОВСКІЙ.

Вотъ грудь моя, рази, лишь выслушай меня,
И выполнить позволь великую присягу.
Судьбу двухъ царствъ держу я на вѣсахъ.

СКОПИНЪ.

Я слушаю.

ЗВОРОВСКІЙ.

Склонившись милосердно
Къ моленьямъ тайнымъ изгнанныхъ бояръ,
Рубца-Мосальскаго, Михайлы Салтыкова,
Король нашъ положилъ разстригу низложить,
Явить собой примѣръ великодушья —
Россіи дать достойнаго царя.
Вотъ этой грамотой онъ въ вѣчное владѣнье
Даетъ тебѣ Смоленскъ и Новгородъ и Псковъ,
И жезлъ фельдмаршала и Польское гражданство,
Лишь сторону оставь безсильнаго Царя,
Лишь согласись принять одно условье:
Признай Царемъ —

СКОПИНЪ.

Мнѣ смѣешь предлагать!
Иди къ измѣнникамъ, подобнымъ Салтыкову —
Ихъ души мелкія доступны Полякамъ.
Сули имъ счастіе, и почести, и злато,
Они все продадутъ, для нихъ ничто на свѣтѣ!
Кто продалъ родину, тотъ православья врагъ.
Измѣны скользокъ путь — лишь сдѣлай шагъ
И преисподняя отверзта предъ тобою.
(Улыбаясь).
Король вашъ положилъ нашъ призрѣть бѣдный край.
Благодарю его за дружбу и щедроты.
Онъ просвѣщеніемъ упрочить хочетъ миръ.
Межъ нами, панъ, худой онъ миротворецъ.
Со шляхтой самъ не можетъ совладать;
Рѣчь посполитая на бурныхъ вашихъ сеймахъ
Для короля гласъ страшнаго суда.
Гдѣ справиться ему съ обширною Россіей!
При Божьей помощи, мы сами, безъ него,
Зальемъ пожаръ, снѣдающій отчизну.
Умъ выспренній еще въ народѣ нашемъ спитъ;
Въ груди его, бѣдами утрученной,
Зародышъ ко всему великому сокрытъ,
Лишь дайте намъ развиться постепенно—
Насильственно зерна вамъ не развить,
Иль выйдетъ изъ него уродливое древо.
Ты просвѣщенный мужъ, самъ согласишься ты,
Что Божіи законы непреложны.
Природа терпитъ ли насиліе когда?
Не выйдетъ солнце къ намъ въ часъ бурныя полночи,

Какъ ни зови его. Творенья строенъ ходъ. –
Свѣтильника наукъ для насъ далекъ восходъ;
Заря его едва алѣетъ подъ Москвою.
Лишь дайте отдыхъ намъ, лишь дайте долгій миръ,
Лишь дайте намъ единство силъ, согласье,
И мы святую Русь до неба вознесемъ!
И вы, теперь для насъ кующіе оковы,
Придите къ намъ тогда — забудемъ старину,
Къ груди своей прижмемъ, обнимемъ васъ какъ братій.

ЗБОРОВСКІЙ, *въ восторгѣ.*

Такъ одного мы племени и рода,
И въ жилахъ нашихъ кровь Славянская кипитъ.
Сильнѣйшій мы народъ – Придите къ намъ подъ щитъ.
Чего не совершатъ два мощные народа?
Гроза Татаръ и рыцарей меча,
Подъ сѣнію знаменъ державъ соединенныхъ,
Давно бъ въ Царьградъ далекій потекли,
Давно бы мы вѣнецъ святой Палеолога
Съ невѣрной головы Османа совлекли —
И наши два орла — давно бы надъ Босфоромъ
Съ крестомъ Спасителя торжественно взвились,
Возстановили бъ блескъ Восточнаго престола,
И предъ Европой всей крылами обнялись!

СКОПИНЪ.

Златая будущность не сбыточна, Зборовскій.
Путями разными мы шествуемъ съ тобой.
Вы къ безначалію направлены издревле;
Порядокъ любимъ мы — законъ святыня намъ,
А онъ у васъ игралище магнатовъ.

Межъ нами, панъ, со мною согласись —
Хранили лучше васъ наслѣдные Піасты,
Чѣмъ безземельный князь изъ чуждыхъ вамъ племенъ.
Спасительную власть наслѣдственныхъ монарховъ
Привыкли мы издревле почитать;
Не даромъ мы ее благословляемъ,
Ей скрѣплена въ едино наша Русь,
Она ея краеугольный камень.
Вы съ завистью взирали на Москву,
Вы зрѣли, какъ она надъ царствомъ полусвѣта
Возвысила вѣнчанную главу,
Какъ передъ ней луна блѣднѣла Магомета,
Какъ прояснялась въ ней невѣдѣнія мгла,
Какъ грозно на Сибирь она простерла длани,
Какъ знамя чернаго двуглаваго орла
Взлетѣло на верхи зубчатые Казани;
Вы разность видѣли межъ нами и собой:
Мы пожинали въ миръ плоды самодержавья;
Вы, обольстясь плѣнительной мечтой,
Мечтой несбыточной о вольности Аѳинской,
Терзались смутами и спорами вельможъ.
Вѣнцемъ Піастовымъ игравъ по произволу
До торжища унизили вы Сеймъ,
И золота цѣной открыли путь къ престолу,
Владыкамъ чуждымъ — все изъ за чего?
Что бъ титломъ вольнаго народа величаться
И панствовать съ-обща съ безсильнымъ королемъ!

(Воспламеняется.)

Гдѣ царствуетъ мятежъ, тамъ не ищи свободы.
Такъ полудикіе мы судимъ на Руси.

Насъ Скиѳами зовутъ, я не стыжусь признаться,
За то, что любимъ мы Царя, отчизны честь,
Что долю вольности готовы въ дань принесть
Для блага общаго, для прочности державы,
Довѣріе къ Царю у насъ — порука славы.

ЗВОРОВСКІЙ.

Упрочится она, когда склонишься ты
На дружбу короля...

СКОПИНЪ, *выйдя изъ терпѣнья.*

Мы эту дружбу знаемъ.
Щедроты короля мы цѣнимъ, постигаемъ!
Изъ зависти король насъ ввергнулъ въ бездну золъ.
Борисовъ онъ потрясъ смятеньями престолъ.
Монаха бѣглаго, возникшаго изъ праха —
Украсилъ онъ вѣнцомъ священнымъ Мономаха.
Господь ему воздастъ за слезы Русскихъ вдовъ,
За кровь невинную, за пепелъ городовъ,
За нивы, смятыя Литовскими конями,
За церкви Русскія, поруганныя псами.
Скажи пославшему тебя насъ искушать —
Что помнимъ мы его Іудино лобзанье,
Что насъ задобрилъ онъ щедротой навсегда,
Что памятнѣй онъ намъ, чѣмъ Ханская орда,
Отъ Камы до Днѣпра узнала вся Россія,
Чѣмъ Іезуитъ въ вѣнцѣ опаснѣе Батыя.
Вотъ наша исповѣдь, ему ты донеси,
Пока не срылъ еще онъ храмовъ на Руси,
Пока не истребилъ языкъ родной — дотолѣ
Не сѣсть ему въ Москвѣ на царственномъ престолѣ.
Вотъ мой отвѣтъ!

(Разрываетъ грамоту).

ЗВОРОВСКІЙ.

Коснулась чести рѣчь!
Разсудитъ насъ одинъ лишь...

СКОПИНЪ.

Богъ и мечъ!
(Панъ уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ VII.

СКОПИНЪ, *одинъ.*

Дышу свободнѣе и камень съ сердца спалъ.
Я высказалъ, что душу тяготило.
Опасность новая отечеству грозитъ,
Я извѣщу Царя.
(Пишетъ поспѣшно.)

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Скопинъ и Боже, *съ обнаженнымъ мечемъ.*

БОЖЕ.

Измѣна! — Воевода!
У Делагарди бунтъ. Гонецъ изъ Твери
Привезъ мнѣ вѣсть; графъ пишетъ; прочитай.

СКОПИНЪ.

Ты вѣру смертнаго испытываешь, Боже!
(Оправляется и пламенно восклицаетъ).
Пусть Делагарди рать оставила меня —
Еще вѣрна мнѣ Русская дружина
И воины твои!...

ЗОМЕ.

Мнѣ войско измѣнило:
Примѣръ мятежниковъ съ пути всѣхъ совратилъ.
(Шумъ за сценою.)
Ты слышишь, какъ грозятъ покинуть насъ,
Когда не выполнишь ихъ требованій дерзкихъ.

СКОПИНЪ.

Возьмите все, отдамъ все злато и сребро,
Отдамъ отцовское имѣнье, все наслѣдство,
Сорву съ груди моей послѣдній крестъ!

ЗОМЕ.

Имъ выдай всю условленную плату,
А Швеціи Кексгольмъ съ уѣздомъ уступи.

СКОПИНЪ.

Кексгольмъ! Отдать его не смѣю!
Закону вопреки не смѣю сдать Кексгольма!
На страшномъ судищѣ я за Кексгольмъ отвѣчу!
Скорѣе брошусь я въ убійственную сѣчу,
Скорѣе вѣрной грудью сей
Отъ Лавры отражу лѣсъ копій и мечей,
Скорѣй въ цѣпяхъ сгнію безъ погребенья,
Чѣмъ преступлю Царя святыя повелѣнья.

ЗОМЕ.

Молю тебя, склонися на условье,
Хоть пожалѣй моей безвласой головы.
Съ какимъ челомъ явлюсь я къ королю безъ войска?
Кольмара сдачи онъ еще не позабылъ.
Самъ Делагарди молитъ, согласися:
Упорствомъ лишь усилишь ты врага —

Наемники уйдутъ подъ Польскія знамена,
Иль къ Лжедимитрію; вѣдь Царь не прогнѣвится —
Предъ голосомъ Царя, военный судъ молчитъ.

СКОПИНЪ, *горько улыбаясь.*

Благодарю за нѣжное участье.
Рѣчь умная и опытность твоя
Кипящей юности порывы усмирили.
Я вижу бѣдствіе во всей его грозѣ
И мѣръ къ спасенію не нахожу. И точно —
Отвѣта Царскаго войска не будутъ ждать,
А слову честному наемники не вѣрятъ.
Когда же сдамъ Кексгольмъ, ослушнаго вождя
Безчестье ждетъ и казнь на лобномъ мѣстѣ.
О Господи, ты зришь душевную борьбу!
Открой мнѣ путь къ спасенію отчизны,
Дай твердость мнѣ снести позоръ и укоризны.
Вонми, Господь, скорбящему врагу!
Не за себя молю, молю я за Россію.

(Послѣ теплой молитвы, къ Зоме.)

Гдѣ грамота? Условье принимаю.
Одинъ размахъ пера — и спасена Москва!

(Подписываетъ бумагу.)

Я подписалъ свой приговоръ — о Боже!

(на колѣнахъ.)

Тебѣ я въ руцѣ духъ свой предаю.
За родину — прими жизнь вѣрную мою.

(Отдаетъ Зоме.)

На! — Головы моей отечество дороже!

КОНЕЦЪ ПРОЛОГА.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

=

Палата въ Кремлевскомъ дворцѣ.

ЯВЛЕНІЕ 1.

Постельничій *старикъ*, Прокопій Петровичъ Ляпуновъ, *въ дорожномъ платьѣ.*

Утро.

ЛЯПУНОВЪ.

Изволилъ ли проснуться Государь?

ПОСТЕЛЬНИЧІЙ.

Давнымъ давно. Всталъ нынѣ до заутрень,
Затеплилъ самъ лампаду, безъ меня,
Предъ образомъ Николы Чудотворца,
Молился цѣлый часъ, колѣна преклоня;
Позвалъ меня. Врача я кликнулъ Нѣмца,
О здравьи долго съ нимъ Державный совѣщалъ,
Съ нимъ перелистывалъ тѣ кожаныя книги,
Что я видалъ въ рукахъ мошенника разстриги,
Какъ онъ съ Басмановымъ надъ ними колдовалъ.
Вотъ Нѣмецъ началъ съ нимъ ученую бесѣду,
И Царь возвысилъ гласъ свой, руками разводилъ.
Какъ вкопанный стоялъ я у поставца,
Дыханія не смѣлъ въ груди перевести;

Заслушался Царя, какъ пѣнья райской птицы.
Куда какъ онъ рѣчистъ и судитъ мудрено!
Хоть Русскимъ языкомъ бесѣдовалъ онъ въ Нѣмцемъ,
Ни слова я, вотъ Богъ, не разумѣлъ.
Не диво, Государь туманъ бросаетъ въ очи —
Не даромъ колдуномъ въ народѣ онъ слыветъ.

ЛЯПУНОВЪ.

Стыдися, старина, ты мелешь сущій вздоръ!
Нашъ Государь смышленѣе насъ грѣшныхъ.
Рѣчь свѣтлая темна для темнаго ума.
Не доросли съ тобой мы до его науки.
Чѣмъ разглашать въ народѣ пустяки,
Совѣтывалъ бы взять Евангеліе въ руки:
Примѣръ должны давать народу старики,
Какъ нѣкогда святые патріархи.
Въ законѣ Божіемъ они растили чадъ,
Не затемняли умъ нелѣпымъ суевѣрьемъ;
Насъ опытъ убѣдилъ, какъ гибельно оно:
Вѣдь суевѣръ блуждаетъ вѣчно въ мракѣ,
Какъ ощупью слѣпецъ, а пламенникъ и ножъ
Въ рукахъ его вреднѣй, чѣмъ у слѣпаго.

ПОСТЕЛЬНИЧІЙ.

Какъ рѣчь его, кажись, не безтолкова,
А все таки она меня бросаетъ въ дрожь.
(Уходя.)
Пойду и доложу. Прямой Ѳома невѣрный.

ЛЯПУНОВЪ, *одинъ.*

Не трудно колдуномъ прослыть между невѣждъ.
Вотъ, Государь, тебѣ не правая награда
За всѣ твои тяжелые труды.

Въ тѣ ночи долгія, когда, бывало, ты
За книгой бодрствовалъ предъ тусклою лампадой,
Очей своихъ, Державный, не жалѣлъ,
Законы Русскіе прилежно изучая —
Прозванія волхва ты ждалъ ли отъ невѣждъ?

ЯВЛЕНІЕ II.

Василій Шуйскій и Ляпуновъ.

ЛЯПУНОВЪ.

Не прогнѣвись, Державный, что тревожу
Твой краткій сонъ.

В. ШУЙСКІЙ.

Не я ли самъ велѣлъ гонцевъ
Съ докладомъ допускать ко мнѣ въ глухую полночь?
(Садится.)
Охъ, ноша тяжела на плечахъ у Царя!
Не зависти достоинъ Царь — участья.
Усаженъ иглами снаружи гладкій тронъ.
Высокъ! Мы издали его привыкли видѣть,
А издали все гладко для очей...
Какую вѣсть принесъ?

ЛЯПУНОВЪ.

Побѣду надъ врагами.

ШУЙСКІЙ, *крестится.*

Хваленье Господу. Здоровъ ли Михаилъ?

ЛЯПУНОВЪ.

Онъ побѣдилъ Лисовскаго, Сапѣгу,

Тѣлами Польскими онъ Жабну заплотилъ,
Онъ грудью отстоялъ Макарія обитель;
Въ Колязинѣ теперь раскинулъ станъ;
Ждетъ свѣжихъ ратниковъ изъ Ярославля,
Изъ Костромы, изъ всѣхъ низовыхъ городовъ;
И воиновъ своихъ снарядомъ огнестрѣльнымъ
Онъ учитъ управлять на Европейскій ладъ.

В. ШУЙСКІЙ.

Благодарю его; мою онъ понялъ мысль.
Что храбрость намъ безъ ратнаго искусства?

ЛЯПУНОВЪ.

Какъ порохъ безъ ружья. —

В. ШУЙСКІЙ.

Насъ будутъ Шведы бить,
Поляки раздирать Россіи не престанутъ,
Пока полезнаго отъ нихъ мы не займемъ.
Удаченъ ли сей опытъ?

ЛЯПУНОВЪ.

Восхищенья
Не могъ я скрыть, увидя въ первый разъ
Дружину подъ ружьемъ, идущую въ порядкѣ;
Подъ музыку ступали, ровно, въ шагъ,
Какъ будто слитые въ одну прямую стѣну
Со всей святой Руси притекшіе сыны.
Забыто все, и споры, и раздоры
О старшинствѣ и чинѣ городовъ;
Рязанцы объ руку стояли съ Москвичами,
Тверитянинъ съ Владимірцомъ, Пермякъ
Въ строю стоялъ превыше Новгородца.

В. ШУЙСКІЙ.

Но кто же учитъ ихъ? Ужель племянникъ?

ЛЯПУНОВЪ.

Нѣтъ,
Къ нему изъ дружбы, воевода Зоме.

В. ШУЙСКІЙ.

Знакомо имя мнѣ; такъ, Зоме, точно, Зоме;
Онъ защищалъ Кольмаръ въ послѣднюю войну
Межъ Польшею и Швеціей — такъ точно.
Онъ сдалъ Кольмаръ Полякамъ.
(Ляпуновъ киваетъ головой.)
(*грозно.*) Онъ измѣнникъ!
Пятно на немъ постыдное лежитъ.
Какъ можетъ ладить съ нимъ племянникъ?

ЛЯПУНОВЪ.

Не дивися!
Вѣдь отъ него перенимаетъ онъ
Дружиной управлять и посылать къ побѣдамъ.

В. ШУЙСКІЙ, *мрачно.*

Лишь бы не перенялъ, какъ измѣнять Царю.

ЛЯПУНОВЪ.

Господь съ тобой! Когда бы вѣдалъ ты, Державный,
Какъ вѣренъ князь тебѣ и Руси православной!
Всѣмъ долгу жертвуетъ, какъ истый гражданинъ,
Цвѣтущей юностью, и златомъ, и покоемъ,
День цѣлый носится предъ строями дружинъ;
Въ вечерній часъ читаетъ предъ налоемъ

Святую Библію, гостинецъ царскій твой;
Ты помнишь, отсылавъ для договора къ Шведамъ,
Ты повелѣлъ ему Писаніе читать
И пренія эретиковъ не слушать.
Донынѣ онъ блюдетъ твои слова;
Какъ голубь чистъ душою православной,
И навожденіямъ не вѣритъ Лютеровъ. *)

В. ШУЙСКІЙ.

Надежный тотъ слуга, кто чтитъ законъ отцовъ.
(Послѣ нѣкотораго молчанія.)
Онъ къ ратникамъ своимъ, я знаю, строгъ, суровъ,
Казнитъ виновниковъ и часто безъ пощады.
Какъ могъ въ дружинахъ онъ порядокъ соблюсти
Одной лишь строгостью?

ЛЯПУНОВЪ.

Строжайшимъ правосудьемъ
Онъ привязалъ къ себѣ дружину на всегда.
Любовью истинной, какъ бы волшебной цѣпью
Сердца всѣхъ связаны въ единое. Не долгъ
И не одна приверженность къ отчизнѣ
Мчитъ Русскаго въ огонь, на вражіе копье;
Но и любовь къ вождю, правдивому, благому,
Достойному пособнику Царя.
Когда бъ послушалъ ты хвалы, благодаренья
Младому Скопину. Вся Русская земля
Взираетъ на него, какъ на свѣтило жизни —
На Ангела, слетѣвшаго съ небесъ.
Не слышишь ты въ Кремлѣ своемъ высокомъ

*) Такъ звали Лютеранъ въ то время.

Какъ славитъ и тебя вся Русская земля,
Какъ чествуетъ тебя за выборъ воеводы.
Не знаешь ты, какъ любо всѣмъ сердцамъ,
Что постоянно ты своей щедротой царской
Достойнаго вождя изволишь отличать.
И по сему судя, надѣяться мы правы,
Что прочишь ты его въ преемники державы.

В. ШУЙСКІЙ.

Какъ, Скопина? Возможно ли! — А братъ
Димитрій — Обойду ли я роднаго брата?
Старѣйшій онъ!

ЛЯПУНОВЪ.

Когда бъ онъ былъ твой сынъ,
Не заикнулся бъ я; но ты бездѣтенъ.
Власть царская наслѣдника избрать.
Твой братъ старѣйшій, такъ! — Не въ бородѣ заслуга,
А въ разумѣ и сердцѣ; не взыщи,
Что слово вырвалось; вѣдь я не царедворецъ,
И лгать царямъ, я, воинъ, не привыкъ.

В. ШУЙСКІЙ.

Милѣй мнѣ воина безхитростный языкъ,
Чѣмъ сладкій ядъ придворныхъ краснобаевъ.
Будь откровененъ; мы съ тобой на единѣ —
Одинъ Господь бесѣду нашу слышитъ.
(Подвигается къ нему въ креслахъ.)
А Скопинъ знаетъ ли желаніе твое,
Надѣется ль достичь вѣнца?
(Смотритъ на него пристально.)

ЛЯПУНОВЪ.

Онъ знать-то знаетъ,
Да слушать-то не хочетъ. — Онъ въ тебѣ
Родителя, Царя и друга уважаетъ
И любитъ пламенно всей чистою душой.

В. ШУЙСКІЙ, *въ сторону.*

Вѣнца достоинъ онъ за разумъ и смиренье.
Другой давно воспользовался бъ тѣмъ
Въ годину черную гражданскаго волненья,
Когда вожди себѣ не ставятъ въ стыдъ
Играть присягою на вѣрность Государю.
(Ляпунову.)
Когда же думаетъ онъ выступить въ походъ?

ЛЯПУНОВЪ.

Вотъ здѣсь онъ начерталъ весь ходъ военныхъ дѣйствій.
(Вынимаетъ изъ-за пазухи бумаги.)

В. ШУЙСКІЙ, *читаетъ и обдумываетъ.*

Освободить Переяславль Залѣскій,
А въ Александровской сосредоточить рать,
Оттуда Поляковъ набѣгами тревожить,
Бить по частямъ, ослабить тѣмъ врага.
Сапѣгу подстеречь, напасть врасплохъ, отрѣзать
Въ селѣ Коринскомъ, сжечь его — люблю за то!
Обдумалъ дѣло онъ. Подай мнѣ этотъ свитокъ.
(Ляпуновъ подаетъ.)

В. ШУЙСКІЙ,
развертываетъ первую карту Россіи, при Годуновѣ составленную.

Вотъ здѣсь Москва, а вотъ Переяславль
Съ широкимъ озеромъ, вотъ слобода — не вижу
Села Коринскаго. Бояринъ, помоги, (*ищетъ*).

ЛЯПУНОВЪ, *смотритъ.*

Въ глазахъ рябитъ, не вижу я ни зги.
Какія вычуры, насилу разбираю; (*ищетъ*).
Москву нашелъ, быть здѣсь родному краю;
Рязань, Рязань! ты здѣсь, моя краса!
Вотъ синей лентою здѣсь вьется полоса —
То быть рѣкѣ — ахъ, Государь, впервые
Я хартію Борисову узрѣлъ;
Похвалъ наслушался въ Рязани я довольно,
А видѣть не видалъ.

(Любуется, разсматриваетъ съ удивленіемъ невѣжды.)

В. ШУЙСКІЙ, *смотря на него съ удовольствіемъ.*

Утѣшься, Царь Борисъ,
Возрадуйся въ твоемъ опальномъ гробѣ!
Какъ за грѣхи тебя народъ твой ни клянетъ,
Великодушію не измѣняетъ Русскій;
Онъ съ честію твои заслуги признаетъ.
Изображеніе твоей страны родныя,
Сей первый плодъ высокаго ума,
Пребудетъ памятникъ твоей заботы царской.
И въ лучшій вѣкъ, когда невѣдѣнія тьма,
Какъ утренній туманъ по солнечномъ восходѣ,
Поднимется съ твоихъ родныхъ полей,
Средь просвѣтителей отечества — Царей
Ты возсіяешь вновь и не умрешь въ народѣ.

ЛЯПУНОВЪ, *глядя на карту.*

Налюбоваться я картиной не могу.
Какъ широко раскинулась отчизна;

Какъ на востокъ она всей грудью налегла;
(Показываетъ на Балтійское и Черное моря.)
Лишь моря нѣтъ у насъ — привольно сине море,
Отъ моряковъ заѣзжихъ я слыхалъ,
Что небо и вода слились тамъ въ сводъ лазурный,
И ростомъ съ гору тамъ девятый ходитъ валъ,
Какъ разыграется въ часы погоды бурной —
Что Волга въ ярости, что Ладога предъ нимъ!
Чу, море какъ стекло — а волны искрометны
И чуды стаями разгуливаютъ тамъ:
Китъ воеводой тамъ, а рыбы тамъ несмѣтны:
Вѣдь нашъ осетръ не диво морякамъ;
Лишь неводъ опусти, не вытянешь — утонешь.
Ахъ, Государь, намъ море завоюй.

В. ШУЙСКІЙ, *откладываетъ въ сторонъ планъ Скопина.*

Эй голова, меня ты озадачилъ.
Сижу я въ заперти, не сладилъ въ Ляхомъ я,
А по тебѣ — я завоюй Европу. (*Хохочетъ.*)

ЛЯПУНОВЪ.

Вотъ, вотъ начертана Европа — вотъ она!
Вотъ неуклюжія шедущныя землицы!
Что пользы въ нихъ? нѣтъ, намъ ненадо ихъ!
Стволомъ владѣемъ мы, ненадо тощихъ сучьевъ.

В. ШУЙСКІЙ.

Какимъ стволомъ?

ЛЯПУНОВЪ.

Вотъ видишь-ли, Державный,
Ты поверни-ко хартію — вотъ такъ:
Не древо-ли вѣтвистое Европа;

Святая Русь не есть-ли стволъ ея;
Не вѣтви ли его всѣ эти государства;
Не всѣ ль они, на стволъ широкій оперлись,
Не онъ ли ихъ невидимо питаетъ —
Лишь подсѣки ты стволъ, и древо упадетъ.
Я человѣкъ простой, не грамотѣй, но смѣю
Вслухъ произнесть мое сужденье при Царѣ:
Для цѣли высшія назначена Россіѣ,
Подпорой царствъ Господь ее избралъ;
И рано ль, поздно ль, мы не доживемъ годины,
На дѣлѣ сбудется — что Вышній завѣщалъ.

В. ШУЙСКІЙ.

Тобой доволенъ я, ты сослужилъ мнѣ службу.
Для новаго пути оправься, отдохни,
Отъ царской трапезы тебѣ сошлю я блюда;
Спасибо за твою къ племяннику любовь. —
Онъ Шуйскій, какъ и мы, ты любишь нашу кровь;
За вѣсти добрыя пребудемъ благосклонны.
Что до преемника, ты выкинь изъ ума.
Судить, рядить не намъ, гдѣ правитъ Божья воля.
(Лапуновъ уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ II.

В. ШУЙСКІЙ, *одинъ.*

Назначить Скопина преемникомъ державы!
По истинѣ, народъ въ душѣ моей читалъ
Желанье тайное, котораго не въ силахъ

Самъ вытѣснить изъ сердца – какъ ни святы
Права Димитрія на царскій мой вѣнецъ.
(Ходитъ.)
Отечества любовь, не есть ли Божій гласъ,
Зовущій Скопина на степень самодержца?
Противиться ему, не есть ли смертный грѣхъ?
Народамъ избраннымъ въ годину испытаній.
Господь не разъ мужей достойныхъ посылалъ,
Желая тѣмъ Свое прославить имя.
Я самъ не Имъ ли избранъ, вознесенъ,
Его десницею на царствіе помазанъ?
Могу ль еще сомнѣніе питать?
(Благоговѣйно сложа руки)
Такъ, Михаилъ орудье Божьей воли.
На немъ лежитъ Господня благодать.
(Въ удовольствіи ходитъ по сценѣ и третъ себѣ руки.)

ЯВЛЕНІЕ III.

В. Шуйскій и дьякъ Михайловъ.

В. ШУЙСКІЙ.

Добро пожаловать. Раненько, вѣрно съ дѣломъ?
Въ твои лѣта не грѣхъ и опоздать,
Не прогнѣвимся мы. Сошла ли съ рукъ работа?

МИХАЙЛОВЪ.

При Божьей помощи я перевелъ, какъ могъ,
Законы Фландріи, и трудъ посильный
Къ стопамъ твоимъ, Державный, приношу.
Воззрѣнья удостой. *(На колѣнахъ.)*

В. Шуйский, *поднимает его.*

Мы здѣсь не въ Грановитой.
Встань, по-просту со мною говори,
Намъ смѣхъ и грѣхъ чиниться межъ собою.
Забылъ ты, что съ тобой росли мы съ дѣтскихъ лѣтъ,
Въ одинъ и тотъ же день за грамоту мы сѣли,
Съ одной указкою читали мы псалтырь.
Ты былъ толковѣе, тебѣ далась наука,
И княжича во всемъ оставилъ позади,
И Грека чернеца ты перегналъ въ Латыни. —
Вотъ нынѣ жнешь ученія плоды.
Ты чужеземные законы переводишь
Для пользы родины, а я и Царь,
Да безъ тебя на часъ не обойдуся;
Сядь по-просту, со мною не чинись,
Вѣдь здѣсь бояре насъ не слышатъ и не видятъ:
Я запретилъ пускать, доколѣ ты со мной;
Поближе, любо мнѣ бесѣдовать съ тобой.

(Михайловъ садится.)

Доколѣ живъ еще у насъ товарищъ дѣтства,
Намъ кажется, что дѣтство не прошло.

(Развертываетъ тетради.)

Уставы ратные, совѣты воеводамъ,
Какъ войскомъ управлять — вотъ Пушечный наказъ.

(Любуется.)

Все съ толкомъ писано, и четко и красиво.
Спасибо, старина, твой прочитаю трудъ
Съ племянникомъ и братомъ на досугѣ.
Да, кстати, знаешь ли, племянникъ милый нашъ
Побѣдой новою себя увѣковѣчилъ,

Сапѣгу съ панами какъ враговъ разогналъ.
Въ Колязинѣ теперь сбирается подъ Лавру
И учитъ ратниковъ наукѣ боевой.
Пошлю ему я Фландрскіе законы,
Спасибо скажетъ намъ за твой полезный трудъ.
Ужъ какъ довольны мы твоимъ питомцемъ юнымъ,
На славу намъ его ты воспиталъ,
Уменъ, пригожъ, душа прозрана, какъ кристаллъ.
Чѣмъ наградить тебя за всѣ твои услуги,
Я не придумаю — назначь награду самъ.

МИХАЙЛОВЪ, *встаетъ и въ поясъ кланяется Царю.*

Мнѣ милость царская дороже всѣхъ чиновъ,
Пріязнь твоя дороже злата;
Для стараго слуги награды лучшей нѣтъ,
Какъ посвятить тебѣ служенье до могилы.
Безъ злата и чиновъ доволенъ я тобой.
По отчеству меня ты величать изволишь,
Привѣтливо бесѣдуешь со мной,
Подъ часъ смиренный мой совѣтъ не отвергаешь.
Что всѣ труды предъ милостію сей!

В. ШУЙСКІЙ.

Забывчивъ на свои услуги ты, Михайловъ;
Но Царь твой памятливъ — забылъ ты черный день,
Когда я, скованный, стоялъ на лобномъ мѣстѣ,
Оставленный друзьями и родней.
Кто объ руку со мной, не убоясь разстриги,
На плаху шелъ? Чья вѣрная рука
Закрыла очи мнѣ позорной перевязкой?
(обнимаетъ.)

Твоя, другъ вѣрный мой, и мнѣ еще
Не награждать тебя. Какъ хочешь, а отнынѣ
Въ боярской думѣ будешь ты сидѣть;
Санъ дьяка думнаго давно тебѣ приличенъ:
Издавна ты совѣтникъ тайный мой;
Законовѣдецъ ты, въ приказѣ посѣдѣлый,
И силенъ въ языкахъ, какъ Нѣмецъ выписной.
Что ты не дворянинъ? За то умомъ и сердцемъ
Ты благороднѣе напыщенныхъ бояръ.

МИХАЙЛОВЪ, *цѣлуя руку у него.*

Безмолвствую предъ милостью твоею;
Покорствую. Высокій думный санъ
Души моей правдивой не измѣнитъ
И вѣрности къ Царю не охладитъ.

В. ШУЙСКІЙ, *поднимая его.*

Нѣтъ ли съ тобою челобитень?
Я выслушать готовъ. Отрадно день встрѣчать
Дѣлами добрыми.

МИХАЙЛОВЪ, *вынимаетъ одну просьбу.*

Есть, Государь.
Вдова и семь сиротъ окольничаго Львова,
Въ сраженьи падшаго за Вѣру и Царя,
Томятся въ нищетѣ.

В. ШУЙСКІЙ.

Возможно ли? донынѣ
Не призрѣли вдовы и сирыхъ чадъ?
Я брату Дмитрію преворучилъ пещися
О сиротахъ. Грѣхъ на душѣ его.

МИХАЙЛОВЪ.

Нѣтъ, Государь, грѣхи бояръ сановныхъ

Народъ слѣпой въ сужденіяхъ своихъ
Слагаетъ на тебя. Вѣдь ты бояръ сильнѣе,
А для толпы всегда сильнѣйшій виноватъ.

Ц. ШУЙСКІЙ.

Какъ труденъ царскій санъ, какъ онъ неблагодаренъ!
За всѣмъ не углядѣть Царю — самъ посуди,
Какъ ни высоко онъ поставленъ надъ Россіей.
Что выше солнца свѣтитъ съ небеси —
И солнца самаго лучи не досягаютъ
Обширнѣйшей моей державы рубежей;
Такъ гдѣ жъ мнѣ, смертному, обнять ее очами?
Сотрудниковъ себѣ я избралъ, съ нихъ
Я долженъ взыскивать обязанности строго.
И братъ Димитрій мнѣ отвѣтитъ за сиротъ.
Межъ тѣмъ, вотъ злато имъ, даю не много —
Казна истощена; въ Россіи черный годъ;
Дать болѣе не могу; мы нынѣ обѣднѣли.
Что стоятъ Шведы намъ! Меня скупымъ зовутъ,
Что золото не сыплю царедворцамъ.
Да, я Кащей для нихъ; но для сиротъ и вдовъ
Готовъ отдать въ залогъ вѣнецъ и багряницу,
Лишь бы спасти народъ отъ нищеты.
А это что?

МИХАЙЛОВЪ, *читаетъ просьбу вторую.*

Бояринъ князь Артемій
Челомъ бьетъ. Спасскій монастырь
Въ селѣ его сгорѣлъ отъ молніи небесной;
Остались иноки безъ крова; призри ихъ,
Возобнови сгорѣвшую обитель.

В. ШУЙСКІЙ, *крестится.*

Господь ихъ наказалъ, какъ видно, за грѣхи,
Дерзну ль наперекоръ Всевышней волѣ
Возобновить обитель ихъ?
А призрѣть ихъ готовъ. Савватія обитель
На Бѣломъ морѣ, Отрочь монастырь
Для бѣдныхъ иноковъ всегда отверзты были.
А есть ли храмъ въ селѣ у князя?

МИХАЙЛОВЪ.

Нѣтъ,
Въ обители молилися міряне.

В. ШУЙСКІЙ.

Воздвигнуть храмъ въ селѣ повелѣваю:
Для сердца Русскаго отрада Божій храмъ;
А въ наши дни скорбей, недуговъ, испытаній
Усерднѣй Господу молиться мы должны.
Вотъ золото изъ царскаго кармана!

МИХАЙЛОВЪ.

Еще прислалъ тебѣ покорное прошенье
Князь Спиридонъ, и бьетъ тебѣ челомъ
О вспоможеніи.

В. ШУЙСКІЙ.

Ужели разворился?
Быть можетъ, засуха, пожары довели
Его до крайности. Онъ первый нашъ богачъ,
Жилъ весело, давалъ пиры.

МИХАЙЛОВЪ.

Они то
И довели его до нищенской сумы;

Подъ бременемъ долговъ нашъ князь изнемогаетъ,
Лишь ты одинъ спасеніе его.

В. ШУЙСКІЙ.

Забавно. Я плати долги его. Какъ видно,
Бояринъ думаетъ, что царская казна
Есть рудникъ золотой для царедворцевъ пышныхъ.
Скажи ему изустно, на-прямикъ,
Что мотовства Московскій Царь не любитъ,
И что потворствовать не хочетъ мотовству;
Что стыдно Русскому вельможѣ столповому
Въ бездѣльи жизнь безпутную влачить;
Что Русскихъ долгъ служить отчизнѣ и престолу.
На то Господь имъ разумъ даровалъ.
Нѣтъ болѣ просьбъ?

МИХАЙЛОВЪ.

Нѣтъ записи со мной. —
Изустную принесъ тебѣ я челобитню.
Заранѣе молю, не прогнѣвись:
Обидчика ты жаловать изволишь —
Могущъ богатствомъ онъ, связями и родствомъ.
Донынѣ до тебя еще не доходили
Прошенья на него. Сиротскій громкій гласъ
Умѣлъ онъ унимать въ удушливыхъ темницахъ,
Безъ вѣдома Царя, въ Сибирскихъ поселеньяхъ
Онъ челобитчиковъ умѣлъ угомонять.

В. ШУЙСКІЙ, *встаетъ.*

Кто душегубецъ тотъ? Предамъ его позору,
Торговой казни я его предамъ!
И я не зналъ, кто онъ?

МИХАЙЛОВЪ.

Твой братъ Димитрій!

В. ШУЙСКІЙ.

Михайловъ!

МИХАЙЛОВЪ.

Государь!

В. ШУЙСКІЙ,

подходя къ нему и пристально глядя ему въ глаза.

Кто подкупилъ тебя?

МИХАЙЛОВЪ, *торжественно.*

Любовь къ отечеству и вѣрность къ Государю.

В. ШУЙСКІЙ, *пораженный, изумясь.*

Отважно! Головой стоишь ли за доносъ?

МИХАЙЛОВЪ.

Лишь повели, и клокъ сѣдыхъ волосъ,
Не медля, положу безъ трепета на плаху.

В. ШУЙСКІЙ,

въ сильномъ волненіи ходитъ по палатѣ, останавливается передъ Михайловымъ, кладетъ ему руку на плечо.

Но въ чемъ вина его? *(садится)*, – готовъ я слушать.

МИХАЙЛОВЪ.

Вчера Москва молебствіемъ заздравнымъ
Торжествовала день, – день памятный для насъ —
Рожденье Скопина. Въ Архангельскомъ соборѣ
Свершалъ служеніе отецъ Нафанаилъ.
Стратигу юному воспѣлъ онъ многи лѣта
И въ словѣ пастырскомъ назвалъ его
Надеждой родины, драгой зеницей ока. —
На пагубу его, Димитрія слуга

Налгалъ боярину, что будто Михаилъ
Преемникомъ твоимъ священникъ объявилъ —
И что же, посуди, твой братъ жестокосердый
Велѣлъ его въ оковы заключить,
А дѣло гнусное прикрылъ завѣсой ночи.
Никто, ни самъ святитель Гермогенъ,
Не вѣдаетъ еще о дерзкомъ своевольствѣ.
Я очевидецъ былъ — не вѣришь — присягну.

В. ШУЙСКІЙ, *въ сильномъ замѣшательствѣ.*

Я вѣрю, замолчи, о томъ ни слова болѣ.
Ты убѣдилъ меня. Спѣши освободить его.
Огласки избѣги. *(Пишетъ).* Загладь проступокъ брата,
Скажи, что приставы ошиблись, слышишь ли...
А грамоты моей не оставляй въ приказѣ,
Мнѣ возврати ее, иль уничтожь, сожги —
Проступка братняго я тѣмъ изглажу память...
Пресвитеру отдай мой Византійскій крестъ.
(Отдаетъ крестъ.)
Сомкни уста его замкомъ прочнѣйшимъ — клятвой.
Пусть тайну погребетъ навѣкъ въ груди своей;
Когда жъ противиться моей онъ волѣ станетъ,
Въ Соловки отошлемъ, мятежника посхимимъ.

МИХАЙЛОВЪ, *въ ужасѣ отступаетъ.*

Возможно ль, Государь!

В. ШУЙСКІЙ.

Да, въ эту ночь, пока
Народъ и патріархъ о тайнѣ не узнали...
Лишь искра имъ нужна — и въ пламени Москва!

Предупредить пожаръ, иной не стало мѣры —
То голосъ разума.
(Благовѣсть къ заутренѣ. Шуйскій снимаетъ шапку и крестится.)

МИХАЙЛОВЪ.

Се гласъ Христовой Вѣры.
Взываетъ храмъ къ неправому Царю,
Служителя зоветъ къ Господню алтарю.

В. ШУЙСКІЙ.

О Боже! онъ погибъ, Москва о томъ узнаетъ —
Уже толпа въ отверзтый храмъ идетъ.
Спѣши!

МИХАЙЛОВЪ.

Я ни на шагъ! Да узритъ твой народъ
Безъ гимновъ Божій храмъ, алтарь безъ ѳиміама.

В. ШУЙСКІЙ.

Тебя заставлю я приказъ мой исполнять.

МИХАЙЛОВЪ.

Я ни на шагъ, пока для своего спасенья,
Не дашь обѣта мнѣ не мстить ему.

В. ШУЙСКІЙ.

Другъ дѣтства моего!

МИХАЙЛОВЪ.

И потому,
Пекусь о царствіи твоемъ непреходящемъ —
О лучшемъ царствіи за гробовой доской.

В. ШУЙСКІЙ.

Клянусь, цѣлую крестъ, лишь поспѣши въ темницу,

МИХАЙЛОВЪ.

О Государь, Господь смягчилъ тебя,
Въ рукѣ Его Царево сердце!

ЯВЛЕНІЕ IV.

В. ШУЙСКІЙ, *одинъ.*

Дерзкій!
Чего мнѣ стоила побѣда надъ собой.
Упрямецъ, какъ меня онъ вывелъ изъ терпѣнья.
Какъ онъ возсталъ на брата. Нѣтъ сомнѣнья,
Димитрій правъ. Давно замѣтилъ я
Пристрастіе народа къ Михаилу.
Пророчество, я знаю, есть въ Москвѣ,
Что Богъ пошлетъ Царя намъ Михаила.
(Задумывается.)
Не на него ль народный выборъ палъ?
Сомнѣнья нѣтъ, его для трона прочатъ.
Вѣдь Ляпуновъ проговорился мнѣ.
Расшевелить бы мнѣ сильнѣе сердце,
Онъ все бъ мнѣ высказалъ: простой природы сынъ
Не устоитъ отъ козней царедворца.
Здѣсь тайна кроется и, можетъ быть, обманъ.
Вѣрь людямъ — всѣ они двуличны и лукавы!

ЯВЛЕНІЕ V.

Василій Шуйскій и Димитрій.

ДИМИТРІЙ.

(Отталкиваетъ постельничаго, не видя Шуйскаго).

Закона нѣтъ для насъ!

В. ШУЙСКІЙ, *строго.*

Димитрій!

ДИМИТРІЙ, *останавливается, поражденный ужасомъ.*

Государь!

В. ШУЙСКІЙ.

Ты своевольствуешь.

ДИМИТРІЙ.

Позволь...

В. ШУЙСКІЙ.

Ни слова! (*садится.*)
Служитель алтаря тобою оскорбленъ.
Кто право далъ тебѣ творить судъ и расправу
Безъ воли царской?

ДИМИТРІЙ.

Дай мнѣ вымолвить, позволь
Мнѣ, Государь и братъ...

В. ШУЙСКІЙ.

Сердечно сокрушаюсь,
Что и въ семьѣ своей преграды нахожу
Намѣреньямъ моимъ для счастія Россіи.
Созданье рукъ моихъ ниспровергаетъ братъ,
Любовь народную, стяжанную годами.
Не мало бѣдъ я въ жизни испыталъ —
Къ несчастью моему тебя не доставало!
Превыше всѣхъ я Богомъ вознесенъ!
У ногъ моихъ покоится полміра,

И самъ орелъ, парящій въ поднебесьѣ,
Державы Шуйскаго очами не окинетъ.
Счастливѣйшій удѣлъ судьбиною мнѣ данъ:
Блаженство разливать съ высокаго престола,
Быть солнцемъ родины возлюбленной моей.
Забывъ преклонность лѣтъ и счастія превратность,
Я бремя тяжкое на плеча возложилъ;
Я благъ желалъ отечеству драгому,
Желалъ его я раны исцѣлить;
При Божьей помощи, желалъ его подвинуть
Къ странамъ, гдѣ свѣтъ наукъ, какъ Божья благодать,
Умы лучами кротко озаряя,
Смягчаетъ грубыя въ невѣжествѣ сердца.
Что замышлялъ нашъ Іоаннъ Великій,
Чего не могъ вдохнуть нашъ мудрый Годуновъ,
Исполнилъ бы смиренный Царь Василій:
Я тихо бъ, медленно взлелѣялъ, возрастилъ
Въ отчизнѣ вортоградъ благаго просвѣщенья;
Я пріучилъ бы Русь любить его плоды,
Изъ сердца Русскаго изгналъ бы я крамолу,
Изъ корня бъ вырвалъ я не Русское зерно,
Въ сердцахъ лишь утвердя приверженность къ престолу,
И Вѣру — намъ она спасеніе одно:
Пока блуждаемъ мы во мракѣ суевѣрья,
Не тверды въ насъ святыя словеса —
Ихъ вытѣснятъ легко соблазнъ и искушенья.
Для свѣтлыхъ лишь сердецъ отверзты небеса!
Мы созданы по образу Господню,
А солнца самаго свѣтлѣе Божій ликъ.
Приблизимся къ нему путемъ единымъ — Вѣрой,

Она невидимый, таинственный огонь,
Основы грѣющій державы Іоанна,
Угаснетъ онъ и – распадется Русь.
Я въ этихъ пастыряхъ, которыхъ ты обидѣлъ
Въ лицѣ священника, для помысловъ моихъ
Орудіе себѣ надежное я прочилъ.
Наукой просвѣтя и обезпеча долю,
Я поприще бы имъ великое открылъ;
Они природные для Руси свѣтоносцы,
Смиренные пособники Царя.
Не сбудется души моей желанье!
Все, все возстало на меня!
Ужель, Господь, благословя на царство,
За прадѣдовъ грѣхи караешь Ты меня!..
Усыпалъ терномъ Ты престолъ мой позлащенный,
И скалы острыя воздвигъ мнѣ на пути.
Покорствую, Твоя да будетъ воля!
Пусть небо на меня обрушитъ тучу золъ.
Единокровный братъ, моей упейся кровью,
На части сердце рви, дышащее любовью,
Подрой колеблемый измѣной мой престолъ.
При кликахъ вражескихъ, при ихъ насмѣшкахъ громкихъ,
Я брошусь подъ его громадные обломки.

(Погружается въ грусть.)

ДИМИТРІЙ.

Когда бы слышалъ ты, какъ онъ его хвалилъ;
Какъ будто бъ имъ однимъ держалася отчизна.
Народъ слова его какъ манну собиралъ –
Народъ не тотъ, что былъ при Іоаннѣ.

В. ШУЙСКІЙ.

Твой ложенъ страхъ: племянникъ Михаилъ,
Какъ Божій Серафимъ, не злобенъ, не пороченъ.

ДИМИТРІЙ.

И Ангеловъ съ небесъ геенна совлекаетъ.

В. ШУЙСКІЙ.

Прочь, клеветникъ! не погашай въ груди
Послѣдняго луча довѣренности къ людямъ.

ДИМИТРІЙ.

Власть царская! Я замолчу какъ гробъ,
Невольно затаю и страхъ и опасенье,
Возникшіе въ душѣ при слухѣ роковомъ.

В. ШУЙСКІЙ, *съ притворнымъ равнодушіемъ.*

А что за слухъ?

ДИМИТРІЙ.

Ты назовешь нелѣпымъ,
Ты посмѣешься мнѣ и слуху.

В. ШУЙСКІЙ.

Говори.
Я требую того.

ДИМИТРІЙ.

Я повинуюсь.
Повѣрье чудное въ народѣ разнеслось,
Прикрытое, подъ завѣсою тайны,

Оно, какъ въ пеплѣ огнь, невидимо растетъ.
Пророчество, не важное для насъ
Въ годину лучшую: Корнилій, схимный старецъ,
Дня бѣлаго не зрѣвшій сорокъ лѣтъ,
На гробѣ Сергія молился — вдругъ изъ стана
Лисовскаго ядро упало на него;
Предъ смертью онъ въ пророческомъ видѣньи
Въ грядущее прозрѣлъ — страшусь сказать....

В. ШУЙСКІЙ.

Скажи.

ДИМИТРІЙ.

Съ сего пророчества доставили мнѣ списокъ,
Изволишь самъ прочесть.

В. ШУЙСКІЙ.

Нѣтъ, ты читай.

ДИМИТРІЙ, *читаетъ.*

«Ликуетъ Русь! воспрянула отъ праха!
Завѣтныя на ней преданія сбылись.
Вѣнецъ Святителя и шапка Мономаха
На алтарѣ въ одинъ вѣнецъ слились,
И царскій жезлъ и посохъ патріарха
Срослись въ одинъ великолѣпный жезлъ.
И на холмѣ Кремлевскаго Сіона
Вознесся онъ блистательнымъ челомъ,
И лилія раскинулась на немъ,
Какъ на жезлѣ волшебномъ Аарона. —
Возросъ, расцвѣлъ душистый, бѣлый кринъ,

Святую Русь исполнилъ аромата.
Господь почіетъ въ немъ, и дивный исполинъ
Смѣется силѣ бурь и лезвію булата.
Изъ вѣка въ вѣкъ, изъ рода въ дальній родъ
Покоить будетъ онъ могучій нашъ народъ. »
(Приближаясь къ Царю.)
Сей бѣлый кринъ родоначальникъ новый,
Потомства новаго помазанный Глава.

В. ШУЙСКІЙ, *вставая, въ восторгѣ.*

Отъ Русскихъ оттолкнетъ онъ Польскія оковы!
Съ нимъ снова расцвѣтетъ родимая Москва!
Гряди, я жду тебя, гряди, Осанна въ вышнихъ!

ДИМИТРІЙ.

Но ты не вѣдаешь, какой опасный смыслъ
Сокрытъ въ пророчествѣ усопшаго монаха.
Твой Келарь Палицынъ народу изъяснилъ
Пророчество; любовь ты знаешь Гермогена
Къ племяннику.

В. ШУЙСКІЙ, *качая головой.*

О немъ лишь и рѣчей.
Все бы его чернилъ, все бы его порочилъ;
Зачѣмъ его, все именно его?
Иль не найдешь другихъ въ Россіи честолюбцевъ?

ДИМИТРІЙ.

Тотъ царскій жезлъ и посохъ и вѣнцы,
Сліянные въ единое на тронѣ,
Сліянье двухъ властей предвозвѣщаетъ намъ.
Царь — Патріархъ возсядетъ на престолѣ.

В. ШУЙСКІЙ, *смутяся, но скрывая свое смятеніе.*

Нелѣпица! И вѣришь бреднямъ ты!

ДИМИТРІЙ.

Сообрази и — ты повѣришь бреднямъ.

В. ШУЙСКІЙ.

Но что еще сказалъ твой чудный прорицатель.

ДИМИТРІЙ.

Тебѣ и намъ погибельный конецъ.

(Шепчетъ на ухо Шуйскому, который блѣднѣетъ, какъ ни притворствуетъ.)

В. ШУЙСКІЙ, *оправляется.*

Ну, что же? Божья власть, небесъ предназначенье.
На все готовъ; ни стонъ и ни роптанье
Не вылетятъ изъ сердца моего.
(Съ гнѣвомъ.)
Собрался ль умереть твой схимникъ говорливый?

ДИМИТРІЙ.

Преставился — ликъ смертный возсіялъ
И мирры разлилось надъ нимъ благоуханье;
Въ смятеніи, въ безмолвьи чернецы
Съ молитвою колѣна преклонили,
И слухъ, какъ въ зной роса, всю Лавру оживилъ.
Святая Троица къ осадѣ ободрилась
И снова чернецы разбили Поляковъ.

В. ШУЙСКІЙ,

по мѣрѣ, какъ Димитрій говоритъ, оставая въ смятеніи.

Святъ, святъ чернецъ! Онъ Боговдохновенный.
На прагѣ гроба лжетъ ли человѣкъ?
Иди къ священнику, загладь поступокъ наглый.
Уже свободенъ онъ, проси его молчать,
Проси его вины твоей не разглашать.

ДИМИТРІЙ.

Скорѣе въ кандалы, чѣмъ до того унижусь!
Мнѣ у священника прощенія просить!
Ты далеко простеръ свое свободолюбье,
Въ немъ самаго разстригу превзошелъ.
Чрезъ мѣру брататься съ народомъ ты изволишь.
Въ рукахъ своихъ ослабилъ ты бразды.
Не жалуйся, когда тебя несбросятъ кони.
(Видя мрачность прохаживающагося Шуйскаго, онъ слѣдуетъ за нимъ и ходя говоритъ).
Въ племянникѣ змѣю ты грѣешь на груди.
Ты видишь самъ, какъ онъ тебѣ опасенъ.

В. ШУЙСКІЙ, *остановясь.*

Прочь, клеветникъ, долой съ очей моихъ!
Ты святотатствуешь, пороча Михаила.

ДИМИТРІЙ.

Я удалюсь — меня вспомнишь ты,
Когда клабукъ монашескій надѣнешь. *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ V.

В. ШУЙСКІЙ, *одинъ.*

Клабукъ монашескій! — Не вѣрю, вздоръ!
(Помолчавъ, садится.)
Сомнѣніе, какъ ядъ, по сердцу разлилось
И свѣтлый ликъ любимца помутился.
А я его лелѣялъ, сохранялъ,
Какъ Божій даръ, мнѣ посланный на старость.
Ужель и въ немъ, и въ немъ я ошибусь?
О Господи, спаси меня отъ подозрѣнья,
Пошли мнѣ Ангела.
(Опирается на столъ и молится. Тайная дверь отворяется, выглядываетъ Гансъ.)

ЯВЛЕНІЕ VI.

В. Шуйскій и Гансъ Канельсенъ.

В. ШУЙСКІЙ, *глядя на него.*

Зачѣмъ, зловѣщій коршунъ?
Я ждалъ съ небесъ посланца благодати.

ГАНСЪ.

Что съ вами, Государь?

В. ШУЙСКІЙ, *приходя въ себя.*

Ты ль это, Гансъ?
Ты на ногу легокъ.

ГАНСЪ.

Я вашъ Меркурій вѣрный.

(Царь подзываетъ лазутчика къ столу, въ полголоса съ нимъ разговариваетъ.)

В. ШУЙСКІЙ.

Ты слѣдовалъ за нимъ?

ГАНСЪ.

Какъ тѣнь.

В. ШУЙСКІЙ.

Какъ онъ живетъ со Шведомъ?

ГАНСЪ.

Душа въ душу.

В. ШУЙСКІЙ.

Ты былъ въ Колязинѣ?

ГАНСЪ.

У князя на часахъ,
Свидѣтель тайнаго свиданія съ Зборовскимъ.

В. ШУЙСКІЙ.

Съ Зборовскимъ? Какъ попалъ онъ въ Русскій станъ?

ГАНСЪ.

Съ фельдмаршаломъ бесѣдовалъ онъ долго,
И жарокъ былъ ихъ важный разговоръ.

В. ШУЙСКІЙ.

Чѣмъ кончился?

ГАНСЪ.

А тѣмъ, что воевода
Кексгольмъ навѣки Шведамъ уступилъ.

В. ШУЙСКІЙ, *грозно, встаетъ.*

Не можетъ быть — ты лжешь!

ГАНСЪ.

Клянусь
Угодникомъ моимъ Богемскимъ Непомукомъ —
За истину, какъ онъ, готовъ я утонуть.

В. ШУЙСКІЙ.

Ты не дослышалъ ихъ, иль понялъ ихъ иначе,
Иль Скопина подкупленъ ты врагомъ.

ГАНСЪ.

Поддамся ли кому? Ты, Кесарь, всѣхъ богаче.

В. ШУЙСКІЙ, *ходитъ въ волненіи.*

Измѣна! Сдать Кексгольмъ безъ царской воли!
Ужъ не твое ли то внушенье, старый Зоме!
Охъ, этотъ намъ примѣръ! Не говорилъ ли я,
Что вредны Русскому съ измѣнниками связи.
Но, можетъ быть, неправда, ложь, — не вѣрю.
(Останавливается передъ Гансомъ.)
Ты былъ ли въ Тушинѣ? все тамъ ли самозванецъ?

ГАНСЪ.

Тамъ пировалъ. Печаленъ царикъ нашъ.
Марину видѣлъ я заплаканную въ церкви.
Недавно прибыли послы отъ короля.

Ихъ засѣданье было въ чистомъ полѣ;
Посламъ не радъ Тушинскій скоморохъ.
И гетмана Рожинскаго я видѣлъ;
Съ послами короля онъ жарко говорилъ;
Разгнѣванъ былъ, махалъ руками,
Указывалъ мечемъ на дальнюю Москву;
Не вслушался въ слова, но часто про Москву
Ихъ рѣчь была.

В. ШУЙСКІЙ.

Ты видѣлъ Салтыкова,
Масальскаго и всѣхъ измѣнниковъ бояръ?

ГАНСЪ.

Нѣтъ, не видалъ; ихъ нѣтъ при самозванцѣ.
Слухъ носится, они у короля въ гостяхъ.

В. ШУЙСКІЙ, *удивленный*.

Въ Варшавѣ?

(Гансъ киваетъ головою.)

Срамъ! Зачѣмъ не подкупилъ
Духовника? Узналъ бы ихъ затѣи.

ГАНСЪ.

Всю ночь писалъ онъ письма для Марины.

В. ШУЙСКІЙ.

Куда? къ кому!

ГАНСЪ.

Въ Варшаву, къ королю.

Слухъ носится, что Сигизмундъ не хочетъ
Лжедмитрію оружьемъ помогать.
Быть можетъ, Русскіе ходатаи въ Варшавѣ
Склонили короля оставить въ мирѣ васъ.

В. ШУЙСКІЙ.

Ходатаи — измѣнники Россіи!
Такъ смѣю ли отъ нихъ я блага ожидать!
(Молчаніе.)
Бесѣдовалъ ли ты за чашею вина
Съ домовыми людьми Романовыхъ, Волконскихъ,
Голицыныхъ и Милославскихъ?

ГАНСЪ.

Какъ же!
Ихъ за языкъ тянулъ и бѣсомъ извивался,
Вскружилъ имъ головы; зла выпытать не могъ.
Всѣ о тебѣ съ почтеньемъ отзывались,
Хвалили умъ и мужество твое.

В. ШУЙСКІЙ, *улыбаясь.*

Что вымолвилъ Романовыхъ слуга?

ГАНСЪ.

Изъ Костромы отъ инокини Мареы
Онъ прибылъ съ грамотой.

В. ШУЙСКІЙ.

Къ кому?

ГАНСЪ.

Да къ Филарету.

В. ШУЙСКІЙ.

Его здѣсь нѣтъ: онъ въ Тушинѣ.

ГАНСЪ.

О томъ то
И горевалъ слуга, что мудрый Филаретъ
Томится въ Тушинѣ. Какъ дядя самозванца,
Осыпанъ почестью. Слуга намъ говорилъ,
Что Филарета сынъ, красавецъ ненаглядный,
Въ монастырѣ Ипатьевскомъ цвѣтетъ
(Шуйскій содрогается.)
Какъ лилія — его зовутъ такъ домочадцы;
Что Костромской народъ его боготворитъ;
Къ немъ любитъ кровь какой то Анастасьи.

В. ШУЙСКІЙ, *встревоженный.*

А какъ зовутъ его?

ГАНСЪ.

Андрей, (*спохватясь*) нѣтъ, Михаилъ.

В. ШУЙСКІЙ.

Все Михаилъ, да Михаилъ. Съ тѣмъ слажу!
Заглохнетъ лилія средъ монастырскихъ стѣнъ.
Вотъ за труды. (*Даетъ ему свертокъ.*) Сойди съ крыльца потише,
Чтобъ не замѣтили.

ГАНСЪ.

Прикинусь невидимкой,
Въ рукѣ моей волшебный талисманъ. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ VII.

В. ШУЙСКІЙ, *одинъ.*

Отдать Кексгольмъ наперекоръ указу.
Измѣна явная! Все къ одному.
Повѣрье о Царѣ грядущемъ Михаилѣ,
Священника чрезмѣрная хвала,
Неволею въ мою тѣснятся душу.
(Молчаніе.)
Пройдя всѣ степени блистательнаго рабства
При Годуновѣ, я привыкъ встрѣчать
Окрестъ Царя измѣну и коварство;
Въ бореньи съ кознями утратилъ я навѣкъ
Довѣренность, связующую смертныхъ.
И нынѣ я стою на тронѣ одинокъ,
Открытый для громовъ разгнѣваннаго рока,
Въ страданіяхъ опалы и ссылки изнемогъ,
Какъ труженикъ влачусь въ веригахъ позлащенныхъ.
По сердцу бъ былъ имъ юный лучшій Царь,
Съ улыбкой милости, привѣтливый, блестящій.
Какъ Михаилъ той мысли ни таитъ,
Племянникъ мой — онъ человѣкъ —
И адъ и рай въ душѣ таится человѣка.
(Погружается въ задумчивость.)

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Шуйскій, Екатерина и Георгій.

ЕКАТЕРИНА.

Ты не шутя прогнѣвался на насъ.
(Видя мрачность Шуйскаго, останавливается.)

О Государь, прости проступокъ брата,
Холодностью не поражай его,
Не подвергай его злорадству царедворцевъ,
Не дай на насъ указывать перстомъ.

В. ШУЙСКІЙ.

Прилично ли женѣ въ дѣла мужей мѣшаться?
За прялкою сиди — я не терплю сего.
О чемъ другомъ. Проснулась ли Царица?

ЕКАТЕРИНА.

Я отъ нее. Она въ молельнѣ заперлась.
(Язвительно.)
Жжетъ ладонъ и свѣчи предъ Спасомъ чудотворнымъ.
Не достучалась я.

В. ШУЙСКІЙ.

Дѣтей у Бога проситъ!
Охъ, горько мнѣ бездѣтнымъ жизнь влачить.
А сладостно отцу питать, лелѣять сына,
Для цѣли высшей назначать его,
Готовить въ немъ Царя-хранителя народовъ,
И въ немъ по смерти снова воскресать!

ЕКАТЕРИНА,
съ восторгомъ любви материнской глядитъ на сына, отступаетъ отъ него на шагъ.

Обнять его въ вѣнцѣ, въ палатѣ Грановитой,
Средь гридней и бояръ, и бармы на плечахъ —

В. ШУЙСКІЙ, *глядя на нее пристально.*

Вамъ нечего пенять на промыселъ небесный,
Онъ васъ благословилъ достойными дѣтьми,

Лишь горекъ жребій мой.

(Закрывъ глаза руками, потомъ скоро.)

Порадуйтесь, племянникъ
Сапѣгу побѣдилъ, и съ каждымъ днемъ
Я вѣсти радостной изъ Лавры ожидаю.

ГЕОРГІЙ.

Ахъ, какъ бы я желалъ его увидѣть!
Мнѣ не забыть разлуки съ нимъ.
Прощаяся, меня онъ крѣпко обнялъ
И мнѣ сказалъ «Царя не покидай.
Какъ прежде, весели разсказами своими,
Заботы дѣтскою игрою развлекай.
У дяди на душѣ лежитъ тяжелый камень,
Кому-жъ какъ не тебѣ развеселять его.
Бездѣтенъ онъ, его никто не приголубитъ.
Молись о немъ, какъ я всегда о немъ молюсь.»

В. ШУЙСКІЙ,

съ жаднымъ восторгомъ слушавши, сжимываетъ его въ объятія и цѣлуя.

О мой возлюбленный, элее утѣшенья.
Твой дѣтскій гласъ, мой милый сынъ,
Сокровище мое (*цѣлуетъ его въ чело*), очей моихъ утѣха.
Княгиня, наградилъ тебя имъ Богъ.

ЕКАТЕРИНА, *въ восторгѣ.*

Любовь твою цѣню. Благодарю Владыку,
Что онъ сподобилъ мнѣ на свѣтъ произвести
Наслѣдника твоихъ великихъ качествъ.
Какъ Самаритянинъ, готова я дѣлить

Съ тобою свое сокровище земное.
Усынови его. Твоей Державной волѣ
Безъ ропота, безъ слезъ я покорюсь,
Отдавъ его отечеству на жертву,
Хотя полжизни съ нимъ отечеству отдамъ.

В. ШУЙСКІЙ,
занятый однимъ Скопинымъ, въ раздумьи глядитъ на Екатерину.

Нѣтъ, нѣтъ, невиненъ онъ, въ душѣ его нѣтъ пятенъ!
Меня онъ любитъ нѣжно, какъ отца —
То доказалъ онъ дѣломъ и словами.
Нѣтъ, отрока уста не произносятъ лжи —
Самъ Богъ вѣщалъ невинными устами!
(Пришедши въ себя, пристально глядитъ на Екатерину.)
Вы здѣсь еще — бояре ждутъ меня!
(Встаетъ и тихо удаляется.)

ЯВЛЕНІЕ IX.

Екатерина и Георгій.

ЕКАТЕРИНА, *изумленная.*

Очамъ не вѣрю я, не вѣрю слуху.
Какъ неожиданно прервалъ бесѣду онъ!
О комъ онъ говорилъ, кого онъ выхвалялъ?
Кого, какъ не его — онъ мнѣ вездѣ помѣха.
Отсутствующій, онъ живетъ въ душѣ Царя.
Какъ обольстилъ меня старикъ лукавый!
А я подумала, что сына хвалитъ онъ,
(Садится.)

И увлеклась, себѣ я измѣнила;
Онъ пристально въ глаза мнѣ посмотрѣлъ.
Я помню взоръ его, блеснувшій изподлобья.
И я унизилась! О срамъ, изъ-за кого?
Изъ-за Георгія, безумнаго ребенка!
Духъ дѣда не живетъ въ Георгіѣ — прочь, прочь!

ГЕОРГІЙ.

Ахъ, матушка — какъ поблѣднѣла ты!

ЕКАТЕРИНА, *глядя на него съ презрѣніемъ.*

Онъ слезы льетъ, а мой отецъ не плакалъ —
Безъ сердца былъ душой великаго Царя!

(Георгію.)

Не далеко уйдешь съ своимъ мягкосердечьемъ.
Краснѣю за тебя.

ГЕОРГІЙ.

Родная, больно мнѣ;
Не осуждай мое мягкосердечье.
Святѣйшій Патріархъ хвалилъ меня вчера,
За чувства нѣжныя, за состраданье къ бѣднымъ;
Вѣдь самъ Господь въ писаньи завѣщалъ:
Да любимъ мы какъ братія другъ друга.
Ахъ, сладко сѣять намъ и пожинать любовь!
Міръ Божій безъ любви — Сибирская пустыня,
Вотъ князя Скопина любимыя слова.

ЕКАТЕРИНА.

Долой съ очей моихъ! Заумничалъ некстати,

Не по лѣтамъ мудренъ и своеволенъ сталъ,
Ужъ онъ и мать свою родную учитъ.
А кто во всемъ виновенъ — Михаилъ!
Раздоръ посѣялъ онъ межъ матерью и сыномъ.
Вездѣ досада мнѣ и горе отъ него!
(Георгій уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ X.

Екатерина и Димитрій.

ДИМИТРІЙ.

Что ты задумалась? Ты сердишься, жена!
Ужели и тебя упрямецъ не послушалъ?
Такъ вѣрно на умѣ его одинъ Скопинъ.
Для брата мы ничтожны, незамѣтны.

ЕКАТЕРИНА.

А что такое мы? и видитъ ли насъ кто?
Насъ не прославили ни громкія побѣды,
Мы кротости не носимъ на устахъ,
Предъ черною шапки мы высокой не снимаемъ,
А въ Думѣ голову всѣхъ выше держимъ мы;
Спины не гнемъ мы предъ гордымъ Патріархомъ,
Мы не цѣлуемъ рукъ у братниной жены;
Намъ былъ всегда смѣшонъ совѣтъ Екатерины —
Вотъ и теперь досталось по дѣломъ.

ДИМИТРІЙ.

Ты внѣ себя!

ЕКАТЕРИНА.

Ты будешь внѣ себя,
Когда въ Успенскомъ храмѣ
Предъ Скопинымъ какъ трость согнешься ты —
И присягнешь ему, какъ подлый челядинецъ.

ДИМИТРІЙ.

Оборони насъ, Богъ! Еще надежда есть —
Изъ сердца братняго мы выживемъ ребенка,
Еще надежда есть.

ЕКАТЕРИНА.

Что, что? я оживаю!

ДИМИТРІЙ.

Побѣдами, ласкательствомъ друзей,
Племянникъ властвовать дерзнулъ самодержавно.
И волю царскую теперь нарушилъ онъ:
Онъ Шведамъ сдалъ Кексгольмъ безъ царскаго указа.

ЕКАТЕРИНА.

Хваленье Господу! Ты камень съ сердца снялъ!

ДИМИТРІЙ.

Гонецъ въ поту примчался изъ подъ Лавры.
Ударомъ поразилъ онъ Думу и Царя,
Братъ грамоты прочесть не удостоилъ
Отъ Скопина, — и разорвалъ въ клочки,
Защитниковъ его безстыдно разобидѣлъ,
Романова съ глазъ царскихъ удалилъ,
Къ Мстиславскому спиной оборотился,
Велѣлъ Волконскому Григорью замолчать.

ЕКАТЕРИНА.

Лишь дьяка своего Михайлова онъ слушалъ.

ДИМИТРІЙ.

Онъ взоръ въ него вперилъ грозящій, неподвижный.
Казалось, онъ въ душѣ его читалъ,
Казалось, разбиралъ его изгибы сердца.

ЕКАТЕРИНА.

Смутился дьякъ?

ДИМИТРІЙ.

Какъ предъ святой иконой
Молящійся, спокоенъ былъ старикъ.
И въ очи царскія безъ трепета взирая,
Онъ подбиралъ клочки того письма.

ЕКАТЕРИНА.

О, книжникъ, фарисей, въ лукавствѣ посѣдѣлый!
Такъ въ грудь впился онъ слабому Царю.

ДИМИТРІЙ.

Мнѣ въ Думѣ — всѣ друзья, тамъ въ голосъ вопіютъ
На Скопина, бранятъ его непослушанье;
Смѣнить его хотятъ, сдать воеводство мнѣ.
Какъ братъ не озлобленъ, теперь онъ не посмѣетъ
Племянника отъ Лавры удалить.

ЕКАТЕРИНА.

А что препятствуетъ?

ДИМИТРІЙ.

Общественное мнѣнье.

ЕКАТЕРИНА.

Ты выше мнѣнія народнаго теперь?
Лишь пушкой погрози — и запоютъ иное.
Блаженной памяти покойный мой отецъ
Не долго бъ разсуждалъ. Его невольно вспомнишь.
Вотъ былъ примѣрный мужъ, былъ истинный отецъ.
Какъ домъ Скуратовыхъ онъ высоко поставилъ!
Ему ты не чета — онъ былъ суровыхъ правилъ.
Ивана Грознаго онъ царствовать училъ.
Предъ нимъ ты недоросль, въ тебѣ не стало силъ
И съ братомъ совладать, не только что съ народомъ,
А хвастаешь еще умомъ своимъ и родомъ;
Ума не занялъ ты у предка своего.
А мой отецъ, не знатенъ и безроденъ.
Сталъ первымъ при Царѣ.

ДИМИТРІЙ.

И все изъ ничего.

ЕКАТЕРИНА.

Изъ ничего вѣдь созданъ міръ Господень,
Гласитъ писаніе — намъ это не укоръ.
Ты саномъ княжескимъ не придалъ мнѣ сіянья.
Когда бъ не я, сидѣлъ ли бъ Думѣ ты?
Я въ люди вывела тебя при Годуновѣ.
Все чрезъ сестру мою Царицу — память
Ей вѣчная!

ДИМИТРІЙ.

Что день, то споръ и слезы!
Одинъ и тотъ же мнѣ хвастливый твой упрекъ.

Помилуй, дай на часъ перевести дыханье.
Ужели мучиться въ семьѣ мнѣ суждено?
Съ боярами не лажу я издавна,
Съ простолюдинами въ раздорѣ вѣчно я.

ЕКАТЕРИНА.

Вотъ то-то и бѣда, когда бъ ты съ ними ладилъ,
Племянникъ твой вѣнца бы не укралъ.
Чего бъ не стоило, его смѣнить ты долженъ,
Пока Москвы и Лавры онъ не спасъ. —
Намъ время дорого. Сыпь золото горстями,
И фряжскихъ винъ завѣтныхъ не жалѣй;
Клевретовъ разошли, купечество задобри,
Дворянству мелкому всѣ почести сули.
Не презирай его, народецъ глупъ и чванливъ,
И раздражителенъ; вѣдь онъ голодный шмель —
Пусть за тебя стоитъ. Склони и Ляпунова,
Рѣшителенъ и пылокъ онъ и гордъ,
И въ наши дни подобный умъ опасенъ

ДИМИТРІЙ.

Сошлемъ, куда и вранъ костей не занесетъ,
Сошлемъ его въ Сибирь на воеводство.
Вишь, онъ удалъ, Москва тѣсна ему;
Раздолье для него Сибирскія пустыни.
Мы громкимъ званіемъ прикроемъ опалу.

ЕКАТЕРИНА.

Я прочила его для нашего величья —
Издавна въ немъ привыкла видѣть я
Ступень надежную къ престолу Іоанна.
Безъ ссылки мѣры есть склонить его къ себѣ.

Невѣстами Москва у насъ богата,
Красою дѣвъ славна; пошлемъ къ Рязанцу свата,
Узами брачными мы свяжемъ сокола,
Заманимъ къ намъ въ родство, запутаемъ сѣтями.
Какъ родственникъ, онъ будетъ ладить съ нами.
Увидишь, съ нимъ тогда мы въ душу заживемъ.
Полюбится тебѣ мой замыселъ удачный:
Не семьянинъ намъ страшенъ, а безбрачный —
Свободный юноша вѣдь борзый конь степной.
Накинь бразду — смирится предъ тобой,
Какъ предъ травою листъ — бракъ дѣло золотое.
Когда бъ твой братъ хотѣлъ поцарствовать въ покоѣ,
Переженилъ бы всѣхъ Московскихъ бобылей.

ДИМИТРІЙ.

Они вина всѣхъ бѣдъ и язва нашихъ дней.
Въ Москвѣ усилился народъ сей бездомовный!
Искоренить его не въ силахъ болѣ мы —

ЕКАТЕРИНА.

Заговорились мы, а здѣсь притомъ не мѣсто
Намъ толковать.

ДИМИТРІЙ.

Вѣдь въ Думѣ братъ.

ЕКАТЕРИНА.

Да уши здѣсь его, какъ разъ подцѣпятъ слово.
А тамъ, поди, раздѣлывайся съ нимъ.
(Двери растворяются, выходятъ сѣнныя боярыни парами, становятся и ждутъ прихода Царицы; слышны шаги ея.)
Невѣстка выползла — идетъ пѣшкомъ къ обѣднѣ;

Пожалуй, за собой и намъ велитъ идти.
Пойдемъ-ко мы домой заранѣе —

ДИМИТРІЙ.

А въ церковь!

ЕКАТЕРИНА.

Прости мнѣ, Богъ, не до молитвы мнѣ.
(Уходитъ.)

ОТДѢЛЕНІЕ III.

=

Царская палата въ Кремлѣ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Василій Шуйскій и Михайловъ.

В. ШУЙСКІЙ, *у стола.*

Увлекся гнѣвомъ я, поспѣшенъ былъ въ рѣшеньи.

МИХАЙЛОВЪ, *складывая куски письма Скопина.*

Надежа – Государь, какъ могъ подумать ты,
Что Михаилъ отечества предатель?
Не я ль еще вчера докладывалъ тебѣ,
Что бѣдствіемъ, лишь крайностью тѣснимый,
Для нашего спасенія дерзнетъ
Ослушаться тебя.

В. ШУЙСКІЙ.

Знаю, знаю,
Увѣренъ въ томъ, увѣренъ; но тогда
Я взоромъ обнималъ бояръ и царедворцевъ,
Межъ ними видѣлъ я породой равныхъ мнѣ,
Моихъ товарищей и прежнихъ сослуживцевъ.

Такъ нѣкогда въ средѣ ихъ, думалъ я,
И я склонялъ главу предъ наглымъ самозванцемъ,
Такъ лицедѣйствовалъ я съ ними предъ Царемъ.
А нынѣ все судьбина измѣнила:
Въ вѣнцѣ мое чело — друзья мои рабы,
И желчью зависти исполнено ихъ сердце.
Я всматривался въ ихъ привѣтливыя лица;
Но сердца въ ихъ чертахъ я не читалъ.
Какъ лики на стѣнахъ Палаты Грановитой,
Недвижные, они взирали на меня.
Я мѣсто праздное племянника увидѣлъ —
И вспомнилъ образъ дѣвственный его.
Невинность отрока и старца сановитость.
И важность старца и младенца взоръ,
Въ немъ сочетались тутъ, подумалъ я;
Изъ всѣхъ родныхъ, изъ всѣхъ моихъ бояръ
Ко мнѣ привязанъ онъ любовью безкорыстной;
Онъ Шуйскій — какъ и я — и въ ту минуту,
Ты знаешь — повторять печальнаго не буду —
Пришло извѣстіе! Тебѣ я благодаренъ,
Ты грамотку его отъ истребленья спасъ.

(Разсматриваетъ письмо.)

Ты вразумилъ меня — но здѣсь нѣтъ смысла,
Недостаетъ куска. (*Читаетъ.*) Мосальскій, Салтыковъ...
Предательство... не доберуся толку, —

МИХАЙЛОВЪ.

О чемъ то важномъ онъ тебѣ писалъ.

В. ШУЙСКІЙ.

А что за шумъ на улицѣ, Михайловъ?

МИХАЙЛОВЪ, *смотря.*

Да, такъ и есть! Рязанскій воевода
Примчался въ Кремль, какъ изъ лука стрѣла.
Конь вороной въ поту —

В. ШУЙСКІЙ.

Изъ Лавры, можетъ быть.
Съ письмомъ рѣшительнымъ отъ Келаря. О Боже!
Не дай мнѣ пережить паденья стѣнъ святыхъ,
Не дай мнѣ пережить отечества позора!

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и Ляпуновъ.

В. ШУЙСКІЙ.

Что? жизнь иль смерть?

ЛЯПУНОВЪ.

Спасеніе отчизны!

В. ШУЙСКІЙ, *падаетъ на колѣна.*

О Господи! еще сподобилъ ты
Дождаться красныхъ дней. Благодарю, Всевышній!
Уста молчатъ, внемли сердечный гласъ! (*Молится.*)
(Вскакивая.)
Гдѣ Михаилъ?

ЛЯПУНОВЪ.

Ужъ онъ у стѣнъ Москвы!

В. ШУЙСКІЙ, *съ восторгомъ.*

Да выйдетъ вся Москва ему на встрѣчу,
Самъ Патріархъ съ хоругвію святою,
Съ крестами, весь синклитъ, вся Дума, всѣ чины,
И старъ и малъ, да встрѣтятъ съ хлѣбомъ солью
Спасителя отеческой страны.

(Обнимаетъ его.)

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и Екатерина съ сыномъ Георгіемъ.

ЕКАТЕРИНА.

Что значитъ, Государь, волненіе столицы?
На Красной площади необычайный шумъ,
Въ кафтанахъ праздничныхъ Москвитяне толпятся,
Кто крестится, кто въ радости поетъ,
Цѣлуются какъ въ день Христова Воскресенья.

В. ШУЙСКІЙ.

Ты правду говоришь, сестра, воскресли мы!
Возстали мы отъ сна, воспрянули изъ гроба
И бренный прахъ могильный сотрясли.
— Мы празднуемъ отчизны воскресенье! —

ЕКАТЕРИНА.

Хвала Всевышнему!

В. ШУЙСКІЙ.

Ужель въ Москвѣ
Провѣдали о радостномъ событьи.

ЛЯПУНОВЪ.

Москвитяне коня схватили за бразды,
И я не утаилъ отъ нихъ побѣды нашей.
О если бъ видѣлъ ихъ разительный восторгъ!
Простерлись на снѣгу съ подъятыми руками!

В. ШУЙСКІЙ, *съ восторгомъ.*

Москвитянъ знаю я — народъ великодушный.
Издревле любитъ онъ родимую страну,
Издревле славился любовію къ престолу;
Отечества старинный, свѣтлый щитъ! —

ЕКАТЕРИНА.

Позволь его намъ встрѣтить, Государь!
Георгій самъ не свой.

ГЕОРГІЙ.

Позволь его мнѣ встрѣтить.

ЕКАТЕРИНА.

Онъ крестный сынъ его и всѣмъ ему обязанъ,
И грамотѣ его онъ Русской обучилъ,
Познаніямъ, наукамъ чужеземнымъ.

ГЕОРГІЙ.

Ахъ, я люблю его, онъ мнѣ второй отецъ.

В. ШУЙСКІЙ.

Иди, мой сынъ, хвалю тебя за дружбу
Къ племяннику. Посѣялъ онъ въ тебѣ
Благія сѣмена — любовь и благодарность!
Изъ нихъ произрастетъ благословенный плодъ.

Заочный поцѣлуй отдай ему въ гостинецъ.

(Цѣлуетъ его въ чело.)

Скажи, что жду его, какъ свѣта ждетъ слѣпецъ.

(Къ Ляпунову и Михайлову.)

Сопровождайте вы княгиню и ребенка.

(Уходятъ.)

ЯВЛЕНІЕ IV.

В. ШУЙСКІЙ, *одинъ.*

Въ Георгіѣ я вижу нашу кровь.
Воскреснетъ въ немъ мой пламенный родитель,
Со славой падшій за святую Русь.

(Самодовольный, ходитъ по палатѣ.)

ЯВЛЕНІЕ V.

В. Шуйскій и Димитрій, въ глубинѣ сцены.

В. ШУЙСКІЙ.

Ты здѣсь, въ своемъ раскаялся поступкѣ,
Вину твою теперь забвенью предаю.
Ты знаешь вѣсть? Порадуйся со мной.

ДИМИТРІЙ.

И мертваго разбудитъ эта вѣсть.
Подъ сердцемъ матери почіющій младенецъ
Взыгрался отъ нея — такъ мнѣ ль ее не знать?

Пусть вся Москва гремитъ хваленьями герою,
Пусть Русскія сердца лишь бьются имъ однимъ,
Пусть старъ и малъ летитъ ему на встрѣчу —
Я остаюсь, какъ былъ, дивлюсь его дѣламъ,
Но мнѣнія о немъ отнюдь не измѣняю.
Онъ славою своей позоръ нашъ освѣтилъ.
Могу ль веселымъ быть при нашемъ униженьи?

В. ШУЙСКІЙ.

Не любы мнѣ слова; ты, братъ, чрезмѣру пылокъ
И жаръ страстей въ тебѣ, я вижу, не остылъ.
А время бы ему остыть, Димитрій.
Мы вырвались давно изъ дѣтской пелены;
Стоишь ты высоко, для всѣхъ очей открытый,
Малѣйшее пятно въ сіяніи твоемъ
Народу кажется чернѣй громовой тучи.
Народъ взыскателенъ къ могущимъ на землѣ.
Будь для него умомъ подобенъ змію,
И чище голубя небеснаго душой.

ДИМИТРІЙ.

Какъ онъ? Не правда ли? Вотъ мнѣніе народа.

В. ШУЙСКІЙ, *улыбаясь.*

Онъ заслужилъ его. Ты все о немъ.
Эхъ, братъ мой, на всегда не запретилъ ли я
Упоминать о немъ въ бесѣдахъ нашихъ тайныхъ?
Къ нему враждуешь ты, соперничаешь съ нимъ,
Я знаю; — человѣкъ, объятый страстью,
Несправедливъ въ сужденьи о врагѣ.

Твое чрезмѣру страшно опасенье:
Вотъ почему я не тревожусь имъ.

ДИМИТРІЙ.

Чтобъ не сбылось оно.

В. ШУЙСКІЙ.

Спокоенъ будь, Димитрій,
Князь вѣрность мнѣ на дѣлѣ доказалъ;
Онъ Шуйскихъ домъ въ глазахъ народа возвеличилъ,
На царскій санъ его права онъ утвердилъ.
Ты вспомни лишь — освободитель Лавры,
Спаситель родины — племянникъ нашъ,
Онъ Шуйскій, какъ и мы, и наше имя
Съ восторгомъ вторитъ Русская земля.

ДИМИТРІЙ.

Нѣмѣю предъ тобой, иду къ нему на встрѣчу,
И поземь поклонюсь въ угодность лишь тебѣ.
(Уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ VI.

В. ШУЙСКІЙ, *одинъ.*

Онъ тише агнца сталъ; мой отческій совѣтъ
Смирилъ его. Еще надѣяться я смѣю
Отечеству въ немъ дать достойнаго царя.
(Подходитъ къ окну.)
Москва пуста, какъ вымерла отъ язвы,
Безмолвіе въ Кремлѣ, на Красной площади;
Лишь колокольный звонъ гремитъ надъ всей Москвой.

Слышнѣе звонъ, за храмомъ храмъ
Привѣтствуетъ вождя, твердыню православья.
Вотъ клики слышу я, хваленія ему.
О замолчи, встревоженное сердце!
Не просыпайся, память прежнихъ лѣтъ!
Такъ и меня народъ сей славословилъ,
Когда со знаменемъ спасенія въ рукѣ
Изъ Спасскихъ вратъ предсталъ я,
Избавившій Москву отъ Ляховъ и раскриги;
А нынѣ вытѣсненъ мой образъ изъ сердецъ,
И кѣмъ же? Скопинымъ, ребенкомъ! Что за крики?
То жалобы, то громкія угрозы!
На площади волнуется толпа,
Сѣкиры сыщиковъ блистаютъ — стража!
Я знать хочу смятенія вину.
Я слышу смѣхъ.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Шуйскій и Георгій.

ГЕОРГІЙ, *вбѣгая.*

Спаси, ахъ, дядюшка, спаси!
Вѣдь онъ не виноватъ, его подъ стражу взяли.

В. ШУЙСКІЙ.

О комъ ты говоришь?

ГЕОРГІЙ.

О бѣдненькомъ Ильѣ.

В. ШУЙСКІЙ.

Какомъ Ильѣ?

ГЕОРГІЙ.

О томъ безумномъ нищемъ,
Ты помнишь ли, у Краснаго крыльца
Ты милостыню далъ, а нищій отвернулся,
Сказавъ, что отлились нечетко на копѣйкѣ
Слова: Божіею милостію Царь и всея Руси Самодержецъ,
И пояснидъ, что ты не сущій Царь,
Покамѣстъ шапокъ ты боярскихъ не понизилъ.

В. ШУЙСКІЙ, *смѣется.*

Я помню чудака; но что намъ до него?

ГЕОРГІЙ.

Онъ торжество безуміемъ нарушилъ.
Я разскажу тебѣ, пока Скопинъ
Не прибылъ во дворецъ. Ахъ, еслибъ ты увидѣлъ,
Какъ въѣхалъ онъ въ Москву — порадовался бъ ты,
Какъ величавъ и грозенъ и прекрасенъ
Къ Кремлю подъѣхалъ онъ на вороном конѣ
Въ шеломѣ, съ булавой державною въ десницѣ,
Съ медалью царскою на сребряной бронѣ,
Съ булатомъ на бедрѣ, широкимъ и блестящимъ,
Знаменами Донскаго осѣненъ;
Казалось всѣмъ, что Михаилъ Архангелъ
Съ соборной двери съ образа слетѣлъ.
Народъ лобзалъ края собольей шубы
И бархатной чепракъ Татарскаго коня.

Святѣйшій Патріархъ предъ Спасскими вратами
Его благословилъ. Лишь только Михаилъ
Колѣна преклонилъ, къ Распятью приложился,
Надъ Красной площадью раздался громкій хохотъ,
То закричалъ Илья съ Кремлевскихъ стѣнъ:
«*Саулъ побѣдилъ тысячи, Давидъ тмы!*»
Народъ захохоталъ; но что съ тобою, дядя?
Читаю гнѣвъ на пасмурномъ челѣ,
Ты весь дрожишь! Ахъ, дядюшка, ты гнѣвенъ.

В. ШУЙСКІЙ, *въ бѣшенствѣ.*

Саулъ побѣдилъ тысячи, а Давидъ тмы!
Сауломъ буду я, когда хотите вы,
Презрѣнные рабы! Всѣ мѣры истощили
На срамъ моей вѣнчанной головы.
Испытывать мое долготерпѣнье
Условилися вы — насталъ ему конецъ!
Я васъ щадилъ; когда же всенародно
Со мной вступили въ бой — узнаете меня.
Еще въ рукѣ моей сѣкира Іоанна
И мѣсто лобное травой не заросло!

(Въ сильномъ гнѣвѣ ходитъ по палатѣ.)

Саулъ побѣдилъ тысячи, а Давидъ тмы!
Для злобы вашей и орудіе удачно.
Сравненіе умѣстное нашли.
Саулъ, Давидъ, самъ адъ не могъ придумать
Подобья лучшаго.

ГЕОРГІЙ.

Помилуй, Государь!

В. ШУЙСКІЙ.

Казнить Илью! Нѣтъ, нѣтъ, онъ не безумецъ:
Орудье онъ враговъ, онъ Скопина клевретъ!

ГЕОРГІЙ.

Отецъ и Государь.

В. ШУЙСКІЙ.

Прочь съ глазъ моихъ, ребенокъ!
(Отталкиваетъ его. Георгій уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же и Скопинъ.

Князь Михаилъ входитъ быстро. Русскіе и Шведскіе воеводы.

Бояре. Петрей, посланникъ Шведскій.

СКОПИНЪ,

преклоняетъ колѣна предъ оцепенѣлымъ Царемъ.

Вотъ голова моя.

В. ШУЙСКІЙ,

медлитъ; молчаніе, ожиданіе бояръ. Всѣхъ взоры обращены на Царя.

Встань, Михаилъ Васильичъ.
Не въ прахѣ, не у ногъ твое отнынѣ мѣсто!
(Обнимаетъ.)
А на груди Царя — тебѣ прощаю все!
(Ропотъ между боярами.)

СКОПИНЪ.

О Государь, отецъ великодушный,

Всю жизнь мою — она теперь твой даръ —
Я посвящу служенію отчизны.
Чѣмъ, какъ не жизнію, могу за жизнь воздать?

В. ШУЙСКІЙ, *боярамъ, которые ропщутъ.*

Его я милую наперекоръ врагамъ,
Завистникамъ заслугъ и дарованій.
Не я, отечество судъ правый изрекло
Устами царскими. Князь Михаилъ Васильичъ,
Прими изъ устъ моихъ признательность Москвы.
Я Господа молю, да сохранитъ на долго
Дни славные твои на радость намъ.
Скажи мнѣ, какъ совершилъ ты подвигъ свой великій?

СКОПИНЪ.

Сподвижники мои, не я, свершали трудъ.
Ты ихъ благодари. Вотъ доблестные Шведы.
Спасеніемъ своимъ обязана Москва
Искусству ратному и опытности зрѣлой
Героя Нидерландъ.

В. ШУЙСКІЙ.

Но гдѣ же онъ?
Среди вождей не вижу Делагарди.

ЗОМЕ.

Предъ ваше Царское Величество предстать
Не можетъ графъ, какъ для него ни лестно
Предъ всѣмъ дворомъ услышать похвалу.

В. ШУЙСКІЙ.

Онъ утомленъ путемъ!

ЗОМЕ.

Нѣтъ, Государь!

В. ШУЙСКІЙ.

Такъ что же.
Препятствуетъ ему явиться при дворѣ?

ЗОМЕ.

Законовъ рыцарства не можетъ онъ нарушить,
И всенародно быть не можетъ безъ меча;
Лишь безоружному, гласятъ твои законы,
Дозволено предъ царскій ликъ предстать.
Какъ я ни убѣждалъ, графъ Яковъ Делагарди
Въ своемъ рѣшеньи твердъ, и самъ король его
Не смѣлъ бы поступить въ томъ случаѣ иначе:
Онъ рыцарь древнихъ лѣтъ и сердцемъ и душою.
(Шуйскій кусаетъ губы съ досады и ропотъ между боярами.)

ВОРОТЫНСКІЙ.

Обидъ не стерпитъ онъ; онъ поблѣднѣлъ,
Дрожатъ уста, нахмурилися брови,
Весь исказился ликъ — нѣтъ, нѣтъ, не стерпитъ онъ.
(Молчаніе, ожиданіе бояръ; взоры всѣхъ устремлены на Шуйскаго.)
Онъ говоритъ — послушайте.

В. ШУЙСКІЙ.

Жалѣю,
Что не могу воздать достойной похвалы
Герою Нидерландъ предъ всѣмъ дворомъ Московскимъ.
Въ глазахъ моихъ возвысилъ онъ себя
Той твердостью души, тѣмъ дивнымъ постоянствомъ.

Союзникъ мой и братъ, могущественный Карлъ,
Гордиться долженъ имъ. Счастливъ тотъ вѣнценосецъ,
Чьи воины такъ честью дорожатъ.

ВОРОТЫНСКІЙ, *боярамъ.*

Того я ждалъ. Князь Шуйскій на престолѣ
Себѣ не измѣнилъ — все царедворецъ онъ.
Какъ ни лукавь, не выдернешь занозу
Изъ сердца.

В. ШУЙСКІЙ.

Кто жъ еще изъ доблестныхъ вождей
Стяжалъ признательность отечества и церкви?
Мнѣ назови его.

СКОПИНЪ.

Вотъ дворянинъ Валуевъ:
Сапѣгу онъ разбилъ у монастырскихъ стѣнъ.
Изъ Тушина, зажженнаго врагами,
Онъ Филарета спасъ — Россіи адамантъ.
Ему хвалу воздастъ Романовыхъ потомство
За чудное спасенье дней его.
Вотъ доблій мужъ, бояринъ князь Куракинъ.
Вотъ каменная грудь; сквозь дебри и снѣга,
При вьюгѣ сѣверной, при вихрѣ и мятели,
На лыжахъ онъ проникъ въ разбойничій вертепъ;
Онъ Дмитровъ осадилъ, сразился съ Поляками,
Равнины снѣжныя ихъ кровью обагрилъ,
По трупамъ ихъ взлетѣлъ на крѣпкія бойницы
И чернаго орла на трупахъ водрузилъ.
Вотъ храбрый Трубецкой, отважный Шереметевъ,
Длань правая моя Борятинскій...

В. ШУЙСКІЙ.

А гдѣ
Мой вѣрный Жеребцовъ?

СКОПИНЪ.

Онъ палъ на полѣ битвы.

В. ШУЙСКІЙ, *отирая слезу.*

Да будетъ память вѣчная тебѣ,
Достойный вождь, Россіянъ благодѣтель!
Вотъ памятникъ тебѣ, воздвигнутый въ вѣкахъ.
(Отираетъ слезы.)
Вожди, признательность отчизны вамъ награда.
Какъ перлы сохранимъ мы ваши имена;
Златыми буквами на мраморныхъ скрижаляхъ
Мы не начертимъ ихъ, а сохранимъ въ сердцахъ.

ВОИНЫ.

Да здравствуетъ нашъ Царь Василій Іоаннычъ.

В. ШУЙСКІЙ.

Вамъ нынѣ отдыхъ нуженъ — успокойтесь.

СКОПИНЪ.

Нѣтъ, Государь, еще не выжитъ самозванецъ.
Въ Калугѣ онъ оставленъ королемъ
На произволъ честолюбивымъ панамъ.

В. ШУЙСКІЙ.

Ты угадалъ души моей желанье.
На утро выступи съ дружиною въ походъ,
Сотри съ лица земли тотъ призракъ безобразный,
Срамящій имя милое для насъ —
Даревича Димитрія. (*шумъ.*) Что тамъ?

МИХАЙЛОВЪ.

Державный Государь, примчался изъ Смоленска гонецъ.

В. ШУЙСКІЙ.

Да явится.

МИХАЙЛОВЪ.

Дорогою разбитый,
Едва онъ можетъ духъ переводить.
Мнѣ грамоту вручилъ отъ Шейна.

(Подаетъ грамоту.)

В. ШУЙСКІЙ, *читаетъ, опускаетъ руки отъ ужаса.*

О Боже!
Монаха бѣглаго Димитріемъ признать!
Озлобить, противъ насъ вооружить народы,
И новые крестовые походы
Противу насъ въ Европѣ возглашать!
Вотъ для чего вы свергли Годунова,
Весь домъ его злосчастный извели!
Еще не упились злодѣи нашей кровью
И не наслушались стенаній нашихъ вдовъ.
На гибель намъ сковали вы обѣты —
Не сбудутся, не сбудутся они,
Пока не камени останется здѣсь камень,
Пока не вывелось желѣзо на Руси,
Пока въ страданьяхъ мы не очерствѣли сердцемъ,
Пока еще насъ Русскими зовутъ...

(Смятенье между боярами.)

ЛЯПУНОВЪ.

Еще напасть, сомнѣнія въ томъ нѣтъ.
Печальна вѣсть, когда встревожился Державный!

ДИМИТРІЙ и СКОПИНЪ, *ухаживая за Царемъ.*

Что сдѣлалось, скажи намъ, Государь?

В. ШУЙСКІЙ, *прійдя въ себя, послѣ долгаго молчанія.*

Бояре, новый врагъ грозитъ намъ — не Лжедмитрій,
Но равный намъ — законный государь.
Въ недоумѣньи вы — да, въ миръ и безъ причины,
Наперекоръ правамъ народнымъ — Жигимонтъ
Съ несмѣтнымъ воинствомъ проникъ въ предѣлы наши
И градъ Смоленскъ незапно осадилъ.

БОЯРЕ.

Неслыханно!

СКОПИНЪ.

Мое предчувствіе сбылось.
Ужели, Государь, о томъ впервые слышишь?
Не я ль писалъ тебѣ?

ЛЯПУНОВЪ.

Онъ въ гнѣвѣ разорвалъ
Письмо твое.

СКОПИНЪ.

Возможно ли?

В. ШУЙСКІЙ.

О горе!

ПЕТРЕЙ.

Предательство! И въ лѣтописяхъ міра
Примѣра нѣтъ.

В. ШУЙСКІЙ, *увидя его, въ сильномъ негодованіи.*

Свидѣтелемъ ты былъ,

Какъ здѣсь, въ палатѣ сей, въ лицѣ пословъ, король
Крестъ цѣловалъ, клялся ненарушимо
Блюсти союзъ съ державою моей —
И что жъ? едва послы порогъ переступили
Палаты — миръ уже нарушенъ былъ.

ПЕТРЕЙ.

Обида явная Имперію встревожитъ.

В. ШУЙСКІЙ.

Я извѣщу о томъ союзныхъ государей.
Пусть Вѣнскій дворъ опомнится, пока
Сарматъ не водрузилъ подъ Вѣной Польской мили.
Пусть бездну мрачную измѣритъ вашъ король,
Куда его католикъ Ваза свергнетъ.

ПЕТРЕЙ.

Оборони, Господь, король мой вашъ союзникъ,
Онъ грудью постоитъ за вѣрную Москву —
Она для насъ твердыня для Сармата.
Мы не въ Ливоніи, а здѣсь ихъ побѣдимъ.
Такъ мыслитъ Карлъ и храбрый Делагарди.
Я поспѣшу къ нему!

В. ШУЙСКІЙ.

Здѣсь медленность опасна
И не равна борьба. Скажи ему отъ насъ,
Что на его надѣюсь вспоможенье;
Наемниковъ я жду отъ дружбы короля.

ПЕТРЕЙ.

Онъ просьбу Царскаго Величества исполнитъ.
Прими въ лицѣ моемъ признательность его.

За ласки царскія къ послу его державы,
Молю, да сохранитъ тебя Господь,
Для счастія Московіи великой
И въ утѣшеніе союзниковъ твоихъ.

В. ШУЙСКІЙ.

Поклонъ мой королю, возлюбленному брату,
А грамоту тебѣ вручитъ мой думный дьякъ.
(Петрей и всѣ Шведы уходятъ.)
(Къ боярамъ.)
Година черная выходитъ надъ Москою.
Безсовѣстный король личину снялъ съ себя.
(Подаетъ грамоту Шейна Князю Мстиславскому.)
Вотъ грамота. Мнѣ пишетъ вѣрный Шейнъ,
Какъ Салтыковъ съ ватагою своей
Въ Варшавѣ билъ челомъ у пановъ горделивыхъ,
Какъ подличалъ и ползалъ при дворѣ
И, наконецъ, торжественно на Сеймѣ
Отъ всей Москвы челомъ билъ королю,
Колѣна преклоня, молилъ, да Владислава
Отпуститъ царствовать надъ Русскою землей.
Король медлительный не соглашался долго,
Любовь отцовская и честолюбья гласъ
Боролися въ душѣ коварной езуита.
Варшавскій Сеймъ въ молчаньи ожидалъ
Движенья блѣдныхъ устъ. Онъ медлилъ, колебался
Взиралъ на небеса, вздыхалъ, и наконецъ,
За сына принялъ онъ Владиміра вѣнецъ.
(Смятеніе бояръ.)

ВОЛКОНСКІЙ.

Какъ, Жигимонта сынъ – ребенокъ Владиславъ?
Его не надо намъ, его не стерпимъ ига –

МСТИСЛАВСКІЙ.

Католикъ Владиславъ гнуснѣе чѣмъ разстрига.
Нарушитъ онъ святыню нашихъ правъ
И церкви Русскія онъ обратитъ въ костелы.

СКОПИНЪ.

Гори, Москва, горите, наши селы!
Нѣтъ, мы не рождены для срама, для оковъ.

ЛЯПУНОВЪ, *въ изступленіи вскакиваетъ.*

Возстанемъ всѣ, сольемъ мечей удары.
Да сгинетъ Ляхъ, какъ сгинули Татары!

(Неимовѣрный восторгъ нѣкоторыхъ изъ Русскихъ бояръ; нѣкоторые бросаются къ ногамъ Царя и обнимаютъ его.)

В. ШУЙСКІЙ, *встаетъ.*

Любви къ отечеству я слышу громкій гласъ.
Приверженность къ Царямъ Московскаго дворянства
Вѣками дознана. Какъ я ни радъ
Готовности бояръ — погибнуть за свободу,
Къ позору нашему, признаться долженъ я,
Что намъ однимъ не одолѣть Сармата —
Все тѣ же мы, не тѣ лишь времена:
Единства нѣтъ у насъ — подпоры государства,
И сила отческой земли раздроблена —
Жду помощи изъ-за моря, отъ Шведовъ.

(Гулъ негодованія.)

МСТИСЛАВСКІЙ.

Пусть дома посидятъ. Безъ помощи наемной
Мы кровью лишь смывали срамъ съ чела —
Безъ помощи чужой стяжали самобытность,
И безъ наемниковъ держава возрасла.

ВОЛКОНСКІЙ.

И что наемники при поступи ихъ важной?
Они рабы, они себя намъ продаютъ,
Корыстолюбіемъ и вѣрностью продажной
Лишь Русскому худой примѣръ даютъ.
До нихъ не знали мы, и дѣды не запомнятъ,
Чтобъ воинъ продавалъ за злато кровь свою;
Не постыдали мы, Державный Царь, донынѣ,
Какъ можно честь свою на злато промѣнять,
Родную сторону на дальную чужбину,
Роднаго короля на чуждаго царя.
Такъ видно, плевелы они въ родимомъ краѣ,
И пользы нѣтъ отъ нихъ ни на волосъ ему.
Ихъ бросили какъ хламъ, а мы ихъ принимаемъ
И первый уголъ имъ въ хоромахъ отдаемъ.

ЛЯПУНОВЪ.

Пока наемниковъ скликаемъ мы на помощь,
Не сбросимъ мы съ себя младенчества пеленъ.
Мы дѣйствовать должны безъ чуждаго вліянья.
Намъ разумъ далъ Господь и силой надѣлилъ,
Ужель за тѣмъ, чтобъ быть игралищемъ пришельцевъ?
Предъ ними шею гнуть, имъ руки цѣловать,
Отъ ссылочныхъ, избѣгнувшихъ отъ плахи,
Спасенія отчизны ожидать?
Какъ будто мы отвыкли быть мужами,
Какъ будто мы за прялкой возрасли?

БОЯРЕ.

Вотъ дѣльно, истинно, согласны съ воеводой!

В. ШУЙСКІЙ.

Что скажетъ намъ племянникъ знаменитый
Князь Михаилъ?

СКОПИНЪ, *встаетъ со скамьи.*

Наемниковъ на Русь, Державный, не зови —
Сражаются они изъ одного лишь злата.
Нѣтъ Русскаго огня въ продажной ихъ крови
И какъ то вялъ ударъ наемнаго булата.
Лишь воззови, какъ Царь, ты къ Русскому народу,
Сойди къ народу самъ, — скажи народу: Дѣти!
Кончается святая наша Русь,
Оковы намъ несетъ Сарматъ завоеватель,
Спасенья нѣтъ, пойдемъ во срѣтенье съ крестомъ,
Почтимъ его, по-Русски, хлѣбомъ-солью,
Предъ чужеземцами поклонился челомъ.
Не выскажешь и ты обидной рѣчи,
Ихъ клики заградятъ и царскія уста.
Какъ Волга ярая отъ полунощной бури,
Народъ твой выступитъ изъ хижинъ и лѣсовъ;
Изъ плуга мечъ скуетъ, на угляхъ селъ родимыхъ
Послѣднее свое желѣзо закалитъ,
На камняхъ гробовыхъ, на прагѣ церкви Русской
Булатные мечи и копья заострить.
Москвы не выдастъ онъ, нѣтъ! матери не выдастъ,
Взлетитъ на воздухъ съ ней, свободный отъ оковъ,
И въ пламени Москвы сожжетъ своихъ враговъ.

В. ШУЙСКІЙ.

Ахъ, Михаилъ, когда бъ слова твои сбылися.
Все въ блескѣ радуги изображаешь ты,

Какъ пылкій юноша; насъ охладили годы,
И блеску радуги не вѣримъ болѣ мы.
Я слово Шведамъ далъ, просилъ о вспоможеньи —
Могу ли воротить я Шведскаго посла?
Отказомъ, противъ насъ вооружу я Карла.
И безъ него подумать есть о чемъ;
Въ Калугѣ заперся съ Мариной самозванецъ.
Еще соблазнъ его опасенъ для Москвы;
Повсюду бодрствуютъ клевреты Салтыкова,
Они въ Москвѣ, они вокругъ Царя.
Безъ совѣсти они Царю взираютъ въ очи,
Ждутъ случая личину снять съ себя.
Побѣда первая — паденіе Смоленска,
Отъ самозванца ихъ приманитъ къ Королю.
Не все ль равно для нихъ, кто царствуетъ надъ Русью,
Лишь бы не я вѣнецъ Владиміра носилъ.
Изъ-за вражды ко мнѣ они Москву забыли.
О Салтыковъ! какъ ненависть твоя
Погибельна! Предъ Богомъ ты отвѣтишь!

СКОПИНЪ.

Когда же такъ, пошли меня въ Смоленскъ.

БОЯРИНЪ АРТЕМІЙ.

Не дай врагу торжествовать надъ нами.

КН. УШАТЫЙ.

Осады Поляковъ не выдержитъ Смоленскъ,
Какъ ни упрямъ нашъ воевода Шеинъ.

КН. ВОРОТЫНСКІЙ.

Погибнемъ мы. Смоленскъ отчизны корень.

И вслѣдъ за нимъ отечество падетъ,
Какъ древній дубъ отъ дуновенья вѣтра. —
Не медли, Государь, въ рѣшеніи своемъ,
Назначь намъ главнаго надъ войскомъ воеводу.

В. ШУЙСКІЙ.

Спокойтеся, Смоленскъ не Іерихонъ.
Отъ звука Польскихъ трубъ не распадутся стѣны.
На высотѣ крутой построенъ онъ.
Тамъ въ волю пороху и пушекъ; до измѣны
Смоляне вѣрные душой не упадутъ.
Я знаю Шеина, я знаю Горчакова:
Изсохнутъ съ голода скорѣе, чѣмъ сдадутъ.

КН. УШАТЫЙ.

Гдѣ намъ идти войной на Жигимонта?
Въ борьбѣ съ Лжедмитріемъ мы выбились изъ силъ.

В. ШУЙСКІЙ, *вставъ.*

Я самъ иду отечеству на помощь,
Когда не стало силъ у нашихъ воеводъ!
Забуду свой шестидесятый годъ,
Въ доспѣхи облекусь. Еще не разучилась
Рука моя владѣть булатомъ и копьемъ,
Мой голосъ старческій еще дружинамъ внятенъ,
Искусства ратнаго еще я не забылъ.
Помѣряемъ мы силы съ Жигимонтомъ;
Пусть на борьбу царей взираетъ Божій міръ!

МИЛОСЛАВСКІЙ.

Какъ, Государь, ты самъ начальствовать желаешь?
Возможно-ль? Кто останется въ Москвѣ?

Столица безъ Царя во дни измѣнъ и бѣдствій
Останется игралищемъ бояръ.

ВОЛКОНСКІЙ.

Помысли, Государь, что станется съ Россіей,
Когда Господь тебя отъ міра отзоветъ.
Вѣнецъ отъ вражьихъ пуль главы не защищаетъ,
И въ сѣчѣ слѣпъ ударъ Литовскаго меча.

ЛЯПУНОВЪ.

Назначь преемника, оставь его въ столицѣ,
А самъ иди на брань.

БОЯРЕ.

Вотъ это дѣльно, дѣльно.

ЛЯПУНОВЪ.

Насъ опытнѣе Царь Василій Іоаннычъ.
Онъ посѣдѣлъ въ пернатомъ шишакѣ.

ВОЛКОНСКІЙ.

Да, да, искусенъ онъ.

МЦЛОСЛАВСКІЙ.

Противъ того ни слова.

ЛЯПУНОВЪ.

Назначь достойнаго преемника себѣ.
Ты вѣдаешь, о комъ напомнить я дерзаю.
Одинъ алмазъ блеститъ въ златомъ вѣнцѣ твоемъ;
Отдай его отечеству на радость,
Давно алмазомъ тѣмъ любуется оно.

КН. УШАТЫЙ.

Назначь Димитрія — преемникъ онъ по праву.

БОЯРЕ.

Вотъ дѣльно, дѣльно, такъ, достоинъ онъ престола.

КН. УШАТЫЙ.

А кто за Димитрія со мной горою встанетъ?
Артемій Павловичъ, Василій Ларіонычъ,
Князь Артамонъ Петровичъ, Фролъ Ильичъ.

ЛЯПУНОВЪ.

Скликай себѣ подъ масть дружину,
Ушатый князь, мы опрокинемъ ихъ.

ВОРЯТИНСКІЙ.

Надежныхъ созвалъ онъ подъ знамя перелетовъ,
Сокольниковъ разгульныхъ, записныхъ.
Вишь, въ знакъ согласія киваютъ головами.

ЛЯПУНОВЪ.

Такъ маковицъ гряда колеблется слегка,
Лишь дунетъ на нее дыханье вѣтерка.

СКОПИНЪ.

Побойтесь Господа, опомнитесь, князья!
Здѣсь царскій братъ насмѣшки ваши слышитъ.
Забыли вы приличіе къ нему.

ВОРЯТИНСКІЙ.

Приличье тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о пользѣ
Отечества! Мы здѣсь не на пиру.

В. ШУЙСКІЙ.

Я снисхожу на гласъ боярской Думы.

Преемника назначу вскорѣ я;
Умъ выспренній Владыки Гермогена
Въ отсутствіе мое, какъ Божій херувимъ,
Въ столицѣ набожной правительствовать будетъ,
Димитрія ему въ помощники я дамъ.

КН. УШАТЫЙ.

(Со всею партіею встаетъ и подходитъ къ Царю.)

Назначь его преемникомъ престола,
Законный онъ, — да здравствуетъ твой братъ!
Наслѣдникъ твой Димитрій Іоанновичъ.

(Партія Димитрія восклицаетъ: да здравствуетъ.)

ЛЯПУНОВЪ, *вскакивая.*

А кто его преемникомъ назначилъ?
Чѣмъ заслужилъ онъ царственный вѣнецъ?
Въ лицо ему скажу: въ годину испытаній
Намъ нуженъ бодрый вождь, съ возвышенной душой,
Любовь народную заслугами стяжавшій,
Однимъ лишь именемъ ужасный для враговъ,
Однимъ воззрѣніемъ смиряющій крамолу,
Одной улыбкою прельщающій сердца.
Вотъ истый Царь для Русскаго престола,
Вотъ, вотъ краса и честь для Русскаго вѣнца.

КН. УШАТЫЙ.

То образъ Скопина.

ДИМИТРІЙ.

Ему глядитъ онъ въ очи.
Всѣ поняли его — отъявленный бѣглецъ,
Съ нимъ за одно со Шведомъ онъ дружится,
Обкрадываетъ Русь. —

КН. УШАТЫЙ.

Ну, что-жъ, свой своему
Вѣдь по не волѣ братъ, затѣмъ и тянетъ къ князю.
(Хохотъ бояръ.)

ЛЯПУНОВЪ.

На дерзкія слова молчать я не привыкъ —
Когда бъ не въ Думѣ былъ, тебѣ бы я отвѣтилъ.
Къ гортани бы прильнулъ змѣиный твой языкъ.
Но я не мщу теперь обиды личной,
Когда грозятъ отечеству бѣдой,
Когда грозятъ державу опозорить.
Поспорилъ бы еще — да что съ Ушатымъ спорить!

СКОПИНЪ.

О Боже! до чего мы дожили, Михайловъ!
Какъ торжище мятеженъ сонмъ бояръ,
Какъ своевольствуетъ.

МИХАЙЛОВЪ.

Виновенъ лишь твой дядя.
Зачѣмъ безсмысленныхъ соцарствовать призвалъ.

СКОПИНЪ.

Медвѣдя твоего теперь спустить бы кстати.
Смотри, какъ дюжіе волнуются князья.

ЛЯПУНОВЪ, *глядя на небо.*

Въ Москвѣ воскресли дни Содома и Гомора.
Лишь Божій гнѣвъ ее преобразитъ,
Лишь отъ небесъ я жду Москвы преображенья.

В. ШУЙСКІЙ, *встаетъ.*

Гдѣ я? Очамъ своимъ не вѣрю!
Ужель средь Думы я? ужели я въ Москвѣ?

Нѣтъ, я средь мытарей, я на Варшавскомъ Сеймѣ.
Бояре, до чего унизилися вы!
Гдѣ клятвы, данныя на подданство закону?
Дворянство Русское, отчизны древній столпъ!
Ты въ вѣрности своей поколебался.
Коль ты не щитъ ея въ годину мятежей,
Такъ что же безъ тебя отечеству осталось?
Подъ тусклою звѣздой — злосчастный — я рожденъ:
Мятежники, сыны гражданскаго разврата,
Терзаютъ родину, какъ ниву саранча.
Куда ни обращу я взоръ, повсюду вижу —
Подпоры падаютъ, колеблется земля,
И царскій мой престолъ одинъ средь разрушенья,
Возносится одинъ, какъ среди волнъ скала.

(Срываетъ вѣнецъ.)

На гибель мнѣ ты, шапка Мономаха!
Безъ ропота тебя сложу я на алтарь,
Когда я тѣмъ спасу отечество отъ бѣдствій.

(Садится и закрываетъ лицо руками; бояре окружаютъ его.)

ВОЛКОНСКІЙ.

Надежа-Государь, за царство, за тебя,
За гробы праотцевъ, за наши пепелища,
Мы вѣрную главу на плаху понесемъ;
Не выдадимъ тебя, твое величье видя;
Одушевляетъ насъ великій твой примѣръ.

МИЛОСЛАВСКІЙ.

Святая Русь тверда на Бога упованьемъ
И пламенной любовью чадъ своихъ.

Мы каждый шагъ зальемъ мятежной кровью,
Сердцами вѣрными престолъ твой отстоимъ.
(Окружаютъ Царя, стоя на колѣнахъ.)

ФЛОРЪ ИЛЬИЧЪ.

Краснорѣчивъ, разжалобить умѣетъ.

КН. СПИРИДОНЪ.

Не вѣрьте вы ему, онъ старый лицемѣръ.
Лишь на словахъ съ престола онъ нисходитъ.
Придетъ пора, его не совлечешь:
Ухватится, небось, обѣими руками.
(Хохотъ между боярами.)

В. ШУЙСКІЙ, *вставая, ударяетъ жезломъ въ помостъ.*

Умолкните! я требую смиренья!
Отнынѣ голосъ мой заставлю слушать я.
Во зло мое вамъ было снисхожденье —
Отнынѣ воля царствуетъ моя.
Я остаюсь въ Москвѣ съ дружиною Московской,
Тверитянъ и Двинянъ къ Калугѣ отряжу —
Пожалуй, хоть съ тобой, братъ Дмитрій, и тогда же
Оружьемъ приведя Калугу ко кресту,
Разбивъ нестройныя ватаги самозванца,
Въ едино цѣлое связавъ святую Русь —
Мы разовьемъ хоругвь Димитрія Донскаго
И съ избраннымъ вождемъ къ Смоленску поспѣшимъ.
Я знаю, выборъ мой одобритъ вся Россія.
Пусть Жигимонтъ теперь громитъ Смоленскъ,
Пусть роется какъ кротъ у стѣнъ твердыни —

Нѣтъ, Русской вѣрности Сармату не подрыть.
Пусть сыплетъ онъ свои универсалы —
Мятежники лишь слушаютъ его,
А истый гражданинъ гнушается измѣной.
Допуститъ ли Господь, чтобъ Русь, святая Русь,
Донскаго родина, съ лица земли исчезла!

(Переговоръ между боярами.)

МИХАЙЛОВЪ,

переговоря съ воиномъ, пришедшимъ въ палату.

Тревога, Государь, смятеніе въ Москвѣ.
Народъ, узнавъ извѣстье изъ Смоленска,
Встревожился. Разнесся слухъ, что ты
Отрекся отъ вѣнца, что думные бояре
На царство избрали Сармата короля.
Не миновать въ столицѣ безначалью,
Когда не повелишь Москвитянъ вразумить.

В. ШУЙСКІЙ.

Гдѣ стража, гдѣ Нѣмецкая дружина?
Безумную толпу веля имъ разогнать.

МИХАЙЛОВЪ.

Не смѣютъ приступить они къ народу.

В. ШУЙСКІЙ.

Трусы!
Не поспѣшишь ли ты, Никита Ермоланчъ,
Къ начальнику стрѣльцовъ Измайлову на помощь?

КН. УШАТЫЙ.

Я радъ служить тебѣ; но мой старѣйшій родъ

Мнѣ запрещаетъ стать въ полку на низшемъ мѣстѣ:
Въ разрядныхъ книгахъ я на княжескомъ листѣ.

В. ШУЙСКІЙ.

Бояринъ Фролъ Ильичъ!

ФРОЛЪ ИЛЬИЧЪ.

Покойный мой родитель
Всегда превыше былъ Измайлова въ полку —
Я сверстный дворянинъ.

СКОПИНЪ.

Не стыдно ли, бояре,
Считаться знатностью и древностью родовъ?
Мы всѣ равны предъ нашимъ Государемъ,
Мы всѣ равны, когда священный долгъ
Зоветъ на службу насъ отечеству и Вѣрѣ.
Кто истый дворянинъ — не родомъ, а душой,
Иди за мной, мы чернь отъучимъ
Священную Царя особу огорчать.

БОЯРЕ, *въ голосъ.*

Я — я и я — мы всѣ не выдадимъ его!

(Волненіе на сценѣ. Бояре убѣгаютъ съ Скопинымъ. Ляпуновъ погружается въ молчаніе.)

В. ШУЙСКІЙ, *встаетъ.*

О Михаилъ, ты истинный мнѣ другъ!
Я познаю твою святую добродѣтель.

(Величественно проходя мимо бояръ, оставшихся въ сторонѣ на скамьяхъ, презрительно взглядываетъ; Димитрій слѣдуетъ за нимъ.)

ЯВЛЕНІЕ IX.

Бояре и Ляпуновъ.

ФРОЛЪ ИЛЬИЧЪ.

Съ нимъ уходя, на насъ Димитрій не взглянулъ.
(Бояре шепчутся.)

ВОРОТЫНСКІЙ, *подслушиваетъ ихъ.*

Возможно ли? и вы противу Шуйскихъ!
Не съ княземъ ли Ушатымъ въ голосъ вы
Димитрія на царство избирали?

МНОГІЕ.

Не я — не я — Такъ что? что за отчотъ?

ФРОЛЪ ИЛЬИЧЪ.

Я былъ всегда врагомъ скупыхъ и лихоимцевъ;
Аршинникамъ Димитрій въ долгъ даетъ,
А князь, природный князь, не выплачетъ копѣйки.

ВОЯРИНЪ АРТЕМІЙ.

Я врагъ Димитрію.

ФРОЛЪ ИЛЬИЧЪ.

Зазнался онъ не кстати
Съ тѣхъ поръ, какъ думаетъ наслѣдовать престолъ.

ВОРОТЫНСКІЙ, *Фролу Ильичу.*

И ты противъ него, ты гость его воскресный!
А ты пируешь съ нимъ въ недѣлю раза три.

ВОЯРИНЪ АРТЕМІЙ.

Ужъ нечего сказать, онъ до смерти закормитъ,
Да то бѣда, гостей то не честитъ;

Кто бъ ни былъ, осмѣетъ и въ правду поговорка
Какъ будто на него: для краснаго словца
Димитрій не щадитъ ни брата, ни отца.

ФРОЛЪ БЕЛЬСКІЙ.

И всѣхъ бы онъ хулилъ, и всѣхъ бы онъ порочилъ
Кто не въ связяхъ, не въ силѣ при дворѣ —
Заговори-ко съ нимъ, не дастъ и рта разинуть,
Перекричитъ; предъ нимъ не смѣй судить.
Такъ водится въ Москвѣ: кто не жалѣетъ злата,
Кто кормитъ и поитъ, что тотъ ни скажетъ — свято.

ВОРОТЫНСКІЙ.

Предатели, надѣйся лишь на васъ —
На черный день враги, друзья вы за кубками;
Димитрія лишь любы вамъ пиры.
Василій скупъ для васъ, Скопинъ вамъ не по сердцу.
Кого-жъ, пожалуйте, вы прочите въ Цари?
Ужъ не второго ли мошенника разстригу?
Нѣтъ, для жида Царя Василья не предамъ.

КН. СПИРИДОНЪ.

Смѣшно, когда Царемъ его ты величаешь.
Служили съ нимъ мы четверымъ Царямъ;
У всѣхъ онъ рабствовалъ; Борису Годунову
Онъ руки цѣловалъ, слугою былъ его. (*Хохочетъ.*)
И намъ еще предъ нимъ лисицей увиваться —
Мы родомъ равные — въ насъ Рюрикова кровь.

БОЯРИНЪ АРТЕМІЙ.

Старѣйшему я въ поясъ поклонюсь,
А равному — Господь, оборони.

ФРОЛЪ ИЛЬИЧЪ.

Такъ отдадимъ вѣнецъ мы Жигимонту —
Щердѣе онъ Василья.

(Многіе изъ бояръ въ голосъ.)

И впрямъ —

ВОРОТЫНСКІЙ, *въ сторону.*

Тому не быть!

БОЯРИНЪ АРТЕМІЙ.

Такъ что же, два народа,
Два брата кровные отъ племени Славянъ,
Сольются лишь тогда въ одинъ народъ великій.
Исполнится завѣтъ, начертанный судьбой,
Возрадуется прахъ священный Іоанна.
Варшаву и Москву одинъ покроетъ щитъ —

КН. ВОРОТЫНСКІЙ,

тихо что-то говоритъ къ боярамъ.

А развѣ нѣтъ бояръ? — Есть правнуки Донскаго!

ЛЯПУНОВЪ,

до сего времени недвижимый, прислушивается къ рѣчамъ бояръ.

О Боже! предаютъ отечество Полякамъ!
Не допущу, пока еще я живъ!

(Подходитъ къ боярамъ.)

Бояре, я за васъ — вотъ правая рука!
Блистателенъ поступокъ Салтыкова.
Мы всѣ, горящіе любовію къ Москвѣ,
Должны желать конца ея страданьямъ.
Царь Владиславъ залогъ блаженства намъ.
На гибель Шуйскаго свои мы примемъ мѣры —
Я личный врагъ его.

БОЯРИНЪ АРТЕМІЙ.

Мы знаемъ, знаемъ.
Изъ первыхъ ты къ Лжедмитрію присталъ,
Да вишь, раскаялся.

ЛЯПУНОВЪ.

На то причины были
И слабости — я грѣшный человѣкъ. (*Твердо.*)
Сзовите всѣхъ приверженцевъ Варшавы
Въ часовнѣ, гдѣ почіетъ Шуйскихъ родъ,
Въ вечерній часъ туда сберитесь завтра,
Тамъ побесѣдуемъ объ отческой землѣ;
Своихъ друзей я приведу на гробы.

БОЯРЕ.

Сдержи лишь слово ты, съ тобой въ огонь готовы.
(Всѣ уходятъ.)

ВОРОТЫНСКІЙ, *уходя.*

Совѣтуйтесь, мутите — все придется
Мудрѣйшаго изъ насъ избрать себѣ въ Цари.
(Уходитъ за ними.)

ЯВЛЕНІЕ X.

ЕКАТЕРИНА,
выходя изъ боковой двери, говоритъ въ дверяхъ.

Не уходи, Георгій, изъ свѣтлицы. —
Я справлюсь обо всемъ и тотчасъ ворочусь.
(Запираетъ дверь.)

Ужель воскресли дни разстриги, самозванца?
На Красной площади волнуется народъ —
И выстрѣлы я слышу въ отдаленьи;
Набатный колоколъ гудитъ по всей Москвѣ —
Что значитъ все, спрошу у мужа. — Боже!
Онъ не бывалъ домой. — Никто къ намъ не заглянетъ.
На черный день у Шуйскихъ нѣтъ друзей!
Меня томитъ, терзаетъ неизвѣстность.
(Глядитъ въ окно, скучнѣетъ.)
Не вижу никого. Тамъ Нѣмцы, Канельсенъ! (*Манитъ его.*)
Онъ все разскажетъ мнѣ, меня онъ успокоитъ. —

ЯВЛЕНІЕ XI.

Екатерина и Канельсенъ.

ЕКАТЕРИНА.

Чего хотятъ они?

КАНЕЛЬСЕНЪ.

Защиты и порядка.

ЕКАТЕРИНА.

Зачинщикъ кто?

КАНЕЛЬСЕНЪ, *осматривается.*

Одинъ изъ думныхъ дьяковъ.

ЕКАТЕРИНА.

Кто именно?

КАНЕЛЬСЕНЪ.

Луговскій.

ЕКАТЕРИНА, *въ сторону*.

Смерть ему.

КАНЕЛЬСЕНЪ.

Народу онъ сказалъ, что Русскіе бояре
Полякамъ предали и Церковь и престолъ.
Что Жигимонтъ иль Владиславъ изъ Польши
Съ дружиной скоро явится въ Москву;
Что въ Чудовѣ посхимился Василій.
«Гдѣ нѣтъ защиты намъ, тамъ нѣтъ повиновенья.»
Такъ въ голосъ весь народъ Московскій завопилъ.
«Въ годину черную насъ Шуйскій покидаетъ.
«Господь съ нимъ! Онъ игралище бояръ.
«Тамъ правятъ семеро, гдѣ Царь единый правилъ.»
Промолвилъ Яковлевъ, стрѣлецкій голова;
Другой острякъ пословицу прибавилъ,
Смѣшна она, но въ ней сокрытъ глубокій смыслъ,
Какъ всѣ пословицы Россійскаго народа,
Вы знаете ее — у семерыхъ...

ЕКАТЕРИНА.

Я знаю.
На что жъ рѣшился здѣсь?

КАНЕЛЬСЕНЪ.

А на то же,
На что въ подобныхъ случаяхъ народъ

Рѣшается: разсѣять вашу Думу,
И храбраго избрать себѣ вождя.

ЕКАТЕРИНА.

И кто же избранъ?

КАНЕЛЬСКИЙЪ.

Князь Скопинъ!

ЕКАТЕРИНА, *въ ужасѣ.*

Скопинъ!

(Вся цепенѣетъ, какъ бы при видѣ тѣни отца.)

Смерть, смерть ему! Прочь! удались! Скуратовъ!
Къ грѣхопаденію вѣнцомъ ты не мани.

(Бѣжитъ къ иконамъ подъ завѣсью.)

Пречистая, укрой меня отъ ада,
Кровавый помыселъ отъ сердца отжени.

(Молится съ жаромъ.)

КАНЕЛЬСКИЙЪ.

Задумалась. Узнать бы, что на сердцѣ!

(Подходитъ къ Екатеринѣ.)

Вы, Государыня, въ палатѣ не однѣ.
Въ безпамятствѣ, несвязными словами...

ЕКАТЕРИНА.

Прочь, удались! О немъ пророкъ гласитъ. —
Царь Михаилъ! Онъ, онъ! въ вѣнцѣ я вижу!
На крыльяхъ онъ на небеса паритъ —
Во тьму кромѣшную мы падаемъ, мы гибнемъ.
Въ оковахъ мы, въ веригахъ тяжкихъ мы!

КАНЕЛЬСКИЙЪ, *подойдя.*

Помилуйте, онъ вашъ родной племянникъ.

Родную тетку призритъ Михаилъ,
Оставитъ при дворѣ боярынею первой,
Царицу будете въ соборъ вы провожать,
Сажать ее подъ ручку въ колымагу,
Ей ферязь поправлять, накидывать фату.

ЕКАТЕРИНА.

Лукавый Нѣмецъ, ты иль дьяволъ воплощенный,
Иль чарами владѣешь ворожбы;
Ты будущность раскрылъ — судьбу свою читаю.
Перстъ огненный мнѣ чертитъ на стѣнѣ
Позоръ и смерть. Задерни адскій пологъ!
Ослѣпла я отъ пламенныхъ письменъ.
Чья длань пророчество ужасное сложила?
Растолковать языкъ разгнѣванныхъ небесъ
Ненужно мнѣ пророка Даніила,
Я поняла. — Скуратовъ! я твоя!
(Обращаясь къ Канельсену.)
Гдѣ Михаилъ?

КАНЕЛЬСЕНЪ.

Народъ онъ вразумляетъ.

ЕКАТЕРИНА.

Сраженья не было?

КАНЕЛЬСЕНЪ.

Его мы не минуемъ.
На Думу царскую озлобленъ весь народъ.

ЕКАТЕРИНА.

Твой зорокъ глазъ?

КАНЕЛЬСЕНЪ.

Въ стрѣльбѣ не уступлю Тирольцу;
Назначьте, лишь куда стрѣлять мнѣ?

ЕКАТЕРИНА.

Въ цѣль!
Да — въ сердце черное. —

КАНЕЛЬСЕНЪ.

Княгиня, — понимаю —
Стрѣлять я въ сердце черное привыкъ;
У насъ, стрѣлковъ, изображенье сердца
Обычаемъ на играхъ введено.
Прошу задатка я за важную услугу.

ЕКАТЕРИНА, *говоритъ ему тихо.*

А вотъ въ задатокъ крупный изумрудъ. (*Отдавая перстень*).
Да не забудь — спусти курокъ съ молитвой.

КАНЕЛЬСЕНЪ.

Прислушивайтесь вы — раздастся первый выстрѣлъ,
И сердце черное я въ пурпуръ облеку. (*Уходитъ.*)

ЕКАТЕРИНА, *одна у окна.*

Онъ тѣнью проскользнулъ, ну — гдѣ жъ глаза у Нѣмцевъ?
(Молчаніе, она смотритъ въ окно.)
Какъ онъ медлителенъ! Я слышу крики.
Вотъ Михаилъ, на бѣломъ онъ конѣ.
Привѣтствуютъ его; онъ шлемъ съ главы снимаетъ,
Рукою на главу онъ смѣло указалъ; —

Онъ требуетъ вѣнца; народъ предъ нимъ во прахѣ.
На царство избранъ онъ! Ну, гдѣ же ты, стрѣлокъ?

(Молчаніе.)

Искусство покажи. — Народъ поднялся съ воплемъ.
Какъ черный боръ колеблется толпа.

(Шумъ на площади.)

Мнѣ страшно стало здѣсь. Запрусь въ свѣтлицѣ.

(Раздается выстрѣлъ.)

Онъ палъ! Царица, я! — Что вижу! Боже, Боже!

(Безъ памяти, въ ужасѣ, не знаетъ гдѣ скрыться. — Шумъ на улицѣ усиливается; слышно ея имя въ народѣ.)

(Въ эту минуту выбѣгаетъ съ крикомъ Георгій и скрывается въ объятіяхъ матери; за нимъ гонится вооруженная толпа; одинъ гражданинъ хочетъ схватить его: Екатерина судорожно простираетъ обѣ руки, удерживаетъ народъ.)

Онъ Царь, онъ святъ, глава его въ сіяньи.

(Народъ, какъ бы очарованный, останавливается безъ движенья съ подъятыми сѣкирами.)

1-ой МОСКОВСКІЙ ГРАЖДАНИНЪ.

Ты внѣ себя. Какъ помутились очи!
Григорія Скуратова ты дочь,
Ты чародѣйка! Господи, помилуй,
И чары сокруши лукавой супостатки.
За мной, друзья! Отдай его — онъ нашъ.

ЕКАТЕРИНА.

Рази, убей меня, лишь сына пощади!

ГЕОРГІЙ.

Злодѣи! прочь!

ЕКАТЕРИНА.

Не слушай словъ его.

2-ой МОСКОВСКІЙ ГРАЖДАНИНЪ.

Руби его, руби!
Вѣдь князя Скопина она известь хотѣла.

МНОГІЕ ГОЛОСА.

Смерть, смерть Скуратовымъ!
(Борьба матери съ убійцами.)

ЕКАТЕРИНА.

Господь, помилуй насъ!
(Изнемогаетъ.)

ЯВЛЕНІЕ XII.

МИХАЙЛОВЪ,
съ сѣкирою въ дверяхъ, граждане его не пускаютъ.

Прочь, изверги! я княжича не выдамъ.

1-ой МОСКОВСКІЙ ГРАЖДАНИНЪ, *поражая его.*

Тебѣ ли, старина?

МИХАЙЛОВЪ, *упадая, за сценой.*

Разбойникъ, душегубецъ!
Проклятье на тебѣ. —

1-ой МОСКОВСКІЙ ГРАЖДАНИНЪ.

Стрѣляй, руби ребенка!

ЯВЛЕНІЕ XIII.

(Дверь растворяется. В. Шуйскій во всемъ облаченіи, окруженный вѣрными боярами, гриднями, является.)

(Екатерина и Георгій обнимаютъ его колѣна.)

ЕКАТЕРИНА.

Спаси насъ, Государь!

В. ШУЙСКІЙ,

Спокойтесь, съ нами Богъ!

(Народъ при видѣ Шуйскаго въ ужасѣ падаетъ на колѣна.)

1-ой МОСКОВСКІЙ ГРАЖДАНИНЪ.

Здѣсь Государь, не въ Чудовѣ, не схимникъ.
Онъ не оставилъ насъ. Прости насъ, Государь!

ВСѢ.

Отецъ, помилуй насъ.

В. ШУЙСКІЙ, *простираетъ руки къ небу.*

Ты просвѣтилъ ихъ, Боже!

ОТДѢЛЕНІЕ III.

ЯВЛЕНІЕ I.

Царскій кабинетъ.

ДИМИТРІЙ, *подслушиваетъ у царской спальни.*

Въ полголоса съ Царемъ лазутчикъ говоритъ;
Какъ исповѣдь отрывиста бесѣда;
Замолкли... снова слышу ихъ —
Вотъ шумъ шаговъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

Димитрій и Канельсенъ,
выходя изъ царской спальни.

ДИМИТРІЙ.

Гдѣ Царь?

КАНЕЛЬСЕНЪ.

Въ молельнѣ заперся.
Не слышитъ насъ.

ДИМИТРІЙ.

Удачно ли исполнилъ
Посольство тайное?

МАНИЛЬСКИЙ.

И самъ Петрей ученый,
Въ пронырствахъ высохшій, придворный дипломатъ,
Не совершитъ удачнѣй.

ДИМИТРІЙ.

Не до шутокъ.
Доносъ отваженъ былъ, касался чести Русской,
Онъ свѣтлый щитъ Россіи помрачалъ.
Когда бъ не ты открылъ затѣи Лянунова,
Я усумнился бъ въ истинѣ доноса.
Какъ Царь ни мнителенъ, не скоро вѣритъ онъ.

МАНИЛЬСКИЙ.

Вспахали землю вы и бросили вы зерна,
И выростетъ превыше насъ посѣвъ.
Вы приготовили Василія искусно,
Такъ какъ же могъ онъ не повѣрить мнѣ?
Василій слышитъ лишь наушниковъ ушами,
Лазутчиковъ очами видитъ онъ.
Такъ можетъ ли узнать онъ истину святую?
Дивился я, какъ тонко и черно
Напраслину взвели вы на Москвитянъ,
Народъ, привязанный къ священной старинѣ.
Въ самой Италіи, въ странѣ хитросплетеній,
Гнуснѣйшей я интриги не слыхалъ.
Народъ хотѣлъ единства царской власти,
По древнему обычаю желалъ
Единаго Царя, не семерыхъ, какъ нынѣ;
Разрушить скопище драконовъ онъ желалъ,

Что вы зовете здѣсь сопаротвующей Думой;
А вы Царю какъ дѣло обнесли!
Какъ добродѣтель вы Москвитянъ исказили:
Бунтуетъ-де народъ противъ Царя
И князю Скопину вѣнецъ онъ предлагаетъ.
И подлинно, вѣнца достойнѣе Скопинъ,
Чѣмъ Жигимонтъ, иль Владиславъ.

ДИМИТРІЙ.

Довольно.
Не проповѣдь читать мы призвали тебя.
Скажи лишь, какъ подѣйствовалъ навѣтъ?

ЖАНЕЛЬСКИЙЪ.

Вы искру бросили, навѣтъ ее вожжегъ —
Для пороха одной довольно искры.
И безъ меня-бы вспыхнулъ гнѣвъ Царя.
(Смѣясь.)
Взрывъ старой крѣпости я ускорилъ доносомъ.

ДИМИТРІЙ.

Здѣсь не до шутокъ; ты не скоморохъ наемный...

ЖАНЕЛЬСКИЙЪ.

Когда угодно вамъ, готовъ я проплясать
Средь бѣла дня съ гудкомъ на площади Кремлевской,
Лишь вылейте изъ золота гудокъ.

ДИМИТРІЙ.

Молчи, тебя не вразумить словами!
Умолкни, рабъ.

ЖАНЕЛЬСКИЙЪ.

Какъ вы, рабъ Божій, ваша свѣтлость.

ДИМИТРІЙ.

Ехидна, я тебя ногами раздавлю.

КАНЕЛЬСЕНЪ.

Вы благовѣрный князь, а всякое дыханье
Да хвалитъ Господа.

ДИМИТРІЙ.

Молчи.

КАНЕЛЬСЕНЪ, *кричитъ.*

Слово и дѣло!
И безъ гудка я оглашу Москву
Дѣлами вашей свѣтлости.

ДИМИТРІЙ.

Проказникъ.
Ты разсмѣшилъ меня и княжескій мой гнѣвъ
Ты въ милость превратилъ.

КАНЕЛЬСЕНЪ.

Я въ васъ не сомнѣвался,
Сіятельнѣйшій князь изволили шутить.

ДИМИТРІЙ, *въ сторону.*

Я притуплю твое навѣки жало.
(Гансу).
Не мѣсто здѣсь бесѣдовать со мной.
Лишь коротко скажи: на твой доносъ
Какой отвѣтъ Царя?

КАНЕЛЬСЕНЪ, *показываетъ свертокъ ефимковъ.*

О, самый полновѣсный!

Димитрій, *въ сторону.*

Ему повѣрилъ братъ.

(Къ шпіону, показываетъ на дверь.)

Вотъ за труды.

Безъ шума въ эту дверь, по лѣстницѣ извѣстной.

Ванельсенъ, *уходитъ въ дверь.*

Москвой рѣкой залью твои слѣды.

ЯВЛЕНІЕ III.

Димитрій, *садится за рабочій столъ.*

Какъ братъ мой слабъ при всемъ высокоумьи!
Въ рукѣ искусной мягче воску онъ,
Податливѣе онъ и самой глыбы снѣжной.
Въ молельнѣ заперся, и молится теперь,
Спасенья ждетъ себѣ отъ мнимой онъ крамолы!

(Хохочетъ.)

(Прислушивается).

Вотъ шагъ его медлительный.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Димитрій и Шуйскій.

В. Шуйскій.

Димитрій,

Ты здѣсь, ты старика мнѣ хочешь замѣнить —

Исправенъ былъ мой дружный дьякъ Михайловъ.
Неутомимъ въ письмѣ — другъ дѣтства моего!
Не правда ль, остальной слезы моей онъ стоитъ?

ДИМИТРІЙ.

Зачѣмъ кручиниться? Онъ долгъ исполнилъ свой.
Ты царскихъ слезъ не трать для челядинца.

В. ШУЙСКІЙ.

И лилъ бы ихъ, да нѣтъ ихъ у меня —
Въ глазахъ моихъ изсохъ источникъ животворный.
Завидую въ судьбѣ послѣднему рабу:
Въ тоскѣ ему дана слеза въ отраду —
Мнѣ, бѣдному, нѣтъ воли и въ слезахъ.

ДИМИТРІЙ.

Ты нынѣ огорченъ, — въ глазахъ я грусть читаю,
Ты самъ не свой, встревоженъ ты.

В. ШУЙСКІЙ.

Мнѣ не спалось, слѣды безсонной ночи.
Что новаго? Утихла ли Москва?

ДИМИТРІЙ.

Все тихо, кажется.

В. ШУЙСКІЙ.

А гдѣ же онъ?

ДИМИТРІЙ.

Не знаю.

В. ШУЙСКІЙ.

Успѣлъ ли онъ мятежниковъ смирить?

ДИМИТРІЙ.

Извѣстно мнѣ, что онъ со Шведскою дружиной
Преслѣдовалъ до утренней зари.
Успѣлъ ли захватить, не вѣдаю.

В. ШУЙСКІЙ.

Что пишетъ?

ДИМИТРІЙ.

Ты повелѣлъ вчера освободить
Зборовскаго; вѣдь Михаилъ усердно
Челомъ билъ за него — ты слово далъ.

В. ШУЙСКІЙ.

Подай мнѣ!
(Разрываетъ.)
Пусть чахнетъ онъ въ цѣпяхъ. Кто Ляха звалъ на Русь?
Кто Ляха приглашалъ поднять на насъ оружье?
Не мало Русскихъ сгибло въ ихъ тюрьмахъ
И въ копяхъ соляныхъ Велички отдаленной.
Пиши ему отказъ.

ДИМИТРІЙ, *въ сторону*.

Я торжествую.
(Молчаніе.)

В. ШУЙСКІЙ, *перебираетъ бумаги*.

Вотъ переводъ законовъ чужеземныхъ,
Михайлова неоцѣненный трудъ.
Его рука знакомая — злодѣи!
За что убили вы невиннаго? За то ль,
Что вѣренъ былъ онъ царственному другу.

И вы для Скопина возстали на меня!
И царство Скопина вы начали убійствомъ!
Не вѣрится душѣ, нѣтъ, Божій ликъ
Не можетъ прикрывать столь гнусное злодѣйство.
(Подумавъ.)
Братъ, разувѣрь меня, скажи, что это ложь,
Что Михаилъ злодѣйству не причастенъ.
Полъ-царства дамъ тебѣ, лишь разувѣрь меня.
(Склоняетъ голову на столъ.)

ДИМИТРІЙ, *въ сторону.*

И все отдамъ, когда его я сбуду.

В. ШУЙСКІЙ.

Кто выстрѣлилъ въ него? Ужель не доискались?
Не раненъ ли, скажи мнѣ, Михаилъ?

ДИМИТРІЙ.

Зарядъ былъ холостой, не могъ онъ ранить князя!

В. ШУЙСКІЙ.

Какъ холостой? Опять надежды лучъ погасъ.
И образъ Скопина опять закрылся тучей —
Я говорилъ себѣ, и тѣмъ лишь утѣшалъ.
Стрѣляютъ ли въ того, кого берутъ на царство?
Стези не нахожу, затмился мой разсудокъ,
Съ соображеніяхъ теряется мой умъ.
Что скажешь ты, когда стрѣлокъ подосланъ?
Кто бъ подослалъ его?

ДИМИТРІЙ.

Самъ честный Михаилъ.

В. ШУЙСКІЙ.

Въ умѣ ли ты?

ДИМИТРІЙ.

Да такъ, сообрази лишь.
Я дѣло все смекнулъ. Зачѣмъ же чернь
Въ палату ворвалась, обидѣла княгиню,
Георгія хотѣла умертвить?
Ты знаешь, чернь Скуратовыхъ не терпитъ,
Вѣдь ей не льстятъ они; а хитрый Михаилъ,
Для нашей пагубы другой не зная мѣры,
Воспользуясь смятеніемъ толпы
И дерзостнымъ его избраніемъ на царство,
Хотѣлъ имъ показать всю вашу черноту:
Убійцу подослалъ, а слухъ въ толпѣ разсѣялъ,
Что посягали мы съ женой на жизнь его.
Главой качаешь ты — спроси у Царской Думы,
Всѣ въ голосъ подтвердятъ слова мои.

В. ШУЙСКІЙ, *встаетъ въ ужасѣ.*

Ты мѣры превзошелъ. Хоть Господа побойся.
Дай въ мирѣ умереть.

ДИМИТРІЙ, *улыбаясь.*

А вотъ и князь Скопинъ.

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же и Скопинъ,
цѣлуетъ руку у Царя.

СКОПИНЪ.

Державный Государь, виновники тревоги
Захвачены съ оружіемъ въ рукахъ.
Ихъ предаю твоей державной волѣ:
Вотъ списокъ имъ.

В. ШУЙСКІЙ,
потупя глаза, послѣ долгаго молчанія.

Хвалю твое усердье.
(Читаетъ.)
Князь Михаилъ Васильичъ, Гагаринъ —
Здѣсь Синбуловъ, Грязной, а Ляпунова нѣтъ —
Слухъ носится, что онъ одинъ изъ ихъ старѣйшинъ.

СКОПИНЪ, *взглядываетъ на Димитрія.*

Какъ, Ляпуновъ? Кто очернилъ его?
Однажды лишь Рязанскій воевода
Присягѣ измѣнилъ; раскаявшись, теперь
Онъ служитъ вѣрою и правдою престолу.

В. ШУЙСКІЙ.

Изъ сердца корень зла не скоро вырвешь, князь.
Мы на вѣку довольно испытали.

СКОПИНЪ.

За Ляпунова я, какъ за себя ручаюсь.
Любовью къ родинѣ душа его полна.

Блаженства, тишины онъ родинѣ желаетъ
Подъ сѣнью мирною достойнаго Царя.

В. ШУЙСКІЙ.

Не сомнѣвались мы въ благомъ его желаньи.
О, пользу родины твой знаетъ Ляпуновъ.
Оставимъ рѣчь о немъ. Что жъ до другихъ мятежныхъ,
По мѣрѣ ихъ вины, мы осуждаемъ ихъ...

СКОПИНЪ.

Помедли, Государь, своимъ рѣшеньемъ царскимъ.
Въ числѣ мятежниковъ заблудшихъ я нашелъ
Не опытныхъ, соблазномъ увлеченныхъ.
Помилуй ихъ, они клялися мнѣ
Лечь за тебя, за Вѣру и отчизну.
Раскаянье не лицемѣрно ихъ.

В. ШУЙСКІЙ.

Ни слова, князь — они достойны казни.
(Подписываетъ и складываетъ, не смотря на Скопина, держитъ въ рукѣ списокъ, въ намѣреніи отдать Скопину.)
Безмолвствуешь? Вотъ списокъ, братъ Димитрій,
Прошу виновникамъ достойное воздать:
Казнить ихъ пыткою, торговой казнью.
Довольно мы досель щадили ихъ —
Да вѣдаютъ, что длань Царя благаго
Не миловать — карать измѣнниковъ готова.

СКОПИНЪ.

Не смѣю возражать твоей державной волѣ.
Дерзну тебѣ еще напомнить, Государь,
Объ участи Зборовскаго.

В. ШУЙСКІЙ.

Въ Сибири
Жаръ рыцарскій его остынетъ на всегда.
Мнѣ не до Ляховъ, князь, по ближе. Братъ Димитрій,
Гдѣ вѣдомость о войскѣ Жигимонта,
Что изъ Смоленска Шеинъ мнѣ прислалъ?

ДИМИТРІЙ.

Здѣсь, Государь —
(Оба смотрятъ на бумагу, шепчутся, и когда Димитрій читаетъ вслухъ.)

СКОПИНЪ.

Прервать осмѣлюсь дядю.
Дружина Русская нетерпѣливо ждетъ
Приказа выступить въ походъ на Жигимонта.
Желаетъ знать: кого назначишь ты
Начальствовать надъ всѣмъ Московскимъ войскомъ?
А Делагарди докучаетъ мнѣ —
Кексгольма требуетъ и жалованья Шведамъ.

В. ШУЙСКІЙ, *не слушаетъ рѣчи Скопина.*

Что? да, подумаемъ еще, не къ спѣху дѣло.

СКОПИНЪ.

Ты, Государь, не слушаешь меня.
Я лишній членъ въ твоемъ совѣтѣ тайномъ.

В. ШУЙСКІЙ.

Не прогнѣвися, князь, есть важныя дѣла,
Гдѣ третьяго присутствіе не нужно.
(Отворачивается отъ него.)

СКОПИНЪ, *обращаясь къ небу.*

Ты сердце зришь мое, что сдѣлалъ я ему?

(Огорченный удаляется.)

ЯВЛЕНІЕ VI.

В. Шуйскій и Димитрій.

(Молчаніе.)

В. ШУЙСКІЙ, *глядя вслѣдъ Скопину.*

Какъ ревностенъ князь Михаилъ Васильичъ.
Честь Дома нашего! Онъ что-то пріунылъ,
Не правда ли?

ДИМИТРІЙ.

Того я не замѣтилъ;
Строптивость лишь и наглость видѣлъ я
Въ его чертахъ и въ дерзостной походкѣ.
Дверьми палаты громко хлопнулъ онъ. —

В. ШУЙСКІЙ.

И мнѣ послышалось. — Окончимъ наше дѣло.
Вечерній мракъ повсюду разлился,
Всенощный колоколъ ударилъ *(крестится)*; этотъ вечеръ
Я прадѣдамъ моимъ почившимъ посвящу.

ДИМИТРІЙ.

Предвидѣлъ я.

В. ШУЙСКІЙ.

Иду на ихъ могилы.

И ты сопутствуй мнѣ; лишь тамъ, среди гробовъ,
Найду себѣ пріютъ отъ зависти враговъ.

ДИМИТРІЙ, *ведя его.*

Для блага родины не думай о кончинѣ.

В. ШУЙСКІЙ.

Изъ всѣхъ товарищей дней юности моей
(Обнимаетъ его.)
Остался ты одинъ.

ДИМИТРІЙ.

Я торжествую нынѣ. (*Уходятъ.*)

ЯВЛЕНІЕ VII.

Склепъ князей Шуйскихъ; дверь въ подземный склепъ отворена.

Ляпуновъ и бояре,
между ними
бояринъ Артемій, Фролъ Ильичъ, князь Воротынскій и князь Никита Ушатый.

ЛЯПУНОВЪ.

Здѣсь безопасны мы, здѣсь можемъ совѣщать.
Здѣсь Шуйскіе почіютъ непробудно.
Бесѣдой, ихъ не потревожимъ сна.
Ни стража царская, ни взоры любопытныхъ
Проникнуть не дерзнутъ въ святыню мертвецовъ.
(Всѣ садятся.)
Мы сядемъ на гробахъ — почившіе бояре
Счастливѣе потомка ихъ Царя. —

Они сошли во гробъ во дни побѣдъ и славы —
А что грозитъ потомку ихъ Царю!
Мы, Русскіе, досель на небѣ нашемъ
Не видѣли чернѣйшихъ облаковъ.
Что плѣнъ Татаръ, что моръ въ сравненіи
Съ развратомъ нравственнымъ Россіянъ? До того
Упали мы, унизились душою,
Что Ляху предаемъ святую нашу Русь.

КН. ВОРОТЫНСКІЙ.

Кто предаетъ ее? Клевреты Салтыкова
Не представители отеческой земли;
Ихъ слово не законъ. Безъ нашего согласья
Кто смѣетъ Поляка на царство возвести?
И мы не лишніе и въ брани и въ совѣтѣ —
Боярскій голосъ нашъ внималъ и Іоаннъ.

ЛЯПУНОВЪ.

Не внятенъ будетъ они при громѣ Польскихъ пушекъ.

КН. ВОРОТЫНСКІЙ.

Оборони насъ, Богъ! А наша грудь на что?
Мы отразимъ нашествіе Сармата,
Бразды правленія сильнѣйшему вручимъ.
У насъ ли мало доблестныхъ мужей?
Межъ ними есть и Рюрикова рода,
(Съ самодовольствіемъ.)
Столпы отечества! У нихъ ли нѣтъ ума
И разума?

ЛЯПУНОВЪ.

Лишь нѣтъ любви народа.

КН. УШАТЫЙ.

Что въ ней? Царь Іоаннъ и безъ любви умѣлъ
Державствовать со славою полвѣка.

ЛЯПУНОВЪ.

Царь Іоаннъ, князья, намъ не примѣръ!
Какъ солнце знойное надъ степью Астраханской,
Надъ Русскою землей пылалъ нашъ Іоаннъ,
Свершилъ онъ жгучее теченье, закатился —
Забыли мы его палящій зной,
А добрыя дѣла, а слава въ сердцѣ нашемъ.
Нѣтъ, доблій князь, твои богатыри,
Твои князья — столпы, плохіе намъ Цари.

КН. УШАТЫЙ.

Онъ насъ язвитъ!

КН. ВОРОТЫНСКІЙ.

Когда же не князьямъ природнымъ...

БОЯРИНЪ АРТЕМІЙ.

Когда не столповымъ боярамъ, такъ кому же,
Кому носить вѣнецъ?

КН. УШАТЫЙ.

По немъ, простолюдину,
Рязанскаго купечества главѣ;
По матери онъ въ тѣсномъ съ нимъ родствѣ,
Не чваненъ, радъ служитъ вѣнчанному аршину.

ЛЯПУНОВЪ,

своимъ друзьямъ, кивая головой на кн. Спиридона.

Въ немъ Рюрикова кровь, горячая — онъ князь. (*Смѣясь.*)

БОЯРИНЪ АРТЕМІЙ, *поговоря съ другими боярами.*

Да, я готовъ признать скорѣе Жигимонта,
Чѣмъ кланяться предъ чернью.

ФРОЛЪ ИЛЬИЧЪ.

Да, и я.

БОЯРЕ.

Мы всѣ, мы всѣ согласны съ княземъ. —

ФРОЛЪ ИЛЬИЧЪ, *поглядывая на Ляпунова.*

Мнѣ Жигимонтъ клеврета подсылалъ;
Вывѣдывалъ, стою ль за Владислава.

БОЯРИНЪ АРТЕМІЙ.

И мнѣ писалъ король — даритъ помѣстье въ Шуѣ —

ФРОЛЪ ИЛЬИЧЪ.

А мнѣ Димитрія Московскій новый домъ.

КН. УШАТЫЙ.

Мнѣ волости.

ЛЯПУНОВЪ.

Зачѣмъ же дѣло стало?
Предъ Полякомъ сгибайте шею вы —
Достойные друзья отечественной славы,
Вамъ солнце новое выходитъ изъ Варшавы.
Дождитеся поры, когда вашъ Владиславъ,
Иль Жигимонтъ — не всель равно — поправъ
Законы Русскіе, присягу и условье,
Москву испепелитъ, зальетъ огнище кровью,
Изъ мщенія за гибель Поляковъ,

Зарѣзанныхъ въ день казни самозванца;
Достойнѣйшихъ бояръ въ оковы закуетъ,
Святителя онъ въ Соловки сошлетъ, —
И выпишетъ изъ Рима кардинала.
Опомнитесь тогда, какъ Польскій езуитъ
Власть папы Римскаго въ Москвѣ провозгласитъ.

КН. ВОРОТЫНСКІЙ.

Картина страшная! — верхъ нашего безславья.
О, мнѣ не пережить кончины православья.

ЛЯПУНОВЪ.

Столица Русская, тогда ужъ не Москва,
Не дворъ Царя Кремлевскія палаты —
Тамъ Польскій староста суровый будетъ жить,
А въ Лаврѣ будутъ пѣть Латинскія обѣдни.
Въ Варшавѣ будетъ Царь роскошничать — онъ тѣнь!
Рѣчь посполитая правительствовать будетъ,
И древнія вражды къ Россіи не забудетъ.
Съ улыбкой радости поры дождется той,
Когда мы, Русскіе, отвергнемъ имя наше,
Забудемъ сладостный и звучный нашъ языкъ —
А есть ли что для насъ на свѣтѣ краше,
Какъ имя Русское, какъ Русскій нашъ языкъ?

КН. ВОРОТЫНСКІЙ,

безмолвный до сего времени, но блѣдный и какъ бы мучимый совѣстью.

Побойся Господа, Рязанскій воевода,
Души не раздирай. Дыханіе сперлось
Въ груди моей при ужасѣ грядущемъ;
Нѣтъ, съ Жигимонтомъ вамъ, друзья, не сдобровать;

Отъ Поляка не ждать спасенія отчизны;
Проклятія сыновъ и внуковъ укоризны
Спокойно не дадутъ въ могилѣ вамъ лежать.
Ни вамъ, князья, ни мнѣ, не слѣдъ быть Государемъ,
Медлительный Василій намъ не Царь,
Не Царь намъ зять Скуратова, Димитрій,
Не Царь намъ сынъ его — Скуратова онъ кровь!

НѢКОТОРЫЕ ИЗЪ БОЯРЪ.

Не стерпимъ мы, чтобъ кто изъ Шуйскихъ вновь
Носилъ вѣнецъ Владиміра Святаго.

ВОРОТЫНСКІЙ.

На царство возведемъ Романова любова,
Мы любимъ ихъ, они по сердцу намъ.
Кровь Анастасіи для Русскихъ драгоцѣнна.
Что новый родъ на царство возводить!
Держитесь стараго. Младое деревцо
Въ землѣ колеблемой не скоро пуститъ корень,
Не устоитъ оно среди гражданскихъ бурь —
Примѣръ тому Татары Годуновы —
Всѣ сгинули, какъ былье отъ огня.

ЛЯПУНОВЪ.

Романовыхъ законность несомнѣнна.
По старшинству наслѣдья, Филаретъ,
Какъ ближній родственникъ Царицы незабвенной,
И могъ бы царствовать надъ Русскою землей,
Но онъ неволею постриженъ Годуновымъ,
И суетѣ мірской онъ келью предпочелъ.

КН. ВОРОТЫНСКІЙ.

Господь благословилъ его достойнымъ сыномъ.

Смиренный Михаилъ цвѣтетъ въ монастырѣ
Ипатьевскомъ, близь Костромы —

БОЯРИНЪ АРТЕМІЙ.

И слышно,
Что кротостью, смиреньемъ привязалъ
Сердца Костромитянъ.

ЛЯПУНОВЪ.

Я знаю,
Онъ добродѣтеленъ, и набоженъ, и тихъ.
Не грѣхъ ли намъ птенца противуставить вранамъ?
Гдѣ съ Польскою ордой развѣдаться ему?
Нѣтъ, Русскіе, теперь намъ нуженъ воинъ,
Окрѣпшій въ трудностяхъ и дымѣ боевомъ.
(Помолчавъ.)
Есть витязь на Руси — онъ всѣхъ вѣнцовъ достоинъ,
Онъ мышцами Давидъ и Соломонъ умомъ.
Въ годину черную, когда враги Поляки
Нахлынули на древнюю Москву,
Явился онъ, еще брадой не опушенный,
И дланью твердою Сармата отразилъ;
Отчизна на него воззрѣла съ упованьемъ:
Вотъ избавитель мой! воскликнула она,
(Михаилъ является въ дверяхъ часовни.)
Вотъ онъ — вотъ Царь — его Господь намъ посылаетъ.

БОЯРЕ.

Онъ Шуйскій! — Князь Скопинъ! (*Волненіе между боярами.*)

СКОПИНЪ.

Васъ встрѣтить здѣсь не чаялъ.
Я шелъ сюда на прахъ моихъ отцовъ.
Уединенія душа моя искала.
Не постигаю, что сюда васъ завлекло?

ЛЯПУНОВЪ, *сидя на гробѣ.*

Русь древнюю мы здѣсь выводимъ изъ могилы,
Кладемъ во гробъ безславье нашихъ дней.

СКОПИНЪ, *отступая.*

Я средь мятежниковъ!

ЛЯПУНОВЪ.

Ты средь сыновъ Россіи,
Горящихъ рвеніемъ нисбросить съ Русской выи
Позорное нашъ Польское ярмо.

СКОПИНЪ.

Я извѣщу Царя.

ЛЯПУНОВЪ, *съ жаромъ.*

Не Царь онъ болѣ.
Католикъ Владиславъ на царственномъ престолѣ —
Полродины отпало отъ Москвы;
Предательство, измѣна въ Русскомъ войскѣ.
Полякъ у вратъ Кремля, а Царь Василій спитъ
И мысли нѣтъ назначить воеводу,
И мысли нѣтъ оборонить Москву. —
Наемники сосутъ казну отчизны,
Забвенью преданы твои заслуги, санъ,
Спасеніе Москвы и Сергіевской Лавры!

Не воевода ты, въ опалѣ царской ты!
Димитрій овладѣлъ умомъ Царя и сердцемъ —
Въ Димитріи вождя готовитъ Шуйскій намъ.
Димитрій насъ не поведетъ къ побѣдамъ,
И нашу рать, какъ прахъ, Поляки разметутъ.
Наемникъ Шведъ пристанетъ къ Жигимонту
И землю Русскую раздѣлятъ пополамъ.
Вотъ будущность, вотъ ясная картина!
Есть чѣмъ душѣ порадоваться, князь.

СКОПИНЪ.

Я трепещу отъ ужаса при мысли —
Ты пылкостью души далеко увлеченъ;
Твой ложенъ страхъ, чрезмѣрны опасенья.
Царь бодрствуетъ, еще о насъ печется онъ,
И также онъ, какъ ты, страну родную любитъ,
Какъ ты, готовъ нашъ Царь погибнуть за нее.
Что родился онъ подъ звѣздой злосчастной,
Въ томъ виненъ ли нашъ добрый Государь? —

ЛЯПУНОВЪ.

Печется! Да, когда бы онъ цѣнилъ
Отечества священнѣйшія пользы,
Давно бъ тебя, давно бъ усыновилъ —
Давно бъ тебя соцарствовать онъ призвалъ.
Не я ль ему въ глаза безъ страха говорилъ,
Что Русская земля однимъ тобою дышитъ...

СКОПИНЪ, *хочетъ уйти.*

Васъ предаю судьбѣ.

ЛЯПУНОВЪ.

Нѣтъ, Михаилъ,
Не выйдешь ты, пока той хартіи священной
Рукою не скрѣпишь —

СКОПИНЪ.

О Боже! что я вижу!
Мнѣ отдаютъ вѣнецъ! Клевретъ ожесточенный!
Такъ не забылъ еще ты измѣнять Царю?
(Грозно отступая.)
Отъ имени Царя, всей Руси Самодержца,
Бояринъ Ляпуновъ, ты плѣнникъ мой.
Эй, стража! —

ЛЯПУНОВЪ, *не вставая съ гроба.*

Помедли, Михаилъ,
Еще успѣешь ты вести меня на плаху;
Но вѣдай, лишь падетъ глава съ моихъ раменъ,
Обниметъ зарево пожара всю столицу:
У черни, жаждущей гражданскихъ перемѣнъ,
Развяжешь руки ты; какъ изъ затворовъ ада,
Возстанутъ гнусныя крамольниковъ толпы —
Приверженцы злодѣя Жигимонта,
Разстриги перваго развратные друзья,
Сольются всѣ въ одну нестройную дружину
И дней Отрепьева безчинства воскресятъ.
Тогда увидишь ты святыню въ поруганьи,
Царя Василія въ позорныхъ кандалахъ,
Весь Шуйскихъ родъ изрубленный на стогнахъ;
И даже здѣсь, въ сихъ каменныхъ гробахъ,
Не улежатъ твоихъ прадѣдовъ кости —
Грабители ихъ вырвутъ изъ могилъ
И древній прахъ по воздуху развѣютъ.

СКОПИНЪ.

О Боже праведный! Ужели до того
(Закрываетъ лицо руками.)
Мы дожили?

ЛЯПУНОВЪ.

Твои мы цѣнимъ слезы.
Какъ Божія роса онѣ отрадны намъ.
Растроганъ ты, грядущимъ ты встревоженъ —
О Михаилъ, когда бы вѣдалъ ты,
Чего въ себѣ Россію ты лишаешь.
(Обнимаетъ его, потомъ отступаетъ.)
Картину счастія отеческой земли
Представь душѣ твоей: любовію пылая,
На голосъ твой со всѣхъ концовъ роднаго края
Примчатся Русскіе съ оружіемъ въ рукахъ
Къ тебѣ подъ славные придонскія знамена;
Ты съ ними полетишь на гордыхъ Поляковъ,
Отечество освободишь отъ плѣна,
Сотрешь съ него безславія пятно,
И съ миромъ возвратясь въ Московскую столицу,
Изъ рукъ Святителя ты примешь багряницу.
Ты выйдешь въ первый разъ на Красное крыльцо,
И съ высоты его всему народу
Впервые ты покажешься въ вѣнцѣ;
Тогда узнаешь ты любовь къ тебѣ Россіянъ.
Сердечный ихъ восторгъ въ словахъ невыразимъ.
И наша мать Москва, нашъ градъ Іерусалимъ,
Тобой спасенная царица полусвѣта
Въ единый гулъ сольетъ: Царь бѣлый! многи лѣта!

СКОПИНЪ.

О Ляпуновъ, что сдѣлалъ я тебѣ?
За что терзаешь грудь хвалой незаслуженной?

ЛЯПУНОВЪ.

Смиреніемъ великъ на тронѣ будешь ты,

Какъ Ѳеодоръ державствовать съ любовью,
Со славою — какъ мощный Іоаннъ,
И съ мудростью, какъ Годуновъ, блестящей;
И возрастетъ Россія до небесъ.
Державы чуждыя твое восхвалятъ имя.
Какъ солнце яркое среди небесныхъ звѣздъ,
Такъ средь царей — Царь бѣлый возсіяетъ.
Ты водворишь въ отчизнѣ долгій миръ,
Осушишь ты скорбящей Церкви слезы,
Отечества исцѣлишь язвы ты.
Какъ благодать съ небесной высоты,
Сойдешь на Русь, возставшую изъ гроба:
Благословенъ грядый! воскликнетъ твой народъ,
И домъ твой процвѣтетъ изъ рода въ дальній родъ.

СКОПИНЪ.

Господь, когда его устами говоришь,
Я покорюсь Твоей Всевышней волѣ!
Отечество спасти, увидѣть въ лучшей долѣ —
Я не далъ ли Тебѣ предъ алтаремъ обѣтъ?

ЛЯПУНОВЪ, *кладетъ грамоту на гробъ.*

Вотъ гробъ отца — его священнымъ прахомъ,
Царь Михаилъ, клянись отечество блюсти.

БОЯРЕ, *на колѣнахъ.*

Мы всѣ даемъ тебѣ на подданство присягу.

МИХАИЛЪ, *отступая.*

Клянуся прахомъ! Прочь — какъ уголь раскаленный,
Мнѣ руку жжешь, родительская тѣнь!
Зачѣмъ съ угрозою возстала изъ могилы?

О мой отецъ! къ чему сей гнѣвный взоръ?
Я жертвую собой для счастія отчизны,
Изъ челюсти враговъ спасти хочу Москву.
Ты отвращаешь взоръ, ты саваномъ могильнымъ
Скорбящій ликъ свой осѣнилъ.
Тѣнь гнѣвная! нѣтъ, сынъ твой не измѣнникъ —
Присягу онъ до гроба соблюдетъ.
Бояре, Государь узнаетъ вашу тайну
И эту грамоту увидитъ Государь.
Одинъ лишь Богъ судья межъ вами и Васильемъ.
Въ измѣнѣ я участья не беру.
Когда же за отцовъ и наши прегрѣшенья
Насъ покараетъ Богъ, безъ ропота умру —
Съ мечемъ въ рукѣ, въ пылу послѣдняго сраженья.
При видѣ зарева пылающей Москвы,
При трескѣ стѣнъ, громимыхъ Поляками,
Утѣшусь мыслію, что вѣренъ я Царю,
И взоромъ гаснущимъ на сѣверное небо
Въ послѣдній разъ безъ трепета воззрю!

(Отираетъ слезы и обращается къ Ляпунову.)

Когда жъ твое свершится предсказанье
И Царь медлительный забудетъ долгъ Царя,
Отечество оставитъ безъ защиты,
Самъ на себя накличетъ онъ грозу,
Самъ разорветъ союзъ и съ Богомъ и съ народомъ,
Самъ погребетъ себя въ развалинахъ Москвы —
Не вы его судья — на судищѣ Христовомъ
За пепелъ родины отвѣтитъ Государь.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ же и В. Шуйскій,

въ дверяхъ подземнаго склепа.

В. ШУЙСКІЙ, *громко.*

Отвѣтитъ онъ безъ трепета!

БОЯРЕ.

О Боже!
Царь здѣсь, онъ слышалъ насъ — погибли мы!

В. ШУЙСКІЙ, *выходя.*

Ни съ мѣста!
(Всѣ цепенѣютъ отъ ужаса.)
Я слышалъ васъ — мои прозрѣли очи.
Двуличные друзья! — Благодарю судьбу —
Она открыла мнѣ всю гнусность царедворцовъ!
Еще вчера со мной на единѣ
Клялися вы меня не выдать до могилы.
По именамъ я васъ, друзья, не назову —
Вы потупили взоръ. Къ чему еще упреки!
Вотъ торжество мое! (*Осматривается.*) Здѣсь всѣ мои враги,
Въ моихъ рукахъ! — На голосъ мой державный
Въ одно мгновеніе стрѣльцы васъ окружатъ,
И съ гидры мятежа сто главъ однимъ ударомъ
На голосъ мой стрѣльцы мои скосятъ —
Еще я Царь, еще помазанникъ я Божій,
Еще я видимо Создателемъ храним,
Когда съ очей моихъ завѣсу Онъ срываетъ;

Земная власть еще въ моихъ рукахъ —
Я сокрушить могу измѣнниковъ стопами,
Ихъ кровію упиться я могу;
Но Шуйскій вашъ довольствуется мщеньемъ
Души высокой въ бѣдствіи — презрѣньемъ!
(Отвращается отъ нихъ.)
Ты, Ляпуновъ, горящій юный левъ,
Ты пробудилъ въ нихъ чувство Русской чести, —
Ты властвовать рожденъ надъ сердцемъ и умомъ.
Достоинъ ты моей и зависти и мести.
(Молчаніе, борьба.)
Я милую тебя — ты любишь край родной.
Полякъ и Шведъ пути въ Москву бъ забыли
(Кладетъ руку на плечо Ляпунова.)
Когда бы всѣ, какъ онъ, отечество любили.
(Къ Михаилу.)
Очей поднять не смѣю на тебя;
Мой Михаилъ, тебя обидѣлъ дядя!
Простишь ли ты ему?

СКОПИНЪ.

О Государь,
Зачѣмъ ты слушаешь наушниковъ навѣты?
Ты видишь самъ, друзья ль тебѣ они?
И что наушники? моль въ царскомъ горнастаѣ;
Злотворно ихъ дыханіе въ Москвѣ.
Они твой тронъ высокій подрываютъ
И полны зелія ихъ сладкія уста.
Я ль не служилъ тебѣ и вѣрою и правдой?
А ты меня отъ сердца удалилъ.

В. ШУЙСКІЙ.

Забыто все, о томъ ни слова болѣ.
Не будь злопамятенъ — отнынѣ ты мой сынъ.
Лелеять будешь ты бездѣтнаго Монарха,
Ты старость грустную страдальца усладишь,
Рука твоя мои закроетъ очи,
Мой сирый гробъ опустишь въ землю ты.

СКОПИНЪ.

Надежа — Государь, ты мужественный старецъ,
Съ величьемъ шествуешь по тернамъ жизни сей.
Кончины часъ далекъ; для счастія отчизны
Поцарствуй, Государь, не вѣрь словамъ бояръ —
Не развращенъ еще народъ твой православный,
Кровь прадѣдовъ еще кипитъ въ его груди.
Взглядъ Русскаго горитъ при имени Донскаго,
А Русскому они пророчатъ Польскій плѣнъ.
Нѣтъ, Государь, отъ насъ отбросишь ты оковы
И отразишь врага отъ нашихъ древнихъ стѣнъ.

В. ШУЙСКІЙ.

Когда бъ сбылись пророческія рѣчи!
(Къ боярамъ.)
Бояре, разглашать не буду нашей встрѣчи —
Бесѣду горькую забвенью предаю.
Я не хочу, чтобъ поздніе потомки,
Открывъ случайно грамоту сію,
Краснѣли за своихъ, здѣсь предстоящихъ, предковъ. —
Есть славныя межъ вами имена.
Кровавое пятно — измѣна Государю —

Не сгладится оно изъ рода въ дальній родъ,
Съ дворянской грамоты его вѣка не смоютъ,
Какъ мученика кровь съ булатнаго меча.

(Отдаетъ грамоту князю Воротынскому.)

КН. ВОРОТЫНСКІЙ.

О Государь, какъ ты великодушенъ!
Чѣмъ заслужили мы щедроту?

В. ШУЙСКІЙ.

Чѣмъ?
Вы сердцу моему блаженство возвратили —
Вы Михаила возвратили мнѣ!

ДИМИТРІЙ,
до того времени недвижимый у гроба.

Я ровъ изрылъ себѣ.

В. ШУЙСКІЙ, *улыбаясь.*

Не правда ль, князь Димитрій,
Самъ Богъ послалъ меня на прахъ моихъ отцовъ?
Божественный урокъ мнѣ изрекли гробницы. —
Что Греціи оракулы предъ нимъ?
Извѣстно мнѣ желаніе столицы.
Я войску дамъ надежнаго вождя. —
По Русски встрѣтимъ мы врага, не съ хлѣбомъ — солью,
А съ пушкою. Смоленскъ мы грудью отстоимъ!
Когда жъ напрасенъ трудъ, пусть пламенемъ Смоленска
Освѣтитъ Жигимонтъ взволнованную Русь.
И старъ и малъ возстанутъ на Сармата,
Въ твердыню плотную сольются всѣ сердца.
Чего не отразятъ сердца Россіянъ вѣрныхъ?

(Бояре преклоняютъ колѣна; онъ уходитъ съ Михаиломъ.)

ОТДѢЛЕНІЕ IV.

ЯВЛЕНІЕ I.

Свѣтлица Екатерины.

Екатерина и Канельсенъ,
въ одеждѣ келейника.

КАНЕЛЬСЕНЪ.

Семь капель, слышите ль, не болѣе семи,
Въ мальвазію — она сладка и ароматна,
И самую полынь мальвазія сластитъ.

ЕКАТЕРИНА, *льетъ и прячетъ кубокъ въ поставецъ.*

Я трепещу.

КАНЕЛЬСЕНЪ.

Ну, гдѣ же ваша твердость?
Вѣдь князь Скопинъ теперь любимцемъ сталъ,
Въ наслѣдники его себѣ Василій прочитъ —
И въ санъ фельдмаршала его онъ возведетъ.
Не бойтеся — смѣлѣе поднесите.

ЕКАТЕРИНА.

Но гдѣ и какъ? — Себя не помню я!
Мой умыселъ въ моихъ глазахъ пылаетъ.

Вѣдь я блѣдна какъ смерть, чуть на ногахъ стою.
Кто станетъ пить изъ рукъ покойницы?

КАНЕЛЬСЕНЪ.

Что съ ней
Мнѣ толковать? Пожалуй, свяжетъ руки.
Простите же, княгиня, въ добрый часъ.
Я собрался въ далекій путь — дорогу,
Я въ Римъ иду за отпускной въ грѣхахъ.
Съ котомкою церковника и съ блюдцемъ
Я проберусь къ Литовскимъ рубежамъ.
Простите, вѣчный вашъ я рабъ и богомолецъ.
Носите счастливо Владиміра вѣнецъ.

(Онъ уходитъ.)

ЕКАТЕРИНА,
дѣлаетъ судорожное движеніе.

Останься! (*Вскакивая*) Ты, дружокъ, не выскочишь изъ петли.

(Она вызываетъ двухъ слугъ.)

Подъ Москворѣцкій мостъ, въ глубокій омутъ, съ камнемъ.

(Оцепенѣлая, недвижная, стоитъ посреди комнаты.)

ЯВЛЕНІЕ II.

Екатерина и Димитрій.

ДИМИТРІЙ.

Мы ждемъ тебя, жена! поподчуй же гостей,
Да поднеси-ко намъ наливки заповѣдной,
Что съ ногъ сшибетъ самихъ богатырей.
Да что съ тобой? здорова ли? Кто вышелъ?
Кажись, чернецъ?

ЕКАТЕРИНА.

На погорѣлый храмъ
Я сотворила милостыню.

ДИМИТРІЙ.

Дѣльно.
Пей, веселись, пляши, а нищихъ не забудь —
Вотъ нашихъ прадѣдовъ разгульныхъ поговорка.
(Тащитъ ее за рукавъ.)
Да выйди къ намъ — всѣ ждутъ тебя, а графъ
Ужъ пріосанился, усы свои расправилъ
Въ уста сахарныя тебя поцѣловать;
И Зоме, старый Шведъ, туда же прибодрился.
Ты поглядѣла бъ — красёнъ какъ маковъ цвѣтъ.
Хоть глазомъ ты взгляни на Фрола Ильича,
Разнѣжился, растаялъ онъ за чарой,
Какъ воску яраго отъ пламени свѣча,
Въ преданности ко мнѣ, къ семьѣ клянется нашей —
А запоетъ пѣтухъ Варшавскій на Руси,
Предастъ онъ и Христа.

ЕКАТЕРИНА.

Господь насъ упаси
Отъ двуязычниковъ. Зачѣмъ зовешь ихъ въ гости?

ДИМИТРІЙ.

Ищу престола я — попытка не легка.
(Почесываетъ затылокъ.)
Мнѣ нужны голоса, чу — нѣтъ заслуги личной.
У гостя, одного мнѣ мало языка,
А въ Думѣ вѣдь нужнѣе двуязычный.
Послушай, уморилъ меня Ушатый князь:

Предъ Делагарди онъ расхвастался за чашей;
Что родъ его Адаму ближе всѣхъ,
Онъ линіей докажетъ восходящей.
Вѣдь были же — прибавилъ къ слову я,
Въ ковчегѣ Ноевомъ ушатые князья;
А Ляпуновъ, какъ тутъ: одна чета не болѣ.
Расхохотался графъ — ни чуть не прогнѣвясь,
Къ нему подсталъ и самъ Никита князь,
А мы за нимъ.

ЕКАТЕРИНА.

До слезъ не далеко отъ смѣха.

ДИМИТРІЙ.

До слезъ ли было намъ — хоть поглядѣла бъ ты,
Какъ распивали мы за здравіе четы
Ушатой — ужъ была по истинѣ потѣха!

ЕКАТЕРИНА.

Вѣдь князь обидѣлся?

ДИМИТРІЙ.

Спокойна будь, жена;
Князь долженъ мнѣ, конецъ подходитъ сроку —
А должнику не всяко лыко въ строку.
(Хохочетъ самодовольно.)
Заговорился я, а гости безъ вина,
Какъ гуси ждутъ тебя и вытянули шею.

ЕКАТЕРИНА.

Бесѣда не по мнѣ — вотъ Богъ — идти не смѣю.
Ну, какъ же я пойду? всѣ взглянутъ на меня.
Въ нетрезвомъ видѣ всѣ — съ нетрезвыми цѣлуйся,
Святись потомъ крещенскою водой.

Съ не Русскими грѣшно мнѣ цѣловаться.
Богъ вѣсть, крещеные ль они?
Садясь за столъ, они креста не сотворили,
А повернулися къ Спасителю спиной.

ДИМИТРІЙ.

Ты лебедь бѣлая, утѣшь меня — пойдемъ же.
(Нѣжно.)
Уважишь насъ, я вымапю тебѣ
У брата новую повязку золотую,
Всю въ яхонтахъ.

ЕКАТЕРИНА, *сдаваясь на ласки.*

Какъ у Царицы?

ДИМИТРІЙ.

Да.

(Екатерина глядитъ ему въ глаза, улыбаясь отъ удовольствія, встаетъ и бодро уходитъ съ нимъ.)

(Слуги съ жареными павлинами, съ пирогами, проходятъ по сценѣ. Шведская музыка гремитъ за сценою.)

ЯВЛЕНІЕ III.

Скопинъ и Ляпуновъ, пробираются тихомолкомъ.

СКОПИНЪ.

Насилу ускользнулъ! Пошла опять потѣха.

ЛЯПУНОВЪ.

Княгиню вытащилъ двой дядя на показъ.
Вѣдь надо же тревожить попустому.

СКОПИНЪ.

Какъ горлица, она смутилася сперва,
Потомъ оправилась, какъ лебедь величавый,
И съ чашами палату обошла,
И гостю каждому по чаркѣ съ поцѣлуемъ.
Прокопій, мы безъ совѣсти съ тобой;
Подумаетъ, что мы гнушаемся княгиней.

ЛЯПУНОВЪ.

А дядя твой надулся, какъ павлинъ.
Кругомъ ее и ластится и ходитъ.
Тому поклонъ и красное словцо,
Тому пожатье рукъ, тому три поцѣлуя,
Согнется весь въ дугу, главою отряхнетъ,
А кудри крупные разсыплются, какъ грива,
И отъ кудрей повѣетъ ароматъ.
Душиться любитъ онъ заморскими мастями.

СКОПИНЪ.

Онъ первый щоголь нашъ.

ЛЯПУНОВЪ.

А съ просѣдью боберъ.
Пойди къ Георгію, а я пойду къ Владыкѣ.
Придешь ли ты? Мы будемъ ждать.

СКОПИНЪ.

Приду.
(Ляпуновъ уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ IV.

СКОПИНЪ, *одинъ.*

Украдкою я вышелъ изъ палаты.
Не въ мочь; я отъ вина пылаю, какъ въ огнѣ;
Отвыкъ я отъ него въ моей походной жизни,
А дядя князь едва не запоилъ меня
Мальвазіей и крѣпкою романеей,
Все пей да пей — ужъ подивился я,
Какъ тщательно бояре осушали
Братину дюжую, высокую, съ котелъ.
Когда бы такъ они радѣли о державѣ,
Какъ о своихъ дородныхъ тѣлесахъ,
Иначе бъ шли дѣла и въ полѣ и въ совѣтѣ.
Пойду къ Георгію, надолго съ нимъ прощусь.
(Осматривается.)
Не вижу никого, ни кѣмъ я не замѣченъ,
Никто не подстерегъ.
(Хочетъ идти въ боковую дверь.)

ЕКАТЕРИНА,
выходя потихоньку изъ столовой, хватаетъ его за полу.

А я подстерегла.
Не выпущу я гостя дорогова.
Ты не пилъ у меня, какъ обносила я;
Отъ робости я взоры потупила,
А ты съ Прокопіемъ Петровичемъ и вонъ,
Въ другой покой, и думалъ, что не вижу —
Отъ взора женскаго укроется ли что?
Останься, князь, хоть пережди грозу.
Какъ? съ Делагарди ты оставишь ли бесѣду?
Еще не поздно.

СКОПИНЪ.

Быть долѣ не могу.
Я слово далъ Владыкѣ Гермогену —
Онъ ждетъ меня.

ЕКАТЕРИНА.

Не по лѣтамъ смиренъ,
Какъ дѣва красная бѣжишь бесѣды шумной.

СКОПИНЪ.

Люблю внимать благія словеса
Святителя; отъ нихъ душа свѣтлѣетъ.
На утро, на зарѣ мы выступимъ въ походъ.
Кто знаетъ, приведетъ ли Царь небесный
Увидѣть старца мнѣ? Онъ немощенъ и дряхлъ.
Кто знаетъ, возвращусь ли я на край родимой?
Отъ Польскихъ пуль броня не защититъ.

ЕКАТЕРИНА.

Помилуй, Богъ, что въ умъ тебѣ запало?
Донынѣ херувимъ хранилъ тебя щитомъ.
Со славою въ Москву ты возвратишься.
Останься.

СКОПИНЪ.

Не могу. Ты поклонися дядѣ. —
Онъ съ Делагардіемъ бесѣдуетъ.

ЕКАТЕРИНА,
отворяетъ поставецъ и вынимаетъ кубокъ.

Позволь —
Хоть выкушай сей кубокъ на прощанье,
Гость дорогой (*подноситъ:*), я бью тебѣ челомъ.
(Касается устами своими кубка.)

СКОПИНЪ, *беретъ.*

Тяжелъ, весь золотой, финифтью разукрашенъ,
И съ мудрой надписью — святая старина! (*читаетъ.*)
(Любовь уподобися сосуду злату, ему же разбитія никогда не бываетъ, аще и погнется. (*Разсматриваетъ.*)

ЕКАТЕРИНА.

Не купленный, достался по наслѣдству;
Изъ рода въ родъ пойдетъ.

СКОПИНЪ.

Такъ видно царскій даръ?

ЕКАТЕРИНА, *словоохотно.*

Владѣлъ имъ нѣкогда печатникъ Висковатовъ,
А онъ его досталъ въ гостинецъ за труды
Отъ брата Грознаго, — Владиміра, — съ семействомъ
Вѣдь тотъ былъ отравленъ, а грозный Іоаннъ
Любимцамъ раздавалъ опальныя имѣнья.

СКОПИНЪ.

Ужасный кубокъ, прочь! горишь въ моей рукѣ!
Быть можетъ, изъ тебя злосчастный князь Владиміръ
Отраву пилъ; быть можетъ, изъ тебя
Въ послѣдній разъ, по волѣ Іоанна,
Сгарая жаждою на огненномъ кострѣ,
Пилъ воду мутную печатникъ въ посмѣянье.
Прочь, изъ тебя не стану пить вина,
Къ краямъ твоимъ уста казненныхъ прикасались...

ЕКАТЕРИНА.

Помилуй, Богъ — для дорогихъ гостей
Я кубокъ берегу. Сестра моя Царица

И шуранъ Царь Борисъ медъ пили изъ него,
(Припоминая.)
Послѣдній пилъ Царь Ѳеодоръ Борисычъ.

СКОПИНЪ, *погруженный въ раздумье.*

И всѣ они въ землѣ — житейскій бурный пиръ
Борисъ и Ѳеодоръ напѣкъ отпировали. —
Въ душѣ моей проснулася печаль.
(Погружается въ уныніе.)
Остыла длань, державшая сей кубокъ
Въ послѣдній разъ! Ты ль это, Ѳеодоръ?
Ты предо мной — зачѣмъ изъ гроба вышелъ?
Прискорбенъ твой невинный блѣдный ликъ.
Главой качаешь ты и шевелишь устами...
(Какъ будто разговаривая съ кѣмъ-то.)
Что, что ты шепчешь мнѣ, манишь меня перстомъ?
(Слышенъ смѣхъ гостей Димитрія.)

ЕКАТЕРИНА.

Ахъ, Господи — на грѣхъ проговорилась я,
Разсказомъ о кубкѣ его я настращала; (*Хохотъ сильнѣе.*)
Сама дрожу, какъ листъ. (*Къ гостямъ.*)
Да замолчите ль вы!
Съ кѣмъ онъ бесѣдуетъ? не съ мертвецами ль, полно?
(Подходитъ къ Скопину и дергаетъ его за рукавъ.)
Да выкушай — я бью тебѣ челомъ.

СКОПИНЪ, *въ разсѣяньи.*

Прости мнѣ — я тебя заставилъ дожидаться.
Смѣхъ, сущій смѣхъ, мечта встревожила меня.
Мнѣ показалося... Но что тебя тревожить?

Желаю здравія тебѣ и многи лѣта!
Княгиня, да цвѣтетъ твой домъ!
(Встаетъ и пьетъ.)
Желалъ бы съ крестникомъ Георгіемъ проститься,
Съ нимъ побесѣдовать. —

ЕКАТЕРИНА.

Его я позову. (*Въ сторону.*)
Безпечный видъ его, какъ пламя жжетъ меня.
(Быстро уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ IV.

СКОПИНЪ.

Твой доженъ страхъ, мой добрый Ляпуновъ.
Подъ сей личиною не злое сердце.
Какъ ласкова, привѣтлива она,
Какъ свято чтитъ она родство и дружбу.
Она Скуратова — и отъ дурнаго корня
Родится сладкій плодъ. Сестра ея,
Борисова жена, была добра какъ Ангелъ,
Такъ почему же ей... Ахъ, вотъ и крестникъ мой.

ЯВЛЕНІЕ V.

Скопинъ и Георгій,
бѣжитъ и вѣшается ему на шею.

ГЕОРГІЙ.

Ты вспомнилъ обо мнѣ; уже не думалъ я
Обнять тебя въ послѣдній разъ, въ раздумьи

Взялся за книгу я, въ глазахъ вертѣлись буквы.
Ни строчки не прочелъ, все ты былъ на умѣ.

СКОПИНЪ.

Георгій, за любовь плачу тебѣ любовью.
Разлука наша будетъ не долга.
Ты выростешь, ты скоро возмужаешь.
Въ доспѣхи ратные тебя одѣну я,
Чело твое накрою мѣднымъ шлемомъ
И поясъ привяжу, булатный, острый мечъ.
Я дамъ тебѣ коня ретиваго, донскаго,
И вмѣстѣ полетимъ мы въ Польшу воевать.

ГЕОРГІЙ.

Скорѣй, скорѣй! минуты не дождуся;
Помѣрять силы съ Полякомъ хочу,
Съ нимъ въ рукопашный бой, ну, такъ меня и тянетъ!
Ужъ какъ бы я усердно, дружно въ-разъ
Литовскій чупъ сорвалъ съ злодѣя Жигимонта.
О, я золъ на него!

СКОПИНЪ, *смѣется.*

Хвалю я дѣтскій гнѣвъ —
Отъ искры сей родится чудный пламень:
Любовь къ отечеству.

ГЕОРГІЙ.

Какъ будто бы теперь
Я не люблю Москвы: я Русскій, какъ и ты.
Что мнѣ тринадцать лѣтъ, что я безъ бороды!
(Горько и почти сквозь слезы.)
Душа моя въ несчастьѣ возмужала;

Не въ играхъ — средь мечей и смутовъ я возросъ,
Не пѣсней радости отъ самой колыбели
Наслушался — я слышалъ плачъ и стонъ
И колоколъ унылый, погребальный.
Ты видишь, плачу я, меня ты не кори.
Мнѣ матушка твердитъ, что стыдно плакать мужу.
Ты ей не сказывай.

СКОПИНЪ.

Я, право, каюсь,
Что оскорбилъ тебя. Не гнѣвайся, прости.
Въ послѣдній разъ тебя я обнимаю.
Вѣдь завтра до зари мы выступимъ въ походъ.

ГЕОРГІЙ, *бросается въ его объятія.*

Прости, будь здравъ, да сохранитъ тебя
Господь отъ пуль и саблей Польскихъ. —
(Вырывается изъ его объятій и хватаетъ кубокъ.)
За здравіе твое! Красуйся многи лѣта!

СКОПИНЪ, *пьетъ.*

Что сдѣлалъ ты? Забылъ ты матери приказы?
Вѣдь ядъ сокрытъ въ винѣ для нашего ума.

ГЕОРГІЙ.

Ты ей не говори, останется межъ нами,
Невинной шалости мой не разглашай.
Отъ сладкаго вина во мнѣ взыгралось сердце
И рвется изъ груди, какъ пташка изъ сѣтей.
Ужъ вотъ, теперь — то я схватился бъ съ Жигимонтомъ.
Узналъ бы нашихъ онъ!

СКОПИНЪ.

Прости, мой богатырь.
Чу, матери шаги, начни походъ побѣгомъ;

ГЕОРГІЙ.

Прости, прости, скорѣе воротись,
И саблю Польскую мнѣ принеси въ гостинецъ.
(Убѣгаетъ.)

ЯВЛЕНІЕ VI.

Скопинъ, Екатерина и Димитрій, *угрюмый.*

ЕКАТЕРИНА.

Гость дорогой, ты не взыщи съ родныхъ.
Мы ждать тебя заставили; признаться,
На — силу отъ кубка его оторвала.

ДИМИТРІЙ, *полухмѣльной.*

Жена — я не шучу.

СКОПИНЪ.

Я здѣсь былъ не одинъ,
Мой крестничекъ бесѣдовалъ со мною.
Налюбоваться я Георгіемъ не могъ.
Что за сокровище!

ДИМИТРІЙ.

Племянникъ, много чести!

ЕКАТЕРИНА, *кланяется.*

Благодаримъ.

СКОПИНЪ.

Счастливо оставаться!

ЕКАТЕРИНА, *кланяется.*

Челомъ бью — лихомъ насъ не поминать. (*Скопинъ уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ VII.

Димитрій и Екатерина.

(Молчаніе.)

ДИМИТРІЙ.

Царь за столомъ бесѣдовалъ лишь съ нимъ.

ЕКАТЕРИНА.

Вина любимаго ему онъ въ кубокъ отлилъ.

ДИМИТРІЙ.

За здравіе племянника онъ пилъ.

ЕКАТЕРИНА.

Три раза.

ДИМИТРІЙ.

Прежде Делагарди,

ЕКАТЕРИНА.

А какъ хвалилъ его онъ Шведу, слышалъ-ли?

Какъ при прощаніяхъ онъ сжалъ его въ объятьяхъ.
Вѣдь и въ дверяхъ онъ на него взглянулъ;
Дорогой сколько разъ лицомъ онъ обращался
Къ окну, гдѣ Михаилъ въ смиреніи стоялъ,
И сквозь стекло ему привѣтно улыбался.

ДИМИТРІЙ.

Сомнѣнья нѣтъ, назначитъ воеводой. —

ЕКАТЕРИНА.

Усыновитъ его.

ДИМИТРІЙ.

Увидимъ скоро мы
Племянника въ Палатѣ Грановитой,
Средь гридней и бояръ сидящаго въ вѣнцѣ. —

ЕКАТЕРИНА,
стоя близъ стола, гдѣ Скопина кубокъ, съ торжествующею злобою.

Одѣтаго парчею разноцвѣтной,
Въ вѣнцѣ несъемлемомъ и съ грамотой въ рукѣ,
При кликѣ Москвитянъ, при пѣньи духовенства,
При звонѣ всѣхъ колоколовъ Москвы,
Какъ понесутъ его на плечахъ.

ДИМИТРІЙ.

Въ Кремль.

ЕКАТЕРИНА.

Въ могилу!

ДИМИТРІЙ, *вскакиваетъ; ужасъ отрезвляется его.*

Что слышу я? Такой улыбки ядовитой
Еще не видывалъ я на твоихъ устахъ —

Какъ сатана во дни грѣхопаденья.
Гордишься ты какимъ-то дѣломъ злымъ.
Уста дрожатъ — безмолствуешь. (*Вскакивая.*) Убійца!
Что адъ внушилъ тебѣ?
(Екатерина торжественно поднимаетъ кубокъ и подноситъ къ нему.)

ДИМИТРІЙ, *упадая въ кресла, потомъ вскакивая.*

Его ты отравила!
Прочь, душегубійца! Твой взоръ палитъ меня.
Твое дыханіе мертвительнѣе язвы!

ЕКАТЕРИНА.

Ты желчь свою излилъ, тебѣ дала я волю,
Не возражала я младенцу — мнѣ смѣшенъ
Ребяческій твой гнѣвъ; не стоитъ онъ отвѣта.
Не ты ли самъ всѣ мѣры истощилъ
На пагубу племянника? Не ты ль
Навѣтами встревожилъ умъ Царя?
Не ты ли рылъ ему обширную могилу
И за-живо его въ Сибири хоронилъ?
Я милосерднѣе свела его въ могилу,
Кончиной тихою, безъ горестей и мукъ;
Оплаканъ будетъ онъ Царемъ и всей Москвою.
Спаситель родины во славѣ опочитъ,
И позднее дальнѣйшее потомство
Могилу юноши слезами оросить.
Подъ гробовой доской замретъ и наша тайна,
Никто, никто ее не обличитъ.
И ты, единственный Василія наслѣдникъ,

Ты, сладость царскаго величія познавъ,
Предашь забвенію поступокъ мой отважный,
Ты, счастливый, какъ Царь Московскій, какъ отецъ!

ДИМИТРІЙ, *отталкиваетъ ее.*

Чело мнѣ будетъ жечь Владиміра вѣнецъ.
Прочь съ глазъ моихъ! ты не жена мнѣ болѣ.
Наутро я сошлю тебя въ Каргополь дальній,
Подъ власяницею ты срамъ сокроешь свой.
Сосновый гробъ твое отнынѣ ложе
И брачный пологъ-саванъ гробовой. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ЕКАТЕРИНА,

содрогается, потомъ приходитъ въ себя.

И такъ! въ стѣнахъ пустынной кельи
Окончу я остатокъ дней моихъ.
Судьбина горькая — изныть въ разлукѣ съ сыномъ!
Напрасно буду я съ пустынныхъ береговъ
Объятья простирать къ возлюбленному сыну —
Онъ не отретъ моихъ горячихъ слезъ,
Не приметъ моего послѣдняго дыханья.
(Вставая.)
Пусть заживо истлѣю я во гробѣ,
Лишь бы мой сынъ вѣнецъ Владиміра носилъ.
(Хочетъ идти.)

ЯВЛЕНІЕ IX.

Екатерина и Георгій,

ГЕОРГІЙ.

Спаси, спаси меня отъ ихъ мечей и сабель!
Заносятъ на меня. (*Бросается въ объятія матери.*)

ЕКАТЕРИНА.

Георгій, что съ тобою?
Какъ голова твоя, мой сынъ, раскалена.
Дитя мое, приди въ себя, опомнись.
Ты не здоровъ, не простудился ль ты?

ГЕОРГІЙ, *осматривается кругомъ.*

Они съ угрозою и бранью удалились.
Ты слышишь ихъ шаги и звукъ желѣзныхъ шпоръ?
Ихъ нѣтъ — ну, вотъ теперь не страшно.

ЕКАТЕРИНА.

Опомнился. — Скажи мнѣ, чѣмъ неможешь?

ГЕОРГІЙ.

Ахъ, матушка, какой ужасный сонъ!

ЕКАТЕРИНА.

Что говоришь, мой сынъ?

ГЕОРГІЙ.

Я помолюся
И немочь черная отъ сердца отойдетъ.
(Молится.)

ЕКАТЕРИНА.

Помилуй, Господи!

ГЕОРГІЙ.

Теперь мнѣ стало легче
И бодрость свыше въ сердцѣ разлилась.
Сонъ разскажу тебѣ: сидя одинъ въ свѣтлицѣ,
Писаніе читалъ я, вдругъ забылся
И сонъ таинственный душою овладѣлъ...
(Молчаніе).
И мнѣ привидѣлось, что мы въ палатѣ царской
Сидимъ за трапезой, родитель, Царь и ты,
Вся въ жемчугахъ и въ камняхъ самоцвѣтныхъ.
(Молчаніе.)
(Указываетъ на кубокъ Скопина.)
Ты поднесла Царю тотъ кубокъ, поклонилась,
Онъ взялъ его, и снявъ вѣнецъ съ чела,
Его на мнѣ съ улыбкою примѣрялъ:
«Вѣдь въ пору онъ ему», сказалъ онъ — и склонилъ
Колѣна предо мной — къ устамъ поднесъ твой кубокъ.
«Мы пьемъ за здравіе Георгія Царя»!
Промолвилъ онъ; какъ вдругъ багряный пламень
Изъ чаши вылетѣлъ, какъ бы кровавый шаръ.
Содрогнулась земля, палата запылала,
И въ пропасть мрачную обрушилися мы;
Въ паденіи вѣнецъ съ главы моей скатился
И въ воздухѣ надъ пропастью повисъ.

ЕКАТЕРИНА.

Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его.

ГЕОРГІЙ.

Рыданья, смѣхъ и плачъ, — рукоплесканье

Сопровождали насъ. Я сотворилъ молитву
И прояснилася надъ нами ночи мгла.
Вдругъ радуга раскинулась надъ бездной,
И раздался съ Востока чудный гласъ —
Какъ пѣнье клироса въ день свѣтлый Воскресенья.
О Господи! — и что жъ увидѣлъ я —
Припомнить не могу того безъ умиленья :
Святые Ангелы по радугѣ взнеслись,
Небесный крестный ходъ! у каждаго лилея,
И вкругъ вѣнца они благоговѣя,
При пѣніи въ священный кругъ свились;
Вдругъ чья то длань вѣнецъ изъ тучи опустила
На юношу — онъ строенъ, свѣтлорусъ,
И въ голубыхъ очахъ его сіяла кротость.
Черты Романовыхъ въ лицѣ я находилъ.

ЕКАТЕРИНА.

Романовыхъ? Не можетъ быть, мой сынъ.
Тотъ юноша помазанникъ Господень
Не кто другой, какъ ты — вглядѣлся бъ лучше ты!

ГЕОРГІЙ.

Мнѣ помнится — явились мы потомъ
Въ старинномъ городѣ, среди толпы мятежной.
Царь въ ризѣ чернеца колѣна преклонялъ
Предъ кѣмъ то блѣднымъ съ тощими щеками,
Держащимъ четки крупныя въ рукѣ
И жезлъ съ орломъ; тебя увидѣлъ я въ веригахъ;
За мной гналась толпа злодѣевъ — кто они?
Не помню... Ахъ, я вспомнилъ, вспомнилъ — Ляхи
За мной гнались, шпорами звуча.

ЕКАТЕРИНА, *погружается въ глубокую задумчивость.*

Безсмыслица! Дивлюсь, что ты
Могъ задремать за чтеніемъ священнымъ.
Примѣра не было!

ГЕОРГІЙ.

Родная, провинился,
Тебя ослушался — сегодня пилъ вино —

ЕКАТЕРИНА.

Я догадалася — за то наказанъ Богомъ.

ГЕОРГІЙ.

Ахъ, знаю — ядъ въ винѣ — сказалъ мнѣ Михаилъ.

ЕКАТЕРИНА,
хватаетъ кубокъ и осматриваетъ, дрожа отъ страха.

Какъ, ядъ въ винѣ? Ужели онъ замѣтилъ?
На златѣ нѣтъ слѣда, на днѣ ни капли нѣтъ,
И на краяхъ не вижу ни пылинки.
Быть можетъ, вкусъ иль запахъ измѣнилъ.
(Улыбаясь, къ Георгію.)
Вино не ядъ, мой сынъ, а чудный даръ небесный.

ГЕОРГІЙ.

Ядъ для ума — сказалъ мнѣ Михаилъ. —

ЕКАТЕРИНА, *оправляясь.*

Я ожила — онъ не замѣтилъ яда!

ГЕОРГІЙ.

Не правда ль, кубокъ сухъ, ни капли нѣтъ на днѣ.
Мы осушили...

ЕКАТЕРИНА, *въ ужасѣ.*

Кто?

ГЕОРГІЙ.

Князь Михаилъ и я.

ЕКАТЕРИНА, *прерывисто, задыхаясь.*

Ты пилъ вино... ты пилъ... изъ кубка?

ГЕОРГІЙ.

Пилъ

За здравье Скопина.

ЕКАТЕРИНА, *упадая на колѣна.*

О правосудный Богъ!

(Бѣжитъ къ дверямъ.)

Эй, люди, за врачемъ бѣгите, помогите!

(Бѣжитъ въ сѣни.)

Я заперта! Безчеловѣчный мужъ!

ГЕОРГІЙ, *слабо.*

Переливается огонь въ моей груди!
То весь горю въ огнѣ, то зябну какъ зимою...
Растопленный свинецъ гнететъ мою главу.

ЕКАТЕРИНА.

Нѣтъ помощи! Небесная Царица!
Уста его не движутся! Мой сынъ,
Георгій! ты скончался! — (*на колѣнахъ.*) Всемогущій!
Къ Тебѣ я вопію, Тебя съ небесъ зову —
Обрушь Твой громъ на грѣшную главу,
Лишь пощади его спаси его! Не внемлешь!
Ужель его, къ Себѣ на лоно Ты пріемлешь?
Иль мало Ангеловъ, душъ чистыхъ въ небеси?
Оставь Ты сына мнѣ, спаси его, спаси!

(Бросается къ сыну, сложа руки крестомъ.)

О свѣтъ очей моихъ, ты ясный соколъ мой!
Ты матери не чувствуешь стенанья.
Какъ сохлый цвѣтъ склонился ты главой,
Лишь Божій гласъ тебя прибудитъ, —
Не слезы матери. (*Склоняется надъ нимъ! рыдаетъ.*)
(Быстро встаетъ.)
Нѣтъ, я тебя спасу:
На голосъ матери отчаянной сбѣгутся.
(Стучитъ въ двери.)
Спасите княжича, съ нимъ дурно, боленъ онъ!
Я слышу шумъ шаговъ — его спасутъ... онъ умеръ!
(Она падаетъ безъ чувствъ на трупъ Георгія; въ это время дверь отворяется, женщины входятъ въ палату, подходятъ къ Екатеринѣ, поднимаютъ ее; она дико озирается, какъ бы вспоминая что-то, потомъ беретъ сына и отдаетъ его женщинамъ, торжественно говоря.)
Несите княжича на тронъ, — онъ Русскій Царь!

ОТДѢЛЕНІЕ V.

ЯВЛЕНІЕ I.

Красная площадь. Въ серединѣ Кремль, съ лѣвой стороны видна часть дома Димитрія Шуйскаго, съ правой часть Архангельскаго Собора; окна храма сіяютъ. Дружины собираются на площади, воеводы привѣтствуютъ другъ друга — Ляпуновъ, Боратинскій и проч.

ЛЯПУНОВЪ.

Какъ ясенъ день! успѣхъ пророчитъ онъ —
Какъ по грозѣ востокъ румяный загорѣлся;
Въ прохладѣ утренней мы выступимъ въ походъ,
И къ вечеру узримъ Можайка колокольни.

ВОРОТЫНСКІЙ.

Отчаявался я увидѣть день.
Всю ночь я не сомкнулъ очей ни на мгновенье.
Что за гроза? Какъ вѣтеръ вылъ въ Москвѣ,
Какъ хлопалъ ставнями Палаты Грановитой!
О, не къ добру сорвалъ онъ крестъ златой
Съ восточныя главы Архангельскаго храма.
(Показываетъ на храмъ.)
Ключарь мнѣ сказывалъ: въ соборѣ слышалъ онъ
Стенанье, плачъ, глухія завыванья,
Стукъ молота и визгъ зубчатыя пилы
И заступа могильнаго удары!

ЛЯПУНОВЪ.

Не диво, слышалъ онъ грозы протяжной вой.
Подъ сводами собора отголосокъ
Перепугалъ, какъ видно, храбреца.
Не разглашай въ народѣ небылицы;
Ты знаешь, какъ легко уныньe поселить
Въ сердцахъ пустыхъ и склонныхъ къ суевѣрью.
Забылъ ты, что Уставъ гласитъ военныхъ дѣлъ,
Что перевелъ для насъ покойный дьякъ Михайловъ.
Вотъ здѣсь я начерталъ святыя словеса:
Священный долгъ вождя собой примѣръ являть,
Смиренія, покорства высшей власти,
Предъ строемъ выступать всегда съ веселымъ ликомъ
И небылицами дружины не пугать.

ВОРОТЫНСКІЙ.

Бояринъ, ты не вѣруешь въ видѣнья,
Смѣешься имъ, какъ сказкѣ о Бовѣ;
Вотъ нынѣ свѣтъ каковъ. Недаромъ насъ Господь
Караетъ смутами и голодомъ и моромъ.
Обусурманились мы на святой Руси.
Не диво — съ Нѣмцами, со Шведами дружимся
И съ некристью мы пьемъ изъ одного ковша,

ЛЯПУНОВЪ.

Бояринъ, вѣрю я въ небесныя явленья.
Какъ предъ кончиною Ѳеодора Царя,
Когда пресѣклось имъ Варяговъ поколѣнье,
И небомъ и землей свидѣтельствовалъ Богъ
Событье грозное. Отчизна сиротѣла,

И свитокъ новыя грядущія судьбы
Развертывала намъ Создателя десница.
Знаменіямъ подобнымъ вѣрю я.
Великое Господь предвозвѣщаетъ міру:
На то раскинулъ Онъ надъ нами сводъ небесъ, —
На то зажегъ Онъ вѣчныя свѣтила,
Имъ подчинилъ Онъ смертнаго судьбу,
Не вѣтру, не грозѣ, какъ мы, непостояннымъ.

ВОРОТЫНСКІЙ.

Тебя не убѣдишь. Рязанецъ ты упрямый.
А какъ ни говори, не предъ добромъ грова
Сломила крестъ съ Архангельскаго храма
И мѣстную свѣчу задула въ алтарѣ.
Не радостный конецъ войны пророчитъ сердце.
Все отъ вождя. Кого то намъ въ главы
Назначитъ Государь? Ужель повѣсу брата?
Не сдобровать съ главой безъ головы.

ЛЯПУНОВЪ.

Но что-жъ?
Кто знаетъ? Можетъ быть —

ВОРОТЫНСКІЙ.

А Михаилъ племянникъ?

ЛЯПУНОВЪ.

Къ нему ревнуетъ Царь, какъ ни ласкаетъ явно.

ВОРОТЫНСКІЙ.

И полно! не морочь. — Царь жалуетъ его.
Еще вчера, какъ пировалъ у брата
Наговориться онъ съ племянникомъ не могъ.

Все съ нимъ, да съ нимъ; намъ старшимъ ни-полслова.
Изъ за него и Шведъ ему не въ честь,
Какъ бишь зовутъ его – мудреное прозванье —
Безъ имени, безъ отчества, какъ не крещеный... графъ...

ЛЯПУНОВЪ.

Графъ Делагарди, да, за то и негодуетъ
На Шуйскаго. Извѣстно всей Москвѣ.
Притомъ же онъ еще не выполнилъ условій,
До завтра все откладываетъ ихъ.
Пока въ долгу мы будемъ у пришельцевъ,
Не выжить изъ Москвы намъ Шведской саранчи.
О Господи! въ Москвѣ хозяйничаютъ Шведы.
Отъ Шведомъ мы спасенья ждемъ Москвы!
Невиданный позоръ! Не вѣрится, бояринъ.
Да полно, Русскіе ли мы?

КОРОТЫНСКІЙ.

Бояринъ,
Слова твои какъ острый ножъ для сердца.
Лишь заикнись съ тобой о матери Москвѣ,
И самъ не радъ — разжалобишь ты камень,
Желѣзо самое растопишь ты, какъ воскъ
Словами жаркими; а что-жъ, помилуй, станетъ
Съ душею Русскою, привязанной къ Москвѣ?
Бояринъ, замолчи, собой я не владѣю.
Какъ юноша горю и плачу какъ дитя,
И старческой рукой хватаюсь за булатный.

ЛЯПУНОВЪ.

И намъ еще зовутъ наемниковъ на помощь!
Нѣтъ, за море загонимъ мы гостей.

Въ наемникахъ нашли себѣ мы доброкотовъ.
Отъ нихъ не жди добра; они того глядятъ,
Какъ бы воспользуясь междоусобьемъ нашимъ,
Святую Русь на части разорвать.
Завистливый сосѣдъ не врагъ ли намъ природный?

ВОРОТЫНСКІЙ.

Сосѣдъ домашній тать, отецъ мнѣ говорилъ.
А съ Нѣмцами, какъ, братецъ, не дружись —
За пазухой за камышекъ держись.

ЛЯПУНОВЪ.

Пословица умомъ прадѣдовъ сложена.
Мнѣ, изрѣченіе писанія она.

ВОРОТЫНСКІЙ.

Вотъ Государь съ крыльца сходить изволитъ,
Въ златыя стремена изволитъ онъ вступить,
И князь Димитрій съ нимъ.

ЛЯПУНОВЪ.

Онъ пасмуренъ.

ВОРОТЫНСКІЙ.

Съ похмѣлья.

ЛЯПУНОВЪ.

Сынъ умеръ у него.

ВОРОТЫНСКІЙ.

Жаль бѣднаго отца.

ЛЯПУНОВЪ.

Слабенекъ былъ, разуменъ не по лѣтамъ,

Изнѣженъ матерью — отъ матерей бѣды.
Богатырей они пугаютъ, баловницы:
Раскольникомъ зовутъ, какъ станешь говорить,
Что баловство равно дѣтоубійству.

ВОРОТЫНСКІЙ.

Вотъ Государь, какъ веселъ взоръ его.

ЯВЛЕНІЕ II.

Великолѣпный выходъ Царя.

Гридни. Стража. Бояре: Скопинъ, Димитрій, Ляпуновъ.

В. ШУЙСКІЙ.

Привѣтствую друзей защитниковъ отчизны.

ВОИНЫ.

Желаемъ здравія Царю и многи лѣта!

В. ШУЙСКІЙ.

Въ сей день, благословясь, мы выступимъ въ походъ.
Не съ шайкою воровъ злодѣя самозванца,
А съ воинствомъ искуснымъ короля
Сразиться мы должны. Вы долгъ свершили свой:
Обитель Сергія, Москву вы отстояли.
Предъ царскій ликъ теперь я призвалъ васъ,
Вамъ изъявлю передъ походомъ труднымъ
Отечества признательнаго гласъ:

В. ШУЙСКІЙ, *обнимаетъ Скопина.*

Мой сынъ возлюбленный, утѣха дней моихъ,
Приди въ себя, души моей любимецъ,
Открой уста, молчаніе прерви.
Повѣдай твой недугъ, что чувствуешь ты?

СКОПИНЪ, *разрываетъ одежду на груди.*

Смерть.
(Лишается чувствъ.)

В. ШУЙСКІЙ.

О Господи!

ДИМИТРІЙ.

Онъ Польщею отравленъ.

ЛЯПУНОВЪ.

Есть врагъ опаснѣйшій — онъ ближе вашей Польши.

ДИМИТРІЙ.

Мы люди темные — не нашему уму
Проникнуть таинство — да судитъ Сердцевѣдецъ.
(Царь, Димитрій, Ляпуновъ окружаютъ Скопина.)

БОЯРИНЪ АРТЕМІЙ.

И впрямъ онъ отравленъ у дяди на пиру,
Димитрій золъ, а паче всѣхъ княгиня.

ФЛОРЪ ИЛЬИЧЪ.

И полно, не пугай — вѣдь Ляпуновъ и я,
Мы пили изъ одной со Скопинымъ братины.
Ты насъ не хорони.

БОЯРИНЪ АРТЕМІЙ.

Послушай, Флоръ Ильичъ,
А мнѣ сомнительны княгинины ухватки.

Лишь на кого изъ насъ озлобится она,
Тому льетъ черезъ край заморскаго вина
Пресладкаго!

ФЛОРЪ ИЛЬИЧЪ.

У нихъ всѣ вины сладки.

БОЯРИНЪ АРТЕМІЙ.

Не ядомъ-ли сластитъ наливки и вино?

ФРОЛЪ ИЛЬИЧЪ.

Намъ память вѣчную пропѣли бы давно —
Вѣдь на вино съ тобой мы слишкомъ падки.

БОЯРИНЪ АРТЕМІЙ.

Скопинъ не намъ чета.

ФЛОРЪ ИЛЬИЧЪ.

И впрямъ,
Привыкнешь вѣдь и къ яду — если онъ
Въ наливкѣ иль винѣ заморскомъ разведенъ.

(Толпа расходится.)

ВОРОТЫНСКІЙ, *Ляпунову.*

Вотъ и сломился крестъ съ Архангельскаго храма,
И мѣстная свѣча погасла въ алтарѣ.

В. ШУЙСКІЙ.

Гдѣ врачъ? Призвать его.

ДИМИТРІЙ.

Онъ здѣсь.

В. ШУЙСКІЙ.

Спаси его —
И Русскій Царь тебя осыплетъ златомъ.

ВРАЧЪ.

Я Вашему Величеству служу
Всѣмъ знаніемъ моимъ не изъ одной корысти —
Вторымъ отечествомъ Россію избралъ я,
Ей посвящу мое служенье до могилы.
Спасая юношу, Россіи я воздамъ
За хлѣбъ — соль Русскую за Русское радушье
И за щедроты бѣлаго Царя.
(Подходитъ къ Скопину и отступаетъ отъ ужаса, тихо.)
О правосудный Богъ! Примѣты вижу яда.

СКОПИНЪ, *открывая глаза, замѣтя ужасъ врача.*

Поближе, врачъ, поближе, Государь!
Позволь наединѣ бесѣдовать со старцемъ.
(Всѣ отступаютъ въ глубину театра.)
Въ глазахъ твоихъ я ужасъ прочиталъ,
Проникнулъ тайну ты — сокрой, я заклинаю.

ВРАЧЪ.

Злодѣйство утаить и брать участье въ немъ —
Не все ль одно? Я обличу злодѣйство.
Обманывать Царя я не могу:
Германецъ я и вѣренъ древней чести.

СКОПИНЪ.

Дай мирно спать костямъ моимъ въ могилѣ.

ВРАЧЪ.

Кто отравитель вашъ?

СКОПИНЪ.

Не вѣдаю.

ВРАЧЪ.

Клянитесь!

Колеблетесь — вы видите ли, князь,
Въ душѣ таите вы погибельную тайну.
(Торжественно.)
Рабъ Божій Михаилъ, твой близокъ смертный часъ.
За ложь свою отвѣтишь ты предъ Богомъ.
Едва душа прейдетъ въ надзвѣздные края —
Изъ ада фурія возстанетъ подозрѣнья,
И разольетъ свой ядъ смертельный по Москвѣ.
Твои враги — завистники извѣстны —
Народа взоръ найдетъ убійцу въ ихъ средѣ.
И горе, на кого падетъ сомнѣнье черни!
Ты знаешь судъ безсмысленной толпы.
(Выразительно.)
Предъ шапкой онъ боярскою не дрогнетъ,
Въ высокомъ теремѣ настигнетъ жертву онъ
Въ самомъ Кремлѣ.

СКОПИНЪ.

Молю, не довершай —
Къ чему ведетъ тебя излишнее усердье
И добросовѣстность Германская твоя?
Ты ею не вожжешь моей погасшей жизни,
Изъ гроба тихаго не вызовешь меня —
Зальешь его лишь кровью неповинной,
Изъ пепла и костей воздвигнешь мнѣ курганъ.
Ты скрой вину моей скоропостижной смерти,
Невинной ложью ты спасешь Москву отъ бѣдъ,
Народъ, Царя, Россію успокоишь
И гробъ мой въ тишинѣ травою заростетъ.

ВРАЧЪ, *сжимая его руку.*

О юноша великодушный! Боже!
Ты отпусти мнѣ грѣхъ, мое Ты сердце зришь,
Уста мои донынѣ лжи не знали.
Державный Государь, бояре — покоритесь
Велѣнью Божію — Его святая длань
Свѣтильникъ дней героя погашаетъ.
Не козни смертнаго — естественная смерть!
Намъ грѣхъ роптать на волю Провидѣнья:
Онъ лучшій жребій намъ готовитъ въ небесахъ.
Сей дивный юноша смоковницѣ подобенъ,
Принесшей до поры свой ароматный плодъ.
Для ранняго плода его изсякли силы,
Душой великой онъ столѣтье упредилъ —
А кратокъ вѣкъ мужей, столѣтье упредившихъ.
(Молчаніе, плачъ бояръ.)

ЛЯПУНОВЪ,

повергается къ ногамъ Скопина и обнимаетъ ихъ, заливаясь слезами.

Сокровище мое, ты свѣтъ моихъ очей,
Ты, солнце красное, не во время угаснешь.
(Схватываетъ врача.)
Лжешь, Нѣмецъ, лжешь, подкупленъ ты врагомъ:
Не Божья власть, а козни честолюбцевъ
Пресѣкли дни спасителя Москвы.
На Бога ты клевещешь, нечестивый!
Побойся Господа, безсовѣстный, не лги.
Средь бѣла дня Господь не гаситъ солнца.
Кто князя отравилъ? мнѣ отвѣчай — молчишь!
Я, люди Русскіе — я знаю душегубцевъ.
Слово и дѣло!

ДИМИТРІЙ, *тихо.*

Горе, мы погибли!

В. ШУЙСКІЙ, *торжественно.*

Во имя Господа, во имя всѣхъ святыхъ,
Прокопій Ляпуновъ, Рязанскій воевода,
Намъ отвѣчай, кто отравилъ его?

СКОПИНЪ.

Вѣрь, Государь, горячей головѣ;
Вѣдь изъ любви ко мнѣ вездѣ онъ козни видитъ.
(Къ Ляпунову.)
Слова врача я подтверждаю самъ.
(Молчаніе; глядя съ укоризнами на Ляпунова.)
Давно ль въ меня не вѣруетъ Прокопій?

ЛЯПУНОВЪ.

долго, пристально и умиленьемъ смотритъ на Скопина.

Князь, ты не человѣкъ, ты ангелъ во плоти!
Проникнулъ я въ твое великодушье.
Съ воззрѣньемъ на тебя вселилась тишина
И райскимъ воздухомъ повѣяло на душу;
Нѣтъ, ты не человѣкъ; сбрось тлѣнный образъ свой,
Явись во всемъ сіяніи святыни.
Ты самъ Архистратигъ! Съ небесной высоты
Долу послалъ тебя Господь для искушенья.
Ты житель не земной, пари въ свои селенья,
А мы, слѣпцы, прозрѣть доселѣ не могли,
Мы прочили тебя для царской доли.
Гдѣ намъ привлечь тебя вѣнцемъ къ земной юдоли!
Отрава Ангелу — дыханіе земли.
(Плачетъ на взрыдъ у ногъ Скопина; всѣ разстроганы.)

Шуйский, *обнимает его.*

Твоя слеза мнѣ манна исцѣленья.

(Привстаетъ)

Пойдемъ во храмъ — тамъ молится святитель.

(Улыбаясь.)

Онъ въ дальній путь меня благословитъ.

(Онъ встаетъ и опираясь на Царя и Лапунова, уходитъ въ церковь, всѣ слѣдуютъ за нимъ.)

ЯВЛЕНІЕ III.

ЕКАТЕРИНА,

въ бѣлой фатѣ, говоря на распѣвъ, выходитъ изъ своего дома.

Разступися, мать сыра земля,
Ты раскройся, гробова доска,
Распахнися, золота парча,
Дай увидѣть мнѣ сына милаго,
Сына милаго, ненаглядваго!

Здѣсь я одна, я не въ палатахъ — нѣтъ —
Тамъ ѣдкій дымъ паникадилъ надгробныхъ
Терзалъ глаза мои; тамъ слышала я плачъ
И псалмопѣнье, какъ словно по усопшемъ.
Архіерей протяжно возопилъ
За упокой души Георгія! Кто умеръ?
Георгій? Нѣтъ, не сынъ мой, — нѣтъ, не онъ.
Георгій мой уснулъ въ моихъ объятьяхъ,
Я полусоннаго на ложе отвела,
Сама, сама его я нѣжно уложила,
Въ уста холодныя поцѣловала я
И знаменемъ креста его я осѣнила,
Сказала шопотомъ: «Дитя, Господь съ тобой!».

Сама задернула я полотъ парчевой,
И помню часъ, какъ онъ сомкнулъ съ улыбкой очи,
Такъ точно — часъ тогда ударилъ полуночи,
И колоколъ Успенскій долго выль...
По всей Москвѣ тянулось завываньe —
И чей то планъ тогда мой теремъ огласилъ,
И кто-то надо мной *анаѳема!* воскликнулъ.
(Хохочетъ и озирается.)
Димитрій, ты? Проклятіе твое
Меня гнететъ! Его съ главы я сброшу.
(Срываетъ фату.)
Вотъ храмъ, вѣнчанье тамъ, свѣчами онъ горитъ.
Поютъ, поютъ: *Исаія ликуетъ!*
У знаю, кто женихъ — вѣдь дверь не заперта.
(Прислушивается.)
О Боже, тамъ поютъ отходную молитву.
(Убѣгаетъ и прячется у крыльца своего дома.)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Екатерина и Димитрій,
выходитъ изъ храма.

ДИМИТРІЙ.

Колеблется земля подъ грѣшными ногами!
Какъ оглашенный я отъ алтаря бѣгу —
Кадильницъ фиміамъ для грѣшника удушливъ,
Гласъ страшнаго суда — мнѣ праведника гласъ!
(Закрывается руками и рыдаетъ.)
Ты наказалъ меня, Господь, а мой Георгій. *(Плачетъ.)*
(Увидя идущую Екатерину.)

Екатерина здѣсь! Злодѣйка, удались,
Иль Божія рука тебя сюда приводитъ?
Твоя улика здѣсь — во храмѣ Михаилъ —
А тамъ, смотри — на Красная ли площадь?
На мѣсто ль лобное — самъ Богъ тебя ведетъ.

ЕКАТЕРИНА, *дико озирается.*

На лобномъ мѣстѣ я! Зачѣмъ влечешь на плаху?
Зачѣмъ ты здѣсь, свирѣпый Іоаннъ?
Остроконечный жезлъ въ рукѣ твоей кровавой,
Любуешься ты казнію моей, —
Дреколья, черепы, раскалена рѣшетка,
Съ сосноваго костра ручьями льетъ смола.

(Бѣжитъ къ Димитрію.)

Скуратовъ, отрази опричниковъ сѣкиры,
Дочь защити свою.

(Упадаетъ въ его объятія.)

ДИМИТРІЙ, *поддерживая ее.*

Ума лишилась ты!
Казнь Божья на тебѣ. Приди въ себя,
Злодѣйства твоего еще въ Москвѣ не знаютъ;
Съ тобой умретъ оно, когда не обличишь сама.
Бѣги людей — запрись въ своей свѣтлицѣ.
Племянникъ при смерти, неходитъ кровью онъ,
Ты обличишь себя, — судья ужасный совѣсть!
Заговоритъ, когда увидишь кровь.
Племянникомъ міръ Божій любовался, —
А посмотрѣла бъ ты, что стало изъ него.

ЕКАТЕРИНА.

Да! Онъ красой своею не кстати величался,
И славой помрачалъ всѣхъ Русскихъ воеводъ;

У насъ оспаривалъ онъ шеню Мономаха,
И вотъ конецъ ему и замысламъ его.

ДИМИТРІЙ.

Ты совѣсти не знаешь, ты забыла,
Кто отравилъ его. Воистинну ты дочь
Скуратова.

ЕКАТЕРИНА.

Такъ что? Скуратовъ мнѣ родитель.
И помню я торжественный тотъ день,
Какъ въ пламени его явилася мнѣ тѣнь,
И кубокъ мнѣ съ отравою вручила —
Я кубокъ Скопину съ поклономъ поднесла,
Мнѣ адъ рукоплескалъ — отца свирѣпый хохотъ
Тогда вливалъ отвагу въ грудь мою;
Я въ очи юношѣ, безъ трепета глядѣла,
Я улыбалася, какъ онъ отраву пилъ.

(Хохочетъ.)

ДИМИТРІЙ, *отвращаясь отъ нея.*

Мнѣ страшно съ ней! Ея затмился разумъ,
Не вразумить ее — напомню сына ей.
А гдѣ Георгій нашъ? проснулся ли Георгій?

ЕКАТЕРИНА, *отираетъ фатой слезы.*

Георгій нашъ недвиженъ, бездыханенъ —
Ты знаешь, онъ замерзъ близь сердца моего.
Не вѣришь, дотронись, *(беретъ его за руку)* мое не бьется сердце,
Льдяной корой подернулось оно.

(Рыдаетъ.)

ДИМИТРІЙ.

Не плачь, иди къ нему, благослови младенца.
О Боже! Михаилъ.

(Ведетъ Екатерину слабую въ домъ, вызываетъ женщинъ и отдаетъ имъ Екатерину.)

ЯВЛЕНІЕ V.

В. Шуйскій, Скопинъ.

СКОПИНЪ.

Какъ теплъ день,
Мнѣ сладко умереть въ виду Кремля святаго.

В. ШУЙСКІЙ.

Помилуетъ тебя Господь въ младые годы.

СКОПИНЪ, *улыбается.*

Нѣтъ, поздно! Государь, мою исполни волю —
Безроденъ я, имѣніе мое
Георгію въ наслѣдство оставляю.

ДИМИТРІЙ,

невольно восклицаетъ въ удивленіи и закрываетъ лицо руками.

Георгію! *(Всѣ бояре повторяютъ:* Георгію; *(гулъ раздается на сценѣ.)*

(Молчаніе, изумленіе Скопина.)

СКОПИНЪ.

Онъ плачетъ.

ЕКАТЕРИНА,

вырывается изъ рукъ женщинъ, бѣжитъ съ распущенными волосами.

Гдѣ Георгій?

(Подбѣгаетъ къ Скопину.)

Кто ты, мертвецъ? Ты не Георгій! Боже!

(Упадаетъ къ ногамъ Скопина.)

СКОПИНЪ,

поднимаетъ ее за руку; она глядитъ на него въ безуміи нѣсколько минутъ.

Не плачь о мнѣ, княгиня, не кручинься.
А гдѣ Георгій мой? Ну, что молчите вы?
Гдѣ, гдѣ онъ?

В. ШУЙСКІЙ.

Умеръ отъ прилива крови.

СКОПИНЪ, *про себя.*

О Господи, очамъ открылся свѣтъ!

ЕКАТЕРИНА, *встаетъ, оправляется и кланяется.*

Я бью челомъ тебѣ, князь Михаилъ Васильичъ.
Сама пришла къ тебѣ, тебя на пиръ зову, —
Кого нѣтъ у меня! Домъ полонъ духовенствомъ.
На званый пиръ я созвала Москву —
Тамъ за столомъ, за скатертію браной
Сидитъ Георгій твой; на немъ златой вѣнецъ.
Ты знаешь ли, на царство онъ вѣнчался,
Указъ предъ нимъ читаетъ думный чтецъ.

(Смѣется.)

Мнѣ говорятъ, что то псаломъ могильный
Читаетъ по душѣ его надгробный чтецъ,
Что гробовой на немъ, не царственный вѣнецъ,
Что дымъ столпомъ возносится кадильный
За упокой души его — не вѣрь —
Не вѣрю я, онъ Царь, помазанникъ Господень,

Карать и миловать онъ властенъ на землѣ —
Къ нему пойду съ повинной головою,

(Плачетъ.)

Есть тайна на сердцѣ, ее не знаешь ты.
Коснись груди, отыщешь ли ты сердце?
Льдяной корой подернулось оно.

(Кланяется на обѣ стороны, приподнимается, встаетъ.)

Чу! сынъ зоветъ меня. Князья и воеводы,
Ко мнѣ на пиръ, ко мнѣ на званый пиръ!
Васъ угощу мальвазіей душистой;
Безъ примѣси вино, какъ свѣтлая слеза:
Зачѣмъ же отъ меня вы взоры отвратили?
Гнушаться нечего, — такіе ль гости пили!

(Припоминаетъ, приходя въ себя.)

Пилъ у меня мой шуринъ Царь Борисъ,
Царь Ѳеодоръ Борисовичъ, и кто то
Еще, не вспомню я... (*осматривается.*)
Мнѣ помнится, онъ пилъ
Изъ кубка древняго. —

Скопинъ, *про себя.*

Она себя погубитъ. —

(Ляпунову.)

Другъ, удали ее. Когда придетъ въ себя,
Ее сразитъ Георгія кончина —

Ляпуновъ,

беретъ ее за руку; какая то ужасная мысль мелькнула въ его душѣ; онъ торжественно отводитъ ее отъ Скопина.

(Скопину.)

Господень перстъ привелъ ее сюда.
Княгиня!

ЕКАТЕРИНА,
глядя на него пристально, придя въ себя, узнаетъ.

Ляпуновъ!

ДИМИТРІЙ, *въ сторону.*

Она въ умѣ, о Боже!
Себя изобличитъ она —

ЛЯПУНОВЪ.

Тебя зовутъ.

ЕКАТЕРИНА.

Куда?

ЛЯПУНОВЪ.

Въ Архангельскій соборъ —

ЕКАТЕРИНА.

Зачѣмъ?

ЛЯПУНОВЪ.

Въ могилу опускать

ЕКАТЕРИНА.

Кого?

ЛЯПУНОВЪ, *колеблется.*

ЕКАТЕРИНА.

Кого же?

ЛЯПУНОВЪ.

Сына!

ЕКАТЕРИНА, *упадаетъ на руки женщинъ.*

О Боже! въ памяти моей раскрылся адъ!
Въ кровавомъ хаосѣ теряюсь — исчезаю...
(Умирая.)

Георгій, Михаилъ — два праведника! — Смерть!
Ты съ ними упокой свою рабыню, Боже! (*Умираетъ.*)

ДИМИТРІЙ.

Ударъ сразилъ ее!

СКОПИНЪ, *молится.*

Господь, ее помилуй. —

(Мертвое молчаніе на сценѣ.)

В. ШУЙСКІЙ, *Димитрія отведя въ сторону.*

Господь караетъ насъ за тяжкіе грѣхи.
Ужасное во мнѣ запало подозрѣнье —
Пускай же съ ней оно пойдетъ во гробъ.
Страшусь, чтобы и въ гробъ потомство не проникло
И нашей памяти не стало проклинать.

ДИМИТРІЙ.

Власть Божія!

(Раздается благовѣсть къ обѣднѣ.)

СКОПИНЪ, *слабымъ голосомъ.*

Благослови, Всевышній!

ЛЯПУНОВЪ, *Царю тихо.*

Кончается.

В. ШУЙСКІЙ.

Не можетъ быть.

ЛЯПУНОВЪ.

Онъ стынетъ —

В. ШУЙСКІЙ, *въ отчаяньи рветъ съ себя одежду.*

Прочь, бармы, прочь, держава и вѣнецъ!
Всѣ знаки царскаго величія свергаю.
Господь! передъ Тобой смиренный рабъ,
Несчастный Царь со всѣмъ народомъ Русскимъ!
Яви Свое могущество на немъ,
Какъ нѣкогда Себя въ Израилѣ прославилъ.
Вдовицы сына Ты въ Никеѣ воскресилъ,
Намъ воскреси его, и мы бездѣтны, сиры,
Святая Русь вдовица безъ него!
Ты вызвалъ Лазаря смердящаго изъ гроба,
А сей, воззри — еще во цвѣтѣ лѣтъ,
Еще онъ полонъ силъ, и величавъ и строенъ.
Что пальма тонкая Аравіи предъ нимъ?
Что грива льва его златыя кудри?
Что орлій взглядъ его небесный взоръ?
Земли Твоей онъ кринъ благоуханный,
Отчизны онъ и перлъ и адамантъ —
Не внемлешь Ты ни плача, ни моленья!
Когда же требуешь Ты жертвы отъ земли —
Прими его какъ жертву примиренья
И правый гнѣвъ на немъ Ты утоли.

(Падаетъ ницъ, молчаніе.)

ЛЯПУНОВЪ.

Онъ живъ еще, онъ шевелитъ устами —

СКОПИНЪ, *приходя въ себя.*

Державный дядя мой, прими сей поцѣлуй, —
Въ лицѣ твоемъ я все отечество цѣлую.

(Прощается съ товарищами, подаетъ имъ руки, иныхъ цѣлуетъ.)

Георгій, Михаилъ — два праведника! — Смерть!
Ты съ ними упокой свою рабыню, Боже! (У

ДИМИТРІЙ.

Ударъ сразилъ ее!

СКОПИНЪ, *молч*

Господь, ее

(Мертвое молчаніе на

В. ШУЙСКІЙ.

Господь караетъ насъ за тяж
Ужасное во мнѣ запало по
Пускай же съ ней оно по
Страшусь, чтобы и въ г
И нашей памяти не ст

Власть Божія!

(Разд

Кончается

чы, прочь, держава и вѣнецъ!
ческаго величія сверга.
з Тобой смиренный рабъ,
со всѣмъ народомъ Русскимъ!
но на немъ,
Израилъ прославилъ.
чикеъ воскресилъ,
безлѣтны, сиры,
чего!
ваго изъ гроба,
лѣтъ,
ъ и строенъ.
ниъ!

В. [illegible], за отмѣнным лаемъ ея
себя одержу.

прочь, держава и изнемогъ!
го величія сверганъ.
лой смиренный рабъ,
ѣмъ народомъ Русскимъ!
семъ,
въ прославлять.
крестя,
сиры,

Прости, Борятинскій, Валуевъ, Головинъ,
Дружище ратный мой отважный Шереметьевъ,
И ты, Прокопій мой — тебѣ дарю мой мечъ,
И съ нимъ мою любовь къ отчизнѣ завѣщаю.
Рази враговъ ея.

ЛЯПУНОВЪ.

Клянусь, въ рукѣ моей
Архистратита мечъ — и горе сопостатамъ!

СКОПИНЪ.

Родными братьями за дружбу звали насъ,
Мы помѣняемся крестами въ смертный часъ.
(Обнимаетъ его и кладетъ голову на грудь.)
Мнѣ сладко умереть твоимъ крестовымъ братомъ!
(Умираетъ.)
(Царь въ горести закрываетъ лицо свое руками. Донскія знамена опускаютъ надъ Скопинымъ.)

Дмитрий Ознобишин

Дмитрий Ознобе

ЗАПИСКИ

ГУБЕРНСКАГО ЧИНОВНИКА.

могли по нѣскольку часовъ сряду сидѣть за зеленымъ

Записки
ГУБЕРНСКАГО ЧИНОВНИКА.

I.

При отъѣздѣ моемъ изъ Петербурга, на службу въ губернскій городъ, бесѣдуя на прощаньи съ старыми товарищами и пріятелями о предстоящемъ мнѣ новомъ образѣ жизни, одинъ изъ нихъ, служившій прежде въ провинціи, *между прочимъ*, предсказывалъ мнѣ, что я сдѣлаюсь страстнымъ игрокомъ въ вистъ. Я смѣялся этому предсказанію. Можно ли мнѣ, возражалъ я, пристраститься къ игрѣ, когда съ трудомъ умѣю разбирать масти, не имѣю рѣшительно понятія ни о какой игрѣ... Однако жъ предсказаніе свершилось: теперь я всякій день играю въ вистъ. Вотъ какъ это случилось. — Въ Петербургѣ, просидѣвъ до четырехъ, а иногда и до пяти часовъ, по должности моей въ департаментѣ, я по вечерамъ отдыхалъ и освѣжался, или въ кругу добрыхъ, образованныхъ товарищей, или въ театрѣ и концертахъ. Время шло нечувствительно, и я имѣлъ все право удивляться и смѣяться надъ тѣми, кто могли по нѣскольку часовъ сряду сидѣть за зеленымъ

столомъ и очень серьёзно перебирать и перекидывать карты. — Въ губернскомъ городѣ, образъ жизни совершенно противоположный: присутствіе оканчивается гораздо ранѣе; часа въ два, пріѣхавши домой и снявъ съ себя мундиръ, что мнѣ было дѣлать въ одиночествѣ моемъ? Книги, привезенныя мною изъ Петербурга, скоро были прочитаны; почта съ газетами и журналами приходитъ къ намъ одинъ разъ въ недѣлю; въ нѣсколько часовъ извѣстны мнѣ были всѣ Петербургскія, Московскія и заграничныя новости. Книги хорошія и интересныя выходятъ у насъ рѣдко, а журнальныя, великолѣпныя похвалы, также какъ и отвратительныя ругательства и пристрастные разборы до того мнѣ надоѣли, что я далъ себѣ слово рѣшительно, и ни въ какомъ журналѣ, не читать статьи, подъ названіемъ Критика и Библіографія. Словомъ, не смотря на то, что я занимался дѣлами не въ одномъ только присутствіи, но и у себя дома, все еще оставалось у меня много и свободнаго времени, а притомъ безпрерывное занятіе однимъ и тѣмъ же предметомъ, не только утомляетъ, но просто, туманитъ голову. Дѣловому человѣку необходимо нужно хотя нѣкоторое кратковременное разсѣяніе.

Правду сказать, былъ у насъ свой собственный театръ, на которомъ три или четыре раза въ недѣлю давали, нѣкоторые уже давно забытые на столичныхъ театрахъ, комедіи, водевили и даже трагедіи и оперы. Я старался и себя и другихъ увѣрить, что будто бы въ числѣ нашихъ актеровъ были очень порядочные, и что совсѣмъ не смѣшно (не говоря уже объ освѣще-

нія залы, объ оркестрѣ, декораціяхъ и костюмахъ), когда, напримѣръ, въ трагедіяхъ Дмитрій Донской, Пожарскій и проч., выходящіе на сцену войско и народъ состояли не болѣе какъ изъ 8 или 10 человѣкъ, или въ иныхъ волшебныхъ операхъ, по ловкости нашего театральнаго машиниста, какое нибудь несчастное облако, на которомъ должна была спуститься и предстать волшебница, останавливалось на половинѣ дороги и никакъ не шло далѣе, а чтобы бѣдная волшебница не упала и не ушиблась, должны были, или актеры со сцены, или работники изъ-за кулисъ, руками дотаскивать облако, и помогать волшебницѣ спрыгнуть съ него, а иногда случалось, при перемѣнѣ декорацій, что на одной сторонѣ оставался лѣсъ, а на другой комната; но я увѣрялъ, что такія неудачи иногда бываютъ и на столичныхъ театрахъ, и утверждалъ, что нѣкоторыя піесы, какъ-то: Ябеда, Недоросль, Лиза, или Торжество благодарности, Рекрутскій наборъ, Ссора или Два сосѣда, Филаткина свадьба, и еще другія идутъ такъ хорошо, какъ лучше нельзя; словомъ, я употреблялъ всѣ усилія поддержать нашъ театръ, убѣдилъ многихъ абонироваться, и не смотря на сырость и жестокій холодъ зимою, въ театральной нашей залѣ, я, въ теплыхъ сапогахъ, и окутавшись медвѣжьею шубою, не пропускалъ ни одного спектакля. Но и это увеселенье продолжалось не долго. Лучшихъ нашихъ артистовъ сманили на другія губернскія сцены, а содержатель театра, не смотря на то, что абонементъ нашъ не кончился, уѣхалъ съ остальными актерами куда-то на ярмарку, и болѣе не возвращался.

Увы! — Я знаю по опыту, до какой степени несносны холостому, одинокому человѣку, длинные осенніе и зимніе вечера у себя дома. — Сталъ-было я ѣздить съ визитами, но вездѣ или играютъ въ вистъ, или злословятъ другъ друга; притомъ же и у насъ, какъ почти во всѣхъ губернскихъ городахъ, есть партіи, соперничества, и даже мѣстныя губернскія фамильныя вражды. Ежели, напримѣръ, я пріѣду лишній разъ къ Г. А..., тотчасъ Г. Б.... думалъ, что я присоединился къ его партіи и почиталъ меня врагомъ своимъ. Ежели я проговорилъ нѣсколько минутъ съ матерью, у которой взрослая дочка, или ей самой сказалъ нѣсколько словъ, на другой же день всѣ говорили, что я не только ищу жениться, но уже помолвленъ. Все это очень скучно, потому что я не думалъ держаться никакой партіи, не хотѣлъ ни съ кѣмъ ссориться и не помышлялъ искать себѣ жену въ нашемъ губернскомъ городѣ.

Къ счастію, со времени квартированія у насъ дивизіонной квартиры, учрежденъ такъ называемый Англійскій Клубъ, куда можно ѣздить въ сертукѣ, курить трубку, читать газеты, играть въ биліардъ и въ карты. Я рѣшился убивать несносные вечера въ Англійскомъ Клубѣ, отъ нечего дѣлать сталъ-было играть въ биліардъ, но эта монотонная, утомительная игра, при слабости моего зрѣнія, скоро мнѣ надоѣла. Сначала садился я, такъ, отъ нечего дѣлать, подлѣ знакомыхъ мнѣ игроковъ въ вистъ, и присматривался къ игрѣ; кончилось тѣмъ, что началъ самъ играть, прежде по маленькой, и постепенно пристрастился такъ, что

теперь играю рѣшительно всякій вечеръ: вистъ сдѣлался необходимою для меня потребностію. Мнѣ скучно, когда не скоро могу составить себѣ партію; словомъ, я жить не могъ безъ виста, и, къ сожалѣнію, страсть моя сдѣлалась извѣстною въ губерніи; начали говорить, что меня ничѣмъ болѣе нельзя преклонить въ свою пользу, какъ играя со мною въ вистъ. Объ этомъ былъ даже тайный на меня доносъ въ наше министерство, и, признаюсь, разсматривая себя съ полною строгостью, я долженъ былъ внутренно сознаться, что въ дѣлахъ партнеровъ моихъ въ вистъ я, какъ-то, самъ не понимаю отъ чего, принималъ болѣе участія. Однако жъ я былъ очень благодаренъ доносщику; внутреннее самому себѣ сознаніе послужило мнѣ назидательнымъ урокомъ; я еще болѣе утвердился въ прежнемъ моемъ мнѣніи, что величайшій врагъ человѣку есть онъ самъ себѣ, и что должно имѣть безпрерывное, неутомимое вниманіе, чтобы страсти, какъ кажется съ перваго взгляда, самыя невинныя, не завлекли Богъ знаетъ куда.

II.

Бываетъ однако жъ время, впрочемъ весьма непродолжительное, когда я не только могу обойтися безъ виста, но даже и мысль объ игрѣ не приходитъ мнѣ въ голову.

Надобно прежде всего сказать, что послѣ новыхъ постановленій о дворянскихъ выборахъ, появилось до-

вольно много лицъ совсѣмъ не извѣстныхъ, умныхъ и почтенныхъ старичковъ, и просвѣщенныхъ, отличныхъ молодыхъ людей. Гдѣ они прежде скрывались, и почему не ѣздили на выборы? Этотъ вопросъ можно легко разрѣшить. — Прежде всякому благонамѣренному дворянину извѣстно было, что всѣ усилія его будутъ безполезны. — Мѣста напередъ были назначены, по распоряженію и волѣ какого нибудь уѣзднаго Чингисъ-хана, который привозилъ и содержалъ на своемъ иждивеніи бѣдныхъ дворянъ. Большинство голосовъ было всегда на сторонѣ Чингисъ-хана; но теперь совсѣмъ уже не то, что было прежде. Злоупотребленія и безпорядки, дознанные опытами, устранены новыми постановленіями, и въ наше время, ежели только начальникъ губерніи будетъ умѣть поддержать дворянскихъ чиновниковъ, то, при увеличенномъ жалованьи и многихъ новыхъ преимуществахъ, никакой честный и благомыслящій дворянинъ не откажется служить по выборамъ. — Одного только очень и очень жаль, что пріѣзжающіе въ губернскіе города на выборы, почтенные дворяне, появляются на самое короткое время, потомъ опять скрываются, или въ отдаленныхъ деревняхъ своихъ, или уѣзжаютъ въ столицы.

На послѣднихъ выборахъ имѣлъ я удовольствіе познакомиться съ однимъ изъ почтеннѣйшихъ здѣшнихъ дворянъ, Николаемъ Анатоліевичемъ Радушицымъ. Я уже давно зналъ, что онъ пользуется общимъ уваженіемъ и довѣріемъ въ своемъ кругу; что къ нему, какъ къ безпристрастному, умному, опытному человѣку,

являются на судъ въ ссорахъ и непріятностяхъ своихъ, не только дворяне, но и многіе поселяне; что онъ нѣсколько разъ былъ избираемъ по общему согласію къ третейскому разбирательству, прекратилъ миролюбіемъ нѣсколько тяжебныхъ дѣлъ, примирилъ враждующихъ съ давнихъ лѣтъ сосѣдей и родныхъ; и что сверхъ того онъ хлопочетъ по дѣламъ вдовъ и сиротъ въ своемъ уѣздѣ. Всѣ говорили объ немъ, какъ о достойнѣйшемъ во всѣхъ отношеніяхъ человѣкѣ. Хотя очень часто имя его попадалось мнѣ въ дѣлахъ, поступавшихъ на мое разсмотрѣніе, и я всегда долженъ былъ отдавать справедливость безпристрастнымъ его сужденіямъ и познанію законовъ, но за всѣмъ тѣмъ, по недовѣрчивости моей къ людямъ, основанной на многихъ горькихъ для меня опытахъ, думалъ я, что похвалы ему были слишкомъ преувеличены, и съ большимъ любопытствомъ желалъ лично съ нимъ познакомиться и... послѣ перваго моего свиданія, я уже ни разу не былъ въ Англійскомъ Клубѣ, и не игралъ въ вистъ. Мы скоро сблизились, и во все время пребыванія его у насъ, я былъ почти безотлучно съ нимъ. Описывать въ подробности, до какой степени была пріятна и назидательна бесѣда съ этимъ почтеннѣйшимъ человѣкомъ, было бы слишкомъ продолжительно; ограничусь сохраненіемъ въ запискахъ моихъ одного интереснаго разсказа его. — Очень также любопытенъ и разговоръ, предшествовавшій и бывшій поводомъ къ этому разсказу.

III.

Въ продолженіе выборовъ бываютъ часто большіе званые обѣды, вечера, балы. — Поводы къ приглашеніямъ бываютъ разнообразны: иные зовутъ, чтобы усилить партію свою, другіе затѣмъ, что приличіе требуетъ угостить губернскихъ чиновниковъ и дворянъ своихъ; а прочіе, у кого дочери невѣсты, даютъ балы съ тою же цѣлью, какъ и въ столицахъ, въ надеждѣ, что, можетъ быть, во время танцованья какой нибудь благопріятной мазурки или котильона, найдется хорошенькій женишокъ. — Меня приглашали на эти балы и обѣды; но я, какъ уже прежде сказалъ, предпочиталъ бесѣду съ новымъ моимъ знакомымъ шумнымъ собраніямъ и даже висту, безъ котораго прежде не могъ обойтися. Всякій вечеръ я являлся къ нему, и въ обществѣ его и нѣсколькихъ подобныхъ ему старичковъ, время шло нечувствительно.

Николай Анатоліевичъ также не охотникъ былъ до баловъ, однако жъ, ни онъ, ни я не могли отказаться отъ приглашенія всѣми уважаемаго губернскаго нашего предводителя, на балъ, данный имъ, при новомъ избраніи его на третій срокъ.

Мы вмѣстѣ съ Николаемъ Анатоліевичемъ поѣхали къ нему поранѣе, съ тѣмъ, чтобы поскорѣй возвратиться домой. — Хозяинъ встрѣтилъ меня просьбою составить партію губернатору, котораго ожидалъ онъ къ себѣ по окончаніи собраннаго у него какого-то комитета. — «Другіе партнёры ваши, совѣстный судья и почтъ-инспекторъ, уже здѣсь», — сказалъ мнѣ хозяинъ —

«вѣрно и губернаторъ скоро пріѣдетъ. А вы, Николай Анатоліевичъ, я знаю, не любите играть въ карты, пожалуйте къ моей матушкѣ въ диванную; она старинная ваша знакомая, и вамъ самимъ извѣстно, какъ много любитъ она и уважаетъ васъ.»

Вмѣстѣ съ Николаемъ Анатоліевичемъ отправились мы въ диванную къ почтенной старушкѣ, матери нашего хозяина. – Мы застали у нее довольно большое общество и вошли въ то время, когда почтъ-инспекторъ разсказывалъ о полученномъ имъ извѣстіи, что служившій прежде въ нашей губерніи, знаменитый лицемѣръ, интриганъ, взяточникъ, словомъ, отличнѣйшій во всѣхъ отношеніяхъ мошенникъ, Александръ Яковлевичъ Скорпіоновъ, наконецъ получивъ должное возмездіе за подвиги свои, лишенъ чиновъ и дворянства, и сосланъ въ Сибирь. — Большая часть гостей были у него въ передѣлѣ: иныхъ онъ перессорилъ, иныхъ оклеветалъ, другихъ запуталъ въ тяжебныя дѣла и ограбилъ; всѣ отдавали ему должную справедливость и радовались, что наконецъ этотъ злодѣй не будетъ уже вредить болѣе никому.

Николай Анатоліевичъ вступилъ въ общій разговоръ; онъ сказалъ почтъ-инспектору, что полученныя имъ свѣдѣнія преувеличены. Скорпіоновъ не лишенъ ни чиновъ, ни дворянства, а отставленъ отъ службы, съ тѣмъ, чтобы впредь никуда не опредѣлять. — «И этого довольно» — прибавилъ Николай Анатоліевичъ. — «Такого рода люди, какъ Скорпіоновъ, очень и очень осторожны; они умѣютъ искусно прикрывать всѣ дѣйствія свои формами. Очень затруднительно изобличить

ихъ ясными и неопровергаемыми фактами. — Я знаю его съ малолѣтства: онъ здѣшній уроженецъ; мнѣ извѣстны образъ жизни его и ходъ по службѣ, и, къ сожалѣнію, признаться должно, что я самъ нѣсколько способствовалъ къ возвышенію его — и я былъ завлеченъ лицемѣрствомъ его и способностію лгать съ невѣроятнымъ безстыдствомъ. Но заблужденіе мое продолжалось не долго; я прекратилъ всѣ мои сношенія съ нимъ, однако жъ, изъ любопытства, желая знать, *чѣмъ* и *какъ* можетъ *окончить* такого рода человѣкъ, я наблюдалъ ходъ и дѣйствія его по службѣ, и то, что съ нимъ теперь случилось, можно было напередъ предвидѣть. Скорпіоновъ дослужившись здѣсь, изъ самаго низкаго класса подъячихъ, до титулярныхъ совѣтниковъ, отправился за чиномъ коллежскаго ассессора на Кавказъ; по возвращеніи оттуда, опять получилъ мѣсто на родинѣ, уже нѣсколько позначительнѣе, и кругъ дѣйствій его распространился болѣе. Разсказывать обо всѣхъ злодѣйствахъ и мошенничествахъ его было бы непріятно и безполезно; всѣ знаютъ его здѣсь, и я очень помню, какъ обрадовались въ губерніи, когда, при новомъ повышеніи, перевели его отъ насъ, и мы наконецъ избавились отъ этой язвы. Однако жъ за всѣмъ тѣмъ — прибавилъ Николай Анатоліевичъ съ улыбкою — Скорпіоновъ увѣренъ въ томъ, что онъ хорошій и добрый человѣкъ, и теперь вѣрно жалуется на оказанную ему несправедливость.

«Вы, конечно, удивитесь, ежели я скажу вамъ, что не смотря на извѣстныя по многимъ опытамъ лицемѣрство, коварство и грабительство его, и я съ своей сто-

ропы совершенно согласенъ въ томъ, что онъ имѣетъ все право почитать себя хорошимъ человѣкомъ.»

— Вотъ это требуетъ уже бо́льшихъ доказательствъ,— сказала старушка, хозяйка дома. —

«Это очевидный порядокъ,» — возразилъ почтъ-инспекторъ.

— Николай Анатоліевичъ просто изволитъ шутить надъ нами. —

— «Нѣтъ не шучу и, еще опять повторяю, что г. Скорпіоновъ, не взирая на извѣстныя намъ всѣмъ нравственныя свойства свои, имѣетъ все право почитать себя хорошимъ человѣкомъ,» — отвѣчалъ Николай Анатоліевичъ.

— Помилуйте; слѣдовательно, по вашему мнѣнію, — продолжалъ почтъ-инспекторъ: — можно, напримѣръ, быть дѣлателемъ фальшивыхъ ассигнацій, не зная, что это преступленіе? По этому всякій бездѣльникъ можетъ почитать себя честнымъ человѣкомъ, ежели допустить предположеніе ваше, что съ чистою совѣстію можно быть бездѣльникомъ? —

Николай Анатоліевичъ хотѣлъ было отвѣчать, но губернская наша мадамъ Жанлисъ, какъ всѣ ее здѣсь называютъ, Ранса Михайловна Козочкина, дама весьма краснорѣчивая, а еще того болѣе словоохотливая, прервала. — «Вы согласитесь, однако жъ — сказала она, обращаясь къ почтъ-инспектору, что люди могутъ очень и очень ошибаться. Не ходя далѣе, я покажу вамъ въ примѣръ, не называя именемъ, потому что всякій и такъ догадается, толстую и весьма уже пожилую нашу красавицу, надъ которою всѣ смѣются. Ей очень

давно сказалъ бывшій здѣсь проѣздомъ гувернеръ, выписаный прямо изъ Парижа графомъ Звонковымъ для воспитанія сына, что она имѣетъ большое сходство съ извѣстною въ свое время Парижскою красавицею Рекамье. — Можно ли повѣрить? — она и до сихъ поръ думаетъ о себѣ, что также прелестна, какъ и въ то время, когда учтивый Французъ сказалъ ей этотъ комплиментъ. Почему жъ послѣ этого не предполагать, что лицемѣръ, взяточникъ и интриганъ, не видитъ въ себѣ своихъ пороковъ?» —

—Позвольте вамъ замѣтить, сказалъ одинъ изъ гостей, что ваше примѣненіе, какъ мнѣ кажется, не совсѣмъ правильно, потому что лицемѣрство вкореняется временемъ и опытами, когда, напротивъ, у всякой женщины есть врожденное чувство, почитать себя, ежели не совершенною красавицею, то по крайней мѣрѣ не безобразною; сверхъ того, мужчины такъ часто и съ такимъ усердіемъ стараются льстить ихъ самолюбію, что наконецъ голосъ скромности умолкаетъ, и женщина нечувствительно увѣряется, что она очень недурна собою. Между тѣмъ неумолимое время идетъ, день за днемъ летятъ, изъ дней дѣлаются годы, наступаетъ тридцать — увы! даже и сорокъ; прелестницѣ нѣкогда замѣтить быстраго хода времени, слѣдовательно, очень можно изъяснить, почему грація 20-ти лѣтъ, достигнувъ нечувствительно до 40-ка, думаетъ о себѣ, что она все также мила и прелестна, какъ была прежде. — «А морщины на лицѣ, а показывающіеся постепенно сѣдые волосы, не должны ли бы были образумить?» — сказалъ почтъ-инспекторъ.

— Такія вразумленія не очень пріятны и не такъ хорошо принимаются,— возразилъ какой то неизвѣстный мнѣ провинціальный *денди* такимъ тономъ, которымъ многіе ему подобные говорятъ иногда большія плоскости, воображая, что они сказали острое слово, и при этомъ посмотрѣлъ онъ на насъ съ торжественною улыбкою.

«Не приличнѣе ли, сказала хозяйка, сравнить лицемѣра со лгуномъ, посѣдѣвшимъ въ ремеслѣ своемъ, который такъ часто разсказываетъ ложь за правду, что наконецъ самъ привыкаетъ вѣрить ей, какъ истинѣ?»

— Совершенно справедливо, — отвѣчалъ пожилой помѣщикъ, дальній родственникъ хозяйки. — Помните ли вы, продолжалъ онъ, обращаясь къ ней, покойнаго нашего сосѣда Брустверова? Онъ служилъ во флотѣ, былъ во многихъ кампаніяхъ, и разсказывалъ намъ чудеса о своей службѣ: напримѣръ, какъ въ Чесменскомъ сраженіи, корабль, на которомъ онъ служилъ, взорвало на воздухъ, но онъ успѣлъ схватиться за мачту, полетѣлъ съ нею вверхъ, и упалъ цѣлъ и невредимъ на другой корабль, и прочее тому подобное. Но это ничего не значитъ въ сравненіи съ другимъ чудеснымъ случаемъ въ продолженіе долговременной его службы, о чемъ онъ разсказывалъ еще чаще и охотнѣе, чѣмъ о другихъ своихъ подвигахъ. — Онъ отправленъ былъ изъ Архангельска, на транспортномъ суднѣ, въ Соловецкій монастырь; сдѣлалась ужасная буря, судно было разбито и всѣ бывшіе на немъ потонули, а я — продолжалъ Брустверовъ — плылъ нѣсколько верстъ; но когда уже выбился совсѣмъ изъ силъ, то китъ ужас-

нѣйшей величины, который давно меня преслѣдовалъ, разомъ проглотилъ меня...

«Помню и очень помню — прервала хозяйка со смѣхомъ, и кто жъ изъ насъ не слыхалъ, ежели не лично отъ самаго Брустверова, то отъ другихъ, разсказы о чудесныхъ похожденіяхъ еговъ желудкѣ у кита, и о избавленіи, и прочее, и прочее, изъ чего бы можно было составить книгу, гораздо обширнѣе и интереснѣе, чѣмъ *Не любо не слушай, а лгать не мѣшай.*»

— Но какія же были послѣдствія? — продолжалъ помѣщикъ, и чѣмъ все кончилось? — Брустверовъ дожилъ до 80-ти лѣтъ, разсказывая очень часто похожденія свои; слухъ о необыкновенной его способности лгать распространялся болѣе и болѣе; къ нему являлись новые слушатели и часто затрудняли его вопросами; онъ прибавлялъ къ прежнему лганью такъ много и поддерживалъ свои разсказы божбою и даже клятвами такъ часто, что подъ конецъ жизни своей увѣрился самъ, что съ нимъ случилось точно то, что онъ разсказывалъ. —

«Воспоминаніе ваше о знаменитомъ нашемъ лгунѣ Брустверовѣ, продолжала хозяйка, еще болѣе убѣждаетъ въ томъ, что я прежде сказала, то есть, что точно можно, повторяя безпрестанно ложь, увѣриться наконецъ, что говоришь правду. — Мнѣ кажется, что добрый нашъ сосѣдъ, старикъ Брустверовъ, выдумалъ и разсказывалъ приключенія свои, можетъ быть, сначала для смѣха, или чтобы интересовать собою; но когда нашелъ между слушателями своими, иныхъ легковѣрныхъ, а другихъ, расположенныхъ смѣяться надъ нимъ, то желаніе, тѣхъ болѣе интересовать собою, а

другихъ убѣдить, завлекло его, можетъ быть, слишкомъ далеко. Разсказывая же часто и изобрѣтая доказательства противъ дѣлаемыхъ ему возраженій, онъ нечувствительно увѣрилъ самаго себя, что съ нимъ случилось именно то, что онъ говорилъ. Тогда ничего для него не стоило божиться къ поддержанію разсказовъ своихъ. Такимъ образомъ обращаясь къ первому нашему разговору, думаю я, что точно въ томъ же положеніи какъ Брустеровъ, можетъ быть и лицемѣръ, и ханжа: чѣмъ болѣе усиливаются они играть роль добрыхъ и благочестивыхъ, тѣмъ болѣе внутренно убѣждаются въ той мысли, что они въ самомъ дѣлѣ люди добродѣтельные.»

— Воля ваша, — сказалъ съ улыбкою Николай Анатоліевичъ, — а мнѣ кажется, что лицемѣрство есть порокъ даже очень полезный для общества. — Хорошо бы намъ было жить, ежели бъ лгуны, взяточники, сластолюбцы, честолюбцы, корыстолюбцы и проч., и проч., прямо и открыто дѣйствовали и не старались бы скрывать пороки свои подъ какою нибудь благовидною личиною. — Пороки сравнять можно съ эпидеміею: ежели бы попечительное правительство не принимало дѣятельныхъ мѣръ къ пресѣченію и предупрежденію эпидемическихъ болѣзней, то онѣ постепенно бы усиливались и распространялись. —

Нѣкоторые изъ нашего общества опровергали это мнѣніе, доказывая, что пороки въ отвратительной, безобразной наготѣ своей, не могутъ завлечь никого. — Шумѣли, говорили много, и не выслушивали другъ друга, какъ то обыкновенно бываетъ въ спорахъ.

Мнѣ очень было досадно, что разговоръ нашъ принялъ совсѣмъ другое направленіе; и это также очень часто случается въ обществѣ: начнутъ матерію объ одномъ предметѣ, а кончутъ совсѣмъ о другомъ. Я съ большимъ нетерпѣніемъ ожидалъ, чтобы Николай Анатоліевичъ доказалъ намъ, почему предполагаетъ онъ, что извѣстный всѣмъ мошенникъ Скорпіоновъ имѣетъ право почитать себя хорошимъ человѣкомъ, а разговоръ обратился на лицемѣровъ, лгуновъ и кокетокъ. — Я хотѣлъ было напомнить, что мы отошли отъ прежней матеріи, но почтенный нашъ совѣстный судья, который до сихъ поръ молчалъ, вступилъ въ общій разговоръ.

«Мнѣ кажется, — сказалъ онъ, что очень и очень не много есть душъ чистыхъ, подобныхъ *бѣлизною снѣгу*; ежели онѣ и есть, то должно почитать ихъ между чудесными и необыкновенными рѣдкостями въ природѣ. — Вообще же всякій человѣкъ, одинъ менѣе, другой болѣе, старается скрывать свои недостатки и несовершенства, и это тайное чувство почитаю я какъ бы врожденнымъ инстинктомъ въ человѣкѣ, побуждающемъ его стараться сравняться и даже превзойтить того, кто дѣйствительно имѣетъ превосходство предъ нимъ; словомъ, извѣстное изрѣченіе: *ложь человѣкъ*, должно пояснить тѣмъ, что всякій человѣкъ есть лицемѣръ, немного менѣе, немного болѣе; дѣлаетъ, какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ порокахъ, всю разницу между людьми; убѣдившись же въ томъ, что всякій человѣкъ имѣетъ нѣкоторую склонность къ лицемѣрству въ общемъ смыслѣ, должно, однако жъ,

признавать настоящимъ лицемѣромъ только того, кто эту склонность простираетъ до высшей степени, или, говоря другими словами, кто врожденное въ каждомъ изъ насъ чувство — скрывать свои недостатки, употребляетъ во зло, обманываетъ блестящею наружностію легковѣрныхъ людей и пользуется ихъ довѣренностію, во вредъ имъ самимъ или другимъ. — Я могу ошибаться; но, кажется мнѣ, что точно можно имѣть большіе пороки, не знавши и даже не подозрѣвая ихъ въ себѣ, потому что ничего не можетъ быть тайнѣе и сокровеннѣе въ человѣкѣ, какъ внутреннее чувство самолюбія, скрывающееся въ самой непроницаемой глубинѣ сердца. — А много ли людей, которые имѣютъ случай, или даютъ себѣ время изслѣдовать и обнаружить тайныя, побудительныя причины поступкамъ своимъ, то есть, сознаться самому себѣ, что *всегда* и *всему* пружина есть самолюбіе, дѣйствующее подъ тою или другою личиною и скрывающееся подъ разнымъ видомъ въ глубинѣ нашего сердца. — Можетъ быть, не такъ мудрено будетъ, — прибывилъ онъ, основываясь на приведенныхъ мною замѣчаніяхъ, объяснить причины: почему иной человѣкъ, котораго вся жизнь была безпрерывнымъ продолженіемъ лжи, обмана и лицемѣрства, можетъ самъ себя увѣрить, что онъ правдивый и благородный человѣкъ; но не безпокойтесь, я оканчиваю мою диссертацію, потому что не желаю усыпить васъ. — Очень и очень мнѣ извѣстно, что самое несноснѣйшее, самое тягостное, усыпительное средство есть сужденіе о матеріяхъ отвлеченныхъ и метафизическихъ.»

— Къ тому, что вы говорили, позвольте прибавить еще нѣсколько словъ, — сказалъ Николай Анатоліевичъ. — Первое то, что понятія людей, въ чемъ именно состоитъ добродѣтель, разнообразны; напримѣръ, мы почитаемъ воровство и грабительство за преступленіе, а между Лезгинцами и другими Горскими народами, за отличное достоинство; отцеубійство, по нашимъ понятіямъ, есть самое ужаснѣйшее злодѣйство, а у нѣкоторыхъ дикихъ народовъ почитается священнѣйшимъ долгомъ сына, убить самому изъ своихъ рукъ престарѣлаго отца; словомъ, всѣ наши понятія о добродѣтели, чести, справедливости, зависятъ отъ обычаевъ и примѣровъ въ томъ кругу, гдѣ мы родились, и отъ первыхъ впечатлѣній въ нашей молодости. Ежели вы согласитесь въ правильности этого сужденія, то, узнавши исторію молодости почтеннѣйшаго г. Скорпіонова, вы ни сколько не будете удивляться тому, что я прежде сказалъ, то есть, что онъ имѣетъ все право почитать себя хорошимъ человѣкомъ. Можетъ быть, ему никогда и въ голову не приходило, что онъ дѣлалъ и, вѣроятно, еще будетъ дѣлать величайшій вредъ, тѣмъ, кто, по несчастію, долженъ имѣть какія либо съ нимъ отношенія.—

Между тѣмъ въ продолженіе разговора нашего начались танцы. Многіе изъ нашего общества отправились въ залу, другіе приглашены были въ вистъ; насъ осталось не много въ диванной. Хозяйка убѣждала Николая Анатоліевича сообщить намъ біографію Скорпіонова.

— «Разсказывать вамъ всѣ похожденія его, еще повторяю, было бы и продолжительно и безполезно, — отвѣчалъ Николай Анатоліевичъ; но въ подтвержденіе

того, что я прежде говорилъ, что все зависитъ отъ воспитанія и отъ первыхъ впечатлѣній, я готовъ разсказать вамъ исторію его молодости.»

Я былъ очень радъ, что губернаторъ замедлилъ пріѣздомъ своимъ, и остался въ числѣ слушателей. Мы всѣ подвинулись поближе къ Николаю Анатоліевичу. Онъ разсказалъ намъ слѣдующее.

IV.

«Мать Скорпіонова была круглая сирота, бѣдная дворянка; ее взялъ къ себѣ изъ состраданія дальній ея родственникъ, довольно зажиточный здѣшній помѣщикъ. — Нѣтъ нужды знать его фамилію; я буду просто называть его по имени: Ѳедоръ Александровичъ, а жену его Марѳа Петровна. Объ этой четѣ ничего любопытнаго сказать нельзя; они были весьма обыкновенные, старинные Русскіе помѣщики; понятія ихъ ни какъ не простирались далѣе тѣснаго круга ихъ существованія. Они ничего болѣе не знали и ни въ чемъ не принимали участія, кромѣ только того, что касалось до нихъ, до ихъ семейства, или до близкихъ ихъ родныхъ; на все прочее смотрѣли они равнодушно. Нравственное состояніе Россіи и всей Европы получило во многихъ отношеніяхъ совсѣмъ новое преобразованіе. Много въ продолженіе ихъ жизни произошло перемѣнъ, сдѣланы важныя открытія въ наукахъ и искусствахъ, являлись геніи, которые способствовали, иные къ лучшей, а другіе къ худшей перемѣнѣ образа мыслей и понятій современниковъ,

старые предразсудки и глупости людей уничтожались и замѣнялись другими новѣйшими, словомъ, сцены въ мірѣ безпрерывно перемѣнялись, а почтеннѣйшіе супруги ничего о томъ не знали. — Ѳедоръ Александровичъ продолжалъ заниматься своимъ хозяйствомъ, которое, впрочемъ, и шло Богъ знаетъ какъ, курилъ безпрестанно трубку, имѣлъ иногда маленькія перепалки съ своею супругою, ѣздилъ съ собаками, угощалъ у себя сосѣдей, бесѣдовалъ съ ними о конномъ своемъ заводѣ и о борзыхъ и гончихъ собакахъ, объ урожаѣ и о цѣнахъ хлѣба, разсуждалъ о тяжебномъ дѣлѣ знатныхъ сосѣдей своихъ Гр. З... съ Княз. И... и о другихъ важныхъ событіяхъ, какъ то, напримѣръ, о послѣдней ревизіи губернатора уѣздныхъ присутственныхъ мѣстъ, кому и за что именно досталось при ревизіи и проч. и проч. — Бывали также иногда и у него и у сосѣдей его старинные Всероссійскіе помѣщичьи попойки, на которыхъ Ѳедоръ Александровичъ порядочно поразгулявшись, рѣшался иногда самъ своею особою плясать съ крестьянскими бабами, или помиралъ со смѣха, взирая на сосѣдей своихъ, когда они перерядившись, по тогдашнимъ обычаямъ, въ ямскіе кафтаны, пускались въ пляску. Попойки эти почти всегда оканчивались тѣмъ, что Ѳедора Александровича, опьянѣвшаго, безъ чувствъ относили на рукахъ и клали въ постель.

«Почтенная супруга его, Мареа Петровна, была высокая, дородная, своенравная барыня, упражнялась весь день въ домашнемъ хозяйствѣ, то есть, безпрестанно бранилась, а иногда и дралась съ ключницею,

птичницею, буфетчикомъ и поваромъ, и въ особенности съ дѣвками своими, кружевницами и коверщицами, имѣла также вниманіе за воспитаніемъ дѣтей своихъ, ругала и также иногда колотила ихъ, приговаривая: за битаго двухъ не битыхъ даютъ.

«Занималась туалетомъ своимъ, и одежда ея была уморительная смѣсь пышности съ экономіею, по крайней мѣрѣ, всегда была она одѣта (какъ саша думала) къ лицу и съ большимъ вкусомъ; гостей принимала она съ отличною ловкостію; не сердилась, а съ нѣкоторыми ужимками улыбалась, когда проходящіе чрезъ ихъ деревни полковые офицеры говорили ей иногда довольно вольныя и двусмысленныя шуточки; словомъ, Мареа Петровна воображала о себѣ, что она хорошаго тона и умѣетъ жить въ свѣтѣ. Къ довершенію же всего знала она наизусть и охотно разсказывала всѣ тайныя семейственныя дѣла и соблазнительные анекдоты, случившіеся у ея сосѣдей, къ чему иногда кое-что и отъ себя прибавляла.

«Послѣ всего этого можно себѣ представить, какое воспитаніе и нравственное образованіе получила бѣдная сирота, живши подъ покровительствомъ и надзоромъ Мареы Петровны. Кое-какъ выучилась она Русской грамотѣ; но это бы была небольшая бѣда, что она умѣла только, и то съ трудомъ, читать и писать; а къ несчастію, была она очень недурна собою и, по нѣкоторымъ, весьма уважительнымъ, причинамъ, о чемъ вы узнаете впослѣдствіи, Мареа Петровна желала какъ можно поскорѣй выдать ее замужъ и удалить изъ своего дома.

«Пріѣзжалъ къ нимъ довольно часто, въ свитѣ исправника, повытчикъ земскаго суда Скорпіоновъ, человѣкъ уже пожилой, весьма не красивой наружности, притомъ же пьяница и буянъ; но исправникъ отзывался объ немъ, какъ объ отличномъ дѣльцѣ, и говорилъ, что только имъ однимъ держится весь судъ. Какого же можно было лучше желать жениха для бѣдной сироты? — Мареа Петровна переговорила съ исправникомъ, приласкала будущаго жениха, и вскорѣ, по заведенному обычаю, явилась сваха. Ѳедоръ Александровичъ не хотѣлъ было согласиться отдать дворянку, молоденькую дѣвушку, за пожилаго подъячаго, пьяницу и буяна, но при первомъ возраженіи Мареа Петровна порядочно прикрикнула на него, онъ замолчалъ, и дѣло скоро уладилось, тѣмъ болѣе, что встарину и не такъ много хлопотали въ выборѣ жениха. Дѣвка такой товаръ, говорили тогда, что надобно поскорѣй сбывать съ рукъ. — Сироткѣ очень и очень не нравился избранный ей женихъ; но она не смѣла противиться, и въ самомъ непродолжительномъ времени сиротка, съ небольшимъ приданымъ, даннымъ ей великодушною благодѣтельницею, сдѣлалась госпожею Скорпіоновою и переселилась съ супругомъ своимъ въ уѣздный городъ. Герой нашъ, Александръ Яковлевичъ, родился, какъ утверждала его маменька, по какому то случаю преждевременно, и оттого, какъ она же говорила, былъ очень слабаго и *великатнаго* сложенія.

«Отецъ мало занимался тѣмъ, что дѣлается у него въ семействѣ; большую часть времени проводилъ онъ

въ уѣздѣ съ членами суда и имѣлъ возможность всякій день быть пьянымъ. Возвращаясь домой, требовалъ отъ жены вина, и билъ ее, ежели не скоро подавала, слѣдовательно, она и не была въ претензіи, что супругъ ея находился часто въ отсутствіи. Всю нѣжность, все попеченіе ея были сосредоточены на одномъ миломъ сыночкѣ ея, Сашенькѣ; послѣ того можно вообразить, до какой степени былъ онъ изнѣженъ и избалованъ съ самыхъ пеленъ; послѣдствія же были тѣ самыя, какихъ и надлежало ожидать: Сашенька былъ своевольный, капризный мальчишка, притомъ же самаго слабаго здоровья; однако жъ, за всѣмъ тѣмъ, былъ онъ недуренъ собою, понятливъ и имѣлъ хорошую память, — но къ чему могли быть обращены умственныя его способности въ томъ кругу, въ которомъ онъ родился?

«Общество маменьки его состояло изъ нѣсколькихъ ей же подобныхъ женъ подъячихъ; онѣ судили и рядили между собою о свойствахъ и поступкахъ мужей своихъ; иная жаловалась на судьбу и бранила мужа, что не умѣетъ *зашибить денежку*, то есть, смошенничать и обмануть какого нибудь несчастнаго просителя въ судѣ; другая превозносила похвалами своего супруга, за то, что мастерски, по такому то дѣлу, за такія то деньги, сплутовалъ. — Онѣ въ кругу своемъ съ безстыдною откровенностію разсказывали другъ другу о поступкахъ мужей, и даже хвастались тѣмъ, кто изъ нихъ лучше умѣлъ хватать взятки и мошенничать; даже и о дѣтяхъ, начинающихъ всегда курсъ наукъ и воспитанія въ тѣхъ судахъ, гдѣ служатъ ихъ

папеньки, разсказывали, напримѣръ. «Мой Ванюша «принесъ мнѣ сегодня цѣлковый; мастерски умѣлъ «онъ выманить у такого то крестьянина, по такому-«то дѣлу, втрое болѣе, чѣмъ надобно на гербовую бу-«магу; или, получилъ онъ столько-то за то, что успѣлъ «вынуть у повытчика изъ шкапа такое-то дѣло и вы-«писать о чемъ его просилъ такой-то. — Славный «мальчикъ мой Ванюша; нѣтъ дня, чтобы онъ не при-«несъ мнѣ по крайней мѣрѣ четвертака: такъ умѣетъ «онъ мастерски подольститься и подбиться къ проси-«телямъ, что они никакъ даромъ отъ него не отдѣ-«лаются. Такой умникъ, такой разумникъ! Вѣрно я «еще доживу до того, что онъ дослужится до секре-«тарства у насъ въ судѣ.» — «А мой Сережка, гово-«рила другая съ горестію, — такой ротозей, такой «увалень, ничего не умѣетъ сдѣлать. Ужъ мало ли я «его и за волосы таскала, и била по щекамъ, и толко-«вала ему, и ставила въ примѣръ твоего Ванюшу — нѣтъ, «ничего не понимаетъ. Кой когда принесетъ мнѣ какой «нибудь гривенникъ, да и тотъ надобно мнѣ припря-«тать куда нибудь подалѣе, а то мой Никифоръ Хар-«лампіевичъ только что увидитъ, тотчасъ отниметъ «и отнесетъ въ трактиръ. Ужъ такое на роду мнѣ на-«писано несчастіе. Видно и сынокъ пойдетъ въ ба-«тюшку.» — Такіе и тому подобные назидательные разговоры слышалъ герой нашъ Александръ Яковлевичъ почти ежедневно. Сами посудите, какія получилъ онъ понятія и каковы были первыя впечатлѣнія въ нѣжной его юности въ родительскомъ домѣ, въ этомъ вертепѣ разврата и отвратительной безнравственности?

Азбукѣ и читать по складамъ научила его сама маменька—далѣе не простиралась ея познанія, и Сашенька десяти лѣтъ поступилъ, для усовершенствованія своего въ наукахъ, по примѣру прочихъ подъяческихъ дѣтей, въ земскій судъ. Тамъ имѣлъ онъ возможность видѣть на практикѣ то, о чемъ прежде слышалъ въ родительскомъ домѣ, и даже принимать нѣкоторое участіе въ подвигахъ сверстниковъ своихъ, то есть, обманывать и брать взятки, хотя еще не значительныя, не болѣе, можетъ быть, иногда, гривенника или пяти-алтынника, съ несчастныхъ, неопытныхъ просителей; но къ довершенію нравственнаго образованія десятилѣтняго мальчика, онъ, по совѣтамъ нѣкоторыхъ товарищей, обманывалъ мать, большую часть благопріобрѣтенныхъ имъ денегъ употреблялъ на лакомство,—однако жъ и за то, что онъ приносилъ, маменька хвалила его, цѣловала, гладила по головкѣ, приговаривая. «Добрый мой, милый, умница мой Сашенька! — старайся, голубчикъ мой, нажить денежку. — Ежели всегда будешь такъ поступать, то не пропадешь. Вотъ, посмотри, секретарь нашъ, Викторъ Харлампіевичъ, у него и домикъ славный есть, и хуторъ, и подданные свои, а вѣдь онъ не изъ знатныхъ же господъ вышелъ, онъ точно также началъ, какъ и ты.»

«Но вскорѣ сдѣлалась большая перемѣна въ положеніи Сашеньки. — Отецъ его былъ мертвецки пьянъ, попалъ какъ-то въ глубокій оврагъ, его вытащили чуть живаго, и онъ черезъ нѣсколько дней окончилъ въ ужасныхъ страданіяхъ знаменитое поприще свое. Но мучительная смерть отца сдѣлала сильное впечат-

лѣніе на сына; послѣ того съ ужасомъ смотрѣлъ онъ на вино, и во всю жизнь свою не могъ ничего пить, кромѣ квасу. Однако жъ и это отвращеніе отъ вина, послужило не къ пользѣ, а къ бо́льшему вреду его, въ нравственномъ отношеніи.

«Всѣ страсти его обратились къ одному предмету — къ корыстолюбію и — неизбѣжному послѣдствію этой страсти — къ скупости. Чтобы накопить поболѣе денегъ, онъ почиталъ всякія средства позволительными. Многимъ здѣсь по опытамъ извѣстно, что онъ, кромѣ того, что былъ безсовѣстный взяточникъ, ябедникъ и крючкотворъ, но еще и ужаснѣйшій ростовщикъ. —

— Очень и очень я это знаю — сказалъ съ глубокимъ вздохомъ одинъ изъ гостей. — Послѣ нѣкотораго молчанія, Николай Анатоліевичъ, по просьбѣ нашей, продолжалъ свое повѣствованіе. «Мать Скорпіонова, послѣ смерти мужа, пришла вскорѣ въ совершенную нищету, потому что супругъ ея, хотя и пилъ, но дѣла не забывалъ, не клалъ охулки на руки свои: всякій разъ, возвращаясь домой, доставлялъ женѣ своей довольно много денегъ; сверхъ того, съѣстные припасы всегда были у него даромъ; все привозили несчастные просители, попавшіеся къ нему въ передѣлъ. — Послѣ его смерти всѣ источники къ благосостоянію семейства его прекратились.

«Маменька Сашеньки часто плакала, жаловалась на судьбу свою и, всего чаще, проклинала супруга своего, за то, что онъ оставилъ ее, съ малолѣтнымъ сыномъ, безъ куска хлѣба, поставляя притомъ въ примѣръ такихъ-то и такихъ-то подъячихъ, нажившихъ и оста-

вившихъ вдовамъ и сиротамъ своимъ значительные капиталы. Слѣдовательно, вы сами видите, что къ усовершенствованію нравственнаго образованія Сашеньки, разговоры и безпрестанныя жалобы матери часъ отъ часу болѣе подкрѣпляли врожденную въ немъ склонность къ корыстолюбію и скупости. Онъ утвердился въ той мысли, что всѣ возможныя средства позволительны, чтобы нажить какъ можно болѣе денегъ.

«Однако жъ нищета Сашенькиной маменьки продолжалась не долго. — Еще повторяю, что стеченіе обстоятельствъ часъ отъ часу болѣе способствовало Александру Яковлевичу сдѣлаться совершеннымъ во всѣхъ отношеніяхъ мерзавцемъ. Жена благодѣтеля ея, Ѳедора Александровича, занемогла и, съ пособіемъ уѣзднаго лекаря, вскорѣ окончила жизнь. — Ѳедоръ Александровичъ поплакалъ на похоронахъ ея и, возвратясь домой, говорилъ сосѣдямъ, пріѣхавшимъ его навѣстить, что онъ въ большомъ затрудненіи и не знаетъ, что дѣлать: жена нарожала и оставила на рукахъ его восемь человѣкъ дѣтей, малъ мала меньше; голова у него идетъ кругомъ отъ хлопотъ, и онъ рѣшается, для присмотра за домашнимъ хозяйствомъ, взять къ себѣ въ экономки бывшую воспитанницу свою, Скорпіонову. Хотя нѣкоторые изъ сосѣдей говорили ему, что старшей его дочери уже 20 лѣтъ, и она, по лѣтамъ и разсудку своему, можетъ замѣнить мать малолѣтнымъ братьямъ и сестрамъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, присмотрѣть также и за женскимъ хозяйствомъ; но Ѳедоръ Александровичъ отвѣчалъ, что она еще очень молода и неопытна. Кончилось совѣщаніе его съ сосѣдями тѣмъ,

что Скорпіонова пріѣхала къ нему и сдѣлалась въ домѣ его экономкою, а потомъ вскорѣ вступила съ нимъ въ законный бракъ, слѣдовательно, и Сашенька присоединился къ числу дѣтей Ѳедора Александровича.

«Съ тѣхъ поръ произошла совершенная въ домѣ его перемѣна. Пасынокъ его, Сашенька, сдѣлался полнымъ его фаворитомъ. Разумѣется, маменька много способствовала къ тому, напомнивъ Ѳедору Александровичу *давно прошедшее*, почему именно Сашенька имѣетъ все право на вниманіе и благосклонность его.

«Избалованный и изнѣженный матушкинъ сынокъ вскорѣ завоевалъ всѣхъ; онъ капризничалъ; дѣлалъ, что ему хотѣлось; требовалъ отъ братьевъ и сестръ, чтобы они во всемъ ему повиновались; при малѣйшемъ сопротивленіи, кричалъ, ревѣлъ во все горло, а у Ѳедора Александровича, въ особенности же у маменьки, всегда и во всемъ былъ правъ Сашенька. Маменька безпрестанно внушала Ѳедору Александровичу, и сама твердо была увѣрена, что Сашенька тихій, веселый, острый, умный, забавный мальчикъ, всего же болѣе хвалила доброе его сердце, потому что — говорила она, въ ссорахъ съ братьями и сестрами (къ чему, разумѣется, онъ самъ всегда первый подавалъ поводъ) Сашенька никогда долго не сердится; но того милая маменька никакъ не могла замѣтить, что онъ всегда отмщалъ тѣмъ, кто ему досаждалъ, приходилъ къ ней же жаловаться, а у нея, какъ я и прежде сказалъ, Сашенька всегда былъ правъ, а прочіе кругомъ виноваты и наказаны за него.

«Сверхъ того, нѣжному материнскому ея сердцу пріятно было увѣриться, что любезный ее сынокъ не вдается никогда въ опасность и не заставитъ ее безпокоиться о драгоцѣнной его жизни: онъ до такой степени былъ труслив, что, достигнувъ уже 12 лѣтняго возраста, боялся еще своей тѣни, не могъ оставаться одинъ въ комнатѣ, и боязнь упасть и ушибиться не допускали его бѣгать, или играть въ дѣтскія игры, гдѣ нужно было тѣлодвиженіе; перепрыгнуть черезъ ровъ, взлѣзть на дерево, или даже пойти въ воду купаться, были для него слишкомъ отважные подвиги — одна мысль объ нихъ приводила его въ трепетъ.

«Трусость и изнѣженность Сашеньки навлекли на него общее презрѣніе братьевъ и сверстниковъ его, сыновей ихъ сосѣдей; никто не хотѣлъ знаться съ нимъ, и онъ игралъ только съ сестрами въ фанты и другія тому подобныя игры; ежели же иногда и случалось ему быть въ обществѣ съ братьями, то онъ исполнялъ должность шпіона, разсказывалъ вотчиму и матери всѣ проказы и шалости ихъ, причемъ часто лгалъ на тѣхъ, кто по чему либо ему не нравились. Нѣжная маменька и за это хвалила его, когда, напротивъ, благоразумная мать, по этому одному свойству, должна бы была предвидѣть пагубныя для сына послѣдствія и стараться уничтожить такой гусный порокъ въ самомъ его началѣ.

«Вотчимъ Сашеньки, по внушенію супруги своей, призналъ необходимымъ имѣть у себя въ домѣ, по общему дворянскому обычаю, для воспитанія дочерей Фран-

пуженку — мамзель, она же и мадамъ, съ музыкою*), а для сыновей учителя Нѣмца, въ родѣ Вральмана, *который всему бы училъ ихъ мой батюшка.* У Сашеньки была хорошая память и нѣкоторая способность къ наукамъ; онъ умѣлъ подбиться къ наставникамъ своимъ, а они и сами видѣли, что ничѣмъ нельзя было болѣе угодить хозяевамъ своимъ, какъ чрезмѣрными похвалами сынку — фавориту; словомъ, и Ѳедоръ Александровичъ и супруга его безпрестанно и во всемъ ставили Сашеньку въ примѣръ прочимъ дѣтямъ. — «Вы шалуны, вы повѣсы!» говорили они. — «Ничего болѣе не дѣлаете, какъ бѣгаете и рѣзвитесь съ утра до ночи; а Сашенька всегда послушливъ, тихъ, скроменъ, знаетъ всегда уроки и учится лучше васъ. Вы, болваны, должны брать во всемъ примѣръ съ него.» Такія, часто повторяемыя, нѣжныя увѣщанія, и открытіе, сдѣланное братьями его, что онъ на нихъ насказывалъ и былъ шпіономъ, обратили прежнее къ нему презрѣніе въ ненависть; они чуждались его, молчали или переставали говорить, когда онъ подходилъ къ нимъ: но такое отвращеніе братьевъ возродило въ Сашенькѣ упорное и непремѣнное желаніе узнавать всѣ маленькія ихъ тайны. — Инстинктъ, или *врожденное въ каждомъ изъ насъ свойство*, къ лицемѣрству, преподало ему способъ достигнуть до исполненія своего намѣренія. Трусость пріучила его уже издавна ходить съ осторожностію, почти всегда на цыпочкахъ, а природа снабдила его самымъ тонкимъ слухомъ.

*) Такъ говорятъ иногда въ провинціи господа, нанимающіе гувернантку обучать дѣтей между прочими науками и музыкѣ.

Ненависть къ нему братьевъ открыла ему случай воспользоватся этою способностью. Онъ умѣлъ прикладывать ухо къ стѣнѣ, выучился очень искусно смотрѣть сквозь замочную скважину, стоять потихоньку подлѣ двери, или, спрятавшись гдѣ нибудь въ углу, подслушивать и узнавать тайны братьевъ; а какъ привычки въ людяхъ обращаются, впослѣдствіи времени, во вторую натуру, то и Сашенька сохранилъ во всю жизнь обыкновеніе ходить потихоньку, оглядываться и обращать уши во всѣ стороны. Такимъ образомъ увидѣвъ разговаривающихъ между собою, не могъ онъ никогда преодолѣть страстное свое желаніе подслушать ихъ, умѣлъ искусно подкрасться, приставить ухо и услышавъ, ежели не весь разговоръ, то, по крайней мѣрѣ, хотя нѣсколько словъ, умѣлъ эти слова связывать между собою и прибавлялъ кое-что отъ себя выдуманное (на что былъ онъ великій мастеръ), составить полную матерію и пересказать другимъ, ежели находилъ въ томъ собственную свою пользу. Изнѣженность, баловство матери съ самого его рожденія, безразсудное участіе, оказываемое ею при малѣйшей его болѣзни, сдѣлали его столь слабаго сложенія, что ежели кто на него косо посмотрѣлъ или чѣмъ нибудь дотронулся, онъ страдалъ, кричалъ во все горло и жаловался вотчиму или маменькѣ; а у нихъ, какъ я уже и прежде сказалъ, Сашенька былъ всегда правъ, а прочіе кругомъ виноваты. Все это часъ отъ часу увеличивало ненависть къ нему братьевъ; они тормошили и колотили его почти всякій день. Когда же онъ прибѣгалъ жаловаться, то отъ наказанья братьевъ

за него пріобрѣталъ Сашенька то, что они, сговорившись между собою, нападали на него гдѣ нибудь въ темномъ мѣстѣ, или ночью, когда онъ спалъ, и тумаки, полученные ими за него, отдавали ему вдвое или втрое, а онъ не зналъ на кого изъ нихъ жаловаться.

«Сашенька убѣдился наконецъ въ томъ, что жалобами своими онъ болѣе терялъ, чѣмъ выигрывалъ, и началъ изъискиватьспособы, какъ бы хитростію и обманомъ отмщать братьямъ; онъ умѣлъ ихъ увѣрить, что ищетъ ихъ дружбы, что жаловаться никогда на нихъ не будетъ, выпрашивалъ даже иногда, чего имъ хотѣлось; но въ то самое время, когда они воображали, что онъ съ ними за-одно, вѣроломно измѣнялъ имъ, пересказывалъ потихоньку маменькѣ шалости ихъ, и умѣлъ такъ искусно скрываться, что подозрѣніе въ измѣнѣ падало всегда на кого нибудь другаго, а не на него.

«Искусство доставлять себѣ втайнѣ удовольствіе мщенія, имѣло для него большія выгоды: оно обезпечивало отъ побоевъ собственную его персону, которую онъ любилъ выше всего; сверхъ того, онъ радовался и самъ удивлялся мудрымъ своимъ соображеніямъ и выдумкамъ; наконецъ, сравнивая остроту ума своего съ недогадливостію и глупостію братьевъ, не умѣвшихъ открыть, черезъ кого именно подвергались они наказанію, отдавалъ онъ самъ себѣ все преимущество надъ ними, и самолюбіе его часъ отъ часу возрастало еще и потому, что маменька и вотчимъ часто при немъ повторяли, что онъ умнѣе и лучше своихъ братьевъ.

«Такимъ образомъ Сашенька достигнулъ до 16 лѣтняго возраста и, какъ вы до сихъ поръ видѣли, подавалъ великую о себѣ надежду: былъ изнѣженъ, трусъ, самолюбивъ, мстителенъ, хитръ, лукавъ и, со всѣми этими изящными качествами, не зналъ и не постигалъ того, что онъ имѣетъ какіе либо недостатки и пороки; напротивъ, предпочтеніе, оказываемое ему противъ прочихъ братьевъ, усиливало въ немъ часъ отъ часу болѣе внутреннее врожденное въ каждаго человѣка чувство почитать себя умнѣе и лучше другихъ. — Подлые и достойные наказанія поступки его, за которые, напротивъ, былъ онъ награждаемъ и осыпанъ похвалами, внушали въ него ложное понятіе о чести и достоинствахъ. Кончилось тѣмъ, что самъ онъ привыкъ почитать трусость свою за благоразумную осторожность, низкую склонность къ мщенію за благородное честолюбіе, хитрость и коварство за остроуміе. Словомъ, Сашенька 16-ти лѣтъ былъ уже совсѣмъ усовершенствованный мерзавецъ, думая, напротивъ того, что онъ и честенъ, и правдивъ, и уменъ, и благороденъ.

«Слѣпая и безразсудная любовь матери имѣла для Сашеньки еще сверхъ того и другія дурныя послѣдствія. Бывши въ ссорахъ его съ братьями всегда оправданъ, а они обвиняемы, онъ нечувствительно привыкъ думать, и увѣрился, что онъ выше и умнѣе всѣхъ и всегда и во всѣхъ случаяхъ правъ. — При пылкости же воображенія и слабости его ума, изъ всѣхъ пороковъ, вкоренившихся въ него дурнымъ воспитаніемъ, этотъ послѣдній былъ для него вреднѣе всѣхъ прочихъ: онъ сдѣлалъ его совершенно неисправимымъ

и преградилъ до такой степени дорогу истинѣ и хорошему побужденію достигнуть до души его, что, наконецъ, не умѣлъ онъ отличить справедливое отъ ложнаго, или, лучше сказать, привыкъ, безъ малѣйшаго угрызенія совѣсти, съ спокойною душою, признавать за справедливое или за ложное только то, что ему самому хотѣлось.

«Само по себѣ открывается изъ того, что я разсказалъ вамъ, почему именно Александръ Яковлевичъ, со всѣми своими ужасными пороками, имѣлъ полное право почитать себя человѣкомъ умнымъ, хорошимъ и правдивымъ, а всякаго, кто ему въ предпріятіяхъ его противился, или чѣмъ либо не нравился, признавать дурнымъ и порочнымъ человѣкомъ. Но это еще не все; изъ конца разсказа моего исторіи молодости г. Скорпіонова вы увидите, какимъ страннымъ стеченіемъ обстоятельствъ утверждался онъ болѣе и болѣе на поприщѣ разврата, порока и безнравственности. Въ дополненіе біографіи его, надобно вамъ еще знать подробности первой практической лекціи, полученной имъ въ крючкотворствѣ; вы еще болѣе увѣритесь, что все, все способствовало къ тому, чтобы сдѣлать его ябедникомъ, крючкотворомъ, взяточникомъ, клеветникомъ, лицемѣромъ и интриганомъ; но мнѣ кажется, я уже слишкомъ надоѣлъ вамъ продолжительнымъ моимъ разсказомъ. Не лучше ли отложить окончаніе біографіи нашего героя до другаго времени?»

Хозяйка и мы всѣ убѣждали его продолжать свое повѣствованіе, и Николай Анатоліевичъ отдохнувъ и напившись чаю, разсказалъ намъ слѣдующее.

«Вотчимъ Александра Яковлевича, отъ частаго и неумѣреннаго употребленія горячихъ напитковъ, отъ безпрестаннаго куренія самаго крѣпкаго табаку и отъ сидячей жизни, постепенно ослабѣвалъ въ силахъ своихъ; у него начиналась неизлечимая водяная болѣзнь въ груди; супруга его знала объ этомъ, и не очень хлопотала о сохраненіи его жизни, но убѣдительнѣйше просила его ѣхать въ губернскій городъ лечиться по нѣкоторымъ собственнымъ своимъ видамъ, о чемъ вы узнаете впослѣдствіи. — Ей было извѣстно, что бывшій прежде въ ихъ уѣздномъ судѣ секретарь переведенъ на службу въ губернскій городъ. — Я забылъ фамилію этого чудеснѣйшаго крючкотвора, но наружность его мнѣ очень памятна; я опишу ее, чтобы дать вамъ нѣкоторое понятіе объ этомъ человѣкѣ, способствовавшемъ, можетъ быть, болѣе всѣхъ къ *усовершенствованію* г. Скорпіонова, достигнувшаго въ это время уже до 18-ти лѣтняго возраста и поступившаго въ службу подъ покровительство того же секретаря. Новое дѣйствующее лицо, предназначенное къ *усовершенствованію* Скорпіонова, было роста небольшаго, худощавый, рыжій, рябой; взоръ его былъ дикій; у него были загнутые дугою и сросшіеся между собою брови, носъ, достававшій почти до губъ, глаза сѣрые на выкатѣ, немного косоватые, большой ротъ, который совсѣмъ не умѣлъ улыбаться; словомъ, лицо его было одно изъ тѣхъ, что когда встрѣтишься, невольно хочется поскорѣй отвернуться. Супруга Ѳедора Александровича говорила прежде, что она не можетъ смотрѣть на этого урода безъ содраганія; но въ тепереш-

ній пріѣздъ ея въ губернскій городъ, къ совершенному удивленію Сашеньки, красивый секретарь имѣлъ частыя на единѣ свиданія съ его маменькою, и она довольно умильно на него поглядывала. Однако жъ вскорѣ Сашенька принялъ участіе въ сокровенныхъ ихъ совѣщаніяхъ: дѣло было въ томъ, что маменька просто торговалась съ секретаремъ за составленіе подложной духовной отъ мужа въ ея пользу. Сашенька былъ часто посылаемъ съ записочками и словесными порученіями къ красавцу-секретарю, и имѣлъ случай въ бесѣдахъ съ нимъ пріобрѣсть первыя прочныя познанія въ крючкотворствѣ и мошенничествѣ.

«По совѣту секретаря, супруга Ѳедора Александровича, среди безпрерывнаго вниманія и угожденія ему, очень искусно обращала разговоръ на необходимость сдѣлать духовную. – Ѳедоръ Александровичъ прежде ничего не отвѣчалъ; наконецъ, выведенный изъ терпѣнія искусными напоминаніями, сказалъ ей съ неудовольствіемъ, чтобы она не безпокоилась, потому что родовое имѣніе его было продано и, вмѣсто его, куплено другое, и что онъ, имѣя право располагать благопріобрѣтеннымъ имѣніемъ, уже давно сдѣлалъ духовную, и перемѣнить ее не намѣренъ. Съ горестію передала она этотъ отвѣтъ секретарю черезъ Сашеньку, прибавивъ къ тому, что она въ отчаяніи и не знаетъ, что дѣлать — мѣшкать же было нѣкогда. — Больной ослабѣвалъ часъ отъ часу и, при помощи пользовавшаго его доктора, быстрыми шагами приближался ко гробу. – Секретарь нѣсколько призадумался, походилъ по комнатѣ и велѣлъ сказать маменькѣ, чтобы она

узнала, гдѣ хранится сдѣланная уже духовная, и постарались бы достать ее, обнадеживая притомъ, что коль скоро духовная будетъ въ его рукахъ, то все дѣло *уладится* какъ нельзя лучше; но Сашеньна опять передалъ ему отвѣтъ маменьки, что духовная заперта въ шкатулкѣ, ключъ всегда привязанъ на платкѣ у мужа ея; достать эту бумагу, такъ чтобы онъ не замѣтилъ, рѣшительно невозможно. Секретарь опять призадумался, походилъ по комнатѣ и велѣлъ черезъ того же агента, Сашеньку, сказать маменькѣ, что ежели никакъ нельзя достать духовную, то чтобы она искусно обратила разговоръ на законную ея силу и напомнила бы своему супругу, что малѣйшее отступленіе отъ формы, особенно же, ежели духовная не засвидѣтельствована и не утверждена законнымъ порядкомъ, то эта пустая, ничтожная бумага.

«Ѳедоръ Александровичъ согласился въ справедливости замѣчанія жены своей, сдѣланнаго по приказанію наставника ея: духовная точно не была явлена и утверждена. Онъ хотѣлъ поскорѣй окончить это дѣло и сожалѣлъ, что не имѣетъ въ городѣ ни одного знакомаго дѣловаго человѣка. Разумѣется, жена рекомендовала ему бывшаго у нихъ въ уѣздномъ судѣ секретаря, какъ знающаго законы и дѣловаго человѣка. Ѳедоръ Александровичъ согласился поручить ему это дѣло, то есть, попалъ прямо въ разставленныя ему сѣти. Секретарь съ самымъ смиреннымъ видомъ явился тотчасъ на сцену, разсказалъ много случаевъ объ уничтоженіи завѣщаній, писанныхъ безъ соблюденія установленныхъ формъ, наговорилъ съ три ко-

роба о честности, безкорыстіи своемъ, проч. — Ѳедоръ Александровичъ вынулъ изъ шкатулки своей духовную и отдалъ ему, съ просьбою, какъ можно поскорѣй окончить; но онъ, какъ опытный мастеръ своего дѣла, опасаясь, чтобы излишнею поспѣшностію не возбудить подозрѣнія, посмотрѣлъ духовную, возвратилъ назадъ, сказавши, что прежде всего надобно пригласить духовника и свидѣтелей, прочитать при нихъ все вслухъ и лично подтвердить, что всѣ распоряженія сдѣланы точно по собственной его волѣ; однако жъ, за всѣмъ тѣмъ, секретарь, сходно съ планомъ аттаки, сдѣланнымъ имъ по совѣщанію съ супругою Ѳедора Александровича, нарочно громогласно прочиталъ при ней вслухъ духовную, къ которой завѣщатель дѣлилъ правильно и уравнительно между дѣтьми имѣніе свое, отпускалъ на волю нѣсколько человѣкъ дворовыхъ людей, и назначалъ душеприкащикомъ и опекуномъ надъ дѣтьми своими роднаго ихъ дядю, брата первой покойной жены; но духовная была написана еще прежде вступленія его во второй бракъ, а потому, теперешней его супругѣ ничего не было назначено. Ѳедоръ Александровичъ увидѣлъ, что она горько плакала, и обратился къ секретарю съ просьбою прибавить дополнительную статью о назначеніи въ пользу второй его жены нѣкоторой небольшой суммы. Секретарь обѣщался исполнить его волю, сказалъ, что онъ напишетъ именно то, что ему приказано, а чтобы окончить поскорѣй все дѣло, совѣтовалъ къ тому же времени, когда онъ напишетъ дополненіе, пригласить духовника и свидѣтелей, съ тѣмъ, чтобы при нихъ было все прочтено

вслухъ отъ начала до конца; тогда завѣщатель и свидѣтели подпишутъ, и духовную можно будетъ предъявить для утвержденія, гдѣ по закону слѣдуетъ. — Ѳедоръ Александровичъ на все это согласился, но секретарь, обдумывая и предусматривая все, что можетъ случиться впослѣдствіи времени, не взялъ съ собою духовной, сказалъ, что ему надобно ѣхать по службѣ его, и просилъ прислать ее къ нему въ домъ, а онъ, по окончаніи присутствія, займется, и надѣется, что завтрашній же день все будетъ окончено; послѣ того сдѣлалъ условный знакъ супругѣ Ѳедора Александровича и вышелъ изъ комнаты.

«Она позвала къ себѣ Сашеньку и со слезами говорила ему, что они оба могутъ остаться безъ куска хлѣба; что вся надежда ихъ теперь на благодѣтеля ихъ секретаря, то — чтобы онъ тотчасъ отнесъ къ нему духовную, былъ у него въ полномъ повиновеніи и исполнялъ въ точности, что онъ прикажетъ. — Но Сашенькѣ было уже тогда 18 лѣтъ; напрасно маменька безпокоилась давать ему наставленія: онъ послѣ перваго свиданія съ благодѣтелемъ секретаремъ смѣкнулъ, что надобно сдѣлать.

«Цѣлую ночь провелъ Сашенька у секретаря въ переписываніи, съ подражаніемъ почерка прежней духовной, вновь сочиненной благодѣтелемъ, по которой Ѳедоръ Александровичъ отдавалъ женѣ своей все благопріобрѣтенное движимое и недвижимое имѣніе свое, въ полное владѣніе, предоставляя ей, послѣ смерти своей, дать дѣтямъ его отъ перваго брака, что кому она сама заблагоразсудитъ, а ежели они къ ней не

будутъ почтительны, то уполномочивалъ ее никому ничего не давать, а предоставить во владѣніе сына ея, а его пасынка, Александра Яковлевича Скорпіонова. По написаніи вновь составленной благодѣтелемъ подложной духовной, приказалъ ему же, Сашенькѣ, записать ее въ книгу, которую онъ заблаговременно, подкупивъ надсмотрщика, взялъ къ себѣ, а къ довершенію того, чтобы преднамѣренное плутовство было облечено въ законныя формы и чтобы дѣло окончить сколь возможно поспѣшнѣе, Сашенька же, по приказанію благодѣтеля, написалъ постановленный по закону допросъ свидѣтелямъ.

«Сашенька имѣлъ необыкновенную способность скоро писать и подписываться подъ чужія руки, въ чемъ онъ, впослѣдствіи времени, усовершенствовался до высшей степени. — Все было къ свѣту готово, и Сашенька возвратился къ маменькѣ съ новымъ наставленіемъ отъ благодѣтеля, чтобы она предупредила мужа, что желаніе его свершить поскорѣй духовную исполнено; то неугодно ли ему будетъ послать за свидѣтелями и духовникомъ своимъ, что въ присутствіи ихъ должно прочесть все вслухъ, тогда и онъ и свидѣтели подпишутся, а у секретаря такъ подготовлено, что въ то же утро можно будетъ рѣшительно все окончить. Вмѣстѣ съ тѣмъ далъ онъ также наставленіе, что хотя пришлетъ онъ духовную въ запечатанномъ конвертѣ, на имя самого Ѳедора Александровича, но надобно, чтобы въ комнатѣ у больнаго было темно, такъ, чтобы онъ самъ читать не могъ и чтобы, по распечатаніи Ѳедоромъ Александровичемъ конверта, маменька такъ

искусно устроила, чтобы онъ самъ передалъ эту духовную Сашенькѣ для прочтенія вслухъ; вмѣстѣ съ тѣмъ благодѣтель не только растолковалъ, но и показалъ руками, съ какимъ проворствомъ и ловкостію надобно, по прочтеніи вслухъ настоящей духовной, подсунуть, для подписанія, фальшивую, имъ сочиненную, въ пользу его матери.

Все было сдѣлано по сказанному, какъ по писаному; Сашенька на самомъ опытѣ показалъ, что онъ не только достойный ученикъ наставника своего, но скоро превзойдетъ и его самаго. По свершеніи самаго главнаго дѣла, то есть, по подписаніи Ѳедоромъ Александровичемъ и свидѣтелями фальшивой духовной, Сашенькѣ же было поручено доставить ее къ секретарю.

Между тѣмъ маменька его приготовила заблаговременно большой, сытный завтракъ для свидѣтелей, въ водкѣ, разныхъ настойкахъ, наливкахъ и винѣ; недостатка не было. Она безпрестанно подливала рюмки гостямъ своимъ, и въ продолженіе завтрака явился подкупленый надсмотрщикъ и съ нимъ одинъ довольно безграмотный и безтолковый членъ суда, отправленый прямо изъ присутствія для взятія, по установленной формѣ, допроса съ завѣщателя и свидѣтелей. Супруга Ѳедора Александровича, поподчивавъ ихъ водкою и наливками, пригласила всѣхъ въ комнату больнаго, но она *нашла* его чрезвычайно ослабѣвшимъ, и просила не безпокоить его новымъ чтеніемъ въ книгѣ и допросѣ того же, что уже прежде при всѣхъ было читано вслухъ, а поскорѣй подписать и дать успокоиться больному.

Большею частію всегда такъ дѣлается; обыкновенно, подписываютъ въ книгахъ и допросахъ не читавши; притомъ же, какъ вообразить, что бы можно было такъ безсовѣстно и съ такою невѣроятною наглостію рѣшиться посвятить и завѣщателя и свидѣтелей прямо въ полновѣсные дураки. — Все было подписано не читавши, и надсмотрщикъ, получивъ *за труды* свои условленное награжденіе, вмѣстѣ съ членомъ суда, выпилъ еще нѣсколько рюмокъ водки и вина, и хорошо позавтракавши, уѣхали. Ѳедоръ Александровичъ, получивъ изъ рукъ надсмотрщика, самъ, при свидѣтеляхъ, записанную и утвержденную по формѣ духовную, положилъ ее въ шкатулку, заперъ при всѣхъ ключемъ, и отдалъ въ то же время душеприкащику своему, родному дядѣ дѣтей его отъ перваго брака.

Такимъ образомъ увѣнчано было полнымъ успѣхомъ, при непосредственномъ содѣйствіи героя нашего Александра Яковлевича, самое наглое мошенничество; однако жъ *благодѣтель* секретарь былъ опытенъ и предусмотрителенъ; онъ въ то же время, когда Александръ Яковлевичъ привезъ ему подписанную фальшивую духовную, взялъ у него и настоящую, подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы ее уничтожить, но сохранилъ ее въ цѣлости по нѣкоторымъ особымъ соображеніямъ своимъ, о чемъ вы узнаете впослѣдствіи.

Чрезъ нѣсколько дней потомъ окончилъ Ѳедоръ Александровичъ достославную жизнь свою. *Неутѣшная* вдова его, по совѣту благодѣтеля, не касаясь сама ни до чего, пригласила полицію и нѣсколько свидѣтелей, подписавшихся въ духовной; при нихъ заперта

была дверь комнаты, гдѣ скончался Ѳедоръ Александровичъ, и къ замку приложена была печать; она даже не взяла къ себѣ ключа отъ комнаты, а вручила при всѣхъ тому же родному дядѣ дѣтей покойнаго, назначенному душеприкащикомъ его.

Послѣ похоронъ и, какъ обыкновенно водится, послѣ поминокъ, приступили къ описи оставшагося послѣ покойнаго движимаго имѣнія и раскрытія духовной его. — Въ присутствіи дяди и свидѣтелей, полицейскій чиновникъ распечаталъ комнату и отперъ ключемъ, поданнымъ ему самимъ дядею; все оказалось цѣло и невредимо и въ томъ видѣ, какъ было при смерти Ѳедора Александровича; дядя самъ отперъ шкатулку и вынулъ духовную. — Но вы можете вообразить общее изумленіе. — Дядя и свидѣтели не вѣрили глазамъ своимъ. Перевертывали и осматривали нѣсколько разъ листъ бумаги, на которомъ написана была духовная; нигдѣ не было ни поправокъ, ни почистокъ; свидѣтели ни какъ не могли опровергнуть и доказать подложность подписи своей: всѣ установленныя формы соблюдены были въ строжайшей точности: а написано было въ духовной совсѣмъ не то, что имъ читали вслухъ. Въ бѣшенствѣ вышелъ дядя изъ комнаты, угрожая добродѣтельную вдову преслѣдованіемъ по закону, но... всѣ усилія его были безполезны. Ему доказали дѣловые люди, что опровергнуть законами духовную рѣшительно невозможно, и что единственное средство обнаружить это мошенничество есть то, чтобы подать просьбу въ совѣстный судъ; но вдовушка не унывала. Она, по предваритель-

ному наставленію благодѣтеля, переданному ей Сашенькою (самъ онъ съ нею не только не видался, но вездѣ говорилъ, что это *казусное* дѣло, и никогда даже не удавалось ему слышать подобныхъ *казусовъ*), вдовушка, на требованіе совѣстнаго суда, что она въ дѣлѣ, столь чистомъ и ясномъ, какъ завѣщаніе покойнаго ея мужа, явленномъ еще при жизни его и законнымъ порядкомъ утвержденномъ, никакой обязанности не имѣетъ отвѣчать передъ совѣстнымъ судомъ, и что за оскорбительное нарѣканіе чести ея и неумѣстныя выраженія, помѣщенныя въ поданной на нея просьбѣ, будетъ она отыскивать обиду свою формою суда.

Тѣмъ все окончилось, и она покойно вступила во владѣніе значительнымъ имѣніемъ, пріобрѣтеннымъ способами столь честными. — Я очень помню, что это дѣло надѣлало большой шумъ въ губерніи; разсказывали, что дядя и опекунъ ограбленныхъ сиротъ послалъ просьбу въ Петербургъ, и что оттуда вскорѣ долженъ былъ пріѣхать особый чиновникъ, для строжайшаго изслѣдованія такого страннаго и необыкновеннаго событія.

Можетъ быть, благодѣтель — секретарь испугался этихъ слуховъ, или, что всего вѣроятнѣе, получивъ значительное награжденіе за плутовство, захотѣлъ онъ и за честное дѣло, то есть, за возвращеніе настоящей духовной, пріобрѣсть еще болѣе; какъ бы то ни было, только онъ издалека, черезъ третьи или четвертыя руки, довелъ до свѣдѣнія опекуна, что онъ возьмется хлопотать по этому дѣлу и отвѣчаетъ за успѣхъ, потому что, сколько онъ, по всѣмъ соображеніямъ своимъ,

можетъ заключить, все это утонченное плутовство свершилъ сынъ вдовы, Александръ Яковлевичъ Скорпіоновъ, и что для изобличенія его, онъ *надѣется, можетъ быть*, даже отыскать и возвратить настоящую духовную. — Между тѣмъ, однако жъ, секретарь увѣрился по опыту, что онъ имѣетъ въ Александрѣ Яковлевичѣ весьма смышленнаго и опаснаго себѣ соперника; онъ старался скрыть отъ него намѣреніе свершить честное дѣло, ласкалъ его, имѣлъ съ нимъ тайныя совѣщанія по случаю распространенныхъ слуховъ о прибытіи изъ Петербурга чиновника, для строжайшаго изслѣдованія, совѣтовалъ, что предпринять и какъ маменькѣ его должно отвѣчать, когда у нее будутъ спрашивать; но въ искусствѣ лицемѣрства и притворства мудрено было кому либо превзойтить Александра Яковлевича. Онъ также съ своей стороны притворялся, что имѣетъ къ нему полную довѣренность, однако жъ строго наблюдалъ за всѣми его дѣйствіями. — Состязаніе двухъ мошенниковъ и отличныхъ лицемѣровъ было очень любопытно и продолжительно; но я уже прежде сказалъ вамъ, что природа одарила Александра Яковлевича необыкновеннымъ чувствомъ слуха, и что онъ еще въ самой нѣжной молодости своей подвизался съ успѣхомъ въ благородномъ званіи шпіона; такимъ образомъ, умѣлъ онъ очень искусно провѣдать о преднамѣренной измѣнѣ благодѣтеля, но показывалъ видъ, что ничего ему неизвѣстно, удвоилъ искательство свое въ немъ, говорилъ, что онъ имѣетъ полное и совершенное къ нему довѣріе, совѣтовался по многимъ дѣламъ своимъ, сло-

вомъ, юный витязь умѣлъ мастерски усыпить прозорливость пожилаго и посѣдѣвшаго на томъ же поприщѣ ветерана, выкралъ спрятанную у него настоящую духовную и переслалъ къ матери, съ подробнымъ увѣдомленіемъ о новыхъ подвигахъ благодѣтеля и о своемъ съ нимъ противоборствѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ совѣтовалъ ей тотчасъ уничтожить эту бумагу, которая можетъ ихъ обоихъ погубить.

Мать послушалась его совѣта; но устрашенная слухами о предстоящемъ изслѣдованіи, какимъ образомъ вмѣсто духовной, при свидѣтеляхъ вслухъ прочитанной, подписанной и положенной самимъ завѣщателемъ въ шкатулку, которая оставалась въ запертой и запечатанной комнатѣ и ключъ отъ нее хранился у посторонняго лица, почему именно въ той же шкатулкѣ оказалась другая духовная, совершенно противоположная настоящей; притомъ же маменька, еще болѣе растревоженная извѣстіемъ, что искусный мастеръ своего дѣла *благодѣтель* намѣревается вооружиться противъ нея, она поспѣшила дать знать опекуну дѣтей покойнаго ея мужа, что готова прекратить миролюбиво всѣ недоразумѣнія и непріятности между ими. — Кончилось тѣмъ, что она безъ вѣдома своего сына, при пособіи того же секретаря, сдѣлала отъ себя духовную въ пользу ограбленныхъ ею сиротъ, назначивъ каждому изъ нихъ тѣ самыя деревни и количество земли, какъ предполагалъ покойный ихъ отецъ, а своему сыну предоставила получить со всего имѣнія ту же незначительную сумму, которая, по волѣ завѣщателя, ей самой была назначена. Вскорѣ послѣ того

и она окончила жизнь, и имѣніе поступило во владѣніе законныхъ наслѣдниковъ.

Такимъ образомъ, хотя не было никакихъ выгодныхъ послѣдствій для Александра Яковлевича отъ перваго плутовства его; но оно открыло ему самому необыкновенныя его способности въ крючкотворствѣ и утвердило въ томъ мнѣніи, что онъ съ успѣхомъ можетъ подвизаться на этомъ поприщѣ. — Слабодушіе и безхарактерность матери, какъ называлъ Александръ Яковлевичъ миролюбивую ея сдѣлку съ законными наслѣдниками, чрезвычайно разсердили и возстановили его противъ нея; онъ написалъ къ ней самое непріятное письмо, и до конца жизни ея не видался съ ней, а съ благодѣтелемъ и наставникомъ секретаремъ сдѣлались они гласными, непримиримыми врагами. Враждебное состязаніе ихъ окончилось тѣмъ, что Александръ Яковлевичъ восторжествовалъ, запуталъ и погубилъ своего антогониста. Между тѣмъ, посредствомъ пронырства, лицемѣрства и проч. и проч., сталъ онъ постепенно возвышаться, перемѣщенъ былъ на службу въ должность правителя канцеляріи...» Съ этимъ словомъ вошелъ нашъ хозяинъ и возвѣстилъ, что губернаторъ пріѣхалъ, взялъ карту и ожидаетъ насъ; мы поспѣшили явиться къ мѣсту нашего назначенія.

Я не успѣлъ дослушать конца разсказа Николая Анатоліевича, но и того, что я уже зналъ, достаточно было для полнаго понятія, *что такое значитъ* Александръ Яковлевичъ Скорпіоновъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ убѣдиться, что невозможно было стеченіемъ обстоя-

тельствъ соединить въ одномъ человѣкѣ болѣе пороковъ, подлости, низости, хитрости, лицемѣрства, коварства, эгоизма и холодности... И со всѣми этими качествами, какъ Николай Анатоліевичъ утверждалъ и удовлетворительно доказалъ, онъ дѣйствительно имѣлъ все полное право почитать себя правдивымъ и добродѣтельнымъ, потому что воспитаніе, первыя впечатлѣнія его молодости и примѣръ людей въ томъ кругу, въ которомъ онъ родился и жилъ, совершенно скрыли отъ него и не могли дать ему понятія о настоящихъ правилахъ чести и справедливости.

Однако жъ я рѣшился собрать подробныя свѣдѣнія о прехожденіи по службѣ и о подвигахъ г. Скорпіонова. – Это будетъ очень любопытное историческое описаніе нравовъ прошлаго столѣтія. Александръ Яковлевичъ, по воспитанію и первымъ впечатлѣніямъ въ молодости своей, принадлежитъ къ сословію подъячихъ не нашего времени, потому что между многими новыми полезными постановленіями и учрежденіями, коими ознаменовано нынѣшнее царствованіе, заведеніе въ нѣкоторыхъ губернскихъ городахъ особыхъ училищъ для дѣтей канцелярскихъ служителей, возможность открытія всѣмъ сословіямъ получить образованіе въ реальныхъ и уѣздныхъ училищахъ, благодаря Бога, уничтожило уже въ наше время отвратительную безнравственность, господствовавшую прежде въ низшемъ классѣ подъячихъ.

V.

Желая имѣть подробную біографію знаменитаго г. Скорпіонова, я на другой день возобновилъ распросы мои объ немъ у Николая Анатоліевича. — « Все, что могу я сообщить вамъ о характерѣ и поступкахъ Скорпіонова, - отвѣчалъ онъ — до такой степени грязно, отвратительно, гадко и даже, можно сказать, невѣроятно, что врядъ ли вы найдете что либо подобное даже въ новѣйшихъ Французскихъ романахъ, нынѣшней, какъ говорятъ, неистовой или бѣснующейся школы.» — Я опять повторилъ, что желаю имѣть и сохранить подробныя свѣдѣнія о прехожденіи по службѣ и о мошенничествахъ г. Скорпіонова, какъ историческій фактъ описанія нравовъ прошедшаго столѣтія. — «Въ этомъ отношеніи, могу я гораздо болѣе удовлетворить вашему любопытству.» отвѣчалъ Николай Анатоліевичъ. «Я дамъ, ежели вамъ угодно, прочитать записку, подъ названіемъ *Мысли о постепенномъ искорененіи лихоимства*. Эту записку составилъ покойный мой отецъ, бывшій здѣсь губернскимъ предводителемъ, и я храню ее, какъ драгоцѣннѣйшій для сына памятникъ.»

Я съ благодарностію принялъ предложеніе Николая Анатоліевича; онъ вынулъ записку изъ портфеля, отдалъ мнѣ и позволилъ взять ее съ собою домой для прочтенія, предоставивъ мнѣ притомъ право даже списать копію съ этой записки.

Записка заключаетъ въ себѣ много здравыхъ сужденій и предположеній о постепенномъ искорененіи

лихоимства, посредствомъ улучшенія общественной нравственности; для чего сочинитель признавалъ необходимо нужнымъ: учрежденіе особыхъ училищъ для образованія молодыхъ дворянъ, готовящихся посвятить себя гражданской службѣ; школъ для дѣтей *подьяческихъ* (нижняго класса канцелярскихъ чиновниковъ); прибавки жалованья вообще всѣмъ гражданскимъ и дворянскимъ чиновникамъ; введеніе въ военно-учебныхъ заведеніяхъ преподаванія правовѣдѣнія, или, по крайней мѣрѣ, поверхностнаго познанія гражданскихъ законовъ, также канцелярскаго порядка и правилъ о производствѣ слѣдствій и проч. и проч.; но на все это уже обращено вниманіе попечительнаго о нашемъ благѣ правительства, и въ размѣрѣ болѣе обширномъ, обдуманномъ и соображенномъ съ духомъ времени, и не только приведено въ исполненіе, но мы уже начинаемъ пользоваться благотворными послѣдствіями новыхъ учрежденій, въ доказательство тому надобно вспомнить только, что было лѣтъ за сорокъ или пятьдесятъ назадъ, и сравнить съ теперешнимъ; мы увидимъ совершенное и разительное во всемъ измѣненіе. Именно съ этою цѣлью, то есть, чтобы показать, до какой степени улучшилась общественная нравственность, я рѣшился, выпустивъ изъ записки, данной мнѣ Николаемъ Анатоліевичемъ Радушинымъ, все то, что относится до предположенія почтеннаго его родителя объ учрежденіи училищъ, прибавки жалованья и проч., помѣстить здѣсь одно только описаніе его, въ какомъ положеніи было правосудіе и какой нравственности были чиновники въ его время.

Я оставляю безъ всякаго измѣненія слогъ записки, писанной слишкомъ за 50 лѣтъ тому назадъ.

VI.

Мысли о постепенномъ искорененіи лихоимства.

«Лихоимство распространилось и усилилось повсюду, «можно сказать, до вышней степени наглости и без«страшія.*) Всякому, кто имѣетъ, или имѣлъ, какіе

---

*) «Безъ денегъ ничего сдѣлать нельзя. Взятки берутъ за все «и вездѣ, и даже, что можетъ казаться невѣроподобнымъ, въ су«дейской камерѣ передъ самимъ зерцаломъ, не смотря на то, «что начертано на ономъ. — Чтобы дать нѣкоторое о семъ по«нятіе, я изображу здѣсь, для примѣра, что долженъ издержать «бѣдный проситель, для полученія какой нибудь маловажной «справки или копіи. Онъ обязанъ дать писцу, который присо«вѣтуетъ и напишетъ ему просьбу; подарить сторожу, чтобы «доложилъ объ немъ присутствію; дать тому изъ присутствую«щихъ, кто помѣтитъ его просьбу и отошлетъ къ дежурному «для записки: сему дать, чтобы сдалъ въ регистратуру; упра«вляющему сею частію, чтобы записалъ и передалъ, не задер«живая, повытчику; сему послѣднему особенно и болѣе противъ «прочихъ, чтобы скорѣй сдѣлалъ выправку, написалъ докладъ «и отдалъ секретарю, которому долженъ подарить гораздо болѣе «всѣхъ, за благопріятную резолюцію; потомъ вновь дарить, что«бы скорѣй составили и подписали журналъ; убѣдить, разумѣет«ся, подарками же, чтобы безъ протеста и замедленія былъ «пропущенъ журналъ, и еще паки дарить, чтобы, по сдѣланному «опредѣленію, учинено было скорѣй исполненіе. Все вышеписан«ное касается только до полученія какой нибудь маловажной «справки или копіи; но по оному можно судить, какія ужаснѣй«шія взятки берутся за то, чтобы чистое и правое дѣло, искус«ствомъ ябедничества, было запутано и представлено въ иномъ «и превратномъ видѣ. Словомъ, обычай и привычка брать взятки «утвердилась такъ крѣпко, что подъячіе, кажется, и не могутъ «понять, чтобы что нибудь можно было сдѣлать безъ взятокъ.»

«либо процессы, извѣстно оное, къ его несчастію, по «опыту. Тщетны будутъ всѣ усилія пресѣчь однимъ «разомъ зло сіе, пустившее столь глубоко корень свой. «Примѣры справедливой и нелицепріятной строгости «и наказанія могутъ сдѣлать нѣкоторое временное впе«чатлѣніе, но не совсѣмъ истребить зло.

«Лихоимство можно уподобить баснословной гидрѣ. «Преслѣдуемое самымъ бдительнѣйшимъ надзоромъ «въ настоящемъ видѣ, оно возникаетъ и явится неожи«данно, подъ другою личиною. — Ухищренія ябедни«ковъ и взяточниковъ разнообразны, способы ихъ не«истощимы, и тѣмъ болѣе, что изъ числа всѣхъ зло«дѣяній и преступленій самое трудное къ обнаруже«нію есть лихоимство; оное совершается втайнѣ, ме«жду двумя только лицами, которыя, по закону, оба «виновны, ибо по указу 1714 года декабря 24 дня, «получающій и дающій взятки подвергаются одина«ковому наказанію.»

«Словомъ, совершенно искоренить лихоимство, въ «настоящемъ поколѣніи, есть дѣло выше всей чело«вѣческой премудрости; но должно дѣйствовать по«степенно и, оставивъ всю надежду уничтожить од«нимъ разомъ лихоимство, подготовить, чтобы по «крайней мѣрѣ потомки наши вкусили и пользовались «плодами, сѣмена коихъ нынѣ будутъ посѣяны.»

«Въ одномъ только отношеніи, то есть, въ постепен«номъ искорененіи лихоимства, намѣренъ я изложить «нѣкоторыя мои мысли. Но для лучшей ясности, дол«жно опредѣлить настоящее назначеніе и смыслъ слова «*лихоимство*. Злоупотребленіе власти, или наруше-

«ніе справедливости, по личнымъ связямъ, по вліянію, «и изъ угодливости могущимъ людямъ, изъ вкусныхъ «обѣдовъ или изъ удовлетворенія другимъ постыд- «нымъ недостойнымъ страстямъ, все оное въ нрав- «ственномъ отношеніи гораздо хуже и заслуживаетъ «болѣе презрѣнія, чѣмъ взятки деньгами.

«Начало всякаго порока, въ томъ числѣ и лихоимства, «происходитъ отъ дурной нравственности; сіе есть столь «извѣстная истина, что не требуетъ дальнѣйшихъ дока- «зательствъ, равномѣрно также и то, что самые премуд- «рые законы не принесутъ никакой пользы, ежели люди, «которые обязаны ими руководствоваться, не имѣютъ «хорошихъ нравственныхъ свойствъ. Всякій законъ «написанъ съ добрымъ намѣреніемъ, но ябеда и крюч- «котворство изъясняютъ смыслъ онаго по собствен- «ному произволу и сообразно съ личными своими вы- «годами, однимъ словомъ, еще повторяю, безъ хоро- «шей нравственности безполезны будутъ всѣ усилія «къ искорененію злоупотребленія и возстановленія «правосудія и порядка въ судахъ.

«Я распространюсь еще болѣе о семъ предметѣ. — «Предположимъ, что примѣры строгости съ изобли- «ченнымъ въ лихоимствѣ и бдительный надзоръ по- «ложутъ преграду и обуздаютъ наглость и безстыд- «ство во взяткахъ; но какія средства употребить къ «уничтоженію другаго рода — моральнаго лихоимства, «или лицепріятія, то есть, происходящаго отъ угодли- «вости могущимъ людямъ и проч., что объяснено мною «выше.»

«Чтобы противоборствовать сему, должно судьѣ «имѣть самую чистую душу, благородный, возвышен-«ный образъ мыслей и непоколебимое стремленіе къ «добру; но для пріобрѣтенія сихъ доблестныхъ «свойствъ, надобно, чтобы судья получилъ воспитаніе «и образованіе, основанное на правилахъ благочестія и «христіанской вѣры; должно, чтобы съ самаго дѣт-«ства внушено въ него было, что справедливый и без-«корыстный судья есть истинный герой добродѣтели, «и что онъ во мнѣніи людей благомыслящихъ, не толь-«ко можетъ сравниться, но даже превзойтить воина, «жертвующаго жизнію на полѣ брани. — Дѣйстви-«тельно, ежели разсмотрѣть во всѣхъ отношеніяхъ чер-«ты величія духа воина и судьи, мы удостовѣримся, «что сему послѣднему надобно имѣть гораздо болѣе «неустрашимости и твердости духа, чѣмъ воину, кото-«рый, подвергаясь опасностямъ, въ то же самое время «наслаждается и наградою, тогда какъ судья, имѣю-«щій возвышенную, благородную душу, долженъ про-«тивоборствовать соблазнамъ, не устрашаясь мести и «угрозъ людей могущественныхъ, бывъ свыше вся-«кихъ и дружественныхъ и родственныхъ связей, «словомъ, жертвуя всѣмъ для соблюденія правосудія «и законовъ, можетъ найтить возмездіе и утѣшеніе «единственно только внутри души своей. — Слава его «ограничивается тѣснымъ кругомъ тѣхъ, кому онъ «сдѣлалъ добро, избавилъ отъ угнетенія и отдалъ «справедливость; но еще повторяю, чтобы снискать «сіи возвышенныя доблести, чтобы познать настоя-«щее и достойное предназначеніе человѣка въ здѣш-

«ней жизни, должно съ самаго нѣжнаго дѣтства вну-«шить и укрѣпить въ немъ истинныя понятія о свой-«ствахъ чести и справедливости, слѣдовательно, ежели «не въ наше время, то хотя, чтобы грядущее поколѣ-«ніе имѣло по возможности безпристрастныхъ и без-«корыстныхъ судей, должно предварительно обратить «вниманіе на улучшеніе общественной нравствен-«ности...

«Но прежде изложенія мыслей моихъ, какія, по «мнѣнію моему, должны быть предприняты мѣры къ «улучшенію вообще народной нравственности и къ по-«степенному искорененію лихоимства, признаю нуж-«нымъ представить краткое изображеніе моральныхъ «свойствъ Русскихъ дворянъ*), вступающихъ въ граж-«данскую службу, также и сословія нижнихъ приказ-«ныхъ служителей, или подъячихъ.»

«Не говоря о дворянахъ, воспитывающихся въ ка-«детскихъ корпусахъ и другихъ учебныхъ заведе-«ніяхъ, гдѣ приготовляются они единственно къ воен-«ной службѣ, ограничиваюсь однимъ взоромъ на «тѣхъ дворянъ, которые воспитываются дома или въ «частныхъ пансіонахъ. — Молодые люди, едва дости-«гнувъ до 17 или 18 лѣтъ, имѣя еще весьма поверх-«ностныя познанія, ибо они оканчиваютъ уже ученіе «свое, когда наступаетъ только время для пріобрѣ-«тенія основательныхъ и прочныхъ свѣдѣній въ нау-«кахъ, безъ твердыхъ правилъ, съ самою колеблю-

*) Напоминаемъ, что все это писано слишкомъ за 50 лѣтъ тому назадъ.

«щеюся нравственностію, и въ ту эпоху человѣческой «жизни, когда возникаютъ страсти и начинаютъ обу«ревать душу человѣка, спѣшатъ они почти рѣши«тельно всѣ вступить въ военную службу, но часто «вскорѣ выходятъ въ отставку. — Лѣтъ въ 25 окан«чиваютъ уже они поприще служенія своего и поль«зуются свободою. Въ семъ новомъ родѣ жизни, не «бывъ пріучены съ малолѣтства къ полезнымъ заня«тіямъ, или къ хозяйству, не имѣя никакихъ свѣдѣ«ній и просвѣщенія, которыя могутъ усладить жизнь «человѣка въ уединеніи, тяготятся они сами своимъ «существованіемъ, влачатъ жизнь въ бездѣйствіи, или «въ распутствѣ и роскоши, разоряются и дѣлаются не«только безполезными, но даже вредными членами «общества; тогда нѣкоторые изъ нихъ, промотавъ имѣ«ніе, рѣшаются, по необходимости, для поправленія «своего благосостоянія, вступить въ гражданскую «службу, или ищутъ по выборамъ мѣстъ исправни«ковъ, судей и засѣдателей. Чего хорошаго и добраго «ожидать отъ такого класса людей?»

«Очень и очень немного изъ Русскихъ дворянъ, по«лучивъ хорошее воспитаніе и основательныя позна«нія въ наукахъ, предпочитаютъ службу граждан«скую военной; но и тѣ вступаютъ въ должности въ «Петербургѣ и Москвѣ, между тѣмъ губернскія, и въ «особенности, уѣздныя присутственныя мѣста, напол«нены дворянами, не только самой дурной нравствен«ности, но не имѣющими никакаго понятія о законахъ. «Одно только имъ извѣстно и есть настоящая цѣль «ихъ службы: брать взятки и какъ можно поскорѣй

«наживаться. Вотъ безпристрастное и, смѣло могу ска-«зать, вѣрное изображеніе большей части Русскихъ «дворянъ, посвящающихъ себя гражданской службѣ; «но еще ужаснѣе, въ отношеніи къ нравственности, «представляется воззрѣніе на приказныхъ служите-«лей, или подъячихъ, въ число коихъ помѣстить дол-«жно и секретарей, ибо они достигаютъ до сего званія «изъ того же сословія.»

«Во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ занимаютъ «должности сіи, или семинаристы, или потомки тѣхъ «же подъячихъ. — Вступившіе въ свѣтскую жизнь изъ «духовнаго званія еще имѣютъ хотя нѣкоторую тѣнь «просвѣщенія, но и тѣ, и другіе, не бывъ обузданы «ничѣмъ, не имѣя понятія о правилахъ чести и ви-«дѣвъ возможность, черезъ взятки, вести родъ жизни «лучше прежняго, и вмѣстѣ съ тѣмъ, не имѣя твердости «духа жить сообразно съ тѣмъ состояніемъ, въ кото-«ромъ они по рожденію своему поставлены, хотятъ «подражать въ роскоши и мотовствѣ дворянамъ; сло-«вомъ, чтобы нажить поболѣе денегъ, почитаютъ по-«зволительными всякія средства. — Ябеда и крючко-«творство представляютъ всѣ удобства къ тому. Не-«вѣжество*), незнаніе законовъ, безпечность и лѣнь

*) «Во многихъ палатахъ и судахъ присутствующіе не «умѣютъ сами написать никакой резолюціи по дѣламъ; все со-«чиняютъ для нихъ секретари, а они только переписываютъ «своею рукою въ докладные реестры то, что придумываютъ за «нихъ секретари. Въ нѣкоторыхъ уѣздныхъ и земскихъ судахъ «не соблюдается даже та проформа, чтобы дѣла и просьбы «были докладываемы въ присутствіи, какъ то по закону слѣ-«дуетъ. Секретарь распечатываетъ бумаги и въ тоже время самъ «кладетъ резолюцію, приготовляетъ журналы, и ежели стряпчій

«начальниковъ ихъ даютъ имъ возможность подвизаться «съ успѣхомъ на семъ постыдномъ поприщѣ. Можно «представить разительные примѣры пренебреженія «къ законамъ и безстыдной дерзости въ лихоимствѣ ме«жду ими.»

«Впрочемъ все вышеписанное относится къ званію «секретарей, повытчиковъ и прочихъ высшихъ при«казныхъ служителей; что жъ касается до писарей, «или до низшаго званія подъячихъ, то надобно еще «усугубить изображеніе злонравія и разврата въ семъ «классѣ. Они уже рѣшительно не имѣютъ никакого по«нятія о первыхъ обязанностяхъ честнаго человѣка, «родившись и бывъ воспитаны среди ябедниковъ, пья«ницъ и взяточниковъ; лишь только достигаютъ до «возраста 8 или 10 лѣтъ, то даже и грамотѣ, въ чемъ «и состоятъ всѣ ихъ познанія, начинаютъ учиться въ «судахъ, гдѣ ничего болѣе не видятъ и не слышатъ, «какъ взятки, безпрестанныя взятки за все. Начавши «такимъ образомъ жизнь въ сферѣ лихоимцевъ, бывъ «свидѣтелями ухищренія ябедниковъ, получивъ пер«выя впечатлѣнія въ юности въ кругу людей развратныхъ, въ семъ, можно сказать, вертепѣ разбойниковъ, «весьма естественно, что никакое хорошее чувство не

«съ нимъ въ ладу, то дѣлаетъ и исполненіе, а присутствующіе «только подписываютъ журналы. Такимъ образомъ секретарь «есть и судья и производитель дѣлъ, все отъ него зависитъ, а «что секретари не могутъ имѣть хорошей нравственности, то «доказано выше сего. Деньги, деньги и деньги всему пружина; «у кого они есть, тотъ имѣетъ полное право предпринять ябед«ническіе процессы, съ твердою увѣренностію въ успѣхѣ, мо«жетъ свершать самыя беззаконныя дѣла, не страшась нака«занія.»

«можетъ проникнуть въ души, погрязшія и закоренѣ-«лыя въ порокахъ. – Такимъ образомъ проводятъ они «всю жизнь и оставляютъ по себѣ потомковъ, которые «идутъ тою же стезею.

«Изображеніе сіе не покажется преувеличеннымъ «тому, кто знаетъ Россію и имѣлъ какія либо дѣла «въ присутственныхъ мѣстахъ, въ особенности же, въ «губернскихъ и уѣздныхъ городахъ; но еще повто-«ряю, лихоимство не можетъ быть искоренено однимъ «разомъ: должно дѣйствовать постепенно и я, одушев-«вленный пламеннымъ желаніемъ быть полезнымъ «моимъ соотечественникамъ, излагаю слѣдующія мои «по сему предмету мысли и предположенія, которыя, «какъ мнѣ кажется, бывъ обдуманы и объяснены людь-«ми, болѣе меня свѣдущими и опытными, могутъ дѣй-«ствительно быть полезны...

«Россія оружіемъ своимъ, отличною храбростію, не-«устрашимостію и мужествомъ сыновъ своихъ пріо-«брѣла всеобщее уваженіе и славу. Войско и весь «составъ военной службы доведены до вышней сте-«пени совершенства. Теперь настала эпоха употребить «всѣ усилія къ тому, чтобы внутреннимъ благоустрой-«ствомъ, возстановленіемъ правосудія, искорененіемъ «злоупотребленій, словомъ, хорошимъ гражданскимъ «управленіемъ, стать на чреду съ прочими государ-«ствами въ Европѣ.

«Судьба Россіи шествовать исполинскими шагами къ «усовершенствованію во всѣхъ отношеніяхъ. Еще не «прошло столѣтія (писано въ 1786 году) съ тѣхъ поръ, «какъ Великому преобразовательно и благодѣтелю Рос-

«сіи Петру Первому предоставлено было благимъ «Провидѣніемъ извлечь насъ изъ мрака невѣжества и «предразсудковъ. – Великую Екатерину, истинную, «чадолюбивую мать Отечества, очевидно тотъ же Бо«жій промыселъ предназначилъ слѣдовать по стопамъ «Петра Перваго. Царствованіе Ея уже ознаменовано «столь многими опытами величія духа, познанія ис«тинныхъ выгодъ Россіи и любви къ подданнымъ. Да «продлитъ милосердый Богъ жизнь Ея на многія лѣта, «для благоденствія любезнаго нашего отечества....

Подлинное подписалъ губернскій предводитель

АНАТОЛІЙ РАДУШИНЪ.

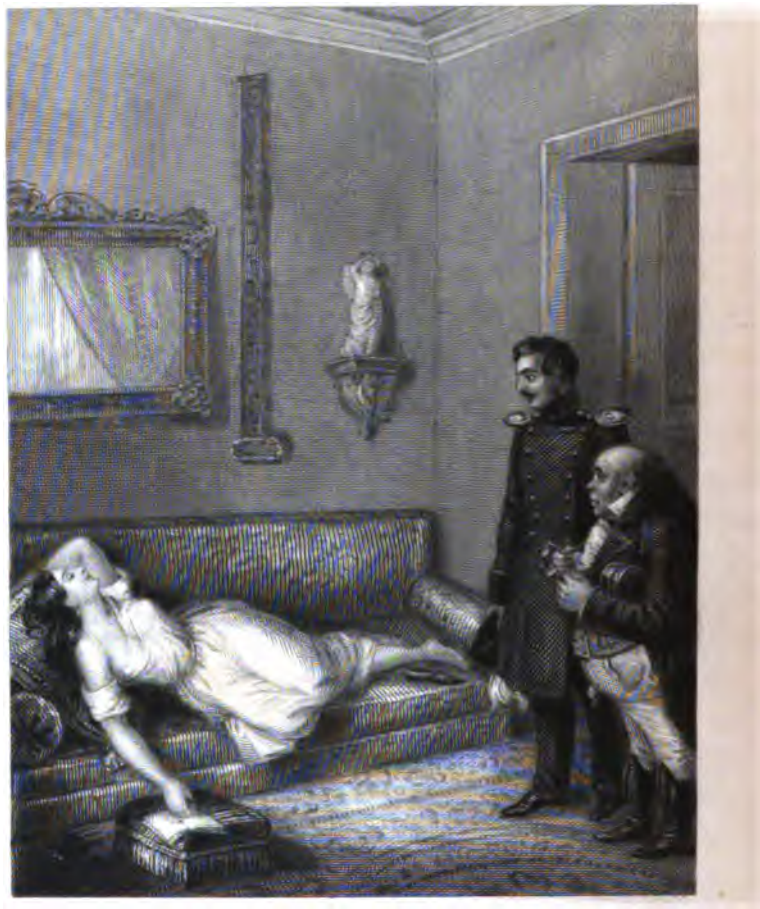
Истина и справедливость словъ почтеннаго автора записки, что «судьба Россіи шествовать исполинскими «шагами къ усовершенствованію во всѣхъ отноше«ніяхъ,» оправдывается самимъ событіемъ. Еще повторяю, что ежели сообразить и вспомнить, *что* и *какъ* было въ ту эпоху, когда была писана записка, то есть, съ небольшимъ за 50 лѣтъ тому назадъ, и сравнить съ настоящимъ временемъ, то мы съ изумленіемъ увидимъ чудеснѣйшее, невѣроятное измѣненіе и улучшеніе нравственности во всѣхъ сословіяхъ.

M. Maprnalz

N. Chapman

ПИННА.

ПОВѢСТЬ.



мистръ всѣми чувствами принадлежалъ подножному

ЛИНИЯ.

Въ опрятной комнатѣ большаго помѣщичьяго дома, у растворенного окна, сидѣли двое кавалерійскихъ офицеровъ: одинъ молодой и румяный, другой блѣдный и съ просѣдью; румяный былъ — поручикъ Гридневъ, блѣдный—ротмистръ Холмовскій, «мужъ твердый въ дѣлѣ ратномъ и цѣломудріи,» сказала бы исторія, а я скажу—лихой рубака, командиръ непобѣдимаго эскадрона, обладатель неприступнаго сердца, которое не загоралось и не таяло отъ электрическихъ взглядовъ изысканнаго кокетства, которое ни разу не запуталось въ распущенныхъ кудряхъ простодушной молодости, которое не тонуло въ душистыхъ, полупрозрачныхъ волнахъ бальнаго газа, не скользило по атласнымъ выпуклостямъ женской таліи, и которое — наконецъ, какъ вещь негодная къ употребленію, давно уже валялось въ эскадронномъ цейгаузѣ, то есть, въ груди ротмистра.

Оба товарища задумчиво вдыхали свѣжій воздухъ сентябрскаго полудня — яснаго безъ зноя, прохладнаго безъ сырости; но думы ихъ были различны: ротмистръ всѣми чувствами принадлежалъ подножному

продовольствію своего эскадрона; поручикъ тонулъ въ волшебныхъ мечтахъ любви.

— Что это за чудное созданіе женщина! вскричалъ онъ, въ сильномъ волненіи, и началъ ходить по комнатѣ.

«Хорошая вещь! отвѣчалъ ротмистръ, сведенный восклицаніемъ поручика съ самой высоты сѣновала, очень хорошая вещь! только не въ первой половинѣ ея жизни.»

— Ужъ не тогда ли, какъ она успѣетъ сдѣлаться справочнымъ архивомъ всѣхъ мѣстныхъ глупостей?

«Когда она перестанетъ быть собственно-женщиной и превратится въ человѣка! А до этой эпохи все женское народонаселеніе только мѣшаетъ нашему брату заниматься дѣломъ.»

— Скажи лучше — службою: это будетъ совершенно похоже на тебя. Но, извини меня, я съ тобою не согласенъ. По моему, перломъ женскаго пола можетъ назваться исключительно одна вдова — молодая, свѣтская вдова. О, это очарованіе! это полное самобытное существо, вооруженное всѣми средствами къ побѣдѣ надъ нами! Самые маневры противъ этого обворожительнаго демона есть уже неизъяснимое наслажденіе! Кто можетъ въ такомъ совершенствѣ постигнуть всѣ оттѣнки утонченнаго искусства нравиться и такъ смѣло пользоваться имъ — какъ вдова? Она однимъ движеніемъ можетъ привести въ отчаяніе, и однимъ взглядомъ заставитъ стыдиться самаго себя; непостижимая, разнообразная, своевольная, она — то со всѣми надеждами ускользаетъ изъ рукъ на самой границѣ

блаженства; то сизокрылой ласточкой вьется къ обиженной душѣ и льнетъ къ ней противъ воли; то, гордая, безотвѣтно внимаетъ кипучимъ рѣчамъ любви; то вдругъ неумолкаемой малиновкой щебечетъ сладкія пѣсни сердцу; то...

«Послушай, любезный Владиміръ Петровичъ, что ты хочешь — шалить, или жениться? скажи откровенно?»

— Можно ли отвѣчать за будущее? Сколько шалостей кончилось сватьбою, и сколько предположенныхъ сватебъ ограничилось однѣми шалостями.

«Конечно, волокитство — дѣло извинительное въ твои лѣта; но только будь остороженъ, не распускай поводьевъ: вдова-кокетка хуже дикаго жеребца — закуситъ и поминай какъ звали! А если ты хочешь жениться, пріискивай-ко лучше солидную, хорошенькую дѣвушку съ порядочнымъ состояньецемъ, изъ которой могла бы выйти и вѣрная жена, и добрая мать, и хорошая хозяйка; тогда, не смотря на ея цвѣтущія лѣта, я первый признаю ее за полезнѣйшее звено въ цѣпи человѣчества, и отъ души поздравлю тебя съ находкой.»

— Перестань, ради Бога, Сергѣй Трофимычъ! Ты ужасно похожъ на резонера въ комедіи, писанной лѣтъ за-триста. Что за радость, подъ перекрестными выстрѣлами наставителей и наставницъ овладѣть какой нибудь сентиментельной вздыхательницей — этимъ неяснымъ абрисомъ чего-то будущаго, этой первой частью многотомной поэмы, въ которой самъ чортъ не угадаетъ ничего по началу! Да я вовсе и не думаю

о женитьбѣ; я гонюсь за удовольствіями молодости и охотно призналъ бы замужнюю кокетку прекраснѣшею цѣлью для волокитства того, кто не хочетъ невзначай обабиться и жалѣетъ пропустить въ бездѣйствій золотое время первой молодости, — но это фальшивый маякъ, къ которому, не подойдя еще на вѣрный выстрѣлъ, можно столкнуться съ мужемъ и получить трещину въ черепѣ, что отнюдь не относится къ удовольствіямъ жизни. Но вдова...

«Часто самая ужасная пытка, которая хватаетъ жертву прямо за сердце, томитъ ее медлительными муками, постепенно обливаетъ передъ нею чернымъ ядомъ предметы нравственнаго наслажденія, и освобождаетъ ее — только для проклятій всему, что создано радовать человѣка.»

— Ухъ, какъ это страшно! Однако жъ, я не труся поднялъ перчатку заколдованнаго непріятеля, который и обольщаетъ, и жалитъ, и подкупаетъ умильными взглядами, и палитъ огнемъ глазъ не хуже конгревовой ракеты.

«Увидимъ, чѣмъ все это кончится.»

— Разумѣется, или побѣдой, или — натурально — щелчкомъ въ носъ.

«Хорошо, если только щелчкомъ! А когда тебя возьмутъ за носъ калеными тисками и доведутъ вплоть до отчаянной чахотки, или самоубійства...»

— Надобно не имѣть разсудка, чтобы допустить себя до этого!

«Стара штука, любезный! Разсудокъ въ сторону — когда разыграются чувства, когда разбушуется бѣше-

ное самолюбіе, въ которомъ у тебя ровно такой же недостатокъ, какъ у твоей Пинны въ кокетствѣ.»

— И то и другое не порокъ: мужчина безъ самолюбія, а женщина безъ кокетства — похожи на выгорѣлый спиртъ.

«Такъ; но хорошо, если то и другое направлено къ доброй цѣли; а твоя сирена мучитъ тебя для того только, чтобы твоимъ бѣшенствомъ мѣрять силу своихъ прелестей. Короче, ты сдѣлаешь самый неоцѣненный подарокъ графинѣ, если застрѣлишься отъ любви къ ней.»

— Ты не знаешь Пинны и винишь ее по наслышкѣ.

«Очень знаю, даже болѣе — чѣмъ ты. Мужъ ея, покойный графъ Сурскій, былъ со мною очень коротокъ: я вблизи видѣлъ его и счастливымъ женихомъ и злополучнымъ мужемъ — да, злополучнымъ! Этотъ рѣдкій образецъ какой-то допотопной уступчивости въ семейномъ кругу, эта олицетворенная доброта, это веселое, простодушное созданіе, какого я не встрѣчалъ въ жизни, — въ два года супружества, — высохъ, позеленѣлъ, впалъ въ ипохондрію и отправился на тотъ свѣтъ, оставя долговъ едва не вдвое ли противъ имѣнія, если не огромнаго, то весьма значительнаго. Вотъ твоя Пинна! Теперь она, какъ паукъ, раскидываетъ радужныя сѣти, и отвѣчаю — что схватитъ какого-нибудь золотаго комара, котораго ей станетъ опять года на два.»

— Графиня не такая женщина, чтобы кинулась на богатство!

— «Именно — такая.»

— Я не богатъ, а если бы ты видѣлъ, какъ она...

«Водитъ тебя за носъ?»

— Водитъ за носъ! Ну, положимъ, по твоему, водитъ; но, согласись, что не безъ цѣли же?...

«Съ цѣлью, — чтобы имѣть лишняго поклонника, которые необходимы для ея самолюбія столько же, какъ для насъ верховыя лошади; и чѣмъ ихъ больше, тѣмъ лучше.»

— Ошибаешься, добрый мой Сергѣй Трофимычъ, ошибаешься: она любитъ меня всѣмъ объемомъ своей поэтической души; мои чувства даже слишкомъ слабы, чтобы отплатить ей равносильной любовью.

«Хорошо, если это правда!»

Тутъ вошелъ въ комнату офицеровъ — постояльцовъ ихъ почтенный хозяинъ, Иванъ Лукичъ Пыпинъ, отставной корнетъ ополченія, человѣчекъ лѣтъ пятидесяти. Если бы у Ивана Лукича отнять ноги и голову, онъ непремѣнно покатился бы по полу — такъ была шарообразна его середина; голова его, эта, по видимому, излишняя вещь для Ивана Лукича, была крайне занимательно присажена къ туловищу, такъ — что надъ спиною помѣщика виднѣлась одна только лысина, а весь портретъ его казался нарисованнымъ на груди и былъ отмѣнно цвѣтистъ; впрочемъ, неважной рисовки, въ родѣ — Китайской. Коротенькія ножки Ивана Лукича славились тѣмъ, что на нихъ невозможно было опредѣлить съ точностію колѣна: онѣ вовсе не гнулись; и потому Иванъ Лукичъ имѣлъ свою собственную походку, важную, обстоятельную. Образъ жизни Ивана Лукича не отличался никакими рѣзкими

особенностями въ быту мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ-холостяковъ: онъ существовалъ, самъ не зная для чего; господствующее чувство его было позывъ на пищу; въ жертву этому чувству подавалась, обыкновенно, уха изъ налима и жареный лещь домашняго лова, а потому Иванъ Лукичъ и утверждалъ, что нѣтъ въ свѣтѣ рыбы хуже лещей и налимовъ. Удовлетворя потребности чувствительнаго желудка, Иванъ Лукичъ уже ни о чемъ много не заботился; онъ былъ чрезвычайно счастливъ, имѣя одинъ ватный халатъ для всегдашняго употребленія, одного слугу для починки того же халата, и двухъ ключницъ для всякаго домашняго обиходу.

Такъ началъ житье — бытье почтеннѣйшій Иванъ Лукичъ, будучи самымъ ничтожнымъ владѣльцемъ; почти такъ же продолжалъ его и теперь, получа неожиданно чуть не милліонное наслѣдство.

Перемѣстясь изъ кануры въ палаты, Иванъ Лукичъ хотѣлъ было зажить на славу, но не съумѣлъ: всѣ его настоящія затѣи ограничились опалой налимовъ и лещей и употребленіемъ по праздничнымъ днямъ сладкой водки, а будущія - остановились на пріобрѣтеніи третьей ключницы и побывкѣ въ Москвѣ. Дневныя же занятія Ивана Лукича шли совершенно прежнимъ порядкомъ: онъ, какъ и всегда, передъ завтракомъ разбиралъ ссоры своихъ ключницъ и непремѣнно мирилъ ихъ, безъ того ему не давали завтракать; передъ обѣдомъ выходилъ въ поле хозяйничать, то есть, бранить работниковъ — не за вину какую, а такъ, чтобы впередъ были еще усерднѣе; потомъ возвра-

щался, пилъ водку и ложился спать; во время сна, одна изъ ключницъ была обязана махать надъ барномъ липовой хворостиной, чтобы не безпокоили его мухи; просыпался же онъ къ вечернему самовару и долго пилъ чай изъ большой фаянсовой кружки въ прикуску, а когда уже не хотѣлъ болѣе чаю, то оборачивалъ кружку вверхъ-дномъ и на дно клалъ остатокъ сахару; послѣ чаю онъ обыкновенно зѣвалъ, ожидая заката солнца, чтобы снова завалиться спать. По субботамъ Иванъ Лукичъ постоянно ходилъ въ баню, приказывалъ тамъ наподдавать какъ можно жарче, но не парился — а такъ любилъ подремать въ жару часикъ-другой, на сѣнномъ тюфякѣ; потомъ брился, окачивался и по приходѣ домой выпивалъ всегда стаканъ квасу со льдомъ. Иванъ Лукичъ не забывалъ и долга христіанскаго: онъ каждое воскресенье ѣздилъ къ обѣдни, или, лучше сказать, къ проповѣди — Иванъ Лукичъ не могъ выстоять цѣлой обѣдни; онъ любилъ ужасно проповѣди, и слушалъ ихъ съ благоговѣніемъ, сложа руки на животѣ, наклоня голову и зажмуря глаза; нѣкоторые утверждали, что онъ въ это время спалъ, — но это клевета: онъ благоговѣлъ.

Появленіе хозяина между постояльцами изумило ихъ обоихъ: и тотъ и другой не могли отдѣлить идеи о Иванѣ Лукичѣ отъ его халата, а онъ вдругъ, и не въ праздничный день, предсталъ передъ ними разодѣтый впухъ — по его разумѣнію. Исподнее платье Ивана Лукича было изъ оранжевой нанки, съ бантомъ и двумя карманами, изъ которыхъ въ одномъ полувмѣщался клѣтчатый платокъ домашней мануфак-

туры, а въ другомъ топырилась огромнѣйшая табакерка съ изображеніемъ барышни, играющей на гитарѣ; лакированные полусапожки съ сердцеобразными выемками спереди и шелковыми кисточками довершали исподнюю одежду помѣщика; подымемся выше: сѣрый фракъ, застегнутый двумя нижними пуговицами, былъ на ладонь короче ситцевой жилетки, испещренной разными фигурами, а потому видимая часть ея перегибалась широкой полосой черезъ весь шарообразный животъ Ивана Лукича, наподобіе эклиптики; эту эклиптику пересѣкала отвѣсно бисерная тесьма съ часовымъ ключомъ и увѣсистой серебряной печатью, на которой былъ изображенъ пустой горшокъ съ надписью: «хоть пустъ горшокъ, да самъ большой!» Ивана Лукича подозрѣвали въ сочиненіи горшка и надписи, но онъ отрекся, называя печать свою фамильною. Окончательное украшеніе Ивана Лукича состояло изъ двухъ рядовъ перпендикулярно-поставленныхъ на груди брижей-мелкихъ, очень похожихъ на свинующетину, и пунсоваго поджилетника. О галстухѣ сказать нечего; по причинѣ краткости шеи помѣщика, его можно было разсмотрѣть не иначе, какъ присѣвъ на корточки, что не согласуется съ тономъ хорошаго общества; и потому галстухъ остается покрытымъ мракомъ неизвѣстности и подбородкомъ Ивана Лукича.

— Мое почтеніе, Сергѣй Трофимычъ, поздравляю васъ съ добрымъ утромъ! сказалъ хозяинъ, подходя къ ротмистру, поклонился и подалъ ему руку.

— Мое почтеніе, Владиміръ Петровичъ, поздравляю васъ съ добрымъ утромъ! повторилъ онъ, оборотясь къ поручику, поклонился, подалъ ему сперва руку, а потомъ конвертъ, примолвя: *куверть* отъ вашего полковника — сейчасъ принесъ служивый. Важный служивый! — Какъ онъ мнѣ подалъ бумагу! какъ проговорилъ отъ кого и къ кому! какъ повернулся! — Нечего сказать, натуральный мужчина! — Нехотя велѣлъ попотчивать его ерофеичемъ.

«Что такое?» спросилъ ротмистръ.

— Мой отпускъ, отвѣчалъ поручикъ, пробѣжавъ бумагу. Дѣлать нечего, надобно ѣхать! надобно потѣшить отца! Слава Богу, что не на долго просился...

«А скоро ли думаешь отправиться? Чай, мѣсяца черезъ два?»

— Завтра.

«Честное слово?»

— Да.

«Будетъ же тебѣ извѣстно и вѣдомо, что завтра — волей, или силой — я тебя непремѣнно спроважу.»

— Изволь. Однако жъ надо съѣздить проститься... Отобѣдаемъ скорѣй — и къ дѣлу! Люди, накрывайте столъ!

— Что это вы, почтеннѣйшій Иванъ Лукичъ, такъ принарядились? Ужъ не случилось ли съ вами чего нибудь чрезвычайнаго? спросилъ ротмистръ, взявши хозяина за руки.

— «Никакъ нѣтъ-съ! Просто маленькое желаньице навѣстить нашу сіятельную сосѣдку.»

— Вотъ чортъ угораздилъ собраться! подумалъ поручикъ, и шепнулъ товарищу, чтобы удержалъ его; но безполезно: даже предложеніе сыграть въ шашки не имѣло успѣха; Иванъ Лукичъ выбрился безъ очереди, слѣдственно, уже никакая сила не могла удержать его. Онъ съ большимъ трудомъ согласился отобѣдать у офицеровъ, и то съ условіемъ, чтобы тотчасъ же послѣ стола отправиться съ Владиміромъ Петровичемъ къ *госпожѣ графинѣ*.

Обѣдъ кончился. Поручикъ, застегнувъ послѣднюю пуговицу сюртука, спросилъ шляпу. Онъ, конечно, могъ бы ѣхать и въ фуражкѣ, — но Пиннѣ нравился бѣлый султанъ...

Помѣщикъ держался за ручку дверей, ожидая поручика, и переступалъ съ ноги на ногу отъ нетерпѣнія.

«Что это вамъ такъ захотѣлось навѣстить миленькую вдовушку?» вскричалъ ротмистръ, глядя на хозяина. «Пошаливать начинаете, достопочтеннѣйшій Иванъ Лукичъ... А?»

— Помилуйте-съ! отвѣчалъ помѣщикъ улыбаясь, и началъ натягивать на уши плюшевый картузъ съ мишурнымъ галуномъ вмѣсто околыша.

«Что тутъ миловать: нравится злодѣйка?»

— Конечно, госпожа графиня особа статная, разговариваетъ очень умно, такіе у нея благородные повороты, все ей какъ-то чрезвычайно свойственно; но чтобы, такъ сказать... Нѣтъ!... Ну, право-съ, нѣтъ!

— «А почему бы вамъ, этакъ, не присвататься?»

– Конечно, по милости Божіей, я мы нынче не изъ послѣднихъ въ губерніи: имѣемъ тысячь до пяти-сотъ рублишковъ вналичности, да сотъ семь съ половиной душенокъ въ отдѣльной межѣ, чистыхъ, то есть, не забастованныхъ ни въ Приказѣ, ни въ какомъ другомъ кредитѣ, зажиточныхъ — отъ хлѣба засѣки ломятся; да и домишко-то у насъ, сами изволите видѣть, недуренъ – хоть бы графу какому жить; а сколько еще начтется всякой всячины: свои людишки платки работаютъ (онъ значительно утерся), дѣлаютъ и салфеточное тканье; простаго же холста не перемѣряешь! Какой другіе со славой на рубашкахъ носятъ, у насъ такой и на исподнія потребности бракуется. И птичная часть у насъ не въ упадкѣ, и доморощенныя свиньи водятся, и рогатаго скота можемъ предъявить!... Но – Нѣтъ!... Ну, право-съ нѣтъ! – И въ помышленіи не было. .

Гридневъ, охорашиваясь передъ зеркаломъ, не могъ воздержаться отъ улыбки.

«Иначе улыбнешься, пріятель, шепнулъ ему ротмистръ, если дуралею вспадетъ охота жениться.»

Поручикъ сдѣлалъ презрительную гримасу, набросилъ шинель, и вскорѣ два соперника, не подозрѣвая другъ друга, засѣли въ тростниковую бричку помѣщика.

Иванъ Лукичъ, не желая безъ надобности измѣнять ежедневной привычкѣ, заснулъ богатырскимъ сномъ на первой полуверстѣ; Гридневъ задумался, припоминая утренній разговоръ съ ротмистромъ; – и двѣнадцать верстъ спокойной дороги мелькнули не-

замѣтно для обоихъ; уже у самой мызы графини сильный толчекъ разогналъ мечты одного и сонъ другаго.

— Вотъ мы и пр... (продолжительный зѣвокъ) пріѣхали! Славнаго, однако жъ, мнѣ трезвона задало! А все оттого, что канавъ не роютъ; самая полезнѣйшая вещь канавы! — говорилъ Иванъ Лукичъ, щелкая двумя пальцами по табакеркѣ, и наконецъ, открывъ ее, подалъ товарищу, примолвя съ особенною учтивостію: «Не угодно-ли? — Бобковой-съ...» Новый толчокъ едва не вышибъ изъ рукъ табакерки съ барышней — и табакъ сильно залѣпилъ глаза помѣщику.

Гридневъ сдѣлалъ невольное движеніе испуга.

— Ничего-съ, ничего-съ, глаза чище будутъ! отвѣчалъ Иванъ Лукичъ, отряхаясь. А все оттого, что канавъ не роютъ!

Гридневъ внимательно разсматривалъ сосѣда, и готовъ былъ поклясться, что ни одна въ мірѣ изъ порядочныхъ женщинъ не рѣшится назвать его мужемъ, хотя бы вся его середина обратилась въ бриллiантовый шаръ.

— Опять нѣтъ канавы! Это непростительно! Я усматриваю, что госпожа графиня вовсе не свѣдуща по части канавъ.

«Она, быть можетъ, занята рытьемъ канавъ въ вашемъ сердцѣ,» смѣясь, замѣтилъ поручикъ, видя, что сосѣдъ его вытянулъ полисоны до самыхъ ушей и силился принять граціозную осанку.

— О, нѣтъ!... Ну, право-съ, нѣтъ! Конечно, госпожа графиня, такъ сказать, сильно способна буравить глазами... — Тутъ они въѣхали на дворъ. Иванъ Лукичъ

почтительно снялъ картузъ, проѣзжая мимо оконъ дома.

Пинна была одной изъ тѣхъ женщинъ, у которыхъ волоса трещатъ отъ электричества и сыплютъ огонь; ей минуло двадцать-шесть лѣтъ и не казалось менѣе: она была очень полна; но какая очаровательная полнота! — Строгая нравственность не могла видѣть графини въ бальномъ платьѣ: одного ея плеча было довольно, чтобы самые холодные глаза подернулись влагой удовольствія. Какъ же описать собственные глаза Пинны? Сказать — что они были огненные, большіе, черные, осѣненные прекрасными рѣсницами, это значитъ ничего не сказать! Скорѣе можно было ихъ уподобить бездонному омуту, въ которомъ равно погибали и веселость беззаботнаго юноши, и дѣятельность опытнаго мужа, и слабѣющій разсудокъ старика. Ни кисть, ни карандашъ не могли схватить ни одной черты съ правильнаго лица Пинны: неуловимое, оно могло назваться осуществленнымъ лексикономъ всѣхъ душевныхъ ощущеній. Розовыя губки графини раждали невольно идею о блаженствѣ поцѣлуя и заключали въ себѣ непонятную власть однимъ движеніемъ леденить и плавить, мертвить и воскрешать влюбленное сердце; ихъ выраженіе съ непостижимой быстротой и ясностью обличало всѣ оттѣнки гнѣва и милосердія, любви и презрѣнія, и часто въ одно мгновенье превращалось изъ ядовитой насмѣшки фуріи въ простодушную улыбку ангела. Зная Пинну, почти страшно было мечтать о прелести ея объятій: они дышали зноемъ Аравійскаго неба. Знала ли,

наконецъ, сама эта всесильная жрица любви неисчерпаемыя наслажденія обоюдной страсти? — Нѣтъ! И, быть-можетъ, потому — нѣтъ, что не нашла предмета, который бы не сотлѣлъ въ ея жгучихъ объятіяхъ, который бы самъ дохнулъ бурей Везувія на эту клокочущую Этну. Замужство Пинны случилось вовсе безъ участія сердца, и покойный графъ проклялъ ее на другой же день супружества, называя ее не по секрету безчувственнымъ мраморомъ. Въ свѣтѣ Пинна по справедливости называлась существомъ, созданнымъ для удовольствія рода человѣческаго: рѣзвая, увлекательная въ разговорѣ, шаловливая въ затѣяхъ, она всегда была окружена веселыми лицами и, дѣлаясь идоломъ мужчинъ, пріобрѣтала дружбу женщинъ, разумѣется, не ревнивыхъ женъ: эти видѣли въ ней заклятаго врага.

Вотъ слабый эскизъ Пинны. Ясно обрисовать ее невозможно столько же, какъ пересказать волшебныя движенія Тайльони.

Графиня, потерявъ съ кончиною мужа средства къ столичной жизни, перенесла остатки бывшей роскоши въ красивый домикъ маленькой своей деревеньки и сдѣлала изъ него совершенную игрушку: зала, гостиная, будуаръ были затѣйливы и милы, какъ декораціи Роллера. Къ этому-то домику подкатилась теперь тростниковая бричка.

«Барыня дома-съ! — Недавно изволила откушать!» кричалъ деревенщина лакей, ужасно обрадованный гостямъ, и, не думая доложить о нихъ графинѣ, принялся отряхать и развѣшивать шинели пріѣзжихъ;

они, между тѣмъ, вошли въ залу — тутъ не было никого; въ гостиной то же; будуаръ отворенъ; они заглянули въ будуаръ и оба приросли къ мѣсту: тамъ, противъ слабо-горящаго камина, на широкомъ штофномъ *ламе*, какъ очарованная, покоилась въ сладкой дремотѣ Пинна; гордо-приподнятое лицо ея выражало полное самодовольствіе и, какъ весна полуденная, роскошно убиралось розами подъ жаркимъ вліяніемъ сна; бирюзовая гребенка, обыкновенная корона обольстительницы, лежала на полу, и пышная коса, лишенная золотой преграды, темнымъ каскадомъ катилась съ атласной подушки на Персидскій коверъ; лѣвая рука Пинны, брошенная за изголовье, терялась въ душистомъ разливѣ кудрей, а правая, вмѣстѣ въ романомъ Бальзака, уроненная на вышивную скамью, — увлекла съ собою полу пеньоара и позволила видѣть, какъ прозрачный батистъ едва обуздывалъ своевольство напряженной груди, слабо скрывая отъ взоровъ наблюдателей ея великолѣпіе; бархатная фіолетовая туфля, украшенная серебромъ и рыбьей чешуей, валялась на *ламе*, а знакомая ей ножка, слабо обхваченная паутиной шелковаго чулка и выставленная болѣе, чѣмъ позволяетъ будуарное кокетство, сладострастно пряталась подъ кружевныя обшивки и терялась въ складкахъ снѣжнаго бѣлья.

Глаза поручика засверкали, увлажились, посоловѣли...

Глаза помѣщика становились только шире и шире: и, не смотря, что они стали гораздо чище отъ табаку, Иванъ Лукичъ досталъ очки, наскоро протеръ ихъ

рукавомъ, но, впопыхахъ, не могъ осѣдлать носа; промахнулся — и очки полетѣли на полъ.

— Кто тутъ? раздался голосъ, въ которомъ отражалась нѣга, достигшая разслабленія.

Отвѣта не было.

Пинна открыла глаза, вскрикнула, приподнялась, скрестя на груди руки...

Поручикъ притворилъ дверь, проговоря на-распѣвъ: извините! — Въ будуарѣ зазвенѣлъ ручной колокольчикъ.

Единственный остатокъ городской прислуги графини, всегда затянутая въ корсетъ Текла, какъ дьяволенокъ, проскользнула между гостями, исчезла въ будуарѣ, возвратилась, прощебетала встревоженнымъ посѣтителямъ: «Ея сіятельство проситъ васъ подождать минутку — *они* тотчасъ выйдутъ!» — и снова исчезла.

Поручикъ ходилъ большими шагами по діогонали залы, не говоря ни слова.

Помѣщикъ маленькими шажками двигался возлѣ стѣны и началъ понемногу разсуждать.

— Напрасно, говорилъ онъ, мы ее разбудили: хорошо, очень хорошо сдремнуть послѣ-обѣда! Я по себѣ знаю, какъ бываетъ непріятно, когда растолкаютъ не во-время: начнется головная боль, изгага, икота, на силу отопьешся квасомъ со льдомъ...

Поручикъ, будучи мыслями на седьмомъ небѣ, машинально остановился передъ Иваномъ Лукичомъ; тотъ принялъ безсмысленный взглядъ мечтателя за особенное къ себѣ вниманіе и продолжалъ: «Ну, пра-

во-съ, на-силу отопьешся! А средство, кажись, вѣрное. Знаете ли вы, что когда потянетъ душу икота, стоитъ только поднять голову кверху и, не переводя духу, сдѣлать девять глотковъ: — какъ рукой сыметъ! Вы не вѣрите? — Ну, право-съ!»

Поручикъ отвернулся.

— Извините, господа! сказала, выходя, хозяйка; извините, что вы меня такъ застали! — Я окружена ужасными невѣжами и схожу съ-ума отъ нихъ каждую минуту. — Она дружески пожала руку офицеру, улыбнулась Ивану Лукичу; но Иванъ Лукичъ былъ человѣкъ этикетный: онъ, не довольствуясь улыбкою, захотѣлъ подойти *къ ручкѣ*, и тотчасъ же, сдѣлавъ наскоро три *предварительные* поклона, приблизился — но, по извѣстной краткости шеи, не могъ подставить щеки: Пинна съ отвращеніемъ толкнула его носомъ въ лысину; Иванъ Лукичъ принялъ толчокъ за поцѣлуй и, совершенно довольный собою, уже не торопясь, выполнилъ три поклона *послѣдовательные*.

— Пойдемте, господа, ко мнѣ: здѣсь у меня теплѣе. — И она, завернувшись въ соболью съ золотыми шнурами кацавейку, граціозно бросилась на *пате*.

«Одинъ вашъ человѣкъ виноватъ, если мы васъ безпокоимъ,» сказалъ поручикъ, утопая въ вольтерѣ.

— Неаккуратный мужчина! замѣтилъ Иванъ Лукичъ; положилъ плюшевый картузъ на рабочій ящикъ хозяйки и сталъ спиною къ самому камину, расширя немного фалды.

«Что вы не сядете, Иванъ Лукичъ? Не хотите ли — возлѣ меня?»

— Покорно благодарю-съ, и то всю дорогу сидѣлъ!

«Зачѣмъ ты привезъ этого урода, Вольдемаръ?» спросила Пинна по-Французски.

Владиміръ объяснилъ какъ это случилось, а Иванъ Лукичъ раздулся: онъ не любилъ, когда при немъ говорили по-Нѣмецки (онъ всѣ иностранные языки называлъ Нѣмецкимъ), подозрѣвая, что рѣчь идетъ про его персону, и желая на этотъ разъ прервать поручика, спросилъ у графини: «А что это, сударыня, ваше сіятельство, значитъ на Русскомъ діалектѣ Вольдемаръ?»

— Поручикъ, — отвѣчала шалунья.

«Слушаю-съ. Такъ сдѣлайте одолженіе, господинъ Вольдемаръ, прекратите непонятный для меня разговоръ; покорнѣйше васъ прошу объ этомъ.»

— Какіе жъ вы подозрительные, Иванъ Лукичъ! вскричала Пинна, и подозрѣваете человѣка, который васъ такъ любитъ.

«Конечно-съ, Владиміръ Петровичъ-мужчина учтивый, но...»

— Но вы думали, что я могу позволить при себѣ насмѣшку надъ вами? — Стыдно, Иванъ Лукичъ, стыдно! Развѣ вы забыли, что мы съ вами друзья? О, вы ужасно виноваты передо мною! — Дайте-жъ ваше ухо...

Иванъ Лукичъ, съ самой масляничной рожей, подставилъ повелительницѣ длинное ухо; она прикоснулась къ нему двумя пальцами; но, замѣтя что-то непріятное на лицѣ Владиміра, бросила ему въ утѣшеніе легкую улыбку и вскричала, быстро приложа дру-

гую руку къ его щекѣ: «Какъ я зябну! Какія у меня холодныя руки! не правда-ли?...»

– Руки холодны – другое кой-что горячо-съ!... Хе! хе! хе!

«Браво! браво, Иванъ Лукичъ! – Да сядьте-же!»

– Не могу, ну, право-съ, не могу: въ собственныхъ вашихъ угодьяхъ такъ мнѣ натолкало поясницу, что дотронуться не даетъ! Приказали бы вы въ надлежащихъ мѣстахъ прорыть канавы, такъ и сами-то въ путешествіи облегчились бы, да и другіе-то...

«Кому я буду приказывать, Иванъ Лукичъ! вы знаете моихъ людей...»

– Большой премудрости не представляется, сударыня, и посредственный мужчина выполнить сіе можетъ, только стоитъ вразумить по-аккуратнѣе.

«А вотъ, если бъ вы потрудилися, крайне одолжили бы.»

– Съ превеликою моею готовностію!

«Человѣкъ! Ивану Лукичу угодно приказать что-то моему старостѣ: скажи, чтобъ онъ былъ готовъ.»

– Не премину-съ! не премину-съ! – Помѣщикъ вытащилъ изъ рабочаго стола графини кусокъ хлопчатой бумаги, скаталъ изъ нея два шарика и всунулъ въ уши.

«Не простудитесь, Иванъ Лукичъ!»

– Не безпокойтесь, у меня и картузъ съ ушками. Онъ взялъ картузъ.

«Смотрите же: я буду очень сожалѣть.»

– Будьте спокойны! кричалъ услужливый помѣщикъ уже изъ другой комнаты, и потомъ прибавилъ

вполголоса: ни одна еще ключница обо мнѣ такъ не заботилась!... хе!... хе!... хе!...

Онъ исчезъ.

«Вольдемаръ!»

— Пинна!

«Ты грустишь о чемъ-то?»

— Я завтра ѣду.

«Неправда; ты нарочно меня пугаешь...»

— Правда, Пинна; но я скоро, очень скоро ворочуся.

«Ахъ, ради Бога, скорѣе: я безъ тебя умру со скуки! Какъ жаль, что ты пріѣхалъ не одинъ, я бы хотѣла сегодня принадлежать исключительно тебѣ.»

— Только сегодня, Пинна?

«Ты повѣряешь каждое мое слово, Вольдемаръ! — И тебѣ не стыдно?...»

— Пинна!... Тутъ поручикъ устремилъ на нее самый испытующій взоръ и, ничего не выпытавъ, продолжалъ: — Истинно ли ты меня любишь, Пинна?

«Ты не стоишь отвѣта, неблагодарный! Смотри, какъ сильно въ твоемъ присутствіи трепещетъ это несчастное сердце!...» Она положила руку влюбленнаго къ себѣ на грудь: рука припаялась къ груди; сильный пожаръ вспыхнулъ въ крови поручика; багровое зарево разлилось по всему лицу его.

— Чѣмъ все это кончится! воскликнулъ Владиміръ, послѣ длинной паузы.

«Къ чему думать о концѣ пріятнаго чувства?»

— Ты не хочешь быть моею, Пинна? — И рука отпала отъ груди.

«Твоею, Вольдемаръ? Развѣ я не твоя? — Развѣ

у меня есть хоть одна мысль не принадлежащая тебѣ? Развѣ я не твоя вся до самаго біенія сердца?...» — Рука поручика хотѣла занять оставленное мѣсто, но ее не допустили.

— Ты не хочешь понимать меня, Пинна... Будь моею!...

«Женою? — Это лишнее: жизнь наша долга, для нея не станетъ мужскаго сердца, которое боится изступленной любви жены, какъ цвѣтокъ продолжительнаго зноя: ему нужна любовь неувѣнчанная... Я по опыту знаю замужство и не захочу въ другой разъ попробовать.»

— Но...

«Ни слова, Вольдемаръ! Я понимаю тебя и могу увлечься: я слабая женщина, а ты стоишь того, чтобы самое неприкосновенное существо для тебя забылось... Но неужели ты воспользуешься своими преимуществами? Неужели, въ награду любви моей, ты захочешь унизить меня до преступленія, подавить всю жизнь мою ярмомъ стыда и раскаянія? Нѣтъ, Вольдемаръ, ты на это не способенъ!»

— Такъ, Пинна, я не хочу быть твоимъ злодѣемъ! — Тутъ поручикъ упалъ къ ногамъ очаровательницы и разразился самымъ отчаяннымъ монологомъ, въ которомъ были — и небеса, и адъ, и надежды, и проклятія — и все, что можетъ только выдумать сумазбродная молодость подъ вліяніемъ любовной горячки; на монологъ послѣдовала реплика; противъ реплики опять монологъ — длиннѣй и сильнѣе перваго; опять реплика; опять монологъ; — и такъ далѣе, въ возрастаю-

щей прогрессіи силы и объема. Вся эта драматическая сцена заключилась стенящимъ возгласомъ Владиміра: «Будешь ли ты всегда любить меня, Пинна!...»

— Вѣчно! вѣчно! произнесла она по правиламъ декламаціи, и велѣла подавать самоваръ. Иванъ Лукичъ нашелъ ее уже за чайнымъ столикомъ.

— Понятливый мужчина вашъ староста! Тонкій мужчина! кричалъ помѣщикъ, вѣшая плюшевый картузъ на люстру и разряжая уши.

«Вы, вѣдь, изъ стакана кушаете чай, Иванъ Лукичъ?» спросила хозяйка.

— Изъ кружки-съ.

«Кружки нѣтъ; пейте изъ стакана.»

— Какъ прикажете-съ! Только, пожалуйте, одолжите въ-прикуску.

«Извольте.»

Иванъ Лукичъ придвинулся къ столу, вылилъ чай на блюдечко и началъ на него дуть.

Остатокъ вечера минулъ безъ примѣчательностей: поручикъ хранилъ глубокую думу, важную, Байроновскую; хватался за шляпу; но, подстрѣленный каждый разъ укоризненной улыбкой графини, оставлялъ шляпу. Иванъ Лукичъ, видя нетерпѣніе путеваго товарища, утверждалъ, что его Гордѣйко ловкій мужчина и никакъ не заѣдетъ въ канаву. Иванъ Лукичъ былъ совершенно въ духѣ; чело его лоснилось отъ удовольствія и сіяло какъ полнолуніе. На лицѣ хозяйки стояла перемѣнная погода въ угодность обоимъ поклонникамъ; для той же цѣли Пинна была молчалива: это нравилось мечтательности одного и давало свободу

говорить другому. Иванъ Лукичъ, вполнѣ завладѣвъ полемъ краснорѣчія, тотчасъ же обвелъ его широкими канавами, разбилъ на десятины, выпустилъ на него доморощенныхъ свиней, рогатый скотъ и принялся за всевозможное удобреніе. Кто знаетъ, чѣмъ бы онъ кончилъ! — но подали закуску. Помѣщикъ пріятно ухмылился, не видя опальныхъ лещей и налимовъ, и не преминулъ начиниться до *нельзя*. Поручикъ, напротивъ, даже не взялъ тарелки; онъ, покачиваясь на стулѣ, безмолвно созерцалъ графиню, какъ явленіе небесное, великолѣпное, но недосягаемое, и, казалось, позабылъ нѣмой языкъ любви, который такъ хорошо понимаетъ кокетство. Къ концу закуски явилось *кремань*. Хозяйка напѣнила свой бокалъ и выпила за здоровье и скорый возвратъ Владиміра. Онъ отблагодарилъ ее съ такимъ жаромъ, что рюмка хруснула въ судорожной рукѣ и со звономъ разлетѣлась по полу. — Иванъ Лукичъ сдѣлалъ гримасу, словно обрѣзался стеклами.

«Вамъ будетъ счастье!» замѣтила весьма значительно Пинна, наклонясь къ поручику.

— Да, отвѣчалъ Владиміръ, если не разлетится оно, какъ этотъ хрусталь...

«Иванъ Лукичъ, наливайте себѣ: за вами очередь.»

Иванъ Лукичъ, вмѣсто отвѣта, оборотилъ бокалъ вверхъ дномъ и принялся утверждать, съ достоинствомъ трезваго мужчины, что онъ не употребляетъ *ренскаго*.

Хозяйка скрипнула стуломъ, гости поднялися; одинъ началъ приглаживать уши; другой взялъ шляпу и,

натягивая перчатки, тихо предложилъ Пиннѣ смотрѣть луну во время разлуки. Она поклялась исполнить эту сантиментальную глупость, и оборотилась къ помѣщику, который уже приступилъ къ выполненію трехъ предварительныхъ поклоновъ.

Когда тростниковая бричка съ пассажирами тронулась отъ крыльца, въ гостиной распахнулось окно: въ немъ показалась, ясно озаренная луною, графиня; она, сдѣлавъ рукою прощальный знакъ Владиміру, устремила глаза на мѣсяцъ. Поручикъ болѣзненно потрясалъ шляпой, теряя изъ виду очаровательное явленіе, и долго, долго еще смотрѣлъ на одно и то же мѣсто, и не прежде, какъ самый домъ графини потерялся въ густотѣ сосѣдней рощи, онъ обратился къ свѣтилу... Тутъ влюбленное сердце дрогнуло мучительнымъ предчувствіемъ: въ луну, словно кровавое пятно, врѣзывалось затмѣніе; Владиміръ, робѣя, опустилъ глаза — передъ нимъ мелькало кладбище...

«Къ какой бы это бѣдѣ? вскричалъ помѣщикъ, увидя затмѣніе: не было бы рекрутчины – всѣхъ лучшихъ мужчинъ повыберутъ; либо, не выпалъ бы градъ, а у меня яровое не убрано... Господи, прости мое великое согрѣшеніе!» — Онъ перекрестился, но не могъ уснуть и промолчалъ всю дорогу, думая о рекрутчинѣ и яровомъ.

Ротмистръ съ нетерпѣніемъ ожидалъ запоздалыхъ посѣтителей *Петербургской сирены* и выбѣжалъ со свѣчей къ нимъ на встрѣчу, только-что услышалъ знакомый стукъ брички.

«Ну, что? ѣдешь завтра?» спросилъ онъ товарища.

— Ѣду чѣмъ свѣтъ!

«И прекрасно: лошади ужъ готовы.

Иванъ Лукичъ заговорилъ было о затмѣніи, но не захотѣлъ слушать противорѣчій, оставаясь въ твердой увѣренности, что случится бѣда поголовная, и поспѣшилъ уйти отъ невѣрующихъ беззаконниковъ.

«Прощайте, Сергѣй Трофимычъ, желаю вамъ спокойной ночи! Прощайте, Владиміръ Петровичъ, желаю вамъ спокойной ночи и пріятнаго пути!» сказалъ онъ, и, уходя, прибавилъ: «Прикажете-ли кланяться сосѣдкѣ?»

— А вы когда у нее будете? Ужъ не завтра ли? спросилъ поручикъ, остановясь противъ воли.

«Помилуйте-съ, какъ это можно! — Ни завтра, ни послѣ завтра — развѣ въ воскресенье. Статное ли дѣло бриться безъ очереди два раза на одной недѣлѣ!»

— Мое почтеніе, Иванъ Лукичъ.

«Моихъ вамъ два!» И почтенный Иванъ Лукичъ, сдѣлавъ наивный поклонъ поручику, оборотилъ животъ по направленію къ своимъ комнатамъ.

Слѣдующее утро застало помѣщика на мировой у ключницъ, ротмистра въ эскадронной конюшнѣ, а поручика подъ навѣсомъ почтовой кибитки.

«Я совершенный ребенокъ! — Нельзя же ей было согласиться разомъ принадлежать мнѣ! А что она не хочетъ идти ни за кого замужъ, это чистѣйшій вздоръ: такъ отвѣчаютъ всѣ вдовы на первое предложеніе!» думалъ Владиміръ, и пошелъ въ кабинетъ отца просить позволенія жениться.

Старикъ Грядневъ, хотя и не имѣлъ точнаго понятія о военной службѣ, хотя и былъ изъ тѣхъ людей, которые лейбъ-гвардіи Финляндскій полкъ называютъ Финляндской гвардіей; но, по убѣжденію разсудка, могъ видѣть, что поручику еще слишкомъ рано мечтать о существенныхъ выгодахъ отъ службы; а потому и отвѣчалъ сыну: «Послушай, Володя, я воли съ тебя не сымаю: хочешь — женись, пожалуй; только было бы извѣстно, что я не могу прибавить тебѣ ни одной копѣйки; что получалъ прежде, то получишь и впредь, пока Господь Богъ не пошлетъ ко мнѣ по душу; а умру — и того не будетъ! Ты самъ знаешь, Володя, мои достатки: живу я однимъ жалованьемъ; тебя содержу; самъ пить-ѣсть хочу...»

— Батюшка, я не обременю васъ просьбами.

«Я высказалъ все, а у тебя своя голова на плечахъ: раздумаешь — хорошо, не раздумаешь — тоже. Только если дѣлишки пойдутъ на ладъ, отпиши: я призайму рубликовъ тысячку на сватьбу. А теперь, пока, изволь-ко получать свое богатство на цѣлый годъ; береги самъ, какъ знаешь!» — Старикъ вынулъ изъ комода свертокъ полуимперіаловъ, пересчиталъ ихъ, опустилъ въ новенькій кошелекъ, тщательно завязалъ снурочки и подалъ сыну.

— Благодарю, батюшка!

«Да послушай-ко, Володя, не пора ли тебѣ въ полкъ? Лучше, голубчикъ мой, пріѣхать деньками двумя-тремя ранѣе, чѣмъ опоздать одной минутой. Крѣпко горько мнѣ съ тобой разставаться: гляжу, не нагляжуся на тебя, мой родной! А, дѣлать нечего,

поѣзжай съ Богомъ: дороги то, говорятъ, больно плохи становятся.

Владиміръ охотно повиновался отцу и на другой же день отправился. Онъ, быть можетъ, первый изъ военной молодежи находилъ Москву скучною; даже не хотѣлъ никуда выѣзжать; только старикъ могъ убѣдить его сдѣлать необходимые визиты, выбралъ для этого нарочно праздничный день, чтобы показать сынка въ полномъ мундирѣ, и былъ совершенно счастливъ.

Поздно вечеромъ въѣхалъ Владиміръ въ знакомую деревню; онъ высунулся изъ кибитки отъ нетерпѣнія узнать, свѣтится ли огонекъ въ знакомыхъ ему окнахъ, этотъ вѣрный признакъ бодрствованія ротмистра. Но каково-жъ было его удивленіе, когда между строеніями сверкнулъ помѣщичій домъ — ярко озаренный внутри, опоясанный разноцвѣтной гирландой изъ шкаликовъ и плошекъ снаружи! Владиміръ приказалъ остановиться. Мимо его кибитки мелькнула фуражка.

«Борзенко, стой!»

— Это вы, ваше благородіе, изволили прибыть! Здравія желаю!

«Здорово! Откуда ты?»

— Былъ у ротмистра съ вечерней рапортицей.

«А гдѣ ротмистръ?»

— Вотъ, въ этой избѣ, ваше благородіе, гдѣ огонь свѣтится; только на дняхъ изволили сюда переѣхать. Ваши люди и лошади тутъ же.

«Зачѣмъ же онъ переѣхалъ?»

— Никакъ, покои понадобились на мызѣ: помѣщикъ, слышно, женится; сегодня у него пирушка; каретъ, гостей — видимо невидимо! Говорятъ, вся губернія.

«Женится?...»

— Такъ сказываютъ, ваше благородіе, а впрочемъ не могимъ знать!

«Дома ротмистръ?»

— Туда же изволятъ ѣхать, ужъ и дрожки поданы; однако жъ еще застанете, ваше благородіе, если угодно...

Поручикъ выскочилъ изъ кибитки.

«Ямщикъ, пошелъ за мной!» сказалъ вахмистръ, и Владиміръ въ минуту очутился возлѣ ротмистра, который, завернувшись въ черное домино, примѣрялъ широкую шляпу съ краснымъ перомъ.

— А!... Гридневъ... Напрасно, братъ, не просилъ отсрочки, — лучше было бы.

«Но, ради Бога, говори скорѣе, что такое здѣсь случилось?»

— Важнаго то, пока, ничего: тюлень женится на сиренѣ — вотъ и все тутъ! Ну что же ты осунулся, словно проглотить хочешь? Да! да! — женится! Понялъ ли, наконецъ? Я, признаюсь, давно этому вѣрилъ; и вотъ, вчера было обрученье, а черезъ два дня объявлена сватьба. На, прочитай билетъ. Сегодня наши сорванцы затѣяли, ни къ селу ни къ городу, маскарадъ; дуранъ обрадовался ихъ предложенію и, говорятъ, замаскируется въ шкуру бѣлаго медвѣдя; да и я, какъ видишь, нарядился было шутомъ, чтобы

удобнѣе развѣдать подробности этой комической свадьбы и потомъ сообщить тебѣ; но ты самъ на лицо, и слѣдовательно – я остаюся дома.

«Нѣтъ, Сергѣй, ты непремѣнно поѣдешь со мною!» вскричалъ Владиміръ, терзая сватебный билетъ.

— Послушай, Гридневъ, если ты намѣренъ дѣлать глупости, поѣзжай лучше одинъ; если жъ нѣтъ, я готовъ; я берусь даже доказать тебѣ, что твоя богиня не стоитъ переломленной шпоры, что она тебя всегда обманывала, никогда не любила, ни разу не подумала о тебѣ, и даже не пожалѣетъ тебя, если ты съ отчаянія разшибешь голову о стѣну.

«Ѣдемъ! ѣдемъ!»

— Вздѣвай же эту чортову аммуничку, въ которой душно, какъ въ аду, и будь непремѣнно возлѣ меня, когда я стану въ кадриль съ твоей обольстительницей.

«Видишь, я ужъ готовъ...»

— И чудесно! Тебя рѣшительно никто не узнаетъ! Смотри же, Гридневъ, не дурачиться!

Спустя часъ, ротмистръ стоялъ возлѣ графини въ великолѣпномъ кадрилѣ, составленномъ изъ всѣхъ губернскихъ знаменитостей и первыхъ танцоровъ кирасирскаго полка; неподалеку отъ ротмистра, между масками мелькало черное домино съ краснымъ перомъ на шляпѣ.

«Теперь, если угодно, вы можете опять улетѣть за тридевять земель: я обязуюсь разочаровать васъ, когда будетъ наша очередь...» сказала Пиппа кавалеру, оканчивая съ нимъ послѣдній туръ четвертой фигуры.

— Извините! отвѣчалъ ротмистръ, я не моту не задумываться, танцуя съ вами.

«Со мною?...»

— Да, съ вами: я недавно писалъ о вашей помолвкѣ товарищу своему Гридневу, и онъ...

Красное перо склонилось надъ головой графини.

«Сошелъ съ-ума?» вскричала она со смѣхомъ.

— Хуже: онъ застрѣлился.

«Очень глупо! Впрочемъ, отъ него можно было ожидать всего...» И — тра, ла, ла, ла. — Она пустилась выплясывать *соло*.

Ротмистръ, пользуясь отсутствіемъ дамы, хотѣлъ перешепнуться съ чернымъ домино; но его уже не было въ залѣ.

«Лошадь! лошадь! Сѣдлайте скорѣе Донца!» кричалъ изступленный поручикъ, вбѣгая въ свою квартиру; схватилъ фуражку, нагайку, всунулъ въ карманъ пару заряженныхъ пистолетовъ и вихремъ выбросился изъ избы. Поставя ногу въ стремя, Владиміръ задумался...

«Послушай, Рубенковъ, сказалъ онъ деньщику, сослужи мнѣ службу, и вотъ тебѣ на-водку!» — Онъ бросилъ ему два золотые.

— Извольте приказывать, ваше благородіе, радъ стараться!

«Сейчасъ же запряги тройкой тѣлегу, возьми нѣсколькихъ товарищей съ желѣзными лопатами и фона-

ремъ, и гони во весь духъ на то кладбище, что у большой дороги, верстахъ въ двѣнадцати отсюда...

– Знаю, ваше благородіе, около той мызы...

«Ну, да! да! Вырой же тамъ могилу, глубокую, просторную, чтобы двоимъ можно было свободно улечься. – И потомъ отправляйся пьянствовать. Да смотри же!...»

— Вточности все будетъ исполнено, ваше благородіе!

Поручикъ перекинулся черезъ сѣдло, свиснула нагайка и конскій топотъ далеко разнесся въ тишинѣ полуночи.

Владиміръ остановился близъ мызы графини; спрягнулъ съ коня, обнялъ его, поцѣловалъ въ опѣненную морду, сказалъ ему послѣднее: прости! оборотилъ его, махнулъ нагайкой, и Донецъ ринулся стрѣлою назадъ, по знакомой дорогѣ.

Домъ графини былъ пустъ и мраченъ; только въ одной спальнѣ тускло мелькала свѣча; передъ свѣчею дремала Текла, въ ожиданіи госпожи. Стукъ въ двери вытрезвилъ сонную служанку; она бросилась со свѣчею на встрѣчу... и обомлѣла, увидя вмѣсто графини офицера, блѣднаго, со всклоченными волосами, котораго она едва могла узнать.

«Откуда это вы, Владиміръ Петровичъ, и въ какую пору! Барыни дома нѣтъ.»

– У меня есть просьба до тебя, милая Текла.

«Какая можетъ быть надобность офицеру до молодой дѣвушки въ ночное время! Полноте, сударь, оставьте меня.»

— Не безпокойся, Текла: дѣло идетъ о графинѣ.

«Я уже сказала вамъ, что ея нѣтъ дома; а я не могу отвѣчать за барыню. Вотъ, если бы ваша просьба касалась лично меня...»

— Перестань ребячиться, Текла! Отвѣчай мнѣ рѣшительно: хочешь ли ты денегъ?

«Я, сударь, отчасти угадываю ваши мысли: вамъ, кажется, слѣдовало бы сперва спросить меня, хочу ли я продать свою барыню, а потомъ говорить о деньгахъ. Впрочемъ, и деньгами не удивите насъ! Когда мы жили въ Петербургѣ, на дачѣ, я получила отъ одного офицера десять цѣлковыхъ только за то, что не заслонила скважинки, проверченной имъ на ставнѣ барыниной спальни.»

— Ну, а если я тебѣ дамъ двадцать золотыхъ, возьмешься ли ты спрятать меня здѣсь и оставить наединѣ съ графиней, когда она ляжетъ въ постель?

«Охъ, какіе вы, Владиміръ Петровичъ!...»

— Говори, Текла, берешься ли за это?

«Берусь. Тутъ, между стѣною и шкафомъ, можно простоять цѣлую недѣлю безъ всякаго подозрѣнія. Видите ли, какъ тутъ густо навѣшаны капоты и платья, да еще и занавѣски сверху! Оставить васъ однихъ то же не трудно: я, раздѣвши барыню, всегда ухожу ужинать — замѣтьте, на четверть часа, никакъ не долѣе!

— Очень достаточно, Текла, очень! Только надобно, чтобы въ эту четверть часа оглохнулъ весь домъ.

«Я объ томъ и думала. Слушайте жъ, я переломлю проволоку къ звонку, что у насъ въ кухнѣ: барыня непремѣнно дернетъ за этотъ снурокъ...»

— А если она закричитъ?

«Никто не услышитъ: я способна заговорить всѣхъ до глухоты; но вы, кажется, не довѣряете? Пожалуй, можно пріискать и другое средство.»

— Напримѣръ?

«Я могу прибѣжать впопыхахъ на кухню, разсказать тамъ, что во второмъ эскадронѣ пускаютъ ракеты, потомъ броситься опрометью на мельницу и, ручаюсь, что ни одного дурака, ни одной дуры не останется дома! А съ мельницы ничего не услышишь, хоть бы здѣсь кричали, какъ у васъ на полковомъ ученьѣ.»

«Прекрасно! Такъ ты смѣло ручаешься за цѣлую четверть часа совершенной безопасности?»

— Я, сударь, чего не смыслю, за то не беруся! Ручаюсь и ручаюсь! Чего-жъ вамъ еще? А чтобы вамъ вѣрнѣе знать начало этой четверти-часа, я чихну, уходя ужинать, и, минуты черезъ двѣ, вы можете здѣсь хозяйничать, разумѣется, если позволитъ вамъ барыня, — я за нее не порука!

«Это ужъ мое дѣло!... Бери же деньги.»

— Давайте... Постойте-ко немножко!... Графиня... графиня... Текла сунула за корсетъ деньги; Владиміръ бросился къ шкафу; его чуть не задушили, закутывая разными капотами, задернули занавѣску, и го-

лосъ Теклы зазвенѣлъ на крыльцѣ прежде, чѣмъ успѣла стукнуть подножка подъѣхавшаго экипажа.

«Раздѣваться! раздѣваться! утомилась, нѣтъ силъ!» кричала графиня, входя въ свою спальню; побросала на туалетъ, на полъ, на стулья драгоцѣнные наряды и кинулась въ постель.

Служанка начала проворно убирать разбросанныя вещи; а госпожа, уже смыкая глаза, проговорила ей: «Вообрази, Текла, Гридневъ застрѣлился, узнавъ о моей помолвкѣ.»

— Можетъ ли это быть, ваше сіятельство!

«Какъ ты глупа! — Развѣ я не стою, чтобы какой нибудь мальчишко застрѣлился отъ любви ко мнѣ?»

— Какъ я смѣю такъ думать, сударыня! но...

За шкафомъ послышался скрежетъ...

«Что тамъ такое?»

— Никакъ, мышь, ваше сіятельство...

«Поправь лампаду, возьми свѣчу и убирайся вонъ; да не забудь принести съ собою кота...»

Текла чихнула.

Прошло двѣ минуты. — Владиміръ приподнялъ за руку Пинну, произнеся гробовымъ голосомъ; «Вставай, недоступная красавица! я пришелъ за тобою...»

Пинна вздрогнула, остановила безсмысленный взглядъ на поручикѣ, хотѣла закричать, но оцепенѣла; только пальцы ея судорожно затрепетали на шелковомъ снуркѣ звонка.

«Не хлопочите, ваше сіятельство, не трудитесь напрасно! Вы имѣете дѣло съ мальчишкой предусмотрительнымъ: звонокъ оборванъ, люди ваши удалены.»

— Какъ вы, сударь, осмѣлились!

«Сдѣлайте одолженіе, графиня, не такъ грозно! Вамъ остается одно слѣпое повиновеніе моей волѣ.»

— Вольдемаръ, ты не былъ злодѣемъ!... Чего ты отъ меня хочешь?

«Повиновенія, графиня, повиновенія! и сколь возможно менѣе трагическихъ выходокъ.»

— Но, Вольдемаръ, заклинаю тебя цѣлой вселенной, не унижай меня.

«Графиня, вы слишкомъ самонадѣянны: никто не думаетъ о вашемъ униженіи! Я первый имѣю честь напомнить вамъ, что вы теряете уваженіе, не обращая вниманія на свой костюмъ въ присутствіи посторонняго кавалера: запахните вашу кофту — оно будетъ нѣсколько приличнѣе для дамы знатнаго тона.»

— Жестокій! жестокій!... Если бъ ты могъ только заглянуть въ мое сердце...

«Что, что такое? — Повторите, сдѣлайте одолженіе, мнѣ почудилось, что вы меня еще любите...»

— И ты спрашиваешь!...

«И намѣрены продолжать любить?»

— До послѣдней минуты...

«Какая жалость!... Теперь ужъ это не любовь, другъ мой, — болѣзнь, да, болѣзнь, которую необходимо вылечить, а для этого надо употребить средство очень сильное... Что станешь дѣлать! — Я и самъ точно въ такомъ же положеніи, и я боленъ, и то же люблю тебя, Пинна, всею душею... Нужно и мнѣ лечиться!... Намъ обоимъ нужно лечиться! — Я это предвидѣлъ, и потому прописалъ, на первый разъ, двѣ пилюли —

маленькія, свинцовыя: одну проглочу самъ, а другую... такъ и быть, уступлю тебѣ! непремѣнно уступлю!... Ты ее примешь... примешь... да! да! неминуемо примешь... Отчего же ты сдѣлала такую презрительную мину? А! – тебѣ не хочется принимать лекарства своимъ розовымъ ротикомъ! не правда ли? Пожалуй, я могу переслать полный пріемъ въ твой желудокъ иначе... прямо... вотъ, хоть тутъ...»

— Вольдемаръ!...

«Какая ты щекотливая, Пинна, нельзя до тебя дотронуться пальцомъ! Ну, перестань же, перестань! побереги свои гримасы до лучшаго случая! А теперь, не хочешь ли немного прогуляться со мною?»

— Ты въ помѣшательствѣ, Вольдемаръ: давно ужъ полночь!

«Знаю; и потому то зову тебя: это лучшее время для любовныхъ продѣлокъ.»

– Но куда? и зачѣмъ?

«На кладбище, жизнь моя, на кладбище: тамъ я уже велѣлъ приготовить для насъ ванну широкую, прохладную... а пилюли со мною; вотъ онѣ тутъ, ихъ не видно въ этихъ желѣзныхъ трубкахъ, но онѣ, право, тутъ!... Пойдемъ же въ мою роскошную ванну; засядемъ въ нее, примемъ сперва по одной штучкѣ изъ этихъ трубокъ, только по одной! и потомъ отдохнемъ въ ваннѣ... долго... долго...»

— Вольдемаръ, пощади!

«Ты истинный ангелъ, Пинна! Видя, что я ступилъ на эхидну, которая уязвила меня разомъ во всѣ нервы, ты просишь о ея пощадѣ... О, добрѣйшее су-

щество! Но, прости меня, я не выпущу изъ подъ роковой пяты злобной гадины, не скажу ей: «пресмыкайся, ядовитое твореніе, кусай всѣхъ, кого ни встрѣтишь!» Виноватъ, виноватъ, графиня! — шутка моя неудачна; сравненіе мое слишкомъ слабо. Эхидна не сдѣлаетъ столько вреда, какъ вы, прелестнѣйшее созданіе! Она покрыта отвратительной шкурой, ея остерегаются. А вы? — Полюбуйтесь сами на свое тѣло; посмотрите, какая на немъ восхитительная оболочка — атласная, персиковая...» — Онъ потрепалъ графиню по обнаженному плечу... Та помертвѣла.

«Не угодно ли подняться, ваше сіятельство, время итти.»

— Но, Вольдемаръ, по какому праву?...

«По праву собственности: вѣдь, ты вся моя, вся до *самаго біенія сердца*! А я привыкъ безпрекословно распоряжаться своею собственностію...» И онъ неожиданно сорвалъ трепещущую Пинну съ постели. — Раздался крикъ... Но мститель безжалостно задушилъ его, притиснувъ къ груди своей лицо графини, и безпрепятственно вынесъ ее за ворота.

— Что ты дѣлаешь, бѣшеный! раздался голосъ ротмистра, и сильныя руки опоясали Владиміра: онъ выронилъ жертву; та, съ пронзительнымъ воплемъ, исчезла въ темнотѣ ночи, а ротмистръ посадилъ съ собою на дрожки, почти безчувственнаго, товарища и приказалъ гнать домой.

Пинна, лишенная послѣднихъ силъ, упала на порогѣ своей спальни. Текла, съ помощію другихъ служанокъ, уложила ее въ постель; терла, согрѣвала ее;

давала ей нюхать разные спирты — и не безуспѣшно: дыханіе графини стало ровнѣе, она отпрыла глаза, но отъ слабости не могла произвести ни одного слова и вскорѣ успокоилась сномъ тихимъ, хотя ненатурально-продолжительнымъ. Пробудясь уже далеко за полдень, она чувствовала только легкую головную боль и усталость во всемъ тѣлѣ.

«Тебя подкупили, Текла!» сказала графиня, сообразя все минувшее.

— Дай, Богъ, умереть на мѣстѣ, ваше сіятельство, если это правда! Всему причиной проклятыя ракеты!

«Какія ракеты?»

Текла разсказала выдуманную ею наканунѣ сцену, которая удалась какъ нельзя лучше, и залилась слезами.

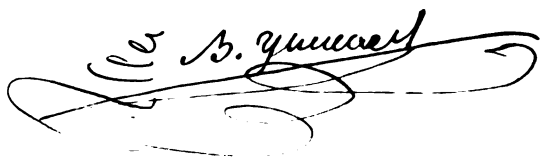
Пинпа, видя заботливость служанки о возстановленіи ея здоровья, прекратила подозрительную исповѣдь; заглянула въ ручное зеркало, мысленно созналась, что ея прелести способны довести до отчаянія самое гранитное сердце, и спросила одѣваться.

Черезъ два дня послѣ ночнаго происшествія, рано утромъ, вынесли изъ приходской церкви тѣло поручика Гриднева, обезображенное муками воспаленія въ мозгу, и опустили въ широкую могилу, имъ самимъ заказанную. Въ тотъ же день, вечеромъ, и въ той же церкви великолѣпная Пинна торжественно признала своимъ мужемъ Ивана Лукича, и оттуда переѣхала къ нему въ домъ самовластной хозяйкой.

Ротмистръ Холмовскій то же былъ на сватьбѣ, но не для веселостей: онъ, желая принести какую нибудь отраду на тробъ злополучнаго друга, надѣялся, что, по крайней мѣрѣ, разжалованной графинѣ сгрустнется посреди брачнаго торжества, что грусть ея отразится на всемъ ея окружающемъ, и вѣнчальный пиръ будетъ мрачнѣе погребальной процессіи, но жестоко ошибся: Пинна веселилась до упаду, все вокругъ нея ликовало; губернія торжественно объявила, что она не запомнитъ сватьбы роскошнѣй и пріятнѣе; кавалеристы совершенно согласились съ губерніей, и, къ концу сватебнаго празднества, по справкамъ оказалось влюбленныхъ въ новобрачную — и не безнадежно:

Майоровъ. . . . . 1.
Штабсъ-ротмистровъ . . . . . 3.
Поручиковъ . . . . . 5.
Корнетовъ — *полный полковой комплектъ.*

Сверхъ-того: 4 фрака съ усами, 11 фраковъ безъ усовъ и 2 бороды — обѣ съ просѣдью, обѣ съ золотою медалью на шеѣ и обѣ съ богатѣйшими фабриками.



Л. Гинцбург

ХАМОВО ОТРОДЬЕ.

КАРТИНА РУССКАГО БЫТА.

дѣлай зла, и тебѣ зла не будетъ!» Вотъ чему учитъ

ХАМОВО ОТРОДЬЕ.

Картина Русскаго быта.

Нынѣ все не такъ опредѣляется какъ прежде, и если бы кто меня спросилъ, что такое исторія, — признаюсь, я не умѣлъ бы отвѣчать такъ, какъ напечатано въ новѣйшихъ учебныхъ книжкахъ. Въ мои лѣта, въ такія книжки уже не заглядываютъ, а пользуются общею привиллегіею вѣка, — всему давать свой толкъ, на все смотрѣть съ своей точки, и все опредѣлять, какъ кому кажется благоразумнымъ. Въ силу этого правила, на запросъ объ исторіи, я, по совѣсти моей, отвѣчалъ бы, что исторія, какъ наука, открываетъ намъ безпрерывный рядъ бѣдствій рода человѣческаго, естественныхъ и весьма справедливыхъ послѣдствій его глупостей, его преступленій и его ожесточенной неблагодарности къ Подателю всѣхъ благъ. Но это страшное опредѣленіе исторіи не лишается утѣшительной стороны: исторія можетъ назваться благотворнымъ *пугаломъ*, которое грозитъ несчастіями только для того, чтобы люди заботились о своемъ счастіи. Нравственность исторіи можно найти во всѣхъ букваряхъ: «Не дѣлай зла, и тебѣ зла не будетъ!» Вотъ чему учитъ

исторія; и я, по примѣру г. Велланскаго, обязуюсь заплатить тысячу рублей тому, кто найдетъ мнѣ ученіе болѣе полезное и болѣе удобоисполнимое.

По обязанности сотрудника «Библіотики для Чтенія,» я долженъ разсказать ея читателямъ какую-нибудь быль, небылицу, сказку, повѣсть, — словомъ, исторію. Во ожиданіи чего-либо лучшаго отъ другихъ сотрудниковъ, на сей разъ предлагаю благосклонному вниманію читателя слѣдующую небольшую исторію, прося дать мнѣ полную волю разсказывать... по своему! Будетъ мой разсказъ длиненъ — испрашиваю терпѣнія, неполонъ — снисхожденія, скученъ — прощенія.

Въ первую половину лѣта, 1833-го года, погода постоянно была прекрасная, жары нестерпимые. Это всѣмъ извѣстно. Мнѣ душно было въ столицѣ. Я воспользовался временемъ и приглашеніемъ добраго пріятеля, товарища по корпусу, однокашника, какъ весьма мило и простодушно доселѣ ихъ называютъ, — и отправился, съ другимъ подобнымъ товарищемъ, Смоленской Губерніи, въ городъ Вязьму, — съ позволенія читателя: маленькая остановка и краткое объясненіе.

Разскащику должно вѣрить. И если онъ говоритъ, что былъ тамъ, гдѣ сроду не бывалъ, и утверждаетъ, что такое-то происшествіе было тамъ, гдѣ никто объ ономъ не слыхивалъ, то читатель да благоволитъ повѣрить сказанному. А сомнѣваться и распрашивать: точно ли такъ? — значитъ мѣшать ходу исторіи. Пожалуй, кто-нибудь изъ главныхъ, въ «Библіотекѣ для

Чтенія,» объявитъ, что В. У. солгалъ, и прошедшимъ лѣтомъ не выѣзжалъ изъ Москвы, чему онъ, главный, былъ самъ свидѣтелемъ. Что же будетъ тогда съ моею исторіею? Читатели не захотятъ припомнить, что если каждый сказочникъ, т. е. литераторъ (вѣдь всѣ они, болѣе или менѣе разсказываютъ сказки) можетъ, и не только можетъ, имѣетъ полное право одѣлять своихъ героевъ и героинь такими богатствами, такими высокими и превыспренними добродѣтелями, такимъ упорствомъ и такою глупостью — какихъ, т. е. богатствъ, добродѣтелей, упорства и глупости, не имѣетъ въ совокупности вся наша пишущая братья, слѣпленная въ одно цѣлое и недѣлимое — то тѣмъ болѣе, неотъемлемо право сказочника, или литератора, выбирать себѣ любое мѣсто дѣйствія, для своихъ вымысловъ или исторій, и назначать такой и такой городъ, не только нашего отечества, но и всего земнаго шара. Географическая точность иногда необходима бываетъ во всякой исторіи. Такъ въ моей исторіи, какъ видно будетъ послѣ, и необходимо означить, куда я ѣздилъ, и куда не ѣздилъ въ прошломъ 1833-мъ году, и гдѣ происходило то, что ниже сего писано. Я ѣздилъ Смоленской Губерніи въ городъ Вязьму.

И такъ пріѣхали въ городъ Вязьму. Добрый пріятель уже насъ поджидалъ. Онъ выѣхалъ къ намъ на встрѣчу изъ помѣстья своего, отстоящаго отъ прославленнаго пряниками града въ пятнадцати верстахъ, немного вправо или влѣво отъ большой дороги, ведущей къ какому-то уѣздному городу, — можетъ быть, къ Дорогобужу. Къ чему описывать встрѣчу троихъ старин-

ныхъ камрадовъ, однокашниковъ? Что дѣлается въ подобныхъ случаяхъ? объ чемъ говорится? Какъ водится, всѣ помолодѣютъ; всѣ забудутъ своихъ женъ, дѣтей и заботы мірскія; всѣ разговорятся о быломъ, о настоящемъ, о томъ, о семъ; просидятъ за полночь, и въ радостномъ упоеніи, залягутъ спать. Такъ и было. И я залегъ спать, потому что на другой день, въ восемь часовъ утра, мы должны были отправиться въ отчину пріятеля, къ его супругѣ и семейству.

Надлежитъ всепокорнѣйше донести читателю, что мнѣ, сказочнику, дорога отъ Смоленска очень и очень знакома. Кромѣ того, что разъѣзжалъ по оной нѣсколько разъ, то въ отпускъ, то изъ отпуска, то послѣ отставки, я имѣлъ честь пройти ее пѣшкомъ, съ 6 до 26 августа 1812 года, отъ губернскаго города до славныхъ полей Бородинскихъ, и мы съ товарищемъ благоговѣйно поклонились имъ, проѣзжая мимо. Объ этихъ походахъ и были разговоры въ Вязьмѣ, въ дружеской бесѣдѣ, за стаканомъ шипучаго вина. Это были наши общія воспоминанія. И награди, Богъ, каждаго изъ моихъ читателей такими пріятелями... Но когда я заснулъ, то моя недремлющая душа напоминала мнѣ еще одно посѣщеніе Смоленской Губерніи города Вязьмы, съ окрестностями. Это происходило прежде 1821 года, когда мнѣ было отроду только девять или одиннадцать лѣтъ. Да, вотъ что я вспомнилъ во снѣ.

Домъ деревянный, двухъ-этажный, комнаты, обитыя разноцвѣтными обоями, бумажными; вездѣ зеркала и люстры, мухъ и пропасть гостей также. Кромѣ взрослыхъ насъ дѣтей, было человѣкъ, или нѣтъ —

штукъ, семь или восемь. И мы жили почти съ недѣлю. Вяземскими пряниками угощали насъ немного. Нездорово! говорила какая-то старая дама, въ смѣшномъ чепцѣ и со шлейфомъ. Вмѣсто пряниковъ позволяли рвать смородину и крыжовникъ въ саду, отъ чего мы набили себѣ оскомину. А садъ? О какой садъ! Длинныя аллеи, цвѣтники, вазы и статуи изъ бѣлѣйшаго алебастра. А тамъ налѣво калитка. А за калиткою лугъ, бархатнымъ ковромъ склоняющійся къ рѣчкѣ. Ахъ, рѣчка, рѣчка!.. и до обѣда и послѣ обѣда мы въ ней купались; на самой срединѣ было глубины намъ до половины груди, а около береговъ мы плавали, ударяя ногами по поверхности воды и опираясь руками о песокъ. За рѣчкою, на горѣ было село, съ такою красивою церковью! Влѣво отъ дороги, ведущей къ селу, билъ ключъ изъ горы, — прямо въ рѣку!

Точно, въ первое десятилѣтіе текущаго мудраго и мудренаго вѣка, покойникъ батюшка возилъ меня изъ Москвы въ городъ Вязьму (памятно по пряникамъ), въ помѣстье какого-то... Нила Валерьяновича: фамиліи не припомню. Пожилая дама со шлейфомъ была вдова, генеральша Афросинья Валерьяновна. Пора ѣхать! я забылъ свой сонъ...

Какъ были мы приняты почтеннымъ семействомъ нашего друга, и какъ провели первыя сутки, это не принадлежитъ къ исторіи. На другой день пріѣхали изъ города какіе-то чиновники, съ которыми хозяину было нужно потолковать о дѣлахъ. Пользуясь случаемъ, мы пошли гулять и любоваться прекрасными видами, которые весьма часты въ Смоленской Губерніи.

Мы ушли верстъ за пять. Въ верстѣ отъ насъ было большое село съ каменнымъ господскимъ домомъ. Вправо отъ села роща. Мы подошли ближе. Молоденькія крестьяночки съ кузовками вышли изъ села. «Куда, красавицы?» — Въ рощу за ягодами. — Мы пошли за ними. А благосклоннаго читателя просимъ вспомнить девизъ ордена Подвязки. Старшей изъ крестьяночекъ не было двѣнадцати лѣтъ отроду.

Роща была насаженная и довольно чиста. Углубляясь далѣе, мы зашли въ частный кустарникъ, перемѣшанный съ большими липовыми деревьями. Это былъ уже лѣсъ. Мы нашли множество кустовъ крыжовника и смородины, и я готовъ былъ дивиться такой щедрости дикой Смоленской природы, какъ товарищъ сказалъ мнѣ: «Смотри-ко!» указывая палкою на разбитую алебастровую вазу огромнаго размѣра. — Что за чудеса! въ лѣсу! — «Но это не лѣсъ!» продолжалъ мой товарищъ! «Точно! Липовыя деревья, посаженныя въ линію. Это запустѣвшій садъ, къ которому принадлежала березовая роща. Но почему же онъ въ такомъ отдаленіи отъ села? Посмотримъ, нѣтъ ли господскаго дома.»

Мы начали выбираться изъ сада и вышли на луговину. Ба! знакомый коверъ зелени. Тамъ рѣчка должна быть непремѣнно. Вонъ и село на горѣ: только густаго лѣсу по скату горы нѣтъ, а ростетъ мелкій березникъ. Далѣе и далѣе: вотъ и знакомая рѣчка; такая же чистенькая, свѣтленькая. Я оглянулся назадъ. Вотъ и знакомый садъ. Только домъ исчезъ!... Это бывшее помѣстье Нила Валерьяновича, въ которое я

попалъ вторично, почти чрезъ тридцать лѣтъ. Но что значитъ это запустѣніе?

Разумѣется, что по возращеніи домой, первою заботою было распросить о запустѣломъ помѣстьѣ. Нашъ милый хозяинъ не могъ удовлетворить моему любопытству; но почтенная престарѣлая его родительница знала всѣ подробности этого дѣла, почти чудеснаго: для лучшаго поясненія всѣхъ обстоятельствъ, хозяинъ на другой же день пригласилъ еще помѣщика сосѣдняго села, Валерьяна Ниловича, сына бывшаго хозяина, и мы познакомились съ этимъ любезнымъ, добрымъ, веселымъ человѣкомъ, отставнымъ свитскимъ полковникомъ, счастливымъ въ своемъ семействѣ и всѣми уважаемымъ.

И такъ, читатель можетъ видѣть, что до исторіи только дѣло доходитъ, а до сихъ поръ была не сказка, но присказка, которую могъ я, по произволу, помѣстить и въ концѣ и сначала. Предисловіе кончено, и я буду разсказывать мою исторію во всѣхъ подробностяхъ, какъ-будто самъ былъ въ ней дѣйствующимъ лицомъ, или, лучше сказать, какъ-будто самъ ее сочинилъ на досугѣ. Прошу милостиваго вниманія.

Въ селѣ, — какъ бишь оно называется — въ селѣ Благодатномъ, по седьмой ревизіи считалось болѣе четырехъ сотъ пятидесяти душъ. Оно было заселено въ царствованіе Императрицы Елисаветы дѣдомъ нынѣшняго владѣльца, Валерьяна Ниловича. Тогда на этомъ мѣстѣ была деревня во сто душъ, пожалованная Го-

сударынею покойному Валерьяну Максимовичу, у котораго, кромѣ того, лежало въ кованомъ ларцѣ все приданое супруги его Анны Евстигнеевны, которая, Анна Евстигнеевна, по долгу покорной супруги, несмѣла прекословить своему владыкѣ, который владыка, на женины денежки скупилъ нѣсколько небольшихъ сосѣднихъ деревень и земель, крестьянъ приселилъ къ своей деревнѣ, въ которой деревнѣ выстроилъ церковь, а въ церкви, въ честь своей супруги, сдѣлалъ придѣлъ во имя св. пророчицы Анны, да и самое село назвалъ Благодатнымъ, потому что, какъ всѣмъ извѣстно, Анна значитъ благодать.

Всѣ сіи и слѣдующія подробности необходимы, что и видно будетъ ниже.

У Валерьяна Максимовича съ супругою Анною Евстигнеевною было дѣтей двое: дщерь Афросинія, и двѣнадцатью годами младшій сынъ Нилъ. Афросинья Валерьяновна, по достиженіи законныхъ лѣтъ, вышла замужъ, и получила въ приданое сто душъ въ селѣ Благодатномъ. Супругъ ея, бывшій впослѣдствіи генералъ-маіоромъ, скончался въ 1797 году, и по смерти его досталось Афросиньѣ Валерьяновнѣ, на седьмую часть, восемьдесятъ душъ въ Калужской Губерніи, да пожизненный пенсіонъ въ тысячу двѣсти рублей.

Въ томъ же 1797 году, по волѣ судьбы, гвардіи капитанъ Нилъ Валерьяновичъ былъ выключенъ изъ службы «за картежную игру.» Въ это время Нилъ Валерьяновичъ уже вдовствовалъ два года, послѣ пятилѣтняго брака, и имѣлъ пятилѣтняго сына

Валерьяна. Видно, съ горя пристрастился къ картежной игрѣ? подумаетъ сострадательный читатель. Ну, нѣтъ, не съ горя, а съ веселья, что и будетъ видно ниже. Къ тому жъ должно объяснить, что Нилъ Валерьяновичъ былъ отставленъ не за то, что обыгралъ другаго: онъ самъ былъ обыгранъ мошенникомъ, и съ досады затѣялъ драку. Мошенника послали учиться минералогіи въ Сибирь, а мундиръ лейбъ-гвардіи снятъ съ того, кто не умѣлъ носить оный съ честью. Suum cuique! Это девизъ Прусскаго ордена чернаго орла.

Изгнанный такимъ образомъ Нилъ Валерьяновичъ не могъ жить въ столицахъ. Сугубо огорченная сестра, и смертію мужа и несчастіемъ брата, рѣшилась провести остатокъ дней въ селѣ Благодатномъ. Для утѣшенія своего брата, она укрѣпила за нимъ свои сто душъ, предоставляя только себѣ право жить въ домѣ и пользоваться провизіею. Это довольно утѣшило братца Нила Валерьяновича, очень склоннаго къ веселой жизни. Единственный владѣлецъ доходнаго села Благодатнаго, онъ имѣлъ, вмѣстѣ съ малолѣтнымъ сыномъ, своего и послѣ жены — болѣе шестисотъ душъ и болѣе двѣнадцати тысячь годоваго дохода, что въ то время значило много. Съ такимъ достояніемъ можно жить славно и не уступать богатѣйшимъ помѣщикамъ въ губерніи.

Благодарный Нилъ Валерьяновичъ отдалъ отцовскій домъ въ полное распоряженіе сестры, а себѣ выстроилъ новый, въ полуторѣ верстѣ отъ села, близъ

рощи, насажденной его отцомъ. Тамъ жилъ онъ подлинно бариномъ: своя псарня, своя роговая музыка, богатая мебель въ домѣ, кладовыя и погреба, наполненные съѣстнымъ и напитками. Что за садъ! Что за оранжерея! какая многочисленная прислуга! Къ нему-то меня — «дитей возили на поклонъ,» какъ говоритъ Чацкій.

Добрая и почтенная Афросинья Валерьяновна жила въ своемъ домѣ также барынею. Она принимала бѣдныхъ и монахинь, и т. п. Почти никогда не садилась за столъ одна — гостямъ не было переводу. И она же говорила, что ей некуда прожить своего пенсіона и доходовъ съ Калужской деревни, завѣщанной Валеринькѣ, т. е. племяннику. Дѣйствительно, доходовъ ея было достаточно: только въ праздникъ и при большихъ угощеніяхъ подавали на столъ ея полпиво и наливки. У братца было совсѣмъ другое, и экономная сестрица не рѣдко дружески ему выговаривала, напоминая, что онъ изъ службы вывезъ съ собою только безчестіе и долги.

Что за безчестіе? Ну кто бабѣ не внукъ? Великая важность, далъ оплеуху за мошенничество въ игрѣ! А долги? Всего тридцать тысячь. И кому долженъ? Искреннему другу, человѣку, котораго вывелъ въ люди, облагодѣтельствовалъ; которому далъ ходъ и средства сдѣлать какое нибудь состояніе; человѣку, который даже не беретъ процентовъ, и заемное письмо взялъ только потому, что всѣ мы смертны и въ животѣ Богъ воленъ — собственныя его выраженія; человѣку, который прежде былъ дворовымъ и, по милости

Нила Валерьяновича, нынѣ уже числится въ должности секретаря знатнаго присутственнаго мѣста; человѣку, который послѣ отставки своего благодѣтеля, такъ усердно, съ потерею многихъ выгодъ по службѣ, хлопоталъ о переводѣ его въ Москву, для того единственно, чтобы поближе быть къ своему милостивцу, благотворителю, отцу, другу... и пр.

Этотъ рѣдкій и честный заимодавецъ былъ титулярный совѣтникъ Никита Ѳедотовичъ Вязьминъ.

Если я сказалъ, что меня возили къ Нилу Валерьяновичу дитею на поклонъ, то это сказано не ради цитаты изъ извѣстной комедіи. Почти такъ было. Покойный мой отецъ ѣздилъ къ нему по приглашенію, и бралъ меня съ собою, потому что самъ Нилъ Валерьяновичъ просилъ; но главною цѣлью поѣздки было, не пированіе въ селѣ Благодатномъ, а переговоры съ Никитою Ѳедотовичемъ Вязьминымъ. У батюшки было дѣло въ томъ же присутственномъ мѣстѣ, гдѣ служилъ Вязьминъ, извѣстный взяточникъ. Дѣло было правое, а мой старикъ былъ правилъ строгихъ, и судей закупать не любилъ. По случайному знакомству съ Ниломъ Валерьяновичемъ для переговоровъ назначено было мѣстомъ свиданія его село: Никита Ѳедотовичъ обязывался сдѣлать все угодное моему батюшкѣ «*ради одной чести и чтобы познакомиться съ такимъ почтеннымъ и всѣми уважаемымъ человѣкомъ.*» Не о томъ я хлопочу, говорилъ покойникъ батюшка, чтобы этотъ подлецъ помогъ моему дѣлу: оно ясно; а только избѣгаю того, чтобы онъ не затянулъ, не испортилъ докладомъ, по привычкѣ всѣхъ этихъ

презрѣнныхъ тварей изъ Хамова отродья, ненасытныхъ крючковъ. Безъ надобности, можетъ быть, не захотѣлъ бы я видѣться и съ бывшимъ бариномъ Никитки Вязьмина; а на него и смотрѣть бы не сталъ.» Покойникъ батюшка былъ немножко гордъ, но на счетъ чести и прямодушія — злѣе звѣря лютаго. И не мудрено, что онъ такъ грубо отзывался о человѣкѣ, въ которомъ имѣлъ надобность, и къ которому, сказать по-просту, и ѣхалъ на поклонъ.

Это обстоятельство я припомнилъ уже во время моей прошлогодней поѣздки. Но это постороннее обстоятельство да будетъ вступленіемъ въ характеристику и біографію Никиты Ѳедотовича Вязьмина, главнаго героя моей исторіи.

Не знаю, были ли другія дѣти между Афросиньею Валерьяновною и Ниломъ Валерьяновичемъ, но то достовѣрно, что онъ былъ послѣднее, слѣдовательно, любимое дѣтище, какъ это вездѣ и всегда водится. Отецъ съ матерью, уже довольно зрѣлыхъ лѣтъ, изъ которыхъ четырнадцать въ супружествѣ; сестра лѣтъ двѣнадцати, нѣжная, любящая, какъ всѣ молоденькія дѣвушки; въ добавокъ, бабушка: на какое баловство родился бѣдный Нилушка! Испортятся его зубочки отъ бабушкиныхъ сластей, и на всю жизнь будутъ слабы и шатки! Испортятся и душевныя его силы отъ бабушкиныхъ нѣжностей, и гдѣ въ домѣ живетъ бабушка, тамъ можно поплакать объ участи, ожидаю-

щей малолѣтныхъ дѣтей. Избави, Боже, отъ бабушкиныхъ сластей и нѣжностей.

Къ пятилѣтнему Нилушкѣ былъ приставленъ восьмилѣтній мальчикъ, Никитка, сынъ кучера, или повара, не знаю. Нужно ли описывать житье крѣпоснаго мальчика при избалованномъ баричѣ! Лишь только раздавался въ домѣ ревъ и визгъ Нилушки, нѣжная сестрица бѣжала къ нему, какъ полоумная, бабушка начинала кричать, какъ одержимая бѣсомъ, матушка бранила всѣхъ, кто ни попадался. И всегда важное происшествіе оканчивалось тѣмъ, что во утѣшеніе блажнаго Нилушки сѣкли несчастнаго Никитку. Слезы Никитки осушали глаза Нилушки. Никитка былъ мученикъ.

Это обстоятельство, повидимому, не съ выгодной стороны показываетъ намъ и бабушку, и матушку, и сестрицу. Но онѣ отнюдь не были злы. Напротивъ, онѣ были очень мягкосерды; только любовь къ ребенку ослѣпляла ихъ до такой степени, что онѣ вообразить себѣ не могли, чтобы эти холопы, все это Хамово отродье не было готово съ радостію вытерпѣть адскія муки, въ угодность барскаго сына, бабушкина любимца! По мнѣнію ихъ, онѣ должны были обожать Нилушку, любоваться Нилушкою, жить и дышать Нилушкою, также какъ его бабушка. Никитка былъ счастливѣйшій изъ счастливыхъ, онѣ видѣли въ его состояніи честь, блаженство находиться при Нилушкѣ, а страданій бѣднаго мальчишки не замѣчали. Но ихъ видѣло то Недремлющее Око, которое изображено на священной медали 1812 года. По его святому опре-

дѣленію одно зло порождаетъ другое, ему противудѣйствующее. Такова уже грозная справедливость святаго Промысла...

Никитка былъ мальчикъ очень смѣтливый и расторопный. Не говоря о томъ, что онъ скоро и прекрасно выучился грамотѣ, его понятія зрѣли не по лѣтамъ. Съ перваго года мучительной должности, онъ уже разсчиталъ, что долженъ поладить съ своею неизбѣжною участью. Хотя онъ не читалъ древней исторіи, но какъ маленькій Спартанецъ, охотно переносилъ побои, дабы укрѣпить тѣло свое для будущихъ неминуемыхъ плетей и палокъ. Сверхъ того, умный Никитка разсчиталъ, что если господа балуютъ молодаго *барченка*, и угождаютъ ему во всемъ, то онъ, Никитка, подавно обязанъ дѣлать то же, чтобъ пріобрѣсти его дружбу. Однажды Нилушку отпустили гулять въ поле одного съ Никиткою, которому на память старый дядька далъ двѣ оплеухи, чтобы онъ ни подъ какимъ видомъ не позволялъ молодому барину рвать и ѣсть горохъ. Лишь только увидѣлъ Нилушка запрещенный плодъ, аппетитъ въ немъ оказался во всей силѣ. Никитка самъ нарвалъ ему гороху, но просилъ только никому не сказывать. — «Меня-де побьютъ, — ничего! Я не боюсь побоевъ: а то и васъ накажутъ!» Съ того времени у Нилушки съ Никиткою завязалась тайная дружба.

Чѣмъ болѣе подрасталъ Нилушка, тѣмъ менѣе его баловали, и долѣе держали за ученьемъ. А Никитка, старше его тремя годами, тѣмъ временемъ пріобрѣ-

талъ въ Московскихъ переднихъ (господа каждую зиму жили въ Москвѣ) тѣ полезныя свѣдѣнія, какія можно заимствовать изъ скромныхъ разговоровъ холостыхъ лакеевъ. Но... читайте, отцы помѣщики... Не для себя Никитка набирался такихъ познаній. Онъ тайкомъ сообщалъ ихъ своему барину, который, не только слушалъ его съ любопытствомъ, но и требовалъ другихъ подобныхъ разсказовъ. Такимъ то образомъ, воображеніе уже изнѣженнаго баловня воспламенялось прежде времени, и приготовляло къ необузданности страстей и къ порочнымъ наклонностямъ. Этой пагубной дружбы никто не замѣчалъ, потому что хитрый Никитка просилъ своего барина не слишкомъ ласково съ нимъ обходиться при людяхъ, а почаще его бранить, чтобы — де не стали говорить, что я васъ дурному учу. «Вѣдь это и впрямь нехорошо!» Видно въ Никиткѣ была совѣсть!... А Нилушка возлюбленный! Боже, упаси! Онъ готовъ былъ душу отдать въ залогъ за то, что онъ кромѣ самаго хорошаго и пріятнаго ничего не узнаетъ отъ Никитки! Онъ совершенно сообразовался съ тактикою своего фаворита.

Наконецъ, осьмнадцатилѣтній Нилъ Валерьяновичъ, обученный Французскому языку и танцованью, и сверхъ того сержантъ гвардіи, былъ отвезенъ въ Петербургъ на службу. Родители съ нимъ простились; замужней его сестрѣ, жившей въ столицѣ, приказали смотрѣть за братомъ, осыпали милаго сынка благословеніями, добрыми совѣтами и деньгами, и оставили его, какъ говорится, жить на своей волѣ!

Воля! Кто изъ насъ, даже и самый степенный, не радовался ей, не привѣтствовалъ ее, этой дорогой, плѣнительной волѣ юноши! Какъ же обрадовался и какъ воспользовался ею избалованный Нилъ Валерьяновичъ, давно уже ожидавшій ее съ своимъ вѣрнымъ Никиткою, камердинеромъ, повѣреннымъ, помощникомъ, Мискарилемъ, Скапиномъ, Фигаро!... (Нилъ Валеріановичъ часто посѣщалъ Французскій театръ)... Никитка познакомилъ своего барина съ веселою жизнію, но самъ воздерживался отъ неумѣренныхъ удовольствій — «это прилично господамъ, говорилъ онъ, а не нашему брату. Они съ самой колыбели пріучены къ веселостямъ!» — Бабушка! бабушка! слышала ли ты это съ того свѣта!...

Правда, былъ тутъ и старый дядька, честный, вѣрный и душею преданный *старымъ* господамъ. Онъ не преминулъ бы исполнить ихъ приказаніе, и подробно, безпощадно увѣдомлять о проказахъ ихъ сынка, если бы онъ видѣлъ что нибудь. Но плутъ Никитка ослѣпилъ этого Аргуса: онъ зналъ, что бѣдный старикъ вынужденъ бываетъ каждый день, для подкрѣпленія истощенныхъ силъ, выпить на двѣ копѣечки, но что свойственная его лѣтамъ скупость заставляетъ не рѣдко воздерживаться отъ этой старческой необходимости. Баринъ пожаловалъ ему ежедневную порцію, а подобные сему щедроты надѣваютъ тусклые очки на самые зоркіе глаза: намъ не хочется вѣрить, чтобы тотъ, кто насъ великодушно одолжаетъ, могъ быть способенъ на дурныя дѣла!

Не дай, Богъ, оскорбить память вѣка отцовъ нашихъ! Но, имъ не въ укоръ и не во осужденіе, а только правды ради, можно сказать, что сержанты гвардіи, дѣды нынѣшнихъ гвардейскихъ подпрапорщиковъ, жили совсѣмъ не такъ чинно, добропорядочно и трудолюбиво, какъ живутъ ихъ внучки! Эти, смѣсь солдата и студента, живутъ въ казармахъ и ходятъ въ классы. Тѣ были баричи! Нанимали домы, разъѣзжали въ каретахъ, щеголяли во фракахъ и отличались танцами и удальствомъ. Кто хочетъ короче познакомиться съ ихъ бытомъ, тому совѣтую прочитать давно забытый романъ покойнаго Александра Ефимовича Измайлова; а я скажу, что, подобно Евгенію Лукичу Негодяеву, жилъ и Нилъ Валерьяновичъ, только, вмѣсто Развратина, былъ у него другъ Никиша, какъ онъ его называлъ. Этотъ Никиша завѣдывалъ всѣмъ и держалъ барскую казну. Нилъ Валерьяновичъ ничего знать не хотѣлъ по этой части, и естественнымъ образомъ...

«Позвольте, господинъ разскащикъ! Вы обѣщали намъ какую то чудесную исторію о причинахъ запустѣнія дома и сада близъ любимой вашей рѣчки. Вмѣсто того, вы толкуете о сержантахъ гвардіи, да о романѣ Измайлова. Далеко ли до запустѣнія? Сколько верстъ еще осталось?»

— А, почтенный читатель! Не я ли просилъ не мѣшать мнѣ разсказывать? Позвольте узнать, обучались ли вы Россійской или Французской исторіи?

«Разумѣется! Но къ чему это?»

— Когда васъ вела она скучнымъ путемъ отъ Олега до Ярослава или отъ Клодіона до Карла Мартеля, спрашивали ли вы: скоро ли Петръ Великій и Лудовикъ XIV?

«Совсѣмъ другое дѣло! Та исторія, ученье; ваша, только мученье! Я уже напередъ знаю, что этотъ Никитка, Никиша, изъ слугъ попалъ въ секретари сената. Скажите скорѣе, какъ это случилось, а тамъ во всю прыть гоните къ запустѣнію!»

— Извольте! Вотъ какъ это случилось:

Когда Нилъ Валерьяновичъ былъ произведенъ въ офицеры — въ новый годъ, какъ тогда водилось, то онъ, написавши о своей радости къ родителямъ, просилъ усугубить его счастіе, отпустивши на волю вѣрнаго и отличнаго слугу, Никиту. Батюшка поморщился, но на радости не могъ отказать милому сынку, и вскорѣ прислалъ форменную отпускную своему крѣпостному дворовому человѣку Никитѣ *Чумичкину*, какъ онъ назывался. Да къ отпускной прибавилъ награжденія пять *рублевъ*. Надъ этою щедростью посмѣялись и баринъ и слуга, и когда первый, пріѣхавши въ отпускъ, сказалъ о томъ батюшкѣ, то старикъ, нахмурившись, изволилъ выговорить: «Если бы ты былъ уменъ, то не просилъ бы отпускной для плута Никитки, да вмѣсто моихъ пяти рублевъ выдалъ бы ему пятьдесятъ палокъ!» Родительская любовь иногда очень дѣльно разсуждаетъ.

«Это еще не все, другъ мой Никиша, говорилъ Нилъ Валерьяновичъ, по возвращеніи въ Петербургъ. Я хочу вполнѣ составить твое счастіе. Ступай-ко въ

службу, по статской, да будь нашъ братъ — офицеръ!» Никита упалъ въ ноги своему благодѣтелю.

Знакомства было довольно, и Нилъ Валерьяновичъ прибѣгнулъ съ просьбою къ одному значительному чиновнику. Его сіятельство, очень вѣжливо и очень благоразумно, сдѣлалъ кое-какія замѣчанія о наполненіи присутственныхъ мѣстъ вольноотпущенниками, которые, по словамъ его, только распложаютъ племя взяточниковъ и крючкотворцевъ. Но Нилъ Валерьяновичъ просилъ неотступно. «Приведите его ко мнѣ» сказалъ его сіятельство.

Будущій офицеръ явился и подалъ свои бумаги. Баринъ его тутъ же былъ. Его сіятельство прочиталъ...

«Что это за негодное прозваніе, Чумичкинъ! Это надобно перемѣнить.»

— Какъ угодно вашему сіятельству!

«Назвать бы его, по отчеству... Ѳедотовымъ. Да нѣтъ! У меня уже есть Ѳедотовъ. Въ какомъ мѣсяцѣ ты родился?»

— Втораго апрѣля ваше сіятельство! —

«И тутъ неудача! Фамилія Апрѣлевыхъ есть дворянская...»

— Ваше сіятельство, сказалъ Нилъ Валерьяновичъ, онъ округи Вяземской, такъ можно бы назвать его... Вязьминымъ. Такой фамиліи, кажется, нѣтъ.

«Хорошо! Такъ будь же ты Вязьминъ!»

И на другой день новопожалованный Вязьминъ поступилъ въ канцелярію его сіятельства.

комыхъ. У бывшаго капитана гвардіи ихъ всегда много. Съ обѣда на обѣдъ, съ вечера на вечеръ, изъ клуба въ собраніе, отъ стариннаго пріятеля къ новому, и... черезъ двѣ недѣли, рано поутру, пріѣхалъ Нилъ Валерьяновичъ къ Никитѣ Ѳедотовичу. Послѣдній еще и къ должности не ѣздилъ.

«Что такъ рано, мой благодѣтель? и кажется... будто вы разстроены? Господи Іисусе Христе! Да что съ вами?»

— Горе, мой другъ! сказалъ усаживаясь Нилъ Валерьяновичъ.

«Господи Іисусе Христе! (съ нѣкотораго времени, это выраженіе безпрестанно употреблялось Вязьминымъ, а мое замѣчаніе принадлежитъ къ дѣлу.) Да скажите, что случилось?»

— Ахъ! Никитушка! Правду говоритъ пословица: каковъ въ колыбелкѣ, таковъ до могилки!

«Господи Іисусе Христе!...

— Коротко сказать, вчера проигралъ десять тысячь!

«О!... это не хорошо, Нилъ Валерьяновичъ!»

— Я зналъ, что ты будешь меня бранить! Не въ первый разъ! Но... другъ! братъ!... Научи, что мнѣ дѣлать!... Деньги изъ Совѣта я получаю сегодня, а проигралъ на честное слово!...

Вязьминъ подумалъ.

«Надобно заплатить, мой батюшка!»

— А тебѣ что же я дамъ?

«Господи Іисусе Христе! Такъ это вы обо мнѣ безпокоитесь! Ахъ, благодѣтель мой! Да не грѣшно ли это вамъ? Да я...» и проч. и проч. и проч.

— Ну, если такъ, то вотъ что я сдѣлаю: заплачу долги, и... рискну еще пять тысячь! Попытаюсь отъиграться.

Съ быстротою молніи мелькнула улыбка на лицѣ Вязьмина. Онъ устремилъ глаза на Нила Валерьяновича, промолчалъ съ минуту и сказалъ важнымъ тономъ.

«Послушайте, отецъ мой! Попробовать счастія не грѣхъ. Но... воля ваша, а надобно исполнить то, что вы обязаны... Дайте мнѣ честное дворянское слово, что вы заплатите всѣ долги по губерніи вашей. Сколько вы тамъ должны?»

— Пятнадцать тысячь.

«Извольте же сегодня ко мнѣ привести эту сумму, напишите письмо, и... я самъ свезу на почту. Это святое дѣло, благодѣтель мой! Обѣщаете ли?»

— Нилъ Валерьяновичъ далъ честное слово.

«Хорошо! И впредь не берите ни у кого денегъ. Если вы не можете обойтись безъ долговъ, то... заклинаю васъ!... *будьте должны мнѣ одному*. Для васъ — у меня еще найдется!»

Нилъ Валерьяновичъ бросился ему на шею.

Чрезъ нѣсколько дней, когда деньги были отосланы въ Смоленскую Губернію — новый Беверлей явился къ Вязьмину.

«Я погибъ! сказалъ онъ. Вчера проигралъ еще сорокъ тысячь, изъ которыхъ тридцати пяти заплатить нечѣмъ!»

— Гос-по-ди — І-и-су-се — Хрис-те!!... —

Тутъ Вязьминъ задумался не на шутку, — и было отъ чего задуматься; дѣло подходило къ развязкѣ, и

онъ, какъ новый Гамлетъ, колебался между: *быть* или *не быть*... особеннаго рода! Онъ не имѣлъ такой суммы, а заемнаго письма Нилъ Валерьяновичъ не хотѣлъ давать обыгравшему. У игроковъ – своя честь, своя деликатность. Положено было: взять сроку на недѣлю, и тѣмъ временемъ пріискать деньги. Но кто дастъ такую огромную сумму безъ залога? А умъ и расторопность Никиты? О!... молодецъ! Онъ *у своихъ* по мелочамъ наберетъ эту сумму, а послѣ постарается скупить у нихъ заемныя письма. «Да кому это вы проиграли?» – Отвѣтъ. – «А! я его знаю... говорятъ, онъ на руку не чистъ!... Да я его уговорю. Смотрите же, мой благодѣтель, не ѣздите къ нему! Не введи васъ, Господь, вторично во искушеніе! Я самъ и деньги отдамъ этому плуту!»

И точно, онъ зналъ этого плута, у котораго раза два покупалъ игрецкія заемныя письма за полцѣны. Этимъ ремесломъ онъ также промышлялъ. Долгъ Нила Валерьяновича купилъ онъ за двадцать тысячь, ему доставилъ росписку *о полученіи всѣхъ денегъ сполна*, а его заставилъ выдать разнымъ лицамъ обязательствъ на тридцать пять тысячь, и отправилъ въ деревню, утѣшая въ несчастіи и обнадеживая, что со временемъ все можетъ поправиться.

Когда минулъ десяти-лѣтній срокъ заемному письму Нила Валерьяновича, Вязьминъ взялъ съ него другое въ шестьдесятъ тысячь, какъ по законамъ слѣдовало. За этимъ то онъ и пріѣзжалъ къ нему въ тотъ годъ, когда я тамъ былъ. Что же касается до векселей на тридцать пять тысячь, то оныя были скуплены однимъ

богатымъ Французомъ, который съ женою своею имѣлъ въ Москвѣ значительный торгъ всѣми Французскими товарами, начиная отъ шампанскаго и шатолафита, до блондъ и черепаховыхъ гребенокъ. Этого Француза съ супругою знали всѣ знатнѣйшіе Московскіе жители, всѣ единодушно называли ихъ *оберъ-шельмами*, и тѣмъ не менѣе преисправно къ нимъ отвозили половину своихъ доходовъ каждый годъ. Никита Ѳедотовичъ ручался за Француза, что онъ у него и пикнуть не смѣетъ, и довѣрчивый Нилъ Валерьяновичъ былъ спокоенъ.

Однако Французъ скоро запищалъ! Черезъ годъ, послѣ краткихъ взаимныхъ объясненій, векселя Нила Валерьяновича были поданы ко взысканію. Въ то время это почиталось смертельною обидою и даже безчестіемъ для дворянина. Нилъ Валерьяновичъ, обезумѣвшій отъ такого внезапнаго удара, не спросясь ничьего совѣта — поскакалъ въ Москву, гдѣ на третій день прибытія вынужденъ былъ дать подписку о невыѣздѣ изъ города! Самъ онъ не зналъ этого обыкновенія, а вѣрный другъ Никита, *съ горя*, позабылъ его предостеречь! Нилъ Валерьяновичъ самъ признался, что по милости бездѣльника Француза — дѣло доходитъ до плачевной развязки!

Но да не будетъ ни минуты подозрѣваемъ безвинный Французъ. Теперь же объявляю моему читателю, что Французъ — впослѣдствіи времени — не признавалъ себя нисколько виноватымъ въ исторіи Нила Валерьяновича, и говорилъ, что ему въ голову не приходило скупать векселя незнакомаго; что самъ же Вязьминъ ему предложилъ оные, съ уступкою процентовъ

и десяти тысячь капитальной суммы, ручаясь въ вѣрности платежа; что годъ спустя, тотъ же Вязьминъ, настращалъ его слишкомъ запутаннымъ положеніемъ дѣлъ должника, посовѣтовалъ ему подать ко взысканію, и не соглашаться ни на какія отсрочки, тѣмъ-де болѣе, что уже въ то время рубль ассигнаціонный упалъ, и цѣлковый, вмѣсто рубля тридцати копѣекъ, ходилъ уже рубль сорокъ пять, а онъ, Вязьминъ, слышалъ-де отъ свѣдущихъ людей, что дойдетъ дѣло и до двухъ рублей, какъ впослѣдствіи и оказалось; всѣ эти доводы были такъ убѣдительны, что Французъ вынужденъ былъ, скрѣпя сердце, прибѣгнуть къ строгимъ, даже къ жестокимъ, мѣрамъ, а что впрочемъ — онъ омываетъ себѣ руки! Всѣ козни строилъ Вязьминъ.

Если бы читатель спросилъ меня теперь: неужели я описываю какого-нибудь Атаргюля? Неужели въ этомъ, бываломъ, или небываломъ Никитѣ Вязьминѣ, въ Русскомъ, въ христіанинѣ, совершенно не было ни малѣйшей чести и ни капли совѣсти? — Я имѣлъ бы честь отвѣтствовать на этотъ вопросъ: въ Хамовомъ отродьѣ не мало такихъ Вязьминыхъ. Васъ изумляетъ это выраженіе! Повторю еще разъ: Хамово отродье! Не я такъ назвалъ Никиту Вязьмина; такъ называли его съ малыхъ лѣтъ, законные господа, да его же родные отцы и дѣды, и этому привыкъ онъ вѣрить, какъ своему существованію. Онъ взросъ, убѣжденный въ своемъ особенномъ, Хамскомъ происхожденіи, и отъ этого, естественнымъ образомъ, въ немъ глубоко вкоренились особенныя правила, завелась своя Хамская честь, заговорила своя Хамская совѣсть! Хотите ли вы послушать

бесѣды Никиты Вязьмина съ самимъ собою? А бесѣдовать съ самимъ собою, почти то же значитъ, что готовиться дать отчетъ Богу, слѣдовательно, это дѣло не шуточное! Хотите?... Вотъ что онъ говоритъ: «Вѣдь это господа, а мы люди бѣдные! Мы въ потѣ лица снискиваемъ черствый хлѣбъ. Отъ кого же нашему брату и поживиться, какъ не отъ господъ? Не будетъ ихъ, погибнемъ и мы! Дѣло извѣстное!... Я знаю Нила Валерьяновича вдоль и поперегъ, знаю насквозь, знаю съ самой его колыбели! Я былъ постепенно его мученикомъ, его слугою, его повѣреннымъ, его помощникомъ, и наконецъ, а можетъ быть и во все это время — его истиннымъ другомъ, какимъ останусь по гробъ мой! Мнѣ извѣстно, что душа въ немъ самая благородная, самая добрая, но... онъ невоздерженъ! Онъ избалованъ родителями и счастіемъ, къ добрымъ совѣтамъ не привыкъ, и слушать ихъ не станетъ! Отъ веселой жизни не отстанетъ и имѣнія за собою не удержитъ — это вѣрнѣе смерти! Но если его достоянію суждено перейти въ чужія руки — почему же мнѣ этимъ не воспользоваться? Почему не упрочить участи *своего* сына, который попалъ въ дворяне по его же милости, или, лучше сказать, по волѣ его? Достанется его имѣніе другому — тотъ ему, не только спасибо не скажетъ, но и знать его не захочетъ! Пріобрѣту я эту вотчину, мою и его родину — я останусь тѣмъ же слугою моему другу и благодѣтелю! Мое — будетъ равно и его!»

Никита Ѳедотовичъ казался раздраженнымъ до нельзя на безчестнаго Француза, а Нилъ Валерьяновичъ оправдывалъ его. — «Я ему долженъ, говорилъ онъ, и не могу заплатить. Кто же согласится потерять такую большую сумму? Онъ прибѣгнулъ къ строгости законовъ, и правъ!» — Но это не успокоивало Никиту Ѳедотовича. Главное дѣло въ томъ, что онъ ручался за проклятаго Француза! И что съ нимъ вдругъ сдѣлалось? По всѣмъ догадкамъ выходитъ, и даже объ этомъ всѣ говорятъ, что во время войны этотъ *оберъ-шельма* переписывался съ непріятелемъ, а такъ какъ эта шутка вышла наружу, то Французу и велѣно убираться восвояси, потому то онъ и торопится собирать свои деньги.

«Такъ ли, иначе ли, сказалъ Нилъ Валерьяновичъ, мнѣ все равно! Средствъ никакихъ нѣтъ, и осталось одно: продать имѣніе, всѣмъ заплатить, а самому остаться безъ куска хлѣба. И это я сдѣлаю!»

Вязьминъ громко зарыдалъ.

«Господи Іисусе Христе, да будетъ святая воля Твоя! Довелось же мнѣ дожить до того горькаго дня, что отецъ мой и благодѣтель лишается достоянія родительскаго, что чужой поселится въ домѣ его, а благородная отрасль стариннаго дворянскаго рода остается безъ пріюта! Нѣтъ, благодѣтель мой, пока я живъ, этому не бывать! Не допущу я до того, чтобы мой милостивецъ покинулъ мѣсто рожденія своего! Не владѣть чужому гробами отцовъ моихъ! Батюшка Нилъ Валерьяновичъ! вамъ не удержать за собою имѣнія, вы должны его продать! Такъ я же у васъ по-

купаю! Живите въ немъ спокойно и пользуйтесь имъ, какъ всегдашній господинъ и законный владѣлецъ!

Весьма часто, и почти всегда, Французскіе сочинители романовъ основываютъ завязку на непростительномъ, невѣроятномъ и глупомъ упрямствѣ одного изъ героевъ: передъ нимъ дѣло ясное какъ день — онъ одинъ не видитъ и видѣть не хочетъ. А почему? Потому что безъ этого ослѣпленія не вышло бы той катастрофы, которую приготовилъ авторъ. — Читатель подумаетъ, что и я впадаю въ такую же несообразность. И подлинно! Надобно быть чрезвычайно глупымъ, безсмысленнымъ, даже не знать счета, чтобы не угадать плутовства Вязьмина. Человѣкъ, который не беретъ процентовъ, для того чтобы удвоить капиталъ и долгъ изъ довольно сноснаго сдѣлать тяжелымъ; человѣкъ, который допускаетъ незнакомаго скупать векселя, которые самъ онъ обѣщалъ скупить; человѣкъ, который отказывается подать помощь, за неимѣніемъ тридцати пяти тысячь, и въ то же время хочетъ купить имѣніе, чего сдѣлать нельзя не заплативши этихъ самыхъ тридцати пяти тысячь, — какъ угодно, разсчетъ вѣренъ, что такой человѣкъ сущій плутъ, и давно имѣлъ въ виду эту покупку. Ваши замѣчанія очень справедливы, почтенный читатель! Но... вы счастливы, право, счастливы! Вы, повидимому, не были свидѣтелемъ подобныхъ ослѣпленій, безпредѣльныхъ довѣренностей къ людямъ, которые умѣютъ овладѣть умомъ и сердцемъ, такъ сказать, приворожить къ себѣ! Да, именно! Тутъ есть какая-то магическая или магнетическая сила, что называется по Французски fas-

cipasion! Въ этомъ жалкомъ положенія былъ и Нилъ Валерьяновичъ. — На счетъ удвоенія суммы процентами, онъ не могъ винить никого. Вязьминъ не хотѣлъ брать съ него никакихъ процентовъ, въ первые годы, и впослѣдствіи. Когда просилъ перемѣнить законнымъ порядкомъ десятилѣтнее заемное письмо, то о процентахъ не упоминалъ ни слова. Самъ Нилъ Валерьяновичъ велѣлъ написать вексель въ такую сумму. — Что же касается до неожиданной рѣшительности купить имѣніе, то съ перваго о томъ слова, Нила Валерьяновича, какъ кинжаломъ въ сердце поразила мысль, что достояніе отца его, стяжанное службою, перейдетъ во владѣніе бывшаго его холопа; но въ ту же минуту, радостная мысль, что самъ онъ не разстанется съ Благодатнымъ, утѣшила его, и онъ, съ нѣкоторою боязнію, сдѣлалъ Вязьмину ваши справедливыя замѣчанія, почтенный читатель! Вотъ какъ объяснился Никита Ѳедотовичъ.

Нилъ Валерьяновичъ былъ долженъ ему и Французу съ процентами болѣе ста тысячь, да въ Опекунскій Совѣтъ по семидесяти рублей за ревижскую душу, что вмѣстѣ составляло долгу, на каждую ревижскую душу болѣе трехъ сотъ двадцати рублей, цѣна, какой въ то время не давали за лучшія имѣнія въ Смоленской Губерніи. Отъ такого большаго долга и рушился кредитъ помѣщика. Купивши же имѣніе, Вязьминъ снимаетъ съ онаго болѣе шестидесяти тысячь долгу, т. е., полтораста рублей съ души, и въ такомъ случаѣ всякій охотно повѣритъ ему сорокъ тысячь, которыя нужно доплатить. Тогда былъ вѣкъ довѣренности, и

заемное письмо помѣщика почиталось вѣрнѣе залога, потому что примѣры уклоненія отъ платежа своихъ долговъ – были рѣже смертоубійствъ. Всякому вѣку да воздастся должное!

И вотъ еще доказательство ослѣпленія Нила Валерьяновича: не сказавши ни слова своему Мефистофелю, онъ поѣхалъ къ Французу, который, не зная его, принялъ чрезвычайно вѣжливо, съ ласковою Французскою улыбкою. Но когда посѣтитель сталъ просить о прекращеніи взысканія, дабы онъ могъ свободно продать свое имѣніе, и уплатить ему же, Французу, должныя деньги, всѣ до копѣйки съ процентами — то на лицѣ Француза оказался Русскій великій постъ. Онъ началъ что то бормотать: Мосье Вязьминъ... мосье Вязьминъ!... — Ну что же мосье Вязьминъ? — Да... мосье Вязьминъ навязалъ эти заемныя письма... Мосье Вязьминъ говорилъ, что деньги вѣрныя (а объ уступкахъ ни слова!) — Нилъ Валерьяновичъ сказалъ, что ему это извѣстно. — Потомъ... мосье Вязьминъ говорилъ, что долговъ очень много... что деньги... могутъ быть и не вѣрны!... — Мосье Вязьминъ, какъ честный человѣкъ сказалъ правду! — Такъ по этому... ни на что нельзя согласиться... безъ мосье Вязьминъ! – Да мосье Вязьминъ самъ объ этомъ будетъ просить! Вѣдь онъ то и покупаетъ имѣніе! – Мосье Вязьминъ??? – Ну, да, мосье Вязьминъ!...

Тутъ Французъ, какъ Донъ Базиль, когда ему всунули кошелекъ въ руку, выпучилъ глаза и протяжно сказалъ: «А!... Теперь понимаю!...» А простодушный Нилъ Валерьяновичъ и тутъ ничего не понялъ! Этого

мало: онъ съ торжествомъ поѣхалъ къ Вязьмину, который поблѣднѣлъ, когда узналъ, что онъ былъ у Француза, и послѣ... едва ли не въ первый разъ въ жизни покраснѣлъ, когда Нилъ Валерьяновичъ, обнявши его, со слезами благодарилъ за то, что онъ не обманывалъ его именемъ, и не скрылъ отъ заимодавца его запутанныхъ дѣлъ!

Но пора кончить эти утомительныя и довольно отвратительныя подробности. — Черезъ два мѣсяца, достояніе Валерьяна Максимовича, награда за усердную службу Августѣйшей Монархини, перешло въ вѣчное и потомственное владѣніе коллежскаго ассессора и кавалера Никиты Ѳедотовича Вязьмина, бывшаго Никитки Чумичкина, изъ Хамова отродья!... Судьбы Вышняго неисповѣдимы!...

Изнѣженность въ дѣтствѣ (отъ бабушекъ!) и невоздержная жизнь въ молодости не всегда скоро оказываютъ свои вредныя послѣдствія. Не рѣдко, до самой старости щадятъ онѣ и душу и тѣло, оставляя то и другое въ полномъ здравіи. Но не вѣрьте имъ, этимъ обманчивымъ недугамъ, такъ рано привитымъ! Они выжидаютъ тягостнаго переворота въ судьбѣ человѣка, дабы тогда оказать все свое могущество!... Такъ было и съ Ниломъ Валерьяновичемъ. Доселѣ бодрый, здоровый, веселый, моложавый, уже показавшій твердость духа своего при непріятной отставкѣ — послѣ потери имѣнія сдѣлался хилымъ, больнымъ, скучнымъ и слабодушнымъ! Въ короткое время онъ по-

сѣдѣлъ до совершенной бѣлизны. Онъ жилъ въ селѣ, и должно сказать къ чести Никиты, какъ настоящій помѣщикъ. Вязьминъ не входилъ ни во что и даже отчетовъ не требовалъ. Но куда дѣвались прежніе пиры и веселые выѣзды на охоту! Теперь, когда Нилъ Валерьяновичъ чувствуетъ себя здоровымъ и дорога хороша, онъ на почтовыхъ скачетъ въ Петербургъ, хоть на мѣсяцъ, хоть на недѣльку: тамъ, съ восьмилѣтняго возраста находился его сынъ, отвезенный въ корпусъ тетушкою. Этотъ сынъ, съ которымъ Нилъ Валерьяновичъ довольно равнодушно разстался, сдѣлался предметомъ его любви. Онъ ощущалъ какое то восхитительное страданіе, когда держалъ въ своихъ объятіяхъ милаго Валериньку! Подобно сему, Египтяне заставляли убійцу держать въ своихъ объятіяхъ трупъ умерщвленнаго имъ!...

Ея превосходительство Афросинья Валерьяновна съ большою твердостію перенесла горе, которое, по образу жизни своего брата, уже давно предвидѣла; но къ сожалѣнію, начала предвидѣть, уже отдавши ему свои сто душъ. Объ этомъ обстоятельствѣ она иногда вздыхала, приговаривая, что не для того отдавала свое приданое, чтобы оно перешло во владѣніе Никитки Чумичкина! «А впрочемъ, прибавляла ея превосходительство, впрочемъ, власть Господня!»

Эта покорность ко власти Господней укрѣпляетъ душу лучше всякихъ философическихъ разсужденій. Это самое и предписывалъ Магометъ своему народу, но невѣжды сдѣлали изъ того глупѣйшій фатализмъ. И чего не употребляетъ во зло непросвѣщеніе!... Афросинья же Валерьяновна была достаточно просвѣ-

щена для того, чтобъ умѣть пользоваться симъ спасительнымъ вѣрованіемъ, которое вскорѣ ей пригодилось для перенесенія новаго удара.

Нилъ Валерьяновичъ, не смотря на слабое здоровье и на убѣжденія сестры, поѣхалъ въ Петербургъ, по первому снѣгу, въ погоду очень сырую. Онъ даже утверждалъ, что совершенно выздоровѣетъ въ объятіяхъ сына, отъ воздуха столицы, въ коей провелъ пятнадцать лучшихъ лѣтъ своей жизни!... Эта поѣздка была послѣдняя. Къ слѣдующей веснѣ, совершенно изнуренный Нилъ Валерьяновичъ принужденъ былъ ѣхать въ Москву для консиліума. Въ числѣ медицинскихъ средствъ, предписанныхъ извѣстнѣйшими въ столицѣ врачами, былъ и здоровый, деревенскій воздухъ, не слишкомъ въ дальнемъ разстояніи отъ Москвы, дабы врачъ могъ навѣщать больнаго. О! какъ благодарилъ въ то время Нилъ Валерьяновичъ святыхъ отшельниковъ древней Руси, которые, врачуя душу, повидимому, заботились и о тѣлесномъ здравіи! По всѣмъ справкамъ оказалось, что въ окрестностяхъ столицы самыя здоровыя мѣста, по положенію и благорастворенному воздуху, заняты монастырями. Близь одной изъ сихъ обителей поселился Нилъ Валерьяновичъ, и чрезъ нѣсколько недѣль нашелъ тамъ вѣчное успокоеніе. Онъ умеръ съ утѣшительною надеждою примиренія съ грознымъ, но вмѣстѣ и милосердымъ, Судіею. Передъ кончиною писалъ онъ къ сыну, завѣщая ему свой гибельный примѣръ, во спасеніе его и обузданіе страстей! — «Кромѣ этого жалкаго наслѣдства, писалъ онъ, и моего грѣшнаго благословенія,

мнѣ нечего тебѣ оставить!» Онъ заклиналъ сына всѣмъ, что свято, не предаваться страсти къ азартной игрѣ. Замѣчательно, что въ довольно пространномъ увѣщаніи по сему предмету, онъ, между прочимъ, сказалъ, что если когда-нибудь сынъ его впадетъ во искушеніе и проиграетъ — то, чтобы радовался своему проигрышу, и не отыгрывался ни за что въ мірѣ! Если же счастіе будетъ ему благопріятствовать, то ради самаго Бога, не ослѣплялся бы симъ и, поблагодаривши святый промыслъ за то, что счастливо отдѣлался отъ такого адскаго занятія — избѣгалъ бы вторичнаго искушенія, какъ діавольскаго соблазна! По признанію Нила Валерьяновича, онъ самъ былъ этимъ увлеченъ.— Никиту Ѳедотовича завѣщалъ онъ сыну чтить и уважать, быть ему благодарнымъ и всякой помощи отъ него надѣяться: бѣдный страдалецъ умиралъ со счастливою увѣренностью, что Вязьминъ былъ его другомъ вѣрнымъ и... безкорыстнымъ!!....

При извѣстіи о кончинѣ брата, Афросинья Валерьяновна не сказала равнодушно: власть Господня! но помышленіе объ этой власти подкрѣпило ее. Утѣшителей, и въ особенности, утѣшительницъ на словахъ, было очень много; но кто, кромѣ Бога, утѣшитъ бездѣтную вдову, уже довольно старую, болѣе и болѣе теряющую то, что привязывало ее къ жизни!... Никита Ѳедотовичъ, похоронивши бывшаго своего барина, увѣдомилъ бывшую свою барыню, что онъ не замедлитъ ее навѣстить. Бѣдная генеральша нетерпѣливо ожидала его пріѣзда.

*

Онъ пріѣхалъ въ половинѣ августа: это обстоятельство читатель благоволитъ помнить. Въ черномъ одѣяніи, съ крепомъ на рукѣ, со слезами на глазахъ, явился онъ къ Афросиньѣ Валерьяновнѣ. Поплакавши съ нимъ, она посадила его подлѣ себя...

Меня всегда выводитъ изъ терпѣнія привычка иностранныхъ романистовъ, описывать костюмы, квартиры и мебель, съ такою же мелочною точностью, съ какою полиція описываетъ имущество умерщаго безъ наслѣдниковъ, или несостоятельнаго должника. Это скучно, и этого я избѣгаю... когда нѣтъ въ томъ нужды! Теперь же долженъ сказать, что Афросинья Валерьяновна приняла Никиту Ѳедотовича въ своей опочивальнѣ; что сидѣла она на софѣ, поставленной у стѣны, подъ большимъ иконостасомъ, въ коемъ, за стеклами, висѣло множество образовъ, а въ самой срединѣ, за лампадою, большая икона Божьей Матери Всѣхъ Скорбящихъ, которою покойная Анна Евстигнеевна была благословлена на замужство. Этой иконѣ, въ драгоцѣнномъ окладѣ, былъ отслуженъ молебенъ при закладкѣ господскаго дома въ селѣ Благодатномъ. Она же первая и была внесена, съ церемоніею, въ нововыстроенный домъ, и съ тѣхъ поръ не выходила изъ онаго. Эту икону, Анна Евстигнеевна, предъ кончиною, завѣщала дочери своей Евфросиньѣ. — Никита Ѳедотовичъ усѣлся на старыя кресла, по лѣвую сторону генеральши.

«Мнѣ все горе за горемъ, Никитушка!... Видишь ты самъ!... Не оставь ты меня!...» Никита Ѳедото-

вичъ началъ увѣрять въ своемъ почтеніи... и въ томъ, и въ семъ, и въ прочемъ...

«Охъ, другъ ты мой! Я уже столько испытала несчастій, что почти вѣры нѣтъ въ людей!... Я стара, а старые люди всѣмъ въ тягость!...»

Читатель можетъ замѣтить, что ея превосходительство сказала глупость очень неумѣстную, но... не рѣдко, даже весьма часто, а, можетъ быть, и всегда глупости говорятся, безъ намѣренія сказать глупость, а такъ... противъ воли, по какому то непонятному побужденію!... Никита Ѳедотовичъ, также замѣтилъ, что генеральша сказала глупость, но изъ уваженія къ ней, сталъ доказывать, что она въ тягость быть ему не можетъ—ни по старости, ни по отношеніямъ, потому-де, что кромѣ благодарности и истиннаго почтенія даже въ самой купчей на имѣніе, онъ прописалъ обязательство доставлять ея превосходительству весь запасъ, которымъ она пользовалась при покойномъ братцѣ. Стало-де, такого обязательства онъ нарушить не можетъ, сколько бы оное ни было ему въ тягость.

«Да не то, мой голубчикъ! вымолвила генеральша, проливая слезы. Ну!... А какъ ты меня, на старости моей, выгонишь отсюда?...»

О!... Почтенный читатель! Я думаю, такія вздорныя рѣчи заставили бы и васъ сдѣлать то же, что сдѣлалъ Никита Ѳедотовичъ, то есть, съ негодованіемъ вскочить съ креселъ, и стать предъ ея превосходительствомъ въ полоборота направо!...

Только вы не сказали бы слѣдующаго:

«Господи Іисусе Христе! Вы ли это говорите, моя благодѣтельница, мать родная! Да какъ это слово у васъ вырвалось? И не грѣшно ли вамъ? Вотъ, продолжалъ онъ, протягивая правую руку къ образу Божьей Матери, будь мнѣ Царица Небесная свидѣтельницею, что вы меня безвинно обижаете! Господи Іисусе Христе! Да прильпнетъ мой языкъ къ гортани, чтобъ я имени Божья не могъ порядочно выговорить! Отсохни моя рука, чтобъ я не могъ крестнаго знаменія сотворить, если только мнѣ въ голову придетъ!... Ахъ, матушка Афросинья Валерьяновна! Да... пусть мой единородный сынъ покроетъ вѣчнымъ стыдомъ и позоромъ мою преступную голову...» Довольно!

Афросинья Валерьяновна, какъ женщина благочестивая, всякаго другаго попросила бы избавить ее отъ слышанія такихъ страшныхъ клятвъ, воспрещенныхъ самимъ Спасителемъ; но... въ этотъ разъ она была снисходительна къ Хамской привычкѣ: накликивать на себя всевозможныя бѣдствія, какъ будто не довѣряя своей совѣсти и чистотѣ намѣреній!...

Съ строгимъ видомъ сказала генеральша: - «Тото же, Никита Ѳедотовичъ, помни!...»

Черезъ годъ послѣ сего, Никита Ѳедотовичъ вышелъ въ отставку. Двадцать шесть лѣтъ онъ служилъ и вмѣстѣ съ тѣмъ прислуживался, почитая оба сіи ремесла нераздѣльными: послѣднее, очень трудно и утомляетъ! Сверхъ того, Высочайшимъ указомъ, какъ громомъ поразившимъ всѣхъ выходцевъ изъ Хамова отродья — Никитѣ Ѳедотовичу прегражденъ былъ путь къ чину статскаго совѣтника и далѣе. Слѣдовательно

и служить не изъ чего, особливо когда человѣкъ уже дворянинъ, помѣщикъ слишкомъ четырехъ сотъ душъ, вдовецъ, и имѣетъ только одного сына: не стоитъ того, чтобы и взятки брать, да совѣсть марать!

Въ томъ же году, молодой Валерьянъ, только что произведенный въ подпоручики по квартирмейстерской части, пріѣхалъ въ отпускъ ради утѣшенія старой тетки, единственной его родственницы. Тутъ же видѣлся онъ съ Никитою Ѳедотовичемъ, который принялъ его, не только ласково, но и почтительно, плакалъ обнимая его, просилъ почтить его милостивымъ расположеніемъ покойнаго батюшки, и называлъ не иначе какъ: безцѣнная отрасль моего благодѣтеля!... Валерьянъ познакомился и крѣпко подружился съ сыномъ Вязьмина, четырнадцатилѣтнимъ Алексашею, мальчикомъ прелестнымъ, сколько наружностью, столько и добрымъ сердцемъ, и самымъ милымъ характеромъ. Въ этомъ отрокѣ, повидимому, не было никакихъ примѣтъ Хамскаго происхожденія. Повидимому!...

Русскій мужичокъ... надобно его знать коротко! Русскій мужичокъ можетъ назваться образцомъ вѣрности и преданности къ святой церкви, къ Государю и отечеству, и къ законной надъ ними власти. Такъ какъ мы живемъ въ такое мудрое время, что за недостаткомъ хорошихъ качествъ между людьми, бываемъ вынуждены у звѣрей искать образцовъ изящнаго и добраго, — то я смѣло скажу, что на счетъ вышеписанныхъ вѣрности и преданности нашъ Русскій мужичокъ можетъ быть сравненъ *съ собакою*. И это говорится не въ обиду имъ. Не оскорбилась Зон-

тагъ, или графиня Росси, тѣмъ, что ее прозвали соловьемъ. Не знаю, чѣмъ соловей лучше доброй и вѣрной собаки! И такъ какъ я не поклонникъ Магомета, то рѣшительно объявляю, что если бы мой искренній другъ, или... сравняли мою къ нимъ вѣрность и преданность *съ собачьею* — то я былъ бы обрадованъ такимъ лестнымъ отзывомъ.

Этотъ Русскій мужичокъ — *собака по вѣрности*, почитается (не у однихъ иностранцевъ) существомъ грубымъ, безчувственнымъ, болѣе близкимъ къ скоту, нежели къ человѣку. Не знаю, кто болѣе грубъ, безчувственъ и близокъ къ скоту; добрый, Русскій мужичокъ, или... Оставимъ это, и, чтобъ длинной рѣчи дать короткій смыслъ, я скажу утвердительно, что Русскій мужичокъ — замѣтимъ — вѣрный какъ собака, не любитъ чужевластія, не жалуетъ того, что, по какому то инстинкту, онъ признаетъ властію *незаконною*! Это доказано имъ, въ 1812 году, надъ великою націею, щедрою проповѣдницею свободы, которая свою единую и нераздѣльную республику съ раболѣпною всепокорностью задушила у ногъ отважнаго и счастливаго выходца! Русскій мужичокъ ни выходцевъ, ни выскочекъ не жалуетъ!...

Когда разнесся слухъ о продажѣ села Благодатнаго, старшіе и значительнѣйшіе изъ крестьянъ приходили бить челомъ къ Нилу Валерьяновичу, прося его взять всѣ деньги, которыя кто изъ нихъ нажилъ, вдвойнѣ обременить ихъ работою, словомъ, дѣлать съ ними что угодно, только не передавать ихъ во владѣніе Никиткѣ Чумичкину. «Легче намъ живыми въ землю лечь,

нежели терпѣть, что бывшій холопъ нашего барина владѣетъ его имѣніемъ.» Эти справедливыя сѣтованія, свидѣтельствующія объ усердіи и вѣрности крестьянъ, были приняты съ большимъ неудовольствіемъ. Но какъ Нилъ Валерьяновичъ чувствовалъ всю тягость своей вины, то съ простотою старался оправдаться, доказывая, что никакихъ пожертвованій со стороны крестьянъ, даже и совершеннаго ихъ разоренія, не будетъ достаточно на уплату его долговъ, и что, сверхъ того, онъ остается ихъ бариномъ по смерть свою. Что же касается *до почтеннаго* Никиты Ѳедотовича, то они, крестьяне, по невѣжеству своему, ошибаются; что онъ будетъ не столько ихъ помѣщикомъ, сколько отцомъ и благодѣтелемъ; что самъ онъ ихъ же братъ, изъ одного съ ними гнѣзда, и, слѣдовательно, будетъ обходиться съ ними какъ съ равными себѣ, и проч. Крестьяне изъ почтенія къ господину отвѣчали одними поклонами, но послѣднимъ увѣреніямъ ни сколько не вѣрили. Они помнили одно: Никитку Чумичкина многіе изъ нихъ видѣли мальчишкою, который босикомъ бѣгалъ по селу; до сихъ-де поръ здравствуетъ его родная тетка, отличающаяся отъ другихъ сельскихъ бабъ только тѣмъ, что частенько ходитъ въ кабакъ на большую дорогу. Спрашивается, какъ же ея племянникъ можетъ быть бариномъ крестьянъ, жалованныхъ самою Царицею столбовому дворянину за отличную его службу? — Положимъ-де, и самъ Никитка вышелъ въ дворяне, да они, крестьяне села Благодатнаго, заслугъ его не видали; и если онъ, Никитка, пользуется царскою милостію, то пусть выслужить

себѣ помѣстье, какъ покойный баринъ, а къ селу Благодатному... не прикасайся! —

«Вишь ты, купилъ онъ помѣстье законнымъ порядкомъ и заплатилъ елишкомъ сто тысячь. А откуда набрались у него сто тысячь? Небось, изъ жалованья? На это Русскаго мужичка не поддѣнешь! Извѣстны ему доходы исправниковъ, засѣдателей, землемѣровъ, которые почище Никитки Чумичкина; знаетъ онъ, какъ эти господа берутъ иногда денежки тайкомъ — а что взято тайкомъ, то украдено!»—Сверхъ того, слуги, бывшіе при Нилѣ Валерьяновичѣ въ Петербургѣ, разсказывали имъ вподробности, какъ Никитка обкрадывалъ своего барина, какъ за всякую покупку показывалъ цѣну втрое, какъ заводилъ у него картежную игру, чтобъ болѣе получить за карты, какъ, будто бы занималъ для него деньги за большіе проценты, а давалъ свои, краденыя.-Все это было развѣдано! Такъ и выходитъ, что деньги Никитины не многимъ чѣмъ лучше серебряниковъ Іудиныхъ! Такъ говорили грамотные изъ крестьянъ!...

«Увѣряетъ онъ Никитка, что для того и купилъ помѣстье, чтобы выручить нашего барина. Нѣтъ, Іуда предатель, обманывай свою совѣсть, а не насъ! Кабы хотѣлъ выручить благодѣтеля, который вытащилъ тебя изъ грязи, такъ отдалъ бы ему съ покаяніемъ наворованныя деньги, а самъ не лѣзъ бы въ господа надъ православными, которые сами отцовъ твоихъ сѣкали за безпутство!...

«Нѣтъ, Хамово отродье! Не бывать тебѣ нашимъ бариномъ! Введутъ тебя во владѣніе нашимъ селомъ: пу-

скай себѣ! Будутъ руки наши на тебя работать; будутъ наши уши слушать твои приказы; будутъ наши спины переносить отъ тебя побои! Только никогда нашъ языкъ не сотворитъ за тебя молитвы! Никогда наша правая рука не поднимется за здравіе твое! Тѣломъ, будемъ твои; душею — не отстанемъ отъ законныхъ господъ! А безъ нашихъ грѣшныхъ молитвъ, — не сдобровать тебѣ, грабитель! Вѣдь мы православные: молимся Русскому Богу, повинуемся Русскому Царю, служимъ Русскому дворянину».

Пока Никита Ѳедотовичъ жилъ въ Москвѣ, все еще шло своимъ порядкомъ; но когда онъ поселился въ деревнѣ, то можно судить, по вышеприведенной мужицкой логикѣ, какъ были ему рады его крестьяне!... Старшіе учили сыновей своихъ ненавидѣть хищника; тѣ семьи, которыя были въ большемъ или меньшемъ родствѣ съ новымъ помѣщикомъ, возгордились предъ другими, и тѣмъ увеличили ненависть ихъ къ себѣ и къ барину. Пошла такая спесь, что... пуще Сен-Жерменскаго предмѣстья! Ни одно приказаніе не было исполнено порядочно. Неохота, замедленіе, насильственная неповоротливость, словомъ, всѣ признаки неповиновенія.— Вотъ чему Вязминъ бывалъ свидѣтелемъ каждый день. Когда его прикащикъ отдавалъ приказъ именемъ барина, многіе съ дерзостью отвѣчали: «Барина у насъ нѣтъ! Баринъ бываетъ отъ благородной крови, а не изъ холопей! Барыня — у насъ есть, и что она прикажетъ, то мы готовы дѣлать!» О подобныхъ рѣчахъ было доносимо Вязьмину, и онъ часто вынужденъ бывалъ оставлять ихъ безъ наказанія; не смотря на то,

что онѣ глубоко его уязвляли! Прикащикъ отъ имени его просилъ Афросинью Валерьяновну привести въ повиновеніе крестьянъ, которые, по ихъ же словамъ, готовы исполнять ея волю. Но Афросинья Валерьяновна отказалась на-отрѣзъ, объявивши, что ей нуженъ покой, и что даже, когда она сама была помѣщицею, то не входила въ крестьянскія дѣла, а теперь и подавно не ея дѣло! — По неволѣ долженъ былъ самъ управляться бѣдный Никита Ѳедотовичъ.—«Дери его хорошенько! кричалъ онъ, — меня самаго не хуже этого сѣкали!...»

Вамъ и скучны и непріятны эти подробности, почтенный читатель! Но какъ быть! Онѣ необходимы, ибо показываютъ, какъ непосредственно отъ человѣка запутываются обстоятельства дѣла, которое Провидѣніе ведетъ къ опредѣленной цѣли.

Само собою разумѣется, что эта жестокость только усиливала, не страхъ, а ненависть. Съ геройскимъ презрѣніемъ крестьяне шли подъ наказаніе!... А Афросинья Валерьяновна... О! правду, святую истину говорятъ тѣ, которые утверждаютъ, что всякая женщина мастерица помочь бѣдѣ! Только надобно помнить, что это выраженіе имѣетъ двоякое значеніе: способствовать къ распространенію, къ увеличенію бѣды — значитъ также ей помогать!... Афросинья Валерьяновна, вмѣсто того, чтобы увѣщевать непокорныхъ крестьянъ — призывала къ себѣ каждаго наказаннаго и вмѣстѣ съ нимъ плакала и жаловалась на жестокость злодѣя, который тиранилъ бѣдныхъ мужичковъ, за то, что они, голубчики, ее старуху любятъ! — То же разсказывала она и всѣмъ посѣщавшимъ ее. Разумѣется, что послѣ

такихъ лестныхъ рекомендацій и отзывовъ, Никита Ѳедотовичъ пересталъ ходить къ генеральшѣ, но все таки не дѣлалъ ей ни малѣйшей непріятности, хотя и очень чувствовалъ, что былъ къ ней въ отношеніи гораздо худшемъ того, въ какомъ, въ то же время, былъ Наполеонъ къ принцамъ дома Бурбоновъ. — Наконецъ Афросиньѣ Валерьяновнѣ представился удобный случай истощить терпѣніе Вязьмина, хотя въ душѣ своей она и не желала ему зла.

Молодой крестьянинъ, наказанный прикащикомъ, съ горя напился пьянъ, и поймавши прикащика, избилъ его, какъ говорится, до полусмерти. Въ ярости своей, онъ даже проговорился, что то же будетъ и Никитѣ Чумичкину. — Какъ водится, крестьянина схватили и заковали для отдачи въ рекруты. Мать несчастнаго была въ родствѣ, или въ кумовствѣ, съ престарѣлою горничною генеральши: обѣ бросились ей въ ноги и просили защиты. Афросинья Валерьяновна письменно потребовала прощенія виновному, но Вязьминъ весьма почтительнымъ письмомъ отвѣчалъ, что сдѣлать этого онъ не можетъ, ибо провинится передъ Богомъ и Государемъ, если будетъ оставлять безъ наказанія такое буйство. — Боже мой! Что послѣ этого происходило въ домѣ ея превосходительства и въ преданномъ ей селѣ Благодатномъ - объ этомъ читатель можетъ самъ составить себѣ понятіе, по слѣдующимъ даннымъ: старая, знатная дама, генеральша, не могла упросить бывшаго своего холопа, чтобы онъ помиловалъ (по ея мнѣнію) *безвиннаго!*...

Къ счастію, земская полиція была призвана во время.

Послѣ этого, что оставалось дѣлать Вязьмину? Одно изъ двухъ: либо продать помѣстье, за которое никто не далъ бы настоящей цѣны, зная, что оно продается по нуждѣ; либо—удалить изъ села Афросинью Валерьяновну, въ присутствіи коей, владѣлецъ имѣнія не смѣетъ даже прибѣгнуть къ помощи мѣстнаго начальства!... Въ сей рѣшимости, Никита Ѳедотовичъ написалъ превѣжливое и препочтительное письмо къ ея превосходительству, въ коемъ объяснялъ, что по поводу непокорности крестьянъ и буйнаго расположенія духа ихъ, доходы его противъ прежняго значительно поуменьшились; и ради таковаго неудобства, намѣренъ онъ въ селѣ завести фабрику съ вольными работниками, которые не токмо доставляли бы ему прибыль, но и были бы ему пособіемъ въ случаѣ буйныхъ замысловъ нечестивыхъ крестьянъ. Но такъ какъ, для такой фабрики, не имѣется ни зданія, ни мѣста, то и ожидаетъ онъ приказаній ея превосходительства: нанять, купить или выстроить ей домъ, *на собственныя его деньги*, гдѣ она пожелаетъ, только внѣ села Благодатнаго; а занимаемый ея превосходительствомъ нынѣ — очистить и отдать ему по принадлежности.

Когда генеральша прочитала это посланіе, то негодованіе изобразилось на ея лицѣ. Она сказала посланному: «Доложи своему... господину, что я читала его письмо и глазамъ не вѣрю, и если онъ хочетъ, чтобъ я ему повѣрила, то пусть самъ ко мнѣ явится!»

Черезъ полчаса явился Никита Ѳедотовичъ. Генеральша приняла его, въ той же опочивальнѣ, и на томъ

же мѣстѣ, гдѣ за два года назадъ. Это происходило также въ августѣ.

«Помнишь ли ты страшныя заклятія и бѣдствія, которыя ты на себя вызывалъ, здѣсь, предъ Божьею Матерью...?»

Повидимому, такъ надлежало бы Афросиньѣ Валерьяновнѣ начать объясненіе; но она сего не сдѣлала, по неизвѣстной причинѣ. Или она забыла о клятвѣ, что весьма невѣроятно, или, что гораздо правдоподобнѣе, она въ душѣ своей разрѣшила оную, зная, какъ истинная христіанка, что всякая клятва нарушившему обращается въ проклятіе, отъ чего, Боже, упаси и злѣйшихъ враговъ нашихъ.

Съ спокойнымъ, благороднымъ, нѣсколько недовольнымъ видомъ, генеральша начала разговоръ такимъ образомъ:

«Вы знаете, Никита Ѳедотовичъ, что я *нисколько не вмѣшивалась въ ваши дѣла по имѣнію*. Слѣдовательно, вамъ лучше извѣстно, что для васъ выгодно и прилично: фабрики, заводы, или другое. Только я сдѣлаю вамъ одно замѣчаніе. Этотъ домъ выстроенъ бывшими вашими господами, и выстроенъ для жительства помѣщика, нарочно противъ храма Божія. Въ этомъ домѣ родилась я, родился и братъ мой, бывшій вашъ другъ и благодѣтель; въ этомъ домѣ взросли и вы, бывшій нашъ подданный; и съ этого же дома началось ваше счастіе! Въ этотъ домъ отцы и дѣды ваши приходили съ благоговѣніемъ—и изъ этого дома хотите вы сдѣлать фабрику!...»

Никита Ѳедотовичъ началъ выводить свои резоны и доводы, на которые генеральша не нашла возраженій.

«Пусть будетъ по твоему! сказала она. Только вспомни, что я стара и слаба; что въ будущій великій постъ мнѣ пойдетъ седьмой десятокъ. Такія лѣта — уже не жизнь, а приготовленія къ смерти! Куда мнѣ скитаться по бѣлому свѣту, проживши здѣсь пятнадцать лѣтъ и доживя до глубокой старости? И этотъ домъ, не столько мое жилище, сколько мой смертный одръ, мой гробъ, въ которомъ, тѣнь, остатки мои ожидаютъ погребенія. Неужели ты не дашь мнѣ умереть здѣсь?»

Все это было очень хорошо и убѣдительно; но у Никиты Ѳедотовича нашлась своя логика, и свои доводы!... Онъ остался при своемъ намѣреніи.

«Теперь мнѣ остается послѣднее? Вы, Никита Ѳедотовичъ изъ людей ничтожныхъ вышли въ дворяне, разбогатѣли, имѣете сына, которымъ по справедливости можете гордиться. Всѣ блага жизни на вашей сторонѣ. Напротивъ того, я во дни оны была знатна и богата, жила въ столицѣ, ѣзжала ко двору; теперь сдѣлалась убогою и безпріютною. Дѣтей было у меня трое, Никита Ѳедотовичъ! Всѣхъ троихъ я схоронила, и съ каждымъ въ могилу часть собственной жизни положила! Овдовѣла я, лишилась брата и друга! Всѣ меня оставили здѣсь на землѣ, какъ будто для того, чтобы мнѣ радостнѣе было къ нимъ туда переселиться! Послѣ такихъ бѣдствій, какія мнѣ остались радости? Что поддерживаетъ мою жизнь? Одна утѣшительная мысль, что я спокойно доживу свой вѣкъ на родинѣ, и что кости мои лягутъ возлѣ праха родителей моихъ! Неужели

вы, человѣкъ и христіанинъ, въ состояніи отнять это послѣднее утѣшеніе у престарѣлой страдалицы? Неужели вамъ жаль мнѣ дать могилу?»

Никита Ѳедотовичъ сидѣлъ какъ на иголкахъ. Онъ думалъ, что легче отдѣлается, и вынужденъ былъ признаться, что могилою готовъ служить ея превосходительству, но что присутствіе ея въ-живѣ... есть настоящая поджига для крестьянъ!... Это было сказано неучтиво и неосторожно. Есть вещи, которыя должно знать про себя. Генеральша встала.

«Такъ вотъ настоящая причина твоей непреклонности! Зачѣмъ же ты, безчестный человѣкъ, обманывалъ меня какими то фабриками и вольными людьми? Зачѣмъ не сказалъ просто, что тебѣ непріятно видѣть, какъ добрые крестьяне любятъ прежнюю свою барыню? Этого было бы довольно для меня! Не стала бы я унижаться, не просила бы тебя!... И какъ я просила, Боже мой! Просила, какъ бывшая госпожа его и сестра его благодѣтеля! Просила, какъ женщина слабая, на старости, которую и въ безсловесныхъ животныхъ человѣкъ долженъ щадить! Просила, наконецъ, какъ страдалица, Богомъ испытанная—и чего просила? Могилы! Этотъ извергъ не далъ мнѣ и могилы!.. Такъ знай же, неблагодарный злодѣй, что если ты теперь самъ будешь валяться у ногъ моихъ и просить меня остаться здѣсь — то я не сжалюсь надъ тобою. Да! черезъ двѣ недѣли меня здѣсь не будетъ... только вспомни... тутъ генеральша сдѣлала шагъ направо, и величественно протянула лѣвую руку къ образу Божьей Матери — вспомни, что и это сокровище уѣдетъ

вмѣстѣ со мною. Благословеніемъ Заступницы былъ выстроенъ этотъ домъ, сооруженъ Божій храмъ, заселено самое село! Всѣ эти благословенія увезу я съ собою! Не меня, а Царицу Небесную выгналъ ты отсюда! Не смѣй же оставаться въ ея присутствіи! Поди вонъ, подлая душа, холопскія чувства, и не показывайся мнѣ болѣе на глаза!...»

Вязьминъ не поклонился и вышелъ съ гордымъ видомъ. Но въ сѣняхъ остановился, крѣпко прижалъ кулакъ къ груди, горестно покачалъ головою, тяжело вздохнулъ, возвелъ глаза къ небу, перекрестился, сбѣжалъ внизъ, вскочилъ на дрожки и уѣхалъ. Въ этой краткой пантомимѣ заключалось преглубокомысленное философическое разсужденіе.

Сборы ея превосходительства были непродолжительны. Въ нѣсколько дней, былъ готовъ для нея домъ въ городѣ. Во все это время она не показывала никакой скорби, и даже знакомымъ, которые изъявляли ей свое сожалѣніе, она отвѣчала, что, напротивъ, должно ее поздравить съ тѣмъ, что она избавляется отъ всякихъ сношеній съ такимъ гнуснымъ человѣкомъ; что одна мысль быть ему чѣмъ нибудь обязанною, убивала ее; и что, наконецъ, она увозитъ съ собою то, что для нея всего дороже: благословеніе родителей, икону Божьей Матери; что съ покровительствомъ Царицы Небесной ей вездѣ будетъ хорошо.

Въ назначенный для отъѣзда день, Афросинья Валерьяновна надѣла *черный капотъ* и обвязала голову *бѣлымъ платкомъ*. Въ домѣ все уже было пусто, потому что съ утра увезли послѣднюю мебель и всѣ об-

раза, за исключеніемъ Божьей Матери Всѣхъ Скорбящихъ, которую барыня хотѣла везти сама. Кромѣ дворовыхъ, въ домѣ были еще двѣ или три бѣдныя дворянки изъ города, заѣхавшія погостить послѣдній разъ въ селѣ и проводить свою благодѣтельницу. Генеральша немного покушала. Лошадей начали закладывать, священнику было сказано, чтобы онъ былъ готовъ отслужить молебенъ, а сигналомъ къ отъѣзду должно быть приказаніе *поднимать Божью Матерь*. Афросинья Валерьяновна сѣла на кресла и ожидала извѣщенія отъ священника. Гостьи старались съ нею заговаривать, но она молчала. Лицо ея было важно и спокойно. Пономарь отперъ церковь. Дворъ и улица были полны народа. Слуга пришелъ изъ церкви съ докладомъ, что все готово.

Генеральша молчала.

Черезъ минуту, ея престарѣлая горничная и любимица сказала: » Не прикажете ли, матушка, поднимать Божью Матерь?... или подождать?...

Генеральша не отвѣчала ни слова. Не смѣли болѣе ее безпокоить, и всѣ молча ожидали...

Еще черезъ минуту, дыханіе генеральши сдѣлалось скоро и тяжело, сжатыя губы начали судорожно подергиваться, руки и плеча вздрагивать, глаза мигать и наполняться слезами. Вдругъ пронзительный вопль, послѣдуемый громкими рыданіями, вылетѣлъ изъ ея груди, и какимъ то симпатическимъ дѣйствіемъ заставилъ также громко зарыдать всѣхъ присутствующихъ. Этотъ плачъ, услышанный со двора, общимъ

хоромъ повторился всею толпою крестьянъ. Гости и домашніе, бросились къ Афросиньѣ Валерьяновнѣ, жалобно восклицая: «Матушка!... Сокровище!... Бесцѣнная!...» Но страдалица сама встала съ креселъ, и не сказала, а простенала: «Поднимайте Божью матерь!»

Двое старыхъ слугъ, обливаясь слезами, сняли икону съ небольшаго стола, и всѣ присутствующіе благоговѣйно пали ницъ. «Несите ее, Царицу Небесную! сказала генеральша, обносите по всѣмъ комнатамъ! Я хочу проститься съ каждымъ уголкомъ!...»

Черезъ четверть часа вся процессія показалась на крыльцѣ. Тогда раздался колокольный звонъ. Икона была несена впереди, за нею шла генеральша, въ сопровожденіи своей свиты. По всеобщему плачу и рыданію, это шествіе похоже было на погребальное!... У церкви, священникъ, въ полномъ облаченіи и съ крестомъ, встрѣтилъ благородную изгнанницу!...

Все кончилось. Икона была поставлена въ карету. Афросинья Валерьяновна раскланялась толпѣ, приняла благословеніе священника, и громко сказавши: прощайте, мои други! — начала входить въ карету... Вдругъ изъ толпы раздалось: «Мы убьемъ злодѣя Никиту!...» Генеральша остановилась на верхней ступени, обернулась, и протянувши правую руку, строго вопросила: «Кто это сказалъ?... Кто смѣетъ грозить смертью своему господину?... Богъ васъ до этого не допуститъ!... Образумьтесь, други мои!... Я простила вашего барина, и приказываю вамъ служить ему вѣрою и правдою!»

Дверца захлопнулась и... пошелъ!... карета скрылась изъ виду.

По предсказанію Афросиньи Валерьяновны, Богъ точно не допустилъ до смертоубійства. Въ самый день ея отъѣзда, въ девять часовъ вечера, прискакалъ къ Вязьмину посланный изъ питейнаго дома, что на большой дорогѣ, и донесъ, что трое изъ молодыхъ крестьянъ села Благодатнаго, никогда не замѣченные въ наклонности къ пьянству, пришли, какъ отчаянные, въ кабакъ, потребовали вина, совѣщались между собою, плакали, и вдоволь упившись, стали громко говорить о намѣреніи убить своего помѣщика. Цѣловальникъ, не уговаривая и не противорѣча имъ, сказалъ только: «Эхъ, полноте, братцы! выпейте лучше!... Я вамъ поднесу и денегъ не возьму!...» Крестьяне напились до того, что попадали на полъ. Тогда цѣловальникъ ихъ перевязалъ, и послалъ гонца къ Вязьмину. Расправа — извѣстная. Цѣловальникъ получилъ двѣсти рублей награжденія, а крестьяне села Благодатнаго, устрашенные такимъ примѣромъ... сдѣлались очень смирны и послушны. Стало, Никита Ѳедотовичъ былъ правъ, удаливши Афросинью Валерьяновну!

Молодой Валерьянъ получилъ отъ тетки претолстый пакетъ, потому что старушка всегда ставила слишкомъ крупныя буквы, а въ этотъ разъ она вподробности описала все свое горе и всю свою досаду на

Вязьмина, дабы болѣе растрогать сердце своего племянника и вынудить его пріѣхать къ ней. Валерьянъ и негодовалъ, и досадовалъ, и бѣсился, и плакалъ, и кусалъ себѣ кулаки, и клялся свернуть шею мерзавцу Вязьмину, а въ отпускъ все таки пріѣхать не могъ. Должно было потерпѣть и выжидать удобнаго случая. И когда, черезъ нѣсколько мѣсяцовъ, по веснѣ, всѣ Россійскія войска собрались въ Литвѣ, и главная квартира военнаго министра была въ Вильнѣ, то Валерьянъ нашелъ случай, послѣ святой недѣли, получить командировку въ Москву. Слѣдовательно, ѣхавши туда, и на обратномъ пути, онъ могъ прогостить по нѣскольку дней у тетушки, и даже найти время отрубить носъ и уши Вязьмину, если прикажетъ Афросинья Валерьяновна.

Но ея превосходительство этого не приказала. Обрадованная и утѣшенная пріѣздомъ своего племянника, она даже не заводила разговора о Вязьминѣ. Пылкій, двадцатилѣтній Валерьянъ, самъ неоднократно о немъ заговаривалъ, но тетка отвѣчала одно: я простила ему! — «Да я не прощаю! сказалъ молодой человѣкъ, когда, на возвратномъ пути, въ послѣдній разъ завелъ такой разговоръ. Въ Москвѣ я видѣлся со многими; всѣ принимали во мнѣ живѣйшее участіе; всѣ душевно сожалѣютъ объ васъ и всѣ обвиняютъ этого негодяя. Многіе разсказывали мнѣ, что будучи камердинеромъ папеньки, онъ его развращалъ и обкрадывалъ. По его наущеніямъ и совѣтамъ покойный батюшка пристрастился къ картежной игрѣ, лишился имѣнія и умеръ съ горя. Нѣтъ, тетенька! Я

долженъ отплатить ему за отца, и услужу ему тѣмъ же, чѣмъ онъ ему услужилъ!»

— Чѣмъ это? строго спросила генеральша.

«Какъ онъ развращалъ моего отца, такъ я развращу его сына!»

Старушка вздрогнула отъ испуга, и отодвинувшись отъ племянника, какъ отъ прокаженнаго, весьма грозно сказала. «Валерьянъ, Валерьянъ! Если это не простая балтовня молодости и неразумія, если точно у тебя есть на сердцѣ то, что выговорилъ твой языкъ — то поди съ глазъ моихъ долой! Ты мнѣ больше не племянникъ, не единственное мое утѣшеніе, не послѣдняя моя связь въ сей жизни! Ты мнѣ чужой, и хуже, нежели чужой! Ты мой врагъ, мой убійца!... Боже мой! Боже милосердый!... Теперь предстоитъ война! Не одинъ уже разъ обливалось сердце мое кровью отъ мысли, что, можетъ быть, Господу угодно будетъ посѣтить меня послѣднимъ изъ всѣхъ моихъ злополучій, и я лишусь моего Валериньки! Но что же тогда? Я смирюсь предъ властью Господнею, надѣну глубокій трауръ, стану плакать—можетъ быть, выплачу глаза!... а все таки я буду въ силахъ идти въ монастырь, молить тамъ Бога о упокоѣ души моего Валерьяна, на краю могилы утѣшать себя мыслію, что скоро и меня Господь приберетъ! Скоро и я, послѣ горькой разлуки, обниму Валериньку вмѣстѣ съ своими дѣтьми!... Если же ты, безумецъ! въ точности остаешься при своемъ гнусномъ намѣреніи, то проживи ты вѣки Маѳусаиловы — ты для меня потерянъ, потерянъ и въ сей

жизни, и въ будущей, потому что, какъ я ни грѣшна, а все таки не заслужила того, чтобы Богъ не отлучилъ меня отъ такого преступника, отъ такого злодѣя!... Создатель мой! Что это онъ говорилъ?... Развратить! Вѣдь это хуже, нежели убить!... И кого же развратить? Душу непорочную мальчика шестнадцати лѣтъ, только что вышедшаго изъ дѣтства! Знаешь ли ты, что на немъ еще до сихъ поръ не было грѣховъ? Если онъ что дѣлалъ дурное, предосудительное, то дѣлалъ по молодости, по легкомыслію, по незрѣлости ума, и самъ Богъ не требовалъ отъ него отчета до сихъ поръ! Это были проступки, а не грѣхи. Вотъ теперь, предстоятъ ему грѣхи! Теперь онъ вошелъ въ тотъ возрастъ, когда надобно самому избирать себѣ путь, и ты, злодѣй, хочешь поставить его на стезю разврата!... Да нѣтъ! ты не хочешь, я этому не вѣрю! Не вѣрь ты самъ, Валерьянъ! Это лукавый повернулъ твоимъ языкомъ!... И за что же развращать этого ангела? За то, что его отецъ развратилъ твоего отца. Но у токо были, по крайней мѣрѣ, причины? Какъ холопъ, онъ хотѣлъ подслужиться своему барину, и тѣмъ пріобрѣсти его любовь; потомъ, какъ жадное Хамское отродье, захотѣлъ прибрать къ рукамъ его имѣніе. А ты!... Одна твоя причина: отмстить! Да кто тебѣ далъ право?... А впрочемъ, если непремѣнно хочешь, то я тебя научу, какъ отмстить. Слушай! Ты подружился съ Алексашею; будь же, не только его другомъ, но и наставникомъ: ты старше его! Облагодѣтельствуй его хорошимъ примѣромъ и добрыми совѣтами, да заставь его отца проливать слезы благодарности и рас-

каянія. — Вотъ это будетъ мщеніе жестокое и Богу угодное! и проч.»

Старая, давно извѣстная и даже обветшалая мораль! Не такъ ли, почтенный мой читатель? Только она была нова для Валерьяна. Благородный юноша, обливаясь слезами, поцѣловалъ руку добродѣтельной тетки, и сознался, что онъ произнесъ свою угрозу безъ намѣренія, также какъ нерѣдко молодые люди говорятъ: я убью его! я самъ застрѣлюсь!...

Валерьянъ уѣхалъ. Вскорѣ началась достопамятная война. Во ожиданіи прибытія Французскихъ войскъ въ Вязьму, посмотримъ, что дѣлаетъ знакомый намъ помѣщикъ села Благодатнаго.

Какой-то Англійскій писатель сказалъ, что изъ множества добрыхъ отцовъ, самый нѣжный и самый чадолюбивый тотъ, кто наиболѣе имѣетъ честолюбія, — и подлинно такъ. У честолюбца, священное чувство родительской любви дѣлается оправданіемъ, пищею самаго честолюбія. Всѣ замыслы, всѣ труды, всѣ пожертвованія совѣстію, все это поддерживается мыслію: я дѣлаю не для себя, а для дѣтей! Вотъ уже честолюбіе превращено въ добродѣтель!... Но кто были величайшіе честолюбцы всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ? Почти всѣ люди низкаго происхожденія, возвышенные особеннымъ счастіемъ. Въ сравненіи съ неограниченностію и ненасытимостію ихъ честолюбія, эта же страсть въ Александрѣ Македонскомъ была почти смиреніемъ, нищетою духа!.. Далеко былъ Вязь-

минъ не Наполеономъ, но и Вязьминъ сдѣлалъ не маловажный шагъ: изъ дворовыхъ, крѣпостныхъ людей, вытти въ чиновники, въ дворяне, въ зажиточные помѣщики. — Это не бездѣлица! И когда онъ помышлялъ, что это дворянство и это помѣстье, стоившее такихъ долголѣтнихъ низостей, пронырствъ, обмановъ, воровства, что эти плоды такихъ мучительныхъ оскверненій совѣсти, не умрутъ съ нимъ вмѣстѣ, а безъ хлопотъ и заботъ перейдутъ его сыну, что этотъ сынъ будетъ продолженіемъ его собственнаго бытія, не только духомъ и тѣломъ, но и дворянствомъ и помѣстьемъ, которыя въ своемъ родѣ суть также духъ и тѣло, — когда онъ объ этомъ помышлялъ, то сердце его воспламенялось сильною любовію къ единственному сыну. Радостный трепетъ пробѣгалъ по всѣмъ его членамъ, когда онъ думалъ о томъ, что Алексаша, уже *не первый* въ своемъ дворянскомъ родѣ, не новичекъ и не выходецъ, а законный наслѣдникъ званія и достоянія отца своего! Какъ легко его сокровищу достанутся всѣ его сокровища: онъ самъ трудился цѣлую жизнь... для сына!...

Съ этимъ возлюбленнымъ сыномъ Никита Ѳедотовичъ былъ въ Москвѣ, на Красной Площади, въ тотъ самый день, когда прочтено было объявленіе Русскаго Царя о предстоящей государству опасности, и когда Александръ Благословенный, подъ кровомъ чистаго неба, на Красномъ Крыльцѣ самъ воззвалъ къ предстоящимъ сынамъ Россіи, и просилъ ихъ помогать ему во спасеніи отечества. Священныя слова Монарха до того поразили сердца всѣхъ слышавшихъ, что женщи-

ны плакали съ отчаянія, почему не могутъ онѣ носить оружія! Поразили эти слова и Никиту Ѳедотовича, который въ тотъ же день усадилъ дражайшаго сынка въ коляску и увезъ въ деревню, подалѣе отъ всѣхъ искушеній! И то уже бѣдный малый оказывалъ желаніе вступить въ военную службу, а тутъ, послѣ воззванія самаго Государя... Господи Іисусе Христе! Да отдастъ ли Никита Вазьминъ свое драгоцѣнное дѣтище на убіеніе врагу? Есть кому драться и безъ него!... Алексаша пригодится для продолженія на позднѣйшее потомство новаго дворянскаго рода...

Пока батюшка пряталъ сыночка въ деревнѣ, Русское воинство отступало, очищая свободный путь врагу въ коренную Русь. Разбить его прежде, было бы неучтиво: Наполеону необходимо было подписать въ Москвѣ новый регламентъ Французскаго театра, и дать одному изъ своихъ маршаловъ званіе Князя Московы, которое мы, Русскіе, охотно за нимъ признаемъ, понеже у насъ ни встарь, ни нынѣ таковой Московы не бывало! — Государь и главнокомандующій знали, что дѣлаютъ!...

Между тѣмъ Французы шли впередъ. По занятіи Краснинскаго и Смоленскаго уѣздовъ начали приходить вѣсти о неистовствахъ Французовъ въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ не находили они ни крестьянъ, ни помѣщиковъ. Это было съ ихъ стороны очень справедливо! Они пришли въ Россію побѣдить насъ, сколько оружіемъ, сколько и любезностью; а видя, что отъ нихъ бѣгутъ, какъ отъ хищныхъ звѣрей, они начали оказывать любезности другаго рода. По сей причинѣ многіе изъ

помѣщиковъ оставались въ своихъ владѣніяхъ; на то же рѣшился Вязьминъ. «Вѣдь не собаки же, въ самомъ дѣлѣ! Не съѣдятъ!... А хуже будетъ, когда оставленный домъ разграбятъ и сожгутъ!»

Читатель, можетъ быть, захочетъ возражать мнѣ и утверждать, что никто изъ Смоленскихъ дворянъ не оставался въ своихъ вотчинахъ и никто не принималъ къ себѣ незванныхъ гостей? — Отвѣтъ: я самъ имѣлъ честь служить въ эту достопамятную кампанію, и смѣло говорю, что многіе оставались. «Можетъ быть, робкія, низкія души!».

Робкія, низкія души??? Ахъ, господинъ читатель? А Энгельгардтъ!... Извольте почтительно поклониться предъ этимъ именемъ!... Я могъ бы назвать и другихъ, не менѣе достойныхъ почтенія, но это не принадлежитъ къ моей исторіи. Я разсказываю о Никитѣ Вязьминѣ!... Продолжаю.

Французы уже заняли Вязьму, но въ Благодатномъ еще никто не показывался. Черезъ нѣсколько дней, явился небольшой отрядъ, подъ командою капитана. Зачѣмъ? какъ?... Этого я не знаю; только Французскій офицеръ потребовалъ квартиры, и узнавши, что самъ помѣщикъ живетъ не вдалекѣ, пріѣхалъ къ нему. Никита Ѳедотовичъ испугался не много, а Алексаша бодро вышелъ на встрѣчу незванному гостю, почтительно поклонился статному мужчинѣ, украшенному крестомъ, и вѣжливо спросилъ, что ему угодно. Капитанъ ласково привѣтствовалъ юношу, говорящаго такъ хорошо по-Французски, и объяснилъ свои надобности:

почлегъ на двое сутокъ, кое что для команды, и... и увѣреніе, что вреда никакого не будетъ сдѣлано.

Француза приняли вѣжливо, Французу дали все требуемое, Французу отвели комнаты, Француза угощали, и Французъ крѣпко подружился съ Алексашею, который одинъ изъ цѣлаго дома умѣлъ говорить по-Французски. Никита Ѳедотовичъ радостно улыбнулся, когда капитанъ обнималъ его сына, трепалъ по плечу, слегка щипалъ ему щеки, и т. п. — На другой день къ вечеру, Вязьминъ замѣтилъ, что Французъ частенько... какъ будто уговаривалъ Алексашу или объ чемъ распрашивалъ, а Алексаша потуплялъ глаза и улыбался, какъ будто выражая миною дѣвичью поговорку: рада бы погулять, да матушка не велитъ! — Но Вязьминъ не обращалъ на то большаго вниманія, полагая что капитанъ по военной привычкѣ шутитъ и конфузитъ бѣднаго юношу нескромными распросами.

Наканунѣ дня отъѣзда Французскихъ гостей, Алексаша объявилъ родителю, что завтра, рано поутру, должно велѣть заложить коляску, и что самъ онъ, Алексаша, поѣдетъ въ городъ, вмѣстѣ съ мосье... Не помню названія! — «Зачѣмъ?» спросилъ испуганный отецъ.» — Нужно, папенька! Мнѣ капитанъ сказывалъ, что чѣмъ далѣе будетъ ихъ главная квартира подвигаться впередъ, тѣмъ болѣе будетъ сюда заходить отсталыхъ командъ, изъ которыхъ иныя могутъ и... набуянить! А въ отвращеніе этого, можно взять изъ главной квартиры охранный листъ и освобожденіе отъ постоя. — Вязьминъ слушалъ выпяля глаза, а Французъ поговаривалъ ему: *вуй вуй*. «Какъ можно ѣхать

къ непріятелямъ? Образумься! Лучше послать человѣка!» — Человѣку ничего не дадутъ. — «Я самъ поѣду.» На что? Вы не знаете по-Французски. Да чего вы боитесь? Что могутъ со мною сдѣлать? Успокойтесь, ради Бога! Я васъ прошу!...»—И сынокъ нѣжно поцѣловалъ обѣ ручки добраго батюшки.

На другой день коляску нагрузили винами и разными провизіями; Алексаша былъ три раза перекрещенъ блѣднымъ и дрожащимъ отцомъ; кучеру Ивану, который съ наморщеннымъ челомъ и звѣрскими взглядами что то ворчалъ подъ носъ, сидя на козлахъ, приказано было скорѣе привозить молодаго барина. «Завтра, папенька, много что послѣ завтра. Прощайте!» — *Адье*! сказалъ капитанъ. — Коляска поѣхала. Къ счастію, дорога была не черезъ село, и никто изъ крестьянъ не видѣлъ молодаго барина, провожающаго непріятельскаго офицера.

Никита Ѳедотовичъ цѣлый день ходилъ какъ помѣшанный, безпрестанно прижимая лѣвую руку къ сердцу, которое видимо страдало. «Ахъ, Алексаша! Алексаша! Боже мой!» Такъ говорилъ онъ отъ времени до времени. Его домоправительница, женщина вполнѣ ему преданная, говорила хладнокровно: «Зачѣмъ вы его отпускали, батюшка? Да не бойтесь!... Что ему сдѣлается?...»

Прошелъ другой день, прошелъ и третій... Нѣтъ Алексаши. Уже двѣ ночи Вязьминъ провелъ безъ сна. Кровь сильно въ немъ волновалась и въ головѣ билъ набатъ. Не съѣздить-ли мнѣ самому?... но... доложили, что кучеръ Иванъ пришелъ одинъ изъ города.

«Сюда его, бездѣльника! Скорѣе!» На этотъ крикъ прибѣжала домоправительница и вѣрный камердинеръ, дальняя родня своему барину.

Съ багровымъ лицомъ и дрожа всѣми членами, Никита Ѳедотовичъ, такъ сказать, вцѣпился въ пришедшаго Ивана, который поглядѣлъ на него звѣрски и съ какимъ то презрѣніемъ.

«Куда ты его дѣвалъ, проклятый! Гдѣ онъ?...»

Иванъ молчалъ.

«Я тебя убью!» И съ сими словами ухватилъ кучера за бороду. — Иванъ, съ усиліемъ поднявши голову, оставилъ въ сжатыхъ барскихъ кулакахъ цѣлые клочья волосъ, и отступя на шагъ, сказалъ:

«Не за что убивать — не я виноватъ. Александръ Никитичъ приказалъ вамъ счастливо оставаться, а самъ напился пьянъ, надѣлъ Французскій мундиръ и ушелъ вмѣстѣ съ непріятелемъ завоевывать Москву!»

Никита Ѳедотовичъ упалъ, какъ громомъ пораженный. Между тѣмъ, какъ домоправительница, съ громкимъ плачемъ, и камердинеръ старались его поднять, — кучеръ Иванъ плюнулъ и ушелъ.

Камендинеръ Вязьмина былъ вмѣстѣ и цирюльникъ его. Не медля, онъ пустилъ кровь несчастному. Вязьминъ очнулся, но не говорилъ ни слова. Иногда легкое стенаніе вырывалось изъ его груди и слезы показывались на глазахъ. На вопросы отвѣчалъ едва замѣтнымъ киваніемъ головы. Впослѣдствіи оказалось, что его языкъ и правая рука были разбиты параличемъ.

Есть Русское повѣрье, что бѣда никогда не приходитъ одна. Послѣ полудня прибѣжала изъ села тетка

Вязьмина съ донесеніемъ, что крестьяне уговаривались ночью окружить домъ со всѣхъ сторонъ, захватить барина и убить его, какъ измѣнника, который послалъ сына къ непріятелямъ на службу. Вязьминъ, можетъ статься, и былъ бы радъ прекращенію его жизни! — Присутствіе духа и вѣрность домоправительницы спасли его. Эта женщина начала укладывать въ сундукъ, что было получше и понужнѣе. Лошадей оставалось еще цѣлая четверня. Она велѣла заложить бричку, устлала въ ней перину, и уложила больнаго; сама съ камердинеромъ сѣла въ повозку, и объявила дворовымъ, что везетъ барина въ какой нибудь городъ, не занятый непріятелемъ, дабы онъ могъ лечиться. Такъ безпрепятственно переправилась она черезъ любимую мою рѣчку, и поѣхала къ Тверской губерніи. Съ тѣхъ поръ Вязьминъ не бывалъ въ селѣ Благодатномъ.

Крестьяне узнали о его побѣгѣ въ то время, когда онъ былъ уже верстъ за тридцать. Въ остервенѣніи своемъ противъ человѣка, котораго считали измѣнникомъ Государя, они бросились къ господскому дому, и не взявши изъ онаго ниже лоскутка — подожгли со всѣхъ сторонъ, и превратили въ пепелъ все строеніе, даже и заборы.

Всякому покажется совершенно неправдоподобною такая неожиданная рѣшимость Алексаши на дѣло позорное и преступное. Но для уразумѣнія этого, надобно покороче ознакомиться съ несчастнымъ юношею, и такъ какъ я пишу картину прежняго Русскаго быта,

то и приглашаю читателя обозрѣть вкратцѣ тогдашнее воспитаніе дѣтей *полубарскихъ?*

Вязьминъ зналъ, что сынокъ его *дворянинъ природный*, обязанъ поддержать честь своего новаго рода, и что для этого необходимо приличное, *дворянское* воспитаніе. На такой важный предметъ чадолюбивый отецъ не пожалѣлъ ничего.

Учитель Россійскаго языка изъ Духовной Академіи, *арехметчикъ* и рисовальщикъ изъ Межевой — стоили не дорого. Но главное дѣло Французскій языкъ! Мосье Шарло, недавно пріѣхавшій изъ Парижа играть комедію, jouer la comédie, въ Москвѣ, и не поладившій съ актеромъ Дюпарре, бывшимъ Гаррикомъ тогдашней Французской труппы, согласился оставить сцену Петровскаго Театра и за умѣренную цѣну, по тысячѣ рублей въ годъ, при готовомъ содержаніи, поселиться въ домѣ Вязьмина. — Тутъ надо было подивиться успѣхамъ Алексаши! Онъ такъ чисто выговаривалъ по Французски! И когда, бывало, девятилѣтній питомецъ мосье Шарло начнетъ декламировать стихи изъ комедіи—

Laissons le petit-maître et l'impudent cynique
S'abreuver de scandale et vivre de critique
Et sans frein, sans pudeur déchirer de leurs traits
Celles dont ils n'ont pu profaner les attraits.

когда вслѣдъ за этимъ, Алексаша, съ надменнымъ видомъ и презрительнымъ тономъ продолжалъ:

Laissons cette vermine insolente et sans âme
Se parer des débris de l'honneur d'une femme —

и вдругъ, съ видомъ благородной рѣшимости:

Le bruit est pour le fat, la plainte est pour le sot,
L'honnête homme trompé s'éloigne et ne dit mot —

тогда всѣ присутствующіе рукоплескали, осыпали похвалами маленькаго декламатора, а родителей его поздравляли. Батюшка плакалъ отъ радости и досадовалъ только, что не понимаетъ того, что такъ прекрасно говоритъ его сынъ. Онъ просилъ многихъ перевести эти стихи, но всѣ отвѣчали, что на Русскомъ языкѣ нѣтъ словъ для выраженія подобныхъ изящностей. Онъ умолялъ растолковать ему по крайней мѣрѣ смыслъ этихъ изящностей, но всѣ единогласно рѣшили, что смысла тутъ нѣтъ, что онъ выпущенъ самимъ авторомъ, что и справедливо! Наконецъ Алексаша сказалъ ему, что послѣдній стихъ значитъ: «жалуется дуракъ, а честный человѣкъ обманутый — удаляется и молчитъ!» И Никита Ѳедотовичъ благодарилъ мосье Шарло за наученіе его сына такимъ полезнымъ истинамъ. И подлинно! Онъ самъ испыталъ, что когда, бывало, кого обманетъ, то честный человѣкъ молчитъ, а дуракъ жалуется и повсюду разглашаетъ!...

При такихъ неимовѣрныхъ успѣхахъ, мудрено ли, что батюшка ввѣрился въ мосье Шарло, а сынокъ и подавно? Къ тому же Алексашу обучали и другой важной дворянской наукѣ: танцованью! Его возили къ знаменитому Іогелю, и сопровождалъ его всегда мосье Шарло; и когда знатныя дамы хвалили маленькаго танцора, то, какъ водится, говорили съ его *пресептеромъ*, и говорили въ тысячу разъ вѣжливѣе, нежели какъ стали бы говорить съ Вязьминымъ. Все это усиливало благоговѣніе Алексаши къ своему наставнику. Что же касается до мосье Шарло, то онъ, по Русской пословицѣ, какъ водка... ошибся!... какъ

Француза ни задобривай, онъ все въ Парижъ глядитъ, да и другихъ туда же манитъ! Онъ увѣрилъ своего питомца, что до тѣхъ поръ нельзя ему быть человѣкомъ, пока онъ не побываетъ во Франціи, требовалъ отъ самаго Вязьмина, чтобы онъ сына отправилъ путешествовать. «Теперь еще рано, отвѣчалъ Никита Ѳедотовичъ, а со временемъ я непремѣнно его отправлю въ Парижъ.» Съ тѣхъ поръ у Алексаши, и во снѣ и на яву — былъ одинъ Парижъ.

Года за два до нашествія непріятеля, мосье Шарло уѣхалъ во Францію. Вязьминъ, зная необходимость въ университетскомъ аттестатѣ, отдалъ сына въ благородный пансіонъ. Вотъ тутъ то!... Что тутъ? По словамъ Фамусова, — *Пофилософствуй, умъ вскружится*! — тутъ Хамское происхожденіе Алексаши наложило свое клеймо на его характеръ. Этотъ мальчикъ имѣлъ сердце самое доброе, способное любить, привязаться ко всякому, кто обласкаетъ: качества прекрасныя, рѣдко встрѣчаемыя въ спѣсивомъ барскомъ родѣ! Но... не разумъ бѣднаго отрока, а какъ будто его холопская кровь, не умѣла отличать вѣжливости, свѣтской учтивости отъ... раболѣпной сговорчивости!— Въ каждомъ учебномъ заведеніи бываютъ юноши бойкіе, задорные, которые находятъ удовольствіе въ томъ, чтобы обидѣть, притѣснить младшихъ и слабѣйшихъ... такъ, изъ удальства! Провидѣніе дозволило, чтобы школы были міромъ въ миніатюрѣ, то есть, состояли бы изъ маленькихъ тирановъ и маленькихъ несчастливцевъ, чтобы и тамъ были маленькіе подъячіе, маленькіе плуты и хищники, которымъ умѣли бы про-

тивиться маленькіе герои, и отъ которыхъ должны были бы или терпѣть или увертываться безсильные! Алексаша попалъ въ послѣдній разрядъ. Словомъ, онъ выучился въ пансіонѣ, какъ Молчалинъ — *угождать всѣмъ людямъ безъ изъятія*!... Если бы Валерьянъ захотѣлъ исполнить свое намѣреніе, то онъ могъ бы въ томъ успѣть: Алексаша развратился бы въ угодность своего друга и сына благодѣтеля его отца!

Непріятельскій офицеръ, который такъ ласкалъ бѣднаго малаго, началъ, въ шутку или не въ шутку, — приглашать его въ службу къ Императору Наполеону. Молодой Вязьминъ не умѣлъ отвѣчать, какъ слѣдовало Русскому дворянину, и Французъ, видя его нерѣшимость, сталъ уже безъ шутокъ предлагать ему *честь* служить величайшему изъ героевъ.

«Вѣдь не заставятъ драться съ Русскими! Нѣтъ! Французы умѣютъ уважать эти почтенныя патріотическія связи!... Вы останетесь при насъ, до взятія Москвы а это дѣло будетъ кончено въ нѣсколько дней! Одно генеральное сраженіе — вотъ и все! Въ Москвѣ, мы дадимъ вамъ миръ, и останемся тамъ на зимнихъ квартирахъ. Васъ представятъ самому Императору. Неужели вамъ не лестно удостоиться такой чести? Васъ произведутъ въ офицеры, и мы будемъ разъѣзжать по баламъ и по спектаклямъ въ вашей столицѣ! Да! первѣйшіе Парижскіе актеры будутъ туда выписаны!... А сверхъ того намъ извѣстно, что при заключеніи мира, съ вашимъ Государемъ будетъ сдѣлано условіе, чтобы нѣсколько Русскихъ дворянъ всту-

пили въ гвардію нашего Императора и пожили въ Парижѣ, для образованія, и проч. и проч.»

Парижъ!! Кого не соблазняло это слово... во дни оны! Алексаша, едва стоя противъ искушенія, и вѣря, какъ только можно вѣрить Французу, отвѣчалъ, что папа его никакъ на это не согласится. Капитанъ подумалъ, и сказалъ, что папа не долженъ и знать объ этомъ... если онъ такъ предубѣжденъ противъ Французовъ! Когда же хитрый капитанъ пригласилъ Алексашу проводить его до главной квартиры, то бѣдный юноша точно былъ увѣренъ, что онъ возвратится домой съ охраннымъ листомъ, о необходимости коего Французъ наговорилъ ему съ три короба!

Теперь спросятъ: какую надобность имѣлъ Французъ въ этомъ завербованіи! — По праву разскащика, могъ бы я отвѣчать: не знаю, да и знать не обязанъ; но, по совѣсти моей, объясню то, что узналъ по этому предмету. — Французы вообще народъ признательный, и сами смѣются надъ своими ошибками и глупостями. Когда судьба привела мнѣ познакомиться съ нѣкоторыми Французскими офицерами, участвовавшими въ бѣдственной для нихъ кампаніи, то, они разсказывая о своихъ разрушившихся мечтахъ, между прочимъ, говорили, что имѣли намѣреніе завербовать въ Россіи поболѣе дворянскихъ дѣтокъ, дабы съ помощью ихъ познакомиться... avec les roubles des boyards moscovites, то есть, по-Русски — съ рублями Московитскихъ Боярдовъ. Въ этой безмысленной фразѣ правильно названы одни рубли, единственное Русское слово, которое Французы чисто выговариваютъ. Въ походѣ

1812 года, эти рубли были общимъ лозунгомъ всей Французской арміи. Весьма вѣроятно, что и описываемый мною Французъ почиталъ рубли *Московитскаго Боярда* Вязьмина пригодными для чаемыхъ баловъ и спектаклей въ древней столицѣ.

Когда пріѣхали въ главную квартиру — какую? чью именно? не то императорскую, не то маршальскую... этого не знаю!... только Французъ повелъ молодаго Вязьмина въ канцелярію, и рекомендовалъ чиновнику-секретарю, письмоводителю... кто бы онъ ни былъ. — «Ахъ!»... Учитель и ученикъ, т. е., Шарло и Алексаша, бросились въ объятія другъ друга! — Если бы дѣло точно такъ не происходило, то я не упомянулъ бы объ этой неожиданной встрѣчѣ: намъ, Русскимъ писателямъ, велятъ избѣгать всего чудеснаго и соблюдать правдоподобіе, а въ образѣ правдоподобія выставляютъ намъ Эсмеральду, Квазимодо, Клова Фролло и другія лица, столько же вѣроятныя, сколько *мыши изъ Татарской мечети*, которыя *по-Татарски лепечутъ* на знаменитомъ погребеніи кота! —

«Этотъ прелестный молодой человѣкъ хотѣлъ бы пристать къ намъ, être des notres, но боится своего отца!»

— Какъ возможно! Мы его не отпустимъ!... Намъ нужны переводчики!... —

«Доложить его превосходительству, или сіятельству, или свѣтлости!»

Доложили тому или другому. Вотъ что сказалъ *тотъ* или *другой*:

«Beau jeune homme! Прекрасный юноша! Оставайтесь при насъ!...»

Слезы, просьбы — ничто не помогло. Привѣтствія, ласки, дружескія объятія Шарло какъ то поколебали, а шампанское, вытащенное изъ коляски Вязьмина, и вынужденно выпитое цѣлымъ стаканомъ, при восклицаніяхъ: Vive l'Empereur! скорѣе всего рѣшило дѣло. На Алексашу надѣли Французскій мундиръ.

«Вы напишете къ вашему батюшкѣ, сказалъ Шарло, и отправите къ нему охранный листъ. Прибавьте отъ меня глубочайшее почтеніе!»

Письмо и охранный листъ были отданы кучеру Ивану, которому полупьяный Алексаша велѣлъ сказать папенькѣ, чтобы онъ *не безпокоился и не гнѣвался*. — Иванъ, звѣрски поглядѣлъ на молодаго человѣка, разбойничьимъ голосомъ сказалъ: слушаю! взялъ пакетъ, и пошелъ пѣшкомъ — потому, что коляска съ лошадьми была уже прибрана. Отошедши съ версту, Иванъ остановился, осмотрѣлся во всѣ стороны, зарыдалъ, палъ на колѣна, помолился, вынулъ пакетъ, и растерзалъ оный руками и зубами,» чтобъ ничего не нести отъ богоотступника, измѣнника, и отъ проклятыхъ Французовъ.» Какъ онъ пришелъ — это извѣстно.

Если бы я обладалъ талантомъ Куппера, то, по примѣру его, вподробности описалъ бы все то, что бѣдный юноша претерпѣлъ во время бѣдствій Французской арміи. А такъ какъ во мнѣ этого дара нѣтъ — то на нѣтъ и суда нѣтъ... По увѣренію пережившихъ этотъ ужасный походъ, они испытали цѣлую вѣч-

ность адскихъ мученій. Зачѣмъ же нашъ герой не отсталъ отъ нихъ? А! легко сказать! Не пускали, удерживали, уже не ласкою, а угрозами, ругательствами, побоями, всѣмъ тѣмъ, что внушало озлобленіе противъ всего Русскаго!...

И вотъ, въ ноябрѣ, при ранней зимѣ того года, въ трескучій морозъ, шелъ отъ Краснаго къ Смоленску небольшой отрядъ съ обозомъ. Солдатъ, въ овчинномъ полушубкѣ, и казакъ, шли пѣшкомъ, разговаривая, и частенько поколачивая себя по бедрамъ отъ холоду. Вдругъ оба остановились. Вправо отъ дороги, на снѣжномъ сугробѣ, какъ будто для рифмы образовавшемъ гробъ, изъ небольшаго отверзтія вылеталъ паръ. «Тутъ живой человѣкъ!» И въ ту же минуту — стой обозъ! — Начали отметать снѣгъ. Подъ онымъ лежалъ юноша во Французскомъ мундирѣ.

«Вотъ, чортъ возьми! стоило того!... Пусть околеваетъ собака! Развѣ пришибить, Христа ради?»

— Нѣтъ, постой, братъ! Что это у него такое? —

Небольшой мѣдный складень, висѣвшій на шеѣ, выказался изъ — подъ мундира. Солдатъ наклонился, раскрылъ складень, и перекрестился:

«Нѣтъ! Это христіанинъ. На немъ Русскій образъ. Эй! молодецъ! проснись, что ли! ну!...»

Юноша открылъ глаза и смотрѣлъ какъ полоумный. Насилу могли добиться отъ него толку. Это былъ Русскій: кромѣ того, что онъ чисто говорилъ по-Русски, онъ вырвалъ изъ рукъ солдата складень, и залившись слезами, поцѣловалъ оный. Этотъ складень достался ему отъ дѣда по матери: оный болѣе

ста лѣтъ переходилъ отъ отца къ сыну, былъ нѣкогда благословеніемъ какого то отшельника, и по преданіямъ, долженъ былъ носящаго оный *спасти отъ бѣды великой, и не допустить умереть безъ покаянія.*

«Ну, вставай, что ли!»

Напрасны были усилія бѣднаго юноши: обѣ ноги были отморожены. Сострадательные солдаты положили его на фуру, и довезя до Смоленска, отдали въ гошпиталь.

Нѣсколько дней спустя, молодой офицеръ, съ Владимірскимъ крестомъ, также прибылъ въ лазаретъ. Онъ былъ раненъ подъ Бородинымъ, лечился въ Арзамасѣ, куда единственная его родственница, старая тетка, убралась отъ непріятеля; вылечившись, онъ отправился къ арміи, но на дорогѣ почувствовалъ, что обломки костей выходятъ изъ раны, и заѣхалъ въ гошпиталь для небольшой операціи и перевязки. — Офицера посадили на стулъ къ окну. Главный докторъ взялъ его руку, началъ рѣзать своимъ бастури, вынималъ кости щипцами и тѣмъ временемъ разговаривалъ, а раненый молодецъ, какъ будто не чувствуя боли, отвѣчалъ и улыбался. Наконецъ его перевязали, а словоохотный докторъ продолжалъ свои разсказы о новѣйшихъ подвигахъ Россійскаго воинства.

«Эхъ! сказалъ офицеръ, и меня тутъ не было!»

Эти слова произнесъ онъ громко, вставая со стула.

«Валерьянъ Ниловичъ!» закричалъ кто то такимъ

слабымъ голосомъ, что офицеръ не слыхалъ, и пожимая руку доктора, готовился итти.

«Валерьянъ Ниловичъ!» раздалось вторично, голосомъ какого то отчаяннаго усилія.

— Кто меня зоветъ?

Больные показали рукою въ уголъ. Тамъ, на кровати, лежалъ блѣдный, полумертвый юноша; онъ не могъ уже говорить, но слезы катились по щекамъ его. Валерьянъ началъ въ него вглядываться...

«Алексаша! Боже мой!...»

Слезы обоихъ друзей смѣшались. Валерьянъ прижалъ свои губы къ устамъ несчастнаго!.....

— Куда! Куда такъ скоро! Я еще не умеръ!...

«Черезъ часъ, я возвращусь, мой другъ! Мнѣ нужно только объявить, что я здѣсь остаюсь! На это имѣю полное право: мнѣ дѣлалъ операцію здѣшній же докторъ! До свиданія, милый другъ!...»

Черезъ часъ возлѣ кровати Вязьмина была поставлена другая для Валерьяна.

«Вы ему не поможете, сказалъ потихоньку главный докторъ. Онъ трехъ дней не проживетъ!»

— Пусть умретъ на моихъ рукахъ! Моею дружбою я облегчу ему смерть! —

Валерьянъ съ ужасомъ выслушалъ разсказъ Алексаши. До глубины души былъ онъ тронутъ, когда юный страдалецъ говорилъ съ радостью о близкой могилѣ, въ которой сокроетъ онъ свой позоръ! «Гдѣ то мой папенька! говорилъ онъ. Не убилъ-ли я его? Или не проклялъ-ли онъ меня!» Къ счастію, Валерьянъ видѣлъ въ Москвѣ камердинера Вязьмина, отъ котораго узналъ о

положеніи несчастнаго старика, однако же не объявилъ о томъ его сыну, а сказалъ только, что отецъ его живъ и сокрушается объ немъ. Тогда Алексаша отдалъ ему сложенную бумажку, прося доставить его отцу. Это было короткое письмо, въ коемъ онъ испрашивалъ прощенія и молитвъ о успокоеніи его души.

На третій день несчастный почувствовалъ близкій конецъ и требовалъ священника. По совершеніи святаго обряда лицо его блистало радостью. И когда Валерьянъ поздравилъ его, то онъ, нѣжно поцѣловавши своего друга, сказалъ: «И подлинно можно поздравить! Когда я спрашивалъ у священника, могу-ли я надѣяться прощенія отъ Бога, то почтенный пастырь сказалъ мнѣ: дитя мое! неужели ты думаешь, что Провидѣніе, которое не допустило тебя замерзнуть на дорогѣ — не имѣло своей цѣли, продолживши твои страданія? Оно дало тебѣ время на чистосердечное покаяніе, и спасти душу принятіемъ Христовыхъ таинъ!—Эти утѣшительныя слова бѣдный юноша сталъ повторять безпрестанно, а между тѣмъ забывался. Къ вечеру, едва слышно было какъ онъ проговорилъ: *сподобилъ... тебя... спасти... душу...* и – заснулъ навѣки!

Впослѣдствіи времени, Валерьянъ Ниловичъ поставилъ на его могилѣ прекрасный памятникъ, на коемъ вырѣзаны утѣшительныя слова почтеннаго священника. Также показывалъ онъ самъ небольшой медальонъ, который всегда носилъ на груди, вмѣстѣ съ крестомъ. Въ этомъ медальонѣ, подъ стекломъ, хранятся волосы Алексаши. – Чудотворный складень также сохраненъ.

Въ маѣ 1814-го года, въ Парижѣ, въ Палерояле, въ лавку книгопродавца Барба вошли два офицера, и потребовали Лесажевъ Историческій Атласъ, вѣжливо объясняя, что дѣло идетъ объ закладѣ. Учтивый книгопродавецъ подалъ книгу; одинъ изъ офицеровъ отыскалъ листъ, посмотрѣлъ, и съ торжествующимъ видомъ показалъ на то мѣсто, которое рѣшало споръ. Другой офицеръ также посмотрѣлъ, и съ конфузнымъ видомъ сказалъ: «Да! въ самомъ дѣлѣ!... Какъ же это я...? А впрочемъ дѣлать нечего! Валерьянъ выигралъ!»

«Позвольте, господинъ разскащикъ! Ваша исторія, кажется, уже кончена, и вамъ оставалось только сказать въ немногихъ словахъ, куда дѣвались Вязьминъ и Афросинья Валерьянова. А вы ведете насъ въ Парижъ, куда ни тотъ, ни другая, вѣроятно, попасть не могли!»

— Терпѣнія, почтенный читатель! Ради Бога, терпѣнія!... —

«Но...»

— Извините! Я продолжаю:

Офицеръ вынулъ кошелекъ, отсчиталъ десять червонцевъ и отдалъ Валерьяну Ниловичу, который, взявши ихъ въ горсть, не клалъ въ карманъ, а побрякивалъ ими, и въ какомъ то раздумьи на нихъ глядѣлъ...

«Знаешь-ли ты, Базиль, куда я намѣренъ дѣвать эти деньги?»

— Почему знать! —

«Я ихъ поставлю... на карту!...»

— «Ба! Вотъ это новости! Что съ тобою сдѣлалось?»

Надлежитъ знать, что Валерьянъ, свято храня завѣщаніе отца, не отставалъ отъ товарищей въ ихъ забавахъ, но въ карты — никогда не игралъ. Сколько разъ ему ни предлагали, онъ всегда отвѣчалъ: «мнѣ запрещено!» — Кто запретилъ?

— «Батюшка.»—Ха! Ха! Ха! Да гдѣ онъ, твой батюшка?

— «На томъ свѣтѣ! и въ эту минуту глядитъ на меня!» —

Никто не дерзалъ возражать. — Теперь, выигравши закладъ въ первый разъ сроду, — онъ подумалъ, что преступилъ родительское завѣщаніе, и въ наказаніе себя — рѣшился проиграть эти деньги. Товарищъ сказалъ ему:» Чѣмъ въ карты, лучше въ рулетку. Твой покойникъ запретилъ однѣ карты.»

— Запретилъ всѣ азартныя игры. Да мнѣ все равно! Веди меня въ рулетку! —

Входя по лѣстницѣ, Валерьянъ почувствовалъ сильнѣйшее біеніе сердца, какъ будто предзнаменованіе несчастія. Онъ почти готовъ былъ бѣжать назадъ... Вошли въ переднюю.

«Господа! ваши шляпы и шпаги!»

— Что это? Арестъ? —

«Такъ водится! отдавай!»

Валерьяну дали билетъ.

«Твой нумеръ который?...» — Семнадцатый! — «Вотъ и поставь! Сейчасъ проиграешь!»

Валерьянъ подошелъ къ длинному столу, обитому сукномъ, на коемъ выставлены были цифры отъ еди-

ницы до тридцати шести. По сторонамъ этой таблицы изображены были кружки красные и черные и съ надписями: четъ, нечетъ; недостаетъ, переходитъ. На все это онъ смотрѣлъ какъ на китайскую грамату.

«Что же тутъ дѣлать?»

— Ну, положи деньги на семнадцатый номеръ! —

Рулетку вернули, шарикъ закружился и упалъ въ ложбинку. Провозглашатель закричалъ: dix-sept, rouge, impair et manque*).

«Это что значитъ?» спросилъ Валерьянъ.

— Ты выигралъ, счастливецъ!...

Между тѣмъ, хозяинъ рулетки, жезломъ своимъ раздвинулъ кучку червонцевъ, сосчиталъ и съ неимовѣрною ловкостію набросалъ на оную триста пятьдесятъ червонцевъ.

«Что такъ много?» спросилъ Валерьянъ, по-Французски.

Между тѣмъ, его окружили знакомые, и всѣ начали объяснять правила рулетки.

— Однако, бери же червонцы, сказалъ товарищъ.

«Au diable! qu'ils y restent — пусть тамъ остаются!»

Эти слова произнесены были очень громко.

— Что за вздоръ! сказалъ товарищъ, и протянулъ было руку къ деньгамъ.

Но провозглашатель закричалъ:

«Игра идетъ, ставить нельзя!» — и шарикъ закружился...

---

*) Семнадцать, красная, нечетъ и *недостаетъ*. — Послѣднее выраженіе для тѣхъ, которые ставили на недостаетъ, т. е. менѣе осьмнадцати. Далѣе сего числа называется: *переходитъ*.

— Dix-sept!... и провозглашатель онѣмѣлъ. Хозяинъ вскочилъ съ мѣста, и всѣ игроки бросились къ кружку. Такъ! шарикъ лежитъ въ ложбинкѣ, и закрываетъ нумеръ! по сторонамъ шестнадцать и осьмнадцать — нѣтъ никакого сомнѣнія — семнадцать!...

«Но этотъ господинъ не ставилъ, сказалъ кто-то. Онъ только забылъ снять...»

— Нѣтъ! нѣтъ! раздалось со всѣхъ сторонъ. Мы слышали, какъ онъ сказалъ о своихъ червонцахъ: au diable! qu'ils y restent! ставка была! —

Была! — была!

Болѣе ста Французовъ и иностранцевъ, бывшихъ въ залѣ, въ минуту сдѣлались приверженцами счастливаго Валерьяна. Хозяинъ игры, съ важностью обратился къ нему.

«Вамъ слѣдуетъ получить, сказалъ онъ, около тринадцати тысячь червонныхъ. Этой монеты столько не наберется въ нашей кассѣ. Не угодно ли вамъ взять по разсчету банковые билеты?»

— Съ большимъ удовольствіемъ! —

«Ага! сказалъ товарищъ нашего героя. Теперь небось, ты не отказываешься отъ выигрыша!»

— Не отказываюсь! Но тебѣ, и всѣмъ разумѣющимъ по-Русски, даю клятвенное обѣщаніе, что это было въ первый и въ послѣдній разъ! Покойный батюшка въ своемъ завѣщаніи какъ будто разрѣшилъ меня на одну попытку! —

Между тѣмъ хозяинъ игры вынималъ билеты. «Что стоитъ червонецъ?» спросилъ онъ.

— Считайте въ десять франковъ! отвѣчалъ опрометчивый Валерьянъ. —

«Что ты?» закричалъ товарищъ. — Нѣтъ! нѣтъ! еще громче закричали Французы, у насъ не обманываютъ и не обсчитываютъ! Подайте журналы! журналы!...

Принесли журналы.

«Голландскій червонецъ одиннадцать франковъ пятьдесятъ сантимовъ!...

Хозяинъ сдѣлалъ разсчетъ на листкѣ пергамента, и подалъ Валерьяну, вѣжливо приглашая его повѣрить. Въ добавокъ къ тремъ стамъ шестидесяти червонцамъ слѣдовало получить сто сорокъ четыре тысячи девять сотъ франковъ. Эта сумма была выплачена билетами и золотомъ.

«Обѣдъ у Вери! какъ хочешь!»

— Будетъ! будетъ!... Только позвольте припрятать мое богатство! —

Едва успѣлъ Валерьянъ вытти на улицу, какъ уже двѣнадцать червонцевъ были розданы, швейцару, поздравителямъ, поздравительницамъ, просителямъ, просительницамъ, мальчишкамъ, и наконецъ... шарманкѣ, которая наигрывая: La victoire est à nous изъ оперы: La Caravane du Kaire, ожидала на улицѣ подаянія отъ щедротъ счастливаго игрока!... О Парижъ!..

Вскочивши въ первый фіакръ, Валерьянъ велѣлъ себя везти въ улицу Монбланъ, въ домъ Перего и Лафита. Тамъ взялъ онъ на сумму ста сорока пяти тысячь франковъ векселя, адресованные на домъ братьевъ Ливіо въ С. Петербургѣ, срокомъ на три мѣсяца, курсомъ по девяносто восьми франковъ за сто

рублей ассигнаціями, что составляло весь его выигрышъ во сто пятьдесятъ двѣ тысячи рублей ассигнаціями. За обѣдомъ Валерьянъ говорилъ, что Провидѣніе вознаградило его за несчастіе отца, который, лѣтъ двѣнадцать тому назадъ, проигралъ пятьдесятъ тысячь и лишился всего имѣнія; а онъ, выигравши втрое болѣе, можетъ опять пріобрѣсти отцовское достояніе. Одинъ офицеръ, вынувши записную книжку, началъ что-то выкладывать карандашемъ, и сосчитавши, сказалъ: «Ты выигралъ ровно ту сумму, которую проигралъ твой отецъ; въ его время, пятьдесятъ тысячь рублей стоили серебромъ тридцать восемь тысячь, что нынѣ составляетъ сто пятьдесятъ двѣ тысячи.»

Долгомъ поставляю увѣдомить, что анекдотъ о чудесномъ выигрышѣ не выдуманный, а справедливый, по времени, по мѣсту и по необычайно счастливому угаданію двухъ нумеровъ къ ряду.

Навѣстимъ бѣднаго Никиту Ѳедотовича! Что то онъ дѣлаетъ? Увы!... Несчастный живетъ на покаяніи у самаго того монастыря, гдѣ похороненъ Нилъ Валерьяновичъ. Добрая домоправительница и вѣрный камердинеръ находятся при немъ. Пособія медицины нѣсколько исправили его здоровье: онъ владѣетъ кистью правой руки, но поднять оной не въ силахъ; можетъ и говорить, но надобно привыкнуть къ его разговору. Въ затруднительныхъ случаяхъ, домоправительница толкуетъ его слова, потому что онъ лепечетъ какъ ребенокъ; такъ напримѣръ, обыкновенное его выраженія: Господи Іисусе Христе, онъ выговариваетъ:

дотоди тутеде... Однажды, въ присутствіи искуснаго молодаго врача, разсуждали о болѣзни Вязьмина, и о чудесномъ происшествіи, о которомъ онъ и самъ любилъ разсказывать, что за нарушеніе клятвы постигнутъ былъ онъ именно тѣми бѣдствіями, которыя самъ себѣ опредѣлилъ: позоръ отъ сына и невозможность сотворить крестное знаменіе и выговорить имя Спасителя. Врачъ пожалъ плечами и, улыбаясь, началъ утверждать, что тутъ нѣтъ ничего чудеснаго; что параличъ есть вещь самая обыкновенная, особливо у человѣка немолодыхъ лѣтъ, сраженнаго неожиданнымъ и непріятнымъ извѣстіемъ; что этотъ же параличъ могъ повредить и другія части тѣла; что, вотъ-де было бы чудо, если бы въ ту минуту у Вязьмина рука и языкъ вдругъ отвалились безъ ампутаціи, или напримѣръ, вмѣсто отнятой руки выросла бы другая; что въ такомъ случаѣ, онъ, врачъ, *сознался бы въ томъ, что онъ этого не понимаетъ*; а что такія простыя дѣла, какъ параличъ, *въ нашъ вѣкъ*, не дивятъ никого и объясняются самымъ естественнымъ образомъ!

О! *нашъ* вѣкъ!... Великій Ньютонъ, произнося имя Божье, всегда почтительно снималъ шляпу. Обязуюсь, передъ тобою, многоученый вѣкъ, снимать и шляпу, и шапку, и картузъ, и фуражку!... Обязался бы снимать и колпакъ, и парикъ, если бы ихъ носилъ; только съ однимъ условіемъ: объясни мнѣ тѣ *естественные* законы, по которымъ кошка видитъ въ потемкахъ. Это по твоей части, вѣкъ натуральной философіи, и должно быть тебѣ гораздо извѣстнѣе, нежели таинства

судебъ Божіихъ, сокрытыя въ такомъ мракѣ, для котораго у тебя, всезнающій вѣкъ, нѣтъ кошачьихъ глазъ!...

Обратимся къ Никитѣ Ѳедотовичу: мы въ подробностяхъ разсматривали всѣ его дѣла по имѣнію; какъ же не узнать теперь, кому оно достанется? Вѣдь четыреста душъ! Въ Россіи, это кое что значитъ!...

Когда Гунны XIX-го столѣтія удалились изъ нашего отечества, и порядокъ началъ возстановляться въ опустошенныхъ городахъ, Вязьминъ пріѣхалъ въ Москву и оттуда послалъ объявленіе, куда слѣдовало, что онъ по болѣзненному состоянію не въ силахъ управлять своею вотчиною, и просить о взятіи оной въ опеку. Когда же Афросинья Валерьяновна возвратилась восвязи, то онъ отправилъ къ ней законную довѣренность и слезное прошеніе о принятіи въ полное распоряженіе села Благодатнаго, которое намѣренъ отдать ея племяннику, какъ скоро *сей* пріѣдетъ къ ней. Добрая Афросинья Валерьяновна зарыдала отъ радости, и, разумѣется, не отказалась, хотя прежде... Но я и забылъ увѣдомить читателя, какъ узналъ Вязьминъ о смерти сына.

Изъ Смоленска, Валерьянъ писалъ къ теткѣ, и отправилъ къ ней письмо несчастнаго Алексаши, складень, и подробное извѣстіе о послѣднихъ его минутахъ, прося все это доставить Вязьмину, коего мѣстопребываніе было неизвѣстно. Афросинья Валерьяновна, оплакавши бѣдствія злополучнаго юноши съ сострадательною заботливостію, и съ этою нѣжною деликатностію, къ которымъ способны только женщины,

развѣдала о мѣстѣ жительства Вязьмина, и отправила все полученное ею, при собственоручномъ письмѣ, не къ нему, а къ его домоправительницѣ. Эта женщина, по весьма умной инструкціи ея превосходительства, приготовила Никиту Ѳедотовича къ узнанію жестокаго извѣстія. Но страдалецъ принялъ все это съ такою же твердостію, съ какою сознательный и кающійся преступникъ выслушиваетъ свое осужденіе. Воздѣвши глаза къ небу, и вздохнувши тяжело, онъ пролепеталъ какія то слова, которыя, по догадкамъ, должны были значить: «Свершилось все то, что самъ я вымолилъ у Отца Небеснаго, и жертва покаянія принесена вполнѣ!...»

Въ Августѣ 1813, Афросинья Валерьяновна имѣла торжественный въѣздъ въ село Благодатное. Святая икона, церемоніально, при колокольномъ звонѣ, была внесена въ домъ. «Посмотрите, мои батюшки! говорила съ дѣтскою радостію старая генеральша, вѣдь Заступница-то сама радуется, что ее, матушку, опять сюда принесли!» По моему мнѣнію, это сказано очень справедливо: Царица Небесная всегда радуется утѣшенію скорби достойныхъ Ея покрова!...

По окончаніи достославной кампаніи, пріѣхалъ и Валерьянъ. Онъ не только помирился съ несчастнымъ Вязьминымъ, но и вмѣстѣ съ нимъ оплакалъ его сына. На колѣняхъ умолялъ Никита Ѳедотовичъ принять отъ него въ подарокъ все недвижимое имѣніе. Но благородный Валерьянъ, поднявши его, съ почтеніемъ, должнымъ къ главѣ, убѣленной лѣтами и несчастіемъ, рѣшительно отказался отъ подарка, потому

что имѣлъ средство выкупить отцовское достояніе. Перемѣна курса въ сторону — имѣніе было куплено за сто тысячь; за сто же тысячь можетъ быть и выкуплено! Вязьмину надобно же чѣмъ нибудь жить. «Сверхъ того, сказалъ ему Валерьянъ, у васъ есть законные наслѣдники вашего имѣнія: вотъ эта добрая женщина, посвятившая себя на ухаживаніе за вами; этотъ слуга, честный и безкорыстный; множество нищей братьи, коей моленіе также доступно до престола Всевышняго; и наконецъ, эта святая обитель, которая должна упокоить вашъ прахъ, и будетъ молиться о упокоѣ вашей души!» Торгъ слаженъ, и имѣніе куплено. Черезъ нѣсколько лѣтъ, Валерьянъ вышелъ въ отставку, женился и поселился въ Благодатномъ.

Я сказалъ выше, что Вязьминъ живетъ на покаяніи... виноватъ! Онъ жилъ, да умеръ и похороненъ рядомъ съ бывшимъ своимъ бариномъ. Рядомъ ли то они тамъ!...

Афросинья Валерьяновна также скончалась, въ глубокой старости, года за два до нашего посѣщенія. Какъ утомленный путникъ, ожидаетъ на ночлегѣ приготовленія постели, на которой онъ уснетъ, такъ Афросинья Валерьяновна ожидала своей смерти. «Пора костямъ на мѣсто!» говаривала она. «Я въ жизни все перенесла, что только можетъ перенести женщина! Гаснетъ, гаснетъ моя вечерняя заря!... Пора уснуть и дождаться новаго утра!...»

Почтенная и милая супруга Валерьяна Ниловича рѣдко и почти никогда не являлась въ его мужской кампаніи. Такъ уже было заведено! Мужъ и владыка, однажды на всегда объявилъ, что иногда онъ хочетъ быть холостымъ вмѣстѣ съ холостыми, а посему, въ нашихъ прогулкахъ по красивымъ окрестностямъ — трубки замѣняли дамъ: каждый имѣлъ свою, которую почтительно несъ на рукѣ! Въ такихъ бесѣдахъ разговоры бываютъ очень непринужденны, и даже до того вольны, что смѣло можно толковать и о военныхъ проказахъ и объ умозрительной философіи: предметы, о коихъ не прилично упоминать въ дамскомъ обществѣ!

Товарищъ моего путешествія въ Вяземскій уѣздъ имѣетъ довольно несносную привычку: заводить неожиданно о чемъ нибудь рѣчь и вдругъ обращаться къ слушающему, съ страннымъ запросомъ: «какъ вы объ этомъ думаете? я хочу знать ваше мнѣніе?» — И когда, на такой неучтивый вызовъ (сдѣлавшійся нынѣ довольно употребительнымъ у многихъ), по долгу вѣжливости излагаютъ ему вкратцѣ свое мнѣніе, то онъ вмѣняетъ себѣ въ обязанность спорить и возражать. Я нерѣдко ему говорю объ этой замашкѣ: «Какъ ты думаешь? я хочу знать твое мнѣніе: полагать ли ты, что въ такихъ спорахъ самъ становишься умнѣе, или только терпѣливому противнику кажешься умнымъ? А я, такого мнѣнія, что и въ томъ и въ другомъ случаѣ ты весьма ошибаешься! —

Въ угодность мою, прогулки наши оканчивались у любимой рѣчки. Медленными шагами поворотили мы

въ ту сторону, какъ неугомонный мой товарищъ началъ аттаковать вѣжливаго и терпѣливаго Валерьяна Ниловича, вывѣдывая его мнѣнія о всѣхъ новѣйшихъ произведеніяхъ Русской словесности. Нескромность такихъ распросовъ была очевидна: многіе изъ писателей могли быть родственники или друзья того или другаго изъ разговаривающихъ. Я далъ это замѣтить, а товарищъ, вмѣсто того, чтобы прекратить свои докучливые вопросы, задумалъ отдѣлаться перемѣною разговора, и вскорости, не нашедши предмета нововѣе, завелъ рѣчь о классикахъ и романтикахъ! Добрый Валерьянъ Ниловичъ невольно усмѣхнулся и сказалъ, что объ этой матеріи долго толковала вся Европа и ничего дѣльнаго не сказала, что на счетъ собственнаго мнѣнія онъ распространяться не будетъ, а кажется ему, что словесность XVIII-го столѣтія, несправедливо называемая классическою, до того была причудлива въ соблюденіи своихъ условныхъ правилъ, что въ производимыхъ ею характерахъ и событіяхъ были однѣ только крайности, не было настоящей средины, слѣдовательно, не было и истины. Такъ напримѣръ, классическій тиранъ долженъ быть тиранъ въ полномъ смыслѣ, въ высшей степени, безъ малѣйшаго исключенія, и сохрани, Боже, чтобы онъ сказалъ хотя одно слово не *тиранническое*! Если бы Шиллеръ подлежалъ суду тогдашней критики, то она ни за что въ мірѣ не простила бы ему, въ Донъ Карлосѣ, великодушнаго поступка Филиппа съ Адмираломъ!... Въ силу такихъ условій, и герой долженъ быть образцомъ всѣхъ совершенствъ, безъ слабостей и заблужденій, что со-

вершенно противно истинѣ. По этимъ причинамъ, въ нашъ вѣкъ пресыщенія и даже отвращенія, тошноты, требуютъ, чтобы людей представляли не полубогами и не получертями, а просто, людьми, каковы они въ самомъ дѣлѣ, съ равномѣрною смѣсью добра и зла, то есть, по простонародной Русской поговоркѣ — либо бочка меду, да ложка дегтю, либо ложка меду, да бочка дегтю! — «Такимъ образомъ, не будетъ никакой опредѣлительности въ характерахъ!» закричалъ мой товарищъ, вдругъ изъ отъявленныхъ романтиковъ сдѣлавшійся классикомъ, ради спора. — Смѣсь добра и зла — что это такое? Ваши романическіе герои будутъ всѣ съ грѣхомъ пополамъ, слѣдовательно, люди ничтожные и обыкновенные; а ваши тираны, будутъ добрые ребята, учинившіе злодѣянія ненарочно, по инстинкту, по врожденной привычкѣ, потому что природа вложила въ нихъ болѣе дегтю, нежели меду! Въ такомъ случаѣ, не только человѣкъ не можетъ ихъ осуждать, но и законы должны ихъ оправдывать, и уголовныя палаты должно уничтожить за ненадобностью! — «Экъ его куда хватило!» подумалъ я. Вотъ Логика! Но терпѣливый Валерьянъ Ниловичъ, засмѣявшись, отвѣчалъ:» Однако вы видите, что уголовныя палаты не сидятъ безъ дѣла, и наша романтическая реформа нисколько горю не помогла! Что же касается до упоминаемаго вами неравнаго вложенія... не природою, а Провидѣніемъ, — дегтя и меду — то вы сказали правду! Оно такъ и есть, и такъ должно быть! Мы всѣ родимся съ своею долею дурныхъ наклонностей, или, лучше сказать, злаго начала, съ которымъ должно

умѣть управиться. Нерѣдко это злое начало таится въ самыхъ прекрасныхъ душевныхъ качествахъ; такъ напримѣръ, сколько было случаевъ, гдѣ безпредѣльное милосердіе болѣе причиняло вреда, нежели самая жестокость!... Бомарше избралъ себѣ девизомъ: Вся жизнь моя — борьба! Это общій девизъ рода смертныхъ. Мы на то родимся, и въ этой борьбѣ состоитъ вся цѣль, все достоинство, вся заслуга нашей жизни. Да! заслуга! потому что плоть наша есть мундиръ, а временное бытіе — служба! Кто изъ насъ не борется, или, по крайней мѣрѣ, не долженъ бороться даже съ самою природою, дабы получить отъ нея хлѣбъ насущный, или укрыться отъ ея суровостей? А борьба съ нищетою, съ неблагопріятными обстоятельствами, съ врагами внѣшними, и... что всего ужаснѣе!... съ врагами внутренними, съ дурными наклонностями, съ тяжкими искушеніями, которыми мы окружены со всѣхъ сторонъ, встрѣчаемъ на каждомъ шагу! О!... вотъ важная задача жизни!... и, чтобы не отклоняться отъ литературнаго разговора, вотъ то, въ чемъ древніе писатели видѣли *рокъ*, которымъ старались они облагородить преступленія своихъ героевъ.

Но мы, въ эпоху зрѣлости рода человѣческаго, мы уже знаемъ, что рокъ не существуетъ, а вмѣсто его, есть у каждаго человѣка воля и обязанности; по мѣрѣ дурнаго направленія первой и неисполненія послѣднихъ, святое Провидѣніе дѣлаетъ намъ явныя замѣчанія, побужденіе къ исправленію, указанія на гибельныя послѣдствія; не рѣдко мы не обращаемъ на это вниманія, упорствуемъ, и тогда... Провидѣніе отвра-

щается отъ насъ, предаетъ насъ самихъ себѣ и мы стремглавъ летимъ въ бездну!... Это называется гнѣвомъ Божьимъ.»

Валерьянъ Ниловичъ замолчалъ. Не смотря на стараніе обратить разговоръ на литературу, онъ видѣлъ, что зашелъ слишкомъ далеко. Товарищъ мой также молчалъ, вѣроятно, пріискивая новыхъ доводовъ для спора. Между тѣмъ мы пришли къ запустѣлому саду, и остановились на лужайкѣ, скатомъ простирающейся до рѣчки. Валерьянъ Ниловичъ обернулся, вздохнулъ, и показывая рукою на садъ, сказалъ: «Вотъ памятникъ гнѣва Божія!»

Товарищъ мой какъ будто отъ сна пробудился; обрадовавшись случаю поспорить, онъ вдругъ прокричалъ: «Скажите лучше, памятникъ плутней бездѣльника, подлеца, негоднаго холопа, человѣка самой низкой души, если только есть душа въ подобныхъ ему тваряхъ!» – О! нѣтъ! возразилъ Валерьянъ Ниловичъ. Нѣтъ! не называйте его такъ! Не поносите его памяти! не тревожьте его праха! Скорѣе почтите въ немъ человѣка несчастнаго, котораго самъ Царь вселенной удостоилъ знаменія своего правосудія! Онъ покаралъ его, но карая, помиловалъ, ибо далъ ему время на раскаяніе! Теперь, Вязьминъ уже отдалъ свой отчетъ Богу, и мы ему не судьи! – «Не вздумаете ли вы его оправдывать?» спросилъ мой неугомонный.

Валерьянъ Ниловичъ не отвѣчалъ ни слова, а наклонивши голову, началъ какъ будто осматриваться. Увидѣвши лежащій булыжникъ, онъ молча устремилъ на оный взоры. Потомъ придвинулъ его къ себѣ

тростью и взялъ въ руки. «Не знаю, долго ли лежалъ здѣсь этотъ камень? только онъ лежалъ смирно, безъ движенія,» сказалъ Валерьянъ Ниловичъ. «Теперь, вотъ!» и мощною рукою отбросилъ онъ камень къ рѣчкѣ. — «Зналъ ли онъ, куда попадетъ и самъ ли туда стремится? А если бы этотъ самый камень лежалъ на вершинѣ довольно крутой горы, и я столкнулъ бы его внизъ — что могло бы удержать его стремленіе? Скорость паденія увеличивалась бы, по законамъ физическимъ; *огромными* рекошетами скакалъ бы онъ по отлегости, и можетъ быть, внизу, поранилъ бы или изувѣчилъ моего сына, мимо шедшаго? Кто былъ бы виноватъ, камень или отецъ?... Такъ часто и порочныя наклонности человѣка лежатъ неподвижно какъ камень: зачѣмъ давать имъ гибельные толчки?...»

— Нѣтъ! виноватъ не Никита Ѳедотовичъ, а виноватъ мой батюшка — царство ему небесное! Или лучше сказать, не батюшка, а ложное, вредное повѣрье того вѣка, въ который онъ родился!... Тогда, не шутя полагали, что дворяне созданы отъ особенной плоти и кости! Тогда, чистосердечно вѣрили тому, что *Хамово отродье*, отдѣленное отъ насъ цѣлымъ полсвѣтомъ, существуетъ въ Россіи, во всемъ томъ, что не принадлежитъ къ дворянскому званію? Тогда — на вопросъ вашъ: честный ли онъ человѣкъ? — вамъ съ гордымъ видомъ отвѣчали: онъ дворянинъ! и вы должны были благоговѣйно замолчать! Подъ этимъ словомъ: дворянинъ, подразумѣвались всѣ достоинства, всѣ добродѣтели!... Тогда, если спрашивали о комъ нибудь: что онъ сдѣлалъ для такого то? — вамъ съ

преважнымъ видомъ говорили: онъ его вывелъ въ дворяне! — и вы, этого *кого нибудь* должны были почитать такимъ благодѣтелемъ *такого-то*, который сдѣлалъ для него болѣе нежели Богъ! Сей создалъ его проклятымъ Хамомъ; — тотъ вывелъ его въ благословенные Іафеты!... Смѣшно и жалко! Но мы не имѣемъ права винить тотъ вѣкъ! Это происходило въ дѣтствѣ нашего просвѣщенія, а вы сами знаете, каковы дѣтскія понятія!... Время, благотворныя усилія правительства, неусыпные труды истинныхъ, вѣрныхъ сыновъ отечества, мало по малу искореняютъ предразсудки и ставятъ насъ выше предковъ. Но мы не должны ихъ презирать за заблужденія, свойственныя ихъ вѣку!...

Не подумайте, впрочемъ, мои почтенные друзья, что бы я принадлежалъ къ числу нынѣшникъ проповѣдникъ равенства: я еще съ ума не сошелъ! Всеобщее равенство не существуетъ! Его нѣтъ въ природѣ! На куриномъ яйцѣ... извините, я объясняюсь по деревенски — на куриномъ яйцѣ усмотрите вы чрезъ микроскопъ такіе же горы и овраги, какъ и на нашей планетѣ. Какое же равенство можетъ быть между людьми? Легче бабѣ, простымъ, деревяннымъ уполовникомъ, сплеснуть всѣ волны съ бушующаго океана, какъ пѣну съ горшка въ печи, нежели дюжинѣ, сотнѣ, тысячѣ высокомѣрныхъ мудрецовъ, уравнять милліонную часть милліоновъ двуногихъ, одаренныхъ весьма глупымъ разумомъ, и... главное: глупѣйшею волею. Такими создалъ насъ Господь! и скажу болѣе: мы даже передъ Богомъ не равны, потому что на

страшномъ судѣ его должны стать одесную и ошуюю, не иначе!... Но если вы хотите равенства, то не ищите его въ учрежденіяхъ и постановленіяхъ человѣческихъ. Еще за осьмнадцать столѣтій оно установлено: это равенство Евангелія, повелѣвающаго намъ быть братіями. Повѣрьте, что Спаситель не вмѣнилъ бы этого братства въ добродѣтель и въ заслугу предъ Богомъ, если бы люди могли быть уравнены законами человѣческими! Въ семъ послѣднемъ случаѣ, равенство человѣковъ было бы дѣломъ законовѣдцевъ и судей, а не Искупителя рода смертныхъ, такъ какъ не его дѣломъ было судопроизводство или полиція Іудеевъ!... И такъ, равенство есть христіанская добродѣтель, а не параграфъ конституціонной хартіи, какъ многіе весьма безумно полагаютъ!...

Въ этой смѣси высшихъ и низшихъ, составляющей родъ человѣческій, есть взаимныя обязанности тѣхъ и другихъ, самыя естественныя, самыя нетрудныя и самыя полезныя. Высшій разумомъ и познаніями обязанъ удѣлить низшему такую часть полезныхъ свѣдѣній, какая потребна для его быта; высшій богатствомъ, долженъ дать низшему работу, которая доставляла бы ему нескудный хлѣбъ; высшій рожденіемъ и званіемъ долженъ дать низшему средства служить ему вѣрно, усердно, честно, подъ строгимъ и неослабнымъ надзоромъ, и за службу свою получать воздаяніе. Вотъ что высшіе могутъ дать низшимъ, и чего низшіе могутъ требовать отъ высшихъ!... Но такъ судимъ мы, при нынѣшнемъ состояніи просвѣщенія; такъ не могли судить тогда, за цѣлое полстолѣтіе назадъ!... По тогдашнему

повѣрью, сдѣлать добро низшему, значило сравнять его съ собою, возвысить до себя. И потому-то дворянинъ не зналъ другаго средства наградить своего любимца слугу, какъ только вывести его въ дворяне, а для этого первоначально нужно было записать его въ службу и вывести въ офицеры. Что же выходило? Слуги, остававшіеся на прежнемъ мѣстѣ, отъ рода въ родъ болѣе и болѣе привыкали къ честности, къ исправности, къ безкорыстію, даже къ великодушному терпѣнію, словомъ, ко всѣмъ добродѣтелямъ, которые апостолъ предписываетъ рабамъ. А нововыведенные чиновники, отвыкшіе отъ трудолюбія и простоты нравовъ отцовъ своихъ земледѣльцевъ, привыкшіе къ порокамъ, порождаемымъ праздностію лакейскихъ въ барскихъ домахъ — они, въ новое званіе не приносили съ собою ни малѣйшаго познанія, ни благороднаго чувства, никакой добродѣтели, ничего другаго, кромѣ хитрости и пронырства полистовъ, пролазовъ и маскарелей! При такихъ, похвальныхъ качествахъ, мудрено ли, что изъ нихъ не выходило ничего кромѣ взяточниковъ, крючкотворцевъ, ненасытныхъ ростовщиковъ, гнусныхъ спекулаторовъ, тварей, тѣмъ болѣе презрѣнныхъ и отвратительныхъ, что они всѣ свои беззаконныя дѣла совершали подъ эгидомъ офицерскаго чина! Исключенія, конечно, есть; но ихъ не много. Эти гадкія существа водятся и до сихъ поръ, но... слава Богу, вновь не заводятся, а только доживаютъ свой вѣкъ, какъ представители прежнихъ злоупотребленій. Нынѣ мудрое правительство прекратило такіе неумѣстные выводы въ дворяне! Нынѣ уже нѣтъ *Ха-*

мова отродья, но за то нѣтъ и лакеевъ, которые отъ щедротъ и милостей Іафетова поколѣнія получали право срамить офицерское званіе! Нынѣ, всякому сословію опредѣлена своя сфера, просторная, достаточная и удобная. Такъ и должно быть, ибо касается благоустройства государства!... Но какъ была принята эта мудрая мѣра правительства? О! это мнѣ еще памятно!... Какъ возопіяли тогда одни противъ невозможности вытти въ дворяне, другіе, противъ трудности выводить въ дворяне, что также имѣетъ свои пріятности; а никто не хотѣлъ видѣть, что ходъ къ дворянскому званію, не только не былъ воспрещенъ, но даже открытъ къ оному прямой, надежный путь; что не нужно для достиженія этой цѣли искать не заднихъ дверей, ни лазеекъ, ни закоулковъ; а можно смѣло шествовать по прочной дорогѣ просвѣщенія и заслугъ! Да еслибъ я вздумалъ выводить въ люди сына моего камерединера, то сначала былъ бы обязанъ его образовать. Идетъ въ голову ученіе — продолжай, иди далѣе, двери университета всегда отперты! Выучился? образовался? А! теперь куда угодно: въ мѣщане, въ купцы, въ почетные граждане, въ службу и — послѣ въ дворяне – вездѣ будетъ мѣсто, и вездѣ можетъ быть человѣкомъ!...

Я крѣпко держусь того мнѣнія, или лучше сказать, я душевно убѣжденъ въ той истинѣ, что изъ жизни каждаго человѣка, даже изъ самой обыкновенной, можно извлечь что нибудь достойное примѣчанія или полезное: намъ жизнь дается не на обумъ!...»

— «Вы, — превралъ мой товарищъ, вы правду говорите! Вотъ, напримѣръ, въ вашей жизни: какъ достойно примѣчанія и какъ полезно для васъ чудесное обстоятельство вашего выигрыша! Полтораста тысячь! шутка ли! Да еще своихъ денегъ не рисковано ни копѣйки, потому что и десять червонцевъ были выиграны! Вотъ это полезное дѣло и для себя и для дѣтей!»

— Я съ вами согласенъ, отвѣчалъ Валерьянъ Ниловичъ, улыбаясь: это немаловажное обстоятельство въ моей жизни, и я имъ не пренебрегъ; доказательство, что на третью ставку не пустилъ втораго выигрыша; но что касается до дѣтей моихъ, то они могутъ въ свою очередь нажить по стольку же; могутъ даже... отъ чего упаси ихъ, Боже!... прожить и проиграть весь отцовскій выигрышъ!... Нѣтъ, изъ обстоятельствъ моей жизни я извлекъ для нихъ другую пользу, которая принесетъ имъ чистый выигрышъ! — Когда придетъ пора ознакомить дѣтей моихъ съ достояніемъ отцовскимъ, дабы они знали свои денежныя средства, тогда, вподробности я разскажу имъ, какъ болѣе двухъ третей имѣнія дѣдовъ ихъ перешло было въ руки корыстолюбиваго холопа, и на всегда бы за нимъ осталось, если бы само Провидѣніе не рѣшило этого дѣла, и когда ихъ чистыя души смутятся отъ моего гнуснаго разсказа, тогда я прибавлю, что этотъ примѣръ не единственный въ нашемъ отечествѣ; что было время, когда люди низшаго происхожденія втирались въ бояре — помѣщики цѣлыми сотнями, а изъ каждой сотни едва ли десять шли путемъ заслугъ и

полезныхъ трудовъ; всѣ же достальные достигали желаемой цѣли обманами и плутнями. И послѣ того скажу имъ торжественно: дѣти! радуйтесь! Этого уже нѣтъ! Правительство приняло мѣры противъ этого зла!— И въ дополненіе къ этой радости, разскажу имъ много исторій о злоупотребленіяхъ въ Россіи, младенчествовавшей просвѣщеніемъ, но зрѣлой страстями и дурными наклонностями, и указавши имъ на эти плевела, съ корнемъ исторгнутыя мощною рукою правительства, опять скажу: радуйтесь. Въ вашъ вѣкъ уже этого нѣтъ! — Но этого мало! Когда я пойду съ ними по гладкому шоссе, между Петербургомъ и Москвою, то непремѣнно разскажу имъ, какъ самъ я тащился по пескамъ около Твери, проклиналъ дорогу, то спускаясь, то подымаясь по Валдайскимъ горамъ, едва переводилъ духъ отъ толчковъ скверной мостовой между Чудовымъ и Ижорою, и паки возопію: радуйтесь, дѣти, для васъ это все исправлено! и прибавлю къ тому: когда вы поѣдете по дурнымъ дорогамъ и негоднымъ мостамъ (а это съ вами не разъ случится), и когда вы увидите злоупотребленія людей непросвѣщенныхъ, даже потерпите отъ нихъ притѣсненія, и притѣсненія именемъ законовъ (а это съ вами и часто можетъ случаться!) — то воздержитесь отъ негодованія, и утѣшьтесь мыслію: дойдетъ очередь, и все это будетъ исправлено! —

А себя утѣшаю я тою мыслію, что эти подробные разсказы о постепенномъ воспитаніи и врачеваніи нашего отечества, подѣйствуютъ на душу моихъ дѣтей лучше всякихъ Essais и Considération; ибо дока-

жутъ имъ, что наше правительство, безъ мечтаній, безъ многословія, безъ краснорѣчивыхъ журнальныхъ объявленій, дѣйствуетъ неусыпно, и обращая неутомимое вниманіе на недуги, собственно Россіи принадлежащіе, исцѣляетъ оные не по иностраннымъ рецептамъ! Имѣяй разумъ разумѣти — да разумѣетъ!...»

На другой день мы поѣхали въ Москву.

МИКЕРІЯ

НИЛЬСКАЯ-ЛИЛІЯ.

Переводъ

ДРЕВНЯГО ЕГИПЕТСКАГО ПАПИРУСА,

НАЙДЕННАГО НА ГРУДИ ОДНОЙ МУМІИ ВЪ ѲИВСКИХЪ КАТАКОМБАХЪ.

БАРОНА БРАМБЕУСА.

СЪ ПОДЛИННЫМИ ЕГИПЕТСКИМИ ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ.

ПРИМѢЧАНІЕ.

Любопытные рисунки, которыми это небольшое сочиненіе украшено, составляютъ, не только его типографическое украшеніе, но, можетъ-быть, и все внутреннее достоинство. Лучше всякихъ словъ, могутъ они дать читателю понятіе о древнемъ египетскомъ обществѣ, его религіи, искусствахъ, домашней жизни, одеждѣ, утвари, обычаяхъ, увеселеніяхъ. Всѣ эти рисунки сняты на-мѣстѣ, съ ѳивскихъ памятниковъ, съ сохраненіемъ подлиннаго стиля. Тотъ, чье имя подписано въ концѣ папируса, представляетъ его читателямъ, не какъ разсказъ, достойный ихъ вниманія по своему содержанію, но только какъ легкій и, по самой уже формѣ своей, очень скромный этюдъ египетской древности, гдѣ знаменитая *египетская мудрость*, или сокровенная философія народной вѣры, должна по необходимости занимать первое мѣсто.

МИКЕРІЯ
НИЛЬСКАЯ-ЛИЛІЯ.

Переводъ египетскаго папирусоваго свитка, найденнаго на груди одной муміи въ ѳивскихъ катакомбахъ.

Начало свитка, положеннаго на грудь бреннымъ останкамъ лунолюбимой великой царевны Микеріи-Нильской-Лиліи, дочери покойнаго солнце-любимаго, мудрѣйшаго царя Амосиса, фараона, сирѣчь — земнаго солнца, прямаго истеченія Солнца небеснаго; равнаго ему по чистотѣ и святости существа; друга боговъ; свѣтила и наставника людей; блюстителя вѣры и закона; могущественнаго обладателя Верхняго и Нижняго Египта, Нубіи, Мероѣ, Эѳіопіи, Ливіи, Сиріи, Малой Азіи и всѣхъ извѣстныхъ и неизвѣстныхъ странъ міра, земель, городовъ, горъ, пустынь и морей, да сольется душа его какъ можно скорѣе съ Душою міра. А сочинено содержаніе того свитка святѣйшимъ и мудрѣйшимъ великимъ жрецомъ главнаго ѳивскаго храма, Гамономъ, по чистой совѣсти и по точной формѣ, предписанной мудрецами, да возвеличится санъ его на землѣ и на небѣ. А писанъ тотъ свитокъ недостойною рукою грѣшнѣйшаго и глупѣйшаго главы царскихъ писцовъ, Ребофтене-

ба, да простятся ему всѣ описки и недописки. А разрисованъ неподражаемою кистью придворнаго живописца, Копуниса, посвященнаго въ тайны завѣтной мудрости и глубоко изучившаго всѣ неисповидимые символы боговъ, всѣ дѣянія людей и разумъ животныхъ. Въ годъ отъ перваго вещественнаго проявленія Осириса 117293-ій, мѣсяца апофи въ 14-ый день.

Амонъ-Ра. Маутъ (Изида). Хонсо.

До начала вещей (*), было Пространство. Пространство было слито со Тьмою и Молчаніемъ. Эти три первыя

(*) Бо̀льшая часть папирусовъ, находимыхъ въ муміяхъ, начинаются, послѣ обыкновеннаго предисловія, подобною этой испо-

существованія, источникъ всего, составляютъ первую и самую таинственную тріаду, или тройню бытій, которая у мудрецовъ именуется «Неисповѣдимое три». Кто понялъ Пространство, Тьму и Молчаніе, тотъ постигъ все. Пространство, Тьма и Молчаніе — первая *единица*,

вѣдью лжевѣры древнихъ Египтянъ. Но только у лицъ царской крови и жреческаго сословія, то есть, у лицъ, посвященныхъ въ Таинства, исповѣди эти представляютъ болѣе или менѣе подробное изложеніе завѣтной *египетской мудрости*, служившей сокровеннымъ основаніемъ религіи Гермеса Тревеликаго: у простыхъ смертныхъ, у темнаго народа, или *предхрамной толпы* (profanum vulgus), онѣ содержатъ въ себѣ одни народныя легенды о богахъ, извѣстныя подъ общимъ именемъ «миѳологіи», или *преданіе-словія*, по которымъ, разумѣется, о сущности древнихъ языческихъ вѣрованій судить невозможно. При этомъ случаѣ необходимо сдѣлать общее предварительное замѣчаніе. Въ сокровенной «мудрости», всѣ *бытія* (ens), а въ предхрамной или народной вѣрѣ, всѣ *боги* (deus), были раздѣляемы на тріады, или *тройни*. Каждый храмъ посвящался тремъ богамъ, одному главному и двумъ младшимъ, которые въ мудрости Таинствъ всѣ трое выражали одну какую нибудь идею, состоящую изъ главнаго бытія, главной силы или *причины* (первый богъ), ея *дѣйствія* (второй богъ, обыкновенно богиня, супруга главнаго бога), и ихъ *произведенія* (третій богъ, сынъ или дочь предъидущихъ). Этой системѣ дѣленія слѣдовало не только египетское но и греческое язычество: два младшіе бога назывались въ просторѣчіи *сохрамными богами*, synnaioi theoi. Тройня боговъ, изображенная въ началѣ папируса,—*Амонъ-Ра* (Невидимое солнце, эѳиръ, Юпитеръ),—*Маутъ* (сила, творящая формы, главное свойство эѳира, другими словами жизнь, мать всего, Юнона),—и *Хонсо* (природа, твореніе, Веста),—составляли великую тріаду Ѳивъ Египетскихъ. Почти каждый городъ покланялся другой тріадѣ, которая, впрочемъ, всегда выражала ту же основную идею язычества, только въ другихъ видахъ и подъ другими названіями. Какъ рѣчь идетъ здѣсь о знаменитой «мудрости» египетскихъ жрецовъ, которая возбуждала въ древнихъ такое удивленіе, то кстати замѣтимъ еще, что *мудростью*, sapientia, называли они именно то же, что мы теперь называемъ *философіей*. Разница между египетскими и греческими философами состояла преимущественно въ томъ, что тѣ были мудрецы и жрецы, а другіе только ученые міряне, не осмѣливавшіеся, особенно послѣ Сократа, даже издали касаться символовъ вѣры и предметовъ, принадлежавшихъ къ Таинствамъ. О бытіяхъ (entia), единицахъ, тріадахъ, числѣ, атомахъ, и прочая, они разсуждали только какъ о философическихъ отвлеченностяхъ, не показывая связи ихъ съ господствующею религіей.

три бытія, заключавшіяся въ одномъ нераздѣльномъ бытіи. На ней основана вся мудрость, или вѣра избранныхъ. Храмъ—Пространство, мудрость—Тьма, Молчаніе—тайна, первое условіе мудрости. Для предхрамной толпы, Пространство выражается символомъ *Серапись*, изображеніемъ человѣческаго существа (бытіе), съ головою священнаго быка Аписа (чистота), шаромъ между рогами (міръ) и прочими эмблемами, которыхъ глубокій смыслъ извѣстенъ только мудрѣйшимъ и благочестивѣйшимъ. Тьма, для толпы, именуется - невещественная, *Бушо* (Латона), а вещественная, *Бубасти* (Геката, ночь). Молчаніе первоначальное, несозданное, принадлежность духа, есть *Арозри*, а Молчаніе

Серапись.

Ароэри.

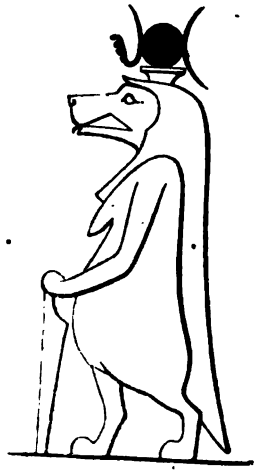
таинствъ, принадлежность мудрости — *Гарпократъ*, котораго символъ - ребенокъ съ пальцомъ на губахъ. Но Пространство, Тьма и Молчаніе — великое Одно въ трехъ видахъ.

Пространство было также и Временемъ. Время содержалось въ Пространствѣ: оно было неразвитое и неразличное, и этому виду Времени въ символахъ дано имя *Серъ* (Кронос, Сатурнъ), а иногда зовутъ его и *Серъ-апис*, такъ же какъ и чистое Пространство, потому что древніе мудрецы часто соединяли Время и Пространство въ одно бытіе и говорили «Пространство-Время». Сущность Времени та же какъ и сущность Пространства: она состоитъ въ Мѣрѣ. Это бытіе (Мѣра) названо *Нетпе* и изображается таинственною фигурою женскаго пола, въ просторѣчіи — богиней. Сущность же Мѣры — Число. Число - разумъ Времени и Пространства. Число — первобытный, несозданный, самосущій Разумъ, *Осири*, законъ всего творенія. Разумъ - сынъ Пространства-Времени и Числа. *Осири* (Озирисъ, Юпитеръ), сынъ *Сера* (Сатурна) и *Нетпе* (Реи). Единица - духъ всякаго числа: всѣ числа содержатся въ единицѣ, какъ единица содержится во всѣхъ числахъ. Но Время, Число и Разумъ — великое Одно въ трехъ видахъ. Вторая *единица*(*).

Единица — все. Единица - безконечность. Единица - добро. Единица — опредѣленность, неизмѣнность, справедливость, истина. Единица - прямая линія, кругъ и квадратъ. Единица — ровное, истинное, вѣрное, ясное,

(*) Озириса рѣдко изображали въ отдѣльномъ символическомъ видѣ, а имени его не произносили никогда, изъ благоговѣнія передъ самосущимъ Разумомъ. Гдѣ встрѣчалось это имя въ писаніяхъ, тамъ читали — *уро*, царь. Поэтому и Геродотъ, принятый въ Таинства египетской мудрости, упоминая объ этомъ богѣ, говоритъ всегда: *тотъ, чьего имени я не смѣю произнести*. Въ изображеніяхъ, символы Озириса обыкновенно замѣнялись символами Амона-Ра, Сераписа и другихъ боговъ, почитавшихся его особенными видами.

свѣтлое, пріятное. Въ ней же заключается начало двойственности, число 2, двойня. Двойня-конечность, измѣнчивость, несправедливость, ложь, кривая линія, эллипсъ, неровное, невѣрное, неблагополучное, зловѣщее, ссора, война, супружество, нужда, страсть, грѣхъ, смерть, мракъ, зло. Единица, самосущій Разумъ, Озирисъ, какъ начало добра, имѣетъ символомъ Горъ-Гата (Агаоѳемона), а какъ источникъ двойственности и зла именуется *Тифономъ* (Какодемонъ). Зло и добро соедине-



Тифонъ.

ны въ Разумѣ, который состоитъ изъ соображенія и сочетанія зла съ добромъ, и, въ символахъ, Тифонъ считается братомъ Озириса, вѣчно посягающимъ на его жизнь и, однажды, умертвившимъ его на землѣ. Толпа ужасается его подъ именемъ злаго духа, не понимая, что злой духъ — число 2. Но въ мірѣ ничего не можетъ существовать безъ Тифона, безъ примѣси зла,

безъ числа 2, потому что 1 да 2 = 3, а три — совершенство, треугольникъ, красота, благоустройство, міръ, жизнь, радость, вѣчность.

Въ самосущемъ Разумѣ, *Осири*, заключалась и самосущая Воля, *Иси* (Изида, сестра и супруга Озириса). Разумъ и Воля соединены были Любовью. Любовь изъ нихъ образовалась, и связала ихъ навсегда. Разумъ — отецъ, Воля — мать, Любовь — чадо. Но Разумъ, Воля и Любовь — великое Одно въ трехъ видахъ. Третья *единица*.

Отецъ—Сила творческая, мать—Вещество, чадо творческой силы и вещества—Красота, или Міръ, Міръ-краса,

Аторъ (Любовь и Красота).

(*) Изображеніе Изиды — то же что изображеніе богини *Маутъ*, въ ѳивской тріадѣ, при началѣ папируса. *Маутъ* значитъ — мать. Любовь, произведеніе Разума и Воли (дочь Озириса и Изиды) изображалась различно. Обыкновенно имѣла она тотъ же символъ какъ и Красота, *Аторъ* или *Иси-Аторъ* (Афродита, Венера). Какъ «красота» и «міръ» (kosmos) назывались одинаково и, въ мудрости,

(Kosmos). Вещество заключалось въ Разумѣ, въ числахъ, въ единицѣ. Безъ вещества, Число и Разумъ не могли бы существовать. Первобытное вещество добровольно развилось изъ Разума и наполнило собою Пространство, которое съ того времени стало вещественнымъ, принявъ видъ первобытной и неисповѣдимой Красоты. Вещество это — вездѣсущій эѳиръ, тончайшая изъ тончайшихъ и чистѣйшая изъ чистѣйшихъ матерія, изъ которой все образовалось черезъ различныя степени сгущенія и принятіе разнообразныхъ формъ. Съ тѣхъ поръ Число пришло въ дѣйствіе, стало Душою міра, отцомъ всего творенія, Вещество стало женою и матерью, *Маутъ*, и явилась Природа, *Хонсо* (*). Съ той минуты и считается первое проявленіе Озириса и Изиды. Эѳиръ, какъ основаніе Числа и Душа міра — Озирисъ. Эѳиръ, какъ матерія, подверженная дѣйствію Числа и его творческой силѣ - Изида. Эѳиръ, какъ вещество, принявшее формы посредствомъ чиселъ — Природа (*Хонсо*).

Прежде всего эѳиръ, сгустился въ центрѣ пространства и образовалъ солнце: тогда-то вдругъ объявились и главныя свойства эѳира, свѣтъ, теплота, огонь и живительная сила, изображенные мудрецами въ видѣ раз-

---

принимались за однозначущія слова, то изображеніе Любви и Красоты мы увидимъ сейчасъ, при рѣчи о мірѣ. Любовь представлялась въ образѣ женщины съ головою коровы Аторъ, а Красота въ видѣ птицы съ женскою головою: обѣ вмѣстѣ означали *міръ-красу* (kosmos), который выраженъ шаромъ, поставленнымъ между рогами, знаменемъ Разума, какъ силы и оружія головы.

(*) Третье божество, изображенное при началѣ, въ ѳивской тріадѣ.

личныхъ символовъ и преданные почитанію толпы подъ названіемъ разныхъ бытій или боговъ. Остальная часть эѳира осталась безвидно разлитою въ пространствѣ и, въ мудрости, именуется *Амонъ-Ра*, Невидимымъ

Амонъ-Ра.

Солнцемъ. Пространство, занятое въ центрѣ видимымъ и наполненное повсюду Невидимымъ Солнцемъ, которое по существу то же что и видимое, приняло форму шара и выражается отдѣльнымъ символомъ. Невидимое Солнце, одно, какъ Душа міра, получило въ храмовыхъ тріадахъ различныя изображенія : въ древнѣйшемъ и святѣйшемъ изъ всѣхъ, ѳивскомъ, оно представлено въ видѣ бытія (человѣка), сидящаго на престолѣ, съ царскими перьями на головѣ, и смыслъ приданныхъ ему подробностей неисчерпаемъ. Видимое Солнце, одно, представляется въ образѣ Горуса (Феба).

Съ теченіемъ времени, въ разныхъ мѣстахъ міроваго шара послѣдовали новыя сгущенія Невидимаго Солнца, или свободно разлитаго эѳира, изъ чего возникли планеты, Земля, Луна и все что́ на нихъ находится. Какъ міровое пространство — шаръ, у котораго нѣтъ твердыхъ предѣловъ, то Земля не можетъ ни на чемъ покоиться и ни на что опираться. Она по-необходимости такой же шаръ какъ видимое Солнце и плаваетъ въ шарообразномъ пространствѣ. Свойство эѳира какъ единицы — кругъ : поэтому и плаваніе Земли въ невидимомъ Солнцѣ круговое. Оно совершается около видимаго Солнца. Земля, подобно планетамъ, течетъ вѣчно вокругъ него, какъ Луна вѣчно обтекаетъ Землю. Не находя нигдѣ опоры, каждая точка поверхности земнаго шара находится также въ круговомъ движеніи около его центра : отсюда возникаетъ обращеніе Земли на ея оси. Ночь и день происходятъ отъ этого обращенія, а времена года зависятъ отъ положенія Земли на пути ея вокругъ видимаго Солнца. Каждая звѣзда на небѣ — отдѣльное видимое Солнце, подобное нашему и такъ же окруженное своимъ невидимымъ Солнцемъ, въ которомъ плаваютъ свои планеты, свои земли, свои луны. Это — высочайшая и самая завѣтная точка человѣческаго знанія, до которыхъ достигли благочестивые мудрецы наши созерцаніемъ дивныхъ свойствъ эѳира. Она открывается только царямъ, ихъ дѣтямъ и первостепеннымъ жрецамъ. Никому изъ чужестранцевъ, или Варваровъ, удостоиваемыхъ посвященія въ сокровенную мудрость, не позволено сообщать столь высокой тайны, потому что умъ ихъ не въ состояніи возвыситься

до такихъ неисповѣдимыхъ истинъ и невѣжество этихъ нечистыхъ дикарей способно только осквернить святость великаго ученія (*).

Шаръ міроваго пространства раздѣляется плоскостью великаго круга, проходящаго черезъ центръ видимаго Солнца, на двѣ половины, — на верхній міръ, въ символахъ, «царство Изиды», жилище боговъ, — и нижній міръ, въ символахъ «царство Озириса», жилище духовъ. Этотъ великій кругъ, котораго плоскость дважды въ годъ проходитъ черезъ центръ Земли, мудрецы выразили таинственною фигурою *Анубиса* (Меркурія). Въ символахъ принимается нѣсколько Анубисовъ, по числу великихъ круговъ міра (**). Одинъ изъ самыхъ важныхъ — кругъ, проходящій черезъ центръ Земли и центръ види-

(*) Несмотря на этотъ законъ, Пиѳагоръ вывезъ изъ Египта въ Грецію завѣтное ученіе жрецовъ-философовъ о шарообразности Земли, обращеніи ея на оси и теченіи около Солнца, вмѣстѣ съ замысловатымъ предположеніемъ, что всякая звѣзда — отдѣльное солнце и центръ особенной планетной системы. Но египетская мудрость, всегда питавшая къ Грекамъ сильное отвращеніе, предугадала судьбу своихъ выводовъ въ рукахъ *нечистыхъ дикарей:* они не въ состояніи были понять солнечную теорію Гермеса Тревеликаго; шарообразность и движеніе Земли сдѣлались для нихъ предметомъ насмѣшекъ надъ Пиѳагоромъ и его послѣдователями. Между-тѣмъ любопытно видѣть, нынче, въ царствованіе теоріи всеобщаго тяготѣнія, какъ египетская мудрость, опираясь совсѣмъ на другую ипотезу, именно, на свойства предполагаемаго Невидимаго Солнца, или эѳира, и на сущность единицы, которая не что иное какъ *кругъ*, дошла безъ притяженія и безъ тяжести до результатовъ, прославившихъ впослѣдствіи Коперника, Кеплера, Галлилея и Ньютона. Въ самомъ дѣлѣ, шарообразность и двойное движеніе Земли проистекали очень логически и просто изъ ихъ понятія объ эѳирѣ, числахъ и геометрическихъ фигурахъ. Ученіе Египтянъ объ *Анубисѣ* (экваторіяльномъ кругѣ міра) происходитъ необходимо изъ тѣхъ же идей, и ведетъ опять къ тѣмъ заключеніямъ.

(**) Въ греческой миѳологіи считали *пять* Меркуріевъ.

маго Солнца дважды въ сутки, о восходѣ и о закатѣ (Горизонтъ). Плоскость этого круга также разсѣкаетъ шаръ міроваго пространства на верхній и нижній міры. Эти два міра попеременно бываютъ, то свѣтлые, то темные, обнаруживаясь въ видѣ дня или въ видѣ ночи, отчего и говорится, что царство Озириса (Юпитера, дня) и царство Изиды (Юноны, ночи) мѣняются, и что эти два бытія или боги — братъ и сестра. Луна, какъ свѣтило ночи, принадлежитъ, поэтому, къ символамъ Изиды (Юноны) и часто выражается ея фигурою. Кругъ, производящій это явленіе, нарѣченъ *Анубисомъ-Душеводомъ* (Mercurius Psychopompus), потому что Горизонтъ — всегдашняя граница между днемъ и ночью, между свѣтомъ и мракомъ, а мракъ — адъ, *Аменти*, куда нисходятъ души послѣ кончины тѣла, чтобы предстать передъ судъ Озириса. Вотъ какъ приходилъ

Мумія. Ея душа. Анубисъ.

Анибусъ-Душеводъ къ царевнѣ Микерін-Нильской-Лиліи, когда набальсамированныя останки ея лежали въ теремѣ на золотомъ престолѣ, чтобы взять ея чистѣйшую душу, вылетавшую изъ тѣла въ видѣ первобытной Красоты (богини *Аторъ*), и отвести въ Аменти.

Какъ міровое пространство шаръ Невидимаго Солнца (эѳира), а видимое Солнце — сгущеніе того же Невидимаго Солнца въ центрѣ этого шара, то кругъ Горизонта не могъ бы дважды въ сутки проходить черезъ центръ видимаго Солнца и Анубиса-Душевода не существовало бъ, если бы Земля не обращалась на своей оси, точно также какъ не было бы лѣта и зимы, если бъ Земля, плавающая въ эѳирѣ Невидимаго Солнца, не обтекала его видимаго и блестящаго центра. Чудеса Озириса (самосущаго Разума) неисповѣдимы!... Все кружится около Солнца, этого торжественнаго центра бытія, Земля, планеты и кометы; все ему повинуется, все составляетъ нераздѣльную часть его. Солнце вездѣ, во всемъ и все (*). Видимо или невидимо, оно присутствуетъ повсюду и всѣмъ управляетъ. Мы живемъ въ Амонѣ-Ра (въ шарѣ Невидимаго Солнца, въ шарѣ эѳира, имѣющемъ свѣтлый центръ, называемый Солнцемъ видимымъ, или вещественнымъ). Мы частички — Солнца-Эѳира, пылинки его свѣту, преображенныя искорки его теплоты, изъ него проистекаемъ и къ нему возвратимся. *Все изъ эѳира, и все въ эѳиръ разрѣшится.* Эѳиръ въ спокойствіи — мракъ, молчаніе и холодъ; эѳиръ въ движеніи — свѣтъ, теплота, звукъ и

(*) Въ греческихъ переводахъ: helios en pasi kai dia pantôn.

воздушный огонь (электричество; громы Юпитера). Всякое существо, человѣкъ, животное и растеніе, всякое ископаемое тѣло — истеченія и различные превращенія его матеріи, и мудрость состоитъ въ томъ, чтобы опредѣлить, въ которомъ изъ живыхъ существъ или мертвыхъ тѣлъ она чистѣе и благороднѣе, а въ которомъ болѣе преобладаетъ примѣсь зла; которое изъ нихъ святѣе, а которое отверженнѣе; что въ ряду созданія можно любить и должно почитать, а чего гнушаться какъ скверны и неблагополучія. Мудрецы съ точностью разобрали все это, и, отдѣливъ тѣхъ животныхъ, тѣ растенія и минералы, которые образовались изъ лучшихъ свойствъ эѳира и сохраняютъ въ себѣ вещество Солнца въ самомъ чистомъ видѣ, назначили ихъ служить эмблемами этихъ свойствъ, или бытій, и предписали предхрамному народу уважать въ нихъ представителей различныхъ боговъ (*). Солнце само руководствовало умъ нашихъ мудрецовъ въ

(*) Въ этомъ понятіи объ образованіи всего изъ болѣе или менѣе чистаго эѳира заключается образованіе и начало очищеній и религіозныхъ почестей, которыя воздавались Египтянами разнымъ животнымъ, растеніямъ и минераламъ: между послѣдними, золото признано было самымъ чистымъ видомъ эѳира въ твердомъ состояніи. Здѣсь также и начало *хеміи* аль *химіи*. Это слово происходитъ отъ *Хеме*, кореннаго названія Египта, и значитъ собственно — *египетчина*, то есть, египетское ученіе объ эѳирѣ. Логическое слѣдствіе этого ученія очень просто: какъ скоро все — эѳиръ, только съ большею или меньшею примѣсью нечистоты, то, найдя средство отдѣлить нечистую примѣсь, все можно превратить въ золото. Египетскіе мудрецы впослѣдствіи этимъ и занимались. Альхимія, религіозныя почести разнымъ животнымъ, растеніямъ и минераламъ, и метемпсихоза, или *переудшеленіе*, то есть, душепереселеніе, проистекли изъ одной и той же старинной философической идеи, живущей донынѣ въ философіяхъ индѣйской, китайской и тибетской.

этомъ разборѣ, потому что душа святыхъ людей состоитъ изъ чистѣйшаго эѳира и они разсуждаютъ разумомъ, скрытымъ въ этой душѣ міра. Солнце, поэтому, произвело мудрость, открыло людямъ науки, искусства, музыку и всякое знаніе, и мы почерпнули ихъ прямо изъ его повсемѣстно разлитаго существа, которымъ и живемъ и думаемъ. Этому свойству Солнца покланяемся мы въ таинственномъ образѣ изобрѣтателя наукъ и искусствъ, Тота (Аполлона),

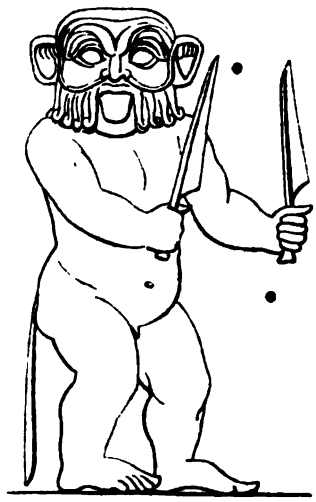
Тотъ.

котораго изслѣдовательный геній выражается головою мудрой, расторопной и чистоплотной птицы ибиса.

Озирисъ, какъ творческая Сила, произвелъ человѣка, какъ Число постановилъ для него законъ возрастанія, зрѣлости и старости, какъ чистѣйшій эѳиръ и

Душа міра далъ ему душу изъ своего существа, какъ Свѣтъ надѣлилъ его способностью различать добро и зло, чистое и нечистое, полезное и вредное, какъ Единица и Справедливость указалъ на путь истины, и какъ Разумъ судитъ душу каждаго изъ насъ послѣ смерти тѣла во мракѣ (въ аду, *Аменти*).

Смерть и разрушеніе — слѣдствіе двойственности пола въ человѣкѣ. Смерть — начадье злаго Тифона. Но



Смерть.

она не имѣетъ власти надъ чистѣйшею частицею бытія нашего, душою. Душа принадлежитъ прямо Озирису, и если она осквернена грѣхомъ, то не можетъ тотчасъ соединиться со всечистѣйшимъ существомъ его. Она должна возвратиться на землю и можетъ найти себѣ мѣсто только въ грубомъ веществѣ одной изъ не-

чистыхъ и отвержеиныхъ тварей (*). По своему милосердію, Озирисъ позволилъ ей постепенно возвышаться отъ самыхъ презрѣнныхъ до самыхъ благородныхъ и священныхъ животныхъ и, такимъ образомъ, совершить свое очищеніе. Если ей посчастливится вступить наконецъ въ тѣло чистѣйшаго быка Аписа, эмблемы Озириса, или таинственной коровы Аторъ, представитель-

Корова Аторъ.

ницы безпорочной красоты Изиды, она можетъ перейти оттуда въ тѣло человѣка мудраго, добродѣтельнаго и святаго, котораго жизнь чиста какъ самый эѳиръ. Тогда только способна будетъ она слиться окон-

(*) Новѣйшіе писатели обыкновенно приписываютъ Египтянамъ честь перваго между язычниками исповѣданія безсмертія души. Но изъ этого ученія мы видимъ, что Египтяне могли имѣть только весьма сбивчивое понятіе о высокой истинѣ безсмертія и о сущности души вообще. Какъ и прочіе язычники они не постигали духа отвлеченно: самосущій Разумъ ихъ пребывалъ въ самой матеріи, и душа, по этой «мудрости», не могла составлять *бытія* чисто духовнаго, но была только частицей эѳира, Озириса, или Юпитера, чѣмъ-то полу-духовнымъ и полу-вещественнымъ, точно такъ же какъ и у Грековъ.

чательно съ существомъ Озириса, сдѣлаться снова свѣтомъ въ его свѣтѣ и блаженствовать въ немъ его блаженствомъ. Таковъ непреложный законъ самосущаго Разума, открытый Гермесу Тревеликому. Всѣ наши усилія, вся наша мудрость, должны стремиться къ тому, чтобы, посредствомъ усовершенствованія нашей природы созерцаніемъ и благочестіемъ, человѣчество освободилось отъ страшнаго закона душепереселенія; чтобы души наши могли прямо, послѣ смерти плоти, сливаться со всечистымъ существомъ Озириса, или по-крайней-мѣрѣ переходить всегда въ тѣла святыхъ людей, и такимъ образомъ мы достигали бы безсмертія на Землѣ. Тогда человѣкъ поборетъ силу природы и будетъ равенъ богамъ. Тогда онъ будетъ Гомъ! (*).

(*) То есть, Геркулесъ. Идея о Геркулесѣ была собственно идеей о человѣкѣ, который, посредствомъ своихъ совершенствъ и добродѣтелей, могъ прямо слиться, весь, съ существомъ Юпитера, эѳиромъ, чистѣйшимъ и тончайшимъ вещественнымъ началомъ, пополняющимъ вселенную; который, слѣдственно, уже на землѣ былъ равенъ эѳиру и всѣмъ его свойствамъ, то есть, равенъ Юпитеру и всѣмъ богамъ. Греки выражали это словомъ isotheios, *равнобоженый*. На этомъ коренномъ началѣ язычества, лесть впослѣдствіи воздвигала храмы и отдавала божескія почести многимъ царямъ, Птоломеямъ и Цезарямъ, объявляя существо ихъ равнымъ, по чистотѣ и совершенству, существу боговъ, эѳиру. Она дѣлала изъ нихъ, просто—Геркулесовъ. По нѣкоторымъ языческимъ ученіямъ, Геркулесъ могъ достигнуть на землѣ такихъ совершенствъ; что, слившись потомъ съ эѳиромъ, составлялъ самую благородную часть его, становился чистотою выше всѣхъ *бытій*, выше самыхъ боговъ, покорялъ ихъ своей волѣ и овладѣвалъ управленіемъ міра. Таковы, въ особенности, были тирскій Геркулесъ (Мелькартъ, что значитъ—*царь земли*) и знаменитый Геркулесъ Скиѳскій, то есть, готскій, У-денъ или О-динъ (*не-умирающій* человѣкъ). Греки и Римляне, не принявшіе переселенія душъ, нѣсколько иначе понимали Геркулеса: дошедшія до насъ легенды объ его совершенствахъ и подвигахъ не представляютъ ничего созерцательнаго, но по народнымъ сказкамъ, подобраннымъ поэтами въ грубыхъ или развратныхъ

Но мало того, что душа очистится переселеніями по суду Озириса и сольется скоро или поздно съ существомъ воздѣсущаго Невидимаго Солнца: тѣло, въ которомъ она обитала, осталось на землѣ; оно, какъ истеченіе и превращеніе того же эѳира, должно также слиться съ нимъ и въ немъ изсякнуть при скончаніи міра. Но какъ можетъ совершиться это, когда тѣло осквернено грѣхами? На послѣднемъ общемъ судѣ, неумолимый Озирисъ потребуетъ отчету у каждаго атома нашего тѣла: отъ ока его не

умахъ толпы, какъ мы уже сказали, не должно судить о началахъ вѣры. Настоящее древнее ученіе о Геркулесѣ, которое, по свидѣтельству греческихъ и римскихъ писателей, принадлежало *къ самымъ сокровеннымъ таинствамъ вѣры* Египтянъ, источника всѣхъ вѣръ языческихъ, существуетъ и донынѣ на лицѣ земли, именно, у народовъ, допускающихъ, подобно ѳивскимъ и мемфисскимъ богословамъ, переселеніе душъ, или metempsychosis. Будда ламаитовъ не что иное какъ Гомъ, Геркулесъ: достигши полнаго совершенства посредствомъ созерцательнаго благочестія, онъ слился прямо, безъ душепереселенія, съ существомъ Души міра и, по мнѣнію буддистовъ, правитъ теперь Вселенною, подобно скандинавскому О-дину, Не-умирающему или безсмертному человѣку, который получилъ-было то же самое мѣсто на небѣ, но за совершенства другаго роду, за добродѣтели, болѣе чѣмъ созерцательное благочестіе понятныя сѣвернымъ дикарямъ. Далай-ламы и хутухты — люди, достигшіе *безсмертія* на землѣ, посредствомъ переходу ихъ душъ изъ одного святаго тѣла въ другое, и освободившіеся отъ самаго тягостнаго закона душепереселенія, подвергающаго душу за грѣхи переселяться въ животныхъ, — цѣль, къ которой стремилась и «египетская мудрость». Идеи, какъ бы онѣ странными ни казались, не такъ-то легко исчезаютъ въ человѣчествѣ: онѣ принимаютъ только другой видъ, подвергаясь безконечнымъ превращеніямъ, но живутъ вѣчно. Ихъ можно отъискать всегда, хорошо поискавши. Ключъ къ древнимъ языческимъ Таинствамъ явственно лежитъ въ философіяхъ буддистовъ, брахмановъ и конфуціонистовъ, ключъ до-сихъ-поръ не тронутый, хотя одинъ изъ отличнѣйшихъ въ Европѣ критиковъ-филологовъ, уже четверть столѣтія тому, указалъ на него истинно съ геніальною проницательностью всѣмъ изслѣдователямъ древности. См. Les Mystères d'Eleusis, par *S. Ouvaroff*.

скроется ни малѣйшее пятно скверны на малѣйшей частичкѣ нѣкогда жившей плоти. Нечистыя тѣла должны будутъ пребывать цѣлыя сотни тысячъ лѣтъ въ страшномъ огнѣ, скрытомъ въ существѣ Невидимаго Солнца, и не прежде сольются съ нимъ какъ достигнувъ чистоты золота, совершеннѣйшаго изъ всѣхъ видовъ отвердѣвшаго эѳира. Атомы самаго чистаго, самаго безгрѣшнаго тѣла, предоставленнаго тлѣнію, могутъ перемѣшаться съ остатками тѣлъ нечистыхъ и оскверненныхъ и оскверниться отъ одного прикосновенія съ ними. Поэтому, древніе мудрецы мудрѣйшаго изъ всѣхъ народа нашего и наказали — предхранять тѣла умершихъ отъ тлѣнія надлежащимъ бальсамированіемъ посредствомъ земной смолы *муміи*, которая сгараетъ отъ огня вся до-чиста, не производя ни дыму ни угля и, слѣдственно, составляетъ одинъ изъ чистѣйшихъ видовъ эѳира, въ жидкомъ и густомъ видѣ; запирать въ три сикоморовые негніющіе ящика, огражденные отъ злыхъ духовъ изображеніемъ Озириса или Изиды на наружвой крышкѣ; и заключать ихъ въ плотныя пирамиды, въ крѣпкіе мавзолеи и лавиринты, въ неприступныя подземелья и другіе *чертоги загробной жизни*. Тѣло, оставленное душою, которая между-тѣмъ очистилась и изсякла въ эѳирѣ, Душѣ міра, глупо и безмолвно: отчету въ дѣйствіяхъ своихъ оно дать не можетъ; вотъ почему мудрецы благословенной земли Хеме (*), которые все предвидѣли, совѣтуютъ класть въ ящикъ, на грудь бальсамированному тѣлу,

(*) Египта.

вѣрное описаніе всѣхъ дѣйствій его при жизни, начертанное благочестивыми и чуждыми лжи жрецами, съ тѣмъ чтобы останки бывшаго человѣка могли въ день общаго суда представить этотъ документъ Озирису, на его разсмотрѣніе и благоуваженіе, вмѣстѣ съ молитвами служителей святыхъ жертвенниковъ. Да не коснется же ничья святотатственная рука этого завѣтнаго папируса, подъ опасеніемъ гнѣву Невидимаго Солнца, и проклятія во всѣхъ храмахъ его. Въ книгѣ «Прорицаній Тревеликаго Гермеса» сказано, что, черезъ сорокъ столѣтій, прійдутъ въ Египетъ съ дальняго сѣвера дикіе люди, одѣтые обезьянами, и станутъ разрывать наши пирамиды, лабиринты и гробницы, и дерзнутъ похищать мертвыя тѣла сыновъ и дочерей земли Хеме, и будутъ торговать ихъ неприкосновенными останками, съ особенною жадностью выдергивая изъ мумій папирусы и — мало этого — безсовѣстно хвастая, будто они, безграмотные, безіероглифные, умѣютъ читать наши таинственныя писанія. Проклятіе имъ! проклятіе! проклятіе!

Великій Озирисъ! присоедини душу благочестивой поклонницы твоей, царевны Микеріи-Нильской-Лиліи прямо къ твоему чистѣйшему существу, не подвергая ея пыткѣ душепереселенія, и будь милостивъ на послѣднемъ судѣ къ покоющемуся здѣсь праху ея, принявъ въ уваженіе настоящее свидѣтельство вѣрныхъ жрецовъ твоихъ о земной жизни этой драгоцѣнной плоти.

Луно-любимая царевна Микерія родилась, по храмовому счисленію, въ 117275-мъ году, мѣсяца аменоеа въ третью ночь, отъ мудрыхъ родителей

своихъ, солнце-любимаго покойнаго царя фараона Амосиса, и луно-любимой, нынѣ вдовствующей, царицы Исиман, обладателей Верхняго и Нижняго Египта и всѣхъ извѣстныхъ и неизвѣстныхъ странъ міра.

Царь Амосисъ.

Царица Исиман.

Въ ту же ночь, красота ея засіяла такъ величественно, что весь Египетъ озарился какъ-будто свѣтомъ двухъ лунъ, и, на слѣдующее утро, созванные во дворецъ первостепенные жрецы стовратныхъ Ѳивъ одногласно рѣшили, что новорожденная — прямое истеченіе Луны и состоитъ изъ чистѣйшаго существа Изиды: почему и наречена она Нильскою-Лиліею, по названію цвѣтка, болѣе всѣхъ любимаго великою богинею. Мудрый царь фараонъ, земное солнце,

повелѣлъ объявить народныя увеселенія по всему государству, и свѣтъ душевно радовался три недѣли новой милости, явленной землѣ безсмертными богами. Къ воспитанію царевны опредѣлены были благоразумнѣйшія женщины изъ священнаго сословія, подъ надзоромъ мудрѣйшихъ жрецовъ (*). Вскорѣ умъ ея началъ развиваться съ такимъ же блескомъ, съ какимъ развивались необыкновенныя прелести, дотого что, на пятомъ году возрасту, она уже желала умереть, постигая все ничтожество земной жизни и все счастіе разрѣшиться какъ-можно скорѣе въ эѳиръ, существо Озириса. Въ эти раннія лѣта, когда другія дѣти думаютъ только объ игрушкахъ, она уже начала строить себѣ крѣпкій и недоступный чертогъ загробной жизни, пирамиду, въ которой нынче и покоятся ея останки. Царь Амосисъ былъ очень мудръ и очень скупъ: безконечныя подземелія его Лавиринта были наполнены золотомъ, серебромъ, алмазами и яхонтами; царь каждое утро ходилъ туда любоваться на свои несмѣтныя сокровища, но дѣтямъ своимъ денегъ не давалъ. Самъ царь, по древнему обычаю, со дня восшествія на престолъ, приступилъ къ сооруженію огромной пирамиды для своего священнаго тѣла; но чтобы, не тратить на это денегъ, придумалъ обратить въ свою пользу всякую вину министровъ и вельможъ государства: тотъ, кѣмъ

(*) Всѣ дѣти египетскихъ царей были воспитываемы жрецами и всѣ посвящались въ тайны завѣтной храмовой мудрости, потому что и сыновья и дочери равно могли получить верховную власть, а царствующее лицо было вмѣстѣ и главою религіи. Царевичи и царевны проходили всѣ степени Таинствъ, до послѣдней, которая открывалась только тому, кто вступалъ на престолъ, и не прежде какъ по вступленіи.

царь фараонъ, земное солнце, изволилъ быть недовольнымъ, не иначе могъ искупить свою вину или ошибку, какъ поставивъ на свой счетъ для его пирамиды извѣстное число огромныхъ и уже совершенно обтесанныхъ камней опредѣленной мѣры. Покойная сестра царя, царевна Нефта (*), за скупостью брата, должна была

Царевна Нефта.

положить такую же подать на своихъ безчисленныхъ обожателей: молодые вельможи и воины, добивавшіеся до ея благорасположенія, за каждое снисхожденіе къ ихъ нѣжнымъ желаніямъ обязаны были выставлять для ея пирамиды по одному обтесанному камню, длиною въ сажень, а шириною и вышиною въ полтора аршина: изъ чего, втеченіи десяти лѣтъ,

(*) Въ этомъ портретѣ царевны Нефты замѣчателенъ, въ особенности, головной уборъ: кромѣ собственныхъ волосъ, которые видны около лица, царевна, какъ кажется, носила еще накладные волосы, покрывавшіе ей всю голову безчисленнымъ множествомъ тоненькихъ косичекъ, придерживаемыхъ вверху золотымъ филограннымъ обручемъ, а пониже широкою узорчатою лентою. Косички оканчиваются завитыми кудрями. На маковкѣ виденъ цвѣтокъ нильской лиліи (lothus). На груди носитъ она богатое ожерелье, украшенное драгоцѣнными камнями и финифтью.

составилась одна изъ огромнѣйшихъ пирамидъ во всемъ Египтѣ. Такой мудрой царевны, по истинѣ, еще не бывало въ нашей землѣ со времени объявленія закона Гермеса Тревеликаго!.... (*). Маленькая царевна Микерія, подражая, по мѣрѣ силъ и возможности, набожному примѣру луно-любимой тетушки, начала мѣнять свои игрушки на камни для будущей гробницы: министрамъ, полководцамъ и вельможамъ, являвшимся во дворецъ на поклоненіе земному солнцу, она, съ несказанною прелестью, своими крошечными ручками, совала за пазуху мячи-

ки и прекрасныя куклы (**), которыя каждое утро дарилъ ей солнце-любимый папенька, и такъ мило го-

(*) Этотъ веселый способъ набирать камни для пирамидъ Геродотъ приписываетъ другой египетской царевнѣ.

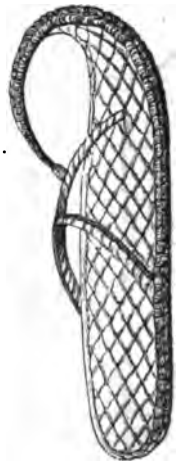
(**) Куклы эти находятся теперь въ Берлинскомъ Египетскомъ Музеумѣ. Глаза у нихъ были стеклянные, очень искусно сдѣланные. У правой куклы, которой одежда истлѣла, члены двигались на пружинахъ, какъ въ нынѣшнихъ куклахъ. Мячикъ хранится въ Британскомъ Музеумѣ.

ворила — «Привези мнѣ за эту куклу пару хорошенькихъ кампей для моей пирамиды!» — что никто не могъ отказать ей въ этомъ удовольствіи, особенно, видя, какъ царь Амосисъ отличалъ тѣхъ, которые старались удовлетворять прихоти его остроумной малютки. Нерѣдко, сидя на колѣняхъ родителя, въ очаровательной шалости своей стаскивала она парикъ (*) съ лучезарной головы земнаго солнца и да-

рила его главному воеводѣ или царскому намѣстнику, съ условіемъ поставить ей на свой счетъ матеріалъ или работниковъ; и какъ царь снисходительно позволялъ

(*) Средній рисунокъ представляетъ видъ древняго египетскаго парика спереди, а по лѣвую сторону страницы, тотъ же парикъ обращенъ къ зрителю заднею своей частью. Этотъ парикъ находится теперь въ Берлинскомъ Музеумѣ. Распущенные волосы

получавшему подобный даръ носить его на собственной головѣ при всѣхъ торжественныхъ случаяхъ, то, за такое отличіе, не было сановника, который бы охотно не разорился для царевны. Такимъ же образомъ иногда и священныя туфли царя Амосиса переходили съ его свѣтлыхъ ногъ на темныя ноги искателей при-

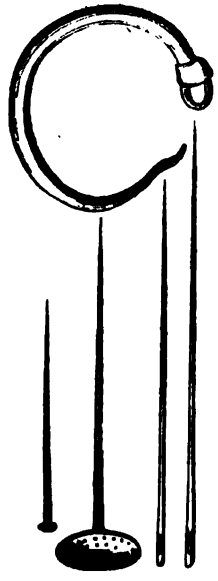


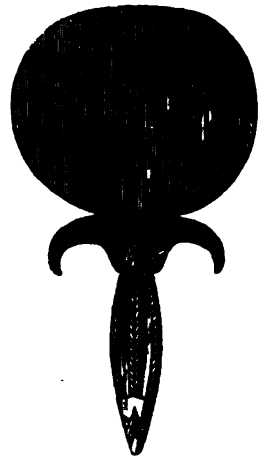
дворныхъ милостей. Когда маленькая Микерія не находила вокругъ себя родительскихъ вещей, она раз-

---

были нѣкогда завиты буклями, и въ этомъ видѣ парикъ царя фараона чрезвычайно походилъ на парикъ Людовика XIV. Какъ стары изобрѣтенія, которыя мы почитаемъ мимолетными выдумками новѣйшихъ модъ! Сколько разъ человѣкъ возвращался къ однѣмъ и тѣмъ же идеямъ или глупостямъ, полагая каждый разъ, что онъ создаетъ небывалое! Формы древней египетской мебели, особенно креселъ и стульевъ, совершенно похожія на нынѣшнія, *изобрѣтенныя Гамбсомъ*, который вовсе — не антикварій, конечно, покажутся еще болѣе поразительными. Вообще, рисунки этого папируса могутъ удостовѣрить внимательнаго наблюдателя, что все на свѣтѣ старо какъ самый свѣтъ, а ново только то, что было хорошо забыто.

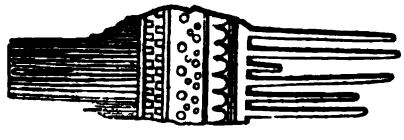
давала, на память, богатѣйшимъ царедворцамъ, свои серебряныя зеркальца, золотыя гребенки, серьги и шпильки, булавки, иголки, и прочая (*), и за каждую





подобную бездѣлицу пирамида ея получала какое-нибудь существенное приращеніе. Родители Микерія

(*) Эти предметы принадлежатъ нынче лондонскому музеуму. Гребенки, превосходно отдѣланной, найдетъ только обломокъ въ гробницѣ царевны Микерія.

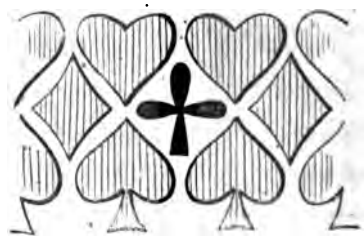


были въ такомъ восторгѣ отъ ея остроумія, что мудрый царь Амосисъ поклялся рогами быка Аписа и хвостомъ коровы Аторъ, что мужемъ несравненной дочери его будетъ непремѣнно остроумнѣйшій изъ Египтянъ, которые, какъ извѣстно, самый остроумный изъ всѣхъ народовъ земнаго шара. Въ началѣ одиннадцатаго года возрасту, умъ и прелести Микеріи достигли полнаго

Микерія.

развитія. Въ это время, небольшая, но красивая пирамида ея уже приближалась къ окончанію. Царь Амосисъ и царица Исимеи начали поговаривать о предстоящемъ выборѣ жениха; но царевна, затьмѣвавшая красотою своей саму Изиду, думала только о блаженствѣ умереть и покоиться въ своей очаровательной пирамидѣ. Проникнувъ во всѣ тайны завѣтной мудрости и зная неисчислимыя несчастія, происходящія въ мірѣ отъ числа 2, она гнушалась молодыхъ людей и предпо-

чтительно бесѣдовала съ самыми старыми жрецами о чистотѣ эѳира, бѣдствіяхъ земнаго существованія и ужасахъ страшнаго закона душепереселенія. Она просила родителей не упоминать о замужствѣ до того времени, пока не кончитъ начатаго по обѣту рукодѣлія. Это было огромное и богатое покрывало для статуи богини Хонсо (Природы). Царевна вышивала на немъ золотомъ и серебромъ по тончайшему батисту узоръ, состоящій изъ четырехъ таинствен-

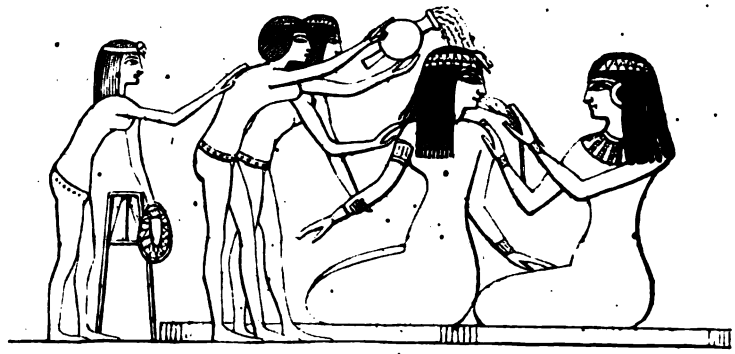


ныхъ фигуръ, которыми писана въ небѣ книга судебъ міра (*).

(*) Тѣмъ же узоромъ расписанъ и потолокъ гробницы царевны Микеріи. Это, безспорно, одинъ изъ самыхъ любопытныхъ остатковъ египетской древности: нельзя не узнать въ немъ четырехъ фигуръ, означающихъ четыре масти на нынѣшнихъ игорныхъ картахъ, и не возможно приписать такого разительнаго сходства простому случаю. Изобрѣтеніе картъ, относимое нами къ четырнадцатому столѣтію, или, по-крайней мѣрѣ, изобрѣтеніе карточныхъ фигуръ, очевидно восходитъ до самой глубокой древности. Мы увидимъ далѣе шахматы и домино, которыя, по нашимъ преданіямъ, принадлежатъ также новѣйшему времени, а они между-тѣмъ были уже извѣстны Египтянамъ во время Троянской Войны.

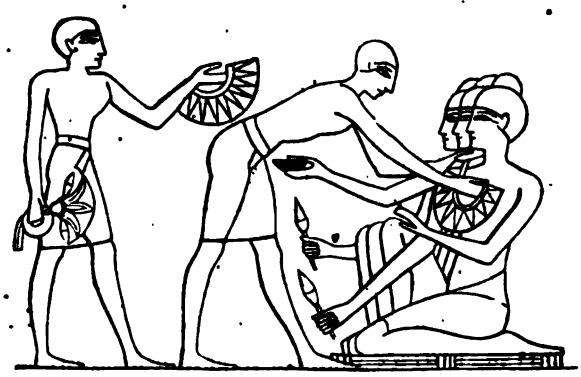
Царевна не спѣшила окончаніемъ своего рукодѣлія. Между-тѣмъ ей исполнилось двѣнадцать лѣтъ, и солнце-любимый царь Амосисъ, желая съ приличною торжественностью объявить ее совершенно-лѣтнею и невѣстою, повелѣлъ дать въ главномъ дворцѣ Лавиринта блестящее угощеніе всей священной кастѣ и главнѣйшимъ лицамъ кастъ военной и гражданской. Съ ранняго утра стовратный городъ Ѳивы пришелъ въ волненіе: каждый вынималъ изъ сундуковъ и шкафовъ свои богатѣйшіе наряды, свои отличнѣйшіе парики и украшенія. Лавиринтъ, въ праздничномъ нарядѣ, ждалъ уже прибытія веселой толпы: эти сотни исполинскихъ зданій, сваленныя въ огромную разноцвѣтную гору, этотъ лѣсъ могучихъ колоннъ, обелисковъ, сфинксовъ и статуй, раззолоченныхъ и расписанныхъ богатѣйшими красками, эти безчисленные портики, пирамидальные входы съ одного двора на другой, величественныя стѣны, покрытые сверху донизу колосальными барельефами и также расписанные самымъ блестящимъ образомъ, и, повсюду, днемъ, гирлянды цвѣтовъ, искусственныя рощи, водометы; а ночью, тысячи огней, плавающихъ въ воздухѣ въ цвѣтныхъ стеклянныхъ шарахъ, представляли зрѣлище, истинно очаровательное. Только въ нашемъ благостовенномъ Етиптѣ и можно видѣть такія волшебства. Около полудня затопились великолѣпныя царскія бани, и вскорѣ многочисленный женскій дворъ царицы Исимеи повелъ Микерію въ эти роскошные чертоги нѣги для совершенія передъ пиршествомъ положенныхъ омовеній. Знатнѣйшія боярыни, ис-

правляя должность невольницъ, одне обливали царевну водою, другія нѣжно натирали ея тѣло рука-



ми, между-тѣмъ какъ третьи подносили къ ея носу самыя благоуханныя лиліи Нила или держали бальныя ожерелья изъ отличнѣйшихъ искусственныхъ цвѣтовъ, для украшенія ими бѣлоснѣжной шеи. Въ то же время царскіе гости начали съѣзжаться во дворецъ въ

блестящихъ и щегольскихъ экипажахъ: они слѣдовали безконечною цѣпью по великолѣпной Улицѣ Сфинксовъ (*), и, спѣшась у первыхъ воротъ Лабиринта, прямо отправлялись въ мужскія бани, гдѣ царскіе рабы, обмывъ тѣло надлежащимъ образомъ, повязывали имъ на шею такія же ожерелья изъ искусственныхъ цвѣтовъ.

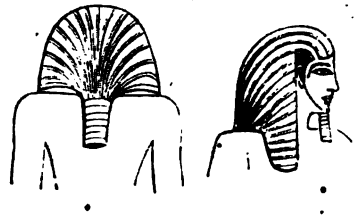


Отсюда придворные служители вели ихъ въ восточную галерею, выходящую въ садъ, и тутъ молодымъ нама-

(*) Улица Сфинксовъ была Невскимъ Проспектомъ Ѳивъ Египетскихъ. Два изъ этихъ сфинксовъ находится теперь въ Петербургѣ и удивляютъ гуляющихъ по набережной Императорской Академіи Художествъ своей огромностью. Шапки ихъ были нѣкогда вызолочены, а все тѣло и пьедесталъ раскрашены лазуревымъ, краснымъ, желтымъ и зеленымъ цвѣтами по полированному граниту, съ помощію потерянныхъ нынче секретовъ энкавстики. Читатели удивятся, когда узнаютъ первоначальное назначеніе этихъ, прежде *сихъ*, огромныхъ сфинксовъ: въ Ѳивахъ они, просто, служили *тротоарными тумбами*. Какъ у нашихъ тротоаровъ стоятъ нынче низенькіе, выкрашенные скромнымъ дегтемъ, каменные или чугунные валики, для отдѣленія проходу пѣшихъ отъ уличнаго проѣзду, тамъ точно, и почти въ такихъ же разстояніяхъ, стояли въ Ѳивахъ, Мемфисѣ, Саисѣ и другихъ главнѣйшихъ городахъ древняго Египта, раззолоченные и раскрашенные сфинксы. До-сихъ-

зывали волосы самыми благовонными помадами, высоко взбивая хохлы на маковкахъ, а старшимъ и важ-

нѣйшимъ лицамъ пудрили по формѣ парадные парики, завязанные сзади косичками. Послѣ чего каждый изъ гостей получалъ отъ главнаго церемоніймейстера бога-

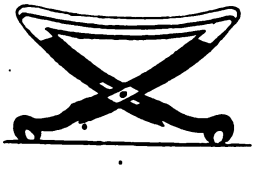


тую лилію изъ царскихъ цвѣтниковъ для услажденія своего обонянія, и дворцовые чиновники вводили его

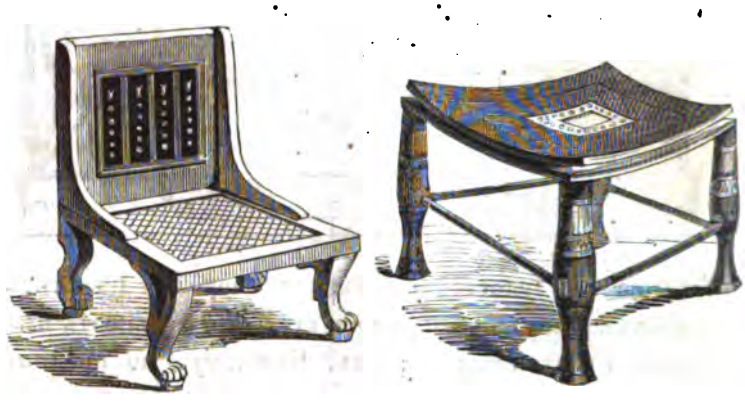
поръ существуетъ въ Ѳивахъ улица въ нѣсколько верстъ длины, отъ Карнака до самаго Луксора, уставленная по обѣимъ сторонамъ сфинксами въ два безконечные ряда, съ остатками тротуаровъ позади ихъ. Такія же двойные ряды сфинксовъ видны и въ другихъ мѣстахъ Египта, передъ развалинами дворцовъ и храмовъ.

въ главную залу, гдѣ земное солнце, сидя на престолѣ съ своей супругою, земною луной, ласково принимало

посѣтителей, удостоивавшихся поочередно посидѣть нѣсколько минутъ въ ихъ присутствіи и услышать нѣсколько привѣтливыхъ словъ. Каждому, по предписанному искони церемоніалу, подавали сѣдалища, при-



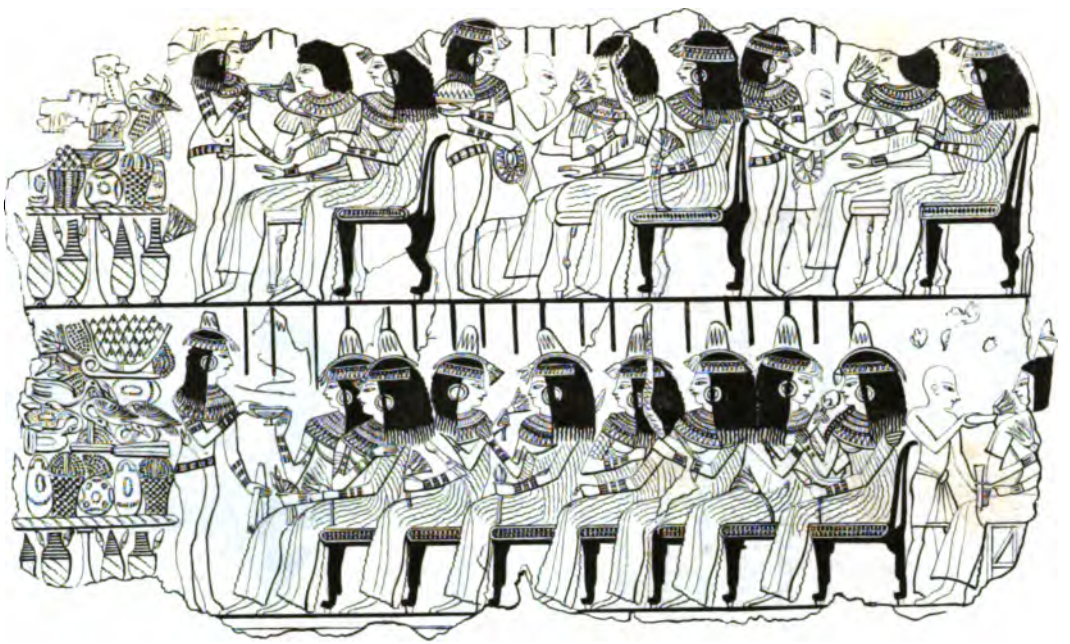
своенныя его чину и кастѣ, — первостепеннымъ жрецамъ великолѣпныя и мягкія кресла, обитыя дорогими разноцвѣтными тканями; государственнымъ сановникамъ развалистыя стулья со спинками; воеводамъ стулья складныя; судьямъ низкіе деревянные табуреты, переплетенныя камышомъ, а мудрецамъ стулья съ подуш-



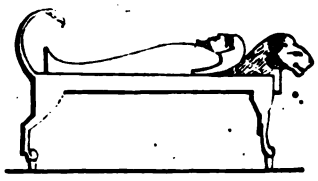
ками, надутыми воздухомъ, какъ подобаетъ ихъ сидячему сану (*). Наконецъ всѣ отправились въ столовую палату и началось обѣденное угощеніе. (**) Мужчинамъ и женщинамъ, перемѣщаннымъ попарно, или сидѣвшимъ отдѣльными группами, самыя красивыя невольницы царскаго терема и самые статные придворные рабы заботливо подносили безчисленныя кушанья и отборныя вина изъ богато нагруженныхъ

(*) Два стула этихъ фасоновъ находятся въ Лондонскомъ Музеумѣ.

(**) Видъ этого угощенія, снятый съ рисунка, котораго края, къ сожалѣнію, разрушены временемъ, помѣщенъ въ приложенной литографированной картинкѣ.



буфетовъ. Всѣ были веселы и довольны. Къ концу обѣда, мудрый царь Амосисъ приказалъ представить собранію деревянную мумію: это изображеніе

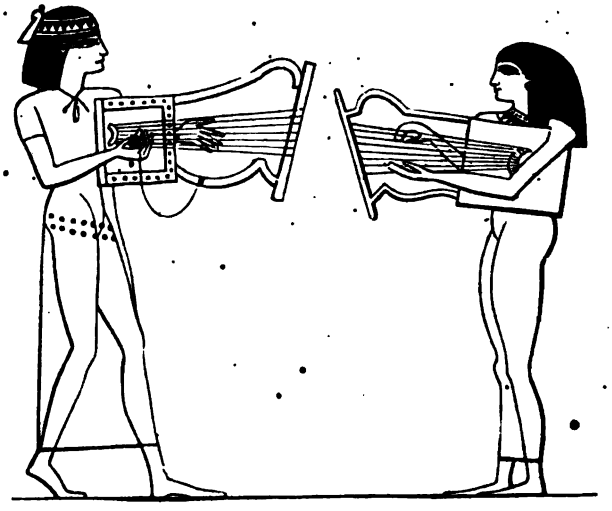


мертваго набальсамированнаго человѣка, лежащаго на одрѣ, глашатаи, по древнему обычаю, церемоніально обносили кругомъ всѣхъ гостей, прикрикивая: «Пейте и веселитесь, братья, пока живы: вотъ каковы всѣ мы будемъ послѣ смерти!» — а виночерпіи въ то же время усердно наливали старыя вина въ большія чаши, розданныя гостямъ, и началась страшная попойка.

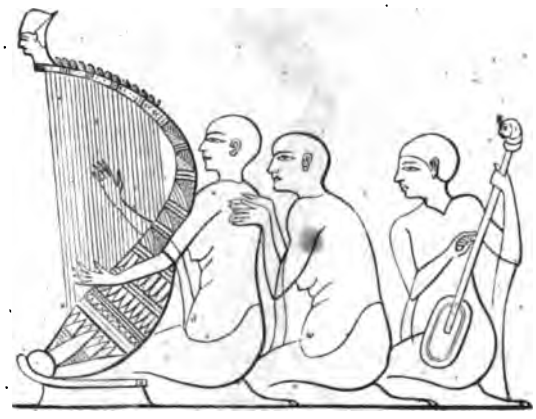
Вдругъ загремѣла музыка. Передъ собраніе, изъ глубины залы, закрытой нитью рядами колоннъ, выступили прикрасныя танцовщицы съ бубенчиками и паль-

мовыми вѣтками въ рукахъ. Ими предводительствовала

безсмертная ѳивская балетница, Талина, которая въ граціи и теперь еще можетъ поспорить съ богинею Аторъ, а въ легкости съ воздухомъ. За нею слѣдовали съ ли-



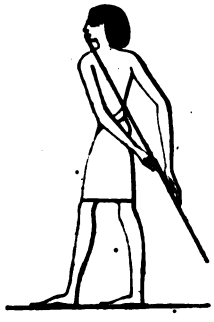
рами двѣ отличнѣйшія молодыя пѣвицы. Чудный ихъ голосъ, сопровождаемый аккомпаниментомъ царскаго



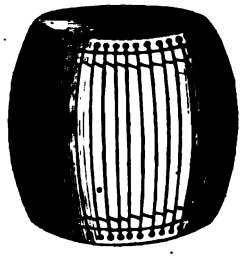
оркестра, упоевалъ слушателей своей заунывною сладостью столько же, какъ гармоническіе звуки Мемноновой Статуи, озаряемой поутру первыми лучами солнца. Послѣ того, мудрый царь Амосисъ предложилъ славной Еленѣ, дочери Тиндарея и Леды и супругѣ нѣкотораго греческаго царика Менелая, похищенной троянскимъ царевичемъ Парисомъ, — она тогда была еще въ Египтѣ, — потанцовать передъ честнымъ собраніемъ такъ, какъ нѣкогда танцовала она въ ореійскомъ храмѣ Діаны, когда Тезей, плененный красотою малютки, взялъ ее къ себѣ въ Аѳины. Но прекрасная Гречанка извинилась болью въ правой ногѣ и предпочла сыграть скорѣе что-нибудь на египетской арфѣ. Этотъ инструментъ былъ почти единственною ея забавою и занятіемъ во время десяти-лѣтняго плѣну въ Мемфисѣ

Елена Троянская.

и Ѳивахъ, и она достигла на немъ необыкновеннаго искусства. Игра ея, съ аккомпаниментомъ длинной и двойной флейтъ, бассоваго декахорда, и кларнета, и



съ шумнымъ финаломъ въ барабаны и литавры (*), вос-



хитила всѣхъ присутствовавшихъ. Едва кончились шумныя и продолжительныя рукоплесканія, заслуженныя прекрасною арфисткою, мудрый царь Амосисъ, милостиво попросилъ ее сѣсть на стулѣ передъ нимъ и луно-любимою царицею.

— Ну, что, Тиндаревна? весело сказалъ онъ (мудрый царь Амосисъ былъ въ тотъ вечеръ совершенно въ очаровательномъ духѣ): извините, я долженъ былъ сказать «Елена Юпитеровна»... Знаешь ли, душенька, продолжалъ солнце-любимый царь, оборотясь вдругъ къ царицѣ: что ея маменька Леда выдаетъ ее передъ своимъ мужемъ за дочь Зевса?... или Юпитера?... то есть, Озириса?... эти нечистые еретики, Греки, перековеркали всѣ названія боговъ, которымъ у насъ выучились! По ея словамъ, Юпитеръ въ отсутствіе мужа, сталъ волочиться за нею въ образѣ лебедя, и этотъ добрякъ Тиндарей, увѣряетъ всѣхъ Грековъ, что жена его...

(*) Инструменты, находящіеся въ лондонскомъ Британскомъ Музеумѣ и совершенно сходные формою и устройствомъ съ нынѣшними.

ха, ха, ха!... снесла яйцо, изъ котораго потомъ выклюнулась эта красавица.

— Но я не вижу, сказала луно-любимая царица Исиманн, которой задержаніе Елены въ Египтѣ ея солнце-любимымъ супругомъ и высылка Париса всегда казались подозрительными: я вовсе не вижу, чтобы она была такая красавица!... Не понимаю, что такое всѣ вы въ ней находите!

— Не говори этого, душенька, возразилъ мудрый царь Амосисъ: хороша!... Тифонъ возьми, какъ хороша!... то есть, была: теперь немножко состарѣлась. Не забудь, что этому уже десять лѣтъ...

— Какъ ты, мой солнце-любимый, отнялъ ее и всѣ сокровища у этого бѣднаго молодаго человѣка, царевича Париса, и прогналъ его самого, когда онъ, уходя изъ Греціи съ вѣтреною женою Менелая, искалъ убѣжища отъ противныхъ вѣтровъ у нашихъ береговъ... .

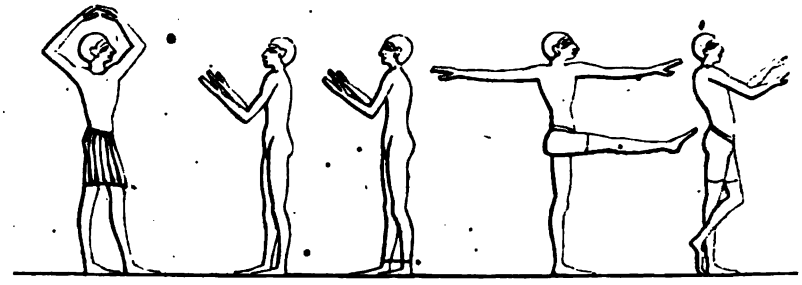
— Вотъ ты ужъ опять начинаешь свое! сказалъ мудрый царь Амосисъ съ досадою. Это—старыя дѣла. Я поступилъ очень хорошо, какъ подобаетъ земному солнцу. Украсть у мужа жену — большой грѣхъ, особенно украсть ее съ такою кучею золота. Парисъ - негодяй, разбойникъ, обманщикъ: я долженъ былъ наказать его отнятіемъ всего похищеннаго, а жену отдамъ мужу, когда онъ сюда явится. Перестанемте ссориться за такіе пустяки! — Ну, что, Тиндаревна? продолжалъ онъ, обращаясь къ прекрасной иностранкѣ: какія у васъ есть извѣстія о вашихъ друзьяхъ?.... что дѣлаютъ ваши подъ Троей?

— Ничего не знаю, печально отвѣчала Гречанка.

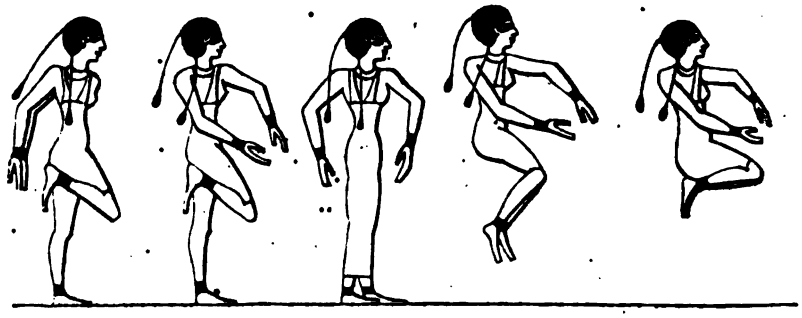
— Это не хорошо, примолвилъ мудрый фараонъ: они за васъ дерутся, а вы и не стараетесь узнать, какъ имъ везетъ счастіе. Такъ я же вамъ скажу. Въ Пелузію пришелъ финикійскій корабль съ галантерейными товарами, которыхъ онъ не могъ продать въ Греціи, потому что тамъ ужасная нищета, да и не для кого наряжаться женщинамъ: всѣ мужчины на войнѣ!... Онъ привезъ известіе, что подъ Троей дѣла вашихъ земляковъ идутъ очень плохо. Въ станѣ ихъ свирѣпствовала чума, множество народу погибло, и, въ добавокъ, возникли несогласія. Какой-то князекъ по имени Ахиллъ побранился съ вашимъ деверемъ за девушку и произвелъ раздоръ. Трояне порядкомъ поколотили вашихъ, и въ Греціи всѣ были того мнѣнія, что осада вскорѣ будетъ снята. Впрочемъ, вы очень хорошо дѣлаете, что не заботитесь объ своихъ плутахъ Грекахъ: эти морскіе разбойники, повѣрьте мнѣ, не за васъ дерутся! Старый Пріямъ очень богатъ, и имъ хочется ограбить его кладовыя. — Вы увидите, присовокупилъ мудрый царь Амосисъ, обращая рѣчь къ своимъ придворнымъ: что когда Трояне прогонятъ Грековъ отъ своего городишка, тѣ станутъ хвастаться на весь міръ, будто они побѣдили стараго Пріяма и отняли у его сына Елену, которая между-тѣмъ играетъ намъ здѣсь на арфѣ. Они готовы... такихъ лжецовъ и пустомелей какъ эти мерзкіе еретики свѣтъ не видывалъ!... готовы написать о томъ предлинную исторію... пожалуй еще и въ стихахъ (*).

(*) Геродотъ слышалъ также отъ египетскихъ мудрецовъ, что, по ихъ лѣтописямъ, Елена во все продолженіе Троянской Войны оставалась въ Египтѣ, бывъ отнята фараономъ у Париса и задержана подъ предлогомъ выдачи ея законному мужу, когда онъ явится. Нашъ папирусъ совершенно подтверждаетъ Геродотовы извѣстія.

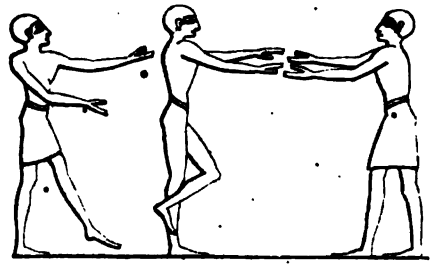
Весь дворъ мудраго царя Амосиса захохоталъ въ честь его остроумію, какъ вдругъ разсунулся пурпуровый занавѣсъ, закрывавшій другой конецъ за-



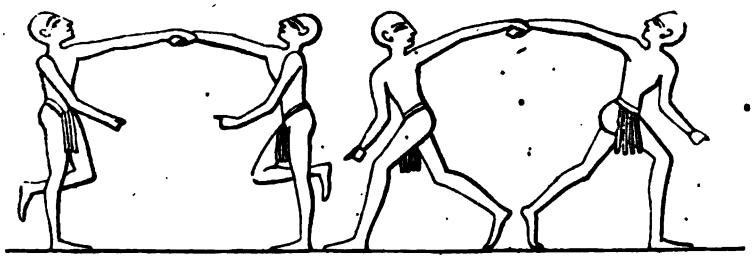
лы, и явился великолѣпный балетъ, съ пируэтами и мимикою, въ которомъ танцоры обоего пола



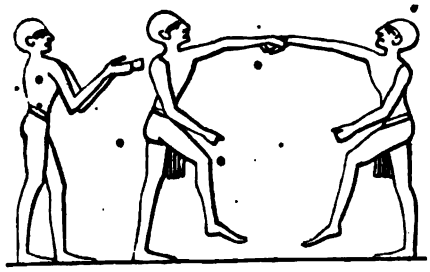
явили необыкновенное искусство. Но болѣе всего, въ заключеніе балета, восхитили собраніе фигуры вновь



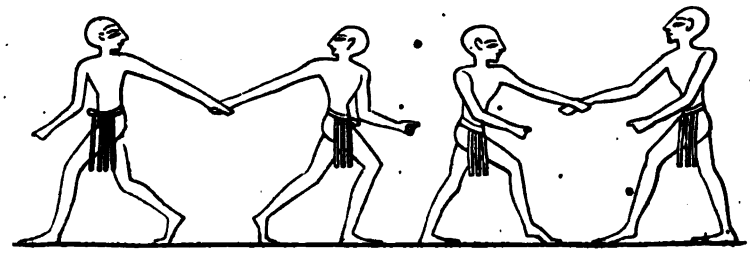
изобрѣтеннаго придворнымъ балетмейстеромъ танца, названнаго имъ *полкой*. Этотъ очаровательный та-



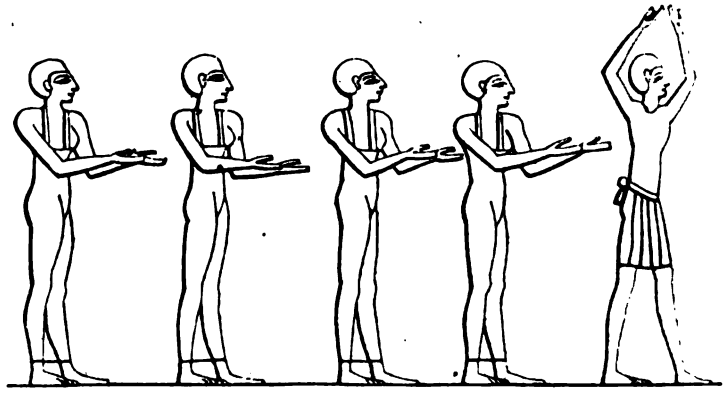
нецъ, который, съ безконечнымъ разнообразіемъ позъ, прелестью па и кокетствомъ движеній, счастливо соеди-



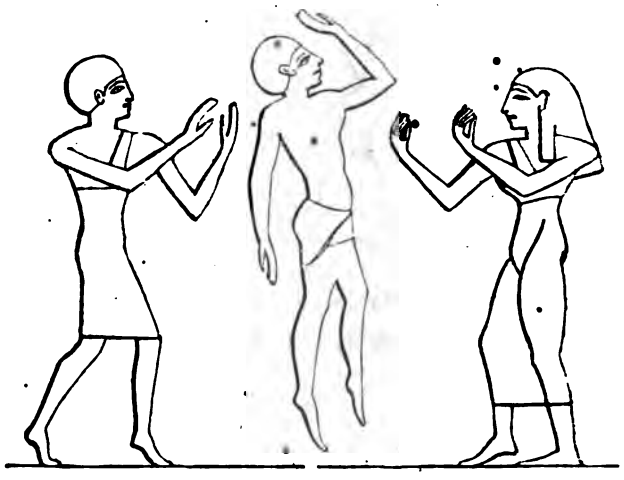
няетъ въ себѣ всѣ условія высокой душевной драмы, переходя отъ равнодушія, холодности и до борьбы серд-



ца, просьбы и, наконецъ, до пламенной страсти, плѣнилъ

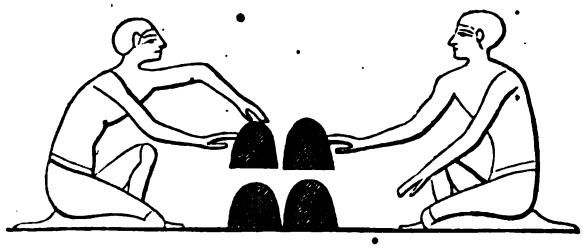


всѣхъ своей несомнѣнной выразительностью, и многіе



молодые мужчины и женщины тутъ же принялись подражать придворнымъ танцорамъ, къ великой потѣхѣ солнце-любимаго царя фараона и его луно-любимой супруги. Эта невинная забава, первое начало страстной моды,

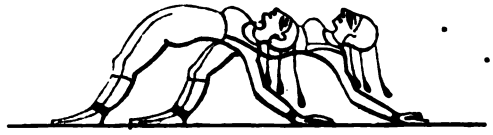
въ которую впослѣдствіи вошелъ въ Ѳивахъ, Мемфисѣ и Саисѣ, танецъ *пòлика*, была прервана выходомъ фокусниковъ и фигляровъ. Послѣ чудной ловкости, съ ка-

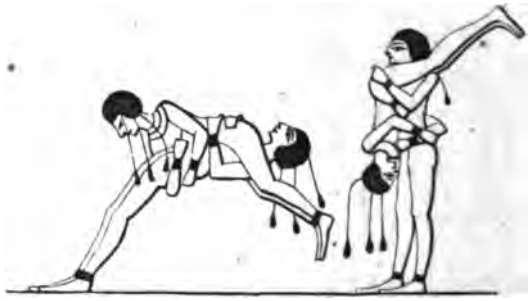


кою наши египетскіе фокусники превращали лиліи въ парики и платки въ бананы, особеннаго удивленія

заслужили гимнастическія штуки знаменитыхъ царскихъ фигляровъ и невѣроятная сила придворныхъ

иркулесовъ и иркулесицъ. Женщины, въ этомъ отношеніи, явились еще замѣчательнѣе мужчинъ: кромѣ осо-





бенной прелести въ движеніяхъ и позахъ, страшная степень силы, которую эти слабыя созданія успѣваютъ

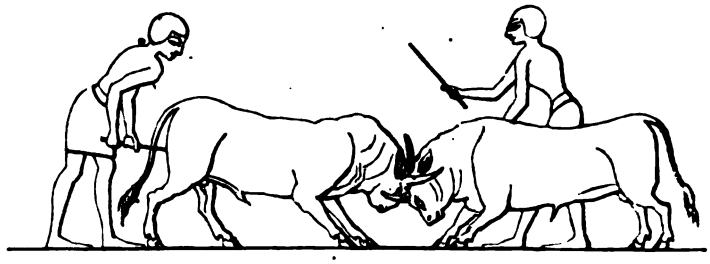
упражненіемъ развить въ своихъ нѣжныхъ членахъ, и легкость, съ какою въ самыхъ трудныхъ положеніяхъ

тѣла и при величайшемъ напряженіи силы играютъ въ тяжелые шары, доводя число ихъ до десяти и болѣе,

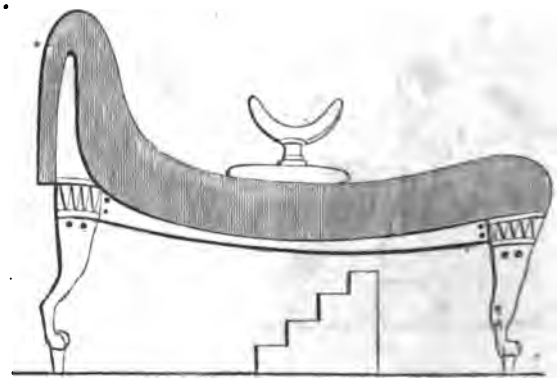
достойны быть предметомъ глубочайшихъ размышленій мудрецовъ. Но египетскій народъ годится на всѣ чудеса: другаго такого народа боги не создали на землѣ!

Между-тѣмъ, на площади, передъ дворцомъ, простой народъ наслаждался зрѣлищемъ бою двадцати

огромныхъ быковъ и подвигами храбрыхъ ѳивскахъ

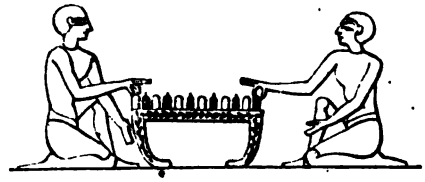


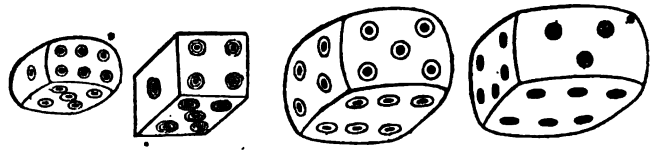
picadores. Въ палатахъ, при потокахъ царскаго вина, гости предавались самой необузданной веселости, особенно съ той минуты, какъ земное солнце, утомленное пиршествомъ, удалилось во внутренніе покои, чтобы съ луно-любимою супругою отдохнуть послѣ обѣда на своемъ высокомъ государственномъ ложѣ (*).



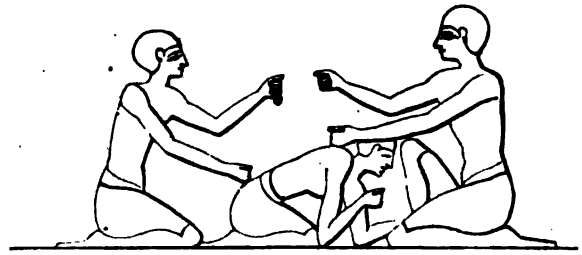
(*) Инструментъ, поставленный на серединѣ этой кровати, замѣнялъ у древнихъ Египтянъ подушки: ложившійся спать помѣщалъ голову свою въ деревянное полукружье такого инструмента, которое было обито кожею, подложенною, для мягкости, шерстью или хлопчатою бумагою. Такія подушки употребляются еще и нынче въ сѣверной Абиссиніи.

Одни играли въ шахматы или кости (*), другіе въ





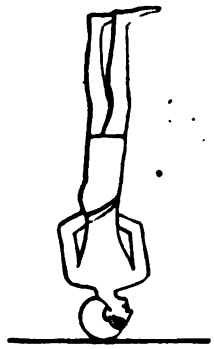
четъ и нечетъ на спинѣ угадчика, который, угадавъ,



подвергалъ своихъ товарищей тому же положенію, а

(*) Кости эти находятся и въ Берлинскомъ и въ Лондонскомъ музеумахъ.

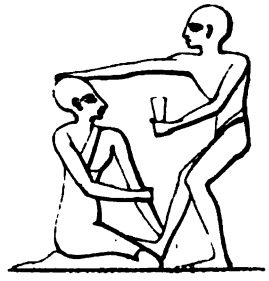
многіе, вставъ на голову, кричали — да здравствуетъ царь фараонъ, земное солнце! — и держали парѝ между



собою, кто въ этомъ видѣ произнесетъ большее число разъ привѣтствіе гостепріимному хозяину. Уже послѣ полуночи разошлись гости по домамъ, то есть, большею частью отнесены были безъ чувствъ слугами изъ двор-

ца въ свои спальни. На слѣдующій день, даже и у земнаго солнца съ похмѣлья жестоко болѣла голова: полный комплектъ врачей созванъ былъ въ присутствіе царя, и

тотъ, по чьей части состояла болѣзнь великаго фараона, принялся лечить его по правиламъ искусства (*).



Въ эту неблагополучную минуту почтенный оберъ-гофмейстеръ Тори и оберъ-шенкъ Каофи, представили солнце-любимому мудрому царю Амосису счетъ издержкамъ на вчерашнія увеселенія. Мудрый царь ужаснулся. За неумѣстную расточительность онъ приказалъ дать имъ, на главномъ крыльцѣ дворца, отеческое поученіе, и, пользуясь предлогомъ, что отъ пьяныхъ гостей его произошли ночью въ городѣ разные безпорядки, присудилъ свою любимую столицу къ уплатѣ, въ видѣ пени, всѣхъ денегъ, издержанныхъ на пиршество. Съ другой стороны, за то, что происходило въ концѣ вчерашняго пира, и не одинъ благонравный мужъ стовратаго града Ѳивъ счелъ себя въ правѣ, и въ необходимости, съ приличною нѣжностью

(*) Извѣстно изъ Геродота, что у древнихъ Египтянъ для каждой болѣзни былъ особенный врачъ при царѣ, по числу признанныхъ наукою болѣзней, находилось болѣе пятидесяти врачей.

напомнить своей супругѣ обязанности, предписанныя осьмою главою третьей книги Гермеса Тревеликаго.

Такъ сдѣлалась царевна Микерія-Нильская-Лилія совершеннолѣтнею. Мудрый царь Амосисъ весь этотъ день былъ нездоровъ, и не ходилъ въ подземелья Лавиринта осматривать свои сокровища; но на третій день послѣ пиршества рано утромъ отправился онъ въ свои кладовыя. Осмотрѣвъ замки и печати и найдя ихъ въ совершенной исправности, онъ отперъ золотымъ ключомъ огромную и тяжелую мѣдную дверь и вошелъ въ любимые погреба свои. Груды богатствъ всякаго роду лежали въ симметрическомъ порядкѣ по всему пространству крѣпкихъ каменныхъ половъ. Царь долго прохаживался между ними, любуясь на плоды своей бережливости. Душа его утопала въ высокомъ наслажденіи. Вдругъ одна груда золота показалась ему тронутою. Онъ осмотрѣлъ ее съ величайшимъ вниманіемъ. Не оставалось сомнѣнія: чья-то преступная рука, во время пиру, коснулась сокровищъ и нанесла имъ примѣтный ущербъ! Мудрый царь Амосисъ обошелъ кругомъ всѣ подземелья, тщательно разсматривая стѣны, полы и потол-

ки, построенные изъ огромныхъ шестигранныхъ глыбъ сіенскаго полированнаго граніту, и, не видя нигдѣ пролому, долженъ былъ заключить, что кто-нибудь изъ придворныхъ укралъ у него ключъ и печати въ ночь всеобщаго веселья, когда земное солнце было помрачено облакомъ винныхъ паровъ, и такимъ образомъ пробрался въ кладовыя.

Царь заперъ мѣдную дверь ключомъ, приложилъ къ ней другія печати, и удалился. Ввечеру онъ нарочно забылъ на столѣ свой золотой ключъ и печати, тайно наблюдая всю ночь за ними, чтобы поймать вора, который безъ-сомнѣнія захочетъ вторично воспользоваться разсѣянностью земнаго солнца. Но къ столу никто не подходилъ, а между-тѣмъ, на слѣдующее утро, отправившись въ подземелья, солнце открыло признаки новаго и весьма значительнаго похищенія. Двери, замки и печати по-прежнему были цѣлы. Удивляясь такому чуду, мудрый царь Амосисъ ставилъ у дверей сильные караулы, сторожилъ самъ караульныхъ, изобрѣталъ различныя хитрости, и, несмотря на все это, не могъ открыть ни пути ни примѣтъ похитителя, хотя сокровища рѣшительно каждую ночь уменьшались.

Свѣтлая голова его кружилась отъ недоумѣнія. Онъ тайно позвалъ главнаго своего механика и, при его содѣйствіи, изобрѣлъ такую западню, которая, схвативъ вора по-поламъ, была въ состояніи удержать его на мѣстѣ до утра. Черезъ нѣсколько дней, замысловатый, непримѣтный глазу, механизмъ поставленъ былъ именно у той груды слитковъ золота, изъ которой похититель началъ почерпать на-канунѣ. Въ этотъ

разъ мудрый царь Амосисъ не ошибся въ разсчетѣ. Послѣ полуночи, одинъ изъ огромныхъ гранитовъ стѣны подземелья тихо повернулся, и два молодыхъ человѣка вошли въ кладовыя черезъ отверстіе. Это были Ктепи и Апопи, сыновья покойнаго Тописа, знаменитаго архитектора, построившаго ѳивскій Лавиринтъ для мудраго царя Амосиса. Въ числѣ безконечнаго множества потаенныхъ подземныхъ и надземныхъ ходовъ, изъ которыхъ состоитъ это неподражаемое зданіе, настоящій логогрифъ зодчества, не распутанный умомъ человѣческимъ, искусство архитектора непримѣтно направило одинъ подземный ходъ отъ кладовыхъ къ его собственному дому, лежавшему въ отдаленной части города, по другую сторону Нила. Ходъ, со стороны кладовыхъ, былъ закрытъ подвижною гранитною плитою, такъ отлично подведенною подъ общій видъ вѣнцовъ подземелья, что ни какой глазъ не могъ примѣтить разницы между нею и другими камнями стѣны.

Прежде чѣмъ Лавиринтъ былъ совершенно оконченъ, мудрый Тописъ, на случай смерти, вручилъ женѣ своей запечатанный свертокъ папируса, для передачи сыновьямъ ихъ, Ктепи и Апопи, когда они достигнутъ совершеннолѣтія, взявъ съ нея клятву, что до того времени она не раскроетъ и никому не покажетъ этого писанія. Въ папирусѣ томъ было сказано:

«Дражайшія дѣти мои, Ктепи и Апопи! Я строю Лавиринтъ, громадное собраніе надземныхъ и подземныхъ дворцовъ, храмовъ, галерей, колоннадъ, портиковъ, дворовъ, ходовъ, тайниковъ и много-ярусныхъ колодцевъ,

зданіе, какого донынѣ не бывало на лицѣ земли и никогда не будетъ въ другомъ мѣстѣ. Многіе послѣ меня захотятъ подражать этому великому творенію ума вашего отца, въ Египтѣ и въ другихъ странахъ, но никто не состроитъ подобнаго. Владѣлецъ Лавиринта навсегда безопасенъ: въ случаѣ нападенія мятежниковъ или злоумышленниковъ, онъ можетъ ускользнуть тысячью путей, а они запутаются въ нихъ, не найдутъ себѣ выходу и будутъ пойманы. Въ подземельяхъ должны храниться его сокровища. Царь Амосисъ мудръ и скупъ: по скупости, онъ не заплатитъ мнѣ обѣщанныхъ тысячи фунтовъ золота, хотя подобному произведенію цѣны нѣтъ на свѣтѣ; а по мудрости своей, не захочетъ, чтобы кто-либо въ Египтѣ, кромѣ его, и еще лучше его, зналъ планъ Лавиринта. Крѣпкая десяти-этажная башня, которую, по его желанію, я строю всерединѣ этого чуда, будетъ навѣрное мѣстомъ моего пожизненнаго заточенія. Хотя боги позволили мнѣ жить въ такое время, когда въ Египтѣ вдругъ вспыхнула неукротимая и разорительная страсть къ пирамидамъ и великолѣпнымъ чертогамъ загробной жизни, однако жъ, по всей вѣроятности, я не оставлю вамъ ни какого наслѣдства, кромѣ скромнаго дому, въ которомъ вы воспитываетесь. Другіе зодчіе, далеко не стоющіе вашего отца, нажили отъ пирамидъ такія богатства, что воздвигаютъ себѣ нынче пирамиды втрое огромнѣе и великолѣпнѣе тѣхъ, для которыхъ нѣкогда составляли они смѣты по заказу. Лавиринтъ, поглотившій всю жизнь и всю дѣятельность мою, лишилъ меня подобныхъ случаевъ. Я не оставлю вамъ ничего. Но если мои предчувствія

обудутся, если я не ворочусь къ вамъ, то вы имѣете право взять изъ подземелій Лавиринта слѣдующую мнѣ за созданіе плана и за тяжкіе труды исполненія тысячу фунтовъ золота, которыхъ мудрый царь Амосисъ никогда ни мнѣ ни вамъ не заплатитъ добровольно и которую я вамъ отказываю какъ мою неотъемлемую собственность. Пріймитесь за дѣло умно и осторожно: при этомъ завѣщаніи найдете полный планъ Лавиринта, всѣхъ его кладовыхъ и подземнаго ходу, проведеннаго къ нимъ моимъ слабымъ геніемъ подъ русломъ Нила отъ вашего дому, съ описаніемъ секрета подвижнаго камня въ стѣнѣ подземелья и прочихъ подробностей. Запрещаю вамъ, дражайшія дѣти мои, Ктепи и Анопи, брать даже одинъ гранъ золота болѣе тысячи фунтовъ: тысяча фунтовъ — мое заслуженное добро, а послѣ меня—ваше достояніе. Всякое лишнее зерно было бы воровствомъ, и вы, я увѣренъ, не запятнаете, передъ свѣтомъ, имени вашего родителя и, передъ безсмертными богами, вашей совѣсти подобнымъ преступленіемъ», и прочая.

Архитекторъ Лавиринта предугадалъ судьбу свою: лишь-только чудное зданіе было окончено, мудрый царь Амосисъ, изъ предосторожности, заперъ Тониса въ башнѣ, и вскорѣ великій художникъ скончался тамъ отъ скуки и горя, а семейство его, вмѣсто обѣщанной суммы, получило отъ щедротъ земнаго солнца только мертвое тѣло своего усопшаго главы, для подлежащаго набальсамированія и погребенія въ фамильномъ подземельѣ. Жена архитектора, мудрая Никотри, свято хранила у себя ввѣренный ей сви-

токъ, и отдала его сыновьямъ своимъ не прежде какъ по достиженіи ими возрасту благоразумія и мудрости. Получивъ этотъ драгоцѣнный папирусъ и вникнувъ надлежащимъ образомъ въ дивное его содержаніе, два молодые человѣка рѣшились исполнить завѣщаніе родителя. Долго и въ глубокой тайнѣ изучали они мѣстность подземнаго ходу и секретъ подвижнаго камня: наконецъ, въ ночь великаго пиру, даннаго въ честь луно-любимой царевнѣ Микеріи въ главномъ дворцѣ Лавиринта, вошли въ первый разъ въ кладовыя и приступили къ взысканію съ царскихъ сокровищъ суммы, слѣдующей его обиженному строителю.

Съ тѣхъ поръ каждую ночь свободно посѣщали они неприступныя подземелья и, принесши золото домой, вѣсили его съ величайшею тщательностью, чтобы не перебрать ни одного зерна сверхъ заключеннаго между владѣльцемъ и ихъ отцомъ условія. Не доставало еще пятидесяти фунтовъ. Въ это именно время мудрый царь Амосисъ поставилъ въ погребахъ своихъ хитро вымышленную западню. Не подозрѣвая ни какой опасности, Ктени и Апопи преспокойно пришли взять остальное. Апопи оставался въ открытомъ отверстіи, а Ктени, соскочивъ въ подземелье, пошелъ прямо къ грудѣ слитковъ, которую вчера еще нащупалъ онъ въ темнотѣ и уже благополучно началъ. Въ этотъ разъ, онъ долѣе обыкновеннаго не возвращался къ брату съ золотомъ. Апопи начиналъ уже приходить въ безпокойство, не зная чему приписать замедленіе, какъ вдругъ раздался тихій зовъ:

— Апопи!... поди сюда!...

— Зачѣмъ?

— Нужно. Приходи поскорѣе.

Апопи осторожно слѣзъ на полъ и, впотьмахъ, отъискалъ брата.

— Какой-то демонъ схватилъ меня и держитъ изо всей мочи, прошепталъ ему Ктени. Посмотри, что это такое!... кажется, желѣзный обручъ?

Апопи началъ ощупывать все тѣло брата.

— Разумѣется, обручъ! сказалъ онъ. Какъ же ты попалъ въ него?

— Самъ не знаю! Чуть наклонился я къ этой грудѣ, какъ вдругъ что-то сомкнулось около меня и я не могу пошевелиться. Помоги разнять эту западню. Тутъ должна быть пружина. Отъищи ее и отломи.

Но пружина была скрыта такъ искусно, что Апопи нигдѣ не могъ ея нащупать. Напрасно оба брата напрягали свои силы чтобы разнять обручъ: крѣпко сошемившееся желѣзо не подавалось ни въ ту ни въ другую сторону. Они измучились и ничего не могли сдѣлать противъ великой мудрости солнце-любимаго царя Амосиса.

— Дѣло кончено! сказалъ Ктени: мы открыты!... Насъ объявятъ ворами и казнятъ позорною смертью. Это ужасно!

— Да! это ужасно! примолвилъ Апопи.

— Какое безчестье для имени нашего незабвеннаго отца!

— Какой ударъ для нашей доброй матери!

— Любишь ли ты меня, Апопи?... любишь ли драгоцѣнную мумію твоего родителя?

— Можно ли спрашивать объ этомъ!

— Такъ поклянись мнѣ тѣмъ, чье имя непозволительно и страшно произносить на землѣ (*), что сдѣлаешь все безпрекословно по моему наставленію.

— Клянусь!

— Мудрый царь Амосисъ думаетъ, будто онъ мудрѣе и остроумнѣе насъ съ тобою. А вотъ мы ему докажемъ остроуміе! Отрѣжь мнѣ сейчасъ голову, заверни ее въ свой плащъ и убирайся отсюда....

— Какъ это можно! вскричалъ Апопи съ ужасомъ.

— Такъ, по-твоему, лучше погибнуть позорно, обезчестить память нашего отца, имя нашей старой матери?... Ты мнѣ поклялся.

— Однако жъ!... произнесъ дрожащимъ голосомъ Апопи и залился слезами.

— Фуй! сказалъ Ктепи: ты робкое дитя!... ты содрогаешся тамъ, гдѣ нужно явить мудрость, отличиться остроуміемъ.... Ты не Египтянинъ! Я не признаю тебя своимъ братомъ. Ты Грекъ!... ты хуже Грека!... Жидъ!... Финикіецъ!

— Не обижай меня такъ жестоко, Ктепи! перервалъ Апопи, утирая слезы: я — Египтянинъ!... истинный Египтянинъ!

— Такъ рѣжь мнѣ голову, и бѣги, спасайся. Если бы, вмѣсто меня, попался въ этотъ обручъ ты, мой милый, я, безъ спросу, отрѣзалъ бы тебѣ головку и — поминай какъ звали!

(*) Озирисомъ.

Апопи нѣжно поцѣловалъ брата, прощаясь съ нимъ навсегда, и началъ завертывать ему голову своимъ плащомъ.

— Не забудь только, сказалъ еще сквозь сукно плаща Ктени, хорошенько и чисто притворить камень....

— Не забуду, отвѣчалъ молодой человѣкъ, и черезъ минуту, бѣжалъ уже по подземному ходу домой съ головою любезнаго брата.

Рано поутру мудрый царь Амосисъ, вставъ съ своего высокаго ложа, отправился въ подземелье посмотрѣть, что̀ тамъ случилось новаго. Когда онъ подошелъ къ грудѣ слитковъ, у которой поставлена была западня, и увидѣлъ стоящаго въ обручѣ человѣка безъ головы, ужасъ и удивленіе овладѣли имъ въ высшей степени. «Великіе боги! воскликнулъ онъ: меня, мудраго Амосиса, меня, фараона, то есть, земное солнце, прямое теченіе Солнца Небеснаго, надуваютъ люди, у которыхъ даже и слѣда головы нѣтъ!... Человѣкъ безъ головы ходитъ каждую ночь неразгадаемыми путями въ мою царскую казну и обираетъ меня по своему произволенію, а я... Но, нѣтъ!... у этого человѣка навѣрное была прежде голова.... Куда могла она дѣваться?... Тутъ должна скрываться какая-нибудь мудрость.... мудрость очень хитрая, очень остроумная.... Я непремѣнно проникну ее!»

И мудрый царь Амосисъ приказалъ мертвое тѣло вынуть изъ западни и положить его на земляномъ валу, защищающемъ Лавиринтъ отъ наводненій Нила, съ западной стороны главнаго дворца, противъ самой многолюдной улицы. Онъ не сомнѣвался, что родственники обезглавленнаго плута, страшась погубить души свои,

будутъ стараться украсть это тѣло, чтобы сдѣлать изъ него мумію и совершить надъ нею погребальные обряды. Поставленнымъ у тѣла стражамъ строжайше предписано было наблюдать за всѣми приходящими и немедленно схватывать, не только мужчинъ, которые обнаружатъ малѣйшее покушеніе на трупъ, но и женщинъ, которыя, остановясь передъ нимъ, станутъ плакать или показывать какое-нибудь участіе.

Стражи расположились на валу, возлѣ мертвеца, выставленнаго на видъ всему народу, и усердно высматривали весь день; но никто изъ проходящихъ не обращалъ вниманія на ихъ сокровище.

Послѣ закату солнца, бѣдный погонщикъ гналъ передъ собою мимо вала двухъ ословъ, навьюченныхъ кожаными мѣшками съ виномъ. Ослы упрямились. Онъ колотилъ ихъ дубиною, и одинъ изъ ударовъ, предназначенныхъ спинѣ лѣниваго животнаго, нечаянно упалъ на его ношу. Курдюкъ лопнулъ. Вино потекло на мостовую. Несчастный погонщикъ былъ въ отчаяніи. Стражи, сидѣвшіе на валу, начали хохотать.

- Что́ вы смѣетесь, ротозѣи? сердито закричалъ имъ погонщикъ. Вотъ, лучше бы, пособили мнѣ остановить вино, вмѣсто того что сидите тамъ безъ дѣла! Я готовъ подарить вамъ половину этого курдюка, если вы поможете спасти остальное.

Пользуясь сумерками, два стража быстро сбѣжали съ вала и принялись, съ великимъ раченіемъ, затыкать дыры въ мѣшкѣ. Теченіе драгоцѣнной влаги было остановлено. Погонщикъ, изъ благодарности, встащилъ на валъ одинъ изъ своихъ курдюковъ и началъ

потчивать благодѣтелей спасеннымъ виномъ. Завязалась пріятная бесѣда. Вскорѣ между погонщикомъ и воинами мудраго царя Амосиса учредилась такая тѣсная дружба, что и второй курдюкъ взромоздился на валъ. Къ полуночи всѣ стражи были мертвецки пьяны, и, еще часъ спустя, всѣ уже громогласно храпѣли около трупа. Но одинъ изъ нихъ, засыпая, изъ предосторожности, положилъ свою голову на тѣлѣ Ктепи.

Апопи, - потому что это былъ онъ; онъ-то разыгрывалъ здѣсь роль великодушнаго погонщика ословъ: мать, узнавъ о приключеніи съ старшимъ своимъ сыномъ, бросилась съ отчаяніемъ на его голову, зарыдала и, въ негодованіи на жестокость младшаго, объявила ему, что сама она донесетъ о всемъ царю, если ей въ тотъ же день не будетъ возвращено тѣло дорогаго Ктепи, — Апопи, удостовѣрившись въ совершенной безчувственности своихъ новыхъ пріятелей, сошелъ на улицу, отрѣзалъ голову и хвостъ одному изъ ословъ, встащилъ туловище на валъ и подложилъ его подъ голову предосторожному стражу, а тѣло любезнаго брата взвалилъ на другаго осла и поспѣшно удалился.

Проснувшись на слѣдующее утро, испуганные стражи стремглавъ побѣжали во дворецъ, съ докладомъ, что ночью на валу случилось великое чудо: этотъ человѣкъ безъ головы былъ не человѣкъ, но самъ Тифонъ, злой духъ, олицетворенное число 2; едва наступила ночь, онъ, при глазахъ ихъ, въ одно мгновеніе превратился въ осла безъ головы и безъ хвоста. Мудрый царь Амосисъ, услышавъ о такомъ дивномъ происшествіи, вышелъ самъ на валъ и лично убѣдился въ ис-

тинѣ донесенія стражей. Не опомнившись еще отъ удивленія, онъ поспѣшилъ въ подземелья осмотрѣть свои сокровища. Другое чудо!... оттуда чья-то невидимая рука утащила пять мѣшковъ новыхъ золотыхъ монетъ. Апопи, отвезши тѣло брата къ матери, успѣлъ еще побывать въ ту же ночь и въ царской сокровищницѣ. Разсчитывая, что мудрый царь Амосисъ, довольный открытіемъ вора безъ головы, не заведетъ западни свечера или, по-крайней-мѣрѣ, никуда ея не передвинетъ, онъ рѣшился добрать изъ завѣтной казны своего должника остальные пятьдесятъ фунтовъ золота, обратился къ другой грудѣ, и совершенно успѣлъ въ предпріятіи.

Это новое похищеніе, сдѣланное съ такою невѣроятною смѣлостью, это современное съ нимъ превращеніе человѣка въ осла, совершившееся такъ ловко при многочисленной стражѣ, привели мудраго царя Амосиса въ величайшее удивленіе. То и другое были очевидно подвигомъ одного и того же проказника: но какъ могъ онъ очутиться въ одно время въ двухъ мѣстахъ вдругъ? Мудрый царь Амосисъ никакъ не понималъ этого. Онъ сталъ придумывать новыя, еще болѣе тонкія, средства къ открытію своего злодѣя, но, что ни изобрѣтало его великое остроуміе, какъ ни ухитрялась его мудрость, все было безуспѣшно. Нерѣдко уже кладовыя его были, опыту ради, нарочно оставляемы на всю ночь не запертыми: и тутъ не могъ онъ никого поймать; пропажи въ подземельяхъ добровольно прекратились и, несмотря на всѣ усилія сыщиковъ, о похитителѣ золота и безголоваго трупа не получено ни

какого свѣдѣнія. Апопи такъ искусно скрывалъ свое богатство, что ничье подозрѣніе не обращалось на бѣдный домъ покойнаго архитектора.

Мудрому царю Амосису, однако жъ, непремѣнно хотѣлось добиться до рѣшенія этой странной загадки. Онъ отправился въ золотой теремъ луно-любимой дочери своей, царевны Микеріи-Нильской-Лиліи, и держалъ ей такую рѣчь: «Дражайшая луно-любимая дочь моя! я никогда не полагалъ, что бы въ Египтѣ кто-либо былъ дальновиднѣе или остроумнѣе меня. Это казалось невозможнымъ и неестественнымъ. Между-тѣмъ нашелся человѣкъ, который рѣшительно сбилъ меня съ толку, играетъ моей проницательностью, проводитъ меня своими хитростями какъ маленькаго ребенка. Я не могу допустить такого злоупотребленія въ моемъ государствѣ! Въ книгахъ мудрецовъ сказано, что гдѣ мужская мудрость становится въ тупикъ, тамъ нерѣдко женскій умъ находитъ очень просто настоящее рѣшеніе затрудненія. Мнѣ нуженъ твой женскій умъ. Ты совершеннолѣтняя: я объявляю сегодня же по всему Верхнему и Нижнему Египту, что, согласно съ моимъ обѣтомъ, отдаю руку твою тому изъ моихъ мудрыхъ и ловкихъ Египтянъ, кто разскажетъ тебѣ... одной тебѣ, на-единѣ... и не открывая напередъ ни имени ни званія... самый удивительный подвигъ остроумія, изъ личныхъ своихъ дѣяній. Имя и званіе обнаружитъ онъ послѣ, когда будетъ принятъ. Похититель золота и безголоваго трупа явится къ тебѣ непремѣнно: я знаю его дерзость!... онъ прійдетъ въ мой собственный дворецъ, похва-

статься своими продѣлками! Какъ-скоро начнетъ онъ разсказывать тебѣ объ этомъ неслыханномъ дѣлѣ, ты ухватись за него обѣими руками и закричи: я тотчасъ прійду съ моими тѣлохранителями. Держи его крѣпко: онъ—настоящій оборотень... ужасно мудръ!... очень остроуменъ!... какъ разъ исчезнетъ.... (*). Земному Солнцу возражать грѣхъ: онъ — центръ всей подлунной мудрости, и смертные обязаны слѣпо повиноваться его вдохновеніямъ. Таковъ законъ боговъ. Луно-любимая царевна Микерія-Нильская-Лилія, несмотря на непріятность порученія, безпрекословно подчинилась волѣ солнце-любимаго царя-родителя.

Вскорѣ, цѣлыя толпы молодыхъ и старыхъ искателей счастія сбѣжались въ золотой теремъ луно-любимой царевны: каждый разсказывалъ ей свои знаменитѣйшія хитрости, замысловатѣйшія проказы, но всѣ подвиги ихъ остроумія или воображенія были признаваемы недостаточными. Въ одно утро явился къ прелестной царевнѣ молодой человѣкъ, очень красивой наружности, одѣтый весьма изящно, съ щегольскою на головѣ повязкою,

(*) Событіе это, почти тѣми же словами, разсказано и у Геродота.

которой одна уже золотая бахрома доказывала тонкій вкусъ и отличное воспитаніе. Обращеніе его было благородно, рѣчь сладка и исполнена удивительной мудрости. Послѣ нѣсколькихъ словъ вступительной бесѣды, луно-любимая царевна была совершенно имъ очарована. Она, дрожащимъ голосомъ, спросила его о причинѣ посѣщенія.

— Я желаю, отвѣчалъ онъ, разсказать вамъ самое удивительное дѣло, какое только случилось въ славное царствованіе мудраго фараона, вашего солнце-любимаго родителя, прелестная царевна; дѣло, въ которомъ самъ я, лично, участвовалъ, но которое, къ сожалѣнію, днемъ никакъ не разсказывается.

— Такъ когда же вы можете разсказать мнѣ его? съ удивленіемъ спросила царевна.

— Не иначе какъ ночью.

— Ночью?... великая Изида!... какъ это можно?

— Да! ночью!... когда совершенно темно и всѣ спятъ. Сегоднишнею ночью, если вамъ угодно.

Луно-любимая церевна Микерія покраснѣла и потупила взоръ.

— Ночью? повторила она несмѣло. Гдѣ же?..

— Здѣсь. Всего лучше, здѣсь.

— Но... но... ночью всѣ ворота дворца заперты... вамъ нельзя сюда проникнуть.....

— Мнѣ ворота не нужны. Если только вы позволите, я предстану передъ васъ непремѣнно... въ самую полночь.

Луно-любимая царевна Микерія-Нильская-Лилія снова покраснѣла. Огонь женскаго любопытства пылалъ

въ ней такъ сильно, и незнакомый собесѣдникъ былъ такъ милъ, такъ чудесенъ, — можетъ-быть это и самъ Озирисъ! думала она въ своемъ благочестіи: когда, при такой красотѣ, ему еще и двери для входу не нужны! — что, средь волненій удовольствія, страху и замѣшательства, дрожа, пламенѣя, колеблясь, неизвѣстно какимъ образомъ позволила ему явиться въ это необычайное время.

— Могу ли имѣть хоть одну лампу въ комнатѣ? робко спросила она еще, когда незнакомецъ прощался съ нею.

— Какъ вамъ угодно, отвѣчалъ онъ, кланяясь почтительно. Лампа не помѣшаетъ моему разсказу: онъ боится только дневнаго свѣту.

Когда молодой человѣкъ удалился изъ терема, царевна Микерія-Нильская-Лилія, сообразивъ, что поступила неблагоразумно, тотчасъ побѣжала къ мудрому и солнце-любимому родителю. Она сообщила царю всѣ подробности опаснаго свиданія, умоляя извинить ея неопытность. Но мудрый царь Амосисъ былъ, напротивъ, въ восторгѣ отъ ея рѣшимости и удивительной расторопности: онъ не сомнѣвался, что это - тотъ самый плутъ, котораго ищутъ такъ долго, и особенно одобрялъ остроумную мѣру дочери въ разсужденіи лампы, потому что при ея свѣтѣ молодцу не останется возможности скрыться гдѣ-нибудь незамѣтно. Нѣсколько разъ повторялъ онъ смущенной всѣмъ этимъ царевнѣ, ничего не бояться, смѣло ждать таинственнаго посѣтителя, и самъ сталъ ждать ночи съ величайшимъ нетерпѣніемъ.

Сердце Нильской-Лиліи дрожало непонятнымъ трепетомъ во весь этотъ день, который казался ей цѣлымъ столѣтіемъ. Горячо молилась она великой богинѣ Изидѣ, чтобы этотъ интересный молодой человѣкъ, который такъ опрометчиво подставляетъ свою голову подъ сѣкиру рока, разсказалъ ей самую пошлую глупость, вмѣсто самаго удивительнаго дѣла, съ такою зловѣщею радостью предугадываемаго мудрымъ и солнце-любимымъ батюшкою. Она еще надѣялась, что это — не онъ, не похититель золота. «Нѣтъ, онъ не способенъ превратить человѣка въ осла!» думала она : это на него не похожо; онъ — такой милый, такой скромный!» — и, съ наступленіемъ ночи начала часто смотрѣться въ зеркало, поправлять свои волосы, примѣрять самыя прелестныя свои вещицы. Мало-по-малу она нарядилась безподобно, восхитительно, сама не замѣчая этого. Но, впервые, и съ истиннымъ удовольствіемъ, замѣтила она тогда свою необыкновенную красоту. Она была довольна собою. Луно-любимая царевна Микерія-Нильская-Лилія, въ самомъ дѣлѣ, была въ тотъ вечеръ чудесна!

Въ этихъ увлекательныхъ приготовленіяхъ быстро претекли часы. Полночь приближалась. Царевна выслала изъ покоевъ всѣхъ своихъ прислужницъ, и присѣла на софу. Прошло нѣсколько минутъ въ глубокой тишинѣ. Кругомъ господствовало мертвое молчаніе. Только сердце глухо стукалось объ алебастровый сводъ груди. Наконецъ послышался и легкій шорохъ. Сердце царевны призабилось еще сильнѣе. Она со страхомъ

подняла глаза: утренній посѣтитель стоялъ передъ нею....

Теперь, средь волшебства ночи, при этомъ таинственномъ мерцаніи одинокой лампы, онъ былъ еще великолѣпнѣе Озириса!

Она, также, показалась ему Изидою, ступившею на землю по зыбкому лунному лучу со всѣмъ могуществомъ и очарованіемъ своего небеснаго сана.

Луно-любимая царевна Микерія-Нильская-Лилія робко указала ему рукою на софу. Онъ присѣлъ. Послѣ нѣсколькихъ тревожныхъ словъ общаго разговору, она боязливо спросила незнакомца о томъ удивительномъ подвигѣ, который желалъ онъ разсказать ей.

Апопи, - потому что, опять, это былъ онъ: зная превосходно Лавиринтъ по плану, онъ безпрепятственно проникъ внутрь этой исполинской громады зданій еще до закату солнца и безъ большаго затрудненія нашелъ удобное мѣсто длятого чтобы укрыться до вечера, а въ полночь, когда воины, слуги и рабы мудраго царя Амосиса сторожили появленія его у воротъ и по всей окружности вала, онъ также свободно, и вовсе никѣмъ не замѣченный, прошелъ въ теремъ царевны, - Апопи приступилъ къ своей чудной повѣсти. Онъ разсказывалъ такъ пріятно, такъ умно, остро, весело, краснорѣчиво, съ такимъ чувствомъ, съ такимъ одушевленіемъ, что совершенно плѣненная имъ царевна забыла о наставленіи солнце-любимаго родителя: она дрожала при страшныхъ подробностяхъ великодушнаго предложенія и смерти покойнаго Ктепи, плакала при описаніи отчаянія бѣдной матери, смѣя-

лась при разсказѣ о встрѣчѣ погонщика съ царскими стражами. Послѣ окончанія дивной повѣсти, она стала распрашивать сама гостя о разныхъ загадочныхъ обстоятельствахъ происшествія и, разсуждая о всемъ, что̀ къ нему относилось, съ удовольствіемъ продлила бы бесѣду до самаго утра. Но, вдругъ, въ одно изъ самыхъ восхитительныхъ мгновеній этой бесѣды, воображенію луно-любимой царевны Микеріи-Нильской-Лиліи предсталъ, со всѣмъ своимъ ужасомъ, наказъ великихъ боговъ о слѣпомъ повиновеніи центру всей подлунной мудрости. Она поблѣднѣла. Всѣ мысли перемѣшались въ ея головѣ. Невидимая но жосткая рука долгу толкнула ее на незнакомца. Она ухватилась за его руку и, безотчетно, безъ намѣренія, почти безъ памяти, вскрикнула слабымъ голосомъ:

— Это онъ!... это онъ!...

Отчаяніе вспыхнуло въ груди ея вмѣстѣ съ этимъ безотчетнымъ совершеніемъ предательства. Но оно должно было тотчасъ уступить мѣсто изумленію и испугу. Быстрѣе стрѣлы незнакомецъ исчезъ съ софы: онъ только мелькнулъ передъ глазами Микеріи, съ отвагою гиганта бросаясь въ ея спальню, чтобы спрятаться прямо подъ золотую кровать дочери земнаго солнца, и она даже не замѣтила, что рука его осталась въ ея рукахъ. Но когда, почти въ то же самое мгновеніе, въ комнату торжественно вкатилось само земное солнце, со множествомъ вооруженныхъ людей и зажженныхъ факеловъ, невозможно было вдругъ не опомниться: толстая, жилистая, косматая мужская рука, оторванная по плечо, торчала въ ея мягкихъ, малень-

кихъ ладоняхъ, между-тѣмъ какъ таинственный владѣтель этой руки положительно лежалъ въ другой комнатѣ подъ кроватью... а можетъ-быть и на кровати!

— Гдѣ же онъ? съ удивленіемъ спросилъ мудрый царь Амосисъ, ни видя никого чужаго въ комнатѣ.

— Убѣжалъ!... вотъ въ эту сторону!... въ сѣни!... отвѣчала она въ страшномъ замѣшательствѣ, но съ большимъ присутствіемъ духа, указывая на дверь, совершенно противоположную спальнѣ. Бѣгите!... ловите!... вы поймайте его на дворѣ.

— Бѣгите всѣ поскорѣе! закричалъ мудрый царь Амосисъ. Обыскать весь Лавиринтъ! — Теперь ужъ онъ не ускользнетъ, продолжалъ царь, оставшись одинъ съ дочерью: изъ моего Лавиринта никому нѣтъ выходу; кто сюда попалъ, тотъ пойманъ непремѣнно.... Это что такое у тебя?

— Это его рука, робко отвѣчала царевна.

— Какъ можетъ быть его рука?

— Подлинно, собственная рука его.

— Какіе пустяки!

— Увѣряю васъ, батюшка. Я, по вашему мудрому наставленію, схватила его руку, и рука вдругъ оторвалась. Онъ убѣжалъ въ сѣни, а рука осталась у меня въ горсти.

— Великіе боги!... что это значитъ! воскликнулъ мудрый царь Амосисъ, взявъ ночникъ со стола и съ крайнимъ любознательствомъ разсматривая руку необъяснимаго посѣтителя, но не дотрогиваясь до нея, какъ до нечистой вещи. Въ самомъ дѣлѣ, это — рука!... и какая здоровая!... И она, такъ, вдругъ оторвалась?

— Какъ лоскутокъ папируса, батюшка!

— Клянусь священнымъ ѳивскимъ крокодиломъ, въ цѣломъ мірѣ нѣтъ народа чудеснѣе моихъ Египтянъ! Что̀ за удивительные люди! голова, рука, нога, у нихъ — ни по чемъ!... мѣшаетъ? — они бросаютъ ее какъ старую тряпку, и идутъ своимъ путемъ далѣе! Поддѣть, провести, надуть.... надуть хоть самого меня, который всѣхъ надуваю... это ужъ ихъ дѣло! Мастера, нечего сказать! Удивительно ли, послѣ этого, что у насъ бываютъ такіе мудрецы, которые собственными глазами видятъ, какъ земля вертится кубаремъ и летаетъ около солнца?

Посланные воротились съ докладомъ, что бѣглеца нигдѣ не найдено. Мудрый царь Амосисъ разсердился на вѣрныхъ слугъ своихъ и прогналъ ихъ искать снова.

— Болваны! ничего не смыслите!... закричалъ онъ еще въ-догонъ за уходящими. Этотъ плутъ принялъ другой видъ, вотъ и все тутъ! Осмотрѣть всѣхъ до одного людей въ цѣломъ Лавиринтѣ: пусть каждый покажетъ свои обѣ руки, и у кого одной не хватитъ, того молодца сейчасъ привесть ко мнѣ. Поняли ль вы?

— Слышимъ, и рады повиноваться.

— Постойте!... Только, смотрите же, не брать его, ни за остальную руку, ни за голову, ни за ноги, потому что сейчасъ оторвутся, и онъ ускользнетъ изъ вашихъ лапъ какъ угорь. Понимаете ли?

— Понимаемъ.

— Ступайте, ослы!... ничего не понимаете! Вамъ

долженъ я толковать все какъ дѣтямъ. Сами ничего не догадаетесь!...

Мудрый фараонъ съ досады принялся теперь, на-оборотъ, жаловаться на непостижимую тупость этихъ тюленей, черепахъ, Египтянъ, и подробно доказывать дочери, что безъ него, земнаго солнца, безъ его ума и проницательности, они бы не знали, какъ ступить ногою, а безъ его неисчерпаемыхъ щедротъ всѣ черезъ недѣлю перемерли бы съ голоду.

Посланные снова воротились. Подъ великою клятвою они, всѣ одногласно, утверждали, что чужаго никого нѣтъ въ Лавиринтѣ, и что у всѣхъ рѣшительно имѣется на-лицо по двѣ руки.

- Ну, такъ ужъ это, видно, былъ самъ Тифонъ, самъ чортъ! сказалъ озадаченный до крайности мудрый царь Амосисъ: а если не чортъ, такъ нельзя не сознаться, что, послѣ меня, этотъ человѣкъ — самый мудрый и остроумный малой изъ всѣхъ Египтянъ!... Клянусь рогами Аписа, и святымъ ликопольскимъ волкомъ, и безсмертною сіенскою кошкою, и клевомъ ибиса, вѣстника Изиды, что я ему прощаю!... и отдаю ему въ супруги мою возлюбленную дочь, луно-любимую Микерію-Нильскую-Лилію, царевну Верхняго и Нижняго Египта, Нубіи, Мероиа, Абиссиніи, Ливіи!... если только онъ ей понравится... и сдѣлаю его моимъ главнымъ намѣстникомъ!.. Пусть предстанетъ. Я прощаю! Иначе я никогда не найду его.... съ такими дураками, какихъ великіе боги дали въ исполнители моихъ приказаній.

— Вы ни подъ какимъ предлогомъ не откажетесь отъ вашего слова, батюшка? тихо спросила Микерія.

— Я далъ клятву, важно отвѣчалъ мудрый царь фараонъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, вы никогда не сыщите его съ этими людьми! продолжала она, подходя къ отцу съ самою плѣнительною изъ своихъ улыбокъ. Станемте, лучше, искать его мы съ вами. Къ вашей мудрости прибавивъ мой женскій умъ, мы тотчасъ откроемъ его гдѣ-нибудь.

Она взяла со стола ночникъ и повела мудраго царя Амосиса въ свою спальню. Не долго нужно было дѣлать поиски: заглянувъ подъ золотую кровать, они тотчасъ увидѣли преступника. Апопи ловко вылѣзъ изъ своего убѣжища и упалъ къ ногамъ владыки.

— Дочь! грозно сказалъ мудрый царь Амосисъ, обращаясь къ Микеріи: что̀ это значитъ?... кто у тебя подъ кроватью?... Это — другой!... У него двѣ руки!

— Это онъ, твердо отвѣчала Микерія.

— Развѣ у него были три руки? возразилъ фараонъ.

— Солнце-любимой царь, ясное земное солнце, покорно произнесъ Апопи: третья рука не моя; она моя только по изобрѣтенію и искусству; я, отъ нечего дѣлать, изобрѣлъ способъ дѣлать искусственные человѣческіе члены, даже полнаго человѣка, изъ фибръ пальмоваго дерева, плевъ и жилъ бегемота, и восковыхъ красокъ, подражая въ точности, не только формамъ мускуловъ и природному цвѣту ножи, но даже мягкости и упругости живаго тѣла.

Царь не хотѣлъ вѣрить разсказчику, и пошелъ лично убѣдиться въ истинѣ признанія. Совершенство этого подражанія привело его въ удивленіе. Онъ ворочалъ,

щупалъ и гнулъ искусственную руку во всѣхъ направленіяхъ, и, милостиво похваливъ мастерство незнакомца, въ глубинѣ мудрости своей тотчасъ придумалъ для ней прекрасное мѣсто въ своемъ кабинетѣ любопытныхъ рѣдкостей.

— Однако жъ... примолвилъ фараонъ съ угрюмымъ видомъ: ты... обокралъ меня!

— Никакъ нѣтъ, солнце-любимый царь, смѣло возразилъ Апопи: я только принялъ смѣлость разсчитаться съ вами по одному старому, случайно забытому, долгу, который приходится намъ по завѣщанію покойнаго отца. Я взялъ только то, что̀ намъ слѣдовало и въ чемъ справедливость ваша никогда бы намъ не отказала... тысячу фунтовъ золота... по точному вѣсу...

— Тысячу фунтовъ золота!... не боишься ли ты боговъ?... тысячу фунтовъ! по завѣщанію вашего отца! съ ужасомъ воскликнулъ царь. Да кто же ты таковъ?

— Я сынъ вѣрнаго раба вашего, Тописа.

— Тописа?... Да мы съ нимъ, кажется, разсчитались по условію?... А впрочемъ, хорошо не припомню. Онъ такъ скоро умеръ!... Самъ виноватъ, если что-нибудь осталось за мною. Я любилъ его какъ друга, какъ роднаго брата....

— Какъ-скоро вы, солнце-любимый царь, благоволите такъ милостиво вспоминать о вѣрномъ слугѣ своемъ, то мы этимъ уже удовлетворены сполна. Позвольте повергнуть къ стопамъ вашимъ все золото, которое мы дерзнули отвѣсить себѣ.

— Встань, мой сынъ!.... встань! вскричалъ мудрый царь Амосисъ съ необычайною живостью, происшедшею отъ избытку внезапной радости. Дай обнять себя!.. Ты еще ничего не промоталъ изъ этого золота?... Поди сюда!... я хочу прижать тебя къ моему сердцу... Я не ошибся въ тебѣ: ты—истинный сынъ моего вѣрнаго и незабвеннаго друга Тописа... Великій былъ человѣкъ!... Такъ золото еще цѣло?... Вотъ это умно! Люблю мудрыхъ и дальновидныхъ людей.... Боги внушили мнѣ простить тебя въ счастливый часъ... Микерія! нравится ли тебѣ этотъ молодецъ?

— Батюшка, скромно произнесла луно-любимая царевна: вы знаете, я всегда желала посвятить жизнь свою служенію святымъ жертвенникамъ, совершенствованію себя въ завѣтной мудрости, которой мы, по нашему сану, обязаны являться зеркаломъ и примѣромъ для всего свѣта, и уединенному созерцанію ея глубокихъ истинъ въ тишинѣ храмовъ. Въ мудрости сказано: число 1 — совершенство, прямая линія, истина, радость, согласіе; а число 2 — несовершенство, кривая линія, ложь, ссора, война, супружество...

— Пустое! весело перервалъ мудрый царь Амосисъ: въ супружествѣ, неблагополучное число 2 не долго преобладаетъ: черезъ годъ будетъ 3, а это—треугольникъ и, опять, совершенство. Потомъ, пойдетъ 4, еще большее совершенство... квадратъ, душа моя!... знаешь ли, что̀ значитъ квадратъ?... великое блаженство! Квадратъ—вовсе не дурно! Я—земное солнце, фараонъ, центръ всей подлунной мудрости съ дѣдовъ и прадѣ-

довъ, и лучше твоего понимаю, какой родъ мудрости нуженъ молодой дѣвушкѣ.

— Но я боюсь, продолжала царевна, потупивъ глаза: чтобы со мною не сбылась притча о двухъ капляхъ воды.

— А въ чемъ состоитъ притча о двухъ капляхъ воды? важно спросилъ мудрый царь Амосисъ.

— Въ книгахъ мудрецовъ сказано, отвѣчала царевна Микерія, что, въ глубокой древности, вскорѣ послѣ царствованія, на пустынной еще землѣ, святыхъ бытій, прозванныхъ впослѣдствіи богами, — когда еще не было рукозданныхъ храмовъ и стопа человѣка, только-что начинавшаго собираться въ племена, еще не вездѣ измяла первые и самые блестящіе цвѣты природы, и рука его еще не расхитила богатствъ, щедро разсыпанныхъ по лицу странъ,—у первыхъ пороговъ Нила, тамъ, гдѣ проходитъ тропическій кругъ и лежитъ, теперь плоскій, островъ Филои, возвышалась огромная яхонтовая гора, а въ горѣ той была большая пещера, чудно освѣщенная мерцаніемъ алмазовъ, изумрудовъ, аметистовъ и опаловъ, покрывавшихъ ея стѣны и своды, а въ пещерѣ той великая богиня Изида, поставивъ свое изображеніе изъ чистѣйшаго золота, учредила первый храмъ и первыя Таинства, желая исполнять при нихъ сама должность верховной жрицы для наставленія людей. Въ сводѣ пещеры находилась непримѣтная трещинка, и, съ сотворенія земли, двѣ крупныя капли влаги, тихо сочившейся изъ нѣдръ яхонта, двѣ свѣтлыя и святыя сестрицы, падали на полъ, въ ямку, вы-

долбленную ими въ глыбѣ горнаго хрусталя у самыхъ ногъ статуи, образуя передъ нею природную чашу очистительной воды. Одной изъ двухъ капель, наконецъ, показалось это занятіе слишкомъ однообразнымъ и вялымъ. Она сказала своей подругѣ: «Что мы тутъ вѣчно тащимся одна за другою? Это скучно!» — Не говори этого, сестрица! отвѣчала другая капля: грѣхъ молвить такія слова! Мы, напротивъ, должны почитать себя слишкомъ счастливыми, что судьба помѣстила насъ подъ этимъ тихимъ и уединеннымъ сводомъ. Должность наша велика и свята: въ праздникъ великой богини она благоволитъ умывать нашею водою свой жертвенникъ и ноги своей статуи. Мы здѣсь видимъ всю мудрость ея неисповѣдимыхъ Таинствъ; мы въ нихъ участвуемъ, мы служимъ алтарю сестры и супруги Озириса: такой чести можетъ позавидовать намъ все его твореніе! — «Какъ тебѣ угодно, сказала первая капля: а это очень скучно! Виси по цѣлымъ часамъ, подъ этимъ сводомъ, откуда ввѣкъ не увидишь ни солнца, ни луны, наливайся, дрожи, напрягай свои бока и — потомъ что? — кань смиренно въ ямочку! Велика потѣха! Слышишь ли какъ шумитъ Нилъ? какъ онъ клокочетъ между гранитами? какъ гордо толкаетъ скалы? какъ весело катается по нимъ каскадами, въ этихъ порогахъ? Въ другихъ мѣстахъ, говорятъ, онъ, разлившись въ гладкомъ, покойномъ руслѣ, торжественно течетъ свѣтлымъ и широкимъ зеркаломъ: солнце, луна и звѣзды глядятся въ немъ съ наслажденіемъ; днемъ ходитъ въ золотѣ, ночью спитъ въ серебрѣ. Великій Океанъ съ нетерпѣніемъ ждетъ прибытія прекрасной

рѣки въ свои хрустальные чертоги и, съ восторгомъ, принимаетъ славную невѣсту въ исполинскія объятія. Нилъ счастливъ!... Путники изъ дальнихъ странъ бѣгутъ любоваться на него какъ на диво. Племена, которыхъ земли потопляетъ онъ ежегодно своими струями, разнося по нимъ плодородіе, строятъ ему храмы и поклоняются какъ богу. А чѣмъ онъ лучше насъ? Что̀ такое Нилъ, скажи пожалуйста? откуда онъ взялся? изъ чего такъ выросъ?... Изъ такой же капли воды, какъ мы съ тобой, любезнѣйшая сестрица! Вотъ мы служимъ великой богини уже слишкомъ семьдесятъ тысячъ лѣтъ: какую мы за это получили награду? Неужели не можетъ она, за наше вѣрное служеніе, сдѣлать насъ рѣками? Попросимъ ее, сестрица!» — Нѣтъ, я не желаю быть рѣкою, сказала другая капля. Злой Тифонъ усѣялъ землю коварствомъ и горемъ. Свѣтъ наполненъ опасностями и бѣдами. Внѣ тихой ограды храма, куда гадкое начало зла не смѣетъ проникнуть, нѣтъ настоящаго счастія. Я люблю уединеніе, благочестіе и мудрость. Я боюсь оскверненія. Хочу быть всегда чиста. Я останусь здѣсь, и буду служить великой богинѣ. — «А я хочу въ свѣтъ! возразила первая капля: хочу жить, шумѣть, прыгать, кататься на волнахъ, отражать солнце, луну и звѣзды, одѣваться въ золото и серебро, шевелить твердыя скалы, рвать преграды, потоплять обширныя страны и, восторжествовавъ надъ всѣмъ, броситься въ объятія моря, успокоиться и блаженствовать на его могучей груди. Хочу, чтобы меня видѣли, чтобъ всѣ удивлялись моей красотѣ, чтобы мнѣ поклонялись, обожали, боготворили ме-

ня; когда я милостива, — чтобъ свѣтъ былъ веселъ и счастливъ; когда я не въ духѣ и уменьшаю мои благодатныя струи, — чтобъ онъ былъ въ отчаяніи.... Великая богиня! услышь мое горячее моленіе: пусти меня въ свѣтъ и позволь сдѣлаться рѣкою!» Богиня услышала честолюбивую каплю и тотчасъ исполнила ея желаніе. Недовольная своей завидною судьбою капля, прямо съ яхонтоваго своду, упала далеко отъ святой пещеры въ траву. Она тотчасъ начала шевелиться, силясь двинуться впередъ. Бѣдный муравей попался ей на встрѣчу: она потопила его и, гордая этимъ первымъ подвигомъ, пошла далѣе, стараясь прибирать къ себѣ справа и слѣва серебряныя капли росы, висѣвшія подъ листочками травъ. Вотъ ужъ она сильнѣе стакана воды. Изъ-подъ камня вытекаетъ тоненькая струйка: она приманиваетъ ее и, подцѣпивъ, тащитъ съ собою. Нѣсколько другихъ струекъ попадается ей на пути: она уже силою захватываетъ ихъ; и вотъ наша капля — ручеекъ. По ней плывутъ сухіе листья и даже сучьки. Лягушки приходятъ въ ней купаться. Нубійская царевна, которой загородила она дорогу, принуждена поднять свою золотую юбку и брести въ водѣ черными ножками по самыя лодыжки. «Вишь, какъ она высоко поднимаетъ юбку!... меня уже боятся!» думаетъ про себя капля съ тщеславною радостью. Ручейку, на дальнѣйшемъ пути, удается покорить себѣ десятокъ ручейковъ поменьше и добиться до величины рѣчки. Капля слышитъ, что въ Эѳіопіи рѣчкамъ привольно, потому что весною падаютъ тамъ сильные дожди. Она поворачиваетъ на югъ. Солнце жжетъ, палитъ, сушитъ ея ску-

ную водицу; песокъ гложетъ ее со всѣхъ сторонъ; стаи птицъ и дикихъ звѣрей расхищаютъ послѣдніе ея запасы; однако жъ, съ горемъ, съ болью, сквозь тысячу бѣдъ и опасностей, тощая, оборванная, нищая, доползла она до обѣтованной страны. Тамъ долго еще ждала она подаянія отъ скупыхъ облаковъ. Наконецъ собрались тучи, и полилась со страшною силою небесная вода: въ три дня, наша капля поднялась горою, сдѣлалась потокомъ, и, съ шумомъ, выступила изъ береговъ. «Вотъ я сейчасъ наводню собою всю Эѳіопію», думаетъ она: «расточу по этой пыльной землѣ сокровища плодородія; люди воздвигнутъ мнѣ алтари, и я попаду въ славныя богини.» Дожди льются. Воды стремятся со всѣхъ возвышеній къ счастливой каплѣ. Потокъ ея клокочетъ еще страшнѣе Нила у сіенскихъ пороговъ: она мчитъ камни, рветъ деревья съ корнемъ, разрушаетъ насыпи, вторгается внезапно въ ближайшія долины и стелется по нимъ широкими озерами. Ночью потопила она улусъ бѣдныхъ негровъ, которые безпечно спали у своего роднаго источника, не ожидая подобнаго посѣщенія; на другой день похитила стада богатаго племени; далѣе, снесла нѣсколько деревень, и даже залила одинъ городокъ. Она достигла цѣли своихъ желаній. Но счастлива ли она?... Юрты, бараны, верблюды, мертвыя человѣческія тѣла, плаваютъ по ея мутной и грязной поверхности, но, изрѣдка только, гдѣ-нибудь въ лужѣ, оставленной за скалою, удастся ей отразить солнце, луну или одинокую звѣздочку. Люди и звѣри, съ ужасомъ, съ омерзеніемъ, бѣгутъ ея какъ злаго духа. «Ничего! говоритъ капля: я скоро доплыву до ве-

ликаго моря. То-то удивится! Какое будетъ торжество!... какъ море обрадуется прибытію юной и богатой супруги, посылаемой ему судьбою! какъ оно будетъ весело! Всю эту дрянь, что плыветъ на моихъ струяхъ и заражаетъ ихъ, я подарю его золотымъ рыбамъ, которые станутъ благословлять меня. Конецъ концовъ, рыбы умнѣе людей!» Утѣшивъ себя этими лестными размышленіями, она гордо стремится впередъ. Но море далеко, пустыни велики, пески голодны, солнце могущественно. Чѣмъ далѣе подвигаетъ она свой потокъ, тѣмъ примѣтнѣе уменьшаются его воды. Потомъ, приходитъ лѣто и начинаетъ дуть знойный, удушливый хамсинъ: въ три дня изсякли источники, раскаленная земля запылилась, воды улетѣли въ воздухъ или ушли въ нѣдра земли. Изъ страшнаго потока осталась снова только одна капля, въ сырой и темной дирѣ подъ камнемъ. Вмѣсто воздаянія божескихъ почестей, люди прокляли ея память. Змѣя, умирающая отъ жажды, приползла къ ней медленно, устрѣмила въ нее свой ядовитый взоръ и уже высунула скверный языкъ, чтобы поймать и проглотить. Капля ужаснулась, и закричала съ отчаяніемъ: «Великая богиня! спаси свою старинную служительницу отъ этого лютаго гада!... возврати меня въ тихую и безопасную ограду твоего святаго храма! смилуйся надъ бѣдною каплею!.... не хочу быть рѣкою....» Милосердая Изида не оставила несчастной странницы: въ одно мгновеніе, съ краю заслуженной погибели, грѣшная капля, прощенная и очищенная волшебствомъ ея отъ всѣхъ оскверненій, была перенесена снова въ яхонтовую пещеру, и

повисла подъ мерцающимъ сводомъ, среди изумрудныхъ и опаловыхъ кристалловъ. «Гдѣ же моя добрая, благочестивая сестрица?» спросала у нихъ честолюбивая жертва мірской суеты: я нигдѣ не вижу ея!... что съ нею сталось?.... развѣ и она также пошла удивлять свѣтъ собою?»—Нѣтъ, она здѣсь, отвѣчали разноцвѣтные сосѣди: за свое смиреніе, за свою вѣрность алтарю, она получила удивительную награду! — Дѣйствительно, въ отсутствіе вѣтренной подруги, оставшаяся подъ яхонтовымъ сводомъ скромная капля воды сгустилась, отвердѣла, и стала великолѣпнымъ алмазомъ. Въ эту минуту она уже сіяла дивнымъ блескомъ на челѣ золотой статуи Изиды. Богиня, сама, своей безсмертною рукою, украсила ею свое святое изображеніе. Повѣствуютъ, о! солнце-любимый царь-батюшка, что это — тотъ же самый знаменитый алмазъ, который еще и въ нынѣшнее время озаряетъ таинственную темноту святилища великой богини въ главномъ храмѣ острова Филои, воздвигнутомъ нашими великими предками на мѣстѣ яхонтовой горы, разломанной и расхищенной нечестивыми Нубійцами при царѣ Менесѣ. Золотая статуя съ алмазомъ, говоритъ мѣстное преданіе, была унесена Изидою на небо и, впослѣдствіи, явилась сама въ рукозданномъ храмѣ.

— Въ этой притчѣ, сказалъ солнце-любимый царь Амосисъ, когда прекрасная Микерія кончила разсказъ: въ этой притчѣ.... содержится великая мудрость!... Уединеніе и созерцательная жизнь въ безмятежной тишинѣ храмовъ.... по-истинѣ.... дѣло не дурное! Боги всегда награждаютъ своихъ вѣрныхъ поклонниковъ,

стремящихъ къ мудрости и совершенству. Но.... какая же цѣль твоей притчи?... Изъ твоего разсужденія я заключаю, что, коротко сказать, этотъ молодецъ тебѣ не нравится и что ты рѣшительно хочешь....

– Этого я не сказала, батюшка! быстро подхватила луно-любимая царевна Микерія-Нильская-Лилія: я только желала вамъ представить, что настоящее совершенство — единица, что она – символъ разума, которымъ люди должны руководствоваться, и что число 2....

— Поэтому ты и хочешь остаться на всю жизнь единицей? перервалъ мудрый царь Амосисъ. А я, такъ въ свою очередь боюсь, чтобы съ тобою не сбылась притча о томъ, какъ нѣкогда изъ единицы вдругъ вышло два!

– А въ чемъ же состоитъ, съ любопытствомъ спросила царевна, притча о томъ какъ изъ единицы сдѣлалось два?... Я нигдѣ ея не читала.

— Ты и не могла читать ея, отвѣчалъ мудрый царь Амосисъ: потому что она писана въ глубочайшей древности самыми старинными иероглифами, которыхъ смыслъ теперь потерянъ. Не знаю даже, поймешь ли ты ее: ужасно глупомысленная!... Сущность ея основана на томъ, что, примѣромъ сказать, у палки два конца. Это — самая высокая мудрость, самая завѣтная тайна, которая открывается только намъ, фараонамъ, земнымъ солнцамъ, и одни мы хорошо ее понимаемъ. Но я могу дать тебѣ приблизительное понятіе объ этой удивительной истинѣ. Слушай меня хорошенько. Палка - единица: не правда ли? Но если бы она была совершенная единица, то двухъ концовъ не могло бы суще-

ствовать у нея!... У совершенной единицы долженъ быть только одинъ конецъ. Такъ ли?... Зачѣмъ же у палки два конца? Затѣмъ, что она, собственно, состоитъ изъ двухъ палокъ. Найди середину ея тяжести и положи ее этимъ мѣстомъ на своемъ пальцѣ: она не перевѣсится и не упадетъ ни въ ту ни въ другую сторону. Одна половина палки совершенно равновѣсна и равносильна другой половинѣ. Значитъ, тутъ — не одна палка, а двѣ, совершенно равныя, и онѣ только соединены, слиты другъ съ другомъ, двумя концами, обращенными внутрь, тогда два внѣшніе конца остаются свободными. Значитъ, у всякой палки, по-настоящему, четыре конца, а не два. Видишь, какъ это глубоко! Тайны мудрости боговъ неисповѣдимы.... Простымъ глазомъ мы видимъ только два конца у палки, но, умственнымъ окомъ, мудрецъ видитъ ихъ ровно четыре, и тогда-то понимаетъ онъ, какимъ образомъ развились изъ единицы всѣ прочія числа и какъ дѣйствовали бытія при созданіи всего существующаго. Всякая единица состоитъ, слѣдовательно, изъ двухъ единицъ. Этого для тебя довольно. Теперь можешь слушать притчу. До проявленія Озириса и Изиды и сотворенія міра, существовалъ, какъ тебѣ извѣстно, только одинъ Разумъ. Въ Разумѣ заключалась Воля. Они составляли единицу. Разумъ былъ одинъ конецъ палки, а Воля другой, или, всё-равно, двѣ палки, слитыя въ одну. Они не могли никакъ перевѣсить другъ друга, и оба оставались въ бездѣйствіи: въ пространствѣ не создавалось ничего!... Разуму надоѣло это положеніе. «Отдѣлюсь я, думаетъ онъ про себя однажды, отъ этой упрямой Воли! Я — разумъ, у меня

есть разныя чудесныя соображенія. Мнѣ стóитъ только быть совершенно свободнымъ: и стану я созерцать да думать, и приведу всю мудрость въ дѣйствіе, и сострою нѣчто удивительное. Но здѣсь я никакъ не останусь: насъ будетъ двое, родится число 2, начало зла, лжи, кривизны, несовершенства, ссоры; оно все мнѣ перепортитъ. Я полечу вдаль по безпредѣльной тьмѣ, чтобъ всегда быть единицей и дѣйствовать во всемъ съ полнымъ единствомъ.» Въ то же время, Воля точно также разсуждала съ своей стороны. «Я—воля, говоритъ она себѣ тихомолкомъ: у меня—бездна прихотей, однѣ затѣйливѣе другихъ. Зачѣмъ мнѣ вѣчно корпѣть здѣсь съ этимъ тяжелымъ Разумомъ? И я тоже полечу себѣ вдаль по тьмѣ.... съ нимъ ужъ, конечно, не останусь!... явится число 2, будетъ бѣда!... Тамъ, стану я дѣйствовать по моему произволу, исполнять всѣ свои капризы, и мнѣ будетъ весело. Гдѣ-нибудь, въ удобномъ мѣстѣ, я создамъ такія чудеса, которыя Разуму и во снѣ не снились.» Какъ они составляли единицу, то, чтобы понять другъ друга, договоры и объясненія были не нужны. «Ну, такъ разойдемся!» сказали оба они въ одно слово. - Ты погнись немножко вотъ въ эту сторону, присовокупилъ Разумъ: я сдѣлаю то же, и мы переломимся. - Отъ перваго соединеннаго усилія, великая единица лопнула. Разумъ и Воля разорвались, и Воля тотчасъ помчалась. Отлетѣвъ на нѣкоторое разстояніе, она однако жъ оглянулась назадъ: ей желательно было удостовѣриться, въ которую сторону отправился Разумъ, чтобы съ нимъ опять гдѣ-нибудь не столкнуться. Смотритъ она, и видитъ—чтó это такое?—Разумъ не трогается съ мѣста!

Она возвратилась къ нему, и спрашиваетъ: «Зачѣмъ ты лежишь здѣсь?... ты хотѣлъ летѣть вдаль!» — Не могу пошевелиться, сестрица!... воли ни какой во мнѣ не имѣется. Толкни меня, пожалуйста, хорошенько!» Воля дала ему толчекъ изо всей мочи, и Разумъ полѣтѣлъ во тьмѣ, по направленію пространства, а Воля полетѣла по направленію времени. Простанство и время, любезнѣйшая дочь моя — тѣ же два конца одной палки. Прошли вѣка: Воля много напроказничала; она, по-минутно, то создавала какой-нибудь странный міръ, то уничтожала его, то починивала полу-разрушенный, то бросала неконченный и начинала новый. Послѣ безчисленныхъ опытовъ, въ которыхъ не было ни какого толку, умолившись, пожелала она посмотрѣть, какъ дѣйствуетъ Разумъ, по какимъ законамъ производитъ онъ постройку міровъ въ своей сторонѣ. Она полетѣла по направленію пространства и, вскорѣ, нашла Разумъ. «Что это? вскричала Воля съ крайнимъ изумленіемъ: ты спишь? ты ничего не сдѣлалъ?... ты же хотѣлъ развернуть всю мудрость, созерцать, думать, выдумывать, сочинять удивительное!» — Ничего не думается, сестрица! печально отвѣталъ Разумъ: не знаю, о чемъ и думать!... нѣтъ ни какого желанія! Пока составляли мы единицу, ты разсуждала мною, разумомъ, я желалъ тобою, волею: мы разошлись, и мнѣ ровно ничего не хочется безъ тебя: а ты, я думаю, ничего безъ меня не смыслишь?... Вотъ и начало зла, сестрица! Міръ еще не созданъ, а зло уже создалось само собою. Я обдумалъ одно только, а именно, что мы очень не хорошо сдѣлали, уничтоживъ нашъ союзъ. Какъ бы мы теперь

не удалялись другъ отъ друга, мы уже — двое, число 2 родилось, и зло существуетъ. Будемъ ли бѣгать или искать другъ друга, это дѣла не исправитъ: зло во все будетъ вмѣшиваться, потому что я и ты 2. — Смотри, дочь! сказалъ мудрый царь Амосисъ, глядя въ глаза царевнѣ: смотри, чтобы и твой разумъ, лишась воли и всѣхъ желаній, не заснулъ въ безднѣйствіи!... чтобы уединеніе, о которомъ ты столько мечтаешь, не сдѣлалось для тебя источникомъ скуки и горя: зло, съ тѣхъ поръ, присутствуетъ въ мірѣ повсемѣстно.. .

– И нѣтъ средства оградить себя отъ него? спросила царевна.

– Какъ не быть средству! отвѣчалъ мудрый царь Амосисъ. На то — мудрость! Надо поступить такъ, какъ поступили Разумъ и Воля послѣ неудачнаго опыту жить въ уединеніи.

– Какъ же они поступили, батюшка?

– А вотъ какъ, любезная дочь моя, Микерія-Нильская-Лилія. Когда Разумъ сказалъ Волѣ, что число 2 уже создалось изъ единицы и необходимо будетъ примѣшиваться ко всему, Воля, точно такъ же какъ и ты, спросила: «Какъ же быть? развѣ нѣтъ средства оградиться отъ зла?» — Одно только есть средство, любезнѣйшая сестрица, отвѣчалъ Разумъ, если не совсѣмъ оградится, по-крайней-мѣрѣ уменьшить его дѣйствіе, и оно состоитъ въ томъ, чтобы мы жили вмѣстѣ, какъ подобаетъ числу 2, и общими силами произвели 3, которое пополнитъ насъ и составитъ треугольникъ, новое и еще высшее совершенство. — «Какъ же это сдѣлать, любезнѣйшій братецъ?... я готова! сказала Воля: научи!»

—Съ моимъ удовольствіемъ, продолжалъ Разумъ: я буду мужъ, а ты будь жена, и мы произведемъ чадо.—«Что же это будетъ за чадо?» спросила Воля. — Это будетъ Любовь, сказалъ Разумъ: безъ Любви міра создать не возможно; одна она можетъ умѣрить и усладить зло, нераздѣльное съ условіями существованія. Мы, конечно, будемъ съ тобой иногда ссориться, потому что мы 2, двѣ единицы, но Любовь примиритъ насъ, и все пойдетъ ладно. Когда, черезъ рожденіе Любви, создастся число 3, то 3 да 1, (наша первоначальная единица) произведутъ 4, квадратъ; 3 да 2 составятъ 5, половину десятка; 4 да 2 дадутъ 6, или кубъ, и можно будетъ тотчасъ приступить къ созданію міра на правильныхъ и твердыхъ законахъ. Изъ этихъ первоначальныхъ чиселъ разовьются всѣ прочія. Нужна только Любовь!.. Пріймемся, сестрица, за дѣло. — «Изволь, сказала Воля: я люблю всякую новость и не прочь отъ опыту.» Разумъ и Воля поцѣловались, и родилась Любовь (*).

— Удивительная притча! сказала луно-любимая царевна Микерія-Нильская-Лилія. Великая мудрость скрывается въ ея словахъ!

— Да! примолвилъ солнце-любимый отецъ: мудрость любви — великая мудрость!... Тебѣ слѣдовало бы изучать ее предпочтительно.

— Я уже немножко знаю ее.

— Какъ такъ?

— Я привыкла всегда слѣпо повиноваться вашей волѣ, прошептала краснѣя луно-любимая царевна Микерія-Нильская-Лилія.

(*) Eros — Орфическихъ Таинствъ.

— Дѣло! воскликнулъ царь, и оборотился къ незнакомцу: — Видишь, любѣзнѣйшій; какая у меня умница дочь?... Вотъ она тебѣ — жена, пособѣту моему безсмертнымъ богамъ. Какъ твое имя?

— Апопи.

— Да будетъ произнесено въ счастливый часъ.... Ну, Апопи, мой высокостепенный зять! садись теперь передо мною и разсказывай, безъ утайки, какъ ты умудрился чтобы пробраться въ мои недоступныя кладовыя, кто былъ этотъ человѣкъ безъ головы, и прочее.

Апопи началъ разсказывать съ совершенною откровенностью. Царь, слушая его, поминутно вскрикивалъ: — Удивительно!... удивительно! — и, въ заключеніе, объявилъ торжественно, что, послѣ него, Апопи — дѣйствительно — самый остроумный изъ всѣхъ Египтянъ, которые, какъ извѣстно, остроумнѣе всѣхъ народовъ въ мірѣ.

— Но вотъ чего я не понимаю въ твоемъ поведеніи! присовокупилъ мудрый царь Амосисъ: ты зналъ, по слухамъ или по предчувствію, что я желаю наказать тебя примѣрно и нещадно: какъ же осмѣлился ты прійти ночью, впотьмахъ, одинъ, въ мой дворецъ, въ мой страшный Лавиринтъ, чтобы дерзко тщеславиться своими хитростями передъ собственною моей дочерью? Очень умно ты предугадалъ, что моя луно-любивая дочь дѣйствуетъ по моему наставленію, и, слѣдственно, могъ быть увѣренъ, что, въ мѣстѣ безъ выходу и безъ всякой возможности къ скорому побѣгу, тщеславіе твое неминуемо кончится для тебя погибелью; что тутъ нѣтъ спасенія...

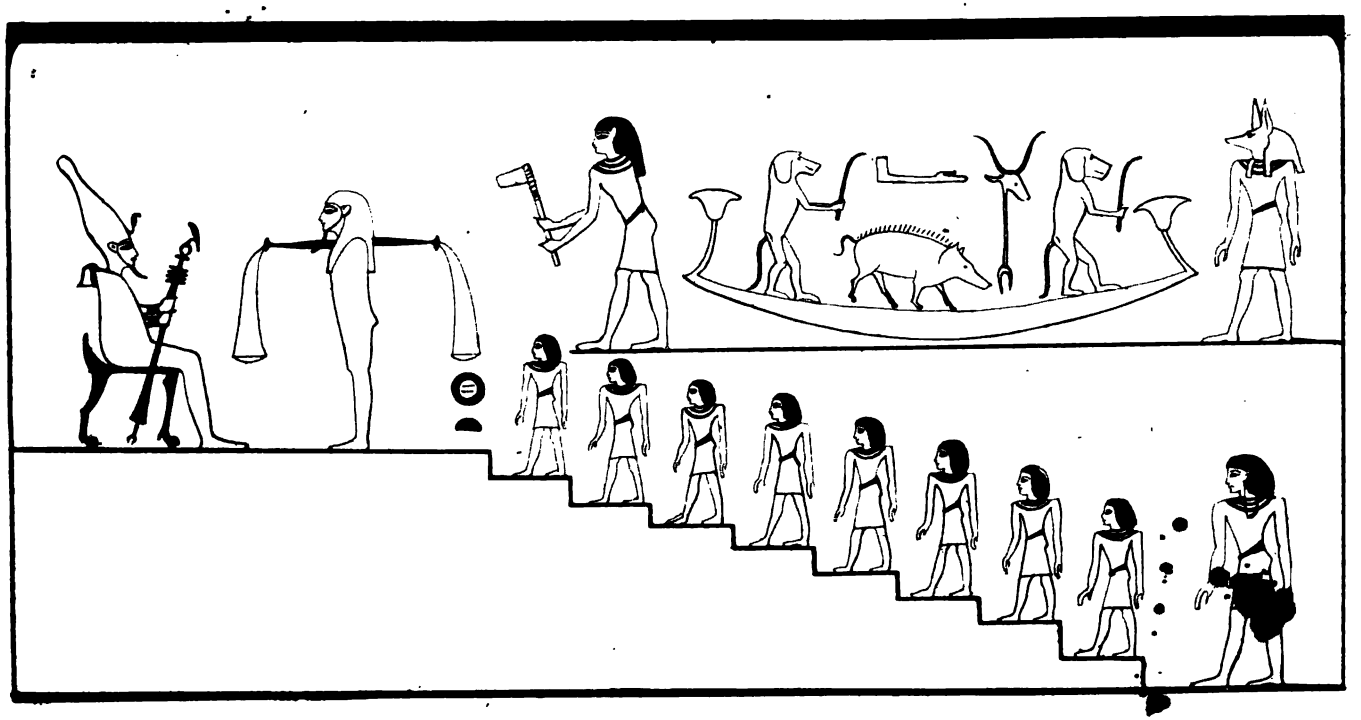
— Послѣ утренней попытки, отъ которой не предвидѣлось ни какой особенной бѣды, скромно отвѣчалъ Апопи: я сообразилъ въ ничтожномъ умѣ своемъ, о! мудрый царь, что когда женское любопытство возбуждено до такой степени, что молодая дѣвушка согласна удовлетворить его съ глазу на глазъ безъ дневнаго Ока, такъ тутъ не предстоитъ большой опасности разсказчику: въ нужномъ случаѣ, сама она спасетъ его.

— Правда! воскликнулъ мудрый царь глубокомысленно: правда!... женское любопытство!... совершенная правда!... Эхъ, Тифонъ возьми! я — центръ всей подлунной мудрости, и не сообразилъ такой простой вещи!... простой до глупости!... Вспало же мнѣ на разумъ довѣрить успѣхъ своего дѣла распаленному женскому любопытству!... Оно-то и есть число 2, источникъ всего зла въ мірѣ. Нѣтъ, ты остроумнѣе даже самого меня, который, безспорно, остроумнѣе всѣхъ Египтянъ, которые... какъ это ужъ доказано... самый остро-
. . . . . (*) аслуживаетъ замѣчанія
. . . . . ста.... вмѣсто.... нѣкоторымъ обра-
. . . . . орѣ послѣ великолѣпной свадьбы
. . . . . амой счастливой жизни
. . . . . дѣти . . . . . .
. . . . . альнѣйшіе
. . . . . лупости
. . . . . не стоитъ говорить
. . . . . вскорѣ послѣ кончины мудраго царя Амо-

(*) Въ этомъ мѣстѣ начинаются большіе пропуски, достойные всего нашего сожалѣнія. Конецъ папируса истлѣлъ отъ времени, а уцѣлѣвшія части изорваны въ лоскутки варварскими руками.

. . . . . великое прискорбіе и неуто-
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . скончалась . . . . . .
. . . . . судъ страшнаго Озириса
. . . . . идно на двухъ приложенныхъ картинкахъ . . .
. . . . . нь любопытно
. . . . . драго царя Амосиса представляетъ Озирису самъ Аймунъ-Ра, Невидимое Солнце, а Анубисъ-Душеводъ вѣситъ на вѣсахъ его добрые и злые дѣл . . . . . .
необыкновенною строг. . . . . .
за Озирис . . . . . .
стоитъ Изид . . . . . .
было бы . . . . . .
скуч . . . . . на другой
. . . . . Озирисъ сидитъ
. . . . . главный намѣстникъ
. . . . . ря Амосиса въ образѣ муміи
. . тотъ самый Апопи . . . . . грѣхи положены на вѣсы
. . . . . плечи. Адскіе духи на ступеняхъ
. . . . . рубитъ голову грѣшнику
. . . . . въ Аменти . . . . . .
. . . . по закону душепереселенія . . . . . .
. . . . . душу намѣстника мудраго Амо . . . . . .
. . . . . обратно везутъ на зем . . . . . .
. . . . . въ образѣ нечист . . . . живот . . . .
. . . . . и проч. . . . . .

БАРОНЪ БРАНБЕУСЪ.



Stanford University Libraries
3 6105 124 446 787

PG
3314
A6
1862

Stanford University Libraries
Stanford, California

Return this book on or before date due.